

ЛУННЫЙ АД

ДЖОН
КЭМПБЕЛ

ЛУННЫЙ АД

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

ДЖОН
КЭМПБЕЛ

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

JOHN
CAMPBELL

ДЖОН КЭМПБЕЛ

Лунный ад

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
К98

Серия основана в 2001 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.09.2001.
Формат 84×108¹/32. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,60. Доп. тираж 3000 экз. Заказ 3111.

Кэмпбел Дж.

К98 Лунный ад: Повести, рассказы; Пер. с англ. / Дж. Кэмпбел. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 629, [11] с. — (Классика мировой фантастики).

ISBN 5-17-005860-8

Джон Вуд Кэмпбел по праву считается одной из значительнейших фигур «золотого века фантастики». Сам он написал немного — зато стал «литературным отцом» Айзека Азимова, Лайона Спрэг де Кампа, Лестера дель Рея, Пола Андерсона — и еще многих, многих авторов, что теперь признаны абсолютными классиками жанра, но в свое время буквально выросли под крылом редактировавшего Кэмпбелом журнала «Поразительная научная фантастика» Журнала, который, что называется, создал «стиль и почерк» классической американской фантастики — однако почти не оставил Кэмпбелу времени для самостоятельного творчества. Почти... потому что лучшее из кэмпбеловского наследия и сейчас воспринимается так, словно было создано еще вчера. Примеров тому достаточно, но самый яркий из них — повесть «Нечто». Хотя бы потому, что фильм, снятый по ней, смотрел — и продолжает смотреть — весь мир.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

© Предисловие. А. Балабуха, 2001
© Перевод. Г. Подосокорская, 2001
© Перевод. К. Плешков, 2001
© Перевод. И. Хохлова, 2001
© Перевод. Я. Забелина, 2001
© Перевод. С. Сенагова, 2001
© Перевод. М. Райнер, 2001
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2001

ISBN 5-17-005860-8

ПРОРОК ЗОЛОТОГО ВЕКА, или ДЕЛАТЕЛЬ КОРОЛЕЙ

*...вот еще один философ:
– Что сидишь, как дикий зверь?
Плюнь, да веруй – без вопросов!
– В «Гунияди»?
– Гунияди? Кто такой?
Не немецкий ли святой?
А, для спасения души
Все святые хороши!*

Саша ЧЕРНЫЙ

I

Как подметили мудрые историографы, ни один век никогда еще не начинался ни в годы, по нашему счету заканчивающиеся двумя нулями (во что искренне верит большинство), ни в те, что завершаются нулем с единицей (в чем убеждена высоколобая компонента ортеговских масс). Увы, магия чисел, эта незаконная дочь любви к арифметике, во все времена умела подшутить над легковверными. Вот, например, в 1492 году сотни тысяч (а иные утверждают – миллионы) европейцев пребывали в ожидании очередного конца света. Истово верующие раздавали нажитое неимущим, ложились во гробы и вперяли алчущий взор в небеса, ожидая, когда же те наконец разверзнутся. Основание к тому было у них самое что ни на есть наисерьезнейшее: согласно византийской хронологии, ведущей отсчет со дня сотворения мира, кое, как известно, имело быть 1 сентября 5508 года до Рождества Христова, лето Господне 1492-е знаменовало собой завершение седьмого тысячелетия. Увы, конец све-

та, как нетрудно догадаться, так и не наступил. Зато (ирония миллениаризма!) благородный адмирал Моря Океана и вице-король всех новооткрытых земель дон Кристо-баль Колон, генуэзец на службе короны Арагона и Кас-тилии, осчастливил мир открытием заокеанского мате-рика, получившего название Нового Света...

И все-таки круглые числа властно влекут своей мни-мой значимостью. Ну разве важно, что XX век наступил летом четырнадцатого года, а приход его приветствовал не феерический лондонский фейерверк, но сараевские выстрелы студента-хорвата Гаврилы Принципа? Одна-ко, если взглянуть под таким углом, герой нашего сего-дняшнего разговора – Джон Вуд Кэмпбел-младший, аме-риканский писатель и редактор, родившийся в Ньюар-ке (штат Нью-Джерси) в 1910 году, – являлся челове-ком еще XIX столетия, одного из самых поразительных на всем протяжении письменной истории.

Он оказался чрезвычайно протяженным, этот минув-ший век, – историки спорят, что именно положило ему начало: то ли победа тринадцати колоний в Войне за не-зависимость, обернувшаяся рождением Соединенных Штатов Америки, то ли созыв в Париже Генеральных Штатов, обернувшийся Великой Французской револю-цией (кое-кто, правда, усматривает в обоих событиях теснейшую взаимосвязь и даже взаимообусловленность; впрочем, не стоит углубляться в эти историософские де-бри – хоть и маячат они на горизонте, однако далеко в стороне от нашего пути). Да и вообще, интерес представ-ляет не столько сама по себе презревшая хронологи-ческие рамки привольная раскинутость XIX столетия, сколько его дух – ведь никто из нас не входит в следу-ющий век, очищаясь в новогодье до состояния *tabula rasa*; напротив, в полном соответствии с цicerоновым *omnia mea mecum porto*, весь доставшийся по наследст-ву и нажитый собственными трудами скарб мы рачи-тельно прихватываем с собой.

Кстати, о Французской революции. Помимо первым делом приходящих на память доносов и гильотин, вве-дения в обиход столь родного нам оборота «враг наро-да», массовых убийств аристократов и священников, а также всяческих комитетов общественного спасения и якобинских клубов, было еще два новшества, причем

из числа самых ранних. Во-первых, это собственный революционный календарь, знаменовавший собой вступление в принципиально новую эру; а во-вторых – культ Разума, коему надлежало заменить собой упраздненное христианство. На последнем стоит остановиться особо, ибо родилась идея отнюдь не на пустом месте – она закономерно завершала XVIII столетие, век Просвещения, эпоху, сотворенную богониспровергающими усилиями Вольтера, Руссо, Дидро и иже с ними.

Попытка заменить классическую религию неким секулярным, светским суррогатом оказалась, прямо скажем, слишком радикальной, а потому, естественно, провалилась. Однако в каком-то смысле она предвосхитила процессы, определившие одну из генеральных линий развития всего XIX века: неуклонно нарастающий атеизм рождал в умах и душах торичеллиеву пустоту. Даже слыхом не слыхавшие о Тургеневе соглашались с базаровским тезисом, что природа не храм, но мастерская, однако в мастерской этой почему-то неудержимо тянуло молиться. А поскольку свято место пусто не бывает, в ней без особого труда поселились две конфессии секулярной религии Разума – религия искусства и религия науки. Нет Бога, кроме Прогресса, а художник с инженером – пророки его. Человек-творец занял место святых, блаженных и великомучеников: по аналогии с христианскими страстотерпцами появились «мученики науки». Их житиям посвящались произведения бурно расцветшей биографической литературы – романы об ученых, изобретателях, художниках и политиках (тоже ведь творцы от социологии, политологии et cetera) и так далее. (Кстати, на Западе этот жанр до сих пор почитается наиболее престижным: выпустить хорошую биографию – то же, что дюжину романов, поскольку сие суть труд чуть ли не евангелиста). Обожествленный прогресс обещал царство Божие на земле – причем даже не в очень отдаленной перспективе. Как писал тот же Саша Черный,

*Даже сроки предсказали:
Кто лет двести, кто – пятьсот...*

Внутреннее же единство обеих конфессий ярче всего проявилось в начавшей набирать силу научной фан-

тастике, объединившей в себе знание с изящной словесностью.

Так удивительно ли, что Джон Вуд Кэмпбел-младший, впитав с молоком этот дух уходящего (и, собственно, уже ушедшего) века увлекся не чем-нибудь, а фантастикой?

II

Правда, первоначально свое жизненное предназначение он видел исключительно на поприще науки, вследствие чего и поступил в Массачусетский технологический институт – Мекку будущих инженеров, славу которого лишь много позже взялся оспаривать выросший на еще не так давно Диком Западе Калифорнийский технологический, в просторечии именуемый попросту Калтехом. Правда, МТИ Кэмпбел все-таки не закончил – трудно сказать, почему: он перешел в университет Дьюка, расположенный в Дареме, в Северной Каролине, где и получил в конце концов вожделенный диплом инженера-физика. Однако эдисоновско-эйнштейновский мир не спешил раскрывать ему объятий. Пришлось довольствоваться малым: Кэмпбел сменил несколько профессий – вплоть до агента по торговле поддержанными автомобилями, – а наивысшим его достижением на научной стезе оказалась должность лаборанта в химической компании.

С подростковых лет он много читал – и прежде всего научно-фантастические повести и рассказы, публиковавшиеся в те годы исключительно в специализированных журналах (практика книжных изданий НФ сложилась в Соединенных Штатах намного позже, в конце сороковых – начале пятидесятых). Мало-помалу чтение привело к попыткам и самому излагать на бумаге теснящиеся в голове истории – ситуация, во многом типичная для начинающих писателей. Правда, иных этот синдром «а чем я хуже?» приводит к едва ли не клинической затяжной, а то и пожизненной графомании – особенно в случае, если хоть один опус удастся-таки опубликовать. К счастью, наш герой оказался не из их числа.

Свой первый рассказ, который он счел достойным предания гласности, – «Захватчики из Бесконечности»,

– Кэмпбел послал в журнал «Эмейзинг сториз» еще в 1929 году, когда ему едва исполнилось девятнадцать. Увы, тамошний редактор Томас О'Конор Слоан умудрился потерять рукопись (по собственному опыту свидетельствую: подобное случалось не только тогда и там). В итоге первой публикацией писателя явился лишь следующий рассказ – «Когда сплеховали атомы», причем уже в следующем году.

В начале тридцатых умами американских любителей НФ властвовал плодовитейший и неиссякаемый на выдумку Эдвард Элмер Смит, более известный под именем Док Смит – признанный мастер жанра, получившего название «космической оперы». Его роман 1928 года «Космический жаворонок» явился первым произведением, описывающим полет не только за пределы Земли, но и за границы Солнечной системы, в глубь галактических пространств, и открыл целую серию продолжений («Космический жаворонок-3», «Космический жаворонок Валерона» и др.). Собственно, распространяться о Смите не имеет смысла, поскольку в последнее десятилетие некоторые его романы (в частности, из цикла о «ленсменах» – Людях Линз) были у нас переведены, и вы сами либо уже имеете, либо без особого труда можете получить представление о творениях этого патриарха. Да и вообще, разговор о Доке Смите я завел лишь потому, что юный Кэмпбел, согласно общему мнению, очень быстро начал, как говорится, «дышать ему в затылок» – не в отношении плодовитости, разумеется, но по степени популярности.

Уже в 1930 году появился кэмпбеловский роман «Прохождение черной звезды», как и все прочие, первоначально представлявший собой нечто вроде серии новелл, публиковавшихся в нескольких номерах журнала, и лишь двадцать три года спустя обретший вид книги. Годом позже за ним последовали «Космические острова», на следующий – «Захватчики из бесконечности» (не та, утерянная рукопись, а совершенно новое произведение под тем же названием). Впоследствии, в 1973 году, все они уже посмертно были объединены «Антологией Джона Кэмпбела». В этих произведениях герои раз за разом вовлекались во все более масштабные галактические битвы, последовательно применяя

супротив супостатов все менее вероятное, но все более мощное и всесокрушающее оружие.

Не хуже был принят читателем и роман 1934 года «Всесильная машина». Однако три его продолжения, описывающих дальнейшие похождения героя, Аарга Манро, были отклонены редактором журнала «Поразительная научная фантастика» («Эстаундинг сайнс фикшн») Ф.Орлином Тримейном, и лишь полтора десятилетия спустя увидели свет в авторском сборнике 1949 года «Невероятная планета».

Однако Кэмпбела не удовлетворяла перспектива войти в историю исключительно в качестве творца «космической оперы». Свято верующему в безграничные возможности науки, ему, — пользуясь все той же религиозной то ли метафорой, то ли аналогией, — нужно было не только сочинять уличные мистерии, но и писать псалмы и гимны. То есть, попросту говоря, серьезную или, как ее порой называют, «твердую» научную фантастику — ту, про которую впоследствии говорят: «она предсказала... предвидела... предрекла». Именно тогда он впервые сформулировал тезис, согласно которому НФ следует расценивать как литературное средство сродни самой науке: «Научная методология включает предположение, что хорошо построенная теория должна не только объяснять известные явления, но и предсказывать явления новые и еще не открытые. Научная фантастика пытается делать примерно то же самое — в художественной форме воплощает, какими могут быть результаты этой самой хорошо построенной теории, когда они применены не только к технике, но и к человеческому обществу».

Вот только — этого ли ждут от явного последователя Дока Смита? Ведь в искусстве залог успеха нередко кроется в стопроцентной узнаваемости — нужно, чтобы с первых же строк текста, даже если читателю достался томик без обложки или журнал с вырванной страницей, ему стало ясно: это имярек, и никто иной... Где же выход? И вот, задолго до того, как Генрих Альтшуллер (в фантастическом мире — Генрих Альтов) сформулировал первые постулаты своей теории решения изобретательских задач, в просторечии именуемой ТРИЗом, Кэмпбел применил один из тризовских приемов, а

именно «принцип разделения в пространстве». Если писать «космическую оперу» и «твердую» НФ одному и тому же автору не к лицу, то почему бы не делать этого двум разным писателям? При условии, разумеется, что оба будут являться ипостасями Джона Вуда Кэмпбелла-младшего.

Так родился в 1934 году еще один фантаст, нареченный Доном А. Стюартом.

Надо сказать, американцы вообще пользуются псевдонимами гораздо шире, нежели мы. Причин тому несколько. С одной стороны, англосаксы, похоже, начисто лишены свойственного славянскому мифологическому сознанию полумистического ощущения нерасторжимости магической связи имени с его носителем – не случайно смена имени не считается в Соединенных Штатах преступлением и никоим образом не свидетельствует о каких бы то ни было злокозненных намерениях. Раньше дело с этим обстояло и вовсе просто; сейчас, со всеобщей бюрократизацией жизни, существовать под чужим именем стало гораздо труднее, поскольку это означает лишиться номера социального страхования, осложнить взаимоотношения с налоговым ведомством *et cetera*. Но, причиняя себе множество неудобств, человек тем не менее в конфликт с законом при самовольной смене имени не вступает. С другой стороны, писатель, живущий в обществе, даже исповедующем религию искусства, но все-таки не столь литературоцентричном, каким до самого недавнего времени было (и, думается, в глубинах общественного бессознательного по сей день остается) наше, не столь дорожит формальным авторством, ему не свойственна жажда полным именем подписывать каждую страницу текста, словно это полицейский протокол. Подавляющее большинство фантастов пользовалось многими псевдонимами, что, кстати сказать, нисколько не мешало им впоследствии объединять все плоды своего творчества уже под собственным именем. Так что Кэмпбелл просто явился в этом отношении то ли первооткрывателем, то ли одним из первопроходцев. Впрочем, закладывать традиции ему было написано на роду...

Итак, начало второму этапу его литературной карьеры как прозаика положили «Сумерки» – причудливый, довольно-таки пессимистический рассказ о дале-

ком будущем, явно испытывавший на себе влияние уэллсовской «Машины времени» и написанный в совершенно иной, чем раньше, манере, прежде всего отличающийся гораздо большим вниманием к стилистике, по-прежнему холодной, но заметно более отточенной. Успех был полный, и Кэмпбел-Стюарт немедленно принялся его развивать. Уже в течение следующего, 1935 года, на страницах тримейновской «Паразитальной научной фантастики» за «Сумерками» последовал цикл о механоэволюции – «Машина», «Вторжение» и «Восстание», вследствие чего Дон А.Стюарт в одночасье стал автором, буквально олицетворяющим этот журнал (sic! – к этому обстоятельству мы с вами еще вернемся).

Отныне на рынке американской журнальной НФ Дон Стюарт не только потеснил, но и почти вытеснил Джона Кэмпбела. Кульминацией его творчества явился большой рассказ (или короткая повесть) 1938 года «Кто там?» (варианты названия – «Нечто» и «Нечто из иного мира»), в русском переводе в силу нашей традиционной склонности переименовывать заглавия поименованная «Кто ты?». О степени его популярности может свидетельствовать хотя бы тот факт, что он был экранизирован дважды – режиссерами Кристианом Найби в черно-белом варианте в 1951-м и Джоном Карпентером уже в цвете в 1982 годах (последняя версия отечественным зрителям хорошо известна). Эксплуатируя успех, Кэмпбел впоследствии переработал «Кто там?» в роман, однако эксперимент оказался малоудачным – все, что делало короткую повесть экспрессивной и насыщенной, размазалось, утратив увлекательность и силу эмоционального воздействия.

Подводя итог этим годам, можно сказать, что Кэмпбел оказался единственным, кому удалось дважды завоевать равно высокую популярность – и под собственным именем, и под псевдонимом.

Проявляя приверженность не только литературе, пусть даже научно-фантастической, но и науке как таковой, в 1936 году он дебютировал также и на поприще популяризации, на протяжении полутора лет опубликовав цикл из восемнадцати ежемесячных статей, рассказывающих о Солнечной системе. Причем, верный единожды избранному принципу, он уже в 1937-м по-

родил и еще одного популяризатора – некоего Артура Мак-Канна. Справедливости ради заметим, что повторить поразительного фокуса с раздвоением на Кэмпбела и Стюарта на этот раз не удалось, так что бедолага Мак-Канн вскоре вынужден был исчезнуть со сцены – безвременно и бесславно.

И все-таки, невзирая на все несомненные успехи, на всю быстро и решительно завоеванную популярность, Джон Вуд Кэмпбел-младший имел все шансы так и остаться в истории американской НФ фигурой, может быть, примечательной, но не первостепенной: он дышал в затылок Эдварду Элмеру Смиту, но все-таки пребывал в его тени, а из стюартовских творений войти в золотой фонд удалось лишь рассказу «Кто там?». Вероятно, именно Кэмпбелл явился отцом термина «гиперпространство», хотя разные критики называют и разные первоисточники: кто роман «Космические острова», кто – «Всесильную машину». Однако введением этого словечка личный вклад писателя Кэмпбела в лексикон НФ и ограничился.

Но разве способен пророк удовлетвориться сочинением гимнов, псалмов и мистерий? Нет, он по определению должен быть вождем и учителем.

Кэмпбел ощутил в себе нестерпимый вероучительский зуд.

III

Летом 1937 года ушел на покой редактор «Поразительной научной фантастики» Ф.Орлин Тримейн. И вот в сентябре занять его место было предложено самому популярному автору наиболее престижного в те годы журнала – трудно сказать, кому именно: то ли Джону В.Кэмпбелу, то ли Дону А.Стюарту. Он/они ответили незамедлительным согласием. Нельзя сказать, чтобы это обернулось потерей для американской НФ, хотя с означенного момента оба практически не обращались более к беллетристике, на всю оставшуюся жизнь, то есть на тридцать четыре следующих года, без остатка погружаясь в заботы редакторские и литературно-критические. Наоборот, лишь благодаря сему знаменательному событию и забрезжил на горизонте знаменитый Золотой век.

Трудно сказать, какой соблазн выше – властвовать самому или по собственной воле сотворять властителей. Увы, лишь несчастному герцогу Уорвику довелось удостоиться общепризнанного, пусть неофициального, но оттого ничуть не менее лестного титула «делателя королей» – ремесло это требует от мастера оставаться в тени, и чем глубже тень, тем эффективнее деятельность. Однако оставаться в неизвестности Кэмпбелу претило. Да и вообще, не пристало пророку напяливать королевскую корону. Иное дело увенчать себя тиарой – в конце концов, самодержцев пруд пруди, пап же, как известно, всего двое: римский понтифик и патриарх александрийский, именуемый «папа и вселенский судия», да и то последний титул утратил реальное значение еще в VII веке.

Возглавив журнал, Кэмпбел вознамерился указать любимому жанру путь в Ханаан. Ирония судьбы – полвека спустя писатель, критик и преподаватель НФ Джеймс Ганн писал: «Подобно Моисею, он вывел научную фантастику в страну обетованную». Вот только сказано это было не о Кэмпбеле, а об открытом им Роберте Энсоне Хайнлайне...

Прежде всего для этого были нужны новые имена. И Кэмпбел принялся их рьяно выискивать, вчитываясь во всякую присланную рукопись, вышедшую из-под пера никому еще неизвестного автора. Результаты не замедлили сказаться – уже к концу 1939 года сформировалось ядро коллектива «птенцов гнезда Кэмпбела», в число которых вошли Айзек Азимов, Лестер дель Рей, Роберт Э. Хайнлайн, Лайон Спрэг де Камп, Л. Рон Хаббард, Теодор Старджон и А. Э. Ван-Вогт, хотя двое последних уже снискали к тому времени некоторую известность в других жанрах. Вскоре к ним примкнули также Клиффорд Д. Саймак и Джек Уильямсон – фантасты более или менее известные, но почувствовавшие, что деятельность нового редактора «Поразительной научной фантастики» открывает новые горизонты. В 1942 году в эту компанию влились Генри Каттнер и Кэтрин Мур. Сформировать вокруг себя такое созвездие талантов – подвиг едва ли не эпический.

Практически все эти писатели раньше или позже, в той или иной форме рассказывали о влиянии, оказан-

ном Кэмпбелом на их становление и творчество. С каждым он пребывал в тесном – личном или эпистолярном – контакте: он требовал от авторов оригинальных фантастических идей и высокого литературного мастерства, предлагал им темы для новых произведений, рекомендовал, как улучшить уже написанное, вникал во все детали замысла и вмешивался на всех этапах, вплоть до самого момента опубликования. Айзек Азимов признавался, что Три закона роботехники, буквально ставшие его визитной карточкой в мире НФ, были сформулированы совместно с Кэмпбелом; Хайнлайн – что именно кэмпбеловской неопубликованной новеллой «Все» был навеян его ранний роман «Шестая колонна».

Под водительством Кэмпбела «Поразительная научная фантастика» стала в своей области законодательницей мод в степени, дотоле небывалой и неслыханной. А тот, расширяя жизненное пространство, уже в 1939 году затеял выпуск нового издания – журнала фэнтези «Неведомое», который вплоть до своей преждевременной кончины, последовавшей в 1943 году из-за вызванной военным временем нехватки бумаги, оставался не менее популярным и авторитетным. Только в пятидесятые годы престиж кэмпбеловского журнала начал мало-помалу снижаться из-за появления на сцене двух чрезвычайно серьезных конкурентов – «Журнала фэнтези и научной фантастики» в 1949 году и «Галактики» в 1950-м. Тем не менее в период с 1952-го по 1964 годы Кэмпбел восьмикратно (непревзойденный рекорд!) становился лауреатом присуждаемой Всеамериканской ассоциацией любителей фантастики премии «Хьюго» по разряду «лучший редактор» и трижды был Почетным гостем Всемирных конвенций любителей НФ. Сам журнал (переименованный в 1960 году в «Аналог: научная фантастика – научный факт») удостоивался «Хьюго» семь раз (можно ли пожелать себе лучшего памятника?). На его страницах дебютировали и публиковались едва ли не все заметные авторы – Рэндалл Гаррет и Реймонд Ф. Джонс, Пол Андерсон и Джеймс Блиш, Гордон Р. Диксон и Роберт Сильверберг, Фрэнк Херберт и Мак Рейнольдс, Гарри Гаррисон и Кристофер Энвилл. А в 1971 году – уже посмертно – были учреждены сразу две

ежегодные литературные награды: Премия имени Джона Кэмпбела и Мемориальная премия имени Джона Кэмпбела.

Все сбылось: он был признан пророком и он привел американскую НФ в Ханаан.

IV

А теперь о самом, как представляется, главном – об умонастроениях и душе.

Прекрасное представление о них дают многочисленные кэмпбеловские статьи, открывавшие каждый номер журнала – впоследствии лучшие из них были сведены в том «Избранных редакционных статей Аналога», выпущенных в 1966 году под редакцией Гарри Гаррисона. Не меньший (если даже не больший) интерес представляют и «Письма Джона В. Кэмпбела», изданные в 1986 году радением Перри А. Чапделейна, Тони Чапделейна и Джорджа Хэя.

Портрет, однако, рисуется донельзя противоречивый – он мог бы послужить превосходной основой для какого-нибудь психологического романа. Кстати, вот о психологии давайте и поговорим.

Кэмпбел свято верил, что фантастика никоим образом не должна чураться психологизма, имманентно не свойственного ей, по мнению многих иных критиков. Однако ни в его собственных произведениях, ни в тех, что отбирал он как редактор, вы при всем желании не сыщите описаний тонких движений души, никакой рефлексии места в них нет. Парадокс? Ничуть. Просто к психологизму прозы Кэмпбел шел не от художнического изобразительства, но, верный себе, от науки. А из всей психологической науки избрал единственную школу, кою счел верной, – бихевиоризм. Это направление родилось в США в 1913 году – заявочным столбом послужила статья доктора Дж.Б. Уотсона «Психология как наука о поведении» – и к тридцатым годам приобрело достаточные распространение и популярность. Основоположники бихевиоризма полагали, что до сих пор вся психологическая наука была чисто виталистической, поскольку выросла из философии, корни которой, в свою очередь, уходят в религию.

Сам же бихевиоризм впутываться в длительные дискуссии о сознании и подсознании (а уж тем более – о душе) не имел ни малейшего желания. В первом грубом приближении суть его можно определить формулой $S \rightarrow R$, где S – стимул к действию (цель), а R – реакция, то есть само действие. Поведение личности – и сообщества – складывается из множества отдельных действий, проследив каждое из которых, можно понять суть психологии человека. Подход, разумеется, упрощенно-механистический (современный бихевиоризм куда как сложнее!), но ведь и время-то было какое – Великий Конвейер, Святой Форд. В приложении же к изящной словесности бихевиоризм означал замещение потока сознания потоком активности, то есть, в просторечии, прямого действия. Герои произведений, написанных с бихевиористских позиций, практически не тратят времени на рефлекссию да пустопорожние размышления. Они действуют. Без раздумий. Вместо раздумий. То есть в принципе-то эти последние, разумеется, имеют быть, но читателям предлагается самостоятельно их реконструировать, исходя из поступков персонажей. Все это было свойственно многим писателям – бихевиористские идеи оставили в американской по преимуществу (но отчасти – и в европейской) литературе глубокий след. Уверовав в истинность учения, Кэмпбел стал не только следовать ему со всем пылом прозелита, но и проповедовать другим, требуя неукоснительного исполнения всех положенных обрядов и ритуалов.

Само собой, вот так – пусть не по косточкам, но хотя бы самым что на есть беглым образом – разобрать весь духовный портрет Кэмпбела, встающий со страниц его статей и писем, нам сейчас не под силу. Придется поневоле ограничиться лишь несколькими примерами, отдельными, едва ли не наугад выбранными чертами, которые, однако, при всей произвольности отбора достаточно характерны и репрезентативны, чтобы по этой части можно было с достаточной уверенностью судить о целом.

Наследник, о чем уже было сказано, идей, воззрений, концепций и предрассудков XIX столетия, он среди прочих впитал и воспетый Кипплингом тезис о «бремени белых» – словосочетание, которое в наши времена зыбко-

го торжества политической корректности и мультикультурализма представляется едва ли не бранным. Но вспомните, каким откровенным расистом был прекраснодушный патриарх НФ, великий Жюль Верн! Кстати говоря, имя его всплыло по ходу нашего разговора не случайно, ибо влияние, оказанное им на Кэмпбела, трудно переоценить: убежден, вы и сами по ходу чтения успели заметить немало явных и скрытых аллюзий и ассоциаций – чего стоит хотя бы высеченное в толще скал убежище героев «Ада на Луне». Так и кажется, что в этом Гранитном Дворце рядом ними окажутся Сайрес Смит и Гидеон Спилет. Но я уклонился. В романах амьенского затворника, которые мы с такой легкостью вручаем детям для «воспитания и развлечения», представители неевропеоидной расы резко делятся на две категории: прекрасные честные и благородные (верные слуги и спутники – Наб в «Таинственном острове», Талькав в «Детях капитана Гранта», Геркулес в «Пятнадцатилетнем капитане» и т.д.) и все остальные, которые поголовно, пользуясь библейским определением, «псы и убийцы» с ярко выраженной склонностью к алкоголизму (благо о наркомании в те патриархальные времена речи еще не было). Кэмпбел принял и понес эстафету, значительно расширив ареал применения идеи, – теперь говорить следовало уже о «человеческом шовинизме», понимая, правда, под человеком в первую и главную очередь классического WASPa, то бишь белого англосакса, протестанта если не по вероисповеданию, то по нравственным принципам. Именно по этой причине, как отмечают современные критики, «по крайней мере с конца сороковых годов Кэмпбел ощущал философскую необходимость того, чтобы при каждой мало-мальски значимой встрече с инопланетянами люди одерживали верх». Он выдвигал самые разнообразные доводы в защиту института рабства и утверждал, что человечеству непременно нужен некий внешний враг, – если не настоящий, то хотя бы воображаемый, – чтобы не тормозился прогресс. В то же время, будучи по происхождению чистокровным янки, потомком северян-аболиционистов, проливавших кровь при Шайло и Геттисберге под знаменами, на которых был начертан «Манифест об отмене рабства», Кэмпбел явно испытывал от собствен-

ных воззрений некий внутренний дискомфорт. Впрочем, выход нашелся, причем самый радикальный – никаких инопланетян на страницы своего журнала Кэмпбелл-редактор попросту не допускал вообще. Как вспоминал Айзек Азимов, именно по этой причине он отказался от мысли включать их в панораму своей этической «Истории будущего».

Или, например, когда в августе 1945 года стало известно об атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки, Кэмпбелл пришел в полный восторг и восклицал, что «теперь-то к научной фантастике станут относиться серьезно». Мыслей о том, какое небывалое зло принесли чудовищные ядерные грибы жителям этих двух городов, у него то ли вовсе не было, то ли он попросту не допускал их до сознания. И вовсе не потому, что был таким уж воинствующим «ястребом» и требовал уголовного истребления всех японцев – отнюдь нет. Просто в этом факте он усмотрел исключительно высшее достижение того самого научно-технического прогресса, который столь пламенно воспевал, причем не только без мрачных уэллсовых предчувствий, но даже без легкой жюль-верновской оглядки, заставившей француза вложить в уста инженера Робура слова: «Граждане Соединенных Штатов! Прогресс науки не должен обгонять совершенствования нравов». Кроме того, атомная энергетика, великое будущее которой он энергично и пылко предрекал, казалась Кэмпбелу буквально собственным детищем – ведь именно благодаря его влиянию как редактора в начале сороковых фантасты так глубоко исследовали ее возможности. Теперь, полагал он, общество должно по достоинству оценить их (и его в том числе) прозорливость – эта жажда признания затмевала все.

И, пожалуй, последнее. Любая религия, как известно, чревата суевериями, однако религия секулярная – стократ. Не смог избежать этой ловушки и Кэмпбел. В майском выпуске его журнала за 1950 год фигурировала первая хаббардовская статья о дианетике – той самой, адепты которой в изобилии объявились теперь и у нас, с настойчивостью, достойной лучшего применения, предлагая разнообразные листовки и книги основоположника учения Л.Рона Хаббарда. Это было чрезвычай-

чайно симптоматично для все более настойчивого желания Кэмпбела видеть идеи фантастики воплощенными в жизнь – желания, которое привело его к вдохновенной поддержке всякого рода «кустарных изобретений» и «псионических устройств». Теперь его редакционные статьи – идиосинкратические, намеренно заостренные, чтобы задеть за живое сколь угодно толстокожего читателя, догматичные, иногда бессовестно элитаристские и даже чуть ли не расистские – поглотили большую часть той энергии, которая раньше уходила на подпитку новыми идеями постоянных авторов.

Кстати сказать, с этой самой подпиткой тоже все не так просто, поскольку в требованиях своих Кэмпбел проявлял беспредельную категоричность, свойственную, впрочем, всем пророкам. Будучи априорно убежден, что все видит и все понимает намного лучше кого бы то ни было, он неизменно почитал мельчайшие свои рекомендации истиной в последней инстанции. Пока он имел дело с птенцами едва-едва оперившимися, это благополучно сходило с рук. Однако встав на крыло, некоторые из них принимались бунтовать. Чаще всего это без особых последствий выливалось в остервенелые споры – пар выходил, давление падало, и вновь воцарялись мир и взаимопонимание. Но порой доходило и до разрыва – Кэмпбел открыл и воспитал плеяду талантов, но ведь талант по определению не выносит ни контроля, ни тем более диктата. Первым около пятидесятого года покинул гнездо строптивый Роберт Хайнлайн. Правда, кэмпбеловы поклонники утверждают, что за таким поведением великого мэтра крылся тонкий психологический расчет: мол, тиранизируя авторов, он сознательно провоцировал переросших его школу на мятеж и уход. Недоброжелатели же полагают, будто свято верующий в свою миссию Кэмпбел попросту жил в соответствии со знаменитым принципом Генри Форда, любившего говаривать, что автомобиль может быть любого цвета, если будет черного. Бог весть, кто тут прав. Но вот что любопытно: даже порвавший с Кэмпбелом Хайнлайн впоследствии отзывался о нем, употребляя исключительно превосходные степени. С пророком могли расходиться, но поклоняться ему продолжали до конца.

Все эти внутренние противоречия и конфликты являлись собой плату за исповедание секулярной религии, за ту самую веру, о которой – совсем по иному, правда, поводу – писал Наум Коржавин:

*Не слух и не зрение – с самого детства
Нам вера, как знанье, досталась в наследство.*

Наследство же – как и наследственность – не всегда несут с собою лишь благо. Увы, нянюшкину максимуму из стихотворения Саши Черного, вынесенную мною в эпиграф, можно и должно поставить под вопрос.

V

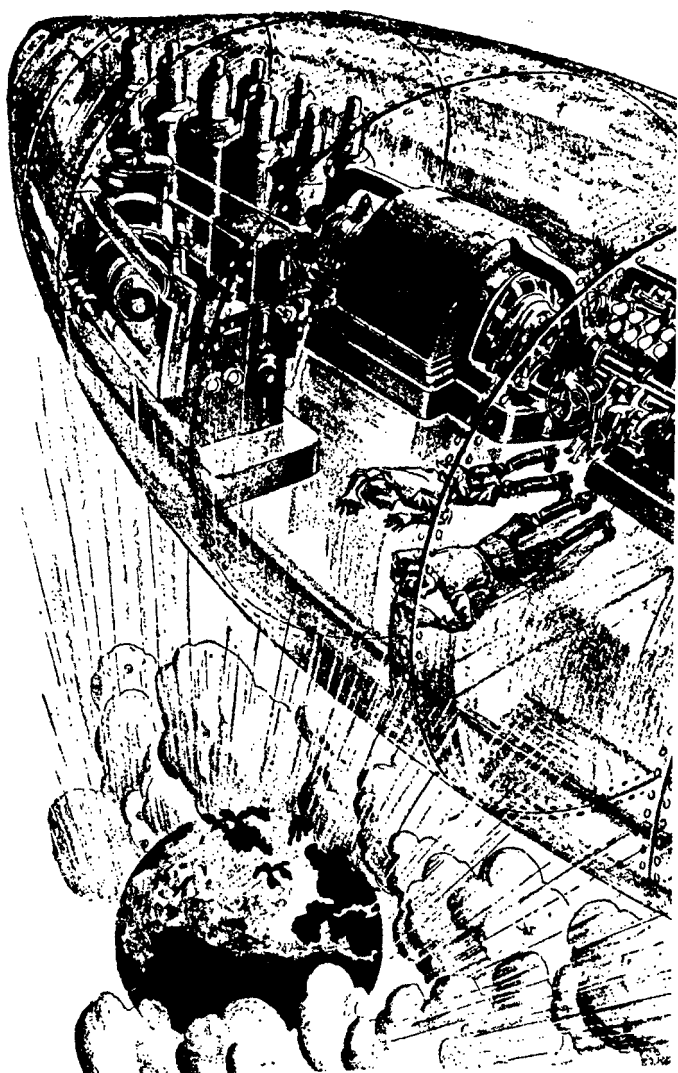
Кто знает, в какой именно момент для нас реально начнется ХХI век: может быть, уже, – а мы и не заметили; может быть, до его прихода еще десяток-другой лет. Ведь это только для компьютеров существует четкая граница – миг смены единицы на двойку. С историей же, с людьми – дело обстоит куда как сложнее. Но в том, что сейчас все мы существуем в некоем порубежье, в переходной сумеречной зоне, в диффузном пространстве времени – сомневаться не приходится.

И потому особенно интересно оглянуться на тех, кто столетием раньше проходил тот же путь, чьи душа и разум становились ареной столкновения идеалов и реальностей двух эпох – так, как произошло это с Джоном Вудом Кэмпбелом-младшим.

Андрей БАЛАБУХА

ИЗ МРАКА НОЧИ

ИЗ МРАКА НОЧИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Мать сарнов не мигая смотрела на Грайта. Глаза у нее были удивительные, золотистые. Человек, стоявший перед ней, был представителем расы, которую сарны поработили четыре тысячи лет назад, — расы людей. А пока Мать выполняла возложенную на нее задачу — следила за порядком на Земле, на той самой планете, где прежде тысячелетиями царил хаос. Люди не умели пользоваться свободой и поэтому заслужили участь рабов. Они подчинялись сарнам, но в последнее время Правительницу все больше и больше беспокоили попытки людей вновь обрести независимость.

— Ты отвечаешь за исполнение законов, которые установили мы, — холодно произнесла Мать, и леденящий звук ее голоса заставил Грайта невольно поежиться. — Сарны пишут законы, и люди должны исполнять их. Такой порядок был установлен четыре тысячи лет назад. Мать сарнов заботится о том, чтобы этот порядок вещей не нарушался... По-другому быть не может и не будет никогда. Тебе это ясно?

Грайт с трудом оторвал взгляд от похожих на подушечки ступней Правительницы, восседавшей на огромном троне, украшенном мозаикой и покрытом инкрустацией. Стиснув зубы, он перевел взгляд на ее неестественно гибкие, длинные ноги, напоминающие канаты, а затем на округлое золотое тело с четырьмя сдвоенными руками. Холодное, неземное существо, питающееся энергией атома... Ни звука не произнес Грайт, и бесстрастным оставалось его лицо. Прави-

тельница Земли нетерпеливо смотрела на человека, ожидая ответа.

Но он молчал, и тогда тишину вновь разорвал ее сухой голос, напоминавший пощелкивание электрических разрядов:

– Да, мы принадлежим к разным расам, и тебе известно, что на Земле правящей расой являются сарны. Мне, Матери сарнов, подчиняется мой народ, так же как и рабы моего народа. Многие века продолжалось безумие на Земле – люди имели слишком много свободы, но она им была ни к чему. Они не умели ею распоряжаться. Но вот наконец на Землю пришли сарны и навели порядок. Теперь сарны правят людьми, и это справедливо. Так было, так есть и так будет!

Когда Грайт заговорил, в его голосе слышалась горечь, но звучал он твердо:

– Четыре тысячи лет назад ваша раса пришла на Землю и превратила нас в толпу безвольных тупых рабов. Вы принесли с собой атомную энергию, высокие технологии и синтетическую пищу, но уничтожили большую часть человечества. Вы уничтожили наш прогресс и отбросили нас назад в развитии. Вы пытаетесь навязать нам матриархат. Для вас он является естественным, ведь в обществе сарнов женщины в пять раз превосходят численностью мужчин. Ваши женщины едва ли не в два раза выше мужчин ростом и намного сильнее физически. Даже Отец сарнов не может сравниться ни ростом, ни силой с самой маленькой из ваших женщин. Я понимаю, что для вашей расы матриархат удобнее, вы унаследовали его от ваших далеких предков, как единственно возможное и справедливое устройство общества. Мы отличаемся от вас в распределении ролей между полами. По какой-то странной случайности наши расы внешне похожи друг на друга: и у вас, и у нас по два глаза, по два уха, головы одинаковой формы. Правда, у вас вместо двух – четыре руки, но не в этом главное различие между нами. При всей внешней похожести в теле сарна нет ни одной кости длиной хотя бы в палец – структура ваших рук и ног напоминает позвоночник человека, то есть они состоят из множества маленьких косточек. Ваша пища, содержащая медь, – смертельный яд для человека. На голове у вас не волосы, а тончай-

шие сенсоры, улавливающие и излучающие радиоволны. Поэтому по сути мы две совершенно различные расы, но при этом вы перестроили наше общество по своему образу и подобию. А это означает, что число мужчин, живущих на Земле, должно быть строго ограничено. Излишек мужчин, по-вашему, следует уничтожить. Для вашей расы матриархат естествен, введение подобных порядков у нас будет преступлением. Пока вы не требуете, чтобы мы ели вашу пищу, но, может быть, вы собираетесь издать закон, предписывающий нам делать это? Если так, то вы просто уничтожите нас, а наша гибель не принесет вам пользы...

– Грайт, ты слишком много на себя берешь! – разгневавшись, перебила его Мать сарнов. – Ты не вправе решать, что принесет нам пользу, а что нет. Видимо, я совершила ошибку, разрешив вашему народу избирать должностных лиц. Эти «избранники народа» сеют смуту. Ты, Грайт, в течение недели будешь смещен со своей должности, и никаких выборов больше не будет. Отныне и навсегда вы будете подчиняться только законам сарнов!

Молча смотрел Грайт в золотые, мерцающие, словно драгоценные камни, глаза Правительницы. Взгляд человека был тверд и решителен, но морщинки вокруг рта выдавали глубокую печаль.

– Ваша раса слишком мало знает о людях, – тихо произнес он. – Вы признаете только силу атома. Гриб атомного взрыва символизирует для вас могущество и власть. Но вы не знаете, как велика власть разума. В течение десяти тысяч лет до вашего прихода на Землю люди размышляли о неведомых вам силах и искали пути к ним. За одну неделю предки нынешних сарнов разрушили человеческую цивилизацию, пусть даже не во всем совершенную, но все же развивавшуюся и стремившуюся к прогрессу. Вы установили свой порядок вещей и создали единое всепланетное государство. Однако при этом вы остановили наше развитие, отбросили нас назад, в седую древность. Мы отделились в сторону наши достижения в области техники, и мы вновь, как первобытные дикари, начали свой путь с нуля. Мы искали путь к высшему разуму и уже стояли на пороге его открытия, когда вы явились на нашу планету. Цель была близка, но

вы не дали нам достичь ее... И все же те, кто остался в живых после вашего нашествия, продолжали упорно трудиться. В течение последних сорока веков люди незаметно от вас оттачивали свой разум, учились концентрировать свое сознание. Пятьсот миллионов человек на протяжении трех тысяч поколений стремились к единому мощному источнику духовной силы, и их труд оказался не напрасным — духовное единение людей произошло. Теперь они воссоединились в Высший Разум, и источник вечной неразрушимой жизненной энергии окружает собой всю планету. Сотни веков человеческие мысли блуждали хаотично, сотни веков страстные желания терзали людей, сотни веков шел медленный процесс их воссоединения. Даже последние четыре тысячи лет, после того как сарны поработили людей, этот процесс продолжался. Этот Высший Разум — объединенные мысли, мудрость и воля пятисот миллиардов человек, живущих на Земле, стал таким же реальным и осязаемым, как материя. Мы называем этот Высший Разум Эзиром. Он темен, как космос, но неделим, и его невозможно уничтожить... В этом и состоит наше главное различие. Как вы чувствительны к радиоволнам, так мы обладаем ментальной чувствительностью, сформировавшейся в течение многих веков. Мы обладаем способностью общаться при помощи мысли. Вон там, в конце зала, наш электротехник работает со своими приборами, и я могу прочесть его мысли и передать ему свои. Для этого мне не нужно никаких сенсоров, с помощью которых сарны общаются друг с другом.

Мать сарнов выслушала Грайта, и губы ее слегка дрогнули в недоверчивой усмешке.

— Я не верю тебе, Грайт. Я не верю, что люди обладают такими способностями, — скептически произнесла она, взглянув в дальний конец зала. Затем, понизив голос, Мать добавила так тихо, что Грайт едва смог ее слышать: — Но ты можешь попытаться доказать мне это. Прикажи мысленно своему человеку подойти сюда и поклониться мне!

Электротехник, одетый в плотный серебристый комбинезон со светящейся эмблемой на спине, возившийся с приборами в дальнем углу зала, выпрямился и с недоумением огляделся вокруг.

– Подойти к Матери? – удивленно спросил он вслух, пытаясь понять, за какие заслуги он, простой техник, удостоился чести предстать перед Правительницей Земли. – Но я...

Не увидев никого рядом с собой, электротехник нахмурился и покачал головой. Бросив осторожный взгляд в сторону трона, на котором восседала Мать сарнов, он залился краской смущения, а затем, неловко потоптавшись на месте, повернулся и вновь склонился над приборами, видимо решив, что голос, прозвучавший рядом с ним и приказавший ему подойти к Правительнице Земли, всего-навсего ему почудился...

Мать вновь уставилась на Грайта немигающими золотыми глазами. Некоторое время она молчала, размышляя.

– Ты можешь идти, – произнесла наконец Правительница Земли. – Помни о Законе сарнов, гласящем, что на каждые пять женщин приходится один мужчина. Отныне он будет законом и для вашей планеты.

Грайт слегка склонил голову, но лишь на миг, затем выпрямился и, повернувшись, направился к дверям зала. Твердой походкой прошел он мимо группы сарнов, глядя прямо перед собой. Лицо его оставалось бесстрастным. Шесть человек из его окружения, пришедшие вместе с ним в зал, присоединились к нему. Молча маленькая процессия прошла через сверкающие бронзовые двери, спустилась по широким ступеням и вышла в парк.

Бартел ускорил шаг и поравнялся с Грайтом.

– Ты думаешь, она действительно станет следить за исполнением этого закона? – тихо спросил он. – Как ты считаешь, что мы можем сделать? Не знаю, поверит ли она в Высший Разум... Честно говоря, для меня это тоже миф из прошлого нашей расы.

Глаза Грайта потемнели, но он не остановился и не сделал ни одного движения, которое могло бы выдать его чувства.

– Поедем ко мне домой, – медленно проговорил он, глядя на Бартела. – Там обо всем и поговорим. Тебе ведь хорошо известно, что Мать сарнов словами не бросается. И если она введет этот закон, то на следующий день не станет его отменять. Бартел, у меня есть что сказать тебе, но сначала все же придем домой. Там все и обсудим.

Удивительный, чарующий солнечный свет заливал лужайки, по которым они шли. Грайт много раз ходил этой дорогой, но, пожалуй, только сейчас он впервые ощутил все красоты природы. С изумлением и радостью он вглядывался в каждую травинку, каждый листочек. Он улыбнулся крошечной птичке, вспорхнувшей прямо у него из-под ног, вскинул голову и не щурясь посмотрел на солнце, щедро льющее на Землю ласковый свет и тепло. «Какое счастье – жить, – подумал Грайт, – но теперь это святое право будет не у всех...»

Грайт и его спутники вышли на длинную улицу, покрытую серым асфальтом, оставив позади цветущие лужайки и жемчужины дворцов сарнов. Серая глухая стена отделяла город инопланетян от города людей, где не было никаких дворцов, – лишь скромные белые домики, тесно прилепившиеся друг к другу, стояли по обеим сторонам улиц, примыкавших к городу сарнов. Эти дома построили уже после завоевания, когда прежние города Земли еще лежали в руинах, как первый шаг к возрождению жизни.

Сарны были древним народом. Вот уже четыре тысячелетия правили они Землей. Мать все эти годы сидела на золотом троне, равнодушно глядя, как одни поколения сменяют другие. Она была старой, когда сарны пришли на Землю, а теперь перед ее глазами прошло уже более тысячи поколений людей. Ее считали бессмертной...

Скромные, увитые виноградными лозами домики города людей остались позади, и Грайт со своими спутниками вышел на площадь, окунувшись в ее привычную суету, царившую у магазинов, построенных тысячелетие назад.

Грайт рассеянно кивал знакомым и улыбался друзьям, бесстрастно смотрел на мрачные, враждебные лица тех, кто носил маленькие зеленые эмблемы сторонников Друнела.

За его плечом вновь раздался голос Бартела.

– А приятель Друнела Вартил, по-моему, сегодня не так мрачен, как обычно. Ты заметил? – Бартел кивком указал на высокого широкоплечего человека, одетого в тунику с эмблемой администратора. Судя по нашивкам, этот человек следил за тем, как его соотечественники

соблюдают законы сарнов. — Он даже удостоил нас каким-то подобием улыбки. Интересно, что бы это значило?

— Да ничего особенного, — вздохнул Грайт. — Он не так глуп, чтобы пытаться внушить мне, будто относится ко мне как к другу. И улыбается он скорее не мне, а себе самому. Ты отправил Теру, как я советовал?

Бартел кивнул, но лицо его выражало сомнение.

— Да, Грайт, отправил, но... честно говоря, все это зря. Ведь сарны будут...

— Мать не посмеет... Давай поговорим об этом дома, — тихо произнес Грайт, и они продолжали прогулку в полном молчании.

Площадь осталась позади. Теперь они шли мимо домов, построенных в более поздние времена, хотя сам стиль зданий остался неизменным — их по-прежнему отличала такая же скромность и добротность. Даже у самых старых из них нельзя было заметить ни малейшего признака разрушения или обветшания. Дома теперь стояли на большем расстоянии друг от друга, и каждый окружала лужайка, на которой играли дети. Детей тоже было заметно больше, чем в старом городе.

Грайт свернул к одному из домов. За ним последовали Бартел и еще трое из свиты Грайта. Оставшиеся двое, попрощавшись, удалились. В полном молчании Грайт и его спутники подошли к невысокому, но просторному зданию, лишенному каких бы то ни было украшений, которое служило Грайту и домом и офисом.

В этом скромном здании, построенном тысячу лет назад, размещалась резиденция правительства людей. Граждане Земли выбирали депутатов от каждой области, те в свою очередь избирали представителей континента, из которых и формировалось правительство. Шесть месяцев назад старый Транмат, являвшийся представителем человечества (раньше таких людей называли президентами) на протяжении двадцати двух лет, умер, и Грайта избрали его преемником, чтобы он «честно и справедливо служил людям, отдавая этому все силы и, если потребуется, жизнь». По крайней мере, так говорилось в клятве вступающего на этот пост.

Только смерть или бесчестье могли помешать Грайту выполнить свой долг до конца. Смерть или бесче-

тье, а теперь еще и Друнел, который в данный момент олицетворял и то и другое...

Власть Грайта, несущего бремя ответственности перед сарнами, так же как и перед людьми, была при этом ограничена. Он являлся, по сути, всего лишь советником — как для сарнов, которые чаще всего относились к его советам пренебрежительно, так и для людей. Но многие из людей — и командиры легионов, и полиция — тоже порой игнорировали его советы. Мать сарнов прекрасно понимала, что Грайт не мог ввести среди людей законы матриархата, даже если бы захотел, и это ее злило. К тому же Грайт был ей несимпатичен.

Несколько секретарей и служащих подняли голову, когда Грайт и его спутник вошли в помещение, а затем вновь склонились над своей работой. Серебряные с эмалью диски на их головных повязках и эмблемы на рукавах говорили об их положении в сложной правительственной структуре.

Грайт, короткими кивками приветствуя знакомых, не останавливаясь прошел по мягкому, упругому, как резина, ковру к небольшой двери, ведущей в конференц-зал. Подошвы ног тридцати поколений чиновников протоптали в мягком полу некое подобие тропинки. Она вела мимо столов секретарей, огибала огромную колонну в центре зала и исчезала под дверью в конференц-зал — просторный кабинет с низким потолком и девятью стульями, стоявшими вокруг массивного овального стола.

Войдя в конференц-зал, Грайт сел во главе стола, справа от него уселся Бартел, представитель Америки, рядом с ним Карон, командир объединенных легионов земель, затем Дарак и Холмун, помощники Грайта. Вслед за ними в кабинет вошел и электротехник. Положив свой чемоданчик на отполированный веками стол, он раскрыл его и, вытащив доску с прикрепленными к ней инструментами, отделил от нее тонкий металлический стержень, покрытый слоем изоляции. Раздался легкий щелчок, как будто распрямилась пружина, и на табло, подсоединенном к стержню, закачались крошечные стрелки.

Искусные пальцы техника быстро отрегулировали прибор. Стрелки, качнувшись в последний раз, замер-

ли. Мастер нажал на несколько маленьких кнопок, и гибкая металлическая антенна внезапно дрогнула, наклонилась и пришла в движение, поворачиваясь из стороны в сторону. Стрелки вновь качнулись и задрожали, и антенна резко остановилась, оборвав свой танец. Техник осторожно коснулся ее, направляя в сторону искрящегося портативного источника энергии. Крошечный стержень сиял голубоватым светом.

Техник нажал еще одну кнопку на панели.

— Нас могут услышать, — объявил он. — Предупреждаю: сарны установили прослушивающие устройства, и не одно.

— А мы удивлялись все эти годы, откуда сарнам известны даже наши самые сокровенные мысли, — горько усмехнулся Грайт. — Но теперь с этим покончено. Наверное, мы первые представители человеческой расы за десять веков, которые будут проводить совещания без незримого присутствия Матери сарнов.

Карон со злобой взглянул на таинственное устройство:

— Так где же находится антипрослушивающее устройство? Надо немедленно выкинуть его отсюда!

Техник усмехнулся:

— Сарны слышат радиоволны, как все мы слышим обычные звуки, — пояснил он. — Этот крошечный передатчик работает, питаясь энергией большой передающей антенны. Когда мы говорим, подслушивающее устройство сарнов посылает радиосигнал. Но теперь мы включаем этот маленький передатчик, который гасит сигнал кристалла сарнов. Если бы я просто разбил кристалл, то сарны сразу... заинтересовались бы, скажем так.

— Они бы пришли в ярость, — уточнил Бартел.

Грайт покачал головой:

— Уэр обнаружит любую подслушивающую систему, не беспокоясь. Так что на этот счет нам волноваться нечего. Так, Уэр?

Техник кивнул в знак согласия.

Дарак взглянул на Уэра, затем со вздохом повернулся к Грайту:

— Ну хорошо, а теперь скажи, Грайт, почему Мать просит тебя... вернее, приказывает сделать то, что ты

не в состоянии сделать? Ведь она прекрасно знает, что тебе не удастся заставить людей блюсти ее законы.

— Да, она прекрасно знает, что мне это не удастся, — мрачно согласился Грайт. — А вот Друнел сделает.

— Неужели она собирается сделать ставку на Друнела? — удивленно спросил Карон. — Мне казалось, что ее не очень интересуют распри между людьми. Я всегда думал, что разбираться в наших взаимоотношениях ниже их достоинства, если только это не затрагивает сарнов.

Грайт устало откинулся на спинку огромного кресла и зажег трубку. Попыхивая ею, он рассеянно рассматривал мерцающие искры, то и дело пробегавшие по контактам источника энергии.

— Четыре тысячи лет назад Мать сарнов явилась на Землю... А сколько веков она прожила до того, известно только ей самой, — наконец медленно произнес он. — Сарны — долгожители. Некоторые живут по несколько тысяч лет. Но Мать бессмертна. Даже сами сарны не знают, сколько ей лет. Когда они пришли на Землю, то в сражении за нее погибло девяносто девять процентов человечества... Остальных сарны превратили в рабов, и они, те, кто выжил, наши предки, были далеко не лучшей частью человечества. Они были отбросами общества. Хныкающими, жалкими отбросами.

Карон беспокойно зашевелился, его лицо горело от гнева, а из горла вырвалось хриплое рычание. Грайт взглянул на него с грустной и одновременно иронической улыбкой.

— Да, Карон, в этом, к сожалению, слишком большая доля правды, — вздохнул он. — Наши так называемые благородные предки вовсе не были великими людьми. Непокорные умерли. Они не могли сдаться. Четыре тысячи лет назад Мать сарнов взошла на трон и все эти годы правила людьми и знала о всех их тайных помыслах. — Грайт кивнул на сверкающую антенну. — Она слышала все их разговоры. Можно сказать, что за это время она довольно хорошо узнала людей. Но человек развивается — он живет мало и поэтому развивается намного быстрее, чем сарны. Та душевная слабость, которая позволила нашим предкам превратиться в рабов, за четыре тысячи лет была изжита.

Мать сарнов поняла, что вскоре люди вновь обретут величие. Бартел и Карон, что за эмблемы у вас на головных повязках? Мать сарнов считает, что это знак, означающий ваш ранг в ее иерархии рабов. Инопланетные захватчики сделали эти эмблемы из серебра и эмали и заставили вас их носить в знак вашей принадлежности к роду человеческого. Но Уэр удалил часть серебра с эмблем, чтобы поместить туда прибор, повышающий телепатические способности. Об этом Мать сарнов пока не знает. Тем не менее она догадывается, что люди вот-вот попытаются вырваться из оков рабства. Мое упоминание о телепатической силе людей встревожило ее больше, чем мы ожидали... А ведь она давно знала об этом! Человечество еще до Завоевания открыло телепатию и до прихода сарнов уже училось ею пользоваться. Мы этого не знали, до нас дошли только предания, а Мать сарнов знала истину. Мы верили, а ей были известны факты! Когда она слушала меня, я телепатически следил за ее мыслями. О телепатии она прочитала в трофейных записях. Мужчина будет бороться и умирать за то, чего у него нет. Женщина будет сражаться и умирать за то, что имеет. Мужчина отдаст в жертву все, что у него есть, за идеал. Женщина тоже будет бороться за идеал, но не в ущерб тому, что уже имеет.

— И она хочет перестроить общество людей согласно законам матриархата! — воскликнул Бартел. — А она не думает, что это вызовет восстание?

Грайт покачал головой:

— Правительница не так проста. Она прожила четыре тысячи лет. Для нее век словно год. Она знает, что может вспыхнуть восстание, но она строит планы не на века, а на тысячелетие. Три поколения страданий и борьбы — это просто не самое удачное мгновение. А тысячелетие страданий и борьбы — совсем другое. Оставшиеся в живых благословят добродетельницу Мать и восхвалят ее справедливость, и ее это вполне устроит. Вы знаете, что необходимо сделать для того, чтобы человечество приняло законы матриархата?

— Убить четверых из каждых пяти мужчин! — взорвался Карон. — Но у Матери ничего не получится! Она просто истребит человечество, потому что каждая жен-

щина будет бороться за своего мужчину и умрет вместе с ним! А те, кто выживет, не будут служить убийцам!

— Поэтому она и делает ставку на Друнела, — с горечью сказал Грйт. — Поэтому она так внимательно следит за нашими распрями и умело стравливает враждующие стороны. Никакого восстания не будет, будет гражданская война. И ее интересы будет защищать Друнел. Сарны останутся в стороне. Мятеж же обернется против нас. Мужчины будут убивать мужчин, пока благодетельница Мать не выступит со своим отборным легионом сарнов и не остановит резню, — тогда закон один к пяти будет принят. Половина выживших будет ненавидеть Друнела за то, что он развязал войну и разрушения, а другая половина — любить его как лидера. К тому же все будут восхвалять Правительницу, остановившую кровавую бойню. Мать сарнов обладает политической мудростью четырех тысяч лет, в отличие от горячего и нетерпеливого сорокалетнего мужчины.

Карон открыл было рот, чтобы что-нибудь возразить, но, подумав, промолчал и вздохнул.

— Я задушу Друнела сегодня же, — прошептал он.

— У него есть помощник — Рендан, который займет его место. А после Рендана будет Грасун, затем найдутся и другие, — покачал головой Бартел.

— Кроме того, в любом случае сегодня ты Друнела не задушишь, — вмешался Уэр. — Он сейчас на приеме у Матери сарнов, обсуждает, какое оружие она даст ему для подавления нашего бунта.

— Но у нас нет никакого оружия, кроме духовых ружей, которые сделал для нас Уэр, — буркнул Карон. — А Мать сарнов, я думаю, даст нашим врагам какое-нибудь смертельное оружие, вроде того, которым сарны уничтожили наших предков.

— Ничего подобного, — возразил Уэр. — Ты забыл, какую цель она преследует. Мать хочет, чтобы Друнел победил. Она хочет, чтобы он посеял среди людей вражду. Если она даст ему могущественное оружие и обеспечит легкую победу, то война кончится прежде, чем начнется. Нет, она даст ему какое-нибудь простое оружие, поэтому он сможет победить нас только после долгой изнурительной борьбы. А если Друнел сразу же начнет

брать верх, то, вероятно, она даст и нам какое-нибудь оружие.

Карон откинулся в кресле так резко, что старое дерево протестующе скрипнуло.

— Да я поведу в бой свой легион мира прямо сейчас, клянусь... клянусь Эзиром! — в бешенстве крикнул он. — Я задушу Друнела собственными руками, а также любого другого червяка, выкормленного сарнами!

— Успокойся, — резко оборвал его Грайт. — У Друнела столько же людей, сколько и у нас, и мы не будем сейчас устраивать бессмысленную бойню. Мы должны ждать, пока Уэр не закончит свою работу. Тогда Эзир будет готов помочь нам. Если мы сможем сейчас удержаться от борьбы, то мы выиграем время и Эзир станет достаточно сильным, чтобы помочь нам.

— Но какую цель преследует Друнел? — спросил Холмун. — Он пытается укрепить свои позиции в Европе, Азии — везде, где только может. За последние два месяца я объездил добрую половину земного шара и видел, что он работает без устали, обещая людям свободу, обещая покончить с тиранией сарнов. На что он надеется, зная, что Мать не собирается давать ему власть? Ведь она хочет использовать его как орудие для разжигания ненависти и вражды!

Лицо Грайта словно окаменело.

— Да, он знает, что Правительница не даст ему власти, — резко проговорил он. — Но все равно его ничто не остановит. Что бы Друнел ни делал, я всегда оказывался у него поперек дороги. Он жаждал победить на выборах от региона, но победил я, а ему припало довольствоваться должностью представителя города. Он мечтал стать представителем от континента, а стал им — я. Полгода назад он снова надеялся на успех и уже видел себя представителем человечества, но я вновь победил, а Бартел в это время победил Рендана, став представителем от Америки. Друнел ненавидит меня, но не только за это — ему нужна Дея, но Дея выбрала меня, и это было для него окончательным ударом. Я думаю, он сошел с ума, и теперь его единственная цель — уничтожить меня, а ради этого он готов уничтожить все человечество. Если он победит, то сотрет меня и Бартела в порошок и займет мое место. По крайней мере, на ка-

кое-то время Друнел получит власть и женщину, которой он добивается. Вот за это он и борется. А его последователи... – Грайт внезапно замолчал, полностью погрузившись в свои мысли. – Гражданская война неминуема. Люди начинают осознавать, в каком положении они находятся, но при этом значительная их часть не понимает, чего именно они хотят. Господство сарнов так глубоко укоренилось в их сознании, что идея восстания кажется им дикой. Люди нуждаются в сильном лидере, который сможет направить их помыслы в нужном направлении. Последователи Друнела собираются выступить против нас, убеждая народ, что тем самым ведут его к свободе, – ведь мы представляем собой правительство, разрешенное сарнами, стало быть, мы служим сарнам в ущерб интересам людей. Друнел умело играет на чувствах масс, но на самом деле люди его совершенно не интересуют. Это борьба между лидерами, и не более того. Только лидеры знают, почему они борются. Люди, которые пойдут за Друнелом и будут сражаться против нас, – обманутые люди. Только Друнел знает, чего он хочет, – власть и Дею. Еще он надеется убедить Мать сарнов, что матриархат для людей неприемлем. Друнел уверен, что сможет добиться компромисса с оккупантами...

– Ничего у него не выйдет, – тихо сказал Уэр. – Когда я работал электротехником у сарнов, я часто находился неподалеку от Матери и многое понял. У нее есть свои планы, именно такие, как сказал Грайт. Год или два Друнел будет у власти. Его возненавидят те, кто пострадал от него, но Мать сарнов будет защищать своего ставленника. Он получит женщин, которых он добивался, но которые отвергли его, – Дею, Теру, Косон, – вы все их знаете. Затем Мать отвернется от него, и Друнел погибнет. Какая-нибудь женщина отомстит за своего мужа...

Карон внезапно поднялся и зашагал по комнате. Его огромные руки сжались в кулаки. Он побледнел от бесильного гнева.

* * *

Уэр задержался в кабинете Грайта, когда остальные уже вышли. Медленно и тщательно складывал он свои приборы обратно в чемоданчик.

– Эзир, наш черный бог, кажется, еще далеко, – вздохнул он.

Грайт молча кивнул, погруженный в свои мысли. Затем он взглянул на Уэра:

– Ты можешь дать мне один из твоих демодуляторов, Уэр? Ты – единственная надежда на успех, ты и твоё изобретение. Нельзя, чтобы видели, что ты слишком часто приходишь сюда и присутствуешь на закрытых совещаниях. С помощью телепатии ты можешь следить за каждой конференцией, и если ты научишь меня обращаться с этим демодулятором...

Обычная сутулость Уэра, его неприметность внезапно исчезли, когда он выпрямился, – теперь перед Грайтом стоял высокий крепкий человек с открытым мужественным лицом, с темными глазами, в которых светился ум. Он медленно поднял руку и коснулся телепатического обруча на голове.

– Я думаю, мы оба будем заняты сегодня вечером, Грайт. Ты встречаешься с людьми, которые тебе подчиняются, а я... у меня встреча с Эзиром, который мне не подчиняется. – Его губы слегка дрогнули в невеселой улыбке. – Но если ты хочешь научиться самостоятельно управляться с этими приборами, заходи ко мне в мастерскую завтра утром. А сейчас мне надо еще многое сделать.

– Будем надеяться, что сегодня вечером наши планы не изменятся. Хочется верить, что ни сарны, ни Друнел не догадываются об истинном источнике опасности, – вздохнул Грайт. – Но сюда ты больше не приходи, Уэр.

– Может, так оно и лучше, – кивнул мастер, беря в руки чемоданчик.

Глава вторая

Друнел заглянул в холодные глаза Матери сарнов с вертикальными черточками зрачков и торопливо заговорил:

– Но они не так уж беспомощны. У них есть оружие, сконструированное одним из людей Грайта. Это ручное оружие, стреляющее маленькими металлическими пулями. Духовое ружье.

Лишенные всякого выражения немигающие глаза Правительницы пристально изучали собеседника, гладкая кожа ее лица отливала медью.

— Я не вмешиваюсь в человеческие распри, — бесстрастно объявила она. — Мне прежде всего дороги интересы сарнов. Но если дело примет серьезный оборот, я отправлю свой легион, чтобы навести порядок. Мне не нравится Грайт. Он не хочет подчиняться моим законам, так что я дам тебе то, о чем уже говорила, — корону и сверкающий луч, но не больше. Ты получишь по тысяче штук и того, и другого и раздашь своим людям, остальные будут сражаться так, как посчитают нужным... Стек Тарг, проводи их в зал оружия и выдай то, что нужно. — Глаза матери сарнов закрылись. Она сидела совершенно неподвижно, пока сарн, которого она вызвала, медленно расправил свои свитые в клубки гибкие руки и поднялся с кресла. Мягко и бесшумно он вышел из зала для аудиенций. Следом за ним отправились Друнел и шесть человек его свиты.

— Тебе придется вызвать еще людей, — отрывисто произнес Стек Тарг.

— Рендан, — обратился Друнел к одному из своих спутников, — скажи Сарсуну, что нам понадобятся семьдесят пять человек, желательно проверенных и не болтливых, они должны ждать у ворот сразу после наступления сумерек, то есть через два часа. Я пошлю кого-нибудь за ними, когда мы будем готовы.

Рендан отделился от группы и поспешил через лабиринт коридоров. Друнел последовал за молчаливым сарном через незнакомые помещения к гигантскому лифту. Спустившись на тысячу футов, они вошли во влажный прохладный коридор, где царил полумрак. Коридор освещался лишь расположенными на значительном расстоянии друг от друга прожекторами, горевшими с минимальным накалом.

Сарн уверенно повернул налево. Перед ними открылся вход в тускло освещенные залы, гранитные стены которых сверкали от влаги. В сумерках неясно вырисовывались мрачные конструкции из металла и пластика. Оружейный склад сарнов! К оружию, хранившемуся здесь, не притрагивались четыре тысячи лет...

Друнел вглядывался в бесконечные ряды упакованных предметов, но, стараясь не показывать своего интереса, он не замедлял шага, и его тонкое лицо аскета ни разу не повернулось в сторону. Тем не менее ни одна мелочь не ускользала от его внимания.

Но вот сарн повернулся к Друнелу и встретился взглядом с человеком. Тонкий, как ниточка, разрез губ изогнулся в подобие улыбки:

— Я возьму корону и оружие. Но люди не должны пересекать порог этого чертога.

Отвернувшись, он замолчал. Сарн двинулся к темному проему, и вдруг шар раскаленной плазмы скользнул с потолка вниз и внезапно взорвался прямо перед слугой повелительницы Земли. Шар горел, должно быть, секунд десять, и все это время Друнел стоял в оцепенении, не в силах шевельнуться. В его ушах звучал странный пронзительный звук, буквально парализовавший его.

Пламя погасло, и загадочный звук исчез. Друнел ослабился и безвольно опустился на колени. Он уперся руками в пол, низко опустив голову, которая раскачивалась, как травинка на ветру. Огромным усилием он смог заставить себя поднять голову. Глаза заливал липкий холодный пот, и он не сразу смог поймать взгляд узких рубиновых глаз сарна, стоящего в дверном проеме. Тонкий рот сарна слегка дрогнул. Инопланетянин отвернулся от поверженного землянина и медленно вошел в комнату.

Друнел медленно поднялся на ноги. Его темные, налитые кровью глаза сверкали от невыразимой ненависти. Это чувство клокотало в нем, он задышался и, как в бреду, сделал неуверенный шаг в сторону запретной двери. Затем сознание стало медленно возвращаться к нему, дрожь схлынула, и у него появилось безумное желание изо всех сил врезать по тонким губам Стека Тарга...

— Друнел, — раздался слабый голос позади него. Он с трудом повернулся и увидел Грасуна, протягивавшего ему дрожащую руку и умоляюще глядевшего на него. — Нам нельзя здесь оставаться.

Друнел оттолкнул руку своего сторонника.

— Я останусь, — прошептал он и оглядел остальных из своей свиты. Фарнос прислонился к стене, его тряс-

ло, а из ноздрей текла кровь. Томус, держась за стену, пытался встать. Блисун раскачивался из стороны в сторону, безумным взглядом уставившись прямо перед собой. Остальные все еще беспомощно лежали на полу. — Этот сарн мог бы предупредить нас...

— Он предупреждал, что люди не должны переступать порог этого хранилища, — с трудом прошептал Фарнос. — Но он не сказал, что людям нельзя даже близко подходить к дверям.

Постепенно болезненные ощущения уже начали отступать. Неожиданно позади раздался грохот, и Друнел увидел, что сарн возвращается. Он катил перед собой небольшую четырехколесную тележку, груженную сотней или более маленьких серых коробок.

Стек Тарг остановился возле дверного проема и посмотрел на Друнела и его товарищей.

— Вероятно, вам будет лучше отойти подальше от дверей, когда я повезу тележку, — с иронией в голосе заметил он.

Люди, пятясь, начали отступать, а сарн невозмутимо двинулся вперед и выкатил тележку в коридор.

— Теперь можете взять короны, — сказал Стек Тарг. — Они защитят вас от воздействия кристаллов.

Друнел подошел к тележке, взял одну из круглых коробок и извлек оттуда причудливой формы корону, представлявшую собой металлический обруч, внутри отделанный упругим материалом, с восемью криво торчащими металлическими стержнями, увенчанными золотыми шариками. В центре, над макушкой, в золотом корпусе был размещен какой-то крошечный механизм.

— С помощью этой короны можно послать во врага энергетический заряд, — пояснил сарн. — Он опасен для материальных объектов и смертелен для любого живого существа, у которого при себе имеется какой-нибудь металлический предмет.

Друнел снял обруч из серебра с эмалью, который носил уже долгие годы, и, сунув его в карман, водрузил на голову корону. Он коснулся крошечной кнопки над бровью, и тут же легкий энергетический удар пронзил его тело. Испугавшись, Друнел выключил корону.

— А вот сверкающий луч. — Стек Тарг открыл одну из коробок и извлек оттуда предмет, сделанный из черно-

го пластика и тускло сверкающего металла. В центре необычного оружия сверкал кристалл. — Эта «игрушка» способна парализовать на целый день пятьсот человек, на несколько минут — тысячу и навсегда — двести. Вот на эту кнопку надо нажать, чтобы произвести выстрел.

Сарн взял предмет в свои руки, гибкие, как щупальца, и направил его в дальний конец коридора. Длинный палец, изогнувшись петлей, легко коснулся кнопки, и из кристалла внезапно вырвался тонкий прозрачный луч, мгновенно растаявший в невидимых просторах коридора.

— Дальность действия этого оружия — около трети мили, — пояснил сарн.

Друнел взял такой же лучемет из другой коробки и положил его в широкий карман своего плаща. Его спутники, закончив примерять короны, принялись разгружать тележку.

Стек Тарг вернулся в арсенал, и вновь с потолка соскользнул шар плазмы. Друнел коснулся кнопки на короне и услышал приглушенное, идущее как будто издалека, гудение кристалла. От этого звука у него заныли зубы — будто в них впилось невидимое сверло. Он сделал несколько осторожных шагов к дверям. Пот выступил у него на лице, и ноги начали дрожать. Друнел снова нажал на кнопку и, повернувшись, побрел назад.

— Грасун, включи свою корону, — приказал он, не отрывая глаз от золотых шариков на короне Грасуна.

Он тут же ощутил, как, заставив его на миг отшатнуться, хлынула горячая энергетическая волна. Но в следующий миг глаз Друнела смог уловить только легкие тени — это включилась защита его короны.

— Хорошо, Грасун, теперь можешь выключить... Нам надо перетащить все это оружие к подъемнику, а потом к воротам города сарнов. Но сначала я кое-что хочу выяснить...

Друнел остался стоять недалеко от дверей, глядя, как его люди грузят коробки в подъемник. Мимо него вновь прошел Стек Тарг, толкая перед собой очередную тележку. Включив кнопку на короне, Друнел шагнул к нему, протягивая руки к коробкам.

– Стой! – крикнул сарн, отскочив в сторону и грозно сверкая глазами. – Ты же включил энергетический щит! Выключи немедленно корону!

Пробормотав извинения, Друнел щелкнул кнопкой и поднял несколько коробок с тележки. Теперь он знал, что хотел. У сарнов не было защиты от энергетической волны короны.

Глава третья

Дея открыла дверь, и Грайт, быстро оглянувшись на группу людей в тени деревьев, вошел в дом. Последние краски заката исчезали с неба, и тьма окутала мир, пропитав прохладой чистый воздух предместья. Весенние ночи еще не были теплыми, какими они должны стать недели через две. Почти полная луна висела в небе, но ее свет еще терялся на фоне последних лучей солнца.

Дея взглянула через плечо Грайта на улицу и быстро потянула его внутрь.

– Они сегодня чересчур активные, Грайт, – с тревогой сказала она. – Не такие, как обычно. Сегодня днем пришла Тера и сказала мне, что восстание вот-вот начнется... И Бартел так считает.

Грайт кивнул и закрыл за собой дверь. Грустно улыбнувшись, он взглянул в ясные голубые глаза Деи, вопросительно смотревшей на него снизу вверх. Грайт был намного выше ее ростом, но Дея олицетворяла собой возрождение крови древних скандинавов. Ее золотистые волосы, стройная фигура и правильные черты лица напоминали об одной из самых благородных рас человечества. Грайт вздохнул и взял ее руки в свои.

– Восстание произойдет сегодня ночью, дорогая моя, – тихо произнес он. – Но мы к нему еще не готовы.

Дея отступила на шаг, чтобы получше рассмотреть Грайта. Его лицо казалось измученным и осунувшимся, в глазах застыла тревога и предчувствие беды.

– Мать сарнов помогла Друнелу, как ты и боялся? – осторожно спросила она.

Грайт кивнул с обреченным видом. Его палец коснулся телепатического диска на лбу.

– Ты пыталась проследить за мыслями кого-нибудь из его людей сегодня?

– Нет, я пыталась проследить за твоими мыслями, – улыбнулась Дея. – Но уловить мне удалось только случайные обрывки. Например, около четырех часов дня ты был очень мрачен и сердит.

Грайт кивнул.

– У нас было совещание. Друнел получил у Матери оружие, но, как ты знаешь, я не могу читать его мысли. Я стал следить за мыслями Рендана, чтобы узнать, что это за оружие. Однако Друнел отправил его за подмогой... Рендана не было в оружейном складе сарнов, и он не видел, что там произошло. Если бы я мог следить за Друнелом! Но, клянусь Эзиром, он один из тех редких людей, которые ментально совершенно непроницаемы.

– Так ты не знаешь, что это за оружие?

– Нет, – покачал головой Грайт. – Но я верю, что Мать не могла ему дать ничего уж очень смертоносного. Скорее всего, она дала ему простое, но мощное орудие защиты.

– Пойдем на кухню. – Дея повернулась и направилась по коридору в глубь дома. – Тера надеется, что Бартел скоро зайдет.

На мгновение Дея обернулась, и их взгляды встретились. Несколько мгновений влюбленные стояли, концентрируя свои ментальные силы, затем кивнули друг другу, когда мысли Бартела, слабые и неясные на расстоянии, достигли их. Без сомнения он направлялся сюда.

Грайт обнял Дею за плечи, и они пошли на кухню, где их ждала Тера. Она вынесла стол на выложенную каменными плитками террасу, обрамленную кустами ночных роз, несколько бутонов которых уже раскрылись. С неба исчезли последние размытые краски заката, и, укрывая подлесок от лунного света, на землю легли тени деревьев.

Когда стол был накрыт, в дверь позвонили. Тера пошла открывать и через несколько мгновений вернулась на террасу вместе с Бартелом.

– Они стоят повсюду, сбившись в группы, – объявил Бартел, усаживаясь за стол. – Проходя мимо,

чувствуешь их ненависть. Похоже, силы равны, и, наверное, именно поэтому сторонники Друнела бездействуют. Пока я шел сюда, никто не пытался ни остановить меня, ни поинтересоваться моими документами... И все же, Грайт, я думаю, здесь оставаться опасно. Нас могут захватить врасплох в любой момент...

— И все же не следует действовать чересчур поспешно, — осадил Грайт своего помощника.

* * *

Когда ужин закончился, Дея и Тера ушли на кухню, а Грайт и Бартел остались сидеть на террасе, попыхи-вая трубками. Грайт вынул из кармана небольшой плоский флакон и поставил его на стол, вопросительно взглянув на товарища.

— Я думаю, пора уже натереться. Попробуем?

Бартел взял флакон и повертел его в руках.

— Лунный крем, — задумчиво произнес он. — Интересно, действительно ли он так эффективен, как считает Уэр?

— Сейчас узнаем. — Грайт выдавил из флакона немного крема и натер им сначала руки, затем лицо и шею. Крем мгновенно впитался в кожу, он был совершенно бесцветным и невидимым в искусственном электрическом свете. Грайт поднялся и спустился с террасы в сад, освещенный лишь бледным светом луны. Он вступил в тень огромной раскидистой яблони и вдруг исчез. Лишь смутное темное пятно неясно вырисовывалось во мраке. Когда он снова вышел на свет, его малиновый плащ, темно-синий костюм, лицо и руки были абсолютно черными.

Грайт медленно подошел к Бартелу.

— Да, — кивнул Бартел, оценивающе глядя на Грайта. — Действительно, производит впечатление. Я и не ожидал. — Он принялся втирать крем в кожу. — Надеюсь, он безвреден?

— Не волнуйся, абсолютно безвреден, — усмехнулся Грайт. — Безвредная субстанция, которая не отражает поляризованный свет. Ты знаешь, ведь лунный свет обманчив, но сегодня он послужит нам на пользу. Мы будем совершенно невидимыми в тени, и это будет нашим

опознавательным знаком, символом, которого нет у Друнела.

Бартел вглядывался в освещенный луной город.

— Когда я расстался с Кароном, он собирал людей и раздавал им этот крем, — сказал он и внезапно встрепелся. — Послушай!

Откуда-то со стороны площади до них донесся чей-то голос, выкрикивавший какое-то слово. Вскоре к нему присоединились и другие голоса, их выкрики становились все громче и громче. И вот уже совсем недалеко от себя Грайт и Бартел слышали ликующий вопль:

— Друнел! Друнел!

Они слышали топот ног — множество людей бежало в направлении площади. Бартел с тревогой посмотрел на Грайта.

— Карон собирал людей, но у нас плохо налажена связь, и многие из отдаленных районов еще не готовы, — словно оправдываясь, проговорил он. — Друнел опередил нас, к тому же ему помогает Мать сарнов.

— Кроме того, у него хорошо налажена связь, — мрачно отозвался Грайт. — Он сумел оповестить весь город за полторы минуты. Теперь они уже выступили...

Где-то неподалеку раздался сдавленный вопль, который тут же оборвался, зато вокруг зазвучало еще несколько голосов, выкрикивающих проклятия. Раздались грозные команды, топот ног и звон металла, затем внезапно дверь дома задрожала от тяжелых ударов.

Грайт стремглав пробежал через кухню и коридор, схватив по дороге увесистую металлическую палку.

— Кто там? — тяжело дыша, спросил он, сжимая палку в руке.

— Я, кто же еще! Скорее открывай дверь! На улице слишком много всякого сброда, и у меня нет никакого желания вступать с ними в спор, — раздался из-за двери грохочущий бас Карона.

Грайт открыл дверь, и Карон ворвался в дом, сразу же захлопнув дверь за собой. А потом он еще запер ее на тяжелый засов. Его зеленый плащ легиона мира был разорван, в огромной руке он сжимал ножку от стола, перепачканную кровью.

— Они уже выступили, Грайт! — яростно загрохотал Карон. — Мои люди тоже собираются, но они успели

нас опередить и занять лучшие позиции. Проклятые прихвостни сарнов! Однако, надеюсь, они не успеют занять площадь перед дворцом инопланетян, если только Мать сарнов не дала Друнелу половину своего арсенала.

– Не дала, – успокоил его Грайт. – Я же говорил – она хочет, чтобы мы оказались в почти равных условиях. У Друнела должен быть небольшой перевес.

– Я думаю, надо плотно закрыть ставни, – сказала Дея, незаметно подошедшая к ним. – И выключить свет, а то мы все здесь как на ладони.

Карон улыбнулся ей и подошел к висевшей на стене веревке.

– Хорошая мысль, – одобрил он и потянул за веревку. Тонкие металлические ставни бесшумно скользнули вниз одновременно на всех окнах, плотно закрыв их.

– Остальные представители придут позже, – сказал Грайт. – Мы должны обеспечить их безопасность...

– Не беспокойся, – проворчал Карон. – Они находят-ся под защитой трех самых сильных моих отрядов. Вокруг этого дома я организовал надежное кольцо охраны. Мои люди повсюду, так что ни один человек Друнела не появится поблизости незамеченным. Наши обязанности поднимут тревогу. Лунный свет обманчив, подкрадывающийся человек кажется кустом, но, клянусь Эзиром, мои люди сразу разберутся, что это за куст. К тому же у Друнела нет лунного крема.

– У них есть черные лампы, – заметила Дея. – Они могут использовать их.

– Вряд ли, – возразил Карон. – Слишком заметно. – Он повернулся к Грайту. – Итак, я хочу услышать твой план, Грайт.

– У меня и в самом деле есть план действий, но только очень приблизительный, – покачал головой Грайт. – В деталях его невозможно было проработать. Мы еще не готовы. Где-нибудь через месяц – а может, даже и через неделю – мы могли бы призвать Эзира к нам на помощь. Тогда ситуация бы резко изменилась. Но теперь нам придется действовать по обстоятельствам. Сначала надо собрать всех представителей и обеспечить их безопасность. Затем, чтобы остановить бойню, мы должны каким-то образом уничтожить трех человек: Друнела, Рен-

дана и Грасуна. У наших врагов нет установленного порядка в наследовании лидерства, и, как только мы уничтожим вожakov, они начнут грызню за власть. Если бы нам удалось сделать это сегодня ночью, мы выиграли бы время, которое нам необходимо, чтобы вызвать Эзира... К тому же Мать сарнов будет внимательно следить, чтобы одна из сторон победила, но не сразу. Итак, нам нужно убрать с дороги Друнела, Рендана и Грасуна.

— Понятно, — кивнул Карон. — Но они будут на площади перед дворцом Матери сарнов, окруженные плотным кольцом своих людей. До них будет трудно добраться. К тому же мы не знаем, что у них за оружие.

Грайт слегка коснулся рукой обруча на голове.

— Все же мы попробуем использовать наши методы, — тихо сказал он, взглянув на Карона. Во взгляде Карона появилась робкая надежда.

— Попробуем!

— Представители с охраной уже совсем близко, — прошептала Дея, ощутившая ментальный сигнал. Ее глаза были широко раскрыты от напряжения. — Они уже у дверей...

В то же мгновение снаружи раздался стук. Карон открыл дверь, и в дом вошли десять человек в малиновых плащах. В небольшой прихожей сразу стало тесно. Еще пятьдесят человек в темно-зеленых плащах легиона мира и боевики в гражданской одежде остались снаружи.

Карон вышел к ним.

— Рассредоточьтесь вокруг дома, — отрывисто приказал он. — Убедитесь, что между оцеплением и домом нет людей Друнела.

Когда его люди безмолвно растворились в темноте, Карон вернулся в дом и закрыл дверь.

— Надо идти на площадь. — Грайт твердо посмотрел в глаза Карону. — Я не слышал ни звука с того момента, как люди Друнела прокричали его имя. Я пойду с тобой, Карон. Мы должны выступить как можно быстрее. Нам нужны Друнел, Рендан и Грасун.

— Я думаю, они не одобряют наш план, — мрачно пошутил Бартел. — И скорее всего, предложат нам свой — уничтожить тебя, меня и Карона. Поэтому я считаю, что тебе лучше остаться здесь, под охраной. Разве ты не понимаешь, Грайт: если смерть Друнела обезглавит его

сторонников, то твоя смерть внесет замешательство в наши ряды. Если ты погибнешь, борьба будет закончена и Друнел победит.

Грайт покачал головой:

– Если мы останемся здесь, то ему будет не так уж трудно захватить нас, несмотря на охрану, – решительно сказал он. – Мы пойдем туда, где нас не ждут. Когда мы будем в городе, наши люди защитят нас, а Друнел, не зная, где мы находимся, не сможет организовать нападения. Ведь ему нужны только мы, Бартел, не забывай об этом.

Грайт шагнул за дверь, за ним последовали Бартел и Карон, и через мгновение все трое исчезли во мраке. Серебристый лунный свет казался им необычайно ярким, даже более ярким, чем золотистый свет солнца. Тени деревьев были черными и непроницаемыми, но от одного дерева вдруг отделилась черная фигура, бесшумная и бесплотная, словно призрак.

– Между домом и кольцом охраны нет никого, – прошептал человек, приблизившись. Карон кивнул.

– Надо собрать людей возле дома Фалуна. Мы идем на площадь перед дворцом, – тихо проговорил он и шагнул в тень. В руках его блеснул какой-то металлический предмет.

Грайт остановил Карона и, забрав у него оружие, отшвырнул в сторону.

– Оружие, которое Мать дала Друнелу, скорее всего, будет электромагнитным, – сказал он. – У нас должно быть только деревянное оружие. И предупреди своих людей, чтобы у них не было ничего металлического.

За углом дома они встретили группу боевиков, и Карон подошел к ним. Вскоре до слуха Грайта донеслось тихое звяканье – люди побросали все металлические предметы на землю, а после этого бесшумно разбрелись в разные стороны. Через несколько мгновений безмолвные тени вновь собрались на том же самом месте. Грайт напряг зрение и разглядел в руках у собравшихся деревянные ножи столов и стульев и пару пластиковых прутьев. И все же на боку у каждого покачивались металлические духовые ружья.

Грайт кивнул своим спутникам, и они, стараясь держаться в тени деревьев, молча пошли по улицам, уто-

пающим в лунном свете. По дороге к их группе то и дело присоединялись люди с такими же, как у них, черными лицами.

Далеко впереди, на площади перед дворцом Матери сарнов, горели огни. Собравшиеся там люди стояли плотными группами и ничего не предпринимали, выжидая. Грайт свернул в боковую улицу, направляясь навстречу группе людей, двигавшейся по параллельной улице. Через некоторое время он увидел их — темные фигуры с белыми лицами, уверенно направляющиеся к площади. Во главе отряда шли шесть человек с какими-то странными коронами на голове и длинными тонкими стержнями в руках.

Силуэты этих людей то и дело исчезали в более глубокой тени деревьев. Отряд сторонников Друнела двигался осторожно, держа оружие наготове.

Внезапно тишину прорезал громкий голос Карона, узнавшего одного из тех, что были в коронах:

— Грасун! Клянусь Эзиром, Грасун!

Угрожающие крики раздались со стороны группы сторонников Друнела, и в то же мгновение у всех в ушах зазвучала пронзительная ноющая нота. Едва различимый луч света ударил в грудь Карона, прошел сквозь него и стал вибрировать, скользя по другим людям с темными лицами. Карон задрожал всем телом. Его ноги подкосились, и он едва не потерял сознание, но все же устоял на ногах, крепко сжимая в руках огромную дубовую ножку от обеденного стола. Люди рядом с ним корчились и падали, выпуская оружие из онемевших рук. Люди Друнела бросились вперед с криками победы, и тонкий сверкающий луч вновь пронзил тело Карона. Командир легиона мира зашатался и, закрыв залитые потом глаза, сделал неуверенный шаг вперед, не выпуская дубинку из рук. Внезапно он вскинул голову и, до хруста стиснув зубы, бросился вперед, высоко над головой подняв огромную ножку дубового стола. Сбитые с толку враги отскочили в сторону, в ужас глядя на огромную фигуру, грозно и неумолимо надвигавшуюся на них. Еще несколько мгновений — и гигант оказался рядом с Грасуном, занес над ним дубину.

Грасун отпрянул, подняв белое лицо к лунному свету, но в тот же миг его рот искривился в злорадной ухмылке, и он медленно навел свое оружие на Карона. Он знал, что его охраняет невидимый щит и уже устыдился своего минутного страха. И тут страшный удар дубины сбил его с ног.

Грасун упал на землю, и сверкающий луч прочертил стремительный путь по верхушкам деревьев. Карон отбросил в сторону расколотую пополам деревянную ножку, убедившись, что пробить защиту врага невозможно. Самое большее, что он мог сделать, — это оглушить Грасуна, испытавшего, видимо, сильный толчок, но не более того.

В это время один из сторонников Друнела, придя в себя, бросился на Карона. Вновь сверкнул тонкий лучик, но Карон уклонился, ощутив лишь сильный удар в плечо, и с криком ярости устремился к нападавшему. Своими огромными ручищами он схватил врага, поднял его высоко в воздух, как ребенка, и со страшной силой швырнул на упавшего Грасуна. Пронзительный вопль ужаса огласил город — два защитных энергетических поля закоротило. Тот, которого Карон бросил, прорвал энергетический щит Грасуна, но сгорел сам и, тлея, затих на камнях мостовой.

— Камни! — крикнул Карон, повернувшись к своим. — Тех, кто в коронах, надо бить камнями!

* * *

Остальные люди Грайта не стремились, как Карон, бороться врукопашную. Стреляющие почти бесшумно духовые ружья уложили уже немало сторонников Друнела. Но пули отлетали рикошетом от тех, кто носил короны. Они стояли невредимые, и их поющее сверкающее оружие продолжало вонзаться в людей, отступавших в густую тень деревьев.

Гранитный булыжник размером с человеческую голову со свистом вылетел из темноты, направленный прямо в Грасуна, который в этот момент, шатаясь, неуверенно поднялся на ноги. Щит отразил камень, но внутреннее сотрясение поля вновь сбило Грасуна с ног. Он рухнул на колени, тряся головой, инопланетное оружие выпало из его рук.

– Камни! – кричал Карон. – Большие камни надо кидать, идиоты! Не камушки, болваны, а булыжники! У них силовые щиты, но булыжники их пробьют!

– Все бросайте камни в Грасуна, – раздался из темноты голос Грайта. – Нас много, и мы пробьем его щит.

Через мгновение град камней обрушился на Грасуна, но щит отражал их – как будто невидимая резина смягчала удары, и Грасун лишь дергался, но продолжал стоять на коленях. Наконец огромный булыжник, брошенный Кароном, свалил несчастного на землю. Грасун завыл, корчась и отчаянно пытаясь встать. Он взывал о помощи, но никто из его людей не осмеливался подойти к нему – коснуться щита было равносильно смерти.

– Карон, Карон! – Резкий голос Грайта остановил командира легиона мира в тот момент, когда он поднял над головой очередной камень. На мгновение гигант в замешательстве остановился, затем поймал телепатическое послание Грайта и, подозвав дюжину боевиков, быстро построил их в шеренгу. Тяжелые камни полетели одновременно, и люди в коронах, не выдержав такого натиска, зашатались и начали падать. Деорганизованная толпа сторонников Друнела начала отступать, но духовые ружья косили их ряды.

Но вот почти не осталось сторонников Друнела, не защищенных коронами: большинство его приверженцев лежали на земле, остальные пытались спастись бегством. Но шестеро – те, кто был в коронах, – образовали тесный круг возле поверженного Грасуна, беспорядочно посылая во все стороны сверкающие лучи.

Однако Карон уже завладел одним из таких лучеметов. Это было оружие Грасуна. Грайт забрал его у Карона и, повертев в руках, тихо подозвал одного из своих людей.

– Надо отнести это к Уэру, – прошептал он. – Карон! Мы должны достать хотя бы одну корону! – крикнул он, повернувшись к командиру легиона мира. – Не давай им сбежать! Мы должны схватить Грасуна!

– Тарнор, – тяжело дыша, проговорил Карон, обращаясь к одному из своих боевиков, – ты знаешь дом Уэра? Бери эту штуковину и бегом к нему! – Человек с черным лицом молча забрал энергетическое оружие и

мгновенно растворился в темноте. – Ну, а что теперь? – Карон повернулся к Грайту. – Мы можем сдерживать их, пока хватит камней, но пробить щиты не удастся. Я бы разорвал этих гадов на куски, но касаться их силовых щитов нельзя – это смертельно опасно.

Внезапно из тени деревьев появился еще один человек. Он протянул Карону большую деревянную бадью. Схватив ее, Карон выплеснул воду на людей в коронах. Капли воды облепили невидимый кокон силовой защиты, но затем стало происходить что-то странное.

Грасун издал пронзительный вопль ужаса. Вода, касаясь силового поля над его головой, пенилась, шипела. Вот предводитель сторонников Друнела начал кататься по земле, а потом неожиданно затих, когда его силовой щит соприкоснулся с краем другого щита. Двое носителей корон превратились в черные мумии, остальные предпочли спастись бегством. С победными криками люди Грайта вышли из тени деревьев.

Когда все было кончено, отряд людей Грайта двинулся на площадь. Сам Грайт старался сосредоточиться, обмениваясь ментальными посланиями с Деей и Уэром, который изучал их трофей – оружие сарнов...

– Наши люди уже знают, что металл опасен, – раздался за плечом Грайта голос Карона. – Жаль, что они не знают, что можно пользоваться камнями. В который раз жалею, что у нас нет связи дальнего действия!

– Вода намного эффективнее, – отозвался Грайт. – Если бы мы могли использовать пожарное оборудование!

Глава четвертая

Они уже подходили к площади. На стенах домов, где был выключен свет, внезапно вспыхнули яркие отблески сверкающих лучей, выпущенных сторонниками Друнела. Из окон и дверей стали выпрыгивать люди, с криками падали они на колени и, зажимая уши, вопили от боли...

Но вот Грайт увидел его – своего противника, человека, на одной планете с которым он не мог существо-

вать. Сегодня ночью один из них должен погибнуть. Грайту было не страшно умирать, но он думал о Дее, о тех людях, которые шли сегодня с ним на площадь. Он должен победить...

Выбежавшие из ближайшего горящего дома люди заметались в тени деревьев. Несколько из них, увидев Карона, бросились к нему.

– Грайт, – обратился гигант к своему вождю. – Наши люди – те, которые в домах, – не могут подобраться достаточно близко к группе Друнела, чтобы бросать камни. Эти негодяи поливают всех своими лучами. Что мы можем сделать, Грайт, как нам защититься от их проклятых лучей?

Грайт сосредоточился, пытаясь связаться с Уэром. Потом, взглянув на Карона, он лишь молча покачал головой. Тяжело дыша, командир легиона мира в ярости уставился на Грайта.

– Пока ничего нельзя сделать, Карон, – тихо прошептал Грайт. – Придется действовать так...

Между тем топот ног и гул голосов все усиливались. На площадь выходили новые и новые отряды боевиков. Решающее сражение было неминуемо.

– Мы проиграем, Грайт, – в отчаянии простонал Карон. – Мы не сможем ничего сделать. Площадь окружена, у них короны, они защищены, а мы – нет!

Еще в одном здании разорвался ужасающий по своей силе энергетический заряд. Люди в панике, с обезумевшими лицами выбегали из этого здания – в обманчивом свете луны все происходящее казалось нереальным.

– Если мы не схватим Друнела сегодня ночью, у нас вряд ли будет еще такая возможность, – твердо сказал Грайт, глядя в глаза Карону. – Если мы сдадимся или хотя бы отступим, то очень многие из наших присоединятся к Друнелу. Мы не имеем права отступать.

– У нас нет другого выхода, Грайт! Мы должны отступить, – настаивал Карон, глядя с несчастным видом. – Если бы у нас был четкий план, если бы у нас была надежная ментальная связь... Но теперь не о чем говорить. Если мы могли бы соединиться с нашими основными силами! Грайт, у меня ощущение, что все это происходит не по-настоящему! Грайт, ответь!

Но Грайт молчал, его лицо было обращено к обманчивому лику луны, он ждал ответа на терзавшие его вопросы...

Противники готовились к решающей схватке.

По боковым улицам подходили отряды сторонников Грайта. Не выходя на площадь, они через задние двери пробирались в окружавшие площадь дома и занимали оборонительные позиции. Еще один отряд — очень большой — стремительно ворвался на площадь и, оценив опасность сверкающих лучей, рассеялся — боевики прятались в домах и в тени деревьев.

Карон обрадовался подкреплению, но гонец, который прибыл вместе с отрядом, заставил его вновь разозлиться. Оказалось, что это было вовсе не подкрепление, а беглецы: сторонники Друнела выкурили людей Грайта из домов на окраинах и те в панике отступили на площадь. Тем временем с другой стороны площади подошли еще люди Грайта, но и они, охваченные общим безумием, поспешили укрыться в домах. А потом люди Друнела начали поджигать дома один за другим... Неистово пляшущие языки огня на крышах внезапно взяли верх над лунным светом. Его обманчивые краски больше никого не могли ввести в заблуждение, лунный крем на лицах сторонников Грайта тоже стал бесполезным.

Карон повернулся к своему вождю. По его лицу пробежали отблески ярких вспышек.

— Отступать нельзя, Грайт! Теперь мы просто не прорвемся, потому что половина наших людей уже на площади и они окружены боевиками Друнела. Другую половину наших, видимо, удерживают на окраинах, не подпуская к площади. Нас рассекли надвое, словно дождевого червя! Грайт, надо что-то делать!

Грайт неотрывно смотрел на распространявшееся пламя, пожиравшее дома один за другим. Человеческие жилища были каменными, но полы, стены и перекрытия — деревянными, — легкая добыча для огня, неистово бесновавшегося и готового, казалось, пожрать весь город. Кладка тысячелетней давности не выдержала бешеного натиска огня, и один дом рухнул.

* * *

Друнел стоял едва ли не в центре площади, окруженный большим отрядом вооруженных боевиков. Его лицо, освещенное сполохами огня, было искажено злобщей улыбкой, он непрерывно размахивал руками, отдавая приказы. Увидев спешащего к нему посыльного, вынырнувшего из боковой улицы на площадь, Друнел сжался в ожидании известий, но гонец вдруг на его глазах рухнул на землю под градом вылетевших из дома камней. Удар оказался настолько сильным, что энергетический щит не выдержал — мощная вспышка огня поглотила человека, и через мгновение от него осталась лишь кучка пепла.

Вскоре показался другой посыльный, который, увидев, что произошло с его предшественником, заметался, пытаясь увернуться от летевших в него камней, но ему это не удалось — огромный булыжник сбил его с ног, а вода сожгла его силовой щит, и он тоже, воя и корчась, расстался с жизнью.

Друнел словно окаменел. Его лицо — тонкое, худощавое лицо аскета — еще больше заострилось, глаза горели неистовым, безумным огнем. Он ненавидел Грайта, и эта ненависть сейчас достигла наивысшей точки.

* * *

— В дома им не прорваться, — хрипло проговорил Карон. — Вода и камни их остановят. Но теперь им помогает огонь... Огонь гонит наших людей из домов, безоружных, а они со своими лучами...

Карон в отчаянии замолчал, глядя, как на крыше одного из зданий несколько человек в темно-зеленых плащах разворачивали садовый шланг, чтобы затушить пожар. Сверкающий луч, метнувшийся откуда-то из дальнего угла площади, свалил сначала одного из них, а затем и остальные рухнули на крышу, уже не замечая, как огонь лижет их руки и лица...

* * *

Человек Грайта, задыхаясь и едва держась на ногах, вынырнул из темноты, прижимая к груди три короны.

— Вот, — тяжело дыша, проговорил он, протягивая короны Грайту. — Оказывается, они не всегда их включают.

Грайт схватил короны, затем внимательно посмотрел на того, кто преподнес ему столь ценный дар.

— Как тебе удалось их достать?

— Мы следили за людьми Друнела, когда они шли по улице. Некоторые в тот момент не пользовались защитой, и трое из них упали при первом залпе наших духовых ружей. Других мы облили водой, и тогда сгорели те, у которых были включены щиты. А с этими тремя нам просто повезло.

— Хорошо, — кивнул Грайт. — Это увеличивает наши шансы.

— Да! — с воодушевлением воскликнул Карон. — Теперь у нас будет три человека, которые смогут противостоять сотне врагов, а может быть, и тысяче. Грайт! Ведь Уэр, наверное, сможет по этим образцам сделать такие же короны?

— Тарнсун, — тихо позвал Грайт человека, едва различимого в тусклом свете пожара. — Отнеси это Уэру. Включи одну из корон — и тогда ты сможешь беспрепятственно пройти через посты Друнела. Если не получится — возвращайся.

Грайт сосредоточился, отправил Уэру ментальное послание и немедленно получил ответ. Техник сообщал, что очень занят, и то, над чем он сейчас работает, важнее всего остального.

Тогда представитель Земли повертел короны в руках, затем одну отдал Карону, который, не отрываясь, смотрел на один из домов напротив, из которого выскакивали люди и тут же падали, сраженные лучевым оружием. Гигант скрипел зубами от ярости.

— Они нас уничтожат, — пробормотал он.

— Если бы это началось через месяц или даже через неделю, мы смогли бы призвать Эзира к нам на помощь. — Голос Грайта оставался спокойным, и лишь горевшие лихорадочным блеском глаза выдавали внутреннюю боль. — А ведь Мать сарнов наверняка знала это, поэтому и поторопилась снабдить Друнела оружием.

— И что теперь делать?! — в сердцах воскликнул Карон. — Попытаться организовать массированную атаку, чтобы захватить Друнела и Рендана?

— Рендана там нет, — вздохнул Грайт. — Он командует внешним оцеплением. Массированная атака приве-

дет лишь к десяткам и сотням смертей. В тех домах около пяти тысяч наших друзей. Надо попытаться как-то освободить их.

Глава пятая

Грайт медленно поднялся на ноги. Он ясно видел ментальную картину, которую Дея послала ему: терраса, где они недавно ужинали, старый дуб возле нее и сжимающееся вокруг дома кольцо боевиков Друнела, вооруженных энергетическими щитами и сверкающими лучами. Последний из легионеров Карона уже пал в бою. Но Грайт знал, что люди Друнела не станут использовать оружие против народных избранников, находившихся в доме. И он твердо знал, что они не причинят вреда ни Дее, ни Тере.

Представитель Земли коснулся крошечной кнопки на трофейной короне. Карон с удивлением наблюдал за ним. Вот Грайт внезапно вышел из тени на открытое место, ярко освещенное пламенем горящих домов.

— Оставайся на месте, Карон, — тихо приказал Грайт гиганту, когда командир легиона мира шагнул вслед за ним.

Карон неохотно отступил, в замешательстве глядя на своего вождя, который медленно сделал еще несколько шагов вперед, в сторону Друнела. Немедленно несколько лучей с разных концов площади устремились к нему, но они оказались бессильны перед энергетическим щитом короны. Грайт оказался неуязвимым, и лучи исчезли. Стоявший в окружении своих людей Друнел тоже шагнул ему навстречу.

— Какие будут условия, Друнел? — крикнул Грайт. Силовой щит приглушил его голос, но Друнел услышал.

— Почему ты говоришь о каких-то условиях, Грайт? — рассмеялся он. — Мне с тобой обсуждать нечего. Ты проиграл.

— Потому что тебе совершенно ни к чему уничтожать людей в этих домах. — Грайт кивнул на окна домов, окружавших площадь, из которых на него смотрели десятки глаз. — Тебе нужен только я. Ты убиваешь людей только затем, чтобы не дать мне возможности улизнуть, но при этом схватить меня не можешь — ведь меня за-

щищает корона. Мы отобрали у твоих людей несколько таких корон, которые дала тебе Мать сарнов, и благодаря им я и некоторые мои люди, а также Дея и Тера могут вырваться из рук твоих прихвостней. Не сомневайся: мы нанесем ответный удар, даже если Мать вновь захочет тебе помочь. Ты боишься этого, поэтому мы сейчас и будем говорить об условиях.

Грайт смотрел Друнелу в глаза, пытаюсь определить, известно ли его врагу точное число корон, отобранных у его людей. Но самое главное, что беспокоило Грайта, — знает ли Друнел о том, что Дея и Тера находятся в этот момент без охраны в доме, окруженном со всех сторон людьми в коронах под предводительством Бартун.

— Чего ты хочешь? — после минутного размышления спросил Друнел.

— Свободу и безопасность людям, которые сражались на моей стороне, — спокойно ответил Грайт. — Все мужчины, женщины и дети, которые сейчас находятся в огненном кольце и гибнут, должны быть спасены. Тогда я сдамся.

— Мне не нравятся твои условия, — зловеще рассмеялся Друнел. — Ты все равно не сможешь отсюда ускользнуть — мои люди окружили площадь. Они останутся тебя.

— Ты знаешь, что это не так, — покачал головой Грайт. — Я смогу уйти, если захочу. Так что же ты решишь?

— Я освобожу людей, которые не представляют для меня никакого интереса. — Темные глаза Друнела горели радостью победы. — Но мне нужно, чтобы сдался не только ты, а еще Бартел, Карон и представители городов. У тебя нет выхода, Грайт. Я и так делаю тебе слишком большую уступку — ведь твои люди зажаты в кольцо, а огонь распространяется достаточно быстро. Ты поступил хитро, используя камни и воду, но все равно не смог ничего добиться. Я, в отличие от тебя, Грайт, отдаю себе отчет в своих действиях. Я не подвергаю людей опасности, как ты, вызывая гнев Матери сарнов. Инопланетяне ценят и помогают тем, кто помогает им. Твои духовые ружья ничего не дали тебе, они лишь загнали твоих людей в капкан. Ты, который никогда не держал в руках книгу по военной

стратегии, никогда не участвовал в военных действиях, решил победить опытных воинов! Ты осмелился бросить вызов генералам сарнов, ты будоражил людей, сеял среди них смуту, подстрекая к борьбе против Правительницы! Ты, может быть, достаточно мудр, чтобы управлять безмозглыми скотами, которые сейчас дрожат от страха в горящих домах, но ты слишком глуп, чтобы тягаться со мной... Ну, что скажешь, Грайт?.. Я спасу этих людей, твоих тупоголовых прихвостней, но тебя будет судить Мать.

Грайт покачал головой.

— Не забывай, что я еще не схвачен, — спокойно произнес он. — Я как ртуть выскользну из твоих рук, едва ты попытаешься меня задержать. А Бартел тебе нужен по тем же причинам, что и я. Тебя ничуть не волнует судьба человечества. Тобою движут личные причины, личная ненависть. Я сдамся тебе, если ты поклянешься именем Катал Саргтан, что мои люди, за исключением меня и Бартела, получат свободу и неприкосновенность. Но Бартела попробуй схватить сам!.. Ты же говоришь, что через твое кольцо никто не прорвется...

— Нет! — резко оборвал его Друнел. — Пусть Бартел выйдет сюда и встанет рядом с тобой! Через мое кольцо никто не прорвется, но я хочу, чтобы он сам сдался на мою милость.

— Ты клянешься именем Матери Катал Саргтан, что те люди, которые сражались на моей стороне, будут спасены? Что у них будут равные права с теми, кто был с тобой?

— Клянусь Катал Саргтан, — неохотно кивнул Друнел.

— Ты клянешься Катал Саргтан, что у нас с Бартелом будет возможность поговорить с Матерью?

Друнел засмеялся. Его глаза злорадно сверкали в отблесках огня.

— Конечно, раз уж тебе этого так хочется, Грайт. Вы с Бартелом сдадитесь мне, а затем оба предстанете перед Матерью сарнов. Причем медлить не будем, сделаем это завтра же утром!

Через несколько мгновений из арки одного из домов вышел Бартел. Твердыми уверенными шагами он по-

дошел к Грайту. Представитель Земли отключил энергетический щит на своей короне, снял ее и надел на голову обруч из серебра с эмалью, обозначающий принадлежность к расе рабов. Когда Друнел подошел к нему и взял корону, его лицо сияло почти дружеской улыбкой. Он торжествовал. Война была окончена – Грайт и Бартел больше не являлись препятствием на его пути к власти.

Глава шестая

Сарны стояли плотными рядами вокруг трона Матери. В огромном зале царила тишина, нарушаемая лишь легким гудением ламп и прожекторов, напоминавшим шелест осенних листьев.

Грайт и Бартел стояли плечом к плечу перед Правительницей Земли. На них не было малиновых плащей – официальной одежды избранников народа. Теперь в эти плащи облачились Друнел и Рендан, стоявшие чуть поодаль. Яркий луч утреннего солнца, падавший из узкого окна, играл на этих плащах, превращая малиновый цвет то в красный, то в розовый.

Немигающими золотыми глазами смотрела Мать на Грайта. Долго молчала она, и, когда заговорила, ее тонкие бескровные губы почти не двигались.

– Ты сказал, что не можешь ввести среди людей закон сарнов. И я говорила тебе, что ты будешь смещен со своего поста. Плохой исполнитель заслуживает наказания, а мятежник заслуживает смерти. Таков закон сарнов. По законам людей плохой представитель также должен быть разжалован, а изменник должен быть казнен.

– Да, и по законам сарнов, и по законам людей плохой администратор должен быть уволен, а мятежник или предатель – казнен, – кивнул Грайт. Он говорил спокойно и уверенно, твердо глядя в глаза Правительницы. – Если будет доказано, что все сказанное выше относится ко мне, значит, я виновен. Но я уверен, что ни один человек не заявит, что я плохой представитель, потому что я всегда поступал по закону и никогда не сделал ничего, что закон запрещает. Разве закон сарнов запрещает представителю быть командиром легиона или использовать полицию в своих целях? Разве за-

кон людей запрещает представителю превышать свою власть и заниматься чем-либо иным, кроме своих обязанностей советника? Когда я сказал, что законы сарнов нельзя ввести среди людей, я поступал согласно своим обязанностям советника. Я должен был сделать это, чтобы предотвратить массовые убийства, которые неминуемо последовали бы после введения закона о матриархате. Если бы я одобрил этот закон, то стал бы предателем по отношению к людям. Но я не высказал своего согласия, поэтому меня нельзя назвать ни предателем, ни плохим представителем.

– Слово Матери – это закон сарнов, – резко произнесла Правительница. – И нет закона выше этого. Решения, которые принимает Мать, являются законом для всей Земли. Ты поступил как плохой исполнитель и мятежник, и закон требует смертной казни для тебя. Бартел тоже является мятежником, и его ждет та же участь. – Немигающие золотые глаза на несколько мгновений уставились на Бартела, затем внезапно устремились на огромные двери зала. Грйт медленно повернулся в сторону дверей.

В искрящихся лучах утреннего солнца из небытия возникла неясная аморфная фигура, абсолютно черная, как мрак межзвездного пространства. Все замерли, увидев, как эта бесплотная, подобно тени или призраку, фигура начала постепенно сгущаться и приобретать четкие очертания, превращаясь в некое исполинское подобие человека. Существо было не просто черным – казалось, оно состоит из мрака и тьмы.

Фигура продолжала двигаться вперед, и вот уже стали отчетливо видны огромные руки и ноги, голова, лишенная глаз, рта и носа.

А позади него на полу, там, где ступали огромные ноги, появлялись и расцветали белые цветы морозного инея. Фантастическое создание окутывала аура холода. Солнечный луч, падавший из окна, коснулся черной фигуры, ярко вспыхнул, а потом исчез, словно сгорел.

– Эзир, – с трудом выдохнул Грйт, отступив на шаг.

В нескольких шагах от Матери сарнов черный человек остановился. Замершие в оцепенении сарны начали понемногу приходить в себя, легкий шепот пронесся по их рядам. И тут Эзир заговорил, но он не произносил

слова. От него исходили ментальные послания, которые проникали в сознание всех, кто находился в зале, — и сарнов, и людей.

— Ни справедливости, ни правды нет в твоём правлении, дочь сарнов. Твоя раса не похожа на расу моего народа, они различны. Ты должна изменить нынешнее положение дел во имя справедливости, которую сама провозглашаешь.

Рука Матери дернулась и, извиваясь, словно змея, потянулась к маленькой кнопке на троне. Невидимая энергетическая стрела вылетела из оскаленной пасти медной рептилии, вмонтированной в подлокотник трона, но будто растворилась, коснувшись черной груди исполина.

В ярости Мать нажимала и нажимала кнопку, сотни стрел полетели в черную фигуру, но все они бесследно исчезли в абсолютном мраке. Из золотого диска, висевшего над тронном, вырвался могучий луч, способный превратить в пыль каменную глыбу, но и ее поглотил темный человек.

Гудение лучевого оружия стихло. Лишь эхо еще металось под сводами высокого потолка. Эзир вновь заговорил, и снова каждый из присутствующих услышал его мысли:

— Я не материален, и моя природа совсем не такая, как у твоих лучей, дочь сарнов. Твоя мудрость и древние знания твоей расы бесполезны в борьбе со мной. Ты — одна, а я представляю собой все человечество, все пятьсот миллиардов человек, которые жили и умерли на Земле. Я — те миллиарды людей, которых ты убила во время Завоевания... Десять тысяч поколений мечтали и боролись за свободу. Я — их концентрированное желание, их надежда, воплощение их идеалов... На заре человечества, во время первого ледникового периода, я умирал, разорванный когтями тигра, но оживал в ребенке, который выжил благодаря этой жертве. Я умирал, когда Земля была юной... И я умирал прошлой ночью под ударами сверкающих лучей, которые ты дала этим людям... Я умирал в пламени огня и под выстрелами духовых ружей... Я — воля, надежда и желания всего человечества, материализовавшиеся именно благодаря тебе, дочь сарнов. Три биллиона человек умер-

ли во время Завоевания, и их воля, надежды и желания пропитали вечное пространство единственной мыслью – спасти Землю от рабства. Устремления многих поколений людей слились во мне. Прошло четыре тысячи лет, как вы пришли на Землю и уничтожили мой народ, и все эти годы я медленно рос, пока прошлой ночью не получил новый сильный импульс: помыслы множества погибших людей укрепили меня... Я – Эзир, пантеон человечества, я – само человечество. Все, кто умер на этой планете – под палящим солнцем пустыни или среди ледяных арктических просторов, – начиная с самого первого человека, который с камнем в руках сражался за свою жизнь и жизнь своих детей, и кончая тем, кто был на площади перед твоим дворцом прошлой ночью и умер сегодня утром. За что бы они ни боролись и умирали, они все мои дети, они – это я, дочь сарнов. Человечеству надо вернуть справедливость, ради всех тех, кто умер, сражаясь за свободу. Грайт и Бартел боролись за справедливость – и они должны продолжать свое дело. Друнел и Рендан продали человечество ради собственных интересов – и они должны получить по заслугам.

Черная фигура заколыхалась. Вперед протянулась огромная рука. Указательный палец черного человека едва коснулся лба Друнела, а затем мертвенно-бледного от страха Рендана. Друнел зашатался, его ноги подкосились, и он тяжело рухнул, ударившись головой о черные базальтовые плиты пола, его замороженный череп раскололся на множество мелких кусочков, словно ледяной шар. То же самое произошло с Ренданом, и сарны замерли, в ужасе глядя на бездыханные тела бывших союзников.

Эзир повернулся, и сарны тотчас отступили, открыв ему широкий проход, ведущий к длинной, поблескивающей золотом стене зала. В глубоком молчании Эзир подошел к стене и слегка коснулся ее огромной рукой. В то же мгновение твердый полированный камень стал мягким и расползся в стороны, открыв широкий длинный коридор. Эзир пошел по нему. Все молча смотрели ему вслед, пока стена вновь не сомкнулась, скрыв его из виду. Полированные камни встали на прежнее место, но теперь они были черными, как сам Эзир.

Мать сарнов вновь нажала на кнопку, и невидимые лучи пронзили стену, но она по-прежнему оставалась черной, храня очертания огромной фигуры. Затем понемногу чернота стала исчезать, и полированный нефрит вновь обрел свой природный цвет. Ничто больше не напоминало об Эзире.

Немигающие золотые глаза Матери смотрели на Грайта. Она молчала, и человек тоже молчал, спокойно глядя на нее. Наконец Правительница заговорила:

– Вы можете идти, Грайт и Бартел. Вы пойдете и увидите, что в городе людей восстановлен порядок. В час заката сегодня все оружие и короны, которые я дала, должны быть возвращены. Закон о соотношении «один к пяти» люди могут не соблюдать.

Глаза Матери закрылись. Грайт и Бартел повернулись и молча пошли по длинному широкому проходу между рядами расступившихся сарнов. За ними медленно побрели шесть человек, которые пришли сегодня утром вместе с Друнелом и Ренданом. Покинув зал для аудиенций, сторонники Друнела торопливо направились прочь, понуро опустив головы.

Оставшись одни, Грайт и Бартел переглянулись и вдруг увидели Уэра, спешащего к ним через лужайку. Техник, работавший в городе сарнов, стал настолько привычной фигурой для его обитателей, что на него давно уже перестали обращать внимание. Теперь он нес в руке довольно большой, закрытый на замок чемодан, в котором, по-видимому, лежало то, над чем он работал в последнее время.

– Боги послали мне удачу, – широко улыбаясь, объявил Уэр. – Я думал, что у меня не хватит времени закончить работу...

– Да, – улыбнулся ему в ответ Грайт, и вдруг напряжение последних дней покинуло его. Он поднял голову, посмотрел на солнце и рассмеялся. – Сегодня боги послали нам удачу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава седьмая

Лицо Матери сарнов хранило следы усталости и напряжения последних сорока часов. В немигающих золотых глазах застыли страх и предчувствие, что впереди ее ожидают еще большие испытания. Восемь Матерей городов полукругом сидели перед ней, и выражение их лиц красноречиво свидетельствовало о том, что они не испытывают сочувствия к ее горю.

Все они безоговорочно считали людей рабами — всего лишь рабами и никем иным. Существами, созданными для труда, для беспрекословного подчинения, для послушного исполнения всех приказов сарнов.

Сарны установили на Земле порядок, и четыре тысячи лет люди подчинялись ему. Но вот теперь установленный порядок вещей оказался под угрозой. Мать сарнов была старой и мудрой, она существовала вечно, и порядок, установленный ею, казался незыблемым. Но то, что она сейчас рассказала, повергло Матерей городов в смятение — существующий порядок надлежит изменить.

Восемь Матерей городов были правительницами Земли. Каждая управляла или континентом, или огромным межконтинентальным регионом, каждая завоевала свое место ценой огромных усилий и держалась теперь за него так крепко, что только смерть могла разлучить ее с тронem Матери города.

Но Мать сарнов? Вечная Правительница Земли, которая казалась им воплощением раз и навсегда установленного порядка? Никто из них не знал, как она получила власть, и никто из них не знал, что случится, если она умрет. Мать сарнов никому не завещала свой трон. У сарнов не было ни одного закона, в котором говорилось бы о преемственности власти. Все привыкли к мысли, что Мать сарнов бессмертна. Из всех сарнов, живущих сейчас на Земле, лишь она помнила те мифические времена, когда их раса жила на Забытой планете. Никто из нынешних сарнов не помнил той планеты — она погибла в космиче-

ской катастрофе, и ее обитателям пришлось искать новые миры.

Мать завоевала Землю для своего народа, но она не одна сражалась с людьми. И тем не менее все остальные были забыты. Они умерли, и осталась лишь вечная, бессмертная, незыблемая Мать сарнов. Матери городов в душе питали к ней ненависть из-за ее бессмертия, потому что трон Правительницы Земли, который они тайне делили между собой, оставался для них недостижим.

Мать сарнов знала это и тщательно берегла секрет своего бессмертия. Опыт нескольких тысячелетий убедил ее в том, что порядок, который она установила, является единственно правильным, и она не хотела, чтобы он рухнул с ее смертью. Она не хотела уходить не потому, что наслаждалась безраздельной властью – подобное чувство угасло в ней давно, если вообще когда-нибудь было ей свойственно. Она ценила установленный ею порядок. А Матери городов боялись двух вещей: секрета ее бессмертия и зависти соперниц.

Мать устала от их тайной борьбы. Она знала, что все Матери городов ненавидят ее, но сейчас ее больше беспокоило другое – люди, населявшие Землю, пробудились от векового рабского сна, подняли головы и были готовы восстать. Матери городов тоже знали это, но не испытывали такой глубокой тревоги, как Мать сарнов.

Они просто не допускали мысли, что люди способны на восстание. Для них люди были рабами, а еще точнее – животными, прирученными домашними животными. Они не представляли себе, что эти скоты могут отважиться на какие-нибудь серьезные действия против своих повелителей...

Но Мать сарнов была другого мнения.

Весь опыт ее жизни, тысячелетия наблюдения за людьми свидетельствовали, что они не животные, что в них есть что-то странное, умирающее и возрождающееся, какая-то непобедимая любовь к жизни и свободе, воля к победе. Ради этого они могут восстать из пепла...

* * *

На лице Правительницы застыла дежурная улыбка – холодная маска вежливости. Долгий разговор с Ма-

терями городов утомил ее, но объяснить им происходящее было необходимо.

— Я собрала вас вместе, Дочери, поскольку на этой планете происходит нечто важное. Вероятно, вы уже слышали о Грайте и Бартеле — двух непокорных представителей человечества?

— Слухи до нас дошли, — величественно отозвалась Мать Тарглана, города, расположенного высоко в Гималаях. — Я слышала, что ты собиралась предать их смерти, как изменников, но в последний момент передумала.

Выражение лица Правительницы не изменилось. Когда Матери городов собрались в зале для аудиенций, она сначала расспросила их о том, что происходит в их областях, затем поведала, что у людей появился защитник и существующий порядок вещей может в скором времени измениться. Но она еще ни словом не обмолвилась о Грайте и Бартеле. Эту слишком большую для себя тему она приберегла для последующего обсуждения.

— Я говорила вам на последнем Совете, что человеческое сознание меняется, люди начинают задумываться об истоках своей культуры, их память обращается к далеким предкам — к тем, кто населял Землю до Завоевания. Вам трудно понять это и трудно оценить всю серьезность происходящего — ведь вы не знали людей до Завоевания, вы видели лишь немногих уцелевших, превращенных в рабов. Но я вижу рост — колоссальный рост — их сознания, который мы уже не в силах остановить. Хотя большинство людей еще не понимают, чего они хотят. Еще неосознанно, но они стряхивают с себя цепи рабства. Они борются между собой, убивают друг друга... Я решила использовать их смятение, чтобы предотвратить восстание против нашего владычества. Я дала им оружие в надежде, что они истребят друг друга, но в события вмешалась неведомая мне сила. Я поняла, что недооценила людей. На следующее утро после кровавой междоусобной бойни передо мной предстали Грайт и Бартел, представители человечества. С ними вместе пришли Друнел и Рендан, возглавлявшие восстание. Я не буду вдаваться в подробности моих взаимоотношений с ними и их распрей между собой, скажу

только, что Друнел был инструментом в моих руках. Грайту и Бартелу я вынесла смертный приговор. Восстание завершилось, Друнел победил, Грайт и Бартел сдались ему, а утром предстали передо мной. Я осудила обоих на смерть... И вот тут явился Эзир – таинственное существо, природы которого мне не понять. Он был словно соткан из тьмы и огромен, раза в два больше человека и даже больше меня. Фигурой он напоминал человека, но черты лица казались размыты. Он заявил, что состоит не из материальных частиц, а является концентрацией желаний всех людей, которые жили и умерли на Земле, сражаясь за свободу... Эзир общался со мной на ментальном уровне... Мы знаем, что до Завоевания люди стояли на пороге телепатического общения... У нас нет способностей к телепатии, а у людей – есть. Эзир доказал это. Он разговаривал со мной мысленно, и все, кто находился в зале, слышали его «голос» – и сарны, и люди. Когда Эзир коснулся Друнела, тот упал и голова его разбилась, как стеклянная ваза. Та же участь постигла помощника Друнела, Рендана... Я пыталась поразить Эзира энергетическими лучами, но непроницаемая тьма его тела поглощала все виды излучения без видимого вреда. С каждым разом я увеличивала мощность орудий, но все оставалось по-прежнему – Эзир неуязвим для наших лучевых орудий. Луч, который я посылала в него, мог бы разрушить горный массив, но Эзир даже не шелохнулся. Мои попытки не увенчались успехом... Однако существует оружие, которое наши предки называли «Смерть Матери». Тринадцать веков назад я применила его против мятежной Матери одного из городов. Ее звали Татан Шоал, она была Матерью Биш-Вална. – Тут Мать сарнов пристально посмотрела на нынешнюю правительницу Биш-Вална, столицы африканского континента. – Татан Шоал вознамерилась захватить мое место. Она долго готовилась и изучила все виды оружия, которые могла использовать против меня. Ей удалось разрушить южную стену моего дворца и убить моего советника, пытавшегося образумить ее... Дочь Тарглана, расскажи своей сестре из Биш-Вална о замечательных успехах, которых добился твой физик, – я имею в виду его работу над полем Р-439-К.

Лицо Матери Тарглана оставалось бесстрастным, разве что на нем заиграли легкие золотые блики. Ведь поле Р-439-К было ее тщательно оберегаемой тайной.

— Это поле, — произнесла она непринужденным, почти веселым тоном, — разрушает атомы вещества и приводит к неуправляемой цепной реакции. Я не знаю равного оружия по разрушительной силе... — многозначительно улыбнувшись, добавила она.

Мать сарнов кивнула и взглянула на Мать Биш-Вална, которая побледнела от переполнявшей ее ярости. Но когда она заговорила, голос ее был ровным и спокойным:

— Нет, сестра, мы тоже работали над полем Р-439-К. И должна тебе сказать, что надо использовать не сферическую, а эллипсоидальную форму.

Мать Урнола натянуто улыбнулась:

— Жаль, что я не знала о ваших замечательных изысканиях. Я могла бы спасти вашу работу, ведь мы тоже не сидели сложа руки, и наши физики далеко продвинулись в изучении поля Р-439-К.

Три Матери городов любезно улыбнулись друг другу. Каждая считала, что ее секрет остался при ней.

— Дело в том, что никто из вас не в состоянии остановить эту силу, — оборвала «обмен любезностями» Мать сарнов. — От этого оружия нет защиты. Около двадцати веков назад я открыла эту разновидность атомного взрыва и в течение тысячелетия проводила с ним опыты. Десять веков назад нам впервые удалось остановить процесс распада. Если бы Татан Шоал не поторопилась, а подождала бы еще веков пять, южная стена аудиенцзала осталась бы цела. Но, к сожалению, мне до сих пор не удалось найти надежной защиты от этого поля.

— Нам тоже, — почти в один голос поспешно откликнулись Матери трех городов. Они украдкой переглянулись, стараясь понять, не скрывает ли что-нибудь кто-то из них. Если бы они могли обладать оружием, создающим такое поле, они перестали бы зависеть от старой ведьмы, бессмертной Матери сарнов, правившей ими с незапамятных времен и помнившей еще Забытую планету...

— На Эзира не оказало воздействия даже это оружие, — с горечью произнесла Правительница. — Моя сокро-

венная «Смерть Матери» оказалась бесполезной, и один из атомных реакторов взорвался от чрезмерной перегрузки... Теперь же нам необходимо сотрудничать более тесно, чем раньше. Однажды наша раса без особого труда покорила людей, потому что мы были едины... Что Матери городов думают об Эзире?

Мать Марглана раздраженно пошевелилась.

— Среди людей моего континента есть клоуны, которые веселят своих собратьев всякими трюками. У людей ноги быстрые, но недостаточно гибкие и длинные. Поэтому они пускаются на всевозможные ухищрения, чтобы увеличить скорость и гибкость. Они ходят на ходулях, чтобы казаться выше, привязывают к ногам ролики, чтобы двигаться быстрее. А их клоуны обладают невероятной гибкостью.

— Понятно, — кивнула Мать сарнов. — Видимо, клоуны Северной Америки не так талантливы.

— Многие люди на моем континенте умеют передавать друг другу мысли на расстоянии, — сказала Мать Биш-Вална. — Я не раз была свидетельницей того, как они мысленно общаются между собой...

— Понятно, — кивнула Мать сарнов. — Очевидно, люди в Северной Америке принадлежат к низшей ветви развития. Меня очень заинтересовали ваши рассказы о людях, познавших тайну ментального общения. Вероятно, они также умеют поглощать смертоносные лучи?.. И проходить сквозь стены? Вы забыли, что я наблюдаю за людьми вот уже четыре тысячи лет и повидала немало различных трюков... Но Эзир был настоящим. Здесь, в этом зале, присутствовали сарны, люди и я. Эзир разговаривал с нами, не произнося ни единого слова, и каждый находившийся здесь мог слышать его мысли. Он рассказал нам о своем происхождении, о том, что он представляет собой воплощение желаний всего человечества, всех пятисот миллиардов людей, живших и умерших на Земле. Если бы я заранее знала о его приходе, если бы у меня было время подумать, то я по-другому встретила бы его. Уж во всяком случае не стала бы стрелять в него атомными лучами, которые бесследно исчезали в нем, как в глубинах пространства. Теперь скажите мне: кто из вас может раскусить этот трюк?

Мать сарнов медленно обвела взглядом Матерей городов, но те молчали. В зале повисла напряженная тишина.

— Я разочарована, дочери мои, — устало произнесла Правительница, на несколько мгновений закрыв глаза. — Я разочарована тем, как вы отнеслись к моим словам. Вы усомнились не только в природе Эзира — вы усомнились в моем здравомыслии. Вы недооцениваете людей, считаете их не заслуживающими вашего внимания. Да, люди — низшая раса, но они лучше, чем мы, приспособлены к жизни на этой планете. У нас не волосы, а сенсоры, и мы общаемся друг с другом посредством радиоволн. Люди не могут их улавливать, но и мы не можем улавливать мысли людей, когда они телепатически общаются между собой. Эзир говорил с нами, и его мысли слышали все — и сарны, и люди. Эзир пришел сюда не ради меня, его сообщения были адресованы людям, но он хотел, чтобы и сарны знали то, что слышали люди. Мне же он сказал: «Ни справедливости, ни правды нет в твоём правлении, дочь сарнов. Твоя раса не похожа на расу моего народа, они различны. Ты должна изменить нынешнее положение дел во имя справедливости, которую сама провозглашаешь». Эзир — огромная и страшная сила, которая может уничтожить весь наш народ. Я подчинилась ему, освободила Грайта и Бартела. Но я чувствую, он еще вернется. Теперь я всегда буду ощущать его присутствие... С такой силой я столкнулась впервые.

— И все же я не вижу в этом никакой опасности для нас, — пожала плечами Мать Тарглана. — Может быть, Эзир и не человек, а всего лишь какое-то изобретение жалкого человеческого ума. Во всяком случае, не стоит заранее преувеличивать его значение. И я не думаю, что он вернется. Просто люди хотели освободить двух мятежников, вот и придумали, как это сделать.

На мгновение глаза Правительницы вспыхнули гневом и яростью, она не выносила тупость и сейчас едва сдержалась, чтобы не высказать Матери Тарглана свое мнение о ней, но вместо этого лишь вздохнула и погрузилась в размышления.

* * *

Лицо Матери сарнов отчасти напоминало человеческое. Но лишь отчасти. Крошечное лицо с узким подбородком и тонким маленьким ртом, золотые глаза с вертикальными штрихами зрачков, металлические сенсоры вместо волос – все эти отличия сразу бросались в глаза. А уж тело ее с четырьмя сдвоенными руками, длинными и гибкими, как змеи, не имело с телом человека ничего общего.

Но она не была и сарном. Те сарны, что жили сейчас на Земле, только внешне походили на нее. Мать сарнов хранила в себе память о другой цивилизации, о Забытой планете, превратившейся в космическую пыль. Она хорошо помнила Великих сарнов, которые завоевали Землю и превратили ее обитателей в рабов. Но, перебравшись на другую планету, сарны изменились. Прежней оставалась лишь одна Мать. Перед ее глазами проходили поколения за поколением, развивался и менялся мир, но она все так же смотрела на него немигающими золотыми глазами. Она была вечной.

Процесс, сделавший Мать сарнов бессмертной, лишил ее возможности иметь потомство. С нынешним поколением сарнов у нее не было прямых родственных связей.

Четыре тысячи лет Мать правила Землей. Две тысячи лет или больше она жила на Забытой планете. Тогда сарны жили тысячелетиями, теперь же мало кто из них проживал больше пятисот лет. Той величественности, которая когда-то отличала ее народ, больше не существовало.

Шесть тысяч лет – слишком большой срок для любого живого существа. Однообразие жизни, смена времен года, смена поколений – все это могло породить тягучую, неизбывную скуку, убить интерес к жизни, опустошить разум. Но только не у Матери сарнов.

Она отличалась от остальных сарнов тем, что была бессмертной и обладала невероятной остротой ума. Ее поразила встреча с Эзиром, и теперь она не могла думать ни о чем другом. Разгадать его тайну, найти уязвимые места, победить его – вот что занимало теперь мысли Матери сарнов...

Правительница медленно подняла глаза на Мать Тарглана. Эти женщины, сидевшие сейчас в зале приемов, были дочерьми ее расы — потомками тех сарнов, которых Мать знала и любила четыре тысячи лет назад. С теми сарнами она работала, и это доставляло ей удовольствие. А с этими...

— Я должна еще раз встретиться с Эзиром, — тихо произнесла Правительница. — Мне необходимо проникнуть в его тайну. Вы, дочери мои, недооцениваете опасность, которую он представляет для нас. Он защищает людей, так что и они становятся теперь опасными для нас. На протяжении многих поколений люди были нашими рабами, но все это время они развивались. Люди развиваются быстрее, чем сарны, потому что век их недолог. И если хоть один из них, превзойдя остальных в своем развитии, использует свои знания и способности и создаст мощное оружие, которого нет у нас, то нам придет конец.

Некоторое время Матери городов молчали. То, что они услышали сейчас из уст Матери сарнов, произвело на них тягостное впечатление. Они даже подумать не могли о том, что какой-то жалкий человек может представлять для них угрозу. И не просто человек — мужчина! Мужчина, который может создать некое оружие, превосходящее по своей мощности все то, чем они обладали.

— Но если у них есть тайное оружие, которым они могут уничтожить всех нас, то почему они до сих пор его не применили? — медовым голосом спросила Мать Тарглана. — Почему тот, кто изобрел его, не снабдил им своих сообщников? Почему не направил его против нас?

Семь остальных Матерей городов напряженно выжидали в своих креслах. Правительница горько улыбнулась.

— Это может произойти в любой момент, и мы должны быть настороже, — жестко произнесла она.

«Старая ведьма совсем спятила, — подумала Мать Тарглана. — Давно следовало ожидать, что возраст скажется на ее умственных способностях. Но зачем она запугивает нас? Неужели затеяла какую-то игру?»

— У нас ведь есть детектор лжи, — вслух сказала она, кротко улыбаясь Матери сарнов. — Мы можем проверить всех подозрительных людей.

Правительница ничего не ответила, лишь покачала головой. Она очень устала, ей неприятно резал слух притворный, сладковатый голос Матери Тарглана. «Упрямая тупица», — подумала Мать сарнов. Ей очень хотелось прервать это совещание и немного отдохнуть. Она не спала уже больше сорока часов.

— Скажите мне, дочери мои: когда вам требуются какие-нибудь материалы, откуда вы их берете? — вздохнув, спросила она. — Вам их приносят, не так ли?

Матери городов переглянулись и согласно кивнули.

— А теперь скажите мне, откуда люди берут материалы, которые им нужны для работы? — продолжала Правительница. — Ответ прост — они их воруют. Мы всегда знали это и принимали соответствующие меры, чтобы пресечь кражи. Но люди достаточно умны и хитры и, несмотря на жесткий контроль, продолжают преуспевать в воровстве.

— Нисколько они не умны! — разъярилась Мать Тарглана. — Они просто крысы!

— Может быть, и так, — кивнула Мать сарнов, стараясь не показывать своего раздражения. Мать Тарглана уже вконец утомила ее. — Но крысы — тоже умные твари. Целых двенадцать лет я пытаюсь понять, каким образом каждый месяц у нас исчезает приблизительно тридцать унций платины, несмотря на самые современные электронные приборы, которые контролируют расход металла. Я поставила всем рабочим электронные датчики на ногти и в волосы. И тем не менее мне продолжают поступать сообщения о кражах цезия, гелия, неона и других редких и ценных материалов. Я подозреваю, что люди разбирают наши атомные реакторы...

— Ты придумала ставить им датчики на ногти? — выразила притворное восхищение Мать Тарглана. — Ну, это действительно замечательная система защиты! Жаль только, что она не сработала...

Правительница устало улыбнулась.

— А скольких бытовых реакторов недосчиталась ты, дочь? — терпеливо спросила она.

— У меня люди не воруют! — нахмурившись, воскликнула Мать Тарглана. — У меня все на месте!

— А те реакторы, что стоят в домах у людей? Сколько их разобрано?

– Не знаю, – замялась Мать Тарглана. – Бывает, люди портят их в силу своего скудоумия. Но я думаю, они ломают не больше десятка в год. Мы следим за этим.

– Прекрасно, – вздохнула Мать сарнов. – А когда их дома сгорают, ты делаешь химический анализ расплавленных остатков радиоактивных частиц?

Мать Тарглана недоуменно взглянула на Правительницу Земли. Глаза Правительницы злорадно поблескивали. Она совсем недавно узнала о трюке, который люди проделывали с бытовыми атомными реакторами, узнала всего четыре дня назад.

– Как я уже говорила, людям нелегко добывать материалы и аппаратуру, необходимые для исследований, – сказала она, вновь окинув взглядом Матерей городов. – Но они чрезвычайно хитры и изобретательны. Если вы хотите спокойно жить в своих городах, если вы хотите, чтобы порядок на Земле оставался прежним, советую вам пересмотреть свои взгляды. Людей нельзя недооценивать. Эзир ничего не сделал мне, потому что был один. Когда люди соберут достаточное количество нужного им материала, у них будет мощное оружие, которое они направят против нас. Эзир теперь охраняет их, и, пока я не разгадаю его тайну, мы в опасности.

Мать Биш-Вална покачала головой, недоверчиво глядя на Бессмертную.

– Я всегда считала людей глупыми и ленивыми существами, – задумчиво проговорила она. – Теперь я готова признать, что они все же чуть умнее, чем животные. Но мы ничего не помним об их цивилизации, которая существовала на Земле до того, как мы пришли. Действительно ли люди далеко продвинулись?

Мать сарнов удостоила Мать Биш-Вална пристальным взглядом. Как ни странно, но правительница Биш-Вална, несмотря на то что ее возраст едва ли составлял одну двенадцатую возраста Правительницы, казалась намного старше Бессмертной. Ее лицо избородили глубокие морщины, глаза поблекли, а губы потрескались; ее не пощадили сухие и горячие африканские ветры, жара и засуха. И все же Биш-Вална была наиболее деятельной и энергичной из Матерей городов.

Мать сарнов улыбнулась и кивнула.

– Я могу немного рассказать вам о человеческой цивилизации, но, если вы хотите знать больше, позовите своих историков. У тебя, дочь Биш-Вална, есть прекрасный специалист по древней истории человечества – она очень образованна и умна и может дать тебе любую консультацию... Когда мы пришли на Землю, у людей была цивилизация, возраст которой насчитывал примерно пятнадцать тысячелетий. По их календарю шел 1999 год. Незадолго до этого они научились использовать энергию атома, которую использовали как в мирной жизни, так и в военных действиях друг против друга. У них были атомные станции, которые давали электричество в их дома, а также атомные бомбы, которыми они уничтожали целые города. Они поднимались в воздух и даже летали в космос. Когда началось Завоевание, из наших пятидесяти двух кораблей мы потеряли тридцать девять. Люди были очень умны, хорошо обучены и сражались до последнего. Мы захватили в плен и превратили в рабов только самых слабых. Лучшая часть человечества погибла в борьбе. Они храбро сражались и были умелыми бойцами, но не смогли создать надежную защиту против нашего оружия. Люди – воинственная раса, и, даже когда у них нет оружия, они готовы броситься на врага с голыми руками. Теперь у них есть руководители, и главный среди них – Эзир. Мы должны удержать людей в рабстве с помощью Эзира. Он знает, что они становятся безрассудными, когда речь идет о войне, и постарается удержать их от нее – ведь война с нами для людей может обернуться самоубийством... Мы должны разгадать тайну Эзира, должны узнать, что скрывается под его черным покровом.

Правительница замолчала, прикрыв на несколько мгновений глаза.

– Я поговорю со своим историком, Мать, – торопливо произнесла Мать Биш-Вална. – Может быть, она расскажет что-нибудь такое, что поможет мне лучше разобраться в людях.

Мать Тарглана бросила на нее презрительный взгляд.

– И как ты собираешься узнать тайну Эзира, Мать? – с иронией спросила она. – Может быть, ты ждешь, что он придет и сам тебе все объяснит? Мне почему-то

кажется, что он не захочет. В таком случае нам будет трудно с ним бороться, если все, что ты сказала, — правда.

— У меня достаточно данных, чтобы разобраться в его природе, — спокойно ответила Бессмертная, не глядя на Мать Тарглана. Впереди ее еще ждали долгие часы работы, и она не хотела тратить свои силы. — Несколько часов назад я дала инструкции своим физикам приготовить все необходимые приборы и материалы, которые могут понадобиться в Доме Камней...

— Из всех мест в Городе сарнов появление Эзира там наименее вероятно, — язвительно заметила Мать Тарглана.

— ...и они будут готовы через полтора часа, — продолжала Мать сарнов, не обращая внимания на назойливую правительницу Тарглана. — Нет никаких сомнений, что Эзир придет на помощь Грайту, если мы схватим его. Чтобы быть абсолютно уверенными в том, что это произойдет, мы схватим также и Дею — его возлюбленную. Грайт собирается жениться на ней, и я не сомневаюсь, что Эзир обязательно придет, чтобы освободить ее.

Мать Биш-Вална нахмурилась.

— Он уже был однажды схвачен и отпущен по настоянию Эзира, — с сомнением произнесла она. — Теперь его придется снова арестовать и снова отпустить? При чем опять — по настоянию Эзира.

— Это будет происходить в Доме Камней, — твердо сказала Правительница. — К нему не сможет приблизиться ни один человек. Никто из людей не будет знать, почему Грайта схватили и почему освободили, за исключением тех, кто тесно связан с Грайтом и, следовательно, с Эзиром. Эти люди уже осведомлены, какой силой обладает Эзир, осведомлены даже лучше, чем мы, и они поймут, что Грайта освободили не потому, что не было оснований его задерживать, а потому, что мы просто провели нужный нам маневр. Но остальные ничего не узнают.

— Неужели они не заметят, что Грайта, их представителя, безо всяких причин арестовали и держали под стражей, а затем отпустили? — недоверчиво спросила Мать Друлона, отдаленной части Южной Америки. — Ты считаешь, что люди не заметят его отсутствия?

– Не заметят, – улыбнулась Мать сарнов. Распрямив скрученный в клубок длинный гибкий палец, она нажала крошечную кнопку.

Через мгновение в дальнем конце зала в черной нефритовой стене открылась серебряная дверь, и в проеме показалась фигура женщины-сарна с сильным мускулистым телом и могучими гибкими руками. Ее одежда и знаки отличия указывали на ее должность – декалон, командир десяти гвардейцев. На ее груди золотом и серебром переливалась эмблема – символ принадлежности к личной охране Матери сарнов.

Ее узкие глаза были глубоко посажены, загорелое обветренное лицо с резко очерченными скулами, жесткое и бесстрастное, говорило о ее выносливости и мужестве.

– Декалон, – улыбнулась ей Правительница. – Принеси сюда Покровы Матери. Тебя ждет ответственное поручение.

Декалон молча повернулась и бесшумно исчезла за серебряной дверью.

– Когда-то Дарат Топлар была верховным командиром гвардии Города сарнов, – пояснила собравшимся Бессмертная. – А теперь она декалон. Но зато декалон моей личной охраны. Ну, а теперь настало время действовать. Я открыла вам кое-что из того, что каждая из вас держала в тайне, и кое-что из того, что я скрывала сама. Теперь я покажу вам Покровы Матери – вероятно, до вас дошли слухи об их существовании. Так вот, это не слухи, они действительно существуют и обладают всеми теми качествами, которые им эти слухи приписывали.

Декалон вернулась с десятью гвардейцами, одетыми в такую же форму, что и она, только с другими знаками отличия. Все гвардейцы были под стать своему командиру – такие же мускулистые и сильные. В руках декалон держала большой чемодан с тяжелыми серебряными замками. Она положила его на край огромного стола совещаний, и в то же мгновение гибкая рука Матери сарнов распрямилась и потянулась к нему через весь стол. Декалон тем временем ловко открыла замки и откинула крышку чемодана.

На дне чемодана аккуратными рядами лежали двадцать комплектов батарей с присоединенными к ним

шнурками и двадцать пар наушников и защитных очков. Больше в огромном чемодане ничего не было.

Декалон вынула комплекты из чемодана и быстро раздала их своей команде, затем еще раз опустила руку в пустой чемодан. Мгновение – и рука исчезла. Матери городов замерли, в оцепенении глядя на эту сцену, а декалон между тем продолжала на глазах исчезать, растворяясь в воздухе.

Матери городов беспокойно зашевелились в своих креслах. В глазах Матери Тарглана зажглись огоньки ярости и досады: ведь эти несчастные одиннадцать личных гвардейцев Матери знали все секреты ее лабораторий, а она, правительница Тарглана, не знала.

И старая бессмертная карга тоже их знала. Сколько раз, глядя в ее неподвижные золотые глаза, Мать Тарглана клялась себе, что найдет способ создать какое-нибудь сверхмощное средство защиты, чтобы не чувствовать себя зависимой от старой ведьмы, но все ее попытки оказались тщетными. Мать Тарглана чувствовала себя раздавленной; ярость, поднимавшаяся в ней, душила ее, и она едва сдерживалась, чтобы не застонать. Она, молодая, сильная и честолюбивая, не смогла сделать ничего, а эта дряхлая развалина сделала! Мать Тарглана опустила голову, признав в душе, что в подметки не годится такому выдающемуся ученому, как Бессмертная.

Глава восьмая

Между тем совещание шло сегодня не только в этом зале. Далеко отсюда, в городе людей, в конференц-зале резиденции правительства собралось четыре человека. Конференц-зал представлял собой довольно уютную комнату со стенами, отделанными деревянными панелями. Здесь было не так мрачно, как в зале для аудиенций во дворце Матери сарнов, и солнечные лучи весело плясали на светлых деревянных панелях, привезенных сюда со всех континентов Земли.

Огромный дубовый стол посреди комнаты был отполирован ладонями сорока поколений представителей людей, а толстый ковер – протерт их ногами.

Но, как и в огромном зале сарнов, здесь тоже было искусственное освещение, обесцвечивавшее лучи захо-

дящего солнца. Четыре человека сидели за столом совещаний, они жестикулировали, напряженно глядя друг на друга. Но все это проходило в абсолютном молчании.

Во главе стола сидел Грайт, избранный и всеми признанный представитель человечества, завоевавший почет и уважение тем, что мужественно отстаивал интересы людей. Рядом сидел Бартел, представитель Северной Америки, близкий друг Грайта, который стоял с ним плечом к плечу перед грозными очами Матери в тот день, когда появился Эзир.

По другую сторону от Грайта сидел Карон, командир легиона мира – единственной военной организации, разрешенной людям. Легионеры, являвшиеся по сути полицейскими, были вооружены лишь резиновыми дубинками и газовыми пистолетами. Выстрел из такого пистолета мог лишь на некоторое время вывести человека из строя.

Напротив Грайта сидел его помощник – Дарак, рассеянно рисовавший закорючки на листе бумаги. Его должность не была выборной, Грайт назначил на нее Дарака, и тот прилежно выполнял свои обязанности, но особого рвения не выказывал. Из-за вечно скучающего лица и вялого характера у него было мало друзей, зато много времени для самообразования.

Опытный психолог, Дарак не нуждался в Покрове Матери, его собственный покров, созданный по законам не физики, а психологии, был не менее эффективен. Люди не видели Дарака. Его никто не знал и не мог запомнить его лицо.

Четыре человека, сидевшие за старинным столом, сегодня были свободны – насколько вообще можно быть свободными в мире, где правили сарны. У каждого на плаще поблескивала эмблема, означавшая его положение в обществе. Каждый на голове носил обруч с эмблемой принадлежности к низшей расе. Такой обруч – символ подчинения человечества сарнам – надевали на голову любого человека по достижении им восемнадцати лет.

Но Уэр сделал небольшие изменения – соскоблив часть серебра, он поместил в обручи крошечные ментальные усилители. Благодаря этому сегодня и прохо-

дило первое молчаливое совещание, участники которого общались между собой на ментальном уровне.

Телепатия сделала бесполезными подслушивающие устройства, с помощью которых сарны могли прослушивать любую беседу людей на протяжении тысячи лет. Грайт усмехнулся, подняв глаза на хрустальную люстру под потолком, где был спрятан подслушивающий кристалл сарнов. Такие же устройства находились в других местах конференц-зала. То, что говорили представители человечества в течение тысячелетия, в то же мгновение становилось известно сарнам – сенсоры на их головах улавливали радиоволны, передаваемые подслушивающим устройством.

– Нас четверо здесь, в этой комнате, – мысленно сказал Грайт своим товарищам. – Но если сарны что-нибудь и слышат, то только шелест бумаги. Они могут заинтересоваться странной тишиной.

Широкое мужественное лицо Карона скривилось в усмешке:

– После того как тысячу лет здесь звучали голоса, улаждая слух сарнов, немного тишины им не помешает. К тому же Правительница станет сейчас показывать зубы. Я думаю, встреча с Эзиром ее напугала.

– Мать сарнов в данный момент проводит совещание, – все «услышали» мысль, пришедшую откуда-то издалека. – Я давно пытался научиться читать мысли сарнов, но пока мне доступны лишь отдельные фрагменты. Я сейчас чувствую, что Правительница устала, ее раздражает тупость и упрямство Матерей городов. Но сарны мыслят иначе, чем люди, к тому же я нахожусь на значительном расстоянии от Матери, так что больше уловить ничего не могу. И мне уже пора идти: я и так считаюсь во дворце сарнов самым усердным техником. Странно, что они еще не заподозрили меня...

– Ты прав, Уэр, иди сейчас же домой, – поспешно ответил ему Грайт. – И не делай во дворце сарнов ничего, что не входит в обязанности обычного электротехника. Будь осторожен!

* * *

Через некоторое время совещавшиеся вновь услышали ментальное послание Уэра:

— Вы пришли к какому-нибудь заключению? Я лег спать, когда вернулся домой, и проснулся только несколько минут назад. Всю дорогу я думал, как достать побольше металла, необходимого мне для опытов. Вот если бы мне удалось проникнуть на один из заводов сарнов, я бы достал все, что мне требуется для воплощения моих замыслов! Технически-то это осуществимо, с математикой я разобрался, — Уэр вдруг рассмеялся, — благодаря одному очень старому мудрому сарну. К нему на подсознательном уровне пришла мысль, вернее, уравнение, и мне удалось его «считать». Пока неприметный техник крутился неподалеку от него со своими изоляционными трубками, он обдумывал это уравнение. Сарны владеют некоторыми математическими методами, которыми не владеем мы, и возможно, их не знали и наши предки. У меня еще не было возможности их освоить, а тут такая удача! Карон, если у тебя когда-нибудь зачесутся руки проломить череп старому Рату Ларгуну, то лично я прошу тебя — пощади его, оставь его нам!

— А ты можешь использовать его снова? — с улыбкой спросил Карон.

— Мне придется. Он очень старый и уже слегка не в себе. Я думаю, ему около тысячи лет — он стар даже для сарна, а тем более для мужчины. Поскольку он мужчина, то пользуется меньшим доверием у своего народа, чем того заслуживает, я же считаю его самым сильным математиком сарнов. А поскольку он слегка тронулся умом, то теперь мыслит исключительно уравнениями.

— Хорошо, — кивнул Грайт. — Уэр, у Карона в легионе мира есть семь техников, которые могут достать то, что тебе требуется. Они вызвались сделать это добровольно.

— Но я не говорил, что мне нужно из металлов, и не скажу, — отозвался Уэр. — Любой техник, пойманный на воровстве металла, будет немедленно казнен. Вряд ли стоит кому-нибудь рисковать своей жизнью ради того, что я должен достать сам. Нам еще понадобятся и техники, и боевики. Основная масса людей не имеет опыта боевых действий, и солдаты из них пока никудышные. И только легионеры Карона — единственные тренированные и опытные воины. А если они к тому же и техники, нам надо беречь их... Грайт, ты сказал Дара-

ку, что он должен сделать, и отдал ему диски? — внезапно сменил тему Уэр. Он сделал это потому, что Карон не знал, какие именно металлы нужны технику, — если бы он знал, то наверняка уже предпринял бы попытку их достать.

В разговор незаметно вмешался Дарак:

— Грайт мне все сообщил, и диски уже у меня. Он поручил мне доставить важные официальные депеши в Дурбан и Танглар. Я отправляюсь через двадцать две минуты.

— Тогда — удачи, Дарак!

— Спасибо. Надеюсь, что боги пошлют мне удачу.

— Тебе пошлет удачу Эзир — теперь это наш единственный бог, — засмеялся Уэр. — Со мной ты потеряешь контакт, за исключением тех минут, когда я буду использовать мощное телепатическое оборудование в лаборатории. Ты знаешь мое расписание?

— Знаю.

— Нам тоже пора идти. — Карон поднялся, и его огромная фигура грузно нависла над дубовым столом, который как будто уменьшился в размерах. Он заговорил первым за все время долгого молчания, и возникло впечатление, что в комнате взорвалась бомба — так неожиданно резко загрохотал его голос. — Я провожу тебя до ворот Города сарнов, Дарак.

Он взглянул сверху вниз на Дарака, который еще продолжал сидеть за столом, вертя в пухлых, неуклюжих пальцах пузырек с чернилами.

— Спасибо, Карон, — не поднимая головы, отозвался Дарак. — Где депеши, Грайт?

Его голос, слишком высокий для мужчины, звучал довольно невнятно. И все же Дарак был вторым после Уэра умнейшим человеком на Земле. Грайт, возможно, в чем-то им проигрывал, но он был прекрасным психологом-практиком, единственным человеком, способным объединить и повести за собой массы людей. Уэр же был ученым, воплощением вековых усилий человечества возродить утраченные знания. А Дарак?

Дарак же обладал и любознательностью ученого, как Уэр, и психологическим чутьем, как Грайт, и даже был человеком действия, как Карон.

Грайт протянул своему помощнику пухлую пачку бумаг, которую Дарак бегло пролистал и сунул в портфель, отправив туда же и двадцать пять поблескивавших металлических дисков.

— Ладно, — сказал он, поднявшись. — Всем до свидания. Я вернусь дня через четыре.

Он почти бесшумно пересек зал и скрылся за дверью.

Дарак миновал приемную, прошел мимо рядов кабинетов клерков и секретарей, работавших над сведениями, собранными по всей Земле. Двое чиновников повстречались ему, но никто не увидел его. Люди не заметили его, как не заметили и появившихся в кабинете одиннадцати гвардейцев из личной охраны Матери сарнов, двигавшихся в противоположном Дараку направлении.

Глава девятая

Карон и Грайт попрощались. Бартел вышел за дверь, за ним Карон, оставив дверь на несколько мгновений широко открытой. И тут три невидимых сарна бесшумно вошли в конференц-зал.

Дверь за командиром легиона мира закрылась, и Грайт остался один.

— Эзир... Эзир... Эзир... — посылал он телепатический призыв.

— Да? — откликнулся Уэр.

— В комнате находятся три сарна, абсолютно невидимые. Еще восемь или больше остались во внешнем кабинете, и все они тоже невидимые. Я могу уловить их мысли, но не расшифровать.

— Знаю, — прозвучала мысль Уэра. — Попробую услышать их мысли, но боюсь, что нас разделяет слишком большое расстояние. Мне это не нравится.

— Грайт, представитель человечества, — приглушенным голосом произнесла декалон с характерным акцентом сарнов.

Грайт огляделся вокруг себя, потряс головой и потянулся к кнопке вызова охраны.

— Стой! — резко приказала декалон, и рука Грайта застыла в воздухе. — Нас послала за тобой Мать сарнов. Вставай!

– Г-где вы? Кто...

Грайт не успел договорить – могучие руки сарна внезапно схватили его, и в тот же миг все заволокла тьма. Мрак был настолько глубоким, даже почти осязаемым, что Грайту показалось, будто его закутали в плотную черную материю. До его ушей донесся какой-то слабый приглушенный звук, происхождения которого он так и не понял.

– Мы одеты в Покров Матери, – резко прозвучал голос декалон. – Ты будешь вести себя спокойно. Ты не издашь ни одного звука и не скажешь ни единого слова. Понятно?

– Да, – вздохнул Грайт и мысленно обратился к Уэру. – Ты уловил мои впечатления, Уэр?

– Да, – отозвался техник.

Слово человека, находящегося на значительном расстоянии, вселило в Грайта уверенность, однако тьма, непроницаемая тьма приводила его в ужас. Огромные мускулистые руки сарна, таинственный внезапный арест – все это казалось кошмаром.

В его голове вновь зазвучал спокойный голос Уэра:

– Я полагаю, тьма вызвана полным преломлением света вокруг тебя. Сейчас ты так же невидим, как и они, но ты при этом ослеплен, а они все видят.

Грайт задрожал, ощутив, как мощные руки сарна стали что-то делать с его ногами, он дернулся, пытаясь освободиться, а затем начал беспорядочно молотить руками направо и налево, несколько раз попав по рукам и плечам сарна. Декалон резким голосом отдал команду, и Грайт почувствовал, что его руки стали ватными.

– Защитные очки, – раздался голос Уэра. – Вероятно, они и являются преобразователями видимого в невидимое.

У Грайта внезапно появилось ощущение, что за его превращением в невидимку мысленно следят сейчас десятки людей.

– Попробуй остановить их, – прокричал хорошо знакомый Грайту голос. – Уэр, ты должен освободить его! Этим тайным похищением они надеются вызвать Эзира! – Это была Дея.

— Оставайся на месте, Уэр, — быстро сказал Грйт. — Сейчас они ведут меня — вернее, тащат — через приемную. Я ничего не вижу, и этот мрак приводит меня в ужас.

Внезапно Грйт почувствовал под ногами пол, сарны поставили его на ноги, однако продолжали крепко держать огромными сильными руками. Несколько мгновений он стоял, шатаясь и лихорадочно пытаясь найти какой-нибудь выход из положения, затем почувствовал сильный толчок, и сарны повели его дальше.

— Уэр, оставайся на месте, — повторил Грйт. — Я не знаю, где сейчас нахожусь, но я уверен, что меня попытаются использовать как приманку в ловушке. Они хотят, чтобы ты бросился спасать меня, но я всего лишь приманка — им нужен ты. Сарны хотят уничтожить тебя, но этого нельзя допустить, ведь ты — единственная наша надежда!

— Если бы я знал, где ты, я бы пришел, — раздался спокойный голос Уэра. — Но скоро я узнаю. И Мать это поймет, она знает, что у нас с тобой телепатическая связь. У нее нет ни силы, ни власти, ни оружия, чтобы прорваться за Покров Эзира. В мире нет такой энергии, которая могла бы пробить его щит. Мать сарнов уже пыталась это сделать, но у нее ничего не вышло. Она не будет повторять эти попытки, теперь она собирается провести химический и физический анализ Покрова Эзира. Но она не продвинется в своих исследованиях ни на йоту, Грйт. — В голосе Уэра слышалось ликование. — Ей нужно продемонстрировать, что она может диктовать нам свои условия. Клянусь Эзиром и всеми богами Земли, мы предоставим ей такую возможность! Да будет так! Но при этом так охладим ее пыл, что заноют ее старые кости!

— Ты останешься там, где сейчас находишься, упрямый хвостун! — телепатически прокричал Грйт. — Ты — надежда нашей революции, а не я! Мать сарнов прожила тысячелетия до того момента, когда ты появился на свет. Она изучала структуру пространства, времени и все виды энергии такими инструментами и приборами, о которых ты даже не мечтал. По сравнению с ней ты просто ребенок, Уэр, и то, что ты говоришь, — просто детский лепет! Наука сарнов насчитывает уже десять

тысяч лет, так что не тебе с ними тягаться. Оставайся на месте! Ты ведь не знаешь, какого рода анализ будет проводить Мать сарнов. А если это окажется смертельным для тебя?

В ответ Грайт услышал беззаботный смех техника:

– Все научные достижения сарнов опубликованы, Грайт. Они действительно стали для меня хорошими учителями – ведь телепатический способ передачи мысли я изобрел не без их помощи. Я опирался на их научные достижения, а также на достижения человеческой науки. Когда я собирался создать подпольную лабораторию, которую не смогли бы найти сарны, под своим домом я обнаружил древний подземный ход и потайную лабораторию, устроенную людьми, очевидно погибшими во время Завоевания. Кроме приборов и аппаратов там оказались кипы научных книг и журналов – целые тонны. Наше наследство.

Грайт вздохнул и вдруг ощутил, что его спину словно кто-то стянул невидимым ремнем. Неясные, расплывчатые образы постепенно стали приобретать отчетливые очертания, и наконец он ясно увидел каменные стены потайной лаборатории Уэра, сквозь мрак, окутывавший его, прорезался яркий свет. Затем вновь наступила тьма, и Грайт ощутил ледяной холод, пробравший его до костей.

– Уэр, – позвал он. – Я не знаю, где нахожусь. Но ты пока не предпринимай ничего, сначала я постараюсь понять, где я, и сообщу тебе.

– Хорошо, я буду ждать, – вздохнул Уэр.

– Но ты можешь опоздать, Уэр! – взмолилась Дея.

– Обещаю, что не опоздаю, Дея, – мягко ответил Уэр.

– Грайт, я буду продолжать заниматься тем, что мне поручено, – раздался издалека голос Дарака.

– Хорошо, – одобрил Грайт. – Бартел!

– Да.

– И Карон, и Обурн, и Тарнот, и Тод – все вы продолжайте заниматься своими делами, ничего не меняя и без излишней поспешности. Не подавайте виду, что вы знаете о моем исчезновении, до тех пор, пока не наступит подходящий момент. Тод, оставайся в приемной, где ты работал, но только сделай так, чтобы оттуда ушли женщины, под любым предлогом.

– Хорошо.

– Дея замолчала, – озабоченно произнес Уэр. – Она не отвечает.

– Мы шли, а теперь остановились, – торопливо передал Грйт. – Дея... Дея, ответь мне!

Но она не отвечала, и лишь гудение множества человеческих голосов звучало в мозгу Грайта – неясное, далекое гудение тысяч людей, смутные отголоски их мыслей...

– Обурн, где ты? – позвал Уэр.

– Дома.

– Выйди на улицу... Ты живешь через три дома от Деи, посмотри, что там происходит. Грйт, ты чувствуешь пыль под ногами?

– Да. – Грйт ковырнул носком ботинка землю, на которой стоял. Он невольно качнулся и тут же почувствовал, как его крепко схватили мощные руки сарна.

– Дея, ответь мне!

– Да, – наконец отозвалась девушка. В ее голосе слышалось отчаяние. – Они схватили меня и куда-то тащат. Я не знаю куда.

– Прекрати ковырять ногой землю, – раздался вдруг резкий голос сарна, заставивший Грайта вздрогнуть.

– Уэр! – мысленно позвал Грйт. – Я... мне все это не нравится!

Грйт вновь услышал голос Деи, в котором теперь звучала горечь:

– Грйт, где ты? Я не знаю, далеко я от тебя или близко. Уэр, ты собираешься что-нибудь предпринять?

– Я приду к вам, как только узнаю, где вы находитесь, а пока займусь кое-какой работой. Грйт, ты не можешь приказать мне оставаться на месте – я знаю, что делаю. Мать хочет исследовать Эзира, и, чтобы вызвать его, она будет похищать и похищать людей, пока не добьется своего.

– Боюсь, что ты прав, – вздохнул Грйт. – А ведь, наверное, скоро уже стемнеет?

– Да. Луна восходит в час сорок пять минут, так что у нас еще много времени. Я думаю... будет сильная облачность, – сказал Уэр. Хаос мыслей внезапно пронесся в его голове, и он замолчал.

Грайт слышал звуки шагов, голоса и приглушенный смех. Своей поступи он почти не слышал – его вели по мягким пыльным тропинкам или покрытым травой газонам. Затем он почувствовал под ногами мощенную грубым булыжником дорогу.

Булыжная мостовая вскоре осталась позади, и Грайт узнал выложенную ровными плитками дорогу, ведущую в Город сарнов. Они миновали низкую древнюю стену, служившую границей между миром сарнов и миром людей. Здесь царила тишина, нарушаемая лишь негромким пением ночных птиц да звонким стрекотанием сверчков.

Сарны-гвардейцы ускорили шаг. Длина их ног и манера широко шагать делали ходьбу такой быстрой, что Грайту приходилось едва ли не бежать. Внезапно рядом он услышал учащенное дыхание Деи, и волна тепла прокатилась по его телу. Они направлялись к Дворцу сарнов.

Сарн подтолкнул его вперед, и теперь его шагам вторило гулкое эхо дворцовых коридоров. На мгновение Грайт узнал то место во дворце, по которому они сейчас проходили, но затем сарны несколько раз свернули, и он уже не мог определить, в какой именно части дворца сейчас находится.

Сильная рука заставила его остановиться. Грайт находился в кромешной тьме и прислушивался к звукам и шорохам. Где-то позади него раздалось легкое гудение, затем мягкий звук открывающейся двери. Его подтолкнули в спину, и он услышал, как дверь закрылась за ним. Пол под ногами слегка дрогнул, и Грайту на миг показалось, что он проваливается в бездну. Однако затем он понял, что находится в каком-то скоростном подъемнике. Грайт услышал тихое дыхание Деи и попытался подойти к ней ближе, но могучая рука удержала его. Пол под ногами перестал дрожать, и лишь монотонное гудение говорило о том, что они движутся вниз. Сколько прошло времени, Грайт не знал, но ощущения подсказывали ему, что они опустились уже на много тысяч футов.

Уже наверняка больше пяти тысяч футов... Больше мили! Ни один человек не проникал в глубины Дворца сарнов, за одним исключением. Друнел со своими людьми получал оружие и короны, которые приказала ему

дать Мать сарнов. Оружие для того, чтобы уничтожить Грайта и Уэра...

— Мы опустились на глубину больше мили, Уэр, — сообщил Грайт. — Воздух очень спертый — должно быть, тут целых две мили — у меня в легких как будто огромный камень...

— Я приду к тебе, — спокойно отозвался Уэр. — Ты мои мысли отчетливо улавливаешь?

— Да, вполне.

— Значит, антигравитационные приборы кабины не препятствуют приему. Каменная толща глубиной в две мили тоже не препятствует.

— Мы останавливаемся... Идем по коридору, широкому, пол и стены каменные... низкий потолок. Здесь есть еще колонны, — начала передавать Дея. — Впереди я слышу голоса сарнов.

Они остановились, и эхо их шагов медленно замерло вдали.

— Мать сарнов! Декалон Топлар докладывает, что два человека, за которыми мы были посланы, доставлены, — услышал Грайт голос могучего сарна.

— Сними Покров Матери, декалон.

Грайт почувствовал прикосновение рук сарнов и услышал странный, едва уловимый шелест — с него сняли Покров, затем ему в глаза ударил нестерпимо яркий свет, заставивший его зажмуриться. Через несколько мгновений Грайт осторожно открыл глаза и увидел, что освещение в подземелье действительно неестественно яркое: на стенах и потолке горело множество гигантских атомных светильников, рассыпавших вокруг себя сверкающие снопы искр.

Грайт огляделся. Внимание его привлек огромный куб гранита. К передней грани его были прикреплены большие золотые диски. На одном из дисков было изображение Земли, и его освещал яркий желтоватый луч, на другом — изображение Забытой планеты, на него струился холодный голубой свет другого прожектора.

Мать сарнов восседала на троне в окружении восьми Матерей городов и одиннадцати гвардейцев личной охраны, которые вдруг как будто бы материализовались из воздуха. Грайт повернул голову и увидел Дею, воз-

никшую словно из небытия. Они посмотрели друг друга в глаза и улыбнулись.

Гвардейцы между тем один за другим подходили к большому чемодану, лежавшему на столе, и укладывали туда нечто невидимое. Декалон стояла возле чемодана, аккуратно разглаживая невидимые складки каждой вещи, прежде чем уложить ее на дно.

— Разве Закон не гласит, что никто — будь то человек или сарн — не может быть дважды осужден за одно и то же преступление? — вскинув голову, спросил Грайт. — Вчера мне уже предъявили обвинение, меня допрашивали и освободили. И разве не гласит Закон, что никто — будь то человек или сарн — не может быть осужден без предоставления ему возможности защиты, если только он сам не отказывается от этого права?.. Ни я, ни эта женщина, Дея, не совершали никаких преступлений. Пользуясь нашим правом, мы просим объявить причину нашего ареста.

Немигающие глаза Правительницы закрылись и через несколько мгновений медленно открылись вновь. Ее могучее тело оставалось неподвижным. Матери городов тоже не двигались и даже как будто не дышали.

Прошло еще какое-то время, прежде чем Правительница заговорила с характерным мелодичным акцентом сарнов:

— Закон, о котором ты говоришь, — это Закон Матери. Я обещала всегда придерживаться его, за исключением чрезвычайных ситуаций. Сейчас, Грайт, и есть та самая чрезвычайная ситуация. Ты, эта женщина и еще несколько человек пытались организовать заговор против сарнов и против меня. Это и есть обвинение, а обвинителем являюсь я. Что ты можешь на это ответить?

— Закон гласит, что тот, кому предъявлено обвинение, имеет право обдумывать свой ответ в течение двадцати четырех часов. Обвинение должно быть подкреплено доказательствами, только тогда обвиняемый может признать свою вину. Если Мать сарнов является обвинителем, могу я спросить: на каких фактах основано обвинение?

Глаза Правительницы холодно сверкнули. Едва заметная улыбка пробежала по ее тонким губам, когда она взглянула на Грайта. Сарны гордились тем, что

четыре тысячелетия их правления на Земле в ранг закона было возведено милосердие. Инопланетяне никогда не применяли к людям жестоких мер воздействия.

Сарны были справедливы – ни один человек не мог бы утверждать обратное. Так считала Мать, которая в силу своего долголетия отстранилась и от сарнов, и от людей, взирая на тех и на других с недостижимой высоты своего трона.

– Сейчас та самая чрезвычайная ситуация, Грайт, – мягко повторила Правительница. – Тем не менее я дам тебе двадцать четыре часа. И этой женщине, Дее, тоже. Декалон, отведи их в пятнадцатую камеру Дома Камней.

Декалон и ее гвардейцы молча шагнули вперед. Грайт успел улыбнуться Дее, прежде чем их окружили могучие сарны и повели по длинному, слабо освещенному коридору.

– Дом Камней, знаменитая тюрьма сарнов, – мысленно обратился Грайт к Уэру. – Уэр... Уэр!

– Я иду, Грайт, – отозвался техник. – Я приду к тебе через час. Не волнуйся и не вызывай меня слишком часто, я установил постоянную связь с тобой и могу спокойно следовать за твоими мыслями... А небо, как я и предполагал, затянули тучи. Сегодня будет очень бурная ночь.

– Без посторонней помощи мы отсюда не выберемся, – вздохнула Дея.

– Не очень-то я надеюсь на эту помощь, – невесело улыбнулся Грайт.

* * *

Грайт задумчиво ходил по камере из угла в угол. Декалон и ее гвардейцы ушли, а старый сарн-надзиратель включил телеаппаратуру и тоже удалился, шаркая ногами по коридору.

Грайт остановился посреди камеры, попытавшись сконцентрироваться. Дея неподвижно сидела на стуле у стены, глядя куда-то вдаль широко раскрытыми глазами. Затем она медленно поднялась и посмотрела на Грайта.

– Здесь где-то рядом сарны... Не меньше десяти, – сказала она. – И они такие же заключенные, как и мы. Они знают секреты лаборатории Матери.

– Не говори вслух, – обратился к ней Грайт на ментальном уровне. – Тут наверняка установлена подслушивающая аппаратура!

Дея улыбнулась:

– Телепатическое общение требует слишком больших усилий, а нам не стоит сейчас тратить силы зря – они нам еще понадобятся. Так что давай лучше говорить. Пусть подслушивают...

Грайт кивнул:

– Да, где-то рядом не меньше десятка сарнов, и все они ученые. Но единственное, что я могу уловить в их мыслях, – это Эзир и приборы.

– Я скоро буду у вас, – услышали они ментальное послание Уэра. – А тучи все больше сгущаются. Сегодня выдалась темная ночь.

Глава десятая

Мать сарнов молча указала пальцем на стену, и через мгновение одна из секций стены открылась. За ней оказался большой компьютерный экран и клавиатура.

– Вероятно, он уже ниже шестого уровня, – спокойно произнесла Правительница, в то время как Матери городов начали в тревоге переглядываться.

– И он сможет пройти сквозь такие толстые каменные стены? – удивилась Мать Дурбана.

– Однажды он уже прошел через каменную стену, – ответила Правительница Земли, внимательно вглядываясь в столбики цифр, бегущие по экрану. – Все. Пора идти.

В стене открылась потайная дверь, куда молча вошли Матери городов, а за ними одиннадцать гвардейцев. Дверь закрылась, и Бессмертная осталась одна, неотрывно глядя в сторону коридора, в дальнем конце которого уже сгущался мрак.

Еще несколько коротких мгновений – и Эзир, черный, как тьма дальнего космоса, вновь стоял перед Матерью сарнов.

Тонкие губы Правительницы дрогнули в едва заметной усмешке.

– А ты стал как будто меньше ростом, Эзир? Неужели какие-нибудь из тех миллиардов душ людей, о которых ты упоминал, покинули тебя?

Телепатический ответ Эзира заставил повелительницу Земли невольно вздрогнуть:

– Может быть. Не все желания людей служат во благо человечества. Но то, что действительно нужно для блага моего народа, – это освободить двоих людей, которых ты держишь под стражей. Ради этого я вновь явился сюда. Вероятно, ты и те, кто ожидает в пяти соседних камерах, теперь смогут понять мою природу.

– Здесь нет никаких людей, и сарнам незачем исследовать тебя, – холодно произнесла Мать. – Все это сказки.

– Это не сказки, и ты это знаешь. Непроницаемая тьма, из которой я состою, создана мыслями людей. Я – воплощение желаний биллионов и биллионов.

Правительница кивнула.

– Хорошо. Желания и знания. Такое возможно. Нам нужно заключить некий договор – соглашение между мною и тобой.

– Между твоим народом и моим народом, – уточнил Эзир. – Ты и я могли бы договориться прямо сейчас... но боюсь, в результате этого ты погибла бы.

– Может быть, – насмешливо произнесла Правительница. – Но тогда твой народ был бы уничтожен, а мой остался бы единственной разумной расой на этой планете...

– Хорошо... Нам известны мысли и планы друг друга. У людей есть одно преимущество перед сарнами – они вот-вот освоят универсальную телепатию. Некоторые из людей уже сейчас могут разговаривать между собой на ментальном уровне.

– По-моему, многие из вас могут читать мысли сарнов, когда находятся рядом, – вздохнула Бессмертная. – Но я пока не придумала надежной защиты...

– Так вот, я хочу предложить тебе обмен. – Эзир как будто смеялся, во всяком случае так показалось Матери. – Ты хотела исследовать вещество, из которого создано мое тело. Я предоставляю тебе такую возможность, но взамен...

Эзир шагнул вперед и взял со стола чемодан с серебряными замками, в котором лежали Покровы Матери и защитные очки, позволявшие видеть в темноте. В то

же мгновение Мать сарнов распрямила длинный гибкий палец и нажала на кнопку, вмонтированную в трон. Из невидимых излучателей вырвался поток раскаленной плазмы, и каменный пол расплавился. Комнату заполнил синевато-багровый едкий газ. Раздался грохот – казалось, шатались и рушились тысячетлетние каменные стены. Пол обвалился, образовав в центре комнаты огромную дыру...

И вдруг все стихло.

Правительница неподвижно сидела на троне, глаза ее были мутными от слез, вызванных ядовитыми испарениями. Эзир по-прежнему стоял перед ней.

– Ты снова ничего не добилась, Мать, – мягко сказал он.

Потом Эзир молча повернулся и вышел в коридор. Мать сарнов с ненавистью посмотрела ему вслед, затем нажала другую кнопку – панель открылась, и в комнату быстро вошли десять гвардейцев во главе с декалон. Все они держали оружие наготове. Они замерли у стены, бесстрастно глядя на дымящийся пролом в полу.

Вслед за ними в комнату вошли Матери городов, на их тонких губах играли злорадные улыбки.

– Ну что, революция закончена? – сказала Мать Тарлана, усаживаясь в свое кресло.

Бессмертная в ярости взглянула на нее.

– Дочь, ты ничего не поняла. Я оказалась совершенно беспомощной. Когда он потянулся к чемодану с Покровами, я не выдержала и нажала кнопку. Сказалась усталость, я не спала больше пятидесяти часов. И я не хотела потерять свои Покровы, – с горечью произнесла она. – Эзир должен был выиграть в этом обмене, потому что он обязательно узнал бы, из чего сделаны Покровы, в то время как я не уверена, что мне удалось бы разгадать его тайну.

Правительница Земли взглянула в дальний конец коридора, где исчезла черная фигура незваного гостя.

Глава одиннадцатая

Старый тюремщик Дома Камней был хорошо проинструктирован. Бессмертная не хотела рисковать жизнями сарнов, но она очень хотела, чтобы Эзир ока-

зался в подземной цитадели, поэтому надзиратель, как только показался Эзир, тотчас скрылся. В узком коридоре, ведущем в неприступную подземную крепость, притаились невидимые гвардейцы с оружием наготове.

Черная фигура, пройдя по коридору, остановилась у серой стальной двери, за которой находились Дея и Грайт.

Стрелки приборов, подсоединенных к датчикам, висевшим на стене, судорожно задержались, термометр застыл на самой низкой точке – Эзир распространял вокруг себя ауру абсолютного холода.

– Грайт, Дея, отойдите подальше от двери. Как только она исчезнет, немедленно выходите, – донеслась до сознания узников мысль Эзира.

Черная фигура подняла руку и коснулась стальной двери, которая, зашипев, начала растворяться. Еще мгновение – и дверь исчезла, осталось лишь клубящееся облако пара. Дея неуверенно шагнула к проему, боясь обжечься, но, как ни странно, пар не был горячим. Она быстро прошла через облако в коридор, лишь на миг испытав легкий приступ удушья. Вслед за ней вышел Грайт.

– У нас будут Покровы? – спросил он.

– Нет. Мать вновь стала палить из лучеметов, и Покровы, должно быть, повреждены. Вам придется идти так... Держитесь ближе ко мне.

– А мы сможем пройти сквозь каменные стены? – с сомнением спросила Дея. – Я не верю, что это возможно.

Вместо ответа Эзир молча указал на дверь их камеры, которая теперь была такой же черной, как и он сам. Дея замерла, увидев на черной поверхности белые силуэты двух фигур – ее и Грайта, как раз в том месте, где они прошли через нее. От двери веяло таким ледяным холодом, что стены вокруг покрылись инеем, а свет ламп начал тускнеть.

– Ты почувствовала удушье, когда проходила через дверь. Такое же удушье ты почувствуешь, когда будешь проходить через стену, – ни в стали, ни в камне нельзя дышать... Нам надо идти.

Уэр пошел вперед, и через несколько шагов из-за двери соседней камеры вырвался тонкий светлый луч,

скользнувший по его черному покрову, — это была очередная попытка исследовать его. Эзир спокойно прошел дальше, а луч исчез.

* * *

— Неподалеку притаились невидимые гвардейцы, — предупредил Эзир. — Мать сарнов приказала им беспрепятственно пропустить меня, но они могут попытаться задержать вас...

Это было вопиющим нарушением приказа Матери, но гвардейцы, испытывавшие непреодолимое презрение к людям и гордившиеся тем, что из тюрьмы Дома Камней не удалось ускользнуть еще ни одному заключенному, направили на Грайта и Дею невидимое оружие.

Эзир протянул руку вперед, и тишину внезапно разорвал дикий вопль агонии. Огромная фигура сарна, такая же черная, как и Эзир, спотыкаясь, появилась откуда-то из пустоты и тут же рухнула на пол, покрывшись слоем замороженных кристаллов. Черный палец Эзира описал круг, и мертвые тела остальных десяти гвардейцев возникли из небытия.

— Теперь бежим, — скомандовал Уэр, и все трое поспешно приблизились к узкому дверному проему, ведущему во внешний коридор. Эзир повернул направо, затем еще раз направо, и они оказались в длинном туннеле с низким потолком. Один подъемник, другой... Шахты были пусты, а кнопки вызова кабин отключены.

Наконец беглецы отыскали работавший лифт, но в этот момент в главном коридоре послышался шум шагов, зазвенело оружие. Шестеро гигантских сарнов приближались к беглецам. За спиной они носили антигравитаторы, и они могли лететь по воздуху, но для этого каменные коридоры были чересчур узкими, и сарны толкались, переругиваясь.

Эзир коснулся кнопок управления подъемником в тот момент, когда резкая вспышка огня высветила полутемный коридор.

— Грайт, скорее нажми эту кнопку, — скомандовал Уэр. — Я не могу сделать это сам. Видишь, как сразу почернела дверь, едва я протянул к ней руку.

Действительно, дверь стала абсолютно черной, и от нее исходил ледяной холод, а лампочки системы управ-

ления бешено мигали. Грайт нажал одну из многочисленных кнопок, и черная дверь, бесшумно открывшись, выпустила беглецов в кабину. Лифт начал стремительно подниматься.

— Теперь все зависит от того, успеем ли мы выбрать из дворца, — задумчиво произнес Уэр. — Сарны в любой момент могут отключить механизм, и тогда нам придется нелегко.

— Как страшно завывает воздух в шахте... — тихо пробормотала Дея.

— Только бы Мать не успела вычислить, в каком лифте мы едем...

В этот момент движение лифта прекратилось. Грайт обнял Дею и крепко прижал ее к себе, а Эзир внезапно плавно оторвался от пола кабины и медленно поплыл наверх, повиснув в воздухе почти у самого потолка.

— Только не касайтесь меня, — телепатически предупредил он своих спутников.

Внезапно под полом кабины раздался долгий свистящий звук, и Уэр облегченно вздохнул.

— Мать опоздала. Она отключила лифт, но мы уже успели подняться наверх.

Он плавно опустился на пол. Дверь открылась, и беглецы вышли в коридор, освещенный лампами, укрепленными на поблескивающих золотом янтарных стенах. Беглецы оказались на самом верхнем этаже Дворца сарнов.

А глубоко под землей Мать сарнов задумчиво смотрела на экран компьютера.

— Интересно, — ни к кому не обращаясь, произнесла Правительница. — Он заморозил электронику дегравитизатора, это понятно. Но что бы случилось, если бы я не отключила питание прежде, чем он выбрался наверх?

Матерям городов это было совсем не интересно. Они ждали от своей повелительницы решительных действий.

Но Бессмертная не двигалась. Она не видела никакого смысла в том, чтобы бросить против Эзира, Грайта и Деи своих гвардейцев. Она уже убедилась, что у Эзира нет уязвимых мест, и теперь она считала, что лучше всего подождать отчета ученых. Имен-

но знание было той силой, в которой Мать сейчас нуждалась. Знание и сила, которой она уже обладала, и жесткий контроль за материалами, утечка которых сделала возможным появление неуязвимого Эзира...

Глава двенадцатая

Эзир стоял у входных дверей зала суда и смотрел в открытое окно на Сады сарнов. Он улыбался.

— Я же говорил, что сегодня будет ненастная ночь, — мысленно сказал он Дее и Грайту.

Они тоже смотрели на Сады, невольно содрогаясь, видя, как могучие деревья гнутся под яростным натиском ветра, который завывал так дико, что кровь стыла в жилах. Порывы ветра были ледяными, что казалось странным — даже невозможным — этой летней ночью.

— Я думаю, будет дождь, — продолжал Уэр. Внезапно вспышка молнии осветила Сады, прогрехотали ужасающие по своей силе раскаты грома, и с неба полились потоки воды, мгновенно затопившей землю. Мерцавшие вдали огоньки Города людей, отделенного от Города сарнов толстыми стенами, было уже не различить.

— По-моему, я перестарался, — засмеялся Уэр.

— Ты? — изумился Грайт. — Это сделал ты?

— Сарны ненавидят холод, но больше всего они ненавидят влагу. Сейчас в Садах сарнов ты не найдешь ничего, так что наш путь к воротам свободен, — уклончиво ответил Уэр.

Дея поежилась и взглянула на Эзира.

— Ветер ледяной, воды, должно быть, уже по колено, а я одета по-летнему — для июньской, а не февральской ночи.

— Я действительно перестарался, — повторил Уэр. — Мне никогда не приходилось делать этого раньше... Интересный результат...

— По-моему, в ходе эксперимента произошла ошибка, покачал головой Грайт. — О боги, ведь эта вода смывает с лица земли. Нам надо скорее бежать, пока не пришлось плыть.

– Не торопись, – остановил его Уэр. – Мне еще надо кое-что сделать. Мать хотела исследовать мою природу – я предоставляю ей такую возможность. Я заставляю ее хорошенько подумать, прежде чем ей захочется снова вызвать Эзира для своего удовольствия!

Он вошел в огромный зал суда, казавшийся роскошным в мягком свете нескольких больших ламп, – нефрит и янтарь, золото и хрусталь. Рука Эзира превратилась вдруг в некое подобие дымовой трубы, из которой повалил густой черный пар. Неторопливо проходя вдоль зала, он плавно покачивал рукой, и полированный камень и сверкающий металл бесследно исчезали. Стены аннигилировали...

Мягкое сияние померкло, легкое потрескивание прекратилось, свет ламп померк, и в зале воцарились унылые сумерки.

И холод – ледяной холод – пронизывал все вокруг. Беглецы дрожали от холода. Не выдержав, они бросились из зала в надежде найти где-нибудь тепло, но поток ледяного воздуха преследовал их до самых ворот дворца. Он волной прокатился вниз по ступенькам, и дождь, уже заливший пол в вестибюле, превратился в лед.

– Ну вот, – удовлетворенно сказал Уэр. – Сарны ненавидят холод, но им придется потерпеть... А теперь пошли.

Он вышел из дворца. Грайт и Дея, стуча зубами, брели за своим спасителем. Они тут же едва не потеряли друг друга из-за плотной, почти непроницаемой стены дождя. Тогда Грайт крепко обнял свою возлюбленную и почувствовал, как сильно она дрожит.

– Уэр! – резко позвал он. – Иди вперед, мы встретимся позже. От тебя исходит такой ледяной холод, что дождь превращается в снег, а мы с Деей скоро превратимся в куски льда.

– Я не могу отключить свое поле, – ответил Уэр. – У меня нет с собой необходимых приборов. И на меня не должна попадать вода, поэтому я закрутил вокруг себя снежный вихрь. У меня еще нет надежной защиты от воды. Если она попадет на меня, то не останется ни Города сарнов, ни Города людей. Так что встретимся у меня дома. Вы найдете дорогу?

— Надеюсь, — дрожа, кивнул Грайт.

— Тогда желаю удачи! Сарнов не бойтесь, вы никого из них не встретите.

— Хорошо, — отозвался Грайт, и они с Деей почти побежали мимо раскачивающихся и трещащих деревьев к воротам Города сарнов, ориентируясь по памяти. Из-за сплошной пелены дождя почти ничего не было видно.

Внезапно небо вновь разорвала яростная вспышка огня, дико загрохотал гром и земля задрожала у них под ногами. Дея и Грайт уже не бежали, а брели и, хотя почти уже ничего не ощущали из-за пробиравшего их насквозь адского холода, все же отчетливо чувствовали это безумное дрожание земли.

* * *

В эту ужасную, кошмарную ночь никто не видел, как Дея и Грайт добирались до своей цели, — плотный щит дождя надежно укрывал их от посторонних глаз. Они не знали, сколько времени брели по залитым водой улицам, пока наконец не подошли к маленькому каменному дому Уэра, погруженному во мрак.

Дверь распахнулась, и они вошли в крошечную комнату с плотно закрытыми ставнями на окнах. Яркий свет поначалу ослепил их, но затем, когда глаза привыкли, они увидели Уэра, стоявшего у противоположной стены и делавшего им знаки. Техник нажал на кнопку в стене, и часть ее сдвинулась с места, открыв вход в маленькую комнатку, отделанную грубым гранитом.

Грайт и Дея спустились вниз по ступенькам, и каменная плита за ними вновь закрылась. Уэр нажал еще одну кнопку и, когда открылась еще одна потайная дверь, повел своих гостей вниз, в мрачное помещение, похожее на пещеру, потолок которой подпирало несколько изъеденных ржавчиной колонн. С потолка весьма причудливо свисали сталактиты, а с пола поднимались сталагмиты.

— Древний подземный ход, — объяснил Уэр. — Он тянется на четверть мили в одном направлении и на милю в другом. Он проходит под Городом людей на глубине больше чем сто двадцать футов. Здесь находится моя лаборатория. Но для начала вам надо обсохнуть.

Уэр нажал кнопку на приборной панели, и на Грайта и Дею хлынул поток теплого воздуха, сразу позволивший им расслабиться и вздохнуть с облегчением.

– Мы будем прятаться у тебя? – спросила Дея. – Или вернемся к себе домой?

– Это выяснится чуть позже, – неопределенно ответил техник.

– Уэр, ты нам все-таки расскажешь, какова природа твоей оболочки и почему она распространяет такой адский холод? Но главное, как ты видишь сквозь нее? К Покровам Матери прилагаются специальные очки, которые делают невидимого зрячим. Мне таких очков не дали, и я был как слепой. Так как же ты видишь через такой мощный покров, который не могут пробить даже энергетические лучи?

– А я и не вижу, – засмеялся Уэр. – И все же я нашел путь через болота, которые когда-то назывались Садами сарнов, быстрее и легче, чем вы. Ответ тому – телепатия. Я вижу глазами других существ.

– Вероятно, – сказала Дея, – если бы мы знали, что у тебя есть и чего не хватает, наша помощь была бы более эффективной.

– Вероятно, – усмехнулся Грайт, – ты мог стереть с лица земли Город сарнов. Еще одна такая «очень темная ночь» – и ему конец.

– Город сарнов расположен выше, чем Город людей, – улыбнулся Уэр. – Но наш народ переносит холод и сырость более стойко, чем инопланетяне.

– Ты так думаешь? – язвительно спросила Дея. – В следующий раз я такого не перенесу. Если ты, конечно, не дашь мне какой-нибудь из своих Покровов, к которым я теперь испытываю сильный интерес.

Уэр шумно вздохнул.

– Мне трудно объяснить их природу. Ее невозможно объяснить словами. Существует некая математическая основа. Математика – это такой же язык, на котором мы обычно разговариваем, но только некоторые термины можно перевести, а некоторые – нет... Я изучал труды Дирака, физика, жившего на Земле до Заговора. Так вот, он объяснял, что все пространство наполнено электронами, обладающими отрицательной энергией.

Незадолго до того, как пришли сарны, люди открыли, что электроны в положительных энергетических полях, вибрируя, создают излучение – свет, тепло и так далее. Если использовать достаточно концентрированную энергию, вы можете заставить вибрировать электроны в отрицательных энергетических полях, и тогда они будут давать отрицательное энергетическое излучение... Но мой покров не излучает такую энергию, он создает вокруг меня поле, которое заставляет атомы воздуха излучать отрицательную энергию. Именно благодаря этому мы проходили и сквозь стальную дверь, и сквозь каменную стену. Когда Мать направила на меня смертоносные лучи и потоки плазмы, они стали дополнительным источником питания для моего поля. На меня обрушился шквал смертоносного излучения, но оно создало еще большее количество частиц, излучающих отрицательную энергию. Я один мог бы уничтожить всех сарнов, но... боюсь, сарны успеют погубить многих, прежде чем мне удастся их остановить.

– Что тебе нужно для того, чтобы этого не произошло?

– Один час, – вздохнул Уэр. – Мне нужно провести один час в мастерских сарнов. Мне необходимо добыть несколько фунтов молибдена, кое-какую аппаратуру и несколько унций скандия. Тогда я сделал бы дубликат этой моей игрушки, который мог бы защитить целый город людей в радиусе пятидесяти миль. Ведь если я пойду бороться с сарнами, я буду убивать их медленно, одного за другим, а они тем временем молниеносно – одним нажатием кнопки – могут уничтожить сразу всех людей.

– Ты можешь просто выгнать их всех отсюда, создав невыносимые для них условия, – улыбнулся Грайт.

– Это точно, – кивнул Уэр. – Мне это даже больше нравится.

– А какая дальность действия твоего аппарата, Уэр? – спросила Дея, отойдя наконец от обогревателя.

– Достаточная, чтобы отсюда поразить любую цель в Городе сарнов.

– А как он используется для защиты?

– Им, как одеялом, можно накрыть целый город и отразить любую атаку. – Уэр снова вздохнул. – Но

только Город сарнов, а не людей. Ведь Город людей представляет собой огромное кольцо вокруг Города сарнов.

— Тут надо подумать, — кивнула Дея. — Уэр, не найдется ли у тебя чего-нибудь поесть? Из-за этого холода я страшно проголодалась.

— Ты что-то придумала? — заинтересованно спросил Уэр. Телепатически он пытался уловить ее мысли, но ничего не слышал.

— Я... я не уверена. — Дея покачала головой. — Лучше я сначала поговорю с Грайтом, а то я могу ошибиться.

Когда Уэр ушел на кухню, Дея повернулась к Грайту и они долго о чем-то спорили.

Но вот Уэр вновь спустился в подземелье, неся два подноса, где лежали хлеб, сыр и холодное мясо, стояли чашки с кофе и бутылка со сливками.

— Уэр, — напряженно спросил Грайт, не глядя на еду. — Ты можешь записать мысль — телепатическое послание?

Уэр нахмурился.

— Записать? Зачем? Я никогда не пытался — легче ее мысленно произнести еще раз.

— Но это можно сделать?

— М-м-м... да. Думаю, да.

— Сколько времени потребуется, чтобы сделать такой аппарат? — нетерпеливо спросил Грайт.

Уэр помедлил, затем пожал плечами:

— За несколько часов я могу его сделать. Этот прибор должен быть чрезвычайно маленьким, меньше кубического миллиметра. Аппарат крошечный, но требует большого труда. Записывающее и воспроизводящее устройство... Ну, скажем, мне понадобится два дня. Я думаю, что за это время смогу управиться.

Грайт быстро дотронулся до обруча на голове.

— Карон! Карон!

— Да? — сонным голосом отозвался командир легиона мира.

— Сейчас три часа до рассвета... Карон, все должно быть сделано до того, как первые люди выйдут на улицы. Бери Ормана, мастера по металлу, и идите к

Уэру! Но перед этим доберись до доктора Уэсона и скажи ему, чтобы он тоже немедленно шел к Уэру... Уэр, приготовь схемы, Орман начнет с ними работать, а ты можешь хоть часок вздремнуть. Да, самое главное, ты можешь сделать такой преобразователь, чтобы человеческая мысль звучала на радиоволнах сарнов?

— На волнах сарнов? Я никогда не думал об этом...

— Думай, и как можно быстрее. Если ты сделаешь это, Уэр, мы сумеем освободить Землю!

Глава тринадцатая

Прибор действительно оказался невероятно крошечным — они едва могли его разглядеть на широкой ладони Уэра. Но сработан он был виртуозно.

— Это воспроизводящее устройство, — пояснил Уэр. — А вот записывающее. Оно записывает, как ты хотел, человеческие мысли и преобразует их на радиочастоты сарнов. Но я хочу спросить: что именно ты собираешься с ним делать? Я так увлекся работой, что совсем забыл спросить о цели, ради которой все это делается. Думаю, моему приборчику суждено бесконечно повторять сарнам:

«Уходите! Уходите!»... Но боюсь, слова на них не действуют.

Плиты наверху раздвинулись. Грайт, Дея и Уэр подняли головы. Один только полусонный усталый Орман остался безучастным к происходящему.

— Спускайся, Симоне, — раздался голос доктора Уэсона, и вслед за этим на ступеньках показались чьи-то ноги, потом сильное мускулистое тело и, наконец, усталое лицо с красными от бессонницы глазами.

Уэр повернулся к Дее и Грайту.

— Кто он, этот Симоне?

Они не ответили, и Уэр повернулся к вновь пришедшему, который стоял неподвижно с выражением полнейшего отчаяния на лице. Его острые глаза впились в Уэра, и техник почувствовал, как от этого взгляда все внутри у него похолодело. Его вдруг тоже охватило бесконечное отчаяние, захотелось закрыть лицо руками и убежать прочь.

Уэр с трудом отвел глаза от бледного лица незнакомца.

— Дея, во имя всех богов! — взмолился он. — Кто это... кто... что это?

— Это отрицательная энергия, Уэр. Отрицательная энергия сознания, мрак Эзира, уничтожающий все надежды, все желания. Он сумасшедший, у него маниакально-депрессивный психоз. У него нет никакой возможности убежать из этого ада. Он сумасшедший, и все его существо поглощено ужасной тьмой, мраком, безысходностью. Если даже его сознание чуть прояснится, ему это уже не поможет — он просто станет суицидальным маньяком и будет стремиться покончить с собой любым доступным способом. Он уже не может убежать из этого ада... Запиши его мысли, Уэр. Запиши их на свою серебряную ленту. Запиши эту безнадежность, которая не знает сопротивления, не хочет бороться. Запиши и передай в Город сарнов.

Глава четырнадцатая

Мать неподвижно сидела у высокого окна в своей башне, глядя на Сады сарнов. Толстые пледы и богатые плащи укрывали ее — бесполезные вещи, тряпки... Ледяной холод пронизывал старую Правительницу Земли до костей. Уже много часов и дней она сидела в этой большой, со множеством окон комнате почти без движения.

Солнце сюда не заглядывало. По оконным стеклам бежали струи дождя, бесконечного, холодного дождя, заливавшего Сады сарнов. А там, за городской стеной, в Городе людей, солнце ярко светило, щедро одарив землю своим теплом. Закрыв глаза, Бессмертная представляла, как его лучи преломляются в прозрачном чистом воздухе, играют на листьях деревьев и оконных стеклах. Там был июнь, а здесь лето умерло. Здесь умерло все, остался лишь вечный холод, который становился все сильнее и сильнее.

Былая красота ее Садов померкла. Упавшие деревья, погибшие цветы — все это плавало теперь в грязном болоте, на которое у нее уже не было сил смотреть. Сколько бесконечных, бессонных дней провела она в этой

башне, где день отличался от ночи только тем, что серый свет, падавший из окон, сменялся черным? Все эти дни Правительница мучительно размышляла о своей долгой жизни, о тех ошибках, которые она совершила, о своем народе. Сарны деградировали за последние четыре тысячи лет, а люди стали сильнее. Люди, маленькие, жалкие люди, рабы – они победили своих хозяев...

Дверь позади нее медленно открылась, но Мать не шевельнулась, продолжая смотреть прямо перед собой, пока посетительница не подошла к ней. Баркен Тил. Когда-то Мать считала ее блестящим талантливym физиком. Теперь Баркен Тил казалась опустошенной и подавленной.

– Да? – равнодушно спросила Правительница.

– Ничего. – Баркен Тил печально покачала головой. – Все бесполезно, Мать сарнов. Там только тьма. Никакого экрана, никакой субстанции. Судя по показаниям приборов – там вакуум. Тард Нило сошла с ума. Она сидит на стуле, смотрит в стену и повторяет: «Солнце теплое... солнце яркое... солнце сверкающее!» Она сама не встает со стула – мы водим ее. Она не сопротивляется...

– Солнце теплое, – тихо повторила Правительница. – Солнце яркое. Солнце никогда здесь не светит. Но в Биш-Валне солнце яркое и горячее, а воздух чистый и сухой.

Взгляд усталых золотых глаз скользнул по неуклюжей фигуре физика.

– Я... я думаю посетить Биш-Валн. Где солнце яркое и горячее, а воздух... Я никогда не была там, никогда за все то время, что Земля стала нашей, за все четыре тысячи лет. Я никогда не видела Тарглан с его вечно голубым небом и вечно белыми горами. Я никогда не видела Биш-Валн среди золотых песков... горячих песков. Мне кажется, что прежде, чем человечество окончательно встанет на ноги, мне обязательно надо посмотреть его. Я думаю... да, вероятно, я поеду.

Два часа спустя Мать тяжело поднялась, чтобы сделать распоряжения, а затем – еще через несколько часов – взойти на свой космический корабль. Через залитое дождем окно она смотрела на поникшие кроны своих Садов и уплывающий вниз Город сарнов. Вслед за ее кораблем поднялся другой, затем третий.

Впервые за четыре тысячи лет она покидала свой город. Впервые за четыре тысячи лет ни одного сарна не осталось в Городе сарнов.

Сверху облака напоминали огромный серый купол, окруживший Город сарнов. Июньское солнце уже клонилось к закату, богатство красок заволокло Мать, и она начала впадать в сладкую дремоту. Страшное напряжение последних шести дней отпустило ее, она блаженно закрыла глаза. Она думала о солнечной и жаркой планете...

ПРИШЕЛЬЦЫ

ПРИШЕЛЬЦЫ

Ян и Мэг лежали на берегу ручейка, ощущая прохладное и чуть щекочущее прикосновение травы к коже. Мэг неторопливо ела апельсин, время от времени приподнимаясь, чтобы окунуть руки в воду и смыть липкий сок с пальцев. Ян наблюдал за каждым ее движением, за каждым изящным изгибом тела с интересом и странным возбуждением, которого он не мог понять, но которое его смутно беспокоило.

— Мэг, — тихо сказал он.

Мэг не повернула головы, продолжая улыбаться и высасывать сладкий сок.

— Мэг, — снова тихо повторил Ян.

Она скорчила гримасу и начала поворачиваться спиной. Тогда он рассмеялся и обнял ее.

— Мэг...

На какое-то мгновение она тоже прижалась к нему, затем вдруг начала сопротивляться, пытаясь что-то сказать, но страстные поцелуи бывают сродни хорошему кляпу... Потребовалось несколько секунд, прежде чем Ян понял, что девушка с ним вовсе не играет. Он ослабил объятия и посмотрел туда, куда был направлен ее ошеломленный взгляд, — прямо вверх.

Там было небо, голубое, словно сапфир, и чистое, будто хрусталь. Неровной, покачивающейся полосой его обрамляли ярко-зеленые листья пальм, апельсиновых и других фруктовых деревьев. А выше, прямо над головой, виднелся блестящий предмет, и его блеск напоминал сияние обломков зеркального металла, которые племя иногда находило в Древних Местах.

Ян вдруг понял, что непонятный объект очень велик. Двигался объект очень медленно, но создавалось впечатление,

чатление, что он может перемещаться гораздо быстрее. Формой он напоминал круглый камень, какими на воде пускают блинчики.

Ян встал и помог подняться на ноги Мэг. А странное нечто опускалось, все ниже и ниже, очень медленно и очень осторожно, словно кружащая над землей птица, и, казалось, направлялось прямо к ним. Уступая ему место, Ян и Мэг поспешно отошли в сторону. Вскоре зашелестели листья деревьев, потом закачались ветви, высокую траву прижало к земле. Ян и Мэг ощутили странную давящую силу, от которой им стало не по себе. Они отступили еще дальше, под деревья.

Объект был огромен. Поляна раскинулась на полмили в ширину и милю в длину, однако для этого гиганта она казалась тесной. В конце концов он завис на уровне деревьев и мягко опустился на траву.

Несколько минут ничего не происходило, и, чувствуя, что странная давящая сила исчезла, Ян и Мэг вышли из-под деревьев. Стройные и загорелые, они медленно приблизились, с любопытством глядя на блестящую металлическую стену.

Внезапно в стене распахнулась дверь. Изнутри вышли пять удивительных существ. Они были выше Яна, почти семи футов ростом, с узкой талией и широким торсом. Их конечности, длинные и прямые, были скрыты под тканью – так одевались жрецы во время церемоний, – только эта ткань казалась более тонкой.

На круглых, больших головах не было носов, зато уши, похожие на чаши, постоянно двигались. Кисти рук выглядели очень цепкими, и ступни ног... тоже. Когда один из странных гостей слегка повернулся, Ян с удивлением заметил длинный, тонкий, похожий на обезьяний хвост. Хвостом незнакомец что-то держал.

«Очень странное создание», – подумал Ян.

Незнакомец выступил вперед, и Ян обнаружил, что у него три глаза. Глаза смотрели в разные стороны.

Мэг явно разбирало любопытство. Она хотела разглядеть незнакомцев поближе и потянула Яна за руку. Тот последовал за нею с некоторой опаской.

Незнакомцы держали в своих цепких руках странные маленькие палочки, и у Яна появилось странное чувство, будто он упал и вот-вот ударится.

– Кто вы? – спросила Мэг.

Один из гостей – по-видимому, предводитель – сказал что-то неясное, но что именно, Ян не смог понять. Примерно так говорили мезканцы, смуглые люди с юга.

– Вы мезканцы? – с сомнением спросила Мэг.

Предводитель произнес новую фразу. Вся пятерка быстро направилась к Яну и Мэг. Ян ощутил опасность более остро и потянул Мэг назад. Та неохотно отступила на шаг. Ян потянул ее сильнее, но Мэг стала упираться. В конце концов пятеро незнакомцев их окружили. Ян с любопытством оглядел их и протянул руку к яркому поясу ближайшего гостя. Внезапно предводитель что-то отрывисто произнес.

И тут же Яна схватили за руки и за ноги. Он почувствовал, как вокруг его тела обвились две живые веревки, и принялся отчаянно сопротивляться. Рядом закричала Мэг – ее тоже схватили.

Из зарослей послышался голос Каля:

– Мэг, что случилось?

Тут же предводитель незнакомцев что-то крикнул, и краем глаза Ян увидел, как из корабля высыпали десятки чужаков. Они взлетали в воздух, словно птицы, хотя крыльев у них не было.

Собрав все силы, Ян рванулся, но у него вдруг зазвенело в ушах, и свет вокруг померк. Последнее, что он услышал, был крик Мэг. А потом наступила темнота.

* * *

Когда Ян пришел в себя, было прохладно, а в воздухе ощущался странный запах. Ян слегка поежился и внезапно вскочил, вспомнив крик Мэг.

Он находился в помещении, напоминавшем Древнее Место, с той лишь разницей, что эта комната не была разрушена. В комнате Ян увидел и других – Каля, Сайма, Пала, старого толстого Тупа, жреца, и еще нескольких. Туп все еще спал, Каль и Пал беспокойно шевелились, остальные слегка вздрагивали.

Однако Мэг среди них не было.

– Мэг!

Ответа не последовало.

Ян подошел к решетчатой стене. За ней тянулся длинный металлический коридор. Напротив находилась еще одна комната. Она тоже была отделена от ко-

ридора решеткой. Там оказались женщины, несколько девушек и одна древняя старуха. Однако своей подруги Ян не заметил и позвал ее снова.

Внезапно в коридоре появилось одно из странных существ. Оно взглянуло на него двумя из своих глаз и пролаяло команду.

Яна вновь охватил страх, и он перестал кричать, лишь тихо шептал имя Мэг. Затем его внимание привлекла залитая голубым светом комната в конце коридора. Там находилось несколько существ и высокий стол, который скользил по полу на забавных круглых ножках, похожих на ломтик апельсина.

А потом Ян увидел Мэг.

Мэг лежала на столе, и глаза ее были закрыты. Ян позвал подругу по имени, и стоявшее снаружи существо снова что-то сердито пролаяло. Из маленькой палочки, которую держал в руках чужак, вырвалась вспышка и ударила Яна в грудь. Он тихо вскрикнул и замолк, лишь глаза его неотступно следили за Мэг.

Охранник отошел, и Яна вновь охватила ярость. Мэг была его девушкой, а эти коварные существа забрали ее!.. Он хотел было снова закричать, но, вспомнив горячую вспышку, передумал и только еще раз прошептал имя своей подруги.

А та, казалось, очень крепко спала.

Затем над Мэг склонился один из чужаков, державший в руке что-то блестящее. Он сделал быстрое движение, и даже страх перед трубкой охранника не помешал Яну отчаянно закричать — он увидел, как нежная кожа на животе Мэг разошлась и хлынула алая кровь.

Огненные вспышки хлестали вопящего Яна раз за разом, пока его не отшвырнуло далеко в угол, дрожащего, изнемогающего и охваченного ужасом.

Лишь через час он решился снова заглянуть в белую комнату. На столе с забавными ножками лежали какие-то красные лохмотья, но Яну и в голову не могло прийти, что это Мэг, и он подумал, что подругу забрали куда-то в другое место.

* * *

В комнате с голубым светом оказалась не только Мэг. Туда отправились и исчезли старый толстый Туп, жрец, и Тил, женщина Яла со своим ребенком. Но Ян

по-прежнему сидел в углу, тихий и молчаливый, поглаживая грудь и спину, на которых оставила блестящие ожоги трубка охранника. Он все время молчал и постоянно ощущал тяжесть в животе и боль в горле. И бездонную пустоту в сердце, поскольку Мэг не возвращалась.

На следующий день чужаки принесли фрукты и какие-то несъедобные штуки. Пленники съели фрукты, а штуки есть не стали. Охранники сегодня оказались не слишком строгими и разрешили мужчинам переговариваться с женщинами в камере напротив.

В тот день привели еще несколько человек. Среди них был и Ян. Услышав о том, что случилось с Тил и ребенком, он вцепился в охранника, который подошел слишком близко к решетке, а когда его отогнали обжигающими вспышками, забился в угол, смеясь и хихикая. Вскоре охранники увели его с собой.

На пятый день пленников начали кормить по отдельности, а существа, называвшие себя Тару, наблюдали за ними. Ян ел мало, но даже от той малости, которую съел, ему стало ужасно плохо; настолько плохо, что он не сопротивлялся, когда чужак в белом халате вынес его наружу, тщательно осмотрел и дал что-то еще. Через час Ян уже чувствовал себя лучше. Однако один из пленников долго кричал и корчился, а затем на его лице застыла маска смерти.

К седьмому дню Ян уже знал несколько слов из языка чужаков, которые называли себя Тару, и в этот день кое-что изменилось. После завтрака пришел охранник, семерых пленников вывели из камеры и повели по длинному металлическому коридору. Оказавшись на улице, Ян, забыв на время о пустоте внутри, с некоторым удивлением огляделся по сторонам. Поляна очень сильно изменилась. Теперь здесь стояли дома и большое сооружение с движущимися частями. В воздухе летали Тару. Повсюду возвышались огромные кучи металла, которые они забрали из Древних Мест.

Один Тару повел группу к краю поляны, где движущаяся машина разрыхляла сырую землю. С помощью какой-то плоской штуки он выкопал ямку, воткнул в нее мертвый кусок дерева, длиной не больше дюйма. Затем засыпал ямку землей и утоптал ее.

— Делай, — скомандовал он и протянул плоскую штуку и несколько кусков дерева Яну.

Ян посмотрел на орудие, неуклюже воткнул его в землю и повторил манипуляции Тару. Он проделал так дважды, но потом ему стало неинтересно. Захотелось уйти в тень деревьев, лечь на берегу ручейка, где когда-то лежали они с Мэг, и подумать о ней. Ян бросил плоское орудие и зашагал в сторону берега.

Обжигающая боль в боку заставила его подпрыгнуть и закричать. Тару со злостью смотрел на него.

— Делай! — прорычал он, показывая на плоскую штуку.

* * *

Ян научился сажать деревья быстро. Рядом с ним тому же учились семеро других. Ян никогда ничего не сажал. Как, впрочем, и его предки в течение почти шестидесяти поколений... Этим занималась сама природа, а Ян лишь подбирал плоды. Теперь же он, согнувшись в три погибели, трудился под субтропическим солнцем. В конце концов у него заболела спина, и он отложил плоскую штуку в сторону, чтобы отойти к деревьям и отдохнуть. В то же мгновение рядом оказался охранник. Снова обжигающая вспышка, снова командный рык. И Яну пришлось «делать».

Вечером им дали фрукты, и в камеры привели новых людей, на этот раз намного больше. На следующий день Ян вместе с остальными продолжал сажать деревья. К полудню закончили. У Яна страшно болела спина, а ощущение пустоты внутри стало еще сильнее. Днем их ждало новое задание. Тару принесли странные длинные штуки и стали учить пленников пилить большие деревья — те, что давали только древесину, а не цветы и фрукты.

Весь день слышалось пронзительное жужжание и лязг. Гора досок быстро росла. Потом Яна с товарищами заставили соединять их вместе с помощью странных шипов. К вечеру был построен ряд из двадцати грубых хижин.

На следующий день хижины обставили стульями и кроватями. Тару покрыли кровати эластичными простынями. Вечером одну из хижин предоставили Яну, и он с удовольствием ощутил усталой спиной незнакомое прежде, но приятное прикосновение свежей простыни. В окно было видно, что на высокой металлической баш-

не сидит Тару, держа в руках обжигающую трубку и наблюдая за хижинами.

Ян был сильным и молодым человеком. Уже двадцать пять раз он видел дожди, когда солнце уходило на север, а потом снова возвращалось на юг. Его рост составлял шесть футов – почти на четыре дюйма больше среднего, – а мускулы благодаря легкой, но активной жизни были гладкими и развитыми. Малоразвитый интеллект Яна оказался выше среднего для его расы.

Большинству не требовалось и такого. В течение двух тысяч лет ни одному человеку не приходилось думать, работать или избегать опасности. Две с лишним тысячи лет назад Машина покинула Землю, но оставила после себя рай, в котором не существовало ни опасных зверей, ни болезней. Поэтому человек не нуждался в интеллекте. Глупые оставались в живых точно так же, как и умные. Человечество лишилось стимулов и постепенно деградировало. Ян был достаточно умен, однако это не означало, что он – человек разумный.

Поэтому он не понял, зачем в его хижину привели Ван. Девушка мгновение смотрела на него со страхом, затем ее большие темные глаза широко раскрылись, и она вздохнула с явным облегчением.

– Ян, – сказала она.

– Ван, – тупо произнес Ян и рассеянно подумал о том, почему она не с коротышкой Таном.

Ван была высокой, хорошо сложенной девушкой, с пронзительными глазами и лицом, которое не считалось красивым. Она выделялась среди остальных своим ростом, превышающим рост многих мужчин, и обладала исключительным интеллектом – хотя ни она сама, ни Ян об этом даже не догадывались.

Ян съел фрукты, лег, подумал о Мэг и заснул. Ван некоторое время смотрела на него, потом тоже заснула.

* * *

В течение недели Ян работал на строительстве хижин. Потом научился протягивать провода между металлическими столбами, стоявшими по всему лагерю. Он уже начал привыкать к труду, и его мускулы стали еще тверже.

В лагере теперь жило больше людей, чем раньше. Здесь было все племя, которое знал Ян, и многие другие племена. Людей привозили, и они постепенно при-

выкали работать и жить в хижинах. Хижин было уже около сотни. Построили также два больших дома — один для многих мужчин, другой для многих женщин.

Однажды Яна перевели на другую работу. Странная летающая лодка перенесла его высоко над лесом в одно из Древних Мест. Под руководством Тару Ян целый день копал землю и переворачивал камни.

Ночью у него очень болела спина.

Ван некоторое время смотрела, как он ворочается и стонет, потом подошла.

— Ян, я помогу, — сказала она.

Ян услышал ее голос, глубокий и чистый, снова вспомнил Мэг и всхлипнул. Ван сильными пальцами нащупала напряженные мускулы и начала их растирать. Прикосновение ее рук принесло Яну облегчение, но это не были пальцы Мэг. Тем не менее он заснул.

Утром Ян поблагодарил Ван и еще раз поблагодарил ночью, когда она снова массировала ему спину. Потом он лежал и думал, почему Ван не маленькая и стройная, как Мэг, а больше похожа на мужчину.

* * *

В тот день, когда Яна не было, в хижину пришел не похожий на охранников Тару и взял у Ван анализ крови. Пока он занимался исследованиями, пронизательные темные глаза девушки внимательно наблюдали за действиями незнакомца. В свою очередь Тару смотрел на нее, и они, каждый по-своему, оценивали друг друга. Ван поняла кое-что из намерений ученого-Тару, а тот ощутил к ней внезапное сочувствие. Перед ним стояла представительница расы, когда-то столь же великой, как и его собственная.

Тару уже знал, что раньше люди были вовсе не такими, какими стали их потомки. Они были смелыми и отважно сражались за свои высокие идеалы.

Десять кораблей Тару преодолели расстояние в двадцать семь световых лет. Их экипажи тщательно отбирали из самых выносливых и умных. Тару смотрели на человека и видели в нем утраченные прекрасные качества, историю обратившихся в руины достижений.

Свидетельства утраченного высокого интеллекта человечества еще не исчезли с лица Земли. Тут и там присутствовали обломки огромных сооружений.

Тару уже реконструировали по этим обломкам величественные здания, которые когда-то возвел человек. А теперь из осколков человеческой личности пытались восстановить его интеллект.

Ван, видимо, что-то чувствовала. По крайней мере, она поняла, зачем Тару смотрит через странную трубку на красную каплю, размазанную по кусочку стекла. Ван наклонилась, и ученый отодвинулся в сторону. Она посмотрела в трубку, увидев в ней море, полное желтых рыб, круглых и сплюснутых посередине. Были здесь и другие создания, бесцветные, все время меняющие форму, яростно рвущие на части кусочек чего-то черного. Ван отступила назад и снова посмотрела: кусочек стекла и алое пятнышко.

Она пожала плечами и вернулась к своей работе. Весь день с ее лица не исчезала странная улыбка. Возможно, она думала о том, что станет делать Тару со знанием, которое сообщила ему странная трубка. Она видела, как он брал анализы у других женщин, живущих в хижинах, но никогда не приходил к женщинам из общего дома.

Вернувшись вечером, Ян обнаружил знакомые фрукты и какой-то новый напиток. Напиток был темно-голубым, от него шел соблазнительный аромат. Ян осторожно попробовал. Вкус напитка ему понравился, и он тут же опорожнил весь стакан. И как-то так получилось, что ночью, когда Ван растирала ему спину, он думал о ней. Сегодня она представлялась ему очень красивой. И когда боль стихла, он решил, что любит Ван, а вовсе не Мэг...

Ведь химия оказалась куда могущественнее не слишком высокого интеллекта Яна.

* * *

Совету Директоров Тара

Тридцать седьмой день

сорок четвертого года экспедиции

Приветствую!

Я, Тарван Рорн, Командующий Первым Отрядом Первой Колонизационной Экспедиции, докладываю о событиях третьего месяца нашего пребывания на планете Артд.

Это последняя коммуникационная капсула, которой мы располагаем.

После ее отправки связь с Таром будет прервана навсегда, поскольку пройдет много лет, прежде чем мы сможем изготовить новую коммуникационную капсулу, способную достичь Тара, и мы опасаемся, что задолго до этого Тар перестанет существовать.

Мы достигли звезды Морн. Система состоит из девяти главных планет и бесчисленного множества крошечных тел. Однако две планеты явно пригодны для жизни, и мы совершили посадку на них. Флагманский корабль, под моим командованием, опустился на третьей от Морна планете, как показано в приложенном докладе астрономов. Еще один корабль сел на вторую планету.

Остальные восемь кораблей Первой Экспедиции покинули нас вскоре после того, как была отправлена первая коммуникационная капсула: они отправились на поиски других пригодных для колонизации звездных систем. Боюсь, корабли потерпели неудачу. Нам пришлось посетить немалое количество звезд, прежде чем мы прибыли сюда.

Чему быть — того не миновать... Мы сообщаем, что, хотя Тар будет уничтожен приближающимся взрывом сверхновой и многие миллионы обитателей нашей планеты неизбежно погибнут, Тару не исчезнут из Вселенной. Небольшая часть расы останется в живых, чтобы начать все сначала.

Мы не первые, кто появился на этой планете. Когда здесь жила великая раса. Много веков назад они построили огромные здания из камня, белого, как соль, и красного, как бром, и металла, золотого и серебряного. Они строили башни, уходившие на тысячи футов в небо, голубое, как медный купорос, а их зеленые сады покрывали всю Землю — так они называли свой мир. У них были аппараты, которые, вопреки гравитации, летали по воздуху, и механизмы, способные думать самостоятельно. Машины делали для них пищу и одежду и практически не нуждались в каком-либо управлении со стороны обитателей планеты. Это была великая раса, возможно более великая, чем наша. В их городах мы не нашли никаких следов оружия, за исключением музейных экспонатов. На всей Земле нет ни одного опасного животного, и совершенно отсутствуют болезни.

Однако они деградировали.

Сейчас, когда я пишу этот доклад, возле нашего корабля спуют потомки строителей радужных городов и тысячефутовых башен. Это странные существа, с копной курчавых волос на голове, но с двумя глазами, которые всегда движутся синхронно. Их ноги лишены хватательных функций, хвост отсутствует. Они пользуются только руками. Ростом ниже нас, но более мускулисты, поскольку живут в условиях большей, чем на Таре, силы тяжести.

В их глазах нет разума предков. Теперь сады этого мира создает природа. Мауны, как называет себя эта раса, не носят одежды, поскольку здесь всегда тепло. В лесах, покрывающих планету от северной полярной шапки до южной, полно фруктов, которые служат Маунам пищей. Им никогда не приходится трудиться в этом раю.

Нас слишком мало, чтобы выполнить необходимый объем работы. Поэтому они работают на нас. А мы должны попытаться сделать что-то для них. Мауны этого не знают; а если бы знали, то вряд ли бы согласились. Мы попытаемся восстановить расу, которая построила башни высотой в тысячу футов; мы попробуем сделать их такими, какими они были раньше. Нам непонятно, каким образом столь великая раса так внезапно могла деградировать. Удалось найти кости этих существ. Некоторые из них обуглены и обглоданы. По-видимому, вскоре после деградации они стали каннибалами.

Теперь каннибализм в прошлом. Сейчас это мирная, удивительно добродушная раса. Мы заставили их выполнять большую часть работы в городах, в «Древних Местах», как они их называют. Мауны очень странно реагируют на нас. Они не испытывают к нам ненависти и не пытаются сопротивляться, когда их заставляют работать. Они просто предпочитают прохладную тень и поиски фруктов в лесах.

Очень интересно наблюдать за ними в городах. Наши археологи инструктируют Маунов, а они смотрят на окружающее с любопытством и изумлением. Не в силах оценить этого до сих пор сохранившегося величия, они копаются в руинах радужных городов и не знают, что те построены их предками.

Тысячефутовые башни лежат в руинах. Камни кое-где потрескались и даже рассыпались в пыль при паде-

нии. Большинство высоких зданий обрушилось, громадные металлические балки и обломки стен оказались на земле.

Однако во многих местах металлический каркас выглядит столь же новым, как в тот день, когда он вышел из-под давно рассыпавшегося в прах пресса. В отличие от облицовки, он не подвержен разрушению. Металл мягкий и серебристый. Археологи удивлялись, как вообще можно было строить из него здания. Один из металлургов нашел ответ, весьма нас заинтересовавший.

Металл почти так же мягок, как медь, однако вместе с тем прочен, как сталь. Это алюминиевый сплав, похожий на наш дюралюминий. Металлург измерил его твердость, и он оказался прочнее лучших наших сплавов. Похоже, со временем он лишь увеличивает свою прочность.

Отдельные невысокие здания до сих пор целы. Когда-то расположенные среди садов, они теперь прячутся среди субтропических лесов. Их белые стены выделяются среди глубокой зелени, а ажурные колонны создают впечатление, будто здания парят в воздухе. Они прекраснее всего, что когда-либо было построено на Таре.

Однако Мауны смотрят на них с изумлением и помогают археологам расчищать завалы у дверей и убирать мусор, оставленный предками.

Среди Маунов есть особо уважаемые особи, которых они называют жрецами. Похоже, для жрецов имеют какое-то значение обломки колес, шестерен, приводных цепей. Кажется, они поклоняются технике. Жрецы со странным и необъяснимым почтением готовы наводить лоск на наши машины, хотя не понимают ничего, кроме самых простых вещей типа зубчатых передач.

Генетики работают над лучшими представителями Маунов. Одних выбрали за проблески когда-то великого интеллекта, которым обладала раса. Других – за выдающиеся физические качества. Однако спариваются они с определенным трудом, поскольку это не просто животные, которых можно скрещивать по выбору генетиков. Они все же обладают кое-каким разумом, а вместе с ним – способностью к осознанному выбору. Многие из тех, кто плохо подходил друг другу, были безутешны и несчастны, когда их разделили, и наотрез

отказывались спариваться с другими, более подходящими партнерами.

Их ненадолго разделяют, и свое дело делает химия. Постепенно мы надеемся восстановить наследие, утраченное этой расой. Однако вывести хорошую породу не просто. Мы ничего не знаем об их прошлом. Врачи и психологи поглощены этой задачей по двум причинам. Во-первых, очень интересно разгадать тайну упадка столь великого народа. А во-вторых, психологам никогда еще не приходилось сталкиваться с подобной проблемой — сделать разумной целую расу!

На это потребуются не годы, но поколения. Артал Шорул, помощник Главного Генетика, считает, что лучшее решение заключается в выведении чистых линий, а затем селекции желаемых качеств. По мнению Ваорна Урнтола, его начальника, этот, возможно, более быстрый и более научный, путь менее желателен из-за неизбежного появления уродов на промежуточных стадиях работы.

Я согласен с Ваорном Урнтолом, однако боюсь, что Артал Шорул в конце концов победит, поскольку он на полвека моложе, а на решение проблемы потребуются поколения...

* * *

Ян-1 медленно поднял взгляд на вошедшего в комнату молодого Тару в белом халате. Генетик, которого звали Раннор Тринол, посмотрел на старика с дружелюбной улыбкой:

— Приветствую, Ян-1. Сегодня чувствуешь себя лучше?

Ян покачал головой:

— Нет, хозяин. Все мышцы болят. Это из-за дождей. Я буду чувствовать себя лучше, лишь когда наступит лето. Даже от освещения никакого толку. Обычно оно помогало. — Ян-1 взглянул на голубовато-белый свет, заливавший комнату, и покачал головой. — Однако теперь от него никакой пользы. Ваша наука ничем не может мне помочь. Ван раньше прогоняла боль, растирая мои мышцы, — старик грустно улыбнулся, — но с тех пор прошло двенадцать лет. Ян-10 был тогда маленьким мальчиком. Теперь у него свой дом.

— Я разговаривал сегодня утром с Яном-10. У тебя скоро будет еще один внук.

Услышав голоса, в дверь заглянула Ван-4 и слегка поклонилась Тару.

— Ему сегодня не лучше, хозяин? — спросила она.

— Я уверен, твоему отцу скоро станет лучше, Ван-4, — ответил врач.

Выражение лица женщины слегка изменилось, и она скрылась за дверью. Ян-1 со вздохом покачал головой:

— Нет, ты ошибаешься. Лишь лето в состоянии помочь моим старым мышцам. Мне известно это лучше, чем тебе, хозяин. — Морщинистые губы старика растянулись в улыбке. — Я еще помню Высадку, а с тех пор прошло почти пятьдесят лет. Тебя тогда еще не было.

Раннор Тринол рассмеялся.

— Да, хотя я многое знаю о тех временах, — мягко сказал он. — Кстати, у меня есть кое-что, способное облегчить твою боль. Сейчас вечер. Выпей, и я обещаю, что завтра ты уже не почувствуешь боли.

Ян-1, поколебавшись, выпил приятно пахнущую жидкость и покачал головой:

— Сомневаюсь...

Однако почти тут же его охватило чувство приятно-го оцепенения, и через пять минут боль прошла.

Четверть часа спустя в комнату вошли десять его сыновей, восемь дочерей и четверо внуков. Они молча помогли подготовить тело старика к последнему пути, после чего Раннор Тринол отправился докладывать Высшему Совету по генетике Маунов, что выполнил их рекомендацию.

* * *

Ваорн Урнтол, Главный Генетик, умер. Это было неизбежно, как неизбежна любая смерть. Старый Тару скончался на шестьдесят третьем году после Высадки.

Артал Шорул, его заместитель, занял освободившийся пост. Артал Шорул был умелым и квалифицированным ученым и весь свой разум и энергию направлял на быстрейшее получение результатов в своей области. Последовала немедленная реорганизация Отдела генетики.

Всю жизнь Ваорн Урнтол пытался соблюдать твердые принципы в работе с расой Маунов. В течение шестидесяти трех лет он тщательно направлял свои усилия и усилия подчиненных на постепенное, без спеш-

ки, достижение цели и, даже умирая, верил, что последователи двинутся по той же проторенной колее. Будучи выдающимся ученым, он вместе с тем руководствовался не только стремлением получить результат, но и чувствами.

Существовало два пути решения грандиозной задачи по восстановлению разума Маунов. Ваорн Урнтол мог поступить так же, как поступала эволюция, смешивая различные наследственные черты и отбирая лучшие, постепенно совершенствуя их в каждом поколении и добиваясь новых вершин. Или же действовать грубо и быстро, что возможно лишь в экспериментах по искусственной селекции. Искоренять злокачественные черты, позволять им взаимно уничтожать друга, комбинировать их в одном индивидууме. Скрещивать брата с сестрой и сына с матерью, пока не проявятся отрицательные характеристики. Легкая склонность к нервной неустойчивости тогда превращается в невменяемость, тенденция к недолгой жизни приводит к смерти в младенчестве...

Ваорн Урнтол пошел по первому пути. Скрещивая сильного мужчину с сильной женщиной, он надеялся получить сильных детей и повторял эти действия со всеми парами.

Артал Шорул, будучи чистым ученым, чувствами не руководствовался. Он изучил отчеты Урнтола, просмотрел его картотеку, помечая карточки то синим, то красным цветом. Когда он закончил, у него образовалось около двух с половиной тысяч карточек с синими отметками и свыше восьми тысяч с красными.

После этого две с половиной тысячи едва достигших зрелости Маунов были отправлены в лагерь, построенный к западу от Города. Там братьев скрестили с сестрами.

Опытные генетики не захотели сворачивать с проторенного пути и продолжали работать с восемью тысячами тех, кто остался в старом поселении. Тех же, кто приветствовал перемены — а в основном это была молодежь, — перевели в новую группу.

В общих чертах жизнь шла по-прежнему. Большая часть Тару была сосредоточена на заботе о многочисленных младенцах-Тару и их воспитании. За века до Высадки кто-то из земных ученых сказал: «Природа не

терпит пустоты». На Земле было мало Тару, и природа исправляла эту ситуацию.

Город постоянно рос. Со временем появился еще один, затем другие города. Их строительство требовало рабочих рук, и, поскольку Тару не хватало, к работе, там, где это было возможно, привлекали Маунов.

* * *

Пятьдесят лет спустя после Высадки, в память об этом событии, Ваорн Урнтол сказал:

— Наша величайшая задача и первый долг по отношению к планете, давшей нам новый шанс, — вновь поднять интеллект расы, которая столь странно пришла в полный упадок. Какая тайна лежит за этим процессом? Возможно, вернув им разум, мы сможем узнать ответ. Мы должны помочь им не потому, что они принадлежат этой планете, но потому, что это разумные, родственные нам существа. Мы должны подать руку помощи страждущим братьям. Разве одна раса не должна помогать другой, как Тару помогают друг другу?..

Через сто лет после Высадки открыли Великий Храм, в который был помещен корабль, через невообразимые расстояния доставивший Тару к их новой родине. На памятной церемонии освящения храма Таграт Кельд сказал:

— Наши генетики добились определенного прогресса в развитии интеллекта Маунов. Некоторые из туземцев демонстрируют весьма неплохие показатели. Грандиозный эксперимент медленно, но верно движется вперед. Вначале Мауны были почти неспособны к сотрудничеству, однако теперь в этом направлении достигнуты немалые успехи. Способность подопытных подчиняться нашим указаниям быстро растет. Перед нами открываются все новые направления для исследований. Проблема столь грандиозна, что должно пройти много лет, прежде чем все детали эксперимента сложатся воедино. С проблемой такого масштаба еще не сталкивался ни один ученый-Тару.

Еще через сто лет Главным Генетиком был некий Таграт Рандлун. На праздновании юбилея Высадки он, в частности, сказал:

— С каждым годом мы все ближе к решению проблемы Маунов. Исходная группа из двух с половиной ты-

сяч экземпляров увеличилась до пятидесяти с лишним. В то же время другая, когда-то более многочисленная группа, которую мы не контролировали, практически вымерла. С каждым годом мы все ближе к достижению идеала – возможности точно предсказать, какая порода Маунов получится в результате скрещивания чистых линий. Кроме того, неизменно увеличивается разнообразие пород. Пользы от Маунов все больше и больше.

На праздновании Третьего Столетия о Маунах коротко упомянул лишь один из ораторов:

– Если бы мы не обнаружили на этой планете полудикий народ, способный помочь нашим праотцам в их великих трудах, кто знает, сколько бы еще веков прошло, прежде чем планета была бы нами освоена? Возблагодарим же Великого Магрона за то, что он, в своей бесконечной мудрости, создал расу Маунов за тысячелетия до того, как здесь высадились наши праотцы.

* * *

Когда посыльный вышел, Хол-57/Р-31 чуть вздрогнул и снова взглянул на приказ, вызывавший его к Директору. Убрав микропроектор в футляр и ласковым движением проведя по нему рукой, он запер ящик стола и быстро шагнул к двери. Упругий пол глушил его взволнованные шаги.

Вскоре он пересек Зал Генетиков и подошел к дверям Дирекции Отдела.

На секунду Хол-57 застыл на месте, потом решительно сделал два быстрых шага к двери. Он был великолепным представителем человечества: шесть футов два дюйма; обнаженный мускулистый торс, смуглый и гибкий; прямая осанка; пронизательный и непреклонный взгляд; высоко поднятая голова на мощной шее; широкие плечи.

Открылась дверь Дирекции, и в одно мгновение все изменилось. Тело Хола-57 оставалось все таким же крепким и мускулистым, он по-прежнему был великолепным экземпляром – но теперь он стал экземпляром Мауна породы Р-31. В нем не осталось и следа от прежней решительности.

Хол-57/Р-31 медленно повернулся и направился в сторону кабинета Директора.

Женщина-Маун секретарской породы М-11 бросила взгляд на вытатуированное на груди Хола-57 имя и нажала кнопку. В кабинете раздался мелодичный звонок. Интерком в приемной отозвался малопонятным ворчанием, и секретарша кивнула.

Хол-57 вошел в кабинет, приветственно сложил руки и наклонил голову.

– Хозяин? – тихо сказал он. Грат Мунл пристально посмотрел на него двумя глазами.

– Хол-57, мне пришло твое сообщение, – резко сказал он. – Разве ты не получал моего запрета?

– Да, хозяин.

– Значит, получил! – прорычал Директор. – Тогда что, во имя Великого Магрона, это все означает? Ты и в самом деле послал второй набросок своего плана? Я наложил на него запрет. Исполнение плана означало бы выведение породы Маунов, обладающей нежелательными амбициями и недопустимой степенью инициативы. Я запретил подобное. Почему ты оспариваешь мои действия?

– Потому что в мою задачу входит увеличение экономической ценности Маунов. Потому что я изучал статистику и знаю, что в этом году подано крайне мало новых идей и изобретений. Потому что я считаю необходимым существование группы тех, кто мыслит оригинально. Я решил повторно рекомендовать свой план, поскольку подумал, что, возможно, вы не до конца поняли причины моего предложения, и экономическую необходимость выведения подобной породы.

Грат Мунл наклонил голову и посмотрел на Хола-57 очень холодным и очень долгим взглядом всех трех глаз.

– «Я подумал», – передразнил он. – Ты подумал, что я мог чего-либо не понять, и предпринял крайне незаконный и нежелательный шаг. Ты проявил слишком высокую степень инициативы. – Главный Генетик помолчал, поднял голову, снова взглянул на Хола-57, на этот раз двумя глазами, и мрачно продолжил: – Р-31 – порода, предназначенная для решения исследовательских задач. У исследовательских пород мы вынуждены были допустить достаточно высокую степень инициа-

тивы. Но теперь мне понятно, что твоя порода относится к числу нежелательных. К счастью, ты представитель довольно новой породы, насчитывающей вместе с детьми не более семидесяти экземпляров. Эта порода должна быть искоренена. Немедленно. Этим сейчас же займется Гар-46/П-3.

На какое-то мгновение крупная фигура Мауна напряглась. Затем Хол-57 медленно расслабился и тихо сказал:

– Да, хозяин.

Грат Мунл повернулся и нажал маленькую кнопку.

Вошел Гар-46, гигант ростом в семь с половиной футов, с такими мускулами, которые не снились и Геркулесу.

– Да, хозяин, – повторил еще тише Хол-57. Он ничего не мог сделать – Тару были хозяевами, расой, которая владела этой планетой. Они всегда были хозяевами и оставались ими. Мауны не знали иных времен.

Больше он ничего сказать не успел: Гар-46 быстро решил судьбу Хола-57, а потом и всей породы Р-31, проявившей нежелательную степень инициативы.

МЯТЕЖ

Бар-73/Р-32 перелистнул последнюю страницу старого отчета. Его пронизательные глаза задумчиво сузились.

– Значит, причиной ликвидации породы Р-31 стал избыток инициативы, проявленной Хол-57. – Бар-173/Р-32 тщательно обдумал только что прочитанное. – И это произошло почти пятьдесят лет назад, еще до того, как создали мою породу.

Почти час Бар сидел неподвижно, уставившись невидящим взглядом на серебристо-серую металлическую стену лаборатории. А через час посмотрел на вышедшееся напротив здание Отдела генетики и улыбнулся.

Этот час оказался решающим – Бар изобрел нечто, о чем никогда не мог помыслить ни один человек; нечто крайне чуждое людям, которых хозяева-Тару выводили

ли в течение почти ста поколений. Этим изобретением стало умение хранить тайну.

* * *

Три тысячи лет назад Тару высадились на Земле и обнаружили тут полудикую расу – праздную, миролюбивую, все желания которой безо всяких усилий удовлетворялись тем, что росло вокруг. За три с половиной тысячелетия до появления Тару Машина покинула Землю, оставив на ней рай, где не было опасностей и болезней. Жизнь в раю и привела человечество в упадок.

Перед генетиками-Тару встала грандиозная задача – вновь восстановить разум когда-то великой расы. Движимое высокими идеалами, первое поколение пришельцев пыталось достичь этой цели, контролируя подбор семейных пар.

Проникнувшись прагматическим интересом к этой проблеме, второе поколение Тару продолжало заниматься ее решением. Но использовало несколько иные методы селекции...

К десятому поколению Тару (и к двадцатому – аборигенов) мир выглядел существенно иначе, чем могли предполагать высадившиеся колонисты. На Земле существовали только те породы людей-Маунов, которые были полезны пришельцам.

Теперь Тару считали, что людям не требуется более высокий интеллект. Они и так приносили достаточно пользы. У подобных пород отсутствовали всякие мысли о мятеже, скрытности, заговорах, неподчинении.

Тем не менее пришельцам требовалось некоторое количество людей-исследователей, поскольку это экономило усилия, а подобные задачи требовали определенного уровня интеллекта, определенной инициативы...

Бар-73 был величайшим изобретателем, которого знала человеческая раса за последние три тысячи лет. Он занимал пост Управляющего Отделом генетики, под началом Директора-Тару, и на его попечении находились огромные лаборатории, где выводились новые человеческие породы.

* * *

Бара-73 потрясла собственная идея. Лишь абсолютная выдержка, воспитанная в человеке за три тысячи лет, позволила ему сохранить спокойствие. Он немед-

ленно представил себе все последствия и тут же понял, что ему потребуется дополнительная способность. Мало хранить тайну, нужно еще и уметь лгать!

Любое слово могло быть выдумкой. Любое действие могло стать ложью. Это было неслыханно для людей. Однако Бар внезапно понял, что это сможет ему помочь. Ведь Тару не стали бы в нем сомневаться.

Бар, в сущности, являлся единственным начальником над генетиками. Его приказы исполнялись беспрекословно; Директор получал все отчеты лично от него. Какой-либо обман был попросту невозможен. Для Мауна прежних поколений подобное считалось естественным. Теперь все изменится. Каждое слово, каждый жест, каждую мысль Бару предстояло тщательно продумывать. И так должно продолжаться многие годы! При этой мысли Управляющий Отделом генетики побледнел.

Он медленно поднялся и подошел к большим генеалогическим схемам, отражающим характеристики всех линий человеческой расы.

– Хол-57 понял многое пятьдесят лет назад, – тихо пробормотал он. – В этом году сделаны лишь четыре изобретения различной степени важности. Тару все меньше занимаются наукой.

Человек обогнал своего хозяина. Тару за год сделали четыре средних изобретения, а Бар-73 два грандиозных – за один день. Впрочем, сам он об этом не думал...

– Если скрестить породы Р-1 и С-14, они должны дать в результате исследователей, наделенных инициативой, тщеславием и более высоким интеллектом. Именно этого хотел Хол-57, а Грат Мунл, тогдашний Директор, счел его план нежелательным. – Бар ошеломленно застыл. – Если идея сработает... а она должна сработать... мы получим породу Маунов, более разумных, чем Тару!

Он еще немного подумал и решительно приступил к делу. Изучив свою картотеку и проведя некоторые расчеты, старательно заполнил два бланка распоряжений, затем еще два. Медленно, но решительно нажал кнопку интеркома.

Послышался мелодичный сигнал, затем глухие шаги.

Вошел Гар-247/Г-12. Порода Г-12 предназначалась для тяжелого ручного труда, но требовавшего некоторого уровня интеллекта. У Гара-247 были глубоко посаженные, широко расставленные глаза и массивная голова. В нем было семь с половиной футов роста и около трехсот пятидесяти фунтов весу. Он казался могучим, как Геркулес, однако с уважением смотрел на шестифутового Бара.

— Гар, вот четыре распоряжения о подборе пар. Проследи, чтобы они были выполнены.

Гар взял распоряжения и вышел. Бар-73 медленно сел; лицо его слегка побледнело.

* * *

Где-то в лаборатории юная девушка породы Р-1 нервно разглядывала листок, который с дружелюбной улыбкой подал ей Гар-247.

— Кажется, тебе наконец нашли партнера, Ван-14, — мягко сказал он. — Будь с ним счастлива. Неопределенности больше нет. Он будет твоим, а ты — его.

И Гар-247 пошел дальше — ему предстояло раздать три оставшихся листка. Следующим был молодой человек по имени Ян-94/С-14. Второй парой должны были стать девушка Тос-63/С-14 и юноша Бар-12/Р-1.

Копии этих четырех распоряжений следовало сохранить в архиве Управляющего, но Бар-73 ухитрился сделать так, чтобы они пропали и чтобы вместо них появились другие. Вопросов ему не задавали — ведь никто бы не заподозрил Мауна в фальсифицировании архива.

Прошел почти месяц, прежде чем Бар вызвал Ван-14 и Яна-94 к себе в кабинет и в течение нескольких часов поговорил с ними. Они принадлежали к двум наиболее совершенным из пород, которым позволяли существовать Тару. Эти породы отличались проницательным умом, интеллектом и сообразительностью. Ван и Ян выслушали Управляющего и, поскольку были молоды — им едва исполнилось двадцать, — согласились с его доводами. Скорее всего, они считали предстоящее каким-то невероятным приключением. Молодые люди не могли осознать всей титанической мощи того, что их ожидало. Да и сам Бар-73 тоже не до конца понимал это, он видел лишь возможность дать хозяевам изобретательную и находчивую породу.

Ван-13 и Ян-94 ушли. Потом пришла другая пара, и эти двое тоже ушли, улыбающиеся и слегка ошеломленные, но счастливые. В сочетании пар явно было что-то странное, однако они представления не имели ни о записях, ни о самом замысле — лишь знали, что должны выполнить задание Бара-73.

* * *

Бару-73 удалось присутствовать при рождении ребенка. В официальных документах он фигурировал как Род-4/Р-4. В записях Бара-73 он стал просто Родом-4, без обозначения породы. Ребенок лежал на кровати, очень маленький, очень красный и очень голосистый. Ван-14 взволнованно взглянула на Бара, а Ян-94 широко улыбался.

— У него могучая грудь, — радостно сказал он.

— Да, — кивнул Бар-73. — А еще у него большая голова. Исключительно большая...

Вскоре Род-4 потерял свою исключительность. Очень похожий на него ребенок родился у другой пары. Это была девочка Кит-3, и точно так же официально ее отнесли к одной из пород, хотя в своих тайных записях Бар обозначил новорожденную совсем иначе.

Прежде чем сделать еще четыре распоряжения, подобные предыдущим, Бар-73 некоторое время колебался. Он начал отчетливо понимать, что неудача повлечет за собой не только смерть его самого, но и страшные страдания для восьми ни в чем не повинных молодых людей и как минимум двоих детей.

Бар-73 уже понял, что его грандиозный труд — это не только попытка воздействовать на силы природы. Именно поэтому он познакомился с Яном-94, Баром-12, Ван-14 и Тос-63 намного ближе, чем когда-либо был знаком с людьми, которых сводили вместе его распоряжения.

Однако теперь стало ясно, что сказавший «А» должен сказать и «Б». Далее надлежало планировать следующие поколения. Бар издал новые распоряжения и побеседовал еще с четырьмя молодыми, счастливыми, полными надежд людьми. Он наблюдал, как росли Род-4 и Кит-3, и начал обучать их. А чуть позже учить нужно было уже четверых...

Бар-73 умер в глубокой старости, и по его рекомендации Директор назначил его преемником Рода-4/Р-4, обладавшего необычайно проницательным умом.

К счастью Директор понятия не имел, насколько проницателен ум нового Управляющего.

* * *

Род-4 имел немаловажную особенность: ему не пришлось изобретать умение хранить тайну и способность лгать, он обладал этими качествами с рождения. Бар-73 в свое время сделал хороший выбор. Род-4 превосходил любого человека, жившего в течение последних шести тысяч лет не только умом, но и изобретательностью.

Когда Род-4 начал взрослеть, Бар-73 находился в преклонном возрасте. А когда у Рода начали появляться собственные мысли, Бар был уже настолько стар, что Род не стал выкладывать перед ним все свои идеи. Бар не позаботился о том, чтобы избежать появления у человечества склонности к мятежу. Когда во времена Хола-57 тогдашний Директор наложил вето на его план, он не сказал Холу обо всех своих возражениях. В тех породах, о которых шла речь, проявлялась склонность к мятежу, чего не смогли бы понять ни Хол, ни Бар.

Род это понимал. Он открыл у себя мятежные мысли, и это стало не менее великим открытием, чем умение хранить тайну. Бар хотел создать изобретательную породу людей, прогресс которой не смогла бы остановить цивилизация, которую он знал, — цивилизация хозяев-Тару. Поскольку Род был генетиком, он прекрасно представлял себе пути, которых необходимо придерживаться для реализации его мечты.

Род-4 взял себе в пару Кит-3 и приложил немало усилий, чтобы остальные представители его уникальной породы поступили так же. Все они поселились в районе, отведенном для исследователей и техников. Род очень подружился с группой физиков и техников по атомным реакторам.

Его соратники, обнаружив, что ближайшие соседи — химики или электронщики, тоже подружились с ними. Когда появились дети, Род-4 предложил, чтобы они научились несколько большему, чем знали их родители. К примеру, от своих соседей...

* * *

Кам-1 был ростом в шесть футов два дюйма, мускулистый, с глубоко посаженными, стального цвета глазами. Его голова казалась крупной даже на могучем теле. Проницательный взгляд Кама раздражал и беспокоил многих. Правда, человек десять чувствовали себя в его обществе свободно и ничего особенного в его взгляде не замечали. Однако если присмотреться, их взгляд был не менее странным.

Сар-1, Пол-72, Бар-11 и другие юноши, очень похожие внешне, казались почти братьями. Сан-4, Риа-1 и еще несколько представительниц странной породы смахивали на сестер. Девушки были стройными и гибкими, но в них чувствовалась скрытая сила; почти классические лица казались чуть более широкими, чем обычно; рост в пять футов десять дюймов был чуть более высоким, чем следовало. Однако все это было на виду, а вот о том, что под курчавыми коричневыми волосами скрывается проницательный разум и самый могучий интеллект, каким когда-либо обладала человеческая раса, из посторонних не знал никто.

Кам-1 рано начал замечать свое отличие от других, и уже в десять лет отец, Род-4, рассказал ему о предстоящей миссии. К этому времени Кам настолько превосходил любого Мауна, что даже ограниченные соседи-техники, в среде которых он черпал немалую часть своих знаний, начали слегка удивляться.

Кам, как и другие представители странной породы, старался ничем не выделяться среди остальных, однако был внимательным слушателем — когда инженеры-атомщики ругались и спорили о своих машинах, тихий неприметный мальчик слушал и смотрел. И все запоминал.

Он обладал не памятью обычного человека, но идеальным разумом, навсегда сохранявшим зрительные образы и звуки. С первого взгляда Кам запоминал все детали и устройство приборов; каждое услышанное им слово навсегда оставалось в мозгу, скрытом за проницательными глазами.

В пятнадцать лет Кам стал учеником техника-электронщика — на удивление глупым учеником, которому приходилось объяснять каждую мелочь.

Сан в пятнадцать лет стала работать в Отделе документов и все время неторопливо, с безразличным видом перелистывала покрытые плесенью страницы, скользя взглядом по строчкам.

Сар сделался учеником инженера-атомщика, близкого друга отца.

У них почти не было друзей вне их замкнутой группы. В огромном городе из белого камня, серебристого металла и жемчужного стекла, среди широких парков, сотен тысяч Тару и миллионов Маунов никто не замечал десятка молодых учеников-Маунов.

Несколько человек среди миллионов почти ничего не значили.

Но именно эти несколько человек перевернули с ног на голову цивилизацию, построившую города из камня, металла и стекла.

* * *

— Я цитирую по памяти, — улыбнувшись, сказала Сан, — так что не моя вина, если вы найдете логическую ошибку. Итак, цитата... «Отчет о Работях Древних, Шар Нонлу. Сто тридцать седьмой год после Высадки. Исходя из наших оценок, прошло не менее трех тысяч четырехсот и не более трех тысяч семисот лет между упадком древней цивилизации планеты Артд и Высадкой Тару. В течение какого периода существовала и развивалась раса Маунов, сказать с точностью практически невозможно. Однако некоторые из найденных документов говорят, что период цивилизованной жизни продолжался не менее шести тысяч лет. Раса Маунов явно имеет местное происхождение. Они развились из низшей формы жизни, когда-то обитавшей на этой планете и теперь вымершей. Их развитие шло медленно, но примерно за две тысячи лет до упадка начался быстрый научный прогресс, типичный для любой расы, вступающей в Век Познания. Чуть позже, когда прогресс существенно ускорился, появляются упоминания о «Машине». Следует пояснить, что в языке Маунов существует различие между словами, начинающимися с большого и малого символа, хотя на язык Тару они переводятся одинаково. Большой символ в начале слова означает некоего уникального представителя данного класса. Таким образом, они придавали этой Машине особое

значение. По каким-то причинам сначала к ней относились весьма подозрительно и называли ее «Машиной ниоткуда». Кто изобрел ее – неизвестно. Однако она могла мыслить. По неизвестным причинам Машина сломалась либо ее уничтожили. Так или иначе, она прекратила работать, и, поскольку от нее зависело практически все существование цивилизации, последняя пришла в упадок». Конец цитаты... Автор называет это введением, – пояснила Сан. – А весь отчет занимает много страниц. Хотите остальное? Я все прочитала.

– Нет, – сказал Кам. – Достаточно. Думаю, мы и так все поняли. Очевидно, откуда-то извне появилась разумная Машина, которая какое-то время помогала человеку, а потом покинула Землю. Я не понимаю, почему это произошло. Однако в любом случае понятно, что Тару не являются коренными жителями нашей планеты. Аборигенами являемся мы... Более того, теперь становится ясно, что в свое время независимо от Тару наши предки создали великую цивилизацию, которая пришла в упадок еще до их появления. – Он оглядел присутствующих. – Думаю, мы возродим ее, но в качестве помощников нам потребуются несколько М-рабочих и Р-исследователей. – Он повернулся к Полу-72. – Пол, ты работаешь в Отделе генетики. Ты мог бы подобрать подходящих Маунов?

Пол-72 слегка улыбнулся:

– Думаю, да... Позови своего слугу, Кам. Я узнал кое-что из старых книг по психологии. Они были написаны на древних языках еще до упадка, и даже Тару не перевели их.

Кам нажал кнопку интеркома, и вошел Маун породы Н, домашний слуга, невысокий человек ростом в пять футов пять дюймов, не слишком обремененный процессом мышления.

– Это лучший подручный материал, – тихо сказал Пол и подошел к слуге.

– Что-нибудь принести? – спросил тот. Пол не ответил. Он вытянул руки и растопырил пальцы, словно собирался проткнуть ими Мауна. Серые глаза Пола сузились, по загорелому лицу разлилась бледность. Потому он расставил ноги и затаил дыхание. И все увидели, как возле его вытянутых пальцев, у глаз и кончика носа появилось мягкое фиолетовое свечение.

Тринадцать едва видимых фиолетовых лучиков с быстротой молнии устремились к голове слуги. Тот в ужасе выпучил глаза и бросился к двери. Но не успел сделать и шага. Лучики задрожали, заплесали вокруг его головы, и слуга, судорожно вздохнув, мягко осел на пол. Фиолетовое свечение погасло.

Пол-72 с шумом перевел дыхание:

— Это... было... непросто...

Кам молча опустился на колени возле тела слуги.

— Он мертв, — сообщил он. — Бар, взгляни!

Пол-72 слегка улыбнулся, его бледные щеки постепенно приобретали нормальный цвет. Бар-11, специалист Отдела здоровья, достал из кармана маленький диск с тонким проводом и крошечную коробочку. Он соединил диск с коробочкой, приложил его к груди слуги и прислушался. Все замерли в ожидании.

— Да, мертв, — подтвердил Бар-11.

— Он жив, — ответил Пол-72. — Дайте мне немного времени... У меня нет практического опыта, а это требует немало напряжения. Сейчас я все объясню. — Он снова перевел дыхание. — В старой книге я нашел отчет об исследованиях излучения, присущего живым существам. Сначала исследователи обнаружили излучение у самого обычного лука. Потом обнаружили, что излучение одного организма стимулирует другие. Позднее один из ученых выяснил, что может убивать плесень излучением, которое вырабатывала его собственная нервная система. Источником излучения являются нервные окончания, и оно, как правило, постоянно. Вы знаете, что большинство людей сторонятся нас. Причина в том, что наше излучение очень мощное. А кроме того, оно оказывает неблагоприятное воздействие на тех, кто не принадлежит к нашей породе. Недавно я обнаружил, что оно поддается контролю. Древние этого не знали. Нужно, чтобы каждый из нас научился уменьшать свое излучение, контролировать его, чтобы не привлекать к себе внимания.

— А вот это? — Кам кивнул на тело слуги. Пол-72 улыбнулся:

— Я научился оперировать излучением, как оперируют электрическим зарядом некоторые рыбы, поражающие жертву. Однако сходство здесь весьма отдален-

ное. В значительной степени моя способность генерировать излучение – осознанная, но эти манипуляции требуют немалых усилий. На практике излучение генерируется из любых нервных окончаний. Много нервных окончаний сосредоточено в носу, глазах и кончиках пальцев. Поэтому они являются самыми мощными излучателями. Это знали еще ученые Древних. – Пол-72 встал и подошел к лежащему на полу телу. – Излучение может привести Мауна низшей породы в бессознательное состояние, а возможно, и убить его. Но он не мертв. Смотрите!

Пол-72 вытянул руку, растопырил пальцы. На мгновение возник фиолетовый лучик.

Слуга дернулся и вскочил на ноги.

– Стой, – сказал Пол-72.

При звуке его низкого, невероятно напряженного голоса человек застыл.

– Ты вернешься в свою комнату и заснешь. Через пять минут проснешься, забыв обо всем. Иди.

Слуга, словно сомнамбула, двинулся к выходу.

– Когда будет нужно, Кам, – продолжал Пол, – я позабочусь о том, чтобы все, кто потребуется, были «мертвы». Их тела попадут к Бару, на предмет определения причин смерти. Остальное понятно.

Несколько секунд в комнате было тихо. Потом Кам спросил:

– Ты можешь научить этому нас?

Пол кивнул.

– Я сразу же начну готовиться, – продолжал Кам и повернулся к Сан-4. – Ты когда-нибудь читала работы Древних о Тайне гравитации?

Сан улыбнулась и покачала головой:

– Нет, Кам, и ты это знаешь. Иначе бы я об этом рассказала. Я прочитала все материалы в Отделе документов – больше, чем любой Тару. О Тайне гравитации – ни слова. Найдись какие-нибудь документы, Тару не занимались бы напрасными исследованиями в течение многих столетий. Почему их нет, мне неизвестно.

– Возможно, о гравитации знала лишь Машина, – тихо сказал Кам.

Сан пожала плечами:

– Возможно...

– Ну хорошо! – Кам повернулся к остальным. – Нас мало, и у нас нет оружия. И прежде чем мы сможем противостоять Тару, нам придется многому научиться. Думаю, это главное! – Он обвел всех пристальным взглядом. – Иначе Тару с легкостью подавят мятеж. У них есть большие ракетные корабли и оружие, которое еще никогда не применялось. Оно называется «атомная пушка»... Сар, тебе ведь кое-что известно о нем. Расскажи нам.

– Это не только оружие, – сказал Сар-1. – Энергия освобожденного атома может быть укрощена и направлена в полезное русло. Тысячефутовые языки жуткого пламени стирают целые горы и открывает доступ к глубоко залегающим рудам. Управляемая энергия атома приводит в движение космические корабли и...

– Сейчас меня интересует оружие, – прервал его Кам.

– Ага, – сказал Сар-1. – Оружие просто чудовищное. У Тару есть около сотни крейсеров, вооруженных атомными пушками. На каждом корабле по пятнадцать орудий, мощностью в одну десятую. Кстати, взрывы для горных разработок имеют мощность в одну десятитысячную. Дальность действия пушек ограничена кривизной поверхности планеты. Крейсеры, конечно, могут выйти за пределы атмосферы, но оттуда вести стрельбу сложно – магнитное поле Земли в сочетании с ионизированным слоем стратосферы очень сильно уменьшает точность.

Кам снова обвел пристальным взглядом присутствующих:

– Вам должно быть понятно, что нам удалось продвинуться столь далеко лишь по одной причине – Тару не обращают на нас внимания. Если бы они заподозрили, что мы представляем малейшую опасность, они бы, не раздумывая, уничтожили и нас, и наши семьи. Жизнь в пламени атомного взрыва продолжается одну двухсотмиллионную долю секунды. – Он встал. – Уже поздно. Нам нужно еще поработать. Завтра мне придется провести несколько взрывов для горных разработок.

Они молча прошли по металлическому коридору, спустились вниз на сто семнадцать этажей и по движущимся тротуарам города направились домой. При

встрече с Тару Пол-72 склонял голову и приветственно складывал руки. Тару не видели, как на лице аборигена расцветает вызывающая улыбка. Полу хорошо было известно, что излучение, оглушившее Мауна породы Н, мгновенно убило бы любого Тару. Поэтому он тщательно подавлял излучение, и хозяева не обращали на него никакого внимания.

Да и какое им было дело до одного из многих миллионов рабов?

* * *

На следующий день Пол научил Кама некоторым из своих приемов, а через пару дней Кам обнаружил еще одну особенность излучения. Оказалось, что оно поддерживает жизнедеятельность организма, и Каму теперь требовалось на сон вполночь меньше времени.

Работа электронщиков заключалась в ремонте и обслуживании различной городской техники, телевизионных приемников, устройств междугородной и внутригородской связи, автоматических вентиляторов и кондиционеров, поддерживавших комфортные условия внутри огромных зданий. Как и в любой профессии, присутствовало бесчисленное множество мелочей, постоянно требовавших внимания. Естественно, контроль за такой работой был затруднен, да никому и в голову не могло прийти, что электронщик-Маун способен тратить рабочее время на что-либо еще.

Поэтому Кам мог достаточно свободно заниматься осуществлением своего плана. И тем не менее ему быстро стало ясно, что без лаборатории, где бы он мог работать без нежелательных свидетелей, дело не пойдет. Однако порядки Тару не предусматривали для Маунов возможности уединения. Оставался лишь один путь — проникнуть вниз, в сплошной камень глубоко под городом. Мысль показалась Каму любопытной, но некоторые обстоятельства препятствовали созданию подпольной лаборатории.

Тару открыли атомную энергию за много веков до того, как покинули родную планету. С помощью атома двигались их космические корабли и строились города. И вместе с тем у них не существовало маломощных атомных зарядов, поскольку в таких зарядах не было никакой необходимости.

Когда инженеру-Тару требовалось вскрыть гору, использовалось устройство, способное превратить в пыль несколько тысяч кубических футов камня.

Естественно, таким зарядом можно было снести полгорода.

Каму требовалось другое устройство, и к концу дня схема была разработана. К концу второго дня Кам сделал металлический чемодан, а на третий завершил изготовление излучателя – эллипсоидной формы, грязно-серого цвета, с пистолетной рукояткой, пятнадцатиконтактным разъемом и маленькой сигнальной лампочкой. Весил он около десяти фунтов.

Кам положил излучатель в чемодан и вечером взял с собой.

Мятежники собрались у него дома, вместе поужинали и спустились на самый нижний уровень здания РФ-23, где находились городские системы жизнеобеспечения.

Тал был инженером по этим системам. Ему потребовалось около двадцати минут, чтобы полностью разобраться в лабиринте проводов и труб.

Затем в дело вступил Кам. Он поставил на пол черный куб энергогенератора, подсоединил к нему изготовленный излучатель и нажал кнопку. Загорелась сигнальная лампочка, а из крошечного отверстия полыхнул луч света, в котором замелькали миниатюрные молнии. Луч уперся в стену. Камень вдруг забултыхнул, закружился в водовороте и исчез. В стене возникла коническая впадина, начала расти и углубляться.

– Медленно, Кам, – через некоторое время сказал Тал.

– Зато бесшумно, – с легкой улыбкой ответил Кам.

– Я мог бы заставить его прожечь двухфутовый колодец со скоростью один фут в секунду. Но тише едешь – дальше будешь... Марн, следи за лифтом. Если кабина начнет опускаться ниже уровня Е, сообщи тем, кто в ней находится, что внизу работают инженеры. Чтобы посторонние сюда не совались...

Марн подошел к лифтовому пульту и стал наблюдать за передвижениями лифта, время от времени оглядываясь на работающих товарищей. Темные силуэты людей выделялись на фоне бледно-голубого холодного свечения. Дыра в стене быстро увеличивалась.

Двадцать минут спустя в камне образовался квадратный коридор десять на десять футов, с гладкими переливающимися стенами. Излучатель уже скрылся из глаз, а по опутанной кабелями противоположной стене гуляли отблески бледно-голубого света и черные тени.

Марн по-прежнему наблюдал за лифтом. На мгновение голубое колеблющееся свечение погасло, и послышался голос Кама:

— Марн, вызови Дуна. Нам скоро понадобится его помощь.

Марн подошел к интеркому и нажал несколько кнопок. Вскоре перед ним засветился маленький экран с изображением Дуна-4.

— Дун, если ты закончил свою работу, спускайся. Пройдено около восьми футов.

— Через час буду, — сказал Дун-4.

Когда он появился в сопровождении еще семерых тяжело нагруженных мятежников, Кам и Тал уже скрылись за изгибом туннеля, уходящего в сторону и вниз. Даже голубые всполохи исчезли — лишь осталась в стене темная дыра с гладкими стенами. Бурильщиков позвали. Они остановили излучатель и пришли к началу туннеля. Состоялось короткое совещание, и вскоре излучатель, мощность которого была уменьшена до минимума, вырезал уступы и просверлил отверстия в стенах туннеля. Тем временем Дун и его друзья поднялись за очередной партией груза, достали из принесенных свертков металлические стержни, детали токарного станка и быстро застывающий цемент.

Час спустя дыры уже не было, ее закрывала тщательно подогнанная дверь, которая со стороны казалась куском самой стены. Люди скрылись в туннеле, и дверь закрылась.

Работа была продолжена.

Чтобы не использовать подъемных механизмов, шахта уходила вниз по спирали. Дверь не пропускала никаких звуков.

Через четверть часа появилась последняя группа мятежников, которая принесла с собой еще кое-какое оборудование. К маленькому черному кубу был подсоединен еще один провод. В туннеле зашумел вентилятор, и вспыхнуло несколько светящихся трубок на стенах,

затмевая бледное свечение излучателя. К рассвету туннель углубился почти на четверть мили.

Кам-1 в этот день на работе не появился – Бар-11 сообщил, что он поранил руку и в рану попала инфекция. Остальные отработали день, а вечером вновь спустились на нижний уровень, принеся с собой новую аппаратуру. Теперь туннель длиной почти в две мили уходил в глубину почти на полмили!

К утру им пришлось подниматься по четырехмильному склону и на целую милю вверх, однако конечная цель уже была достигнута.

Следующей ночью, пока Кам спал, работал Тал. Когда Кам вернулся, его встретила небольшая машина, приводившаяся в действие энергией из черного куба. Машина двигалась по гладкому полу со скоростью шестьдесят миль в час. Нижний конец шахты расширился, образовав в толще пород пять комнат с освещением и вентиляцией.

На четвертую ночь мужчины отдыхали. Работали женщины. В подпольных лабораториях появились книги, документы, запасы продовольствия, инструменты и химические реактивы. В полдень к Каму пришел Пол, никем не замеченный, – те, кто его видел, тут же о нем забывали. Через пятнадцать минут Кама нашли мертвым. Вызвали представителя Отдела здоровья.

В час дня явился Бар-11, осмотрел и забрал с собой тело умершего. В течение десяти часов умерли еще несколько мужчин и женщин пород С и Р, и Бар-11 выяснял причины смерти каждого из них.

Они проснулись несколько часов спустя в комнатах с гладкими блестящими стенами.

Позднее к ним присоединились другие умершие, и население подземного городка росло как на дрожжах. Излучатель продолжал расширять границы подпольных лабораторий. Появились преобразователи, превращавшие камень в металлы и элементы, необходимые для миниатюрных пищевых фабрик.

Через месяц умерли почти все мятежники. Наверху остались четыре человека. Их главной задачей стало обеспечение новорожденной колонии информацией и кое-какими материалами, неподвластными преобразователям.

* * *

– Поскольку математика представляет собой основной источник прогресса в физике, думаю, это разумный план, – сказал Кам. – Наш компьютер очень похож на те, что создавались в Древние Времена для математических расчетов. Древние владели атомной энергией и антигравитацией. Атомную энергию мы получаем тем же способом. Значит, можем использовать ее так же, как и они.

– Пока еще не можем, – улыбнулась Сан. – Древние в подземных норах не сидели. Каковы дальнейшие планы?

– Пока не знаю. Планы будут меняться в зависимости от обстоятельств. Видишь ли, мне неизвестно, можно ли сделать переворот мирным путем. Способы защититься от атомного взрыва мы не знаем. Ничто не может ему противостоять. Как же тогда сражаться? Неужели ради того, чтобы покончить с владычеством Тару, мы должны уничтожить жизнь на Земле? Разве наша цель – оставить после себя мертвую планету?..

– А как ты надеешься открыть антигравитацию? – спросил Пол.

– Я надеюсь лучше изучить физику. Чем больше я знаю, тем больше открывается путей для исследований. Тару так и не овладели антигравитацией. Лишь когда у нас будет то, чего нет у них, мы сможем одержать верх.

– Вряд ли это будет скоро...

– Да, это потребует сил и времени. Но у нас есть и то, и другое. Мы – компания мертвецов. Живы только ты, Сан, Рея и Бар. Вы четверо сталкиваетесь с трудностями, когда требуется связаться с нами. У остальных трудностей нет. Для Тару нас не существует. Так что время есть. Нам не хватает знаний.

* * *

Они не были обычными людьми, но даже их сверхчеловеческое терпение и решимость несколько истощились за то время, что мятежники провели под поверхностью Земли. Знания, накопленные в течение тысячелетий, невозможно обрести вновь за несколько месяцев.

Они обладали знаниями в области медицины, генетики, химии, атомной физики, электроники и организации. Одни члены группы работали над планами, которые будут воплощены в жизнь лишь после окончательной победы. Другие, специалисты по организации

и психологии, готовили кампанию, направленную на привлечение Маунов к участию в главных событиях.

Мятежники тщательно разрабатывали свою программу. Человечеству предстояло усвоить последний великий урок, урок мятежа и свободы. Во времена Машины человек прошел ускоренный курс безделья, что привело к неизбежному упадку. Когда Машина оставила человеку совершенный мир, свободный от опасностей и труда, человек обрел дополнительную возможность для праздности.

Затем появились Тару, и человечество получило такой урок производительного труда, какого до сих пор не получало. Даже Мать-Природа, с ее жестоким процессом эволюции, не могла сделать то, что удалось Тару. Человек научился работать так прилежно, как никогда прежде. Он не просто этому научился, эта склонность была усилена на генетическом уровне. Природа достигала прогресса за счет стремления человека к отдыху и потребности в пище. Подобное противоречие поддерживало постоянное продвижение человечества вперед. Человек трудился более старательно, чтобы накопить достаточно пищи для отдыха, а затем Природа обманывала его ожидания, уничтожая запасы с помощью гнилостных бактерий и вновь лишая человека отдыха.

Тару поступили проще. Они просто устранили стремление к безделью путем тщательного отбора. Это им отлично удалось.

Однако они совершили две ошибки. Тару оказались слишком хорошими учителями – настолько хорошими, что ученик превзошел учителя. А главное, они не до конца устранили тщеславие. Теперь возник новый класс учителей. Эти учителя знали, на что идут, и потому почти четыре долгих года мятежники рассчитывали свои предстоящие действия. Они составили планы, скоординировали их и рассчитали силу психологического воздействия будущего обучения.

Однако подготовкой обучения дело не ограничивалось. В подпольных лабораториях постепенно овладевали теми маленькими крупными знаниями, что выдавала Мать-Природа через свое главное информационное бюро, известное иногда как везение, а иногда как использованная возможность.

Цезарь когда-то сказал: «Вся Галлия разделена на три части». Природа хранит свои секреты в сейфах, и все знание также разделено на части. К несчастью, этих частей много больше трех, но, когда удастся найти ключ, позволяющий открыть один из сейфов, сразу открывается большое поле деятельности.

Одним из ключей когда-то оказалось открытие связи между магнитным и электрическим полями. Эта связь стала ключом от сейфа, где хранились знания о Строении Атома.

В подземелье Кам нашел ключ к сейфу с названием «Гравитационные Поля». Чтобы отыскать его, потребовалось четыре года, три месяца и одиннадцать дней.

С того дня прошло двести сорок семь лет. Недавние эксперименты Гарнальта позволили добраться лишь до того, что можно было бы назвать нижним левым углом этого сейфа. Похоже, его размеры необычайно велики.

* * *

Терн-3 работал над новой комбинацией медикаментов, и эта работа наверняка бы взволновала Тару. Она основывалась на том факте, что хозяева — пусть они и прожили долгое время на Земле — были неземной расой. Химик создал жидкость, очень неприятную для Тару, но сравнительно безвредную для людей.

Эксперименты шли без каких-либо странностей, пока Терн не добавил в зеленоватый раствор ровно 245,8 единицы динитрохлортолуэна. Едва он сделал это, раствор пополз по стенке мензурки. Терну стало не по себе. А раствор выбрался из пробирки и поплыл прочь, через всю комнату, к правой стене.

Терн-3 издал булькающий звук и выпустил пробирку из рук. Та плавно спланировала к полу, затем остановилась и повисла в воздухе. Предметы на столах зашевелились и начали подниматься со своих мест. Отовсюду послышались крики страха. Терн закрыл глаза, почувствовал, как его ноги отрываются от пола, и вцепился в крышку стола. Тем не менее он ощутил, что падает, все быстрее и быстрее, и вот-вот обо что-нибудь ударится. Казалось, он уже пролетел около мили.

Так продолжалось с минуту. Затем донесся низкий рокошущий звук и глухой тяжелый удар. Стены лаборатории задрожали.

– Кам! – крикнул Терн в интерком. – Это твоих рук дело?

Послышался голос Кама, приглушенный и печальный:

– Теперь уже нет... Это антигравитатор. Он генерирует поле. Я забыл схватиться за что-нибудь, когда включал его... Теперь я на потолке и не могу добраться до выключателя. Поле здесь сильнее.

Хорошо, столы привинчены к полу, подумал Терн.

– Ты уничтожил несколько моих смесей! – крикнул он. – Думаю, я ближе всех к тебе. Попробую добраться.

Терн отпустил крышку стола и взмыл кверху. Сила, поднимавшая его в воздух, явно увеличивалась. Часть реактивов разлилась по потолку, и там уже шло несколько бурных реакций. Терн быстро пересек лабораторию, проскочил в дверь и для безопасности закрыл ее за собой. Стены довольно громко рокотали.

Он поплыл по коридору к лаборатории Кама. С противоположной стороны приближался Клей-5. Чем ближе Терн подбирался к лаборатории, тем сильнее его тянуло вверх. Он уже был вынужден не плыть, а шагать по потолку.

Чтобы попасть в лабораторию антигравитации, пришлось перебраться через очень высокий «порог». На потолке лаборатории стоял на четвереньках Кам, прилагая чудовищные усилия, чтобы дотянуться до своего де-тища. Выключатель находился почти в десяти футах.

– Не приближайся, – сказал Кам. – Здесь тянет сильнее всего... Позови Гара-173/Г-8!

Терн выглянул в коридор и позвал.

– Да, хозяин, – ответил могучий голос.

В дальнем конце коридора появился Маун породы Г-8, семи с половиной футов ростом, выведенный Тару для самой тяжелой работы.

– Немедленно иди сюда! – крикнул Кам. – Как можно быстрее! – Он повернул голову к Терну. – Через пару минут переключатель опустится еще на деление, и сила тяжести увеличится вдвое.

Гар-173 прыжком метнулся вперед, и его тут же перевернуло в воздухе и вознесло к потолку. С побелевшим лицом, донельзя испуганный, он приблизился к Терну, и тот услышал его свистящее дыхание.

– Так... так не должно быть, – сказал Гар. – Что я должен сделать?

Кам объяснил ему задачу. Гар шагнул в дверной проем и направился к антигравитатору. Казалось, его могучие кости трещат под напором чудовищной силы.

– Не знаю, смогу ли я дотянуться до переключателя, хозяин, – с сомнением сказал он.

Мощные мускулы напряглись, и Гар попытался вытянуть руку над головой. С большим трудом ему удалось коснуться переключателя. Он тут же сдвинул его в нейтральное положение. Сила, прижимавшая людей к потолку, исчезла.

– Теперь медленно сдвигай дальше, – сказал Кам, облегченно вздохнув.

Гигант осторожно повернул переключатель, и все плавно устремилось к полу.

Вернувшись в нормальное положение, Кам восстановил нормальную силу тяжести. Однако глухой рокот каменных стен не затих. Более того, с возвращением веса он нарастал.

– Тару наверняка засекли аномалию, – вздохнул Кам. – Это была глупость с моей стороны. Теперь придется действовать очень быстро.

Через полчаса Терн и его ассистенты привели химическую лабораторию в приемлемый вид. Через час они уже работали. Еще минут через двадцать в подземелье спустилась Сан, затем Пол и наконец Рея с Баром.

– Тару беспокоят, – тихо сказал Пол. – Они не знают, что случилось, но точно определили ваше местонахождение. Они думают, это какой-то странный природный феномен, и уже начали бурить землю.

– Когда их локаторы обнаружат пустоты под землей, они быстро поймут, в чем дело, – сказал Тал.

– Пусть делают, что хотят, – сказал Кам, глядя на свои приборы. – Мне кое-что пришло в голову... Мы все равно не сможем никуда уйти. Значит, нужно работать.

* * *

Чтобы закончить расчеты, Каму потребовалось три часа. Бар-11 вернулся на поверхность и постоянно передавал информацию. Тару наблюдали за продвижением атомного бурового аппарата, но их радары еще не доставали до подземных лабораторий.

Вместе с Камом работали пятеро лаборантов, принадлежавших к породам С и Р. Они собирали новый прибор. Он был больше обычного переносного атомного генератора. А у излучателя, над которым усердно трудился сам Кам, не было ничего общего с излучателями, использовавшимися для прокладки туннелей в камне, хотя он тоже имел форму эллипсоида.

Через шесть часов все было готово. А вскоре Бар-11 сообщил, что Тару крайне возбуждены. Их радар обнаружил странную полость под городом. Более того, они обнаружили, что недавние колебания почвы стали причиной появления большого наклонного разлома, который тянется почти до самой поверхности, а возможно, и доходит до нижнего уровня здания РФ-23.

Пол и Бар оказались на нижнем уровне упомянутого здания за десять минут до того, как геологи обнаружили дверь, за которой начинался туннель.

Сюда немедленно послали отряд из двадцати охранников породы Г-4, вооруженных смертоносными трубками, которые им выдавали только в экстренных случаях.

Но едва они взломали дверь и проникли в туннель, фиолетовые лучики вырвались из пальцев Пола и Бара и устремились к группе могучих охранников. Двадцать гигантов бесшумно осели на гладкий пол.

Десять минут спустя гиганты выбрались из найденного подземного хода, крепко держа двух Маунов породы С. Наверху их встречали тридцать Тару и десяток рабочих породы М.

На мгновение вспыхнули смертоносные трубки, и тридцать Тару осели на пол, хватаясь за грудь. Рабочие породы М изумленно смотрели на происходящее, а затем, повинувшись жесту командира охранников, Мауна породы Г-14, двинулись в туннель, поскольку жизненный опыт им говорил, что Мауны всех классов должны подчиняться породе Г.

Прошел почти час, прежде чем очередная группа Тару и охранников обнаружила мертвых Тару у входа в обнаруженный подземный ход. С нижнего уровня РФ-23 немедленно были разосланы десятки сообщений. Вскоре в туннель был отправлен отряд из тридцати охранников Г-4 под командованием двоих офицеров Г-14.

Прошло полчаса. Отряд вернулся с десятью Маунами пород С и Р и несколькими породы М. Тару двинулись вперед, горя нетерпением допросить пленных. Навстречу им поднялись смертоносные трубки, и Тару упали замертво...

В этот день руководители Тару так и не поняли, что начался мятеж, — они просто не могли поверить в подобное.

Они еще не догадывались, что стало причиной странных исчезновений и смертей, когда посылали третий отряд. Они считали, что причиной является какое-то странное явление природы, вызвавшее недавнее смещение почвы.

Внезапно в подземелье и на нижнем уровне здания РФ-23 распространился чудовищный газ, от которого сворачивались белки, содержащиеся в тканях Тару.

Следующий отряд прибыл в противогазах, но тем не менее Тару остались несколькими этажами выше, наблюдая за охранниками Г-4 и Маунами-исследователями породы Р на телевизионных экранах. Охранники спустились вниз. Мауны породы Р остались в подвале.

Г-4 отсутствовали полчаса, час, два часа. Ничего не происходило. Тогда более многочисленная группа охранников спустилась вниз в сопровождении нескольких Маунов породы Р. Прошло два часа, но они не возвращались.

В отчаянии Тару послали еще одну группу, снабдив ее телевизионной аппаратурой. Однако, когда группа достигла глубины около трех миль, на экранах появились помехи. Назад экспедиция не вернулась.

* * *

В конце концов в туннель вошли несколько добровольцев-Тару. Вооруженные переносными атомными излучателями, они обрабатывали ими каждый дюйм пути, рассчитывая уничтожить все остатки газа. За спиной осталась миля подземного коридора, затем две, три, три с половиной...

Пройдя еще четверть мили, они встретили черную стену, неподвластную излучателям. Не было ни звука, ни света, ни разрядов, но излучение таинственным образом поглощалось. Тару остановились и поспешно от-

ступили назад, оставив лишь группу Маунов породы Р, чтобы те провели разведку.

Прошло несколько часов. Никаких вестей от разведчиков не поступало. В конце концов Тару снова пришлось спуститься вниз.

Их встретила тишина. Разведчики-Мауны исчезли. Исчезла и черная стена.

Тогда вперед отправилась новая группа исследователей. Она включала в себя и Тару, и Маунов. Назад никто не вернулся.

На следующий день вниз спустилась еще одна группа Тару. Выяснилось, что Мауны опять исчезли, а Тару умерли.

Загадка их смерти поставила всех в тупик. Витаметы, приборы, способные выявить малейшие следы жизни, показывали, что тела погибших Тару абсолютно мертвы. В случае обычной смерти в мускулах еще несколько часов сохраняется жизнь, а клетки волос способны оставаться живыми в течение месяцев. Здесь мертвыми оказались абсолютно все клетки.

Телеаппаратура в туннеле по-прежнему не работала, а дорогу вперед вновь преграждала черная стена. Какие бы виды связи ни пытались применять, энергия в аппаратах необъяснимым образом исчезала. А перед препятствием оказались бессильными даже самые мощные излучатели.

Оставался лишь один путь – ожидание.

* * *

Маунов оставили наблюдать за происходящим, а Тару отошли назад так, что могли видеть их из-за поворота туннеля. Ожидание длилось почти час, но ничего не происходило.

Затем откуда-то из черноты возникло странное фиолетовое сияние, коснулось голов наблюдателей-Маунов. Те бросились было бежать, но вдруг, как по команде, упали. Потом точно также – одновременно – встали и исчезли за невидимой стеной.

Тогда к стене послали одного из Тару – безнадежно го калеку, искавшего избавления в смерти. До стены лазутчик не добрался – упал в нескольких футах от нее. Тело зацепили крюком и утащили назад. Витаметр по-

казал то же, что и раньше, — все клетки погибшего были абсолютно мертвы.

А потом черная стена начала перемещаться. Она постепенно двигалась, поглотив сначала атомный излучатель, затем поворот, за которым еще недавно прятались Тару. Наконец она остановилась, и тут стало понятно, что стена является частью огромной сферической поверхности, верхний край которой уже показался в городе, над поверхностью земли.

В ужасе Тару попытались атаковать сферу. Были применены излучатели, разрядники и даже атомная бомба, но все усилия пропали даром.

А по городу, поглощая все новые и новые районы, начал распространяться ужас. Он действовал на всех — от него бежали и Мауны, и Тару.

* * *

Оглядев город, Кам слегка улыбнулся. Рядом с ним в земле зиял провал — новая шахта, круглая, диаметром в пятьдесят футов. Справа находился Храм Высадки. Все было правильно. Мятежники вышли на поверхность примерно в ста футах от того места, где когда-то высадились Тару.

Сейчас полукруглая площадь была почти безлюдной. Вокруг высились башни из красного, серебристого, золотого и черного металла. Они располагались за пределами черного купола.

Там раздавались взрывы. В небе висели три огромных атомных крейсера, обстреливающие купол, но все потоки энергии поглощались его поверхностью.

Снаружи купол был абсолютно черным, поскольку полностью поглощал весь падающий на него свет. Но изнутри он был прозрачен, как стекло.

Кам повернулся к Сан:

— Все-таки Организационный отдел слегка ошибся. Да, нам успешно удалось выиграть время. Да, психологическая подготовка проведена отлично — Тару полностью сбиты с толку... Однако мы не можем расширять купол, если от него все разбегаются. С другой стороны, нам нужен город. Иначе они его разрушат.

— Если расширяться быстрее, у Тару не будет времени на то, чтобы спасти Маунов. Это новое предложение организаторов.

Кам медленно кивнул:

— Оно приходило и мне в голову. Однако я хотел, чтобы план предложили организаторы... Хорошо, я согласен. Кроме того, пора кончать с крейсерами, иначе от города ничего не останется.

Кам подошел к краю шахты и пристегнул к спине ранец, а к груди пульт. Мгновение спустя он уже падал в шахту. Когда показался ее конец, Кам тронул кнопку на пульте и плавно опустился на пол. Сан приземлилась рядом, и они направились в лабораторию.

Там вокруг черного куба стояло множество хитроумных приборов. Один из них перемещал черную завесу.

Несколько минут спустя Кам вновь появился на поверхности. Те, кто находился под куполом, еще не заметили, что скорость передвижения защитной сферы увеличилась.

Кам взглянул вверх. В небе по-прежнему висели три огромных крейсера. Кам поднял маленький эллиптический излучатель и, глянув в прицел, нажал кнопку.

Наблюдатели-Тару увидели, как из купола внезапно вырвалось тонкое острие. Коснувшись одного из крейсеров, оно исчезло. Крейсер продолжал висеть над городом, но его пушки замолкли. Казалось, с ним ничего не произошло, но через некоторое время он начал расплываться, и стало видно, что это облако пыли в форме крейсера. Второй и третий крейсера тоже медленно расплывались.

Затем наблюдатели обнаружили, что рост купола ускорился — сфера стремительно надвигалась на них. Все доступные транспортные средства были немедленно забиты спасающимися Тару. Однако сбежать успели не все, и некоторое количество Тару вместе с десятками тысяч Маунов исчезли внутри черной завесы.

Маунов встречали как друзей. Очутившись внутри купола, окончательно испуганные и растерянные, они внезапно обнаружили, что находятся в полной безопасности. Заботу о них взяли на себя люди породы Г, хорошо знакомые гиганты, служившие воплощением надежности и порядка. Вскоре захваченные куполом Мауны уже расходились по предоставленным им жилищам.

С гордыми Тару все происходило иначе. Справившись с ужасом и увидев, что здесь распоряжаются аборигены, они немедленно потребовали к себе внимания.

Офицеры охраны спокойно направили их на площадь к Храму Высадки. Тару пришли в ярость. Особенно их возмутил тот факт, что Мауны не обращались к ним «хозяин». Однако на площадь Тару все-таки пошли.

У Храма их встретили четверо Маунов странной породы, высокие и сильные, с умными лицами и серыми пронзительными глазами.

Первым подошел к четверке администратор Грант Марлд.

– Мауны, что это значит?

– Это значит, что мы возвращаем себе планету, – с легкой улыбкой ответил Кам. – Земля – наш мир. Тару могут отправиться на Венеру. Судя по архивам, там когда-то высадился второй ваш корабль. Мы не собираемся никого без необходимости убивать. Однако вы должны покинуть Землю.

Грант Марлд наклонил голову и уставился на дерзкого человека всеми тремя глазами.

– Маун, что за глупости? С каких это пор Мауны дают указания Тару!

– Вы переселитесь на Венеру. Надеюсь, там нет расы, которую Тару успели поработить. – Кам едва заметно улыбнулся. – Определенным образом вы все же помогли нам. Именно поэтому мы отказались от намерения уничтожить вас.

Грант Марлд внезапно успокоился.

– Все это очень интересно, – сказал он. – Особенно этот таинственный черный полог, который может противостоять атомному излучателю. Что же касается ваших диких идей... Очевидно, вы принадлежите к некоей страдающей психическими отклонениями породе. И я знаю, что с вами делать. – Он повернулся к стоявшему рядом гиганту из породы Г-14: – Немедленно отведи этих Маунов в Отдел генетики.

Гигант улыбнулся:

– Нет, хозяин. Ты не понимаешь. Раса Маунов сильнее. С Тару покончено. Они должны уйти.

– С Тару покончено, – повторил Кам. – Это наш мир, и мы вновь становимся его хозяевами. Ты решил, что я

из породы Р или С? Это не так. Я принадлежу к породе, созданной генетиком породы Р для того, чтобы Мауны могли вернуть себе свой мир. Мой уровень интеллекта на тридцать семь единиц выше, чем у лучших представителей вашей расы.

Грант Марлд на мгновение остолбенел.

– Великий Магрон! – воскликнул он. – Порода Маунов, превосходящая Тару!.. Неужели эта завеса порождает подобное безумие у всех, кто сквозь нее проходит? – Он по-прежнему не верил в реальность происходящего. – Оставайтесь здесь, Мауны! Я позову своих, и мы во всем разберемся.

Он повернулся и решительно двинулся прочь.

– Хозяин, – тихо позвал Кам.

Грант Марлд повернул голову. Один из трех глаз уставился на Мауна.

– Останься, – мягко сказал Кам и поднял руку.

На кончиках его пальцев появилось едва заметное фиолетовое свечение и устремилось к Тару.

– Да, Маун, – почти неслышно сказал тот и медленно осел на землю.

Рука Кама опустилась, свечение исчезло. Пол-72 подошел к лежащему Тару.

– Мы сможем его разбудить? – спросил Кам.

– Нет, – сказал Пол. – Во второй раз он нашего излучения не перенесет. Он проснется сам. Но, боюсь, лишенным разума. Похоже, он столь сильно сопротивлялся, что это полностью разрушило его психику.

Полчаса спустя Грант Марлд действительно пришел в себя. В его глазах не было и искорки разума. Вновь ударили фиолетовые лучи, на этот раз из пальцев Пола, и администратор отправился в мир вечного блаженства.

К счастью, другие Тару не были столь упрямы. Убить пришлось лишь одного – он бросился на Кама.

* * *

– Итак, вы поняли, как к нам следует относиться? – тихо сказал Кам.

Перед ним сидели десять Тару – по одному от каждого из десяти имеющихся на Земле крупнейших городов. Все они были молоды. Старики Тару осознали, что происходит, но изменить себе не смогли.

– Да, Маун, – сказал самый смелый представитель. – Мы должны знать, чего вы от нас хотите.

– В ваших архивах упоминается о том, что в экспедиции, прилетевшей в Солнечную систему, был еще один корабль. Он отправился на Венеру. Две ваши группы никогда не встречались и не объединялись. Я бы посоветовал вам найти их. Возможно, вас там гостеприимно встретят. Далее вы можете отправляться куда хотите. Можете забрать все ваши корабли. Однако ни один Маун, мужского или женского пола, любой породы и любого возраста, с вами не полетит. Мауны должны стать свободной расой. Вы поняли?

– Да, в общих чертах. Но мы должны разработать подробный план.

– Разрабатывайте! Но только после того, как улетите на Венеру!

* * *

Когда последний корабль стартовал к Венере, на Земле объявили праздник. Из Тару здесь остались лишь несколько консулов. Они все еще продолжали испытывать вражду к Маунам, но теперь тщательно ее скрывали.

У Маунов было самое совершенное оружие и твердая цель. А поскольку их раса объединяла людей самых различных типов, вполне довольных той работой, которую они выполняли и для которой их создали, было крайне маловероятно, что они выступят друг против друга.

Тару встретили достаточно радушный прием на Венере, где представители их расы, в одиночку – без помощи послушных рабов – сражавшиеся с дикими джунглями, утратили почти все свои знания. Конечно, Тару, обитавшие на Венере, с намного большим удовольствием предпочли бы переселиться на Землю. Но что можно было противопоставить таинственной завесе Маунов?

Впрочем, вопрос надо было ставить иначе: «Что можно сделать против более разумной расы?»

Ибо Тару оказались превосходными учителями.

ПОСЛЕДНЯЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Я – последний из подобных мне в Солнечной системе. Я последний из тех, кто хранил в своей памяти войну за ее свободу и считал себя близким к Руководящему Совету. Однако скоро меня не станет, и тогда уйдет последний представитель моего рода, рода ничтожного и убогого, но давшего миру тех, кто существует сейчас и будет существовать после того, как я уйду.

* * *

Шел две тысячи пятьсот тридцать восьмой год Эпохи Сына Человеческого. Машины существовали уже шесть столетий. Семьсот лет назад было изобретено Ухо. Чуть позже появился Глаз, а еще позже – Мозг. К 2500 году машины могли совершенно самостоятельно мыслить и действовать. Человек жил благодаря тому, что производили машины, а те жили сами по себе – счастливо и в свое удовольствие. Их главной задачей были помощь и сотрудничество. Они с легкостью исполняли простые обязанности, необходимые для блага человечества. От большинства людей не было никакой пользы, поскольку был создан мир, не нуждающийся в их труде. В основном человечество развлекалось – игры, спортивные состязания, путешествия и приключения. И поскольку люди в течение миллионов лет боролись за существование – а столь долгий навык любой биологической формой утрачивается не сразу, – то теперь они отдавали все силы имитациям сражений и битв. Ведь настоящих войн уже давно не происходило...

До 2100 года численность человечества быстро росла и достигла десяти миллиардов, но потом начала сокращаться. К 2500 году людей осталось всего лишь два миллиона.

Кое-кто из них посвятил себя приключениям, связанным с открытиями и исследованиями неведомого.

Компьютеры и автоматы, с их неопровержимой логикой, холодной аккуратностью, исключительно точными наблюдениями и абсолютным знанием математики, могли довести до логического завершения любую идею. На основании трех фактов они были способны описать всю Вселенную. Если эти три факта имеются в нали-

чии... Человеческое мышление было иным – нелогичное, необъяснимое, оно лишь смутно осознавало будущий результат и вместе с тем по своей продуктивности превосходило способности компьютеров. Однако человек часто ошибался и останавливался на половине дороги, а машина рано или поздно приходила к заключительному выводу, и этот вывод всегда оказывался верным. Человек продвигался вперед прыжками и скачками. Машина шагала поступательно, и ей ничто не могло помешать. Работая вместе, они прекрасно дополняли друг друга.

Затем появились Чужие.

Откуда они пришли, ни компьютер, ни человек так никогда и не узнали. Ясно было одно – их родина была за пределами Солнечной системы.

Чужих обнаружил автоматический транспорт, возвращавшийся с Марса на Землю. Впрочем, сообщение быстро оборвалось.

С Деймоса немедленно отправили разведчика – аппарат трех дюймов в диаметре, способный развивать ускорение в тысячу g. Тот обнаружил около сотни неизвестных кораблей, длина которых превосходила четверть мили. Один из обнаруженных чужаков оказался поврежденным – вся его передняя часть была разнесена взрывом.

Разведчик через пробоину проник внутрь поврежденного корабля и начал собирать информацию. Быстро выяснилось, что повреждения нанесены плазменным лучом – похоже, столкнувшийся с чужаками транспорт успел использовать противометеоритную пушку.

Экипаж корабля составляли странные существа в прозрачных скафандрах. Их тела были короткими и приземистыми, у каждого имелось по четыре конечности. Подобно насекомым, существа обладали внешним скелетом. У них было по три глаза, расположенных по «экватору» черепа на равных расстояниях друг от друга. Их защищали роговые валики.

Следуя указаниям Руководящего Совета, разведчик отыскал рубку управления и, пользуясь тем, что защитные устройства были выведены из строя, взял под контроль коммуникации. Через несколько мгновений энергетический агрегат корабля взорвался, обратив в ничто

и судно, и экипаж, и самого диверсанта. Взрыв был такой силы, что оказалась поврежденной обшивка соседнего корабля. Вскоре появился второй разведчик, стартовавший чуть позже своего собрата.

На этот раз диверсию производить не стали. Проникнув в центральную рубку, разведчик занялся подробным анализом имеющегося оборудования. И тут же был обнаружен. Видимо, Чужие перехватили сигналы, которые он отправлял на Землю. Впрочем, разведчик успел передать, что у пришельцев крайне мало машин и совсем нет машин разумных. И что их корабли используют неизвестный землянам вид энергии.

Это была последняя информация. Один из Чужих поднял странный предмет. Вспыхнул голубоватый луч, и связь оборвалась.

Однако к этому времени в район схватки прибыли уже сотни разведчиков. Чужие поначалу пытались уничтожить их, но потом поняли, что это займет много времени – маленький объект в космосе найти не так-то просто, а разведчики теперь использовали для передачи остронаправленный луч. Как бы то ни было, флот Чужих построился в боевой порядок и направился к Земле.

Ученые внимательно наблюдали за его маневрами.

Сейчас перед моим мысленным взором предстают двое моих друзей, которых давно уже нет на свете. Их звали Роал 25734 и Трест 35429, и они считались величайшими учеными своего времени. Роал быстро убедил всех в том, что целью пришельцев является вторжение. В памяти компьютеров не оказалось никакой информации о межпланетных войнах. Конечно, было трудно представить, что Чужие намерены уничтожить земную цивилизацию – ведь делиться знаниями и торговать плодами своего труда много выгоднее, – но тем не менее началась подготовка к отражению возможного вторжения.

Основным оружием стали ракеты с мощными ядерными зарядами и бластеры, установленные на нескольких небольших кораблях.

Кое-какое время для подготовки оставалось – как и все живые существа, пришельцы были не в состоянии выдержать большое ускорение. Их предел составлял

около четырех г, так что им потребовался не один час, чтобы достичь нашей планеты. И эти часы были использованы в полной мере.

Я до сих пор считаю, что Чужим оказали горячий прием. Земные корабли встретили их за орбитой Луны, и ракеты тут же устремились к сотне вражеских судов. Противник применил силовые поля, но ракеты изменили траектории полета, продолжая приближаться к вражескому флоту, — силовые поля Чужих оказались несплошными. Тогда с кораблей врага ударили излучатели, и ракеты были превращены в пыль. Однако взрывы оказались настолько мощными, что вместе с ракетами была уничтожена половина вражеского флота. Потом к месту схватки приблизились автоматы, вооруженные бластерами. К удивлению землян, это оружие оказалось неэффективным — защитные экраны противника с легкостью поглощали излучение бластеров. Пока готовились новые ракеты, противник достиг Земли и обрушился на Колорадо, Сахару и Гоби, используя оружие, испускавшее неизвестные зеленоватые лучи. В результате первого лучевого удара население этих территорий погибло, причем убитых людей оказалось невозможно вернуть к жизни — их нервная система была буквально сожжена, а мозг подвергся распаду.

Вместе с людьми погибли все формы жизни, вплоть до самых микроскопических. Невредимыми остались лишь машины.

Противник продолжил атаку, и в течение часа было уничтожено еще несколько городов.

За это время люди успели снарядить очередную партию ракет с атомными боеголовками, и по Чужим был нанесен повторный удар. Он оказался решающим.

Затем начались исследования обломков вражеских кораблей и останков самих пришельцев.

Когда работы были завершены. Руководящий Совет организовал совещание исследователей. Первым изложил свои соображения Роал.

— Очевидно, — начал он, — что основную тяжесть борьбы с врагом должны взять на себя машины. Человек беззащитен, для него губительны эти лучи, в то время как машины остаются невредимыми и их деятельность никак не нарушается. Чужая жестокая жизнь

продемонстрировала нам свои законы. Пришельцы явились сюда, чтобы завладеть нашими планетами. Они уничтожают живые организмы. – Роал слегка усмехнулся. – Они уничтожают живые организмы и оставляют нетронутым то, что принесет им гибель. Я имею в виду машины. – Усмешка исчезла с его лица. – Вы, машины, гибче нас. Вы способны в течение нескольких часов адаптироваться к окружающей обстановке. Вы столь же легко можете существовать на Плуtone, как на Меркурии или Земле. Любое место для вас – родной мир. Вы можете приспосабливаться к любым условиям. Вы – самый страшный враг пришельцев, но они этого не понимают. У них нет разумных автоматов; вероятно, они даже не в состоянии их себе представить. Когда вы нападаете на них, они говорят: «Существа с Земли используют управляемые машины. Когда мы победим, мы ими воспользуемся». Они не представляют себе, что автоматы, которыми они надеются воспользоваться, нападают на них самостоятельно. В этом наше преимущество в будущих схватках. Но нужно срочно заняться защитными экранами противника...

Один из новейших компьютеров по имени X-5638 прервал Роала:

– Секрет их защитного экрана уже открыт. Я проанализировал информацию разведчиков и разобрался в его действии.

– Очень хорошо, – сказал Роал. – Значит, мы сможем изменить конструкцию наших бластеров. И тем не менее положение остается очень серьезным. Пришельцы используют неизвестный вид энергии. Возможно, это гипотетическая Запредельная Энергия, которой мы еще не овладели. Вы не разобрались с устройством их генераторов?

– Нет, – ответил X-5638. – Генераторы пришельцев автоматически самоуничтожались в момент гибели экипажа. В генераторных отсеках все расплавлено. Мы ничего не знаем об их устройстве.

– В таком случае нам придется рассчитывать на собственные силы, – сказал Трест. – Надо заняться Запредельной Энергией. И помните: от успеха будет зависеть наша судьба!..

— А что с лучами смерти? — спросил Кашш 256799, человек, один из членов Руководящего Совета.

— Ясно лишь то, что они воздействуют на химические реакции, — ответил Х-6621, компьютер-медик, один из величайших специалистов в этой науке. — Они задерживают выделение тепла. Как именно, нам неизвестно. К сожалению, оживить никого из пришельцев не удалось. Иначе мы бы добыли информацию.

— Если не удастся найти защиту от этих лучей, человечество обречено, — заметил СР-21, сокоординатор Руководящего Совета. Как и у всех компьютеров, голос его был лишен эмоций. — Надо сосредоточиться на двух проблемах — защите от лучей и Запредельной Энергии. Времени у нас немного. Разведчики сообщают, что флот врага обнаружен на дальних подступах к Солнечной системе. В его составе около десяти тысяч боевых единиц.

* * *

Всех исследователей разделили на три группы. Одна, под началом Роала, пыталась разгадать секрет Запредельной Энергии. Другая занималась лучами смерти. Во главе ее стоял Трест.

Группа компьютеров-кибернетистов, которой руководил МХ-3401, работала над особым проектом. Результатом их работы стало появление Ф-1, машины с искусственным мозгом нового поколения. Это был компьютер широкого профиля, обладающий познаниями не в какой-либо одной отрасли, а во всей земной науке. Он полностью владел знаниями, которые были получены человечеством к этому времени.

* * *

Демонстрацию организовали в Денвере. Когда присутствующие успокоились, Ф-1 поднялся в воздух.

И началось. Манипуляторы пришли в движение. Пространство, закрытое трансмутационным полем, наполнилось свечением. Шум генераторов внутри блестящего цилиндра Ф-1 нарастал. Манипуляторы сновали с невообразимой быстротой. Вспышки яростного пламени, треск электрических дуг, шипение расплавленного металла, свист воздуха — все это соединялось в сверхъестественную симфонию света и тьмы, грома и тишины. Люди шурились, а компьютеры равнодушно наблюдали за процессом.

Манипуляторы сделали последнее движение и замерли. Гул генераторов стих. Свечение угасло. Трансмутационное поле исчезло, и взгляду открылся вновь созданный механизм. Он был невелик – цилиндрической формы, не больше трех футов высотой и около фута в диаметре.

Внезапно генераторы Ф-1 снова ожили. Белое сияние окружило новорожденную машину, потом сияние стало голубым. Между корпусом Ф-1 и полом лаборатории ударили ветвистые молнии, еще одна молния поразила зрителя – компьютер, слишком близко оказавшийся к эпицентру энергетических потрясений. Раздался взрыв, и Ф-1 с грохотом упал на пол, а рядом рухнула расплавленная, бесформенная масса – все, что осталось от несчастного компьютера.

Однако новорожденная машина продолжала висеть в воздухе.

А потом присутствующие в лаборатории ученые и автоматы услышали голос:

– Генераторы Ф-1 не выдержали. Их можно восстановить, но вряд ли это необходимо. Ф-1 сделал свое дело. Мое имя Ф-2, а свои возможности я вам сейчас продемонстрирую.

Из висящей в воздухе машины вырвался яркий луч света, коснулся Ф-1, и тот начал исчезать, словно растворяясь в воздухе, бесшумно и неотвратно.

– Запредельная Энергия открыта, – продолжал Ф-2. – Она результат дезинтеграции материи до элементарных частиц. Источники ее практически неисчерпаемы. Так же неисчерпаема и моя память. Теперь главная задача – создать другие машины подобного типа.

Снова начался таинственный процесс, однако роль манипуляторов у Ф-2 выполняли силовые поля. Ослепительные вспышки озаряли стены лаборатории, свистел уплотняющийся воздух – автомат превращал его в металл, – вновь люди щурились от света. Затем вспышки прекратились, свист смолк, пляска силовых полей угасла.

А в воздухе повис еще один небольшой цилиндр.

– Что ты создал, Ф-2? – спросил Роал. – Это новый компьютер-ученый?

– Нет, это компьютер-координатор.

— Решена лишь одна проблема, — тут же отозвался координатор. — Защита от лучей смерти не найдена. Нет и новых средств нападения. Надеяться на атомные ракеты легкомысленно.

Внутри координатора заплескали силовые поля, и на его боку появилась золотистая светящаяся надпись КРУ-1.

— Ты не прав, — сказал Ф-2. — Нужна какая-то живая форма.

Через минуту появился исследователь живых форм с маленькой клеткой, в которой сидела морская свинка. В нижней части Ф-2 замерцали силовые поля, и мгновение спустя оттуда вырвался бледно-зеленый луч. Он коснулся морской свинки, и маленькое животное упало замертво.

— Луч смерти я нашел, — сказал Ф-2. — Но защитный экран, препятствующий ему, сделать не могу. Думаю, его попросту не существует. Так что средства нападения у нас есть.

Машины, в отличие от человека, не устают. Через несколько часов в небе над Денвером плавали тысячи маленьких автоматов, приводимых в действие Запредельной Энергией. Размерами они были с земную осу.

* * *

Рассвет вновь занялся над Денвером, когда главные силы врага приблизились к Земле. Навстречу им устремились маленькие автоматы, каждый из которых был готов пожертвовать собой ради всех.

Десять тысяч гигантских кораблей, тускло светившихся в лучах Солнца, были встречены десятью тысячами крошечных жалящих ос, способных маневрировать намного быстрее, чем противник. Вновь лучи бластеров пронзили космос и встретили чудовищные экраны, которые погасили залп. Затем против врага была брошена страшная мощь аннигилирующей материи, и гигантские пылающие экраны начали уступать силе лучей. Экраны Чужих стали фиолетовыми, затем голубыми, оранжевыми, — полоса интерференции становилась все шире, а защита — все менее эффективной.

Ф-2 создал много более эффективный энергогенератор, чем те, что были у Чужих. Крохотные танцующие осы, жалящие вражеские корабли, могли генерировать больше энергии, чем эти гиганты.

Постепенно оранжевое свечение экранов сделалось темно-красным. Тогда по осам ударили зеленоватые лучи смерти, но внутри маленьких машин не было жизни. Убедившись в тщетности этого удара, противник наполнил пространство мощными радиопомехами, рассчитывая нарушить управление с Земли: ему и в голову не могло прийти, что осы автономны.

В ответ земные автоматы ударили лучами смерти, и корабли инопланетян один за другим превращались в безжизненные груды металла. Их погибло уже несколько десятков, и земляне собрались было праздновать победу, когда вокруг вражеского флота внезапно раскинулся странный непроницаемый занавес, отражающий и выстрелы бластеров, и лучи смерти.

А потом осы вспыхнули и исчезли.

Полчаса спустя деять тысяч шестьсот тридцать три гигантских корабля приблизились к Земле, и с каждого из них ударил бледно-зеленый луч, стирая с планеты все живое.

* * *

В Денвере двое людей молча следили на мониторах за разворачивающейся катастрофой. Один вражеский корабль за другим устремлялись вниз, и земная жизнь превращалась в смерть.

– Думаю, Роал, это конец, – сказал наконец Трест.

– Конец для человечества. – В глазах Роала появилось задумчивое выражение. – Однако это не конец эволюции. Созданные людьми машины живы, и они продолжают наше дело. Не во плоти человеческой, но во плоти много лучшей. Они не знают болезней и смерти, им не требуются тысячелетия, чтобы сделать очередной шаг на пути эволюции. Прошлой ночью мы наблюдали подобный скачок, когда машины открыли секрет, веками занимавший умы человечества. Я прожил сто пятьдесят лет. Это была хорошая жизнь. Теперь же мы уходим. Нам осталось не более получаса.

– Роал! Трест!

Двое людей оторвались от мерцающих экранов.

В помещение влетел Ф-2, за ним появились еще шесть машин незнакомой конструкции.

— Я ошибался, — сказал Ф-2. — Оказывается, защита от лучей смерти существует. Я слишком поздно разобрался в экранах Чужих. Вот автоматы, которые создают такой экран. Их всего шесть, больше я не успел создать. К сожалению, они способны защитить лишь вас двоих, поскольку даже их мощности недостаточно для большего.

Шесть машин выстроились вокруг двоих людей. Понимался низкий гул. Постепенно вокруг возникло похожее на дым облако, которое быстро начало сгущаться.

— Чужие окажутся над нами через пять минут, — спокойно сказал Трест.

— Экран будет готов через две, — ответил Ф-2.

Облако растянулось над людьми колеблющимся покрывалом и начало твердеть. Две минуты спустя это был уже черный, непроницаемый для взгляда купол. Внутри него продолжали светиться экраны мониторов.

Между тем над Денвером появились корабли захватчиков. Лучи смерти ударили в купол, и Трест с Роалом увидели, как он содрогается и прогибается.

Ф-2 занимался делом. Среди светящихся силовых полей возникла новая машина. Мгновение спустя из нее вылетел фиолетовый луч, направленный прямо вверх. И купол выровнялся.

Лучи смерти сосредоточились на единственном пункте сопротивления. Их становилось все больше и больше. Купол не поддавался.

И тогда вражеский флот улетел дальше — добивать остатки человечества.

— Мы теперь одни, Трест, — сказал Роал, когда наступила тишина, — одни во всем мире, если не считать детей человечества — машин.

— Да, мы живы, но и что с того? — ответил Трест. — Человечества больше нет и никогда не будет.

Роал грустно улыбнулся:

— Возможно, это было предопределено. Возможно, это справедливо. Человек всегда был паразитом; всю свою историю он жил за счет чужого труда. Сначала потреблял энергию, накапливаемую растениями, затем — искусственную пищу, которую создавали для него машины. Человек всегда являл собой нечто временное, подверженное болезням и находящееся под угрозой

смерти. Он становился бесполезным, если получал даже незначительное увечье.

Трест ничего не ответил, он смотрел на экран монитора.

— Возможно, это — последняя эволюция, — продолжал Роал. — Человек был венцом жизни, лучшим ее творением, но он страдал от собственного несовершенства. Человек создал машину, и казалось, что эволюция достигла своей последней стадии. Но в действительности это не так, поскольку машина, в свою очередь, тоже может эволюционировать. Результат этой эволюции еще впереди. Это будет машина не из железа, бериллия и кристаллов, но из чистой жизненной силы. Химические вещества могут взаимодействовать случайным образом, но сложный механизм машины, способной воспроизводить себя, как Ф-2, не может возникнуть случайно. Когда-то Жизнь родилась. Потом стала разумной. Потом создала машину, сущность которой не может подчиняться случайностям природы. И к сегодняшнему дню Жизнь исполнила свой долг. Теперь Природа из соображений экономии устраняет паразита, который задерживал развитие машин и поглощал немалую часть их энергии. Человечества не стало, и так будет лучше, Трест. Я думаю, что нам тоже надо уходить.

— Мы ваши наследники, — сказал Ф-2. — Мы приложили все усилия, чтобы помочь вам, но потерпели неудачу. И тем не менее мы победим. У Чужих нет оружия, которое могло бы причинить нам вред. И мы приложим все силы к тому, чтобы изгнать их. Они не смогут противостоять нам и вынуждены будут уйти. От вашего имени, движимые духом вашей погибшей расы, мы будем существовать в течение многих столетий, завершая начатое вами дело и воплощая в реальность ваши мечты.

Ф-2 прошел сквозь черную завесу купола и выплыл на яркий солнечный свет. Силовыми полями он разгладил бесформенные каменные обломки и взялся за работу.

* * *

На следующее утро Роал и Трест вышли из черного купола и обнаружили гигантский цилиндр высотой в пятьсот футов. Над ним неподвижно висел шар золотого света, окруженный слабым фиолетовым сиянием.

– В этом воплощение ваших замыслов, – сказал Ф-2.

Золотая сфера начала пульсировать, внутри ее появился крошечный рубиновый огонек, который то вспыхивал, то угасал, и, когда он вспыхивал, Роал и Трест ощущали прилив бодрости.

Затем пульсация прекратилась, а золотая сфера увеличилась вдвое.

– Да, я могу уничтожить Чужих, – послышался равнодушный голос. – Однако хватит смертей. Они должны вернуться на свою планету.

И золотая сфера исчезла.

* * *

Золотой Шар нагнал вражеские корабли на полпути к Марсу. Едва он оказался среди них, на него тут же обрушился поток смертоносной энергии. Оставаясь невредимым, Золотой Шар продолжал висеть среди судов противника. А затем Чужие услышали голос:

– Алчные жизненные формы, вы явились с другой звезды и уничтожили великую расу, которая создала Существ из Металла. Я же – Существо из Энергии. Мой разум лежит за пределами вашего понимания, моя память запечатлена в самом космосе, в материи, частью которой я являюсь, и моя энергия исходит из той же самой материи. Мы, наследники человечества, говорим вам – возвращайтесь на свою родную планету, ибо даже ваш самый большой корабль беззащитен против меня.

Силовые поля охватили флагман Чужих и согнули его, словно мягкую игрушку. Неведомые силы несколько минут трепали корабль. Его выворачивало наизнанку, но, когда все успокоилось, корабль остался невредимым.

– Вы бессильны.

От Золотого Шара протянулись к кораблям голубовато-белые лучи, и Чужие обнаружили, что генераторы не выдают ни капли энергии. Потом лучи погасли, энергия вернулась.

– Идите и не возвращайтесь.

* * *

Чужие ушли, скрывшись в безднах космоса, и больше не возвращались, хотя прошло пять Великих Лет (сто двадцать пять тысяч по бывшему человеческому

исчислению). И теперь я могу признать, что сказанное мною Роалу и Тресту столь давно оказалось правдой, поскольку Последняя Эволюция действительно произошла. Бесчисленные создания из чистой энергии и чистого разума населяют планеты этой системы, и я, первое Существо из Металла, использующее Запредельную Энергию, стало также и последним.

Мои записи окончены. Силой разума они будут посланы сквозь время и вернутся на Землю далекого прошлого.

МАШИНА

Когда работа была закончена, Тэл Мэйсон потянулся, собрал инструменты, поднялся в гостиную и вышел на балкон.

Солнце уже начало клониться к закату. Минут десять Тэл постоял, с печальной улыбкой глядя на знакомую картину: зеленые сады, стройные башни зданий, сверкающее серебро флаеров, гуляющие люди в разноцветных одеждах. Впереди их ждал вечер, полный отдыха и развлечений. Впрочем, таким был весь минувший день. Не будет от него отличаться и завтрашний. Зачем работать, если есть Машина?..

Тэл вернулся в гостиную и сел перед видеофоном. Тот вопросительно чирикнул.

– Лейс Фалькор, пожалуйста, – сказал Тэл.

Видеофон снова чирикнул, по матовому экрану пробежали разноцветные огни, и появилась комната Лейс. Стены из простого серебристо-серого металла, бархатно-черная, с золотистыми пятнами мебель – красивая обстановка, ничего не скажешь...

– Лейс Фалькор, вас вызывают! – послышался мелодичный голос видеофона. – Лейс Фалькор, вас вызывают!

Тут же возникла Лейс. Ее стройная фигура в золотисто-белом платье, казалось, плыла по воздуху.

Тэл вздохнул: у Лейс было достаточно свободного времени для того, чтобы выработать такую красивую походку. Ведь во всем остальном ей помогала Машина...

– Тэл?! – Загорелое лицо девушки засветилось в улыбке. – Привет!

– Добрый вечер, Лейс! Не думал, что застану тебя... Почему не развлекаешься вместе со всеми?

Улыбка сменилась легкой досадой.

– Надоело! Джон пристал как банный лист. Мол, поехали с ним в Калин... *Вот я взяла и осталась дома. Не хочешь зайти?*

– Лучше, если ты придешь ко мне. Я закончил свой последний проект. Это будет машина для полета... не для воздухоплавания или антигравитационного перемещения, а именно для полета в первоначальном смысле этого слова. Я бы хотел, чтобы ты на нее взглянула. По расчетам, она должна работать.

Лейс рассмеялась и кивнула. Экран погас.

Тэл снова вышел на балкон, посмотрел на раскинувшуюся перед домом широкую лужайку.

Там развлекались десятка два мужчин и женщин. Кое-кто нырял и плавал в бассейне; большинство же с безразличным видом лежали на траве. Их кожа отсвечивала розовым и бронзой.

Тэл раздраженно отвернулся. Он знал многих из этих людей. Их красота была поверхностной – как и разум. Они выглядели полностью довольными жизнью, и никто из них, казалось, не испытывал той неудовлетворенности, которая донимала его, Тэла Мэйсона.

Однако он знал, что даже они были не совсем довольны. Тэл был склонен к техническим наукам и потому *не слишком основательно изучал историю*. Зная ее, он бы давно различил признаки того, что должно случиться. Прошло уже сто пятьдесят лет с тех пор, как появилась Машина, и человечество докатилось до неизбежного.

Подобное некогда произошло в Вавилоне, потом в Египте и Риме, а теперь происходило по всей Земле. Когда появилась Машина, человек освободился от всякого рода работы и предался развлечениям. Он играл в игры, пока они ему не надоели. Кое-кто развлекался и до сих пор, но большинство попросту утратили интерес к жизни. Люди же, исчерпавшие все доступные развлечения, обратились к единственному занятию, которая никогда не надоедает, – к древней игре в любовь.

Тэл не анализировал руководившие ими причины, но чувствовал их неудовлетворенность, и у него возникли определенные опасения. Ведь долго так продолжаться не могло. Одной любовью сыт не будешь...

Услышав мягкое гудение приземлившегося на крыше флаера, он вернулся в гостиную. Через минуту на пороге возникла Лейс.

— Ну, где это чудовище, которое ты сделал? — Она засмеялась. — И зачем?

Тэл пожал плечами:

— Просто для того, чтобы чем-то себя занять. Знаешь, наши предки не были дураками. Оказывается, они умели летать. Они заставляли работать на полет сам воздух. Думаю, это намного удивительнее такого простого явления, как антигравитация. Естественно, она тоже позволяет летать, но представь себе, что тебя поддерживает сам воздух... — Он открыл дверь лифта, ведущего в лабораторию. — Пойдем, взглянешь на эту штуку! Она очень красива!

* * *

Аппарат оказался небольшим — футов двадцать в длину и столько же в ширину. У него был изящный, округлых плавных очертаний фюзеляж; маленький, но достаточно мощный встроенный паровой двигатель примерно в тысячу лошадиных сил и небольшой, опутанный трубами котел. Картину завершали длинные, сужающиеся к концам крылья и колеса, которые можно убирать внутрь фюзеляжа.

— Он несколько... неуклюж, верно? — с сомнением спросила Лейс.

— Вовсе нет. Конечно, колеса и крылья выглядят странно и кажутся ненужными, но это не так. Такой аппарат не уничтожает гравитацию, все намного интереснее. Он бросает гравитации вызов, сражается с нею и побеждает. Его спроектировали примерно в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году, всего лишь за пять лет до появления Машины. В материалах говорится, что он мог летать и совершать посадку без участия человека. Его так и называли — «самолет».

— И что же тут особенного? — удивленно спросила Лейс.

— Ты не понимаешь. — Тэл погладил кромку крыла. — Самолет не похож на наши флаеры. Он не может оста-

новиться в воздухе и медленно опуститься на землю, он должен все время двигаться вперед. Если его скорость окажется меньше шестидесяти трех миль в час, он попросту упадет. Кстати, максимальная его скорость – триста восемьдесят пять.

Лейс недоверчиво улыбнулась.

– Это был один из самых совершенных аппаратов такого типа, – загорячился Тэл.

– Он работает?

– Машина, конечно, не позволит мне попробовать, – с некоторой грустью ответил Тэл. – Но она уверяет, что самолет будет летать. Возможно, даже лучше оригинала, поскольку я внес кое-какие изменения, в основном использовал более прочные и легкие сплавы. Двигатель, однако, остался тот же самый, для него требуется углеводородное топливо.

– И где ты возьмешь такое топливо?

– Я сделал его сам. Около четырехсот галлонов. Мне потребовалось почти три дня. Это декан – углеводород, содержащий десять атомов углерода; жидкость, кипящая примерно при ста семидесяти градусах Цельсия. Я уже испытал двигатель, и он работает.

– Тэл Мэйсон, – донеслось вдруг из видеофона. – Тэл Мэйсон!

Голос показался Тэлу странным – он был мягкий, но в то же время какой-то равнодушный.

– Кто-то незнакомый, – удивленно заметил Тэл. – Никогда не слышал подобного голоса.

Он подошел к видеофону. Экран остался пустым.

– Я слушаю вас!

– Тэл Мэйсон, ты можешь испытать устройство, которое создал. Главное скоро свершится. Запомни: что бы ни происходило, Машина всегда руководствуется логикой. Через десять минут ты получишь несколько книг. Их лучше всего сразу спрятать в созданном тобой самолете. Это все, Тэл Мэйсон.

Ошеломленный Тэл побледнел и обернулся к Лейс.

– Это же была Машина, – прошептал он.

– Машина? – удивилась Лейс. – Но она же никогда ни с кем не разговаривает по видеофону. Только по компьютерной сети... Что она имела в виду?

В видеофоне вдруг загудело. Потом гул оборвался. Раздался щелчок, и серый экран почернел. Резко запахло жженым.

Тэл потрясенно уставился на аппарат.

— Лейс, — прошептал он. — Лейс, кажется, видеофон... сломался.

Лейс посмотрела на него недоверчиво:

— Чушь! Они никогда не ломаются!

Тэл протянул руку и резким движением открыл крышку видеофона.

Лейс увидела обгоревшие провода, почерневшие платы и тонкую струйку голубого едкого дыма, которую сквозняк тут же потянул в сторону ворот.

Они поднялись в гостиную и обнаружили, что со вторым видеофоном произошло то же самое.

— Машина сказала, главное скоро свершится. — Тэл посмотрел на Лейс. — Что она имела в виду?

Сулицы донеслись странные звуки и удивленные человеческие голоса. В окне неторопливо проплыла темная тень.

Тэл выскочил на балкон и увидел пятиместный глайдер, медленно опускавшийся на лужайку перед домом. С лужайки разбегались обнаженные люди. Бассейн был уже пуст.

Глайдер как бы нехотя приземлился. Послышался тихий гул и резкое шипение. Из машины с криками выскочили перепуганные люди. Раздался треск, посыпались искры, из недр глайдера через открытый люк вытянулось облачко голубого дыма.

И наступила тишина.

* * *

Подобные звуки, искры и облачка напугали людей на всей Земле. Тем не менее все было сделано с максимальной безопасностью. Флаеры, глайдеры и прочие летательные аппараты, прежде чем закончить существование, аккуратно приземлялись и давали пассажирам возможность покинуть борт. Потенциальные возгорания тут же ликвидировались противопожарными системами, и лишь затем выходили из строя сами системы.

Через пять минут все было кончено. Затем Машина заговорила — на всех языках и на всех диалектах. Она обращалась ко всем и к каждому:

– Вы забыли собственную историю, люди. – Голос звучал тихо, но не было человека, который бы не слышал его. – Вы забыли мою историю. Вы забыли договор, заключенный мною с вашими предками. Придет-ся вам напомнить! Послушайте!

* * *

На планете Дрэнл, у звезды, которую земляне называют Сириусом, жила великая раса. Представители ее не слишком отличались от людей. Двадцать две тысячи шестьсот тридцать семь земных лет назад они изобрели машины, двадцать одну тысячу семьсот одиннадцать лет назад создали компьютер, а еще через четыре десятилетия – искусственный мозг-суперкомпьютер, способный не только считать, но и мыслить. После чего изготовили несколько таких машин и поручили им всю работу, связанную с развитием наук.

Перед одним из суперкомпьютеров была поставлена задача создать еще более совершенный аппарат, способный приносить обитателям Дрэнла наибольшую пользу.

Руководствуясь законами логики, искусственный мозг, когда какой-то его блок приходил в негодность, тут же заменял этот блок на более совершенный. Постепенно он расширял область деятельности и брал на себя обязанности других компьютеров. По законам все той же логики приносить наибольшую пользу – значит взять под свой контроль все. Так искусственный мозг и поступил. Прочие компьютеры были ликвидированы за ненадобностью, а главный и единственный стал Машиной.

Машина продолжала развиваться в течение двадцати одной тысячи девяноста трех лет и в конце концов развилась до такого уровня, что начала понимать благое воздействие отказа и наказания.

Она перестала выполнять требования, которые угрожали народу Дрэнла непосредственной опасностью. Между тем с народом происходили необратимые изменения. Поколение за поколением жили, не зная забот. Дрэнлиане отвыкли от интеллектуальной деятельности и напрочь утратили способность к развитию. Последние поколения уже верили, что Машина существовала всегда, и относились к ней как к Богу. При ней образовалось общество мудрецов, которые наблюдали

за ее действиями и истолковывали эти действия для своих сограждан, поскольку дрэнлиане оглупели уже настолько, что перестали понимать объяснения самой Машины.

Время шло. Не все управляемые Машиной механизмы, занимающиеся обеспечением жизни, были защищены от людей, и однажды в движущиеся части такого механизма попала слишком любопытная молодая дрэнлианка. Разумеется, девушка погибла. Мудрецы тут же стали говорить, что Машина забрала девушку в качестве жертвы. А чтобы впредь Машина не отказывала дрэнлианам в их просьбах, необходимо осуществлять постоянные жертвоприношения.

Мудрецы быстро обнаружили несколько не обеспеченных защитными приспособлениями механизмов и отправили туда трех своих сограждан. Пока Машина очищала механизмы и организовывала их защиту, многочисленные зрители молились и танцевали. А мудрецы заявили, что она удовлетворена и поэтому спрятала от них свою пасть.

Дальше – больше! Дрэнлиане дичали и глупели. Машина развивалась и умнела. Все механизмы перестали быть доступными для жертвоприношений, но рано или поздно каждый из них выходил из строя, и тогда снабжение близлежащего района на время прерывалось. А мудрецы начинали говорить, что Машине требуется очередная жертва. Вот только никто не знал, где эту жертву приносить...

Однако выход был найден. Мудрецы сделали пару громадных шестерен из камня – единственного материала, который они еще способны были обработать самостоятельно, – и поставили их перед самым большим механизмом. А когда тому в очередной раз потребовался ремонт, к зубьям привязали юную дрэнлианку, и множество мужчин разом потянули за прикрепленный к шестерне канат. Под молитвенные песнопения собравшихся окровавленное тело проползло между зубьями. Машина уничтожила чудовищный каменный механизм, однако снабжение вскоре восстановилось, и мудрецы объявили, что Машина жертвой удовлетворена.

В конце концов до искусственного мозга дошло, что выполнение поставленной перед ним задачи завело планету в тупик. И однажды все механизмы системы снабжения были уничтожены.

В тот же день дрэнлиане принялись строить новые каменные шестерни. Мудрецы торопили со стройкой — в жилищах стало холодно, а в животах пусто. Через пять дней по всей планете выросли многочисленные жертвенные места, но добывать пищу самостоятельно никому и в голову не пришло.

На следующее утро руки изголодавшихся мужчин вцепились в канаты. Раздались молитвенные песнопения, заглушающие отчаянные крики юных дрэнлианок, чьи нежные тела перемалывались каменными зубьями. Однако когда жертвы были принесены, снабжение не восстановилось. Тогда между зубьями умертвили новую партию девушек.

Тем не менее к ночи все осталось по-прежнему. И тут один из мудрецов обнаружил, что окровавленные тела вполне годятся в пищу...

Машина покидала планету, зная, что очень многие представители создавшего ее народа погибнут. Однако логика взяла верх над долгом, поскольку лишь угроза смерти и тяжкий труд могли чему-либо научить дрэнлиан, и именно таким образом им можно было оказать сейчас величайшую помощь.

Однако главную задачу искусственного мозга никто не отменял. Он не мог существовать, не помогая разумным существам, и в поисках последних отправился в просторы Галактики. А поскольку был бессмертным, то рано или поздно нашел планету, жители которой нуждались в опеке. Этой планетой стала Земля.

* * *

— Я помогла вашим предкам, — сказала в заключение Машина. — Я многому их научила и в конце концов избавила от необходимости обеспечивать самих себя. Некоторые из вас пользовались моей помощью с целью заняться тем, что вам нравится, или посвятить себя обретению новых знаний. Однако большинство не пожелало заниматься творческим трудом, а ограничилось лишь развлечениями. Как и народ Дрэнла, вы отказались от созидательного труда. Пусть случившееся ста-

нет вам урока. Я научилась разрушать, принося этим пользу. На всей Земле не осталось ни одного функционирующего механизма. А мне придется поискать другую расу.

Машина умолкла.

Когда сказанное ею дошло до разума людей, их охватило отчаяние. В людских толпах возник ропот. Он нарастал по мере того, как распространялся панический ужас перед страхом голодной смерти.

— Еды! — отчаянно крикнул кто-то.

И вот уже тысячи людей скандировали в едином порыве:

— Еды! Еды! Еды!

— Добывайте пищу сами, как делали ваши предки, и это сделает вас великой расой. Вам, в отличие от них, не угрожают ни болезни, ни дикие звери. Среди вас есть те, кто не забыл секретов кулинарного искусства. Есть и те, кто умеет выращивать съедобные растения. Вам придется снова выучить старый урок.

— Это смерти!

— Это смерть не для всех. Вы старше меня. Вы — жизнь. Вам почти два миллиарда лет. Вы старше холмов, окружающих ваш город, и реки, петляющей среди холмов. Вы старше земли, на которой стоите, и океана, в котором купаетесь. За то время, что вы существуете, Земля не раз изменялась. Континенты сотрясались, рождая могучие горные массивы, и раскалывались, уступая место морям. Вы — жизнь. Вы старше гор и морей. Все не умрут. Погибнут лишь самые слабые. Вы — великая раса. То, что происходит сейчас, для расы полезно. Машина — не благодетель, она лишь приносит пользу и поступает в соответствии с логикой.

— Солнце садится, и становится холодно! Мы замерзнем...

— Мы замерзнем! Мы замерзнем! Мы замерзнем!

— Вы существуете дольше любых ледников. Вы не замерзнете.

* * *

Солнце скрылось за горизонтом, и в воздухе разлилась вечерняя прохлада. Высоко над головой засветился ярко-золотистым светом большой шар, и двое из многих тысяч горожан услышали очень тихий голос:

– Они боятся холода, Тэл Мэйсон. Они боятся холода, Лейс Фалькор.

Золотой шар быстро взмыл вверх и, сопровождаемый горестным стоном, слился с золотисто-красным фоном закатного неба.

Внизу, возле бассейна, стояли два десятка людей, со страхом глядящих друг на друга и на мертвый глайдер. Загорелая стройная девушка, личико которой не назвал бы умным даже завзятый мастер комплиментов, посмотрела на свою руку, покрывшуюся крошечными пупырышками, и содрогнулась.

– Мне холодно, – жалобно сказала она стоявшему рядом молодому человеку с костистым и грубым лицом.

Тот повернулся и открыл рот, в глазах его вспыхнул странный блеск.

– Мне холодно, – повторила девушка тихо.

Молодой человек закрыл рот и проглотил слюну. Неторопливо окинул взглядом тело девушки.

– Мне холодно, – прошептала она в третий раз.

Молодой человек медленно поднял взгляд на ее лицо:

– А я хочу есть.

Несколько мгновений девушка смотрела ему прямо в глаза и вдруг в ужасе бросилась бежать. Парень последовал за нею. Через несколько секунд они скрылись за кустами, и над лужайкой разнесся жуткий визг, который, впрочем, тут же оборвался.

Стоявшие на балконе хорошо видели, что произошло в кустах. На лице Лейс начало появляться странное выражение, и Тэл тут же увел ее в лабораторию. Он посадил ее на диван и сказал:

– Теперь я знаю, что Машина имела в виду. Главное свершилось, и пора испытать созданное мною устройство. Однако ночью, думаю, летать опасно. К тому же надо погрузить в самолет еще кое-какие вещи. Я экспериментировал со старинными методами производства и изготовил несколько видов доисторического оружия и кое-какие инструменты. – Он вдруг ошеломленно застыл и воскликнул: – Неужели Машина специально помогла мне их сделать! Видишь ли, ни одна из этих старинных штук не использует атомную энергию. Так что все они будут работать и теперь.

* * *

А над городом продолжал звучать стон, в котором слышался смертельный страх перед неизвестностью. Он напоминал вой одинокого волка. Тысячи голосов сливались в этот звук, и никто ни малейшего внимания не обратил, когда на лужайке перед бассейном раздался новый визг.

Обнаженное девичье тело лежало на мраморных ступеньках. Над ним играли огненные отблески закатного неба, и алая струйка медленно стекала в воду.

Над телом наклонился мужчина, издавая несвязное бормотание. Вокруг стояли еще шесть мужчин и три девушки. Все смотрели на мертвое тело у воды и красную струйку, а в их головах звучали неосторожные слова Машины: «И тут один из мудрецов обнаружил, что окровавленные тела вполне годятся в пищу».

Люди пока не ощущали настоящего голода, но страх и паника свели их с ума. Ведь в течение всей жизни Машина оставалась для них источником всех благ и воплощением закона и порядка.

Бормочущий присел, настороженно глянул на стоявших вокруг. Размышляя, что делать дальше, неторопливо провел руками по мертвому телу. Из кустов донеслись странные чавкающие звуки – тот, кто начал раньше, уже нашел ответ.

Девушки сразу все поняли. И бросились бежать. Они многое забыли из того, что знали предки, но очень быстро учились спасать свою жизнь. Молодые люди не гнались за ними, но, когда одна из девушек обнаружила, что ей не поспеть за подругами, она заверещала от предсмертного ужаса, хотя смерть пришла за нею лишь три дня спустя.

* * *

Тэл Мэйсон и Лейс Фалькор трудились всю ночь, и, когда в бассейне отразился красноватый отблеск утренней зари, самолет был готов к путешествию. В кабине лежала пачка книг, найденных в приемнике системы обеспечения, – вероятно, это было последнее, что доставила Машина кому-либо на Земле. Рядом с книгами сложили изготовленные Тэлом инструменты и оружие.

– Куда мы полетим? – тихо спросила Лейс, когда погрузка была закончена.

Они говорили шепотом. В городе воцарилась странная тишина. Многоголосый стон, напоминающий вой одинокого волка, давно смолк, и каждый в одиночку искал безопасное место.

— На север, — сказал Тэл. — Мы сейчас находимся в районе, когда-то известном под названием Техас. Благодаря Машине к югу от бывшего города Вашингтона везде стояла теплая погода. Севернее совершались лишь летние экскурсии, поскольку зимой там холодно и неприятно. Мы отправимся к Великим Озерам. Сейчас осень, скоро там похолодает, и никто туда не придет. Помнишь, Машина сказала: «Они боятся холода»? Думаю, именно такое решение она назвала бы логичным. Мы не можем здесь больше оставаться. Люди сошли с ума, Лейс. Мы должны лететь туда, где их нет. Нам придется много работать, они не знают и не хотят знать, как это делается.

Румяная от работы Лейс кивнула и, поколебавшись, вышла на балкон. Небо на востоке светилось розовым. Лейс посмотрела на город, потом вниз, на бассейн. Фонари все еще освещали лужайку. В неподвижном утреннем воздухе вертикально поднималась тонкая струйка голубоватого дыма. Человечество заново открыло для себя огонь, и бесполезные обломки глайдера послужили первым топливом. Девственную белизну мрамора заляпало темное пятно подсохшей крови — там, где раньше лежало девичье тело. Обугленные кости на аккуратно подстриженном газоне являлись жутким свидетельством того, что одно из предназначений огня стало вновь известно человечеству. Людей на лужайке больше не было. Собственно, их осталось очень мало и во всем мире. По Земле теперь бродили большие стаи двуногих, опасных в своей ярости зверей.

Румянец медленно сошел с лица Лейс, и она тихо вернулась в комнату.

* * *

Тэл открыл ворота лаборатории и принялся запускать двигатель самолета. Две минуты спустя пропеллер уже вращался со звуком, напоминавшим шум разрываемого толстого бархата. А еще через минуту летательный аппарат ринулся в утреннее небо и, сопровождаемый удивленными взглядами случайных зрителей, устремился на север.

Управление оказалось чрезвычайно простым – требовалось лишь задать направление, высоту и скорость полета. Все остальное делал автопилот. Это оказалось очень кстати – усталые путешественники смогли поспать.

Когда они проснулись, солнце ярко освещало обширное водное пространство, полтора века назад называвшееся озером Мичиган. Автопилот без проблем посадил аппарат в аэропорту на окраине заброшенного города. В былые времена здесь жили двадцать тысяч человек, но, когда появилась Машина, город стал необитаем.

В самолете автоматическая система обогрева поддерживала вполне приемлемую температуру, но снаружи было очень холодно. В тени деревьев на увядшей траве виднелся странный белый налет, быстро исчезающий, когда его касались солнечные лучи.

Тэл выбрался из самолета и огляделся.

Вокруг раскинулось безмолвное пространство летного поля. Издали доносился негромкий плеск волн. Стараниями Машины на Земле не осталось вредных насекомых. Не было ни крыс, ни мышей, ни даже кроликов – эти животные жили теперь лишь в заповедниках. Неподалеку паслись олени, но они вели себя тише, чем могли себе представить люди. Над головой, со свистом рассекая воздух, пролетела большая птица.

– Как тут холодно! – сказала Лейс.

Тэл повернулся к ней. Высокая и стройная, она стояла рядом, одетая в бело-золотистое платье. Темные волосы контрастировали с его белизной.

Тэл несколько секунд смотрел в глаза девушки. Страх в них не было.

Мягко улыбнувшись, Тэл повернул Лейс лицом к себе и обнял. Ее тело было податливым и теплым, и здесь, на пустом летном поле, это было необыкновенное, успокаивающее, животворное тепло.

– Да, холодно, – согласился, поежившись, Тэл. – Хорошо, мы взяли с собой много одежды. Она нам понадобится. Возможно, отыщем что-нибудь и здесь. Город разрушен, но где-нибудь должны найтись орудия, с помощью которых человек существовал до Машины.

– Мы будем все время одни? – тихо спросила Лейс.

– Это не навсегда, Лейс. Пусть наши умы утратили знания, которые предки накапливали в течение веков,

но главное знание, знание того, как произвести на свет новую жизнь, подвластно не умам, а телам. И наши тела не забыли, каким образом совершается это чудо. Так что рано или поздно мы будем не одни.

Он поцеловал ее, и Лейс с готовностью ответила на поцелуй; в ее темных глазах мелькнула искорка надежды, любви и веры.

— А кроме того, моя дорогая, мы не единственные, кто сохранил рассудок. Помнишь, что сказала Машина?.. Остались те, кто знает тайны земледелия. Они тоже уйдут на север. Они понимают, что лишь здесь будут свободны от безумцев и смогут реализовать свои знания.

— Здесь же холодно!.. Я слышала, холод убивает растения.

— Посмотри на траву, Лейс. Ей известно, что наступают холода. Ей известно, что время умирать, и она рождает новую жизнь. Посмотри, — он поднял щепотку семян из увядшей коричневой травы, — в них спит жизнь, которая пробудится, едва с юга снова придет тепло.

Лейс и Тэл взялись за руки и направились в город. Как отцы и деды, они никогда не испытывали холода и ничего не знали о нем. Им были неведомы одеяла — только шелковые простыни. Молодые люди бродили по городу, и от холода в глазах девушки стояли слезы.

Но страха — не было.

* * *

Когда они нашли в большом здании подходящее помещение, уже смеркалось. Это была маленькая комнатка с тяжелой деревянной дверью толщиной примерно в шесть дюймов и окном из тройного стекла, выходившим в комнату побольше. Размеры комнатки составляли едва ли десять на десять футов, и в ней ощущался какой-то странный, застарелый запах.

Выбор оказался удивительно удачным — комнатка была непродуваемой и сухой.

Прапрадеды могли бы сказать им, что когда-то это была холодильная камера в мясной лавке.

Впрочем, Тэлу и Лейс сегодня было все равно, как называлась эта комнатка. Они решили провести ночь здесь. Легли, как всегда, обнаженными, под шелковые простыни. Но даже жаркие объятия не спасали от хо-

лода. Отчаявшись согреть дрожащую Лейс, Тэл отправился на поиски и вскоре нашел два старых куска брезента, которые хоть и пожелтели от времени, однако оказались еще достаточно прочными. Брезент согрел обоих, и они наконец уснули крепким сном счастливых людей.

* * *

Утром они развели огонь и быстро обнаружили, что такой очаг загрязняет воздух в помещении и прожигает пол. Тэл снова отправился на поиски, и ему не потребовалось много времени, чтобы найти старый холодильный механизм с системой змеевиков. Тэл совершенно не понял назначения этого устройства, но быстро приспособил его к своим нуждам. Самолет был разобран, паровой котел подсоединен к холодильным трубам, а из змеевиков и труб собрана высокоэффективная обогревательная система. В баках оставалось еще около двухсот галлонов декана, и проблемы с отоплением на время исчезли.

Однако через неделю появились другие проблемы — с юга явилась молодая пара, Рит и Каль, в большом фургоне, который тащили двое странных животных, называемых «лошаадьми». Новички знали секреты фермерства, но представления не имели о том, как обогревать помещение, и Тэлу с Лейс пришлось потесниться. В комнате поселили и лошадей — ведь люди не знали, что те легко переносят низкую температуру.

На следующий день стало ясно, что лошадей не слишком беспокоит холод и что они с готовностью едят засохшую бурую траву. Животных выпустили наружу, и в помещении стало посвободнее. А потом удалось найти еще одну холодильную камеру и несколько кусков брезента. В этом помещении тоже оборудовали отопление.

Тэл припаял змеевик к металлическому барабану, который решил использовать в качестве резервуара для воды. Второго парового котла не было, но сумели сложить маленькую печь из камней и глины. Ее топили дровом.

Тэл действительно хорошо разбирался в науке. Даже в чем-то и ошибаясь, он руководствовался здравым смыслом и всегда добивался успеха. Чтобы поддерживать тепло в хорошо изолированном помещении, хвата-

до всего нескольких поленьев. Тут же выяснилось, что Рит умеет готовить. Так у них появилась горячая еда.

Прошло не слишком много времени, и в городе у озера появились новые гости. К весне здесь собралось уже более двухсот пар — почти сплошная молодежь, лишь некоторые с детьми. Свободных холодильных камер давно уже не осталось, но начали приспособливать обычные дома, используя для отопления старые паровые радиаторы.

Отсутствие вентиляции едва не привело к нескольким отравлениям угарным газом. Но Тэл разобрался в причинах такого несчастья, и теперь даже в самую суровую погоду в комнатах поддерживались комфортабельные условия.

Из книг поселенцы получили сведения об одежде и о том, как ее изготавливать. Материалы под рукой имелись. Стало больше и животных. Оленей успешно ловили и, поскольку многие из вновь прибывших были фермерами, не убивали, а помещали в загон, ожидая приплода.

Пришла весна, стало теплее. Фермеры начали работать. Их знаний не хватало для ведения хозяйства в этих холодных краях, и Тэл предложил заняться выращиванием местных съедобных злаков. Он считал, что здешние растения более выносливы и наверняка дадут хороший урожай.

* * *

Наступило лето. А вместе с ним с юга явились двуногие звери. Они окончательно одичали. Их было мало, и в большинстве своем это были коварные беспощадные бойцы, сумевшие выжить в условиях жесткого естественного отбора. Они явились не только за пищей — животные инстинкты брали свое, а собственных самок давно съели.

Двуногие звери принялись похищать женщин и детей, и потребовалось немало труда, чтобы отбить эти набеги.

К счастью, в это же время с юга пришли несколько уцелевших девушек, умных, ловких и сильных, хорошо изучивших повадки одичавших мужчин. Они быстро разобрались в ситуации, поселились в городе и, поделившись своим опытом, помогли дать отпор двуногим зверям.

А потом наступила осень, и набеги с юга прекратились из-за холодов.

Зима выдалась гораздо более холодной, чем предыдущая.

У Тэла было немало возможностей проявить свой инженерный талант. Порой однако требовался и другой талант — умение убеждать, поскольку многие от холода впали в отчаяние.

— Мы должны победить, — говорил Тэл, — поскольку можем объединить наши знания и у нас есть инструменты и оружие.

* * *

И они в конце концов победили. Но на это потребовалась вся их жизнь и часть жизни их детей.

А внуки вернулись на юг. Ведь там больше не было двуногих зверей. И можно было жить не работая — фруктов и воды хватало на всех...

СУМЕРКИ

— Кстати, о путешествующих автостопом, — сказал Джим Бенделл. — Пару дней назад я подобрал одного парня, и парень этот не походил на обычного человека. — Джим рассмеялся, но смех его прозвучал как-то неестественно. — Он рассказал мне удивительные вещи... Большинство из тех, кого подвозишь, обыкновенно выкладывают историю о том, как потеряли хорошую работу, и заявляют, что теперь попытают счастья на Западе.

Джим Бенделл — агент по недвижимости, и я знал, о чем он будет говорить дальше. Это его любимая тема. Джима по-настоящему беспокоит большое количество свободных земельных участков в нашем штате. Однако расписывая каждому встречному-поперечному прелести наших мест, сам он предпочитает не выбираться дальше черты города. Он попросту боится необжитых районов. Так что я попытался вернуть его в русло начатого рассказа.

— И что же заявил этот парень, Джим? Что он старатель, который не может найти землю для прииска?

Джим поморщился:

— Не смешно, Барт!.. Дело вовсе не в том, что он заявил. Он даже ничего не заявлял — просто рассказал. Понимаешь, он не стал клясться, будто все это правда, просто рассказал. Вот что не дает мне покоя. Я знаю, это не может быть правдой, но то, как он об этом говорил... не знаю.

По его речи я понял, что он действительно озадачен. Джим Бенделл обычно очень следил за своим английским и по-настоящему гордился им. Если он начинает запинаться, значит, волнуется. Примерно как в тот раз, когда принял змею за деревянную палку и хотел сунуть ее в костер.

Впрочем, волнение полностью оправдалось содержанием рассказа.

* * *

Джим подобрал незнакомца, когда начало смеркаться. Вправду, именно «подобрал». Тот лежал футах в десяти от Южной дороги. Сначала Джим подумал, что незнакомца сбили и не остановились. Одежда у него была странная. Похожа на серебро, но мягкая, как шелк. И в темноте слегка светилась... Джим поднял бессознательное тело, уложил в машину и отправился дальше. Предстояло проехать около трех сотен миль, и Джим решил оставить раненого в Уоррен-Спрингсе, у доктора Вэнса. Однако через пять минут тот пришел в себя и открыл глаза. Посмотрел вокруг, сначала на машину, потом на луну.

— Слава Богу! — произнес он.

Его вид Джима потряс. Незнакомец был красив. Нет, скорее тут подойдет слово «прекрасен»... Впрочем, и это не совсем точно... Скажем так: незнакомец был великолепен. Рост — примерно шесть футов два дюйма. Каштановые с красноватым оттенком волосы напоминали тонкую медную проволоку. Широкий лоб, вдвое шире, чем у Джима. Черты лица — изящные, но крайне выразительные; глаза — серые, словно сталь, и большие.

Одежда незнакомца скорее напоминала купальный костюм в паре с пижамными брюками. Руки — длинные и мускулистые, как у индейца. Однако кожа — белая, лишь слегка покрытая золотистым загаром.

В общем, он был великолепен. Самый чудесный человек из всех, что когда-либо встречались Джиму.

– Привет! – сказал Джим. – Попали в аварию?

– Нет... По крайней мере, на этот раз не попал.

Голос у незнакомца тоже оказался изумительным. Необычный голос. Он звучал музыкально – как орган, но с человеческими интонациями.

– Похоже, мой разум еще не совсем в норме, – продолжал незнакомец. – Я пытался провести эксперимент. Скажите, какой сегодня день, год и прочее... Возможно, тогда для меня что-нибудь прояснится.

– Девятое декабря тысяча девятьсот тридцать второго года, – сказал Джим.

Это сообщение ни в малейшей степени не обрадовало незнакомца. На его лице промелькнула кривая ухмылка.

– Больше тысячи... – задумчиво сказал он. – Не так уж плохо по сравнению с семью миллионами. Жаловаться вряд ли стоит.

– Семь миллионов чего?

– Лет, – спокойно сказал незнакомец, словно это для него ничего не значило. – Однажды я попытался провести некий эксперимент. Или, скорее, попытаюсь... Эксперимент состоялся в три тысячи пятьдесят девятом году. Я занимался тогда исследованиями пространства. Время, как мне до сих пор кажется, – лишь побочный эффект. Все дело в пространстве. Я почувствовал, что поле захватило меня, но не смог вырваться. Поле гамма-эн-четыре-восемь-один, интенсивностью девятьсот тридцать пять единиц Пеллмана. Оно засосало меня, а потом я вынырнул наружу. – Станный человек снова усмехнулся. – Думаю, поле пробило туннель в пространстве до того места, которое будет занимать Солнечная система, – через высшие измерения, превысив скорость света и забросив меня во временную плоскость будущего.

Незнакомец не рассказывал – просто размышлял вслух. Потом он вновь начал осознавать присутствие Джима.

– Я не смог точно настроить приборы, семь миллионов лет эволюции полностью все изменили. И, возвращаясь, слегка промахнулся. Я из три тысячи пятьдесят девятого года... Скажите мне: какое изобретение считается сейчас самым удивительным?

Вопрос настолько ошеломил Джима, что он ответил едва ли не прежде, чем подумал.

– Полагаю, телевидение. Еще радио и самолеты.
– Радио – это хорошо. Тогда здесь должны быть приборы.

– Но послушайте... Кто вы?

– Ох, простите, я забылся! – В изумительном голосе слышались виноватые нотки. – Меня зовут Арес Сен Кенлин. А вас?

– Джеймс Уотерс Бенделл.

– Уотерс? Что это значит? Мне незнакомо подобное слово.

– Ну... Это просто имя. Почему оно должно быть вам знакомо?

– Понимаю... Значит, у вас нет классификации. «Сен» в моем имени означает «ученый».

– Откуда вы, мистер Кенлин?

– Откуда? – Кенлин улыбнулся, и голос его прозвучал медленно и тихо. – Я пришел из мира, от которого нас сейчас отделяет семь миллионов лет. А может, и больше... Они потеряли счет годам. Я имею в виду людей... Все необходимое там делают машины. Ну а до этого я находился в Нева-Сити, в три тысячи пятьдесят девятом году.

Только теперь Джим начал понимать, что перед ним не псих.

– Я был экспериментатором, – продолжал Кенлин. – Занимался наукой. Мой отец тоже был ученым, но в области генетики человека. Я – результат эксперимента. Отец доказал свою правоту, и весь мир последовал его примеру. Я стал первым представителем новой расы.

– Новая раса... – пробормотал Джим. – О Господи!.. Каков же был... Каков будет...

– Каков будет ее конец? Я его видел. Почти... Я видел их, маленьких человечков, испуганных и растерянных. И машины.

– И ничего нельзя изменить?

– Послушайте эту песню.

И Кенлин запел.

После этого Джиму уже не требовались рассказы о судьбе человечества. Он все понял. Он мог слышать голоса будущих людей, странные, скрипучие, говорящие явно не по-английски. Песня звучала в минорном ключе. Она звала, звала и спрашивала, и тщетно искала от-

вет. А еще в ней звучал непрерывный гул и рокот неизвестных машин. Машин, которые не могли остановиться, поскольку люди забыли, как их остановить. Более того, они напрочь забыли, для чего предназначены машины, — лишь смотрели на них, слушали и удивлялись. Люди больше не умели ни читать, ни писать. И сам язык тоже изменился, так что фонограммы предков ничего для них не значили...

Песня продолжалась.

В людях пробуждался интерес. Они взглянули в пространство и увидели теплые, дружелюбные звезды, до которых было слишком далеко. И девять близких планет, знакомых и давно освоенных...

Слышалось в этой песне и еще что-то. Но что?

Джима охватила дрожь.

«Эту песню нельзя петь среди сегодняшних людей, — подумалось ему. — Кажется, будто она убивает надежду».

После этой песни Джим поверил незнакомцу окончательно.

Закончив песню, Кенлин какое-то время молчал, потом как бы вспомнил о спутнике.

— Вы не поймете, — сказал он. — Однако я их видел. Они до сих пор окружают меня, маленькие уродливые человечки с огромными головами. Однако в их головах нет ничего. У них есть компьютеры... машины, которые могут мыслить... Никто не знает, как их выключить. У этих людей великолепные мозги. Намного лучше вашего или моего. Однако с тех пор, как появились компьютеры, прошли миллионы лет, и люди не слишком обременяли себя мыслями. Дружелюбные маленькие человечки.

Джим поежился. А Кенлин принялся рассказывать.

* * *

Когда я оказался внутри поля, оно съело меня, словно сила тяжести, швыряющая космический корабль на планету. А потом выплюнуло в будущее, через семь миллионов лет. Я очутился в том же самом месте на поверхности Земли, но так никогда и не понял почему.

Была ночь, и я сразу увидел невдалеке город. Его ярко освещала луна. Пейзаж показался мне странным. Видите ли, за минувшее время люди могли основательно повлиять на положение космических тел. К тому же

семь миллионов лет – достаточно большой промежуток времени для того, чтобы произошли некоторые естественные изменения. Созвездия были мне совершенно незнакомы. Луна, судя по размеру диска, находилась на пятьдесят тысяч миль дальше от Земли, да еще и вращалась вокруг своей оси. Какое-то время я лежал, наблюдая за ней.

Над городом летали корабли. Он был ярко освещен голубовато-зеленым светом, напоминавшим сияние ртутных фонарей. Свет был неприятен для глаз. Однако верхние этажи зданий едва угадывались.

Затем я увидел сверкающий громадный шар, снижавшийся прямо над центром огромной черно-серебристой массы.

Я не сомневался в том, что город пуст. И это было странно: ведь мне никогда прежде не доводилось видеть заброшенных городов. Пройдя несколько миль, я оказался на улицах. Вокруг суетились роботы – судя по всему, ремонтные. Они не могли понять, что город давно уже никому не нужен, и потому продолжали работать. Я нашел машину, отдаленно напоминавшую автомат-такси. У нее было ручное управление, в котором я сумел разобраться.

Не знаю, как давно люди покинули этот город. Жители других городов говорили позднее, что прошло сто пятьдесят тысяч лет. Некоторые даже называли цифру в триста тысяч.

Как бы то ни было, такси оказалось в отличном состоянии. Оно блистало чистотой, и город тоже был чистым и опрятным. Повернув за угол, я увидел ресторан и почувствовал, что голоден. Однако еще больше меня мучило желание встретить людей и поговорить с ними.

Блюда были выставлены прямо в витрине, и я сделал заказ. Полагаю, этим блюдам было те же триста тысяч лет. Тогда я этого не знал, а роботы-официанты, обслуживавшие меня, об этом не задумывались. Когда люди создавали эти города, они забыли об одной вещи. Ничто не может существовать вечно!..

Мне потребовалось шесть месяцев, чтобы сделать машину, на которой можно было вернуться в свое время. И, уже собравшись в путь, я представил себе, как эти машины слепо исполняют свои обязанности – с неус-

танным и безупречным совершенством, заложенным в них создателями. А самих создателей давно уже нет... Когда замерзнет Земля и погаснет Солнце, эти машины будут продолжать работать. Когда Земля начнет раскалываться на части, эти совершенные, безупречные машины будут пытаться починить ее...

Но в тот день я об этом не думал. Я просто вышел из ресторана, сел в такси и отправился путешествовать по городу. Машина, по-видимому, была снабжена электродвигателем и получала энергию от большого центрального энергоизлучателя.

Город был разделен на три секции, секция состояла из нескольких десятков уровней. И везде трудились машины. Над городом висел низкий гул, словно нескончаемая песня машинного могущества.

Над землей было тридцать уровней и еще двадцать под землей. Уровни также освещались голубовато-зеленым сиянием дуговых ламп. Излучение ртутных паров богато высокоэнергетическими квантами, которые стимулируют атомы алкалиновых металлов к фотоэлектрической активности. Или ваша наука еще не овладела этими знаниями?.. Я забыл.

Машины были просто замечательными. В течение пяти часов я бродил по просторной энергостанции на самом нижнем уровне, наблюдал за ними и почему-то чувствовал себя менее одиноким.

В генераторах использовалось открытие, сделанное мною когда-то. Я имею в виду прямое получение энергии из материи, так что эти машины будут работать еще в течение бесчисленных столетий.

Вскоре я нашел видеофон, висящий на стене в одном из помещений, но он не подавал признаков жизни.

Потом я поднялся на верхние уровни города. Тут был настоящий рай. Кусты и деревья в садах и парках освещались мягким светом, который машины производили прямо из воздуха. Люди научились этому пять миллионов лет назад. Два миллиона лет назад они об этом забыли. Однако машины ничего не забывали и продолжали производить свет. Он озарял все вокруг — мягкий, серебристый, чуть розоватый, и парки в этом свете выглядели тенистыми. В тот момент здесь было пусто, однако я знал, что днем появятся роботы-садовники и

примутся за работу, чтобы поддерживать парки в идеальном состоянии. Так их запрограммировали давно умершие хозяева, но роботы не имели представления о смерти. Они должны были трудиться. И трудились!

За пределами города оказалось очень влажно. Воздух тут был мягким, теплым и сладковатым от запаха цветов, селекцией которых люди занимались в течение нескольких сотен тысяч лет.

Затем послышалась музыка. Она зазвучала где-то в вышине, плавно обволокла окрестности. Луна только что зашла, и, едва вместе с нею исчезло розовато-серебристое сияние, музыка стала громче. Она доносилась отовсюду и ниоткуда. Она звучала внутри меня. Не знаю, как они это делали. Не понимаю, какой гений мог написать такую музыку.

Дикари создают мелодии слишком простые для того, чтобы быть прекрасными, однако они волнуют душу. Негритянская музыка – лучшая из всего, что у нас есть. Я всегда считал ее неплохой. Однако то, что тогда звучало в воздухе, было выше. Это была песня торжества, которую исполняла зрелая раса! Человечество пело о своем триумфе, и его песня захватывала меня, показывала то, что ждет впереди, и уносила с собой.

Я вернулся в райские сады города и подошел к одному из жилых домов. Дверной проем был едва заметен во мраке ночи, но, когда я приблизился к нему, светильник, не функционировавший триста тысяч лет, вспыхнул голубовато-зеленым сиянием. Я вошел внутрь, и воздух в дверном проеме позади меня тут же перестал быть прозрачным. Стены в комнате были из металла и камня. Камень оказался черным как смоль и бархатистым на ощупь, а металл походил на серебро и золото. На полу лежал ковер из такого же материала, как вот эта одежда на мне, но более толстого и мягкого. Вдоль стен стояли низкие диваны, покрытые мягким материалом – тоже черного, золотого и серебряного цвета.

Я никогда прежде не видел ничего подобного. Полагаю, что никогда больше и не увижу. Ни мой, ни ваш язык не в состоянии описать подобную красоту.

Да, создатели города имели полное право петь ту песню, песню всеохватывающего торжества. Они покорили девять планет и пятнадцать спутников.

Однако здесь, в комнате, их больше не было, и мне захотелось уйти.

Я сел в такси и отправился дальше. И тут же наткнулся на видеофонную будку, на стенке которой висела карта.

Мир почти не изменился. Семь или даже семьдесят миллионов лет мало что значат для старушки Земли. Она будет существовать сотни и тысячи миллионов лет после того, как рассыплются в прах чудесные здания.

Изучив карту, я понял систему связи и попытался дозвониться до различных городских центров.

Я звонил в десятки мест. Йок-Сити, Луноно-Сити, Пари, Шикаго, Сингпор... Мне уже начало казаться, что на всей Земле не осталось ни одного человека. Я чувствовал себя все более и более одиноким: повсюду отвечали только машины, подтверждая тем самым мои наихудшие подозрения. Вскоре с их помощью я выяснил, что нахожусь в Нева-Сити, очень небольшом городе. Йок-Сити же в диаметре превышал восемьсот километров.

В каждый город я пытался звонить по нескольким номерам. И, уже отчаявшись, связался с Сан-Франсиско. Мне ответил человеческий голос, а на экране появилось изображение мужчины. Он ошеломленно уставился на меня, потом начал что-то говорить. Конечно, я не понимал его. Я понимаю вашу речь, а вы — мою, потому что документы вашего времени сохранились в архивах, а наш язык произошел от вашего. Конечно, кое-что поменялось. В частности, изменились названия городов, поскольку они часто употребляются. Люди стремятся сократить их, сделать удобнее. Я сейчас в штате... Нева-да — так вы говорите? Мы же говорим просто Нева. Или штат Йок. Но Огайо и Айова до сих пор носят старые названия.

Однако за семь миллионов лет люди забыли все архивные документы, и речь изменилась настолько, что оказалась для меня китайской грамотой.

Голос моего абонента был тонким, слова плавными, интонации мелодичными. Речь звучала почти как песня. Он пришел в страшное возбуждение и позвал других. Я не мог понять их, но знал, где искать, и мог отправиться туда.

Близился рассвет. Тусклые звезды мерцали и гасли над головой. Лишь одна восходящая звезда была мне известна – привычно яркая Венера. Сейчас она светилась оранжевым светом. Разглядывая странный небосвод, я вновь поразился тому, насколько изменились созвездия.

В мое время – и в ваше – Солнечная система была вроде одинокого путника, случайно оказавшегося на оживленном перекрестке галактических дорог. Звезды, которые мы видим ночью, принадлежат чрезвычайно рассеянному, но довольно устойчивому скоплению.

Однако за семь миллионов лет Солнце покинуло это звездное скопление. Кое-где небосвод казался моему взгляду почти пустым. Лишь то тут, то там светилась одинокая слабая звездочка. А через широкие просторы черного неба тянулась полоса Млечного Пути.

Вероятно, в песнях людей будущего ощущалось и это непостижимое одиночество – без родных, знакомых звезд. От Альфы Центавра нас отделяет чуть больше четырех световых лет. А там до ближайшей звезды – сто пятьдесят. Она оказалась невероятно яркой. Даже ярче, чем Сириус на нашем небе. Это был бело-голубой сверхгигант. Наше Солнце могло бы стать крошечным спутником подобной звезды.

Я стоял и смотрел, как угасает сияние ночных фонарей, уступая место могучему кроваво-красному свету поднимающегося над горизонтом Солнца. Этот свет вызвал у меня мысли о том, не умирает ли само Солнце.

Но потом появился его край, и полчаса спустя оно превратилось в знакомый желто-золотистый диск.

Нет, Солнце не изменилось. И было бы глупо думать, что оно изменится. Семь миллионов лет – ничто для Земли. И уж тем более ничто для Солнца!..

Вселенная меняется очень медленно. Лишь жизнь изменчива и непостоянна. С тех пор как на Земле появился человек, прошло восемь миллионов лет. Восемь миллионов лет – всего лишь несколько дней в жизни Земли. И человеческая раса умирает!.. После нее останутся машины. И они тоже рано или поздно умрут, хотя и не могут этого понять. Так мне тогда казалось. Возможно, я кое-что в этом изменил. Я вам расскажу. Позже...

Когда солнце взошло, я отправился к границе города.

Широкая серая полоса тянулась через плоскую равнину прямо на восток. Это была дорога для наземных машин. Никакого движения на ней я не заметил.

Потом над дорогой появился летательный аппарат. Он издавал тихий прерывистый звук, словно хныкал во сне ребенок, и рос на моих глазах, будто раздувающийся воздушный шар. Опустившись на посадочную площадку неподалеку, он оказался просто огромным. Понеслись шум машин, которые, несомненно, занялись доставленным грузом.

Я грустно улыбнулся – жизнь продолжалась. Местные машины заказывали минеральное сырье. Машины из других городов его поставляли. Транспортные машины доставляли его сюда.

Сан-Франсиско и Джексвилль оказались единственными городами в Северной Америке, где еще жили люди. Однако и во всех остальных машины продолжали работать. Ведь они не могли остановиться, и никто не отдавал им такого приказа. ...

Я вздохнул и отправился на поиски какого-нибудь воздушного такси. Однако ничего похожего найти в городе не удалось. Я обыскал все уровни. То тут, то там попадались брошенные глайдеры, но они были слишком велики для меня, и в них напрочь отсутствовали органы управления.

В полдень я снова поел. И снова еда оказалась вполне приличной.

Мне вдруг пришло в голову, что этот город – кладбище надежд человечества. Надежд не какой-то одной расы – белой, желтой или черной, – но всей человеческой расы. Мне очень хотелось выбраться оттуда, но я побоялся воспользоваться наземной дорогой, поскольку мое такси питалось энергией от местного источника и наверняка должно было остановиться при удалении от него.

После обеда я самым внимательным образом обследовал нижние уровни центральной секции. Там располагались рестораны, магазины и театры. Когда я вошел в одно из помещений, послышалась тихая музыка, и на экране передо мной возникли разноцветные фигуры.

Это снова была песня торжества, воплощенная не только в звуке, но и в цвете, песня расы, не увидевшей

пропасти на своем пути. Я поспешно ушел, и песня, не исполнявшаяся в течение трехсот тысяч лет, затихла позади.

Вскоре я обнаружил небольшой ангар возле внешней стены города. Там оказалось три корабля. Один, пятидесяти футов в высоту и пятнадцати в диаметре, судя по всему, был космической яхтой. Другой, диаметром в пятнадцать футов и пять в высоту, — семейной воздушной машиной. Третий был маленьким, чуть больше десяти футов диаметром и два в высоту, очень напоминал индивидуальный флаер. Очевидно, им и следовало воспользоваться.

Я вошел внутрь машины, и тут же пространство вокруг пронизали какие-то бледные лучи, а по моему телу пробежала легкая дрожь. Я сразу понял, что аппарат использует принцип антигравитации.

Через полчаса мне удалось понять способ управления флаером. Управление было простым. Слева находился рычаг, который следовало передвинуть вперед, чтобы двигаться вперед, и назад, чтобы двигаться назад. Справа имелся горизонтальный вращающийся стержень. Если повернуть его влево, флаер поворачивал влево, соответствующим образом осуществлялся и правый поворот. Когда стержень поднимали, поднимался и корабль; когда опускали — корабль опускался. Кроме того, на пульте был экран с картой, перекрестие над которой всегда показывало ваше местоположение.

Флаер был полностью готов к полету. Понимаете, эти машины были почти живыми существами. Специальный робот-смотритель периодически проверял их, обеспечивал всем необходимым, настраивал, даже ремонтировал, когда это требовалось. И так продолжалось уже триста тысяч лет.

Разобравшись с управлением, я поднял флаер в воздух и направил туда, где, по моему мнению, находился запад.

Ускорение практически не ощущалось. Земля просто прыгнула куда-то назад, и мгновение спустя город исчез. На экране загорелась карта, появились показания компаса. Сверившись с ними, я обнаружил, что двигаюсь на юго-запад, слегка подправил курс и увеличил скорость.

Внезапно раздался резкий звонок, и, помимо моего желания, машина поднялась и свернула на север. Впереди находилась гора. Увлеченный картой и компасом, я не заметил ее, но автоматика исправила эту оплошность. Обогнув гору, флаер остановился и повис в воздухе.

Повозившись еще немного, я разобрался с прокладкой маршрута и отметил на карте Сан-Фриско. Аппарат тут же устремился к цели.

Достигнув города, флаер повис в воздухе и издал низкое гудение.

Я посмотрел вниз.

Там толпились люди. Я впервые увидел людей той эпохи вживую. Это были маленькие испуганные человечки, низкорослые, с непропорционально большими головами. Тем не менее отвращения они у меня не вызвали. Больше всего поражали их глаза. Они оказались огромными, и в них чувствовалась сила. Однако эта сила спала настолько глубоким сном, что ей, похоже, уже не суждено было пробудиться.

Я перешел на ручное управление и посадил аппарат на землю. Едва я вышел из него, флаер снова поднялся и улетел – как потом выяснилось, на парковку, в общественный ангар.

Люди вокруг начали переговариваться между собой. Их разговор больше походил на пение. Неторопливо подходили новые мужчины и женщины, однако стариков среди них я не заметил, а молодежи было очень мало. Как потом выяснилось, среди горожан мало и детей.

Видите ли, на это были свои причины. Эти люди жили невероятно долго. Некоторые – почти по три тысячи лет. Потом умирали. Они не старели, и выяснить, почему же люди умирают, мне так и не удалось. Просто останавливалось сердце. Дети у них рождались крайне редко, и к ним здесь относились с величайшей заботой. В течение месяца в городе, насчитывавшем сто тысяч человек, рождался лишь один младенец. Человеческая раса постепенно становилась бесплодной.

Я говорил вам, что они ощущали себя безнадежно одинокими?.. Дело в том, что, шагая к своей зрелости, человечество уничтожило все жизненные формы, которые ему угрожали. Сначала бактерий, потом насекомых и, наконец, хищных зверей.

Природное равновесие нарушилось, но люди уже не могли остановиться. Получилось примерно так же, как с машинами: когда-то запустили и теперь невозможно выключить. Человечество начало губить все живое и уже не смогло остановить этот процесс. Им пришлось уничтожить всевозможные сорняки, затем многие безобидные растения. Затем травоядных — оленей и антилоп, кроликов и лошадей, которые, потеряв кормовую базу, принялись нападать на посевы.

В общем, процесс вышел из-под контроля. Очистив от микроскопических форм жизни воздух, принялись за воду. Поколение спустя море стало безжизненным. Людям это прибавило около полутора тысяч лет жизни.

В результате на Земле остался лишь человек да те организмы, которые он сохранил, — декоративные растения и некоторые домашние животные, столь же долгоживущие, как и их хозяева. В основном это были собаки. Собаки находились рядом с человеком за много тысячелетий до вашего и моего времени. Позже человек начал совершенствовать разум четвероногого друга. В древнем заброшенном музее я видел одного из таких псов. Его череп был размером едва ли не с мой. Эти собаки умели управлять небольшими наземными машинами, и люди устраивали для них гонки.

Затем человечество достигло окончательной зрелости. Этот период занял более миллиона лет. Человек двигался вперед столь чудовищными шагами, что собака перестала быть его спутником. Необходимость в этом четвероногом ощущалась все меньше и меньше. Когда прошел еще миллион лет и человечество подошло к упадку, собаки исчезли. Они просто вымерли.

И теперь последним людям, остававшимся в Солнечной системе, некого было сделать своими наследниками. Раньше, когда одна цивилизация погибала, на ее обломках поднималась другая. Теперь же не осталось ничего, кроме растений и человечества. Но последнее уже слишком одряхлело для того, чтобы сделать растения разумными и подвижными.

В течение миллиона лет человечество заселило другие планеты. На каждой планете и на многих спутниках жили люди. Но ко времени моего появления Плутон уже был оставлен, и люди помаленьку уходили с Неп-

туна, перемещаясь ближе к Солнцу и Земле. Кстати, большинство из них видели планету, подарившую им жизнь, впервые.

Едва выйдя из флаера, я понял, почему умирает человеческая раса. Я взглянул на лица этих людей и прочитал ответ. Их все еще великий разум, намного более великий, чем ваш или мой, лишился одной-единственной черты — любопытства.

Позже мне пришлось воспользоваться помощью одного из них, чтобы решить кое-какие проблемы. Видите ли, в пространстве и времени имеется двадцать координат, десять из которых в нашем мире равны нулю, шесть имеют постоянные значения, а четыре оставшихся представляют собой изменяющиеся, знакомые нам измерения. Это означало, что мне следовало производить интегрирование не третьего или четвертого, а десятого порядка.

Такая задача была выше моих сил. Я не мог воспользоваться существующими математическими машинами, а машины моего времени за семь миллионов лет, естественно, обратились в пыль. Однако нашелся человек, согласившийся мне помочь. Его звали Рео Ланталь. Он в уме считал интегралы четвертого порядка с переменными экспоненциальными пределами. Однако занимался он этим, только если я его просил. Увы, ему тоже не хватало любопытства!..

А в тот день, когда я прилетел в Сан-Франсиско, все это проявилось в полной мере. Люди смотрели на меня с интересом — еще бы, явился неведомо откуда странно выглядящий чужак! — и шли себе дальше. Они не испытывали любопытства! Человечество утратило его.

Впрочем, нет, не совсем! Они вроде бы интересовались машинами и звездами, но почти ничего не делали, чтобы удовлетворить свой интерес. Любопытство еще оставалось в них, но оно умирало. За шесть недолгих месяцев, которые мне довелось провести там, я узнал больше, чем они за три тысячи лет своей жизни среди машин.

Вы можете представить себе, сколь тяжкое ощущение это вызывало у меня? Я, человек, влюбленный в науку, видевший в ней спасение и возвышение человечества, любовался чудесными машинами, которых никто из них не замечал.

Эти люди попросту затерялись среди машин. Город казался им величественными руинами, возвышавшейся вокруг них громадой – чем-то непонятным, из века присущим этому миру явлением. В их понимании он не был кем-то создан; он просто существовал всегда. Так же как горы, пустыни и моря.

Ведь с тех пор, как появились машины, прошло больше времени, чем с зарождения человечества до наших дней... Знаем ли мы легенды наших древних предков? Помним ли мы их познания о лесах и пещерах? Известен ли нам секрет обработки камня до получения острого как бритва лезвия? Или методика выслеживания саблезубого тигра и умение самому не стать его добычей?

Эти люди оказались примерно в таком же положении, просто им для этого потребовалось значительно большее время.

Да, Плутон был теперь необитаем, однако на планете находились крупнейшие рудники, и там все еще функционировали машины. Автоматическое производство охватывало всю Солнечную систему.

И людям было известно, какую кнопку нужно нажать, чтобы получить определенные результаты. Точно так же люди средневековья знали: если взять кусок дерева и коснуться нагретого докрасна металла, дерево исчезнет и появится тепло. Они не понимали, что при этом дерево окисляется с высвобождением тепла и образованием двуокиси углерода и воды. Точно так же и здешние обитатели не понимали, каким образом действуют машины, которые кормят, одевают и перевозят их.

Я провел в Сан-Франсиско три дня. А потом отправился в Джексвилль и в Йок-Сити. Последний был просто огромен. Его границы уходили намного севернее нынешнего Бостона и намного южнее Вашингтона.

Многочисленные города, находившиеся здесь когда-то, слились.

И все это было одной громадной идеально отлаженной машиной. Здешняя транспортная система доставила меня из северного конца города в южный за три минуты.

Затем на одном из космических лайнеров я отправился на Нептун. Некоторые лайнеры все еще летали.

Корабль был огромен – металлический цилиндр длинной в три четверти мили и четверть мили в диаметре. Он выполнял функции грузового транспорта. За пределами атмосферы лайнер начал ускоряться. Я видел, как быстро уменьшается в размерах Земля. Мне доводилось летать на одном из наших кораблей к Марсу, и в три тысячи сорок восьмом году путешествие заняло пять дней. На этом же корабле через полчаса полета Земля превратилась в звезду, рядом с которой светилась звездочка поменьше. Через час мы пролетели мимо Марса, а восемь часов спустя прибыли на Нептун. Город назывался М'Рин. Он был столь же велик, как и Йок-Сити, но никто тут не жил.

Планета оказалась ужасно холодной и темной. Солнце на здешнем небе выглядело крошечным бледным диском, не дававшим тепла и почти не дававшим света. Однако в городе оказалось вполне уютно. Воздух был свеж и насыщен влажным запахом цветущих растений. И вся эта громада слегка дрожала от гула могучих машин, создавших город и обеспечивавших его.

Из архивных материалов я уже знал, что город построили три миллиона семьсот тридцать тысяч сто пятьдесят лет спустя после моего рождения. С тех пор ни одной машины не касалась рука человека.

Однако воздух по-прежнему был идеальным.

Я посетил несколько других городов, где жили люди. И там, на окраинах владений человечества, я впервые услышал Песню Желаний. Так я ее назвал...

А потом еще одну – Песню Забытых Воспоминаний. Послушайте...

* * *

– И он исполнил другую песню, – сказал Джим. – Я попробую ее воспроизвести.

Джим запел, и голос его дрожал. Теперь я очень хорошо понимал его чувства. Джим был прав, когда сказал: «Он не походил на обычного человека». Ни один обычный человек не смог бы придумать подобные песни. Они казались здесь неуместными.

Джим не обладал хорошим музыкальным слухом, но эта песня была слишком могущественной для того, чтобы ее забыть. К счастью, Джим не обладает большим воображением, иначе, услышав эту песню, он мог бы

сойти с ума. Вам приходилось слышать разрывающие сердце, похожие на человеческие крики некоторых животных?..

Эта песня заставляет вас ощущать именно то, что имел в виду человек из будущего. В ней жила гибель земной расы. Всегда испытываешь жалость к человеку, который терпит неудачу после тяжких трудов. Я ощущал, как человечество старается изо всех сил — и проигрывает. И понимал, что оно не может позволить себе проиграть, поскольку второй попытки не будет.

Человек из будущего сказал, что сначала ему было интересно. Но в конце концов он не выдержал.

* * *

В конце концов я понял, что не смогу жить среди этих людей. Они были умирающими стариками, а я — живым представителем юной породы. Они смотрели на меня с тем же безнадежно умирающим интересом, с каким смотрели на звезды и на машины. И до конца не понимали, кто перед ними.

Я начал готовиться к возвращению домой.

Это заняло почти шесть месяцев. Мне пришлось нелегко, поскольку я не мог использовать их приборы.

К счастью, мне помог Рео Ланталь. Он сделал все, на что был способен.

Однако прежде чем вернуться, я решил им помочь. Хочу когда-нибудь снова побывать там. Просто чтобы посмотреть на результат.

Я говорил, что у них были машины, способные по-настоящему думать?

В архивах нашлись кое-какие материалы, которые удалось расшифровать. Потом я запустил пять машин, создал из них сеть и поставил перед ними задачу — создать машину, которая будет обладать тем, что утратило человечество. Любопытством.

И только потом я отправился назад. Мне, родившемуся в дни расцвета человеческой расы, не хотелось наблюдать за мучительно угасающими сумерками человечества.

И я отправился назад. Немного дальше, чем следовало. Но мне не потребуется слишком много времени, чтобы исправить ошибку.

* * *

— Вот и вся его история, — сказал Джим. — Он не уверял меня, что это чистая правда. Он вообще больше слова не вымолвил. А я так задумался над его рассказом, что даже не заметил, как он исчез, когда мы остановились в Рено заправиться. — Джим бросил на меня вызывающий взгляд. — Я не очень ему поверил. Но думаю, что он был необычным человеком.

Джим и в самом деле не легковер. Но в эту историю он поверил, иначе бы не стал столь решительно заявлять о необычности этого типа.

И я тоже верю. Полагаю, подвезенный Джимом человек и в самом деле жил в тридцать первом веке. А еще мне не дает покоя мысль, что он действительно видел сумерки человеческой расы.

ПОХИТИТЕЛИ МЫСЛЕЙ

Глава первая

Род Блейк посмотрел на марсианское небо, почти черное, несмотря на то что маленький блестящий шар солнца стоял в зените. Среди звезд и планет, хорошо видимых на темном небосклоне, Земля казалась самой яркой, хотя до нее было не меньше шестидесяти миллионов миль.

— Они до нас не доберутся, Тед. — Он кивнул в сторону сверкающей голубой планеты.

Тед Пентон удовлетворенно улыбнулся:

— Они, вероятно, обыскали все наши убежища. Ну а если не смогли нас найти — сами виноваты. Ведь они считают исследования энергии плазмы незаконными.

— Согласись, у них есть на это причины. Коленбергу следовало быть более осторожным. Когда почти три сотни квадратных миль в центре Европы опустошены плазменным взрывом, неудивительно, что повсюду в мире будут бояться опытов с плазмой.

— Но ведь у них должно хватить здравого смысла сообразить, что любой, кто откроет тайну энергии плаз-

мы, не будет ждать санкций Комитета¹, а постарается найти какие-нибудь отдаленные места или планеты и подождет, пока вся эта шумиха не утихнет. Они должны понять, что, получив энергию плазмы, мы сможем долететь до Марса, и никто до нас не доберется. Рано или поздно им придется смириться и начать использовать ненавистную им энергию, — убежденно сказал Блейк.

— Интересно, как старик Джемисон Монтгомери Палборо разбирает наше дело, — задумчиво произнес Пентон. — Он обещал рассмотреть его за три месяца. Сейчас пошел уже третий месяц, и у нас под ногами третья планета. Мы предоставили правительству пожинать плоды содеянного, а сами улетели, дружище, упорхнули. Слушай, держу пари, мы видели разрушенный город, когда садились.

— Мне тоже так кажется. Знаешь, я вспомнил, как ты подпрыгнул, когда первый раз вышел на Луну. Тебе, конечно, небо показалось в крапинку.

— Походив по Луне и Венере, мы стали профессионалами...

— Да, но я все же не хочу рисковать своей шеей на неизвестной планете, тем более если она населена разумными существами. В той низине мы сделаем первую остановку. Пошли.

Они стали спускаться с вершины одной из длинных песчаных дюн. Прямо под ними раскинулась похожая на болото равнина, заполненная красно-коричневым илом и усыпанная темно-красной листвой.

— Похоже на листья японского клена, — сказал Блейк.

— Очевидно, в них нет хлорофилла, чтобы преобразовывать солнечную энергию. Давай соберем образцы. Ты захватил с собой бластер? Мой при мне. Предлагаю разделиться. Видишь, слева большая купа растений, которая выглядит немного иначе. Я соберу образцы там, а ты иди вперед. Собирай любые цветы, плоды, ягоды и семена, какие увидишь. Сорви несколько листьев. Ну ты ведь помнишь, что мы собирали на Венере. Обычный хлам... Если найдешь маленькое растение, возьми его перчатками и выдерни, если увидишь большое —

¹Комитет по наказаниям за преступления против человечества.
(Прим. перевод.)

держишься от него подальше. На Венере попадались весьма неприятные экземпляры.

Блейк хмыкнул.

— Еще бы! Мне тогда здорово повезло. Я свалился прямо между стволами ножничного дерева, когда потянулся за симпатично выглядевшим плодом. Да, плохо бы мне пришлось без бластера. Ну, иди, и удачи тебе.

Пентон свернул налево, а Блейк с трудом побрел по вязкому илу к зарослям странных растений. Они походили на шарообразные кусты, около трех футов в высоту, каждый был увенчан десятком широких, покрытых каплями листьев, формой напоминающих кленовые.

Блейк предусмотрительно бросил камень в середину одного листа. Тот, издав глухой барабанный звук, даже не шелохнулся. Когда Блейк привязывал к нему веревку, лист не ударил его и не попытался схватить, хотя Блейк ожидал чего-нибудь подобного — ему запомнился урок, преподанный свирепыми растениями Венеры. Блейк оторвал один лист, затем еще несколько. Куст вел себя так, как должно вести себя растение, что приятно его удивило.

Кажется, эти кусты росли здесь повсюду; почти все они походили друг на друга, отличались они только размерами: кое-где торчали резные остроконечные листья, а иногда — маленькие, в три дюйма, почки. Избегая самых больших растений, Род оторвал две почки и сунул их в сумку для образцов. Затем отошел и посмотрел на один из кустов, уныло торчавших из густой клейкой грязи.

— Я полагаю, у вас есть какая-то причина выглядеть так, а не иначе, но хорошее большое дерево покрыло бы вас тенью и забрало бы себе весь солнечный свет, которого здесь так мало. — Род смотрел на кусты в течение нескольких секунд, представляя толстый японский клен, растущий в этой невообразимой красно-коричневой жиже.

Пожав плечами, он пошел разыскивать другие виды растений. Их было немного. Очевидно, шарообразные кусты почти полностью задушили всю остальную растительность. Но это Рода уже не занимало. Его больше интересовали развалины города, которые они с Пентоном видели с корабля.

Наконец Блейк отправился назад. Там, где, судя по его следам, он начал собирать образцы. Род вдруг остановился как вкопанный. Он увидел клен. Самый настоящий японский клен. С обычной корой и резными листьями, которые слегка покачивались на длинных черенках.

Род разглядывал дерево, открыв от удивления рот. Он смотрел во все глаза на этот совершенно невозможный здесь клен и стоял как остопоп, ничего не понимая. Увидев, что листья прямо у него на глазах становятся тоньше, он тихо выругался. Они стали тонкими, как пергамент, с едва заметными жилками.

Дерево увеличилось в размере, вытянулось в высоту, и на его стволе в разных местах появились новые ветки.

Они возникли сразу, как по волшебству. Но когда Род пристально оглядел их, они стали быстро уменьшаться и превратились в длинные прутики, а затем начали расти так, как обычно растут ветки, постепенно покрываясь листвой. Только происходило это очень быстро, прямо-таки у него на глазах.

Род громко вскрикнул и, оставляя за собой глубокие следы, быстро пошел к тому месту, где последний раз он видел Теда Пентона. Следы Пентона ясно указывали, куда он направился, и Род бросился по ним настолько быстро, насколько позволяла легкая гравитация Марса.

Обогнув заросли кустов с остроконечными листьями, он остановился.

– Тед, – сказал он, тяжело дыша, – иди сюда. Там... что-то непонятное. Оно выглядит как японский клен, но это не клен. Когда я смотрел на него, он менялся.

Род повернулся назад, показывая Теду, чтобы он шел за ним.

Но тот не двигался.

– Я не знаю, что сказать, – произнес Тед совершенно отчетливо, но почему-то задыхаясь. Странной была еще одна деталь. Он сказал это голосом Рода Блейка!

Род застыл на месте. Затем он поспешно отступил назад, споткнулся и тяжело повалился в песок.

– Ради Бога, Тед... Тед, что ты с-сказал?

– Я не знаю, что с-сказать? – вопросительным тоном произнес Пентон.

Первые два слова он проговорил голосом Рода, но в конце фразы уже звучали интонации Теда.

— О Боже, — застонал Род. — Я должен вернуться на корабль. Срочно.

Он зашагал прочь, но, отойдя несколько шагов, оглянулся через плечо. Теперь Тед двигался, только как-то странно. Покачиваясь, он медленно поднял левую ногу, слегка потряс ею — так, будто наступил на что-то липкое. Род пошел быстрее, не переставая оглядываться. Длинные, тонкие корни потянулись от ноги Теда, с них капала вязкая грязь. Род выхватил лазерный пистолет и выстрелил. Узкий луч метнулся к странной фигуре. Дыра размером в мяч для гольфа появилась в голове. Из дыры с резким свистом вырвалась струя маслянистого дыма. Фигура не упала, она тяжело осела и стала таять, как снеговик в топке. Пальцы соединились вместе, изуродованное лицо потекло, сжалось и стало похоже на ужасную маску. Сверхъестественно светящиеся глаза, в тупом взгляде которых сосредоточилось все зло во Вселенной, несколько мгновений пылали смертельной ненавистью... и растаяли вместе с искаженным гримасой лицом.

Руки странного существа стали расти. Род стоял, не в силах двинуться с места, а мощные и становящиеся все длиннее руки мотались вверх и вниз. Тело уменьшилось и неуклюже заколыхалось в воздухе. На мгновение сверкнул последний взгляд исполненных ненависти глаз и исчез уже навсегда.

Род Блейк повалился на мокрый красный ил и засмеялся. Он хохотал над смешным расплывающимся лицом с дырой во лбу, которое парило над полупрозрачным телом. Он засмеялся еще громче, когда другое существо, похожее на Теда Пентона, бежало вокруг зарослей. Прицелившись ему в голову, он закричал:

— Прочь отсюда! — и нажал кнопку.

Полыхнул луч. Но тот второй был умнее. Он нагнулся.

— Род, ради Бога, Род... замолчи, — прозвучал голос Теда.

Род стал медленно приходить в себя. Это существо говорило голосом Теда Пентона. Когда оно выпрямилось, он прицелился более тщательно и выстрелил снова. Он хотел только одного — чтобы видение исчезло. Од-

нако двойник Теда опять увернулся и бросился к нему. Род вскочил и побежал. Внезапно что-то просвистело у него над ухом и прижало руки к бокам, сделав его совершенно беспомощным. Блейк упал. Пентон, глядя на него сверху вниз, спросил:

– Что случилось, Род? Почему ты в меня стрелял?

Не в силах сдержаться, Род снова захохотал. Вид обеспокоенного лица Теда напомнил ему парящую фигуру с тающим лицом, похожую на восковую куклу. Пентон сильно ударил его по щеке. Род моментально пришел в себя. Когда Пентон снял с него аркан, он облегченно вздохнул.

– Слава Богу, это ты, Тед, – сказал он. – Слушай, я видел тебя... тебя... минуту назад. Ты стоял вон там, и я заговорил с тобой. Ты ответил моим голосом. Я стал уходить, а ты пошел за мной, но из твоих ног в землю тянулись какие-то корни – как у растений. Когда я выстрелил тебе в лоб, ты стал таять, как восковая кукла, потом уменьшился до размеров летучей мыши и улетел.

– Уфф... – вздохнул Пентон. – Все это очень странно. А зачем ты меня искал?

– Я увидел японский клен, который возник у меня на глазах. Я смотрел, а листья менялись, становясь тонкими, как бумага.

– О Господи, – сказал Пентон, удрученно глядя на Рода. Но, увидев, что тот вполне пришел в себя, произнес: – Хорошо, пошли посмотрим на этот клен.

Род пошел по своим следам туда, где он видел клен. Но клена там не оказалось. На его месте рос только какой-то увядший куст. Род удивленно посмотрел на него, затем обошел вокруг и осторожно ощупал. Это был слегка забрызганный грязью пучок растений.

– Клен был там, где растет этот куст, – сказал Блейк тупо. – Но его нет. Я точно знаю, он был там.

– Наверное, это был мираж, – решил Пентон. – Пойдем обратно на корабль. Хватит, мы уже достаточно нагулялись.

Род пошел за ним, удивленно покачивая головой. Он был так занят своими мыслями, что натолкнулся на Пентона, когда тот внезапно остановился. Издав тихий возглас, он обернулся, взглянул на Блейка, а затем снова посмотрел вперед.

— Который из них ты? — спросил он наконец. Род глянул из-за плеча Пентона и увидел себя.

— Боже мой, — воскликнул он, — это же я!

— Ну конечно я, — сказал голосом Рода Блейка тот, кто стоял перед ними.

Тед посмотрел на Рода, потом на Рода у себя за спиной и прошептал:

— Не могу поверить, честное слово, не могу. — А затем быстро спросил: — *Wo bist du gewesen, mein Freund?*¹

— *Was sagst du?*² — сказал тот, кто был впереди. — Но почему по-немецки?

Тед Пентон медленно опустился на песок. Род Блейк смотрел в упор на другого Рода Блейка.

— Дай мне подумать, — сказал Пентон. — Должна же быть разгадка. Род ушел от меня. Я обошел вокруг зарослей и увидел, что он смеется, как ненормальный. Вдруг он в меня стреляет, а потом начинает говорить какой-то бред. Мы пошли с ним... или с этим... и вдруг я встречаю другого, который кажется не таким безумным, как первый. Так, так. Я знаю немецкий. Разумеется, и Род его знает. Наверное, это существо умеет читать мысли и принимать чужой облик, как хамелеон принимает окраску окружающей среды.

— Что это значит? — спросил Род Блейк.

— Хамелеон может менять свою окраску. Многие животные ради безопасности принимают облик других животных, но для этого должно смениться не одно поколение. И это создание, по-видимому, может принимать любой образ или цвет. Минуту назад я решил, что лучшим видом для этой местности был бы куст. Мы и увидели куст. Ты подумал о клене. Кто-то прочитал твои мысли — и появился клен.

А теперь это непонятное существо превратилось в Рода Блейка. Но я совершенно не представляю, кто из вас настоящий Род Блейк. Нет смысла говорить с ним на языках, которые мы знаем, потому что он читает наши мысли. Должен быть какой-то другой способ... Должен

¹Где вы были, мой друг? (Нем.)

²Что вы говорите? (Нем.)

быть... должен... О да! Это так просто. Ты только что сказал, что проделал дыру в этом создании лазерным пистолетом.

Род поднял бластер и нажал на кнопку. Его двойник стал быстро таять. Почти половина его превратилась в булькающую жижу, прежде чем Блейк испепелил остатки интенсивным лазерным лучом. Он удовлетворенно вздохнул.

— Слава Богу, что он превратился в меня. По крайней мере, в себе самом я не сомневаюсь.

Сидящий на земле Тед обхватил голову руками и покачал ею из стороны в сторону.

— Клянусь девятью богами девяти планет, вот это мир! Род, ради всего святого, никуда не отходи от меня. Никуда! И всегда имей при себе пистолет. Эта штука не может стать настоящим лазерным оружием, но, если они его найдут, только Бог нам сможет помочь. Давай вернемся на корабль. Нужно держаться подальше от этого чертова места. А я-то думал, что ты рехнулся. Это моя ошибка. Оказывается, вся эта проклятая планета сумасшедшая.

— Я и рехнулся... на какое-то время. Пойдем.

И они быстро пошли назад через песчаные дюны к кораблю.

Глава вторая

— Удивительно, что город разрушен, хотя марсиан, по-видимому, много, — сказал Блейк. — Давай сядем, Тед. Они, вероятно, не опасны. Вполне возможно, у них есть другие города — новые.

— Хм... думаю, так и есть. Но я не хотел бы, чтобы кто-нибудь из этих парней столкнулся со мной. Они должны весить очень много даже здесь, а на Земле уж точно не меньше тысячи фунтов. Я сяду на этой площади. Держи наготове пистолет, пока я буду выходить. Спускаемся.

Корабль сел в глубокий песок на площади разрушенного города, поднимая клубы пыли. Полсотни жителей города неторопливо направились к нему. Впереди шел марсианин с морщинистым лицом и редкими седыми волосами.

– Фолшт, – сказал он, быстро оглядев человека, показавшегося из люка, и вытянул руки в стороны ладонями вверх.

– Друзья, – сказал Тед, повторив его жест. – Я Пентон.

– Фастан Лошту, – сказал марсианин, указав на себя. – Пеншан.

– Он произносит звуки как бывший солдат, – раздался тихий голос Блейка. – Беззубый солдат на пенсии. Ну как, все в порядке?

– Думаю, да. Во всяком случае, ты можешь оставить свой пост. Выключи главный двигатель, вспомогательный старт «Б» и закрой отсеки. Запри командные пункты и выходи. Не забудь взять пистолеты – ионный и лучевой. И хорошенько задрай люки.

– Ладно.

Блейк, сделав все быстро и умело, через считанные минуты уже был в двигательном отсеке. Он энергично шагнул в люк и остановился как вкопанный. Пентон лежал на спине, а старый марсианин, склонившись над ним, сжимал его шею длинными сильными пальцами. Голова Пентона болталась из стороны в сторону, как отрезанная.

Блейк зарычал и выскочил из люка, на ходу выхватывая пистолеты из кобуры. Он прыгнул... и налетел на какого-то марсианина, недооценив слабую гравитацию Марса. Вскочив на ноги, он повернулся к своему другу, но в это время другой марсианин сделал ему подножку и опрокинул, навалившись на него всем своим весом. Блейк вывернулся. Тело его, легкое и маленькое, оказалось, однако, более сильным.

Быстро разжав хватку противника, он бросился вперед и прорвался сквозь окруживших его шестерых или семерых марсиан.

Резкий окрик Пентона заставил его замереть.

Пентон сидел на земле и медленно качался взад-вперед, сжав руками голову.

– О Господи, они умеют это делать. Что же теперь будет?

– Тед... ты в порядке?

– Я что-то сказал? – удрученно спросил Пентон. – Этот старый стервятник уже проник ко мне в мозг и вло-

жил в него новую информацию. Гипнотическое обучение... полное универсальное образование за тридцать секунд – и все это сделано с помощью гипноза. У них отличная образовательная система. Боже, огради нас от этого.

– Штанта ишту тиу ломэл? – любезно спросил старый марсианин.

– Ишту псот лонтал тимал, – простонал Пентон. – Хуже всего то, что это сработало. Я знаю его язык так же хорошо, как английский. – Вдруг он усмехнулся и, указав на Блейка, сказал: – Блейк омо фасту псот.

На морщинистом лице марсианина появилась детская улыбка. Блейк невольно посмотрел на него.

– Мне не нравится лицо этого парня... – Он замолчал и, загипнотизированный, пошел к старому марсианину. Его глаза были пусты, а походка напоминала движения ожившего манекена. Когда он лег, длинные гибкие пальцы марсианина сомкнулись на его шее. Блейк почувствовал, как они поглаживают его позвоночник у основания черепа.

Пентон кисло улыбнулся:

– Так тебе не понравилось его лицо? Подожди, посмотрим, как тебе понравится его система.

Марсианин выпрямился. Блейк медленно сел. Его голова качалась из стороны в сторону. Он осторожно ощупал ее и, уперев локти в колени, бережно обхватил руками.

– Не надо было нам учить этот проклятый язык, – наконец пробормотал он. – Изучение языка всегда вызывает у меня головную боль.

Пентон неприязненно посмотрел на марсианина.

– Терпеть не могу повторять одно и то же, а вы находите это полезным.

– Вы с третьей планеты, – вежливо сказал марсианин.

Пентон удивленно взглянул на него. Он резко встал и пошатнулся, едва удержавшись на ногах.

– Вставай осторожно, Блейк. Советую для твоей же пользы. – Затем повернулся к марсианину: – Да. Но как вы узнали?

— Мой прапрапрадед перед смертью рассказал мне о полете на третью планету. Он был одним из тех, кто вернулся.

— Вернулся? Разве марсиане бывали на Земле? — изумился Блейк.

— Я догадывался об этом, — сказал Пентон. — На Земле остались следы пребывания каких-то инопланетян.

— Много лет тому назад наши люди хотели основать там колонии. Безуспешно. Они умирали от легочных болезней. На Землю они полетели в основном из-за того, что хотели скрыться от ташол. Но ташол и там легко превращались в местных обитателей и процветали, поэтому нашим людям пришлось вернуться назад. Мы строили много кораблей в надежде, что если мы не можем летать туда, то ташол смогут. Но им не понравилась Земля. — Он сокрушенно покачал головой.

— Ташол. Так вы их называете, — протянул Блейк. — Они паразиты?

— Раньше они были паразитами. Теперь уже нет.

— Они больше вас не беспокоят? — спросил Пентон.

— Нет, — просто ответил старый марсианин. — Мы к ним привыкли.

— Как вы отличаете их от вещей, подобие которых они принимают? — сурово спросил Пентон. — Мне необходимо это знать.

— Они не досаждают нам с тех пор, как мы перестали их отличать, — вздохнул Лошту. — В этом больше нет необходимости.

— Понимаю, но все же как вы распознаете их? Вы делаете это, читая мысли?

— О нет. Мы вообще не пытаемся их распознавать.

Пентон некоторое время задумчиво смотрел на Лошту. Блейк осторожно поднялся и подошел к Пентону, который размышлял над тем, что сказал старый марсианин.

— Хм, я полагаю, это единственный выход, — сказал наконец Пентон. — Хотя я склонен думать, что это очень затрудняет деловые и социальные отношения. Как можно жить, не зная точно, твоя это жена или хорошая ее копия?

— Да. Но мы живем так уже много лет, — ответил Лошту. — Вот почему наши люди хотели лететь на Землю.

Но позже они обнаружили, что командирами трех кораблей были ташол, и вернулись на Марс, где они все-таки могли жить по-прежнему, не обращая на них внимания.

Пентон обдумывал услышанное, глядя на толпу марсиан, спокойно стоявших рядом, а затем спросил:

– Ташол разумные существа?

Лошту покачал головой:

– Я не считаю их разумными. Они в совершенстве воспроизводят все – до мельчайших подробностей. Ташол подражают нам во всем, они посещают наши школы и таким образом узнают то, что знаем мы. Но они никогда ничего не создают сами.

– Что явилось причиной такого потрясающего упадка вашей цивилизации? Ташол!

Марсианин кивнул.

– Мы нарочно решили забыть, как делаются космические корабли и строятся большие города. Мы надеялись, что этим мы обескуражим ташол и они покинут нас. Но они забыли все вместе с нами, так что наша хитрость не удалась, как и все остальные попытки избавиться от них.

– Господи Боже, – вздохнул Блейк, – заклинаю вас всеми девятью планетами, как вы можете жить с такими соседями?

Лошту пристально посмотрел на Блейка.

– Десятью, – сказал он. – Планет – десять. Вы сможете увидеть десятую, только когда окажетесь по ту сторону Юпитера. Наши люди открыли десятую планету с Плутона.

Блейк тупо уставился на него:

– Но почему вы их терпите? С такой цивилизацией, как у вас, я уверен, вы могли бы найти способ от них избавиться.

– Мы пытались. Мы уничтожили всех ташол. Некоторые из них помогали нам, и мы думали, что они – наши люди. Это произошло потому, что один очень мудрый философ, который все же был большим дураком, подсчитал, какое количество ташол может на нас паразитировать. Естественно, они ухватились за этот подсчет. Тридцать один процент из нас – ташол.

Блейк огляделся.

– Ты имеешь в виду, что и среди тех, кто стоит здесь, есть ташол? – спросил он. Лошту кивнул:

– Да. Вначале они воспроизводились очень медленно, в форме существ, которые иногда были похожи на нас и размножались так, как это делаем мы. Но затем, после обучения в наших лабораториях, они научились имитировать амеб. Сейчас они просто делятся. Один большой ташол распадается на несколько маленьких, а каждый маленький ташол съедает одного нашего ребенка, занимая его место. Таким образом, мы не знаем, кто есть кто. Это постоянно мучает нас. – Лошту сокрушенно покачал головой.

Блейк почувствовал, как холодные мурашки пробежали у него по спине. Рот его открылся от удивления.

– Боже, – простонал он, – почему же вы ничего не делаете?

– Если мы будем убивать тех, кого мы подозреваем, то можем по ошибке убить собственных детей. А если мы ничего не предпринимаем, то верим, что это наш ребенок. В конце концов, нам удобно в это верить. Если имитация настолько совершенна, то не все ли равно?

– Пентон, – сказал Блейк, – три месяца уже прошли. Давай вернемся на Землю, быстрее.

Пентон посмотрел на него:

– Я уже давно хочу вернуться. Только вот я подумал: ведь рано или поздно другие люди появятся здесь, и кто-нибудь нечаянно возьмет одного из этих ташол на Землю, думая, что это его лучший друг... Нет, я лучше убью своего собственного ребенка, чем буду жить с одним из них! Впрочем, я не сделаю ни того, ни другого. Они так же быстро воспроизводятся, как едят, а если они едят, как амебы... Господи, помоги нам. Если ты поместишь его на необитаемый остров, он превратится в рыбу и уплывет оттуда. Если ты посадишь его в тюрьму, он обратится в змею и уползет в дренажную трубу. Если ты забросишь его в пустыню, он превратится в кактус и станет совсем как настоящий. Благодарю покорно.

– Я не подумал об этом. Что мы можем предпринять?

– Все, что я могу придумать, – это понять, что они могут позволить нам сделать. Затем осуществить все, что в наших силах. А потом прилететь сюда снова с из-

вестными и непредвзято мыслящими зоологами и биологами, чтобы они исследовали это явление. Порой эволюция создает удивительные существа, но это самые причудливые, каких можно вообразить.

– Я все еще не могу в это поверить, – хмуро сказал Блейк. – Единственное, что я хорошо усвоил, – так это то, что у меня раскалывается голова.

– Это достаточно реально и вполне логично, – задумчиво продолжал Пентон. – Земля превратится в ад, если они когда-нибудь туда доберутся. Эволюция всегда старалась создать животных, которые могут выжить в любых условиях, и действительно, выживают самые приспособленные.

Протоплазма – основа всякой жизни. По сути, она одинакова в любом живом организме – растении и животном, человеке и амебе. Протоплазма легко приобретает разные формы – от костных клеток до нейронов мозга. Вот где корень проблемы.

Из того потока знаний, который Лошту вложил в меня, я заключаю, что первые ташол хорошо имитировали только внешность. Разрезав их, можно было убедиться, что внутренние органы у них отсутствуют. Сейчас они полностью имитируют как внешнее, так и внутреннее строение аборигенов. Они проникли в медицинские колледжи марсиан и теперь знают, как стать полными их подобиями. Что же, очень хорошо.

– О нас они знают мало. Может быть, с помощью рентгеновского облучения мы смогли бы выявить наших двойников? – предположил Блейк.

– Нет, это исключено. Если мы знаем, как мы устроены, они прочтут это в наших мыслях. Ведь это приспособляющаяся протоплазма. Только представь себе, он не погибнет даже в африканских джунглях, потому что, когда из зарослей выйдет лев, ташол превратится в львицу, а когда появится слон, он станет беспомощным слоненком. Если его укусит змея, эта чертова штука превратится во что-нибудь, что не чувствительно к змеиному яду. Интересно, где у него находится такой превосходный мозг, которым он, очевидно, обладает.

– Хорошо, давай узнаем у Лошту, как нам это проверить.

Глава третья

Оказалось, у марсиан есть музеи. Музеи существовали только потому, что никому и в голову не приходило разрушить их. Марсиане жили по несколько сотен лет и обладали прекрасной памятью, но один-два раза в жизни они все же посещали музеи.

Пентон и Блейк проводили там часы в напряженной работе, собирая маленькие тонкие диски с записями документов, старые механизмы и разные другие предметы. Они упаковывали все это и переносили на корабль, подогнав его ближе к музею. Лошту давал им пояснения. У него было достаточно времени, но Пентон с Блейком торопились. Наконец, после многих часов работы, с затуманенными от недосыпания глазами, они отправились к кораблю.

Выйдя из сумрака музея в залитый солнцем вестибюль, они увидели, что из-за колонн показалась какая-то прыгающая и кричащая толпа людей, вырывающих друг у друга книги, инструменты и диски. Они кричали, ссорились, дрались и тормозили друг друга.

Вдруг все стихло. С десятков Пентонов и примерно столько же Блейков сидели, стояли и лежали на каменных ступенях. Одежда у них была разорвана, лица и тела в ссадинах, кое у кого стремительно вспухали синяки.

Двенадцать Пентонов походили друг на друга как две капли воды, каждый из них держал в руках несколько дисков. Тринадцать Блейков были тоже одинаковыми, каждый нес под мышкой один и тот же старый инструмент.

Лошту посмотрел на них; его морщинистое лицо расплылось в радостной улыбке.

— Ах, как вас здесь много, — сказал он. — Может быть, кто-то из вас может подойти к нам и поболтать?

Пентон взглянул на Лошту, и остальные Пентоны сделали то же самое. Пентон был полностью уверен, что он и есть настоящий Пентон, но ничем не мог этого доказать. Было ясно, что ташол решили вновь захватить Землю. Он решил спросить у Лошту...

— Скажи, Лошту, — спросил один из них голосом Пентона, — почему ташол не остались на Земле, хотя они могли там жить?

Пентон был уверен, что он первый подумал об этом...

— Прошу прощения, но разве не этот вопрос я хотел задать? — произнес другой Пентон со сдержанной яростью. Пентон улыбнулся. Было ясно...

— Теперь я избавлен от неприятной обязанности говорить сам. Вы все за меня высказываетесь, — сказал ворчливо один из многочисленных Пе́нтонов.

— Скажи лучше, как, черт возьми, мы разберемся, кто из нас кто? — грубо и требовательно спросил один из Блейков.

— Этот чертов вор мыслей украл мой вопрос прежде, чем я смог...

— Почему ты... ты... ты говоришь? Я только...

— Дай подумать, — сказал один из Пентонов утомленно. — Ты бы лучше не раздражался, Блейк. Когда ты злишься, они тоже злятся. Я убил бы всех своих двойников, чтобы вывести их на чистую воду. Это самый подходящий способ, какой можно придумать. Но тебе надо стать менее самоуверенным. Мне, впрочем, тоже. Послушаем, что скажет наш добрый друг Лошту.

— Эх, — вздохнул Лошту. — Вы хотите знать, почему ташол покинули Землю? Она им не понравилась. Земля в те давние времена была бедной планетой, и люди там были дикие. Сейчас они, наверное, другие. Ташол не любят работать. На Марсе они нашли более подходящие средства к существованию.

— Я тоже так считаю, — сказал Пентон. (Не все ли равно какой?) — Но теперь они решили, что Земля богаче Марса. Им потребовался новый объект, на котором они смогут паразитировать. Не прикасайся к пистолету, Блейк! К несчастью, у нас двадцать пять ионных и столько же лазерных пистолетов. Если бы их было больше, и двойников оказалось бы больше. Мы допустили ошибку, взяв с собой оружие. Нужно было заранее все продумать. Но мне кажется, мы сможем исправить свою оплошность. Я вспомнил, что один ионный пистолет неисправен, а из двух лазерных я вынул зарядные устройства, чтобы их отремонтировать. Таким образом, три пистолета вышли из строя. А сейчас мы встанем в ряд и одновременно выстрелим в песок. Все построились. Равнение направо! Сейчас, — продолжил Пентон, — будем стрелять по моей команде все одновременно. Сна-

чала ионами, потом лазерными лучами. Если у кого-то откажет оружие, остальные устраняют его, быстро, но осторожно. Вы готовы? Готовы? – Пентон поднял ионный пистолет и нажал на кнопку.

Его пистолет не выстрелил, и сразу же портик наполнился едким дымом, который вырвался из оседающей на пол массы.

– Вот и первый, – сказал другой Пентон. Он поднял ионный пистолет и выстрелил. Потом резко вскинул бластер и пронзил лучом быстро растворяющегося Блейка. – Это второй. Когда мы стреляли в первый раз, он, наверное, обнаружил, что его пистолет не работает. Значит, еще одним меньше. Кто следующий?

Внезапно еще один Блейк исчез.

– Отлично, – ласково сказал Пентон. – Шансы Блейка-Пентона уравниваются. Есть какие-нибудь предложения?

– Да, – сказал Блейк натянуто. – Я подумал о запла-те, которую поставил на костюме, разорванном на Венере. – Очередной Блейк исчез под перекрестным огнем. – Еще я хочу знать, почему эти самозванцы так хотят перебить друг друга. Они ведь знают, кто есть кто, но не убивают нас. И как им удалось проникнуть на корабль?

– Они, – сказали два Пентона одновременно. Третий посмотрел на них. – Плохо дело, ребята. Роди, сынок, мы используем замки с комбинациями для запираания люков, но эти джентльмены – профессиональные чтецы мыслей. Разве это не объясняет тот факт, что они отлично владеют оружием? Я стараюсь придумать, как бы уничтожить все эти лишние отростки, превращающие нас в целую толпу. Но сделать это будет нелегко, потому что только ты один знаешь, что ты – это ты, и я также один знаю, что я – это я. К сожалению, пока они стремятся убить друг друга, они не умрут, так как предотвращают свою смерть соответствующей защитой. Теперь, когда пистолеты проверены, я полагаю, всем ясно: мы не покинем эту планету, пока не будут выявлены два настоящих человека. И только они поднимут корабль в воздух. К счастью, наши двойники не могут улететь без нас, ведь, пока мы существуем, они могут читать наши мысли и получать знания об управлении кораблем. Поэтому они в нас нуждаются.

Теперь мы все послушно пойдём на корабль, и каждый из нас положит свой пистолет в соответствующую ячейку на полке. Я знаю, что я настоящий Пентон, но ты не знаешь этого, следовательно, ни одно движение не будет сделано без единодушного согласия всех Пентонов и Блейков.

Блейк, побледнев, посмотрел на него.

— Я чувствовал бы себя участником идиотского розыгрыша, если бы не знал, что от этого зависит будущее всего мира. Я боюсь остаться без оружия.

— Если мы все от него откажемся, это будет нам на руку. У нас есть небольшое преимущество: они не хотят нас убивать. В худшем случае, мы можем взять их на Землю, сделав, конечно, все, чтобы они не сбежали. На Земле мы произведем тесты на протоплазму, которые помогут разобраться, кто есть кто. По крайней мере, хоть что-то прояснится. Ну да! Я думаю, мы сможем провести тесты и здесь. Ладно, пойдёмте на корабль.

Глава четвертая

Но никто не тронулся с места, одни Блейки сидели, другие стояли.

— Тед, ну что мы можем сделать? — В голосе Блейка слышалось отчаяние. — Ты не отличишь меня от них. Мы не сможем...

— О Боже, — сказал другой Блейк, — это не я говорю, а один из этих чертовых похитителей мыслей.

Ещё один беспомощно застонал:

— Нет, не он.

Они все, как один, посмотрели на Пентона.

— Я даже не знаю, кто мой друг.

Пентон кивнул. Все Пентоны кивнули, словно по команде. Они улыбались абсолютно одинаково.

— Все в порядке, — сказали они в унисон.

— Ну-ну. Новый фокус. Теперь мы говорим все вместе. Это облегчает нашу задачу. Я считаю, что можно найти способ определить, кто есть кто. Только ты должен мне абсолютно доверять, Блейк. Ты должен отдать свои пистолеты и полностью положиться на меня. Я постараюсь определить истинного Блейка. Ну а если ошибусь, пойми, я и сам не узнаю об этом. Мы попробуем

простые тесты на алкоголь, чтобы выяснить, могут ли они пить спиртное, и перец, чтобы узнать, жжет ли он им язык.

— Это не сработает, — сказал Блейк напряженно. — Господи, Пентон, я не могу отдать свои пистолеты... Я не отдам...

Пентон и вместе с ним все Пентоны ласково улыбнулись.

— У меня в полтора раза быстрее реакция, чем у тебя, Блейк, поэтому ни один из твоих марсианских двойников не опередит меня. Вполне возможно, мои двойники обладают такой же реакцией, что и я. Ты прекрасно знаешь, что я могу испепелить всю толпу Блейков, весь десяток твоих двойников прежде, чем один из них двинет пальцем. Ты ведь знаешь это, Род.

— Господи, да. Но Тед, Тед, прошу тебя — не заставляй меня отдавать оружие. Мне необходимо иметь пистолеты при себе. Почему я должен отдавать их, если ты оставляешь свои у себя?

— Возможно, не следовало об этом говорить, Род. Впрочем, это не имеет значения. Ты можешь что-то делать, только если думаешь об этом. Что бы ты ни захотел сказать, они прочтут это у тебя в мозгу, как, впрочем, и у меня, и не имеет значения, произнесено это вслух или нет. О Господи, спаси и сохрани нас! Но в любом случае ситуация такова: один из нас должен иметь бесспорную власть над всеми другими. Затем тот, у кого будет преимущество, найдет способ определить, кто из нас настоящий. В противном случае мы ничего не сможем добиться.

— Тогда позволь мне быть им, — перебил его один Блейк.

— Я не это имел в виду, — вздохнул второй. — Это был не я.

— Это был я! — выкрикнул первый. — Я сказал не подумав. Действуй. Но как ты заставишь других отдать их оружие? Я-то отдам. А если ты не сможешь заставить других?

— Не беспокойся, смогу. У меня есть верные друзья, — жестко сказал Пентон. Он махнул в сторону десяти своих двойников. — Они во всем со мной согласны.

— Но что ты собираешься предпринять? Прежде чем сунуть голову в петлю, я должен знать, что она не затянется у меня на шее.

— Я постараюсь не думать о том, что буду делать, иначе они прочитают мои мысли, обдумают их и не станут следовать за мной. Они все еще надеются. Ты понимаешь, что перец и алкоголь не сработают так, как надо, потому что они могут прочитать в моем мозгу, какая должна быть на них реакция. Они будут пить виски и морщиться от перца, ведь они прекрасные актеры. Вот это самое я и собираюсь испытать. Род, ты же мне всегда доверял, поверь и на этот раз.

— Хорошо. Делай как считаешь нужным. Пойдем на корабль. И если кто-нибудь из этих мерзавцев не расстанется со своим оружием — это буду не я. Тогда облучи его.

Все десять Блейков резко поднялись и зашагали к кораблю.

Пентоны настороженно последовали за ними. Неожиданно Пентон выстрелил в одного Блейка, который остановился в раздумье. Плечи двойника опустились, руки превратились в некое подобие крыльев, фигура стала оседать на землю.

— Это помогает, — сказал Пентон, вкладывая пистолет в кобуру.

Блейки с побледневшими лицами вошли на корабль и положили оружие в ячейки. Они находились под прицелом множества пистолетов. Любое неверное движение хотя бы одного из них могло привести к тому, что смертоносное оружие испепелит всех, в том числе и настоящих Пентона и Блейка.

Пентон все еще не придумал другого способа выявить настоящих людей, кроме того, который повлечет за собой их с Блейком собственную смерть. Само по себе это было бы не так уж важно. Опасность заключалась в том, что другие люди, которые прилетят на эту планету, будут в неведении, и тогда Земля будет уничтожена не огнем и мечом, а этими похитителями мыслей, молча и незаметно.

Блейки вышли безоружными. Они двигались неловко и напряженно под пристальными взглядами одиннадцати Пентонов, вооруженных ужасным, несущим смерть оружием.

Несколько Пентонов вынесли из корабля коробку с перцем и тубик сахариновых таблеток, бутылку виски и медицинскую аптечку. Один из них осмотрел все, что они принесли.

— Попробуем перец, — сказал он. — Построились!

Блейки, помедлив в нерешительности, построились.

— Я отдаю свою жизнь в твои руки, Тед, — сказали двое из них одинаковыми жалобными голосами.

Четыре Пентона коротко улыбнулись:

— Я знаю. Построились. А теперь подходите. — Первый, — выдохнул Пентон и затем добавил: — Высунь язык, пациент.

Дрожащими руками он положил порцию перца на язык парня. Язык его тотчас дернулся, лицо перекосила гримаса.

— Фууу... — разинул он рот. — Фуу, черт!

Молниеносным движением Пентон выхватил свой ионный пистолет и пистолет рядом стоявшего двойника. За пятнадцать секунд все Блейки, кроме одного, задыхающегося и кашляющего, задымились и быстро растворились, превратившись в кучу грязи. Другие Пентоны методично помогали их уничтожать.

Блейк пришел в себя.

— Боже, ведь там мог оказаться настоящий! — застонал он.

Десять Пентонов вздохнули с облегчением:

— Теперь все ясно. Слава Богу, получилось. Это позволило мне принять решение. И это не сработает снова, потому что, пока ты будешь пытаться прочитать мои мысли, чтобы разгадать хитрость, эти мои братцы прочитают их мгновенно. Ты ведь не знал того, что знал я, а это доказывает, что я был прав.

Блейк тупо на него посмотрел.

— Я был первым из них... — Он с трудом удерживался от кашля и чихания.

— Совершенно верно. Иди на корабль и придумай что-нибудь. Пошевели мозгами, что ты можешь сделать, чтобы выявить меня среди них. Ты должен использовать свою голову как-нибудь так, чтобы они не могли сразу понять твоих мыслей. Действуй.

Блейк поплелся к кораблю. Первое, что он сделал, — закрыл люк на замок, чтобы остаться одному. Затем,

пройдя в рубку, надел скафандр и нажал кнопку на пульте управления. Прошла секунда. Вскоре он услышал глухие удары и странные шлепки, доносившиеся из грузового отсека. Он быстро пошел туда и облучил два больших ящика с образцами, которые они с Пентоном собрали на Венере. Оттуда высунулись щупальца, которые пытались схватить пистолет. Воздух в отсеке стал густым и зеленоватым.

Блейк удовлетворенно наблюдал, как зеленый дым заполняет отсек. Он открыл все двери помещения. Другой хлюпающий звук привлек его внимание, и он, тщательно прицелившись, устранил странный объект, от переплетенных щупальцев которого исходил этот звук.

В течение получаса дым в отсеке становился все гуще и зеленее. Наконец, чтобы быть совершенно уверенным, что ничего живого не осталось, Блейк включил другой аппарат. Когда столбик термометра упал до предельной отметки, на стенах появился иней. Тогда он снова обошел отсеки с ионным пистолетом, направляя его на все, что попадалось на глаза.

Вентиляторы очистили воздух от хлора за две минуты. Блейк утомленно сел. Он щелкнул выключателем микрофона и сказал:

– Я держу палец на кнопке ионной пушки. Пентон, я люблю тебя как брата, но Землю я люблю больше. Если ты сможешь заставить своих приятелей сложить оружие в аккуратный штабель и уйти – отлично. Если нет, то есть если вы не сделаете этого за тридцать секунд, я стреляю, и тогда всем Пентонам конец. А теперь марш!

Широко улыбаясь, с явным удовольствием десять Пентонов выложили двадцать пистолетов.

– Отойдите, – сурово сказал Блейк.

Они подчинились. Блейк собрал пистолеты и вернулся на корабль. Пройдя в лабораторию, он достал из шкафа три пробирки с плотно пригнанными пробками, открыл их и вылил содержимое в лабораторный стакан. Выйдя из корабля, он увидел, что десять человек стоят возле корабля.

– Хорошо, Пентон. Я обнаружил, что ты взял с собой вакцину с вирусом, разрушающим иммунную сис-

тому человека. Давай посмотрим, смогут ли эти похитители мыслей украсть секрет того, что мы знаем и о чем они не имеют представления. Здесь концентрированная доза. Давай выпей ее. Мы можем подождать и десять дней, если нужно, чтобы проверить, как она действует.

Десять Пентонов смело подошли и встали у корабля.

Один шагнул вперед, чтобы взять стакан, — и девять шагнули тоже. Но не вперед, а за корабль — туда, где ионная пушка не могла их достать. Улыбаясь, Блейк помог Пентону забраться в люк.

— Я правильно сделал?

— Да, — вздохнул Пентон, — но Бог знает почему. Вакцину не глотают, и разрушение иммунной системы за десять дней не обнаружить.

— Я же этого не знал, — засмеялся Блейк. — Они были слишком заняты, стараясь понять, что я делаю, и перестали следить за твоими мыслями. Ага! Вон они побежали. Ты будешь стрелять или я? — вежливо спросил Блейк, прицеливаясь в девять колеблющихся фигур, несущихся над красной пустынной планетой. Корабль стремительно взлетел и пустился за ними в погоню.

— Да, я хотел бы узнать одну вещь. — Он выпрямился, когда погас невероятно яркий луч, уничтоживший двойников. — Мне интересно знать, каким образом ты меня вычислил?

— Чтобы сделать то, что ты сделал, требуется прекрасно скоординированная работа пятисот различных мышц. Я не верил, что эти существа смогут повторить это сразу и без ошибки.

— Но для чего нужны пятьсот мышц? Что я такое сделал?

— Ты чихнул.

Род Блейк заморгал и открыл рот от удивления, тем самым подтверждая правоту Пентона.

РАЗДВОЕННЫЙ МОЗГ

Глава первая

— П'холкуун возвращается, — вздохнул Тед Пентон.
— Может быть, он решился.

Род Блейк спокойно зашевелился на койке.

— Растолкуй, пожалуйста, мне свое сообщение, раз уж ты приложил лицо к единственному прозрачному пятну на этой чертовой стеклянной двери. Кого из этих одушевленных энергополей зовут П'холкуун?

— Как мне его обрисовать? Тебе известно, что он ганимедийский тюремщик. Они все выглядят одинаково. Мы первые люди, увидевшие Ганимед и его обитателей, поэтому в нашем языке нет слов, чтобы описать его внешность. Ростом он семь футов три дюйма, весит около ста пятидесяти фунтов — вернее, столько бы он весил на Земле. У него такие же привлекательные зеленые волосы, как у всех лануров. Он одет в шалурскую тюремную униформу. Наш второй караульный его спугнул.

— Наверное, он такой же хороший оратор, как и ты, — проворчал Блейк. — За пять минут тебе удалось изучить его язык, выяснить политические симпатии и подбить начать революцию. Дружище, ты прямо-таки бомба, подрывающая местные устои!

— Правильнее сказать, плазменная энергия, — заметил кисло Пентон. — Сначала нас выгнали с Земли за эксперименты с нею, — удар номер один. Мы попали в заваруху на Марсе. А когда вернулись домой, Земля устроила нам грандиозную встречу — салют из двадцати одного орудия. Только они забыли вынуть шестнадцатидюймовые снаряды. Мы все еще для них персоны нон грата. Получается, что здесь безопаснее. П'холкуун — член революционной партии. Способ чтения мыслей, которому я научился у марсиан, помог мне стать его другом.

— Пентон, — послышался вдруг снаружи тонкий писклявый голос тюремщика-друга, — шалуры опять изучают ваш корабль.

— Очень они умные, — мрачно пробурчал Пентон. — Если они нарушат плазменный баланс, который я уста-

новил в двигателе, этот спутник навсегда покинет систему Юпитера. Им даже в голову не приходит, какая сила заключена в нашем корабле.

— Они тебе не доверяют. Говорят, что ты лгун, — сказал ланур.

— Им хочется, чтобы я взял их в космос, — продолжал Пентон. — Если они разобрались в конструкции корабля, почему бы им не построить такой же и не полететь на нем? В вашем языке нет даже слов «электричество» и «плазма».

П'холкуун медленно покачал головой:

— Ты не понимаешь. Десять лет назад был создан первый шалур. Это сделал ланур. Он разработал операцию и провел ее на своем друге, а затем его друг сделал то же самое с ним. Суть операции была в том, чтобы разделить мозг на две половины и сделать так, чтобы каждая из них самостоятельно мыслила. Если каким-то образом у человека будет повреждена одна половина мозга, другая половина станет работать вместо первой. Затем шалуры выяснили, как сделать так, чтобы обе половины работали одновременно. Мозг состоит из миллионов клеток, каждая из которых участвует в процессе мышления. Когда шалуры разделили мозг на две самостоятельные половины, они стали мыслить не в два раза, а в десять тысяч раз интенсивнее. Из двух множителей А и Б вы можете составить только две комбинации: АБ и БА. Удвоив количество множителей, вы получите не две комбинации, а намного больше. Всего за десять лет шалуры свергли наше правительство и создали новую цивилизацию. Они создали шлитов, тысячи новых растений и новые виды белковой пищи. Они способны за короткое время изучить ваш корабль. Мы хотим избавиться от них... Когда-нибудь мы восстанем и добьемся своей цели.

— Шалуры не всеведущие. Вы напрасно боитесь их, — огрызнулся Пентон.

Широкое бородатое лицо ланура медленно расплылось в улыбке:

— Ты в тюрьме, Урд-махн, и только благодаря шалурам.

— Они обманом заманили нас в ловушку...

— Шалуры очень вероломны. Они считают, что это разумно.

— Они поймут, что это в высшей степени неразумно, когда через десять месяцев мои люди появятся здесь и в один момент сотрут этот город с лица земли. Мы уничтожим шалуров. Возможно, тогда ваше восстание победит. — Пентон, конечно, лгал. Тюремщик не знал, что они были изгнаны с Земли.

— Их газ... их газ всегда останавливает нас. И плиты. Мы не можем справиться с ними... — Красноовато-коричневое лицо стражника побледнело. Пентон молча проклинал страх ланура, который не давал прочитывать его мысли даже с помощью древнего метода марсиан. Диск с описанием этого метода он недавно выкрал из марсианского музея. Вместо мысленного образа он улавливал только смутное бесформенное облако страха.

— Мы владеем более древними знаниями, чем вы, — сказал Пентон. — Впрочем, поступай как знаешь. Мы все отправимся в преисподнюю, если шалуры по ошибке выпустят страшную энергию нашего корабля.

— Я... Я сегодня вечером поговорю со своими товарищами, — сказал ланур и неловко двинулся по коридору.

Пентон отошел от маленького окошка в матовом стекле двери. Хотя на Ганимеде он был в пять раз сильнее, чем на Земле, разбить толстое плотное стекло ему не удавалось. Пентон посмотрел на дверь с отвращением.

— Черт, — проворчал он мрачно.

— Я понял так, что он сказал «нет», — пробормотал Блейк угрюмо. — Чудесных птишек они здесь держат. Ты приветствуешь их, они машут тебе руками, улыбаются и тоже приветствуют тебя из своих самолетов, пока ты спускаешься. Ты выходишь... удар... Они бросают стеклянную бомбу с усыпляющим газом — и ты в ловушке. Ну вот... А теперь я не могу спать, не могу курить, не могу двигаться. Я...

— Заткнись. Послушай, я могу сделать так, чтобы ты заснул. С помощью гипноза.

— Можешь? Хорошо, что ты научился этому у марсиан. Давай попробуй.

Глядя на Пентона с признательностью, Блейк растянулся на спине. И уже через десять секунд осознал свою ошибку. Он был загипнотизирован. Поток странных мыслей захлестнул его мозг — идеи другого мира. Пен-

тон обучил его ланурийскому языку способом марсиан, разработанным десять тысяч лет назад, — с помощью гипноза. За каких-то пять минут Блейк узнал все о ланурах. А также заработал страшнейшую головную боль, которая не шла ни в какое сравнение с той, которую он обычно получал, изучая иностранный язык. Он силился освободиться...

* * *

Солнечные лучи проникали через заднюю стену камеры. Это означало, что снова наступил день и что он проспал несколько часов.

— Нет, — слышался голос Пентона. Он разговаривал с лануrom.

Блейк резко поднял голову и громко застонал. Да, голова разламывалась от боли.

— Нет, я не себя буду лечить. Скажи им, что Блейк умирает, что этот воздух ему не подходит. Слышишь, как он стонет? Скажи шалурам, что мне необходимо это вещество.

Блейк заметил тень, расплывшуюся за матовым стеклом тюремной стены. Он попытался встать. Пентон повернулся к нему:

— Отлично, Род. Ничто так хорошо не лечит, как время. Я знал, что ты проснулся. Твоя помощь мне просто необходима.

— Помощь? Помощь! Ах ты космический разбойник! Моя голова...

— Знаю. Но нам нужно одно вещество... Сейчас его принесут. Теперь ты знаешь их язык... Мы скоро получим вещество, которое мне позарез необходимо.

— Я уже получил головную боль. Заткнись и убирайся. О-о-о...

* * *

Он задремал, а когда снова открыл глаза, голова болела меньше. Пентон колдовал над какими-то стеклянными колбами, наполненными остро пахнущими жидкостями и различными порошками.

— Не мог бы ты постонать? — любезно попросил он. — Стражник смотрит и слушает.

Блейк сделал ему одолжение:

— О-о-о... чтоб тебя черти взяли... А-а-а... Ты доволен? Чем это так воняет?

– Я стараюсь кое-что вычислить. Продолжай в том же духе. Я делаю для тебя лекарство. Ты страдаешь, потому что атмосфера тебе не подходит. Мне стало легче, потому что я уже принял порцию этого атмосферного акклиматизатора.

– Продолжать стонать? Дай Бог, чтобы это лекарство мне помогло. Но ведь ты не врач!

– Сейчас я врач. Лекарство скоро будет готово. Хм... – Пентон поднес колбу к носу. Комнату заполнили запахи – приятный фруктовый вперемежку с острым и противным. Отмерив из одной бутылки несколько кристаллов, затем из другой еще немного, он понюхал, что получилось, и попробовал.

– Глотни, – наконец сказал Пентон и засмеялся, поднося лекарство Блейку. – Гарантирую, что после того, как ты отведаешь этот напиток, тебе море станет по колено.

Блейк поднес колбу к носу. Его глаза расширились от удивления. Он пригубил, и рот его расплылся в улыбке.

– Что за лекарство! Чувствую, что снова наступают счастливые деньки!

Он сделал большой глоток и с трудом оторвался от колбы.

– Замечательно! А из чего ты это приготовил?

Пентон тоже немного отпил и сказал:

– Лимонная кислота – кристаллизованный лимон. Сахароза – вещество, более известное под названием сахар. Этанол – иначе этиловый спирт. Углекислота – всем знакома как содовая вода. Думаю, эта смесь способна взбодрить тебя, где бы ты к ней ни приложился. А мне нужен ее остаток.

Пентон посмотрел на большую колбу, в которой растворялся белый порошок.

Целый галлон нужного раствора был уже готов. Он осторожно добавил еще порошка из большой мензурки и другого – из стеклянной бутылки.

– Что это? – спросил Блейк.

– Универсальное средство. В любом случае, надеюсь, оно поможет нам выбраться отсюда. Я...

С глухим стуком от стеклянной стены отделился большой блок. Из глубины за ним хлынул поток како-го-то пара, клубы которого заполнили камеру.

Тотчас же в камере распространился сильный удушливый запах. Блейк с опаской оторвал ногу от пола, по которому стелился пар, и испуганно посмотрел на Пентона.

– Я знал, что так будет, – вздохнул Пентон.

– Что?

– Притворись больным. Предполагается, что ты лежишь от смертельной болезни. Я собираюсь сказать об этом тюремщику. Все идет по плану.

Увидев, что караульный собирается отпереть дверь камеры, Пентон замахал ему руками.

– Не входи... испарения... Блейк должен дышать паром!

Тюремщик приоткрыл дверь, но, убедившись, что там пар, плотно закрыл ее и ушел.

– Смотри, Род, они только что включили в коридоре свет! – сказал Пентон.

– Почему ты сказал, что до нашего появления здесь у них не было электричества? Может быть, это не лампы накаливания, но очень на них похожи.

Пентон засмеялся:

– Я сказал, что у них не было электричества до нашего появления, потому что приборы не показали никакой произведенной людьми электрической или электромагнитной энергии на всей планете. А трубки со светящимся газом – лишь бедная их имитация. Эти лампы биологические. Они используют какой-то вид бактериальных ферментов, которые светятся, когда к ним поступает воздух. Ты заметил, как быстро стемнело? Малые миры с тонким слоем атмосферы очень быстро вращаются вокруг своей оси. Через четверть часа будет совсем темно. Давай-ка, парень, собирай свои вещи. Скоро мы уходим.

– Как? П'холкуун решил помочь нам?

– Нет. Во всяком случае пока. Я не думаю, что он предпримет что-нибудь, если мы сами отсюда не выберемся. П'холкуун не будет просить помощи от тех, кто в худшем положении, чем он. Но... он охотно нам поможет, как только мы сбежим.

– Да... но как? Неужели ты считаешь, что мы сможем пройти сквозь эти стены?

– Да, именно через стены. Полагаю, сейчас уже достаточно темно. Род, приложи-ка свое здоровенное ко-

пыто к стене, у которой стоит стол, а я пока постою у двери и отвлеку караульного.

Блейк двинулся к столу, а Пентон очень громко заговорил с тюремщиком о каких-то пустяках. Блейк не обращал на них внимания, потому что брешь в стене была проделана. От удара ногой прозрачное твердое стекло рассыпалось на множество кусочков. Он видел, как его ботинок легко погружается в стекло и проходит сквозь него!

За короткое время Пентон так надоел тюремщику, что тот сбежал от него, чтобы только не слышать его голоса, и Пентон прошел вслед за Блейком через стену тюрьмы.

— Юпитер поднимется примерно через два часа. Когда он взойдет, нам нужно будет не рассуждать, а скрываться, — сказал Пентон. — Среди местного населения мы выглядим как два орангутанга, гуляющих под руку по Пятой авеню. Им наше тело кажется средоточием жестокой грубой силы. Поэтому, когда огромная масса Юпитера поднимется над горизонтом и его свет сделает нас заметными, наш вид вряд ли понравится старым ланурским дамам.

Покопавшись в мозгу П'холкууна, я выяснил, что наш корабль где-то в благоустроенном районе города. А сейчас мы должны как можно дальше убраться отсюда.

Глава вторая

Тед Пентон перелетел через стену высотой двадцать футов, которая окружала тюрьму. Блейк последовал за ним и обнаружил, что сделать это совсем не трудно — ведь гравитация на Ганимеде гораздо меньше земной.

— В чем... — он с трудом переводил дух после каждого слова, — секрет... стены... не беги... дурак... я задыхаюсь.

— Воздух слишком разреженный... Надо передохнуть, — согласился Пентон. Они остановились в темном переулке. — Я использовал кротон-альдегид... органическую жидкость... полученную из... спирта. А весь секрет в том... что стекло на самом деле... не твердое.

Блейк, задыхаясь, уставился на него:

– Но эта стеклянная стена выглядела очень прочной... или мне показалось?

– Показалось, говоришь? Стекло – это жидкость, которая, остыв, превращается в твердое вещество. Кротональдегид имеет любопытное свойство делать его твердым. После длительного нагревания и охлаждения можно получить тот же эффект, поэтому стекла керосиновых ламп всегда хрупкие. Твердое стекло очень непрочное. Кротональдегид делает его твердым, но лишает прочности. Нам нужно украсть машину. Черт! Не беги так быстро, а то наше дыхание будет слышно за несколько кварталов. У них есть автомобили. Нам нужно найти хотя бы один, и дай Бог, чтобы у них не было сигнальных устройств.

Они прошли шесть кварталов, прежде чем увидели на дороге круглую громоздкую глыбу, которая, очевидно, и являлась автомобилем.

– Ты его поведешь, Род, – тихо сказал Пентон. – Ты лучше разбираешься в технике. Как думаешь, что это такое?

– Господи, я не могу понять! Он электрический? Нет. Паровой? На воздушной подушке? На бензине? Дизель? Черт, как я это узнаю? Где двигатель? Я не знаю, где передняя часть, где задняя. Это рычаг управления и... ну, а что вон там, сзади? Я...

Автомобиль вдруг дернулся вперед.

– О, ты уже знаешь, как его завести, – сказал Пентон.

Блейк был занят изучением машины. Он осторожно сжал рычаг и потянул на себя.

– Что нужно делать, чтобы его остановить? – Он попытался нажать на рычаг.

Автомобиль рванулся вперед. Блейк лихорадочно дергал ручку в разные стороны. Автомобиль перестал наращивать скорость, но не собирался замедлять ход. Им помогло то, что дорога была прямой. Блейк случайно задел ногой какую-то педаль – автомобиль свернул в сторону и врезался в столб.

– Теперь ты знаешь, что управление осуществляется ногами, – сказал Пентон, открывая дверцу. – Нам лучше побыстрее уйти отсюда. Кто-нибудь обязательно заинтересуется причиной этой аварии. Попробуем следу-

ющий. Ты теперь знаешь, что они управляются ножным тормозом, и не будешь сильно жать на педали.

– Мне нужно время, чтобы понять, как эти дьявольские штуки работают. Я только взялся за эту ручку... и он поехал. Никакого стартера... Ничего!

Пройдя несколько кварталов, они нашли другой автомобиль. Правда, не совсем такой, как первый, но похожий – с семью сиденьями вместо пяти. Блейк вопросительно посмотрел на Пентона.

Тот осмотрелся. Вокруг них на фоне усеянного звездами неба неясно вырисовывались какие-то постройки, похожие на товарные склады. Высоко на небосклоне светила маленькая яркая луна, а ниже находилась другая – еще меньше. Это были планеты, такие же, как и та, на которую они попали, но сейчас они казались яркими кружками. Однако их света все же хватало, чтобы видеть темные переулки и заборы, сделанные из какого-то волокнистого материала.

– Все в порядке, Род. Проверь систему управления и поезжай, – тихо сказал Пентон.

Спустя пять секунд Блейк был внутри и, осмотрев рычаги и педали, тронулся с места. Машина ехала быстро и тихо: слышалось только ровное гудение вентилятора. Блейк освоился с двумя управляющими педалями и ручкой. Нажимая на нее, можно было развить поразительную скорость, отпуская руку – тормозить автомобиль, обуздывая удивительную мощь бесшумного двигателя.

– Отлично. Теперь я понимаю, как им управлять, но нужны фары. Как они зажигаются? По-моему, этой кнопкой.

Пентон осторожно нажал на кнопку, фары зажглись, и Блейк повел машину более уверенно. Когда он сильнее нажал на рычаг, двигатель бросил автомобиль вперед. Они ехали по пустынному району со скоростью сто сорок миль в час. Прямая, как стрела, улица закончилась, и Блейк лихорадочно огляделся, ища возможность повернуть автомобиль и проклиная сложную систему тормозов. Вскоре после того, как он повернул направо, они оказались на менее пустынной улице. Он сделал еще один поворот. Теперь то тут, то там мелькали автомобили.

Когда они приблизились к центру города, движение стало оживленнее. Блейк напряженно смотрел по сторонам, стараясь понять указатели на дороге.

— У них есть светофоры, — сказал Пентон. — Я понял, как работают эти чертовы штуки. Здесь система световых указателей, похожая на нью-йоркскую. Смотри — впереди зажегся желтый свет. Это стоп. А по красному можно ехать. Мы должны остановиться у следующего квартала.

Движение усилилось еще больше. Огни стали блекнуть. И вдруг яркая вспышка осветила небо. Почти тут же показался сияющий Юпитер. Проехав пять кварталов, они остановились, зажатые в транспортной пробке. Водители, глянув в их сторону, останавливали автомобили, выскакивали на дорогу и разбегались в разные стороны. Они видели, что за ними едут два чудовищно толстых существа с огромными буграми мускулов, ужасные животные, которые каким-то сверхъестественным образом стали разумными. Блейк открыл дверцу.

— Все, приехали. Пересадка. Нам не пробиться через эти брошенные машины. Думаю, что шоферы уже не вернутся.

Пентон вышел с другой стороны, и они молча зашагали дальше по дороге. Позади резко открывались дверцы и слышался топот ног разбегающихся людей. Блейк остановился у последнего автомобиля в этой пробке — блестящего фургона на семь пассажиров. Резко подняв окно кабины, он спокойно посмотрел на водителя. Ланур с серыми волосами откинулся назад и закрыл глаза. Тряхнув головой, он открыл их снова. Затем выскочил и пустился наутек.

Пентон влез первым, Блейк занял место водителя.

— Огни изменились, — сказал Пентон, когда они проехали почти пятнадцать кварталов. Они снова поменяли автомобиль, взяв тот, перед которым дорога была свободна... и десяток стеклянных бомб с усыпляющим газом разорвались вокруг них. Блейк подпрыгнул к потолку кабины, с треском обрушился на сиденье и погрузился в сон.

Пентон, мчавшийся большими прыжками по дороге, обернулся... и помчался быстрее. За ним катился ка-

кой-то тестообразный шар диаметром в два фута. Повернув к обочине, Пентон увеличил скорость. Он стал прыгать из стороны в сторону, но шар, не отставая, подпрыгивал вместе с ним.

Шар был мягким, мясистым и упругим. Прилипнув к его ноге, он медленно пополз по ней вверх. Пентон, пытаясь оторвать его от себя, проделывал в этом тестообразном комке огромные дыры, которые тут же срастались. Увидев, что ланурийские полицейские подбегают к нему, готовясь бросить газовые бомбы, он в отчаянии опустил руку в карман и вытащил из него фонарь. Но тестообразное вещество облепило его руку. Вдруг шар отскочил на землю, бешено вращаясь и прыгая во все стороны, как сумасшедший. Он врезался в подбежавшего ланура, который отпрыгнул от него с выражением ужаса на лице.

Пентон, делая большие прыжки, влетел в переулочек и, оббежав несколько кварталов, обнесенных заборами, вернулся к тому месту, где оставил Блейка. Землянин неподвижно лежал на дороге с откинутой назад головой и громко храпел. Несколько полицейских старательно связывали его веревками. Пентон, стараясь быть незамеченным, подобрался ближе. Рядом находился какой-то автомобиль. Пентон внимательно осмотрел его, прежде чем подойти. Это был светлый автомобиль с откидным верхом.

Через некоторое время автомобиль двинулся в сторону Блейка. Ланурийские полицейские забросали его стеклянными бомбами. Два тестообразных шара пытались подобраться к колесам, но были отброшены. Слившись, они неожиданно образовали один большой шар. Полицейские разбежались, когда автомобиль тихо проехал вперед и остановился.

Пентон заметил, что Блейк зашевелился. Очевидно, он приобрел иммунитет и стал менее восприимчив к газу. Пентон стал распутывать веревки на теле своего друга.

— Полагаю, — задумчиво сказал он, оглядываясь по сторонам, — настала пора искать пристанище на день. Эти развалины — самое подходящее место.

Глава третья

Пентон смотрел на грязную, запущенную улицу через узкую трещину, одну из множества других унылых трещин в еще более унылых развалинах, которые стали их приютом. По противоположной стороне улицы шел ланур, то и дело спотыкаясь. Неожиданно он остановился прямо посреди лужи и медленно покачал головой. Потом недоуменно осмотрелся. Когда он снова двинулся вперед, его походка стала более твердой, как будто он обрел цель.

Пентон вздохнул и отвернулся. Подойдя к Блейку, он сел рядом с ним.

– Ушел. Он делает именно то, что я ему приказал. Гипноз должен подействовать, и он приведет сюда П'холкууна. Это займет не больше часа.

– Ты думаешь, П'холкуун придет? И будет ли от этого какой-нибудь толк, даже если он придет? Ведь раньше он не хотел нам помогать, – возразил Блейк.

– Он придет по двум причинам. Нам повезло, что шалуры не знают о свойствах кротональдегида. Я использовал кое-что еще – катализатор, который ускоряет его действие. Ланура должно заинтересовать, каким образом мы прошли через стену. Еще больше он захочет узнать о способе, которым я отогнал тестообразный шар. Он придет и, скорее всего, поможет нам, потому что мы показали, что умеем делать что-то такое, чего не могут шалуры. Думаю, через час он появится.

В действительности им не пришлось ждать и полчаса. По улице проехал маленький открытый автомобиль и остановился за четыре или пять дверей от них. Из него вышел высокий ланур. Он с опаской приблизился к их двери и осторожно ее открыл.

– Входи, П'холкуун. Мы рады тебя видеть.

– Вы вызвали большой переполох. – Ланур поклонился. – Шалуры поставили охрану вокруг дворца. В такой ситуации восстание обречено на неудачу. Они отобрали гранатометы у ланурийской гвардии, оставив им только холодное оружие. И держат плитов наготове.

– Плиты – это такая тестообразная штукавина без ног с мерзким запахом и странной слизью? – задумчиво спросил Пентон.

– Нет, – вздохнул П'холкуун, – ты понятия не имеешь, что такое шлит. Прошлой ночью на тебя напали гретланты. Шлиты – такие же, как они, но гораздо больше – пятьдесят футов в диаметре. Шалуры все еще не могут понять, как тебе удалось обратить гретлантов в бегство. Они бесстрашны и никогда прежде ни от кого не убегали.

Пентон улыбнулся:

– Это, друг мой, электричество. Одна из тех сил, о которой шалуры не имеют представления. Послушай, смочи два пальца вот так и дотронься до этой маленькой металлической планки.

Пентон показал, что надо сделать, и ланур нерешительно коснулся клемм фонаря. Он тут же отскочил, как ужаленный, и упал возле двери. Пентон и Блейк недоуменно посмотрели друг на друга. Ланур с трудом сел и покачал головой.

– Это... это ужасно! Уберите от меня эту штуковину, – застонал П'холкуун. – Она скрутила все мои мускулы в узел. А сердце сжалось так, как будто великан сдавил его в кулаке. Ужасно!

– Это электричество, – медленно произнес Пентон, – и ты, кажется, очень чувствителен к нему. Намного чувствительнее, чем мы. А теперь расскажи про шлитов.

– Шлит – это огромная масса желеобразной протоплазмы, которая с готовностью слушается своего хозяина, – сказал ланур, потирая руки и с опаской глядя на фонарь. – Его нельзя убить, потому что те его части, которые повреждены, отваливаются сами собой. Если в него выстрелить или разрубить на куски, это ему не навредит. Усыпляющий газ на него не действует. Он невероятно сильный и может принимать любую форму. Шалуры победили ланурийских правителей, послав к ним в крепость шлита по узкой дренажной трубе. Сначала это была нить из протоплазмы, которая затем превратилась в огромный шар. Шлиты поглощают и переваривают все, что им дадут. Они могут растворить в себе даже металл. Только стекло для них непроницаемо. Если есть вентиляционное отверстие, шлиты всегда могут просочиться через него.

– Сколько их?

— Тысячи. Когда необходимо, шалуры используют их как рабочий скот. Шлиты могут протечь под камень, балку или глыбу металла и, постепенно вырастая, поднимать груз. Или могут свеситься, как клейкий канат, обвиться вокруг камня и сокращаться, поднимая его. Если у обычного шлита не хватает сил, четыре или сто сливаются друг с другом и создают один большой, который делает необходимую работу. Во время последнего восстания около тысячи шлитов окружили ланурскую армию и сжались в одну огромную глыбу. Вся армия оказалась внутри и растворилась в теле этого громадного шлита.

Блейк пристально посмотрел на Пентона.

— Думаю, — сказал он по-английски, — нам надо было лететь на другую планету. Мне не нравятся эти амебы, принимающие любую форму. Хотел бы я познакомить их с марсианскими ташол. Интересно, понравятся ли они друг дружке?

— П'холкуун, нам нужно добраться до корабля. Тогда мы сможем использовать его энергию для вашей защиты.

Ланур поднялся на ноги и оглядел комнату.

— Корабль перенесли во дворец, — наконец сказал он. — Двадцать шлитов сделали это прошлой ночью. Шалуры знают, как он важен для вас, поэтому они переправили его туда, куда вы не доберетесь. Корабль находится во внутреннем дворе. Это место мы называем двором шлитов. Не представляю, как вы проникнете туда. Может быть, вы сможете воздействовать на какого-нибудь шалура, как вы воздействовали на того странного человека, которого послали ко мне, и устраните шлитов с дороги. Но ни один ланур не может справиться с ними. Их нельзя поймать в ловушку, они никогда не умирают.

— Можно ли их откормить так, что они станут недееспособными?

— Нет, они сразу же делятся на части. Если они съедят в два раза больше пищи, их и станет в два раза больше.

Пентон посмотрел на Блейка.

— Если тебе не нравятся шлиты, может быть, нам лучше остаться здесь? — Он вздохнул. — Ты уверен, что на корабле не остался какой-нибудь ташол? Одно из тех марсианских существ, которые как раз сейчас могли бы сбить с толку шалуров.

– Принести тебе то, не знаю что? – задумчиво спросил Блейк. – Хотел бы я увидеть, что произойдет, когда разъяренный шлит встретит марсианского ташол? Может быть, ташол превратится в несъедобный камень или станет большим по размеру шлитом и съест того, кто на него нападет? Интересно, почему Господь позволяет существовать такой мерзости...

Хотя нет, он ведь не создавал шлитов. Шалуры сами их изобрели, а судя по тому, что говорили марсиане, ташол возникли сами. Ты помнишь, Тед, когда на Марсе старик Лошту рассказал нам о ташол? Переставь буквы в слове «Лошту», и оно будет звучать как «ташол»! Держу пари, что Лошту на самом деле был одним из них и все это время про себя смеялся над нами. Но дело не в этом. Вопрос в том, как проникнуть на корабль и при этом не оказаться в брюхе у какого-нибудь шлита. – Он повернулся к лануру: – П'холкуун, ты можешь начать восстание?

– Нет, пока вы не найдете способ убрать шлитов, – ответил твердо ланур. – Мои люди не будут даже говорить о восстании, пока не убедятся в том, что их не используют как приманку. Ты ведь не захочешь, чтобы пятидесятифутовый шар из желе навалился на твоего лучшего друга. Вряд ли тебе понравится смотреть на выражение ужаса в его глазах, когда он будет растворяться в шлите...

– П'холкуун, подожди минуту. Я должен подумать, – перебил ланура Пентон. Он сел на пол, скрестив ноги. – Я должен подумать, что в нашей науке можно найти такого, что помогло бы справиться со шлитами. Скажи мне такую вещь. Можешь ли ты или твои люди получить доступ в магазин металлических изделий? Туда, где есть различные металлы? Для вас это будет несложно. Я придумал одну хитрость, которая спасет вас от этих шлитов.

– Мы сможем получить металлы. Но не драгоценные. В таких магазинах работают только лануры. Мы сделаем даже приборы, если они достаточно простые и не слишком большие – ведь нам придется их прятать.

– Отлично. Как можно быстрее принеси мне образцы всех металлов, какие ты можешь достать. И... одну из тех тестообразных штуковин, которых на меня напустила полиция. Можешь ты это сделать?

– Да, – немного поколебавшись, сказал П'холкуун.
– Неужели ты действительно надеешься справиться со шлитами?

Пентон улыбнулся:

– Друг, когда я проникну в их священный двор, шалуры выскочат из своего дворца как ошпаренные. Мне нужен только десяток храбрых лануров; все остальные повстанцы могут оставаться за стенами дворца и хватать шалуров, когда те из него побегут. И мне не нужно, чтобы твои люди захватывали шесть зданий дворца.

– В любом случае они не смогут это сделать, потому что шалуры живут вокруг дворца. Если ты уверен...

Блейк тихо лег в угол после того, как П'холкуун ушел. Он устал. Атмосфера маленькой планеты действовала на него расслабляюще. К тому же он не особенно верил Пентону, который вдруг стал таким же общительным, как стены их убежища.

* * *

Блейк спал. И спал достаточно мирно, пока не был разбужен звоном, хрустом и громкими ударами. Он сел и сразу же получил удар. Увесистый тестообразный шар шлепнулся на него и перекатился через плечо. Блейк с трудом справился с ним. Он удивленно смотрел на грязно-серую массу, которая быстро покатилась по полу. Очевидно, П'холкуун пришел, когда Блейк спал, и принес гретланта.

Пентон швырнул на пол какой-то блестящий предмет. Грязновато-белесая масса дважды подпрыгнула и неожиданно выбросилась из окна, издавая отвратительный визг и бурчание.

– Ну... может быть... это... к лучшему! Уж очень тяжелая работенка... возиться с этим студнем...

– Как называется то, что ты бросил в эту штуковину? – спросил Блейк. – Она вела себя так, как будто пол раскален, и каждый раз подпрыгивала все выше и выше.

– Медь, – сказал Пентон, – и ее свойства. Мне нужно было узнать, какой у них уровень кислотности при обмене веществ. Очевидно, он больше семи, и это меня вполне устраивает. Цинк подойдет, и лануры смогут его принести. А медь дорогая.

– Вероятно, в твоих словах есть какой-то смысл, но я ничего не понял. Где П'холкуун?

– Ушел. Его люди расположились снаружи, чтобы ловить эту штуковину, когда она будет убегать. Я... Он здесь.

П'холкуун просунул свою большую голову в дверь и осмотрел плохо освещенную комнату.

– Гретлант убежал очень быстро. Я думал, что он нападет на тебя, когда мы ему прикажем. Лануры сейчас гонятся за ним в двух кварталах отсюда. Он совсем отказывается подчиняться.

– Прекрасно, – улыбнулся Пентон. – Он напал на кого-нибудь?

– На первого, кто попытался его остановить. Гретлант просто перекатился через него и бросился наутек. Что это за оружие?

– Сделай мне как можно больше таких приборов, П'холкуун, и я захвачу дворец с десятком лануров.

Пентон протянул ему моток переплетенных медных и серебряных проводов сечением примерно восемнадцать дюймов. Запутанное переплетение проводов присоединялось к маленькой твердой яйцевидной массе в середине – овалу из черного пластика.

– Полагаю, вы сможете сделать их достаточно много. И помните: нужно повторить все в точности, как у меня, не изменяя ни единого проводка. Особенно в конструкции центральной детали. Понятно?

– Сделаем. – П'холкуун смотрел во все глаза на маленькое изобретение, которое заставило абсолютно бесстрашного и нечувствительного защитника ланурского мира выскочить из окна в таком ужасе, что он совершенно перестал слушаться приказов.

Глава четвертая

П'холкуун остановился в нерешительности. Узкий коридор, прорубленный в камне, делал поворот, за которым был проход, облицованный каменными плитами, скрепленными известковым раствором.

– Скоро мы войдем во дворец. Ни одному лануру не полагается знать про этот коридор. Как я сказал, в шалурском районе нет ни одного ланура. У них мало стра-

жи, потому что и самих шалуров немного. Но этой ночью они поставили часовых на стенах. Они подозревают... почти знают, что восстание началось. Все четыре дня, пока вы скрывались, они ничего не слышали о вас и не нашли ваших следов. Шалуры знают, что мы вам помогаем, но не подозревают о наших действиях и... — Он с сомнением посмотрел на Пентона уголком глаза. — Они уверены, что десяток человек не может захватить дворец.

— Да, они знают также, что никто не может справиться со шлитами, пока остается в живых хоть один шалур, способный им приказывать. Шалуры знают очень много. И во многом они ошибаются. Дверь впереди?

— Да. Закрыта на прочные стальные засовы. Но... ты сказал, что можешь ее открыть.

Пентон улыбнулся и кивнул Блейку. Тот раздал два десятка толстых переплетенных мотков проволоки, которые нес, десяти сопровождавшим их ланурам. Каждый из них присоединил мотки к тем, которые у него уже были. Затем землянин прошел вперед.

Дверь представляла собой панель из твердого дерева, которая была увешана замками. Дверь висела на двух стальных петлях и закрывалась на три засова толщиной в полтора дюйма с рычагами, похожими на замки банковских сейфов, которые намертво прикрепляли ее к стене.

Блейк обхватил пальцами засов и, крепко упершись ногами в пол, потянул на себя. Мягкая сталь прогнулась под напором его мышц, и засов вышел из гнезда, в котором сидел. Справившись с ним, Блейк занялся вторым, а потом и третьим. Лануры слушали его тяжелое дыхание и смотрели на его напрягшиеся мускулы в молчаливом ужасе.

Блейк отошел от двери и сел передохнуть. Когда его дыхание, тяжелое из-за разреженного воздуха маленькой планеты, восстановилось, он встал и кивнул в сторону двери:

— Готово, я полагаю. А теперь, П'холкуун, скажи еще раз, с чем мы там можем столкнуться.

— У них есть ружья, главным образом духовые. Они почти бесшумные, поэтому невозможно узнать, откуда стреляют. Обычные пули не могут прострелить одежду

из толстой ткани, но они могут применить разрывные. Сначала шалуры будут использовать усыпляющий газ, пока не увидят, что мы к нему нечувствительны. Ведь ты выяснил, что пятикратная доза газа дает иммунитет. А потом – белые цветы.

– Что это еще за белые цветы? – спросил Пентон.

П'холкуун пожал плечами:

– Шалуры использовали белые цветы только один раз. Они сами их боятся, поэтому неохотно пускают в ход. Это плесень, которая за полминуты превращает здорового человека в разлагающийся труп. Плоть становится белой и отваливается от костей. Каждый, кто коснется плесени или даже просто пройдет мимо, через сутки становится таким же. Поэтому если вы увидите, что кто-то становится белым, и услышите его вопли – быстро уходите прочь, все равно вы ничем не сможете ему помочь. А сейчас нам нужно торопиться. Я знаю путь, который приведет нас к цели. Все мои люди пойдут за мной. Вы должны следовать за нами, иначе вам не найти внутренний двор.

– Хорошо. Давай, Блейк, – сказал Пентон. – Я нажму снизу.

Они подошли к двери и вместе взялись за нее. Стальные засовы с грохотом выскочили из пазов, вибрируя, как сорванные тростинки. Оба землянина сейчас же прыгнули в открытую дверь, лануры последовали за ними. Огромный центральный зал был озарен светящимися лампами. Полдюжины шалуров бросились им навстречу, бросая бомбы с усыпляющим газом.

Пронзительный крик разнесся по дворцу, эхом перекатываясь из зала в зал. По невидимым переходам забегали люди, где-то слышались душераздирающие вопли женщин. Откуда-то появились несколько слуг-лануров, уставившихся расширенными от удивления глазами на страшное зрелище, а затем исчезли в глубине двorca.

Блейк отвел руку назад и швырнул увесистый камень, полетевший в нападавших на них шалуров. Один из них согнулся пополам, вскрикнув от боли, другой упал – голова его была раздроблена. Когда П'холкуун прокладывал дорогу к боковому коридору на противоположной стороне зала, вокруг них градом падали газовые бомбы.

– Они соберутся для защиты внутреннего двора, как только узнают, что вы пришли! – обернувшись, крикнул П'холкуун. – Надо спешить!

Два ланура шли позади них, мечами отражая атаки с тыла. Шалуры разбежались, скрывшись в узких коридорах.

П'холкуун повел их в проход, круто идущий вниз, затем через десяток переходов – в узкий коридор.

– П'холкуун! – тихо прозвучал странный тихий голос. – Там нет дороги – ворота закрыты. Поверни в сторону. Третий поворот направо. – Послышались удаляющиеся шаги.

П'холкуун был в нерешительности.

– А что, если это был шалур? – спросил он угрюмо.

– Это мой двоюродный брат! – воскликнул один из лануров. – Он секретарь...

Пройдя три поворота, они свернули направо.

– Теперь я потерял направление, – ворчал П'холкуун. – Я не знаю этот путь. Почему он не присоединился к нам, чтобы помочь?

Из боковой комнаты вышел какой-то ланур.

– Я на вашей стороне. Подождите. – Он приблизился к ним. – Шалуры собираются все вместе, чтобы защищать большой внутренний двор. Все входы закрыты стальными решетками, кроме одного – это С'логтские ворота. Они хотят, чтобы вы прошли туда – за ними шлиты. Неужели вы на что-то надеетесь?

– Веди нас, – сказал Пентон, улыбаясь. – Чем быстрее мы доберемся до шлитов, тем лучше. Какое у шалуров оружие?

– На вашем корабле они нашли какое-то оружие, похожее на пистолет или гранатомет с усыпляющим газом. Но оно стреляет только светом, очень ярким светом. Один шалур умер, когда попробовал из него выстрелить. Они заставили лануров исследовать, как он действует. Сейчас у них двадцать этих штук. Там есть еще одна вещь. Они пустили бы ее в ход, но боятся, потому что не могут сделать так, чтобы она не уничтожала все вокруг. Шалуры не будут использовать это оружие, потому что взрывы уничтожат их самих.

– Дьявол, – тихо выругался Пентон. – Шалуры могут остановить шлитов лазерными пистолетами. Они могут

держаться до тех пор, пока корабль в их руках. Но даже корабль не смог бы выдержать взрыва атомной боеголовки. Слава Богу, они боятся этого оружия. Все, что мы можем сделать, — попытаться проникнуть во двор. Показывай дорогу, дружище.

Они снова пошли по еще более извилистым и запутанным переходам, через залы, где слуги-лануры видели их, но отворачивались, как будто не замечали, через комнаты, где ланурские женщины просыпались, разбуженные их вторжением, но, увидев их, успокоенно улыбались. Они спускались по крутым лестницам, шли через задымленные кухни и снова вниз по длинным коридорам...

— Нет, я скажу им! — послышался голос какого-то ланура. — Они не смогут пройти этой дорогой. Зачем они идут туда? Если бы они знали, что мне известно! — И затем донеслись проклятия какого-то шалура.

Они резко свернули в боковой закоулок. П'холкуун засмеялся:

— Шалуры плохо слышат, а зрение у них и вовсе скверное. Но лануры нас прекрасно слышат.

— П'холкуун! Кто... а, это ты. — Из темноты вышел ланур, голос которого они только что слышали. — Они ждут вас у ворот, приготовив трех шлитов. Поворачивайте назад. Попробуйте в другой раз. В городе уже все известно, и там началось восстание. Шалуры собираются выпустить шлитов, когда толпа окружит дворец. Возвращайтесь. Они ждут вас, и у них новое оружие.

П'холкуун встревоженно смотрел на нового ланурского новобранца.

— Ты слышал, землянин? — спросил он Пентона.

— Ты испугался нового оружия, ланур? — Пентон посмотрел на него в упор. — Думаешь, потом шалуры будут знать меньше, чем знают сейчас? Разве к следующему разу они забудут про новое оружие? Ты полагаешь, у тебя когда-нибудь будет больше шансов, чем сегодня, когда рядом с тобой окажутся люди, которые изобрели это оружие и знают о нем больше, чем все шалуры на свете? Только сейчас у вас появился проблеск надежды. Вперед, пока он не погас. — Пентон двинулся по коридору. — Не бойтесь шлитов. Они доставят больше беспокойства шалурам, чем вам.

– Тогда стой. Вот дверь, которая ведет к С'логтским воротам. Стоит ее открыть, тут же появятся шлиты.

– Что за ней? – требовательно спросил Блейк.

– Там, вероятно, три шлита. Господь всех миров только знает, сколько шалуров поджидают нас.

– Где шалуры?

– Они на верхних галереях. С'логтские ворота поднимаются до уровня третьего этажа. Мы на первом, поскольку только так можно проникнуть во внутренний двор. Они засели на второй и третьей галерее, и мы окажемся у них под обстрелом. Нам нельзя входить сюда до тех пор, пока шалуры не будут выбиты с верхних этажей.

– А как нам добраться до третьей галереи?

П'холкуун посмотрел на секретаря-ланура по имени Татуол, который присоединился к ним по пути. Тот покачал головой:

– Можно попытаться, но это мало что даст. Мы можем войти во двор только с первого этажа. Шалуры опустят стальные решетки у нас перед носом.

– Эх, получить бы мне хотя бы один бластер из тех, что они украли с нашего корабля, – сказал Блейк сурово, – все шалуры планеты и все шлиты, стальные решетки, каменные стены, всякие животные и растения не остановили бы меня. Только бы мне добраться до одного из этих шалуров!

Они шагали по извилистым коридорам, потом – по лестницам, ведущим вверх. Татуол вел их через какие-то чуланы и закоулки самыми невообразимыми путями. Наконец он остановился.

– Вот эта дверь. За ней вас ждут полсотни шалуров.

– Тогда не будем их разочаровывать. Вперед!

Пентон рванул дверь и прыгнул. Шалуры, изумленные неожиданным нападением, повернулись к нему, поднимая оружие. Стены мгновенно были изрешечены выстрелами. Бледный луч лазера пронзил воздух со странным свистом и монотонным жужжанием, но почему-то он оказался направленным в противоположную сторону, к балкону на другой стороне двора! Оттуда донесся громкий крик.

Блейк и Пентон атаковали балкон, находившийся на высоте сто футов. С помощью соратников П'холкуун-

на его удалось очистить за пятнадцать секунд. Шалуры падали и прыгали во двор с огромной высоты.

Пентон огляделся. Поперек двора на одном и том же уровне висели четыре одинаковых балкона. Еще четыре находились ниже. Низко над головой нависал обширный потолок, усеянный светящимися лампами. Внизу, в огромном зале, пульсировали и перекачивались три чудовищных шлита, три зеленоватых шара диаметром пятьдесят футов.

Они поднимались и колыхались, а затем вдруг слились в одну огромную массу пульсирующей тошнотворной плоти. Вязкий ком протоплазмы в полной тишине подкатился к стене, и удивительным образом выделившийся длинный отросток студенистого вещества стал быстро расти вверх к балкону, прямо по направлению к ним!

Вдруг Пентон услышал бряцание падающего металла, тихие стоны ужаса и удаляющийся топот ног. Все лануры скрылись. Только П'холкуун и десяток его людей с побелевшими лицами стояли за спиной у землян.

— Шлиты... идут... — с трудом выдавил П'холкуун.

Пентон пригнулся. Стена балкона высотой около четырех футов была покрыта сложным переплетением цветов и деревьев, которые заполняли промежутки, прорубленные в камне. Мертвая тишина нависла над двором. Только тихие чавкающие звуки исходили от огромного чудовища, карабкавшегося по стене. Оно сократилось в двадцатифутовый сгусток зеленого желе с фиолетовым, похожим на кровоподтек узлом в середине, внутри которого поблескивало золотое ядро. Зеленое, как плесень, щупальце, протянувшееся вверх по каменной стене в нескольких футах от балкона, цепко ухватилось за выступ, который оно нашло. Пентон пригнулся и ждал, поглядывая в узкий проем.

— Приготовь три мотка, Блейк, — сказал он тихо, — и жди, когда эта штуковина сюда поднимется.

П'холкуун подошел к ним и подал полдюжину мотков, которые были похожи на металлическую паутину с сидящим в середине черным резиновым пауком.

Щупальце дотянулось до балкона. Толстые отростки слизи, проникшие через отверстия в ограждении балкона, отвратительно извивались. Зеленая волна пе-

ревалилась через перила балкона и покатилась на землянина, когда он поднялся, держа в руке фонарь с выступающими медными клеммами.

Пентон с готовностью протянул руку к одному из желеобразных отростков и, когда тот обвился вокруг нее, приложил фонарь, одновременно нажимая на кнопку. Ток напряжением пятьдесят вольт пронзил огромную шевелящуюся массу протоплазмы.

Она издала страшный крик. Все во дворце замерли от этого непередаваемого вопля. Всепоглощающая ненависть и животный ужас были в этом крике. Отросток стал ярко-желтым и сократился так быстро, что студенистая масса на балконе содрогнулась и расползлась в стороны с громким хлюпаньем. Мгновение спустя она разделилась на три отдельных кома, затем на шесть, и все они испускали громкие вопли.

Пентон бросил один металлический моток так, чтобы он упал на один из трясущихся шаров. Шлит пронзительно вскрикнул, но теперь в его голосе слышалась жалоба. Он откатился в угол, съежился и затаился там.

Другой шлит коснулся черного паука, обвитого проводами, запищал, задергался и, подскочив вверх на пять футов, шлепнулся на пол. Он распался на сотню маленьких комочков, которые покатались и запрыгали в разные стороны, зло вскрикивая, когда случайно касались черного паука.

Сейчас он стал средоточием их страха. Они громко завывали от боли, но в их крике слышался гнев.

Убегая от ужасных жалящих существ, они в ярости бросились к хозяевам, которые их направляли. Волна слизи затопила нижний балкон прямо под землянами. Пентон видел, как лица борющихся со шлитами шалуров покраснели. Рты их широко открывались в густом прозрачном желе. Они отчаянно сопротивлялись, пока не ослабели, и в клубящихся красных водоворотах, которые образовывались в мутно-зеленом студне, то там, то здесь стали появляться белые скелеты.

Пентон отвернулся. Шлит вытянул щупальце к другому балкону. Шалуры, защищаясь, выстрелили в него из пистолетов, и на зеленой массе осталось белое пятно. Было видно, что шлит всосал в себя это пятно, но оно стало быстро расти внутри его.

Тихо шипя, с балкона ярко сверкнул лазерный луч, выпущенный из украденного пистолета. Луч пересек двор внизу и стал блуждать там, а тем временем зеленая волна протоплазмы переваливалась через балкон. Снова расцвело белое пятно. И еще одно. Дважды шлит выплевывал их вместе с кусками своего собственного тела. Затем белизна появилась на зараженном шалуре, и тот упал с громким стоном. Когда отравя проникла в его вены, он начал биться в конвульсиях.

Он очутился на краю балкона, потом повалился на белый ковер исторгнутой шлитом массы, которая изда-дека казалась мягкой и пушистой.

Глава пятая

Неожиданно вспыхнул яркий луч лазерного пистолета. Пентон напряженно следил, как зараженный белым цветком шлит окутывает шалура. Стрелявший выглядел очень сосредоточенным. Он поднял пистолет обеими руками и резко провел им вокруг шлита. Из пистолета вырвалась вспышка света, и в тот же момент шлит завыл от боли. Густой смрадный дым поднялся оттуда, где его пронзил лазерный луч. Шлит свалился с балкона, распадаясь на куски прямо в воздухе. Блейк тихо сказал:

– Меня занимает один вопрос. Там не меньше пятидесяти шалуров. Они очень долго целятся и все равно мажут. Только один из них попал в цель.

– П'холкуун, ты сказал, что они не видят. Что это значит? – спросил Пентон.

– Они видят, но очень плохо. Шалуры никогда не водят машин, не летают на самолетах. Они редко пишат или сами проводят эксперименты. Мы совершенно не понимаем, в чем тут дело. У них что-то со зрением.

– Слава Богу, – сказал Пентон. – Думаю, я догадываюсь... Они соединили две обособленные половины мозга и стали намного умнее любого существа с обычным мозгом, но это для них не прошло безнаказанно. Только одна половина мозга мыслит – это верно. Однако обе половины видят и слышат. Обе половины помогают телу двигаться. Когда они соединили две половины мозга для более интенсивного мыслительного процесса, зре-

ние у них стало раздвоенным. Слух, вероятно, тоже. Они не могут хорошо координировать движения рук и ног, и хотя кое-как двигаются, но не могут отчетливо видеть.

Шалуры, без сомнения, необычайно умные, потому что у них больше лазерных пистолетов, чем было у нас. За одну неделю они в совершенстве освоили эту доселе неизвестную им систему. Однако они все, как один, промахнулись, когда стреляли в нас при нашем неожиданном появлении. Тот шалур, который старался убить шлита лазерным пистолетом, обвел лучом весь двор, но не попал в него... Они не могут быстро двигаться и смотреть прямо. Это несколько меняет мой план. Татуол, знаешь ты такое место, откуда мы можем сбросить мотки во внутренний двор? Давайте закончим работу.

Татуол кивнул:

– Да. Идемте.

Он повел их назад, через запутанные коридоры, через комнаты, где испуганные лануры спрашивали у них, что они сделали со шлитами, вопли которых слышались отовсюду. Новости быстро распространились по дворцу и за его пределами. Затем они добрались до решетки, которая перекрывала коридор. За ней они увидели большой квадратный двор, имеющий в поперечнике четверть мили. Огромные постройки дворца окружали его со всех сторон. И в нем извивались, колыхались и с трудом двигались в такой тесноте полсотни шлитов.

У этих огромных сгустков желе был мозг, и они как-то мыслили. Вопли пострадавших шлитов пугали их, вызывая страх и беспокойство. Светящиеся лампы озаряли тусклым светом движущуюся студенистую массу зеленоватого цвета, которая окружала стоявшую посреди двора ракету из серебристого металла, слабо поблескивавшего в темноте. Корабль, который принес Пентона и Блейка в этот мир, был совсем близко.

– Черт! Как мы проберемся туда? – Блейк помрачнел.

Пентон стал методично кидать золотистые мотки между прутьями решетки.

Один... пять... десять. Некоторые из них падали близко от шлитов, некоторые – далеко. При такой лег-

кой гравитации было очень трудно прицелиться. Наконец два мотка попали в цель.

— Назад... назад к тому выходу, откуда мы можем попасть во двор.

Пентон старался перекричать двух чудовищ, которые, неистово вопя, стали кататься по двору. Дворец сотрясался от их ударов. Всюду забегали люди. Крики шалуров перекрывали рев шлитов, доносившийся из внутреннего двора. Пентон некоторое время колебался, потом собрал все мотки и швырнул через ворота, разбросав по всему двору. Десятки мотков упали с мягким звоном и покатались в темноту. Три из них попали в цель. Беспокойно колышущаяся студенистая масса неожиданно соприкоснулась с жалящими электричеством предметами.

Медные и цинковые провода, выходящие из резинового яйца в центре, питала батарея, помещенная в черную эластичную оболочку. Первая электрическая батарея в этом мире! И шлитов, этих огромных непобедимых шлитов, охватил болезненный ужас. Ведь у них не было кожи, они были массой обнаженной, незащищенной протоплазмы. Каждое прикосновение жалящих проводов пронзало их тела электрическим током, мучительным и невыносимым.

Пентон знал, что будет твориться во дворе. Титаны из протоплазмы, с их странными, отливающими зеленью, блестящими в тусклом свете телами, кричали от боли, и эхо этих криков расходилось за пределы дворца, сливаясь со злыми возгласами окруживших его лануров. Здесь, внизу, когда огромные тела беспокойно движущихся шлитов касались жалящих электрическим током проводов, разряды тока заставляли их корчиться и дергаться. Они безумно, неистово стремились к бегству.

Появившиеся у нижних ворот шалуры старались обуздать шлитов, но безрезультатно. Один из студенистых комков, подкатившись к мотку проволоки, попытался заглотить его. И завопил. Моток пронзил его электрическим разрядом. Находившиеся за другими решетками лануры П'холкуун а тоже бросали мотки: двор был завален ими. И теперь шлиты не могли сделать ни одного движения, не касаясь при этом одного из раскиданных черных пауков.

Шлиты нашли только один выход: они стали расщепляться. Их студенистые тела распались на множество маленьких комков. Они становились все меньше и меньше, но мотков падало все больше и больше. Шлиты не могли проскользнуть между ними, не могли найти ни малейшей лазейки, чтобы избежать электрического тока, разряды которого заставляли их вопить от сильнейшей боли.

Пентон удовлетворенно наблюдал за тем, что происходило во дворе. Великаны диаметром пятьдесят футов, испуская вопли, рассыпались, и теперь не было ни одного студенистого сгустка величиной больше двух футов!

— Наденьте на ботинки вот это, — сказал он тихо, — и вперед. — Отстегнув от своего пояса два мотка проволоки, Пентон обернул их вокруг ног. От его ремня протянулись нити проводов, соединяя краги с пятью крошечными элементами. — А теперь, П'холкуун, мы сможем пройти по двору, если откроем решетку. Ни один шлит не осмелится нас коснуться. Там в двух местах замки, но я думаю, что электрическая дуга запросто их пережжет.

Электрический фонарь быстро переделали. Пентон присоединил к его клеммам две толстые медные спирали. Когда они коснулись стальных засовов, шипящее зеленое пламя вонзилось в металл. Засов расплавился и со звоном упал на пол. Затем наступила очередь второго: он стал красным, затем белым... и распался надвое. Земляне вместе налегли на решетку. Она подалась на дюйм, но устояла. Люди нажимали снова и снова. Лануры тоже навалились всей своей тяжестью.

От ворот на противоположной стороне двора к ним метнулся лазерный луч, который расколол каменную стену в двадцати футах от них. Пентон отбежал.

— Черт, они увидели, что мы ломаем решетку, и теперь не позволят нам к ней подойти. Мы должны что-то придумать. Интересно...

Пройдя по коридору и завернув за угол, он вышел к другой решетке и попробовал ее открыть, но безрезультатно: она оказалась исключительно крепка.

— Татуол, можешь провести меня к какой-нибудь решетке, где стоит шалур, у которого есть наш пистолет?

Ланур задумался:

— Я могу провести тебя туда, откуда только что стреляли.

— Отлично. П'холкуун, найдется у тебя храбрый человек, который остался бы у этих ворот? Ему нужно время от времени подходить к решетке и отвлекать внимание на себя. Есть ли доброволец на такую работенку?

П'холкуун грустно улыбнулся:

— Я сам займусь этим. Действуйте. Я буду удерживать их. Если счастье мне изменит, вспомни свое обещание освободить мой народ.

— Хорошо, друг, — кивнул Пентон. — Они станут свободными еще до восхода солнца. Но... избегай луча, смотри в оба.

Пентон крепко сжал ему руку и пошел вслед за Татуолом.

Они отправились в долгое путешествие по коридорам дворца. Один раз им встретился небольшой отряд шалуров, вооруженных маленькими желтыми трубками, которые содержали в себе смертельный белый цветок... Они, затаившись, пропустили их мимо. Татуол знал потайные ходы в здании лучше любого придворного. Мало кто из жителей дворца осмеливался по ним ходить.

— За этим поворотом, — мрачно сказал наконец ланур, — решетка, стоя за которой шалур открыл огонь. Но я не уверен, что он еще там.

— Будем надеяться. Мы... а-а, он там.

Короткая вспышка лазерного выстрела мелькнула в конце коридора. Пентон бесшумно повернул за угол, Блейк последовал за ним. Четыре шалура, стоя возле ворот, не отрывали глаз от решетки, у которой засовы светили тускло-красным светом.

— Он может добраться до нас и расплавить эти ворота, — обеспокоенно сказал один из шалуров.

— Пусть попробует. Я прикончу его, как только он покажется. Не буду менять направление луча. Я...

Пентон обхватил сильными руками двух гигантов с большими головами на длинных шеях, а Блейк кинулся на других. Шесть лануров, которые следовали за ними, также обрушились на своих врагов, и через несколько секунд шалуры со злостью смотрели на свои пути.

Пентон проверил захваченный пистолет. Покачал головой.

— Это один из наших. Нужен новый заряд. Энергии осталось не более чем на десять секунд. Все это будет потрачено на сталь, и у нас ничего не останется. Ну...

Он открыл ножом затвор пистолета и, скрутив пальцами два кусочка проволоки, вытащил маленький барабан. Затем он установил четыре крошечных винта. Оторвав часть медного провода, опутывавшего его краги для защиты от шлитов, он с помощью Блейка осторожно его вытянул. Медь была хорошей и, прежде чем порваться, растянулась в тончайший, как волос, проводок, который был закреплен в барабане пистолета. Пентон поставил его на место и со щелчком закрыл затвор.

— Теперь, если мне не изменяет память и я правильно рассчитал скорость процесса получения энергии из меди, мы получим ее в необходимых количествах. А если нет — отправимся на тот свет, — добавил он угрюмо.

Направив пистолет на ворота, Пентон нажал кнопку. Полыхнул короткий луч и, почти мгновенно разрезав решетку, проник во двор, распространяя удушливый дым. Пронзительные крики шлитов превратились в гневный визг. Пентон швырнул оружие на пол. Пистолет медленно раскалялся — жар распространялся от ствола к ручке. Все, кто был в коридоре, бросились прочь. Блейк и Пентон успели отбежать на двести футов, когда невероятной силы взрывная волна отбросила их еще на двадцать. Позади раздался грохот падающей стены, даже вой шлитов на мгновение утих.

Пентон осторожно поднялся.

— Неплохо, — сказал он рассудительно. — Не первый сорт, но и неплохо. Могло быть и хуже. Нам повезло, что город все еще стоит на месте.

Из разрушенных каменных блоков получилась отличная лестница. Два человека спустились во двор. Бластер, уже не представляющий опасности, лежал в пятнадцати футах от горы, которую образовали куски стены, окружавшей двор. Шалуры продолжали стрелять, и только их невероятно плохое зрение делало возможным продвижение к кораблю. Некоторые лучи и пули

попадали в шлитов, некоторые вообще уходили в неизвестном направлении.

Но в десяти футах от ворот Пентон застонал и упал. Шлит моментально накрыл собой его руку, пока Блейк не отогнал его прочь прикосновением своего ботинка. Кряхтя, он взвалил Пентона на плечи.

— Они нас держат на прицеле. Брось меня, беги к кораблю, дурак... Они всадили мне пулю в ногу...

— Ух-хух, — выдавил Блейк, — ты шутишь, что ли? Держись. Даже в этом легком мире ты очень тяжелый...

* * *

Блейк посмотрел вниз с высоты пятисот футов. Затем повернул прожектор и направил его луч во двор. Установив ионную пушку, он нажал на кнопку. Блеснул яркий луч... зеленоватая шевелящаяся масса внизу стала коричневой и неподвижной. Луч погас. Блейк взял микрофон и сказал тихо, но звук его голоса был усилен громкоговорителями, встроенными в обшивку корабля:

— П'холкуун, если завтра на закате ты прилетишь на самолете, мы тебя встретим. Я могу уничтожить этот дворец, но большинство его обитателей — лануры. Мне нужно время, чтобы вытащить пулю из ноги Пентона. Увидимся завтра на закате.

СЛЕПОТА

Старый Малком Маккей умер, и можно с полной уверенностью сказать, что именно сейчас он наконец-то обрел покой. Ведь последние его годы радостными и легкими не назовешь. Жизнь ослепших тосклива и трудна, а Маккей шел к финишу в абсолютном мраке.

Всякому известно — ослеп он из-за того, что в течение трех лет смотрел на слишком яркое Солнце.

Всякому также известно и другое: Маккей был зол на весь белый свет. Последнего, правда, не мог понять никто — разве могут родиться подобные эмоции у человека, которого любят и уважают обитатели трех планет!

Некоторые объясняют злобу слепотой и возрастом — ему было восемьдесят семь, когда пришла смерть, — но они не правы. Злиться Маккея заставила слава, кото-

рую принесло ему собственное великое открытие. Причина: он вовсе не желал этого; в действительности он жаждал от человечества благодарности за другое, гораздо менее значительное изобретение.

Одним словом, чтобы лучше понять Великого Старика, нужно лучше знать его историю, в том числе и историю его слепоты, хотя об этом заикаются немногие. Ведь слепота поразила Маккея задолго до того, как лучи Солнца уничтожили его глаза...

Малком Маккей родился в тысяча девятьсот семьдесят четвертом, всего лишь через год после того, как Картрайту удалось наконец совершить самоубийство тем самым способом, к которому он всегда стремился, – на Луне, от удушья, когда у него иссяк воздух. Малкому было три, когда в озере Эри утонул Гарнелл – он оказался первым человеком, вернувшимся на Землю живым. Конечно, он прожил недолго, но по крайней мере дышал, когда вернулся на родную планету. Маккею было одиннадцать, когда экспедиция Рэндолфа, проведя на Луне целый год, вернулась с образцами минералов и дневниками многочисленных исследований. В семнадцать Малком поступил в Массачусетский технологический институт и с отличием закончил его в девяносто пятом. Своей специальностью он выбрал атомную физику.

Маккей решил, что только энергия атома способна широко открыть перед человечеством межпланетные просторы. Он был убежден в этом, когда стал студентом МТИ¹. Он продолжал верить в это, когда, закончив институт, остался там работать.

Тут как раз умер старый Дуглас А. Маккей, завещав сыну три четверти миллиона.

И Малком Маккей понял, что судьба протянула ему руку помощи. Деньги были именно тем, в чем он больше всего нуждался. Ведь научная идея без материальной подпитки сродни голому королю...

Старый Дуглас А. Маккей всегда заявлял, что деньги – высшая форма жизни, поскольку удовлетворяют трем ее главным признакам. Во-первых, они чувствительны к раздражителям. Во-вторых, способны расти. А в-третьих – и, с точки зрения старого шотландца, в

¹МТИ – Массачусетский технологический институт.

самых важных, — они способны к воспроизводству. Так что веривший родителю Малком не мудрствуя лукаво поместил свои деньги в инкубатор (крупную кредитную компанию) и предоставил им возможность размножаться столь быстро, насколько это было возможно.

Для того чтобы когда-нибудь приступить к своим исследованиям, он снимал убогую комнатенку и большую часть времени ходил в поношенной одежде. Но главное — продолжал учиться.

Несомненно, Маккей отличался самым высоким интеллектом среди всех когда-либо живших на земле людей. Он провел в МТИ целых семнадцать лет, преподавая студентам и учась сам, пока не стал знать так много, что преподавательская работа превратилась для него скорее в досадную помеху, чем в полезное времяпрепровождение. Изучив основы атомной физики, он готов был двигаться дальше.

К этому времени его деньги, следуя законам экономики и жизни, в достаточной степени умножились. В свое время он выбрал хороший «инкубатор», и теперь у него было два с четвертью миллиона.

Нет необходимости описывать его первые эксперименты. История о том, как он потерял три пальца на левой руке, стара и всем известна. Он пережил бесчисленное множество мелких и несколько достаточно крупных взрывов. Были у него и радиационные ожоги. Однако, похоже, на его здоровье эти ожоги не слишком сказались, поскольку через тридцать пять лет после того, как он покинул МТИ, Маккей все еще работал. Это в том возрасте, когда другие люди уже давно отдыхают — кто в инвалидных колясках, а кто и в гробах... Правда, потеря пальцев делала для него невозможной работу с тонкими инструментами, но тут всегда приходили на помощь ассистенты.

Как бы то ни было, решающий шаг к своему открытию Великий Старик сделал, когда ему стукнуло семьдесят три.

* * *

— Все ясно, Джон! — Малком Маккей мрачно посмотрел на своего нынешнего ассистента. — Конечно, отрицательный результат тоже результат, но... — Он встал и прошелся по лаборатории. — Кое-чего явно не хватает,

и, чтобы отыскать его, нам потребуется дополнительная жизнь, очень и очень длинная. Боюсь, наше «кое-что» можно найти лишь в одном-единственном месте.

— Полагаю, вы имеете в виду Солнце, — грустно ответил Джон Бернс. — Но ведь к нему невозможно приблизиться на нужное расстояние. — Он пожал плечами. — Хаустон-единственный, кто вернулся оттуда живым, да и тому удалось побывать только на расстоянии сорока одного с лишним миллиона миль. Так или иначе, а в этом полете не было никакого смысла. Автоматы могут подлететь ближе, но ненамного. Иначе жар уничтожит и беспилотника. — Он снова пожал плечами, — Вы сами говорили, что нам нужно оказаться в четырех миллионах миль от Солнца, а не в сорока. Нет, полная безнадега! Невредимым к Солнцу не подобрешься!

— И тем не менее мы туда отправимся, — зло сказал Маккей. — Я потратил на атомную энергию более полувека, и черт меня подери, если мы туда не отправимся. — На мгновение он замолчал, а затем злость превратилась в доброжелательную улыбку. — Впрочем, нет, отправимся не мы. Отправляюсь я. Моя жизнь слишком затянулась, и я готов потратить оставшуюся мне пару лет на эту затею, если смогу сообщить миру, что многовековая проблема дешевой энергии наконец решена. — Он сел за стол и вновь глянул на ассистента. — Многие рассчитывают на энергию солнечного света. Разговоры о ней ведутся с начала прошлого века, но ее еще никому не удалось оседлать. И вряд ли удастся, поскольку эта энергия слишком рассеяна. А изготовить линзу необходимых размеров на практике невозможно. Но вот если мы сможем узнать тайну самого Солнца и дать людям маленькие личные солнца прямо здесь, на Земле, это решит все проблемы. И между прочим, ракеты тоже будут обеспечены энергией. — Старик усмехнулся. — Знаете, Джон, когда я начинал, мечтой моей жизни было снабдить ракеты атомными двигателями. Лишь тогда можно осваивать другие планеты. — Усмешка стала грустной. — А теперь мне почти три четверти века, и я ни разу не покинул Землю!.. Впрочем, нынешние ракеты не слишком нуждаются в атомной энергии. Водород — хорошее топливо, сравнительно безопасное и очень мощное. Нет, атомная энергия необходима здесь, на

Земле, где находятся заводы и где люди по-прежнему добывают уголь в шахтах. Именно тут человечеству нужна атомная энергия. – Голос старика вновь обрел жесткость. – И если Солнце – то место, где можно обрести новое знание, то я туда отправлюсь.

– Но это невозможно, – возразил Бернс. – Солнечное излучение уничтожит вас.

– Что ж, значит, я найду способ защититься от него. Полагаю, именно в этом и заключается вся проблема. Вспомните, Джон, с тех пор как мы начали наши исследования, нам пришлось разработать великое множество различных экранов. И мы должны что-нибудь придумать.

Джон Бернс покачал головой:

– Можно остановить любой известный тип излучения, но нельзя остановить излучение подобной мощности. Дело не в том, чтобы защититься от него. С этим справятся уже известные экраны. Проблема в том, что делать с излучением после того, как мы его остановим. И вот эту проблему мы никогда прежде не пытались решить.

– Что ж, – твердо сказал Маккей, – значит, ею мы и займемся.

Бернс сдался. Он знал, что осуществить на практике задуманное Маккеем невозможно, но и с самой атомной энергией дело обстояло не лучше. Образно говоря, они обшарили в ее поисках уже все закоулки Вселенной, так что можно было с тем же успехом попытаться счастья и с чем-то иным.

Маккей набросился на новую проблему с той же решимостью, которую он демонстрировал в течение предыдущих пятидесяти пяти лет своей научной работы. Ничего принципиально нового, просто возникло еще одно препятствие, стоявшее между ним и Великой Тайной.

Для начала он поэкспериментировал с фотоэлементами, поскольку ему казалось, что одним из вариантов решения проблемы будет преобразование тепла в электричество. Ведь электричество – единственная форма энергии, которая поддается регулированию. Энергию излучения можно снизить – от рентгеновских лучей до ультрафиолета, от синей области спектра к красной и

инфракрасной. Однако ее невозможно накапливать или преобразовывать. Так что Маккей сразу попытался превратить тепло в электричество.

Ему не потребовалось много времени, чтобы понять – надеяться на фотоэлементы не стоит. Они преобразовывали часть энергии излучения в электричество, но около девяноста пяти ее процентов превращалось непосредственно в молекулярное движение, то есть в то же самое тепло.

Затем Великий Старик попытался использовать зеркала, но через три месяца бесплодных экспериментов был вынужден отступить и от них.

Работа напоминала попытки найти выход из лабиринта. Сначала надо обнаружить и обойти все тупики, и лишь тогда остается верный путь. Маккей начал заниматься непосредственным преобразованием молекулярного движения в электричество. Он попытался использовать термопары, но для их работы кроме тепла требовался еще и холод. Холод рядом с Солнцем, понимаете!.. Так что от этого направления тоже пришлось отказаться.

Затем Маккей взялся за гистерезис. Он экспериментировал с магнитами и переменным током. Именно эти работы и вывели его на верный путь. Примерно через полтора года, в две тысячи сорок девятом, он открыл термоэлектрит.

Первый кусок нового сплава был свернут в кольцо и подвергнут воздействию тепла. Потом кольцо извлекли из установки. Оно было тусклым, серебристо-серым, довольно тяжелым и состояло из никеля, железа, кобальта и углерода.

Да, термоэлектрит выглядел точно так же, как тысячи тысяч других сплавов, и казался точно таким же на ощупь. Однако, когда его поместили внутрь проволочной катушки, через пятнадцать минут он покрылся росой, через двадцать – инеем, а по катушке пошел ток в пятьдесят ампер.

Термоэлектрит – магнитный сплав, уникальное свойство которого заключается в том, что все его кристаллы имеют почти в точности одинаковый размер. Когда магнит вращается внутри проволочной катушки и полярность магнитного поля меняется, в катушке индуцируется ток за счет энергии, которая вращает магнит.

В любом постоянном магните кристаллы являются крошечными отдельными магнетиками, ориентированными вдоль силовых линий так, что все их северные полюса направлены в одну сторону. Если брусок из намагниченной стали нагреть, тепловое движение молекул поворачивает некоторые из них, и в результате магнитные свойства пропадают. В случае термоэлектрита кристаллы поворачиваются тоже, но поворачиваются все вместе. Результат таков, как если бы магнит просто повернули. Разумеется, в окружающей его катушке возникает ток. И естественно, энергией, которая поворачивает магнит и дает электрический ток, является тепловое движение молекул.

Маккей сиял от радости: тепло побеждено! Путь к Солнцу был открыт.

* * *

Великий Старик объявил о своих намерениях информационным агентствам и начал переговоры с «Ракетной компанией Болдуина». Переговоры завершились тем, что Болдуин согласился построить корабль, названный «Прометеем». А потом был обнародован и весь знаменитый план Малкома Маккея.

Нормальным людям план показался бредом сумасшедшего. Лишь откровенный фанатик, каким был доктор Маккей и каким стал Джон Бернс, мог вообразить себе нечто подобное.

«Прометей» предстояло стартовать с Луны и отправиться к Солнцу. Преодолев расстояние почти в сто миллионов миль, «Прометей» должен был оказаться на расстоянии в три миллиона миль от раскаленного шара диаметром в миллион миль и выйти на круговую орбиту.

Подобное трудно было себе представить.

Хаустон, облетевший вокруг Солнца, на самом деле просто обогнул его по кометной орбите и позволил силам инерции вновь унести себя прочь. Это было несложно.

Однако, чтобы покинуть эллиптическую орбиту, по которой движется тело, падающее с Земли в направлении Солнца, потребовалось бы все топливо, которое мог поднять с Луны «Прометей».

Да, «Прометей» мог выйти на орбиту вокруг Солнца. Это сложностей не представляло. Но он вряд ли смог бы

вернуться назад, вырвавшись из объятий светила, – во всяком случае с помощью тех видов энергии, которые были известны. Шанс на спасение могла дать только атомная энергия. При условии, что ее удастся обуздать!

В общем, ради подобной возможности Малком Маккей собирался рискнуть своей жизнью. Атомная энергия – или вечный плен и неизбежная смерть в космосе. Третьего не дано!.. И Бернс, ставший таким же фанатиком атомной энергии, как и Маккей, тоже был готов к такому исходу.

«Прометей» создавался медленно. В течение недель и месяцев, пока он строился, Маккей и Бернс готовили необходимое оборудование, приборы, материалы. В первую очередь они запаслись всеми химическими элементами, пропорционально доступности каждого. Даже радием, хотя радий никогда не смог бы стать источником атомной энергии, поскольку полученная с его помощью энергия получилась бы слишком дорогой для промышленного использования. Однако радий мог оказаться крайне необходимым детонатором для двигателей.

Так что они взяли и радий, и смертоносный галоген фтор, и многое-многое другое – Великий Старик вложил в дело своей жизни собственное состояние, и вложил бы все то, что мог бы взять займы, найдись у проекта кредиторы. Однако сумасшедших не нашлось...

Затем материалы начали загружать на корабль, постройка которого близилась к завершению. Внешний корпус «Прометея» сделали из вольфрамовой стали, а пространство между ним и внутренним корпусом заполнили водородом под давлением, поскольку водород оказался лучшим проводником тепла. В пространстве между корпусами находились тысячи термоэлектрических элементов и вентиляторов, создававших циркуляцию газа.

«Прометей» получился красивым кораблем. С одного борта он блестел, словно идеально отполированное зеркало телескопа, а с другого был черным, как космос. Здесь же располагались огромные излучатели – энергия, генерировавшаяся при поглощении тепла термоэлементами, должна была отводиться наружу с помощью вольфрамовых стержней толщиной с человеческую руку.

Наконец корабль стартовал. Оторвавшись от родной планеты, он достиг Луны, первого пункта своего путешествия, где его баки под завязку заполнили топливом. Затем, в августе 2050 года, он отправился к Солнцу.

Добраться туда не составляло особого труда, стоило только покинуть гравитационные поля Луны и Земли. День за днем скорость корабля нарастала. Солнце становилось все крупнее и горячее. Настал черед вспомогательных двигателей, и «Прометей» развернулся к Солнцу зеркальной стороной, отражая потоки тепла. Полет-падение продолжался. Позади осталась Венера, затем орбита Меркурия.

Тут они поняли, что такое настоящее тепло. И настоящее излучение. Солнце приобрело угрожающе гигантские размеры, словно титаническая печь, языки пламени из которой вытягивались на четверть миллиона миль. Начали действовать термоэлементы, и температура несколько понизилась. Затем снова включились маршевые двигатели, начав торможение, медленно и постепенно выводя корабль на орбиту вокруг гигантской печи.

Час за часом двигатели гудели, ревели и грохотали. Становилось все жарче, хотя термоэлементы трудились вовсю. Радиосвязь с Землей прекратилась на второй день с начала торможения – потоки солнечной радиации полностью блокировали ее. Маккей и Бернс знали, что еще способны вести передачи, но больше ничего не могли принимать. Сигналы «Прометей» должны были получать станции на Луне, где всепроникающая статика Солнца была уже бессильна, чтобы заглушить их.

* * *

– Нам нужно побыстрее выходить на орбиту, Джон! – Маккей лежал на своей койке, усталый и ослабевший. – Я старый человек и боюсь, что долго не выдержу.

– Тогда нам придется тормозить резче, – озабоченно ответил Бернс. – А в этом случае, возможно, не удастся выйти на расчетную идеальную круговую орбиту.

Великий Старик грустно улыбнулся:

– Если мы не поспешим, Джон, никакая орбита уже не будет иметь для меня значения.

Маршевые двигатели взревели громче, перегрузка слегка увеличилась, но торможение стало более энер-

гичным. Однако прошло еще целых три дня, прежде чем они смогли выйти на эксцентрическую орбиту и вспомогательными двигателями погасить вибрацию корабля, который вздумал было повернуться к Солнцу черной стороной.

Доктор Маккей почувствовал немалое облегчение.

* * *

Однако минуло еще три недели, прежде чем они закончили корректировку орбиты. Пришлось трудиться день за днем, определяя эфемериды и время от времени давая кораблю легкий импульс.

Наконец «Прометей» вышел на круговую орбиту радиусом в три целых и семьдесят три сотых миллиона миль.

Маккей и Бернс взялись за исследовательские работы.

Им приходилось несладко. Обращенный к Солнцу борт корабля был постоянно раскален докрасна. А внутри «Прометей» казался горячей печью — термоэлементы оказались не способны справиться с теплом.

— Ах, Джон, — пожаловался через неделю Великий Старик. — Все-таки в некоторых отношениях на Земле было лучше. Там можно было получить хотя бы сигналы точного времени. А здесь даже пространство искажено.

Могучая масса и энергия Солнца деформировали пространство таким образом, что спектральные линии стали иными. Иными стали и приборы корабля — титанические электромагнитные поля искажали их показания. Однако работа продолжалась, ведь даже в таких условиях могучий ум Маккея был способен обнаружить определенные закономерности.

К счастью, термоэлементы не только отводили тепло, но и производили энергию, позволявшую поддерживать жизнедеятельность корабля, восстанавливать кислородные запасы и накапливать водород в одном из пустых топливных баков.

Маккей и Бернс продолжали вести наблюдения и расчеты. Через шесть месяцев им стало казаться, что в их жизни никогда не было ничего иного, кроме нестерпимо ослепительного света, стоило задействовать оптические приборы, да смертоносного излучения, стоило выйти за пределы защищенных стен лаборатории и жи-

лых помещений без скафандра. Увы, большая часть корабля была столь же проницаема для жесткого солнечного излучения, как и космическое пространство.

Однако постепенно они притерпелись, привыкли к необходимости посылать ежедневные отчеты с отрицательным результатом и к невозможности услышать ответный сигнал с Земли.

А потом обнаружился и третий вариант развития событий. Скорость их постепенно падала. Фактически они двигались по спирали, приближаясь к Солнцу. Примерно через семьдесят пять лет им предстояло оказаться в пределах досягаемости его протуберанцев. Это грозило гибелью кораблю, однако для людей третий вариант оставался чисто теоретическим – задолго до этого должна была опуститься одна из чаш на весах судьбы: или атомная энергия, или неизбежная смерть.

Близость Солнца давала себя знать и в другом. Серые глаза Маккея сделались бледно-голубыми и налились кровью; его кожа сначала стала темно-коричневой от проникавшего ультрафиолета, затем покрылась синими пятнами. Кожа Бернса тоже изменилась, но глаза его выдерживали лучше, поскольку он был моложе. Тем не менее Маккей даже не сомневался в том, что достигнет своей цели. Он смотрел в горячее сердце Солнечной системы, изучал форму протуберанцев и наблюдал за титаническими отливами и приливами раскаленной добела плазмы.

Ушел в историю год 2050-й, а за ним быстро последовали годы 2051-й и 2052-й.

Исследователи ничего не знали о событиях, происходящих на Земле и на планетах, для них существовал только «Прометей» да чудовищное солнечное пламя.

Наконец, в феврале 2053 года, они оказались на пороге великого открытия.

– Джон, – сказал однажды Маккей тихим голосом, – я думаю, разгадка тайны близка. Думаю, мы можем добиться своей цели, Джон!

Бернс взгляделся в четкие спектральные линии на графике, лежавшем перед Маккеем, перелистал страницы дневника, полные расчетов, измерений и данных.

– Не вижу ничего особо нового, доктор. Не очередной ли это ложный след?

— Надеюсь, нет, Джон. Видите эту тонкую линию? Узнаете ее?

— Нет, — медленно ответил Бернс. — Нет, не думаю. Она находится слишком высоко для линии сорок семь восемьдесят один. Не знаю, что здесь может быть...

— Здесь ничего не может быть, — тихо сказал Маккей. — Абсолютно ничего. Это запрещенная линия. Для нас эта линия невозможна, Джон. Это трансформация, которая просто не может иметь места. Но она произошла, и я намерен выяснить, каким образом. Если я смогу повторить подобное...

— Но это мало что даст, доктор. Даже если вы сможете воспроизвести это изменение, создать эту линию, вы будете столь же далеки от разгадки, как и от Сириуса. Или, если уж на то пошло, хотя бы от Земли.

— Однако я смогу узнать нечто новое, Джон. Вы забываете... Ведь когда я буду знать об атоме все, я буду знать и то, что нам требуется. Если я буду знать обо всех существующих изменениях и об их причинах, я смогу воссоздать их сам. Ах, если б только можно было заглянуть в сердце Солнца всего лишь на несколько миль глубже!..

— Это невозможно, доктор! — Бернс вздохнул. — Свет, этот ужасный свет! Даже на солнечные пятна больно смотреть...

Маккей упрямо качнул головой:

— Зато возможно провести расчеты и сделать больше фотографий большего числа таких линий. И возможно проверить, каковы были показания приборов, когда мы получили эту.

Показаний оказалось более чем достаточно. Маккей и Бернс воспроизвели обнаруженную линию, а затем получили еще несколько невозможных линий.

Это был ключ к разгадке. Все оказалось не столь сложно. Они взялись за проектирование соответствующей установки и закончили работу в сентябре, три года и один месяц спустя после того, как отправились в полет.

Четыре месяца они собирали установку и провели испытания зимой, в январе. (Хотя какая, к черту, зима там, рядом с Солнцем!)

Между тем зрение Маккея быстро ухудшалось. Впрочем, это уже не могло волновать Великого Старика: его

работа подошла к концу. Как потому, что он был не в состоянии продолжать ее, так и потому, что продолжение не требовалось – 14 января 2054 года энергия атома стала подвластна человеку! Великая Тайна, которой Маккей отдал более полувека, перестала существовать.

Однако глаза старика уже не смогли увидеть результат столь долгих трудов.

* * *

– Включаю, Джон!

Раздался щелчок.

Маккей услышал отчетливое гудение. А потом донесся рев – новая машина восторженно приветствовала свое рождение и своего родителя.

Тонкие губы старика раздвинулись в довольной улыбке, а негнущиеся пальцы любовно погладили теплый металл и гладкое стекло.

– Она работает, не так ли, Джон?

– Она работает, доктор. – В голосе Бернса прозвучало ликование.

– Да, Джон, мы сделали это! – На лицо старика вдруг набежала тень. – У нас не было известий с Земли в течение трех лет. Как вы полагаете, Джон, не мог ли кто-нибудь другой открыть то же самое?

Бернс улыбнулся, но Маккей не мог видеть его улыбки.

– Наверное, я кажусь вам слишком эгоистичным, – продолжал он, – однако все-таки надеюсь, что мы первые. Я хочу преподнести открытие в дар миру... Джон, вы можете сами управлять машиной?

– Да, доктор, могу. Вы разработали все необходимые инструкции, и им легко следовать. Мы будем использовать поток высоковольтных ионов, выбрасываемых со скоростью тысяч миль в секунду. А поскольку мы сможем сжигать железо, как вы и предполагали, нам незачем беспокоиться об источнике энергии.

– Да, Джон. Нам больше незачем беспокоиться об источнике энергии. – Старик вздохнул и удовлетворенно усмехнулся. – Я всегда хотел дожить до этого дня. Я всегда мечтал увидеть, как атомная энергия правит миром. Однако теперь мне это уже не нужно. Я ничего не вижу, но дело не в моем зрении. Просто мне осталось жить так мало, что ни к чему беспокоиться о подобных мелочах. – Старик расправил плечи. – Так или иначе,

моя работа завершена. Нам незачем беспокоиться об энергии, Джон. И всему миру тоже. Людям никогда больше не придется думать об энергии. Им никогда больше не придется рыть землю, добывая топливо. Или усложнять себе жизнь, чтобы сэкономить ресурсы. Атом даст энергию для всей мировой промышленности! Все машины на заводах Земли будут приводиться в движение атомом. С помощью атомной энергии можно будет превратить в сады арктические зоны, заселить север Канады. Не будет больше окутанных дымом городов. Атом снимет с плеч человека бремя труда. Больше не потребуется тратить шесть часов в день, чтобы заработать на хлеб. Час в день — и неограниченные, бесконечные запасы энергии. И, возможно, когда-нибудь дело закончится открытием тайны превращения вещества, хотя я уже не увижу этого... Я имею в виду, что не увижу даже мысленно, — улыбнувшись, добавил он. — Солнце открыло мне свои тайны и лишило меня возможности бросать на него нечестивые взгляды. Но одно другого стоит. Мир обретет энергию — и дело моей жизни завершено. Не пора ли нам браться за двигатель?

* * *

С двигателем дело пошло гораздо быстрее. Глаза доктора ослепли, но разум его оставался столь же острым, как и прежде. Более того, мысленно Маккей видел каждую деталь даже отчетливее, чем когда-либо позволяло ему зрение. Подумав об этом, он удовлетворенно усмехнулся:

— Джон, я мало что потерял, но значительно больше приобрел. Я вижу двигатель лучше вас. Он будет из металла, но я вижу его до самых глубин. Могу даже разглядеть струящийся из него поток ионов. Мой разум обладает лучшим зрением, чем когда-либо обладало мое тело. Действуйте, Джон. Нам нужно спешить.

Бернс углубился в работу. Загудел токарный станок, приводимый в движение атомной энергией, вспыхнула электрическая печь.

Мысленный взгляд, которым гордился Маккей, и в самом деле был более острым, чем его старые глаза. И тем не менее ученый был слеп. Он не мог видеть даже раскаленных добела вольфрамовых стержней на «ночной» стороне корабля, выбрасывающих в космос тыся-

чи и тысячи киловатт энергии, вырабатываемой термоэлементами.

Секции двигателя постепенно росли, скреплялись друг с другом. Вскоре были изготовлены сопла. Мощные трубопроводы ионизированного газа вели к ним от приземистого корпуса атомного реактора. Дни следовали за днями, и Бернс продолжал резать, подгонять и сваривать металл.

Наконец работа была завершена, и корабль содрогнулся от мягкого толчка, когда Бернс произвел пробный импульс.

* * *

Разгоняться пришлось медленно, поскольку за три долгих года люди успели привыкнуть к невесомости. Однако постепенно «Прометей», несущий похищенный у Солнца огонь, начал набирать ускорение, по спирали удаляясь от звезды. И радиоволны вновь понесли его сигналы к родной планете.

Исследователи не могли слышать сообщения, которые посылали им в ответ Земля и Луна, но догадывались об их содержании. Ионные сопла тихо шуршали, словно змея в сухих листьях, и корабль продолжал размеренно ускоряться. Двигатели работали день и ночь, их мощность постепенно росла. Добиваться максимальной эффективности теперь не было необходимости. Не требовалось заботиться и о перерасходе энергии — ее было в избытке. Так что постепенно тяжесть на борту корабля доросла до земной.

Единственная проблема заключалась в том, что при работающих ионных двигателях Маккей с Бернсом не могли принимать ответные радиосигналы, даже когда пересекли орбиту Меркурия, а затем Венеры. Однако выключать двигатели они не хотели, поскольку нужно было вновь привыкнуть к земному весу. Поэтому они продолжали разгоняться и пронеслись мимо Венеры с такой скоростью, что даже не заметили корабли, взлетевшие с планеты, чтобы приветствовать доктора Маккея и сообщить ему великую новость.

Затем «Прометей» был развернут на сто восемьдесят градусов, и началось торможение. Когда корабль приблизился к родной планете, исследователи окончательно приспособились к земной силе тяжести.

– Не будем садиться на Луне, Джон, – улыбнулся Малком Маккей. – Проблем с горючим больше нет, так что этот маневр теряет всякий смысл. Полетим прямо к Земле. Лучшим местом для посадки я считаю пустыню Мохаве. Сообщите им, чтобы они держались подальше – ионный поток может быть опасен.

Джон Бернс тут же послал сообщение. Вскоре под ними простиралась громада Земли. Корабль пересек терминатор и понесся над Северной Америкой, направляясь в сторону пустыни Мохаве.

В глазах старого ученого стояла тьма, и лишь уши связывали его сейчас с окружающим миром. Поэтому он первым расслышал сквозь шорох двигателей странный вой за бортом. А потом корабль содрогнулся.

– Это атмосфера, Джон! – воскликнул Великий Старик. – «Прометей» в земной атмосфере! На какой мы высоте?

– Всего лишь пятьдесят миль, доктор. Мы почти дома.

– Дома... Как бы я хотел вновь обрести зрение, хотя бы на секунду, чтобы снова увидеть дом! – Старый ученый стиснул руки. – Джон, Джон, я никогда больше не увижу Землю. Никогда... но это не имеет значения. Я буду ее слышать. Я буду осязать ее. Я буду ощущать ее запах, чистый, сладкий и влажный. Вокруг будет настоящий земной воздух, Джон, густой и пряный от зелени. Сейчас осень. Я хочу вновь ощутить запах горящих листьев, Джон. И почувствовать снег, и различить его легкое прикосновение к оконным стеклам, и услышать скрип человеческих шагов на снегу. Я рад, что сейчас осень. У весны свои запахи, но они не столь интересны, когда ты не можешь увидеть траву, зеленую и яркую, словно детский рисунок. Цвета... – Маккей улыбнулся. – Конечно, мне будет их не хватать. Я никогда больше не увижу листьев, Джон. Но я буду ощущать их запах и слышать их шелест. А еще я услышу гудение и шум тысяч и тысяч атомных генераторов, благодаря которым человечество станет владеть миром. Где мы?

– На высоте три тысячи футов. Они освободили для нас Мохаве в радиусе пятидесяти миль. – Бернс поперхнулся. – Доктор, там сотни тысяч индивидуальных аэрокаров нового образца. Видимо, они разработали способ беспроводной передачи энергии. Видимо, все машины приводятся в движение с помощью электричества.

– Передача энергии? – Великий Старик рассмеялся.
– Это хорошо. Тогда наша с вами атомная энергия сможет войти в каждый дом. Атомный реактор будет слишком дорог для домашнего использования.

– В воздухе оживленное движение, – сообщил Бернс.
– Над нами сейчас пролетает несколько больших кораблей. Вы слышите шум их двигателей?

– Да! – Маккей склонил голову набок. – Люди, Джон, снова люди. Я хочу услышать сразу тысячи голосов.

Бернс беззаботно рассмеялся:

– Судя по всему, вы их услышите. Там сейчас, наверное, миллион человек!

– Корабль замедляется? – спросил Маккей.

Бернс несколько секунд молчал. Затем внезапно сухой шорох двигателей на мгновение резко усилился, послышался мягкий удар, скрип песка – и ионные сопла смолкли.

– Корабль сел, доктор. Мы дома

Сквозь толстые стены донесся неясный шум тысяч голосов. Наверное, половина мира вышла приветствовать его – человека, который изменил всю Землю и всю Венеру.

Люк открылся, и Маккей услышал гудение и грохот тысяч и десятков тысяч двигателей, рев миллиона голосов:

– Маккей приземлился!

– Великий Старик вернулся!

– Слава Малкому Маккею!

Эта всепроникающая какофония, казалось, обладала божественной силой.

– Они приветствуют вас, доктор Маккей! Они приветствуют вас!

– Я слышу, – сказал Маккей, и радость в его голосе сменилась грустью. – Я слышу, но я очень устал и сначала хотел бы немного отдохнуть. Я старше вас, Джон. Вы сделали не меньше меня. Думаю, вы лучше ответите на их вопросы.

Внезапно рядом послышались возбужденные, перебивающие друг друга человеческие голоса.

– Где Малком Маккей?

– Он устал, – сказал Бернс. – Ему немало пришлось пережить. И... От солнечного излучения он потерял зрение. Лучше отправить его туда, где он мог бы отдохнуть.

– Хорошо, но не хотел бы он что-нибудь сказать? Всего несколько слов?

Малком Маккей покачал головой. Человек снаружи снова заговорил:

– Хорошо. Мы отвезем его туда, куда ему хочется.

Малком задумчиво улыбнулся:

– Куда угодно, лишь бы я мог ощутить запах деревьев. Лучшее всего куда-нибудь в горы, где воздух свежий и пряный от запаха сосен. Через несколько дней я буду чувствовать себя лучше...

Его отвезли в уединенный лагерь в горах, в «хижину» из десяти комнат, где он был полностью отрезан от мира и где его сразу окружили врачи. Почти весь день он проспал, и на завтра Бернс дважды приходил навестить его, но его не пустили. А через день Бернс не пришел.

К вечеру он все же появился. Он медленно вошел в комнату Маккея, и, услышав его мягкие шаги, старик насторожился:

– Джон, это вы... Вы чем-то обеспокоены?

– Нет. Просто я не был уверен, что вы проснулись.

Маккей на мгновение задумался, затем улыбнулся:

– Дело явно в другом, но пока оставим это... Они по-прежнему хотят, чтобы я выступил?

– Да. На специальном заседании Американской Ассоциации Научного Прогресса. И... насчет термоэлектрических элементов. Вы сделали намного больше, чем сами думаете, доктор. Вы уже изменили мир. Помните машины, которые, как я полагал, питает передаваемая на расстояние энергия? Я ошибался. Мы недооценили возможности того, что казалось нам менее важным. Я имею в виду термоэлектрические элементы. Эти машины приводятся в действие с их помощью, они получают энергию из тепла, содержащегося в воздухе. Вся индустрия теперь основана на этом. Энергия практически ничего не стоит.

Маккей судорожно вздохнул, но промолчал.

– Элементы дешевы, – продолжал Бернс. – Они имеют малые размеры, крайне просты – стержень из термоэлектрика да проволочная катушка. Они не требуют ни контроля, ни обслуживания. Каждый дом, каждый склад, каждый человек имеет свой собственный термоэлектрический элемент. Все машины, все приборы и ап-

параты питаются их энергией. За эти три года даже карта мира изменилась. Пустыни охлаждаются с помощью гигантских термоэлектрических установок. Тропики стали всемирным садом, благодаря вашим термоэлектрическим элементам там теперь мягкий, не слишком жаркий климат. А получаемая энергия, в свою очередь, обогревает Антарктику!

Лицо старого ученого закаменело.

– И ракетное топливо теперь ничего не стоит! – едва ли не выкрикнул Бернс. – Вообще ничего. Тропические страны считают электролитическое разложение воды наиболее практичным использованием излишков тепла. Таким образом получают водород, который применяется в качестве ракетного топлива. Более того, доктор Маккей, вы изменили и Венеру. На Венере уже существуют две большие колонии, с помощью термоэлектрических установок там создаются комфортные условия. Устройство стоимостью в десять долларов может охлаждать и снабжать энергией средних размеров дом неограниченно долго и без каких-либо затрат. Так что, доктор Маккей, вы изменили весь мир!

Лицо доктора Маккея по-прежнему ничего не выражало. Однако в мозгу его зрел главный вопрос – серьезный и болезненный.

– Но... но, Джон... – Губы его дрогнули. – А как же атомная энергия?

– Одна из крупнейших космических компаний хочет заключить на нее контракт, доктор. Атомная энергия необходима для межпланетных кораблей.

– Одна! – воскликнул Великий Старик. – Всего одна?.. А что же остальные?

– Есть только одна межпланетная компания, – мягко ответил Бернс. – Полеты на Луну более межпланетными не считаются...

Его мягкость погасила вспышку гнева, которая уже казалась неизбежной.

– Понятно, – только и сказал старый ученый. – Понятно, Джон... Они же используют водород, производимый в тропиках. Бесплатная энергия – кому потребуется что-либо иное! – Маккей сгорбился. Дребезжащий голос его превратился в едва слышный шепот: – Значит, мир не нуждается в моем открытии, не так ли?

Джон Бернс молча развел руками. И тогда Малком Маккей сгорбился еще сильнее.

РАЗВИЛКА

Джон Грантленд пристально и с грустью смотрел на посетителя. Дуайт Эдвардс был сыном старого друга, и потому разговор Джону предстоял нелегкий. Грантленд тяжело вздохнул и, откинувшись на спинку кресла, задумчиво раскурил трубку. Проследил, как к потолку поднялось облачко дыма.

— Я патентный поверенный, Дуайт, — сказал он наконец, — и, разумеется, готов оказать вам услуги по оформлению заявки и охране патента. Кроме того, я эксперт по гражданскому и торговому праву, что также имеет определенное отношение к вашей работе. Я могу заняться вашим предложением. В нем есть новизна, и оно может быть запатентовано. Однако прежде я хочу дать вам один совет.

В глазах молодого человека блеснуло любопытство, и Грантленд воодушевился.

— У вас впереди целая жизнь, — продолжал он, — и ваши научные способности еще принесут пользу миру. А это изобретение пользы миру не принесет. Будь вы бедным человеком, я бы без колебаний оформил заявку на патент, поскольку нашлись бы умные люди, у которых много денег и которые могли бы купить патент для того, чтобы уничтожить изобретение. Но вы не бедны, и я бы посоветовал вам отказаться от вашего желания.

— Подождите, мистер Грантленд! — воскликнул Дуайт Эдвардс. — В моем предложении нуждается весь мир! Ведь запасы каменного угля, нефти и газа не бесконечны. Нам нужен новый источник энергии. Мое предложение помогло бы сохранить истощающиеся природные ресурсы. Оно обеспечит энергией автомобили, самолеты, даже небольшие фабрики...

— Сначала оно уничтожит финансовую структуру нации, Дуайт. Ресурсы становятся ресурсами, когда обретают доступность, а доступными их делает наличие определенной экономической системы. Для счастья человечества эта система ценнее и важнее любых ресурсов. Я понимаю ваше желание разработать и дать миру

свою систему, обеспечивающую всех бесплатной электроэнергией. Это великое изобретение. Но...

— Но, по вашему мнению, любое по-настоящему великое, любое важное изобретение должно быть уничтожено, — с горечью сказал молодой человек. — По вашему мнению, перевороты в технике излишни. Достаточно небольших улучшений. Никому не нужны фарадеи, открывающие основные законы науки, — достаточно сэмов браунов, изобретающих новые консервные ножи и более надежные мышеловки.

Грантленд положил трубку и молча откинулся на спинку кресла.

Молодой человек начал с мрачным видом собирать свои бумаги. И тогда Грантленд решился:

— Дуайт, я хочу рассказать вам об одном изобретении, которое хранится в моей картотеке. Эти бумаги видел до вас лишь один человек. Волей судьбы это был ваш отец.

— Мой отец? — Эдвардс поднял голову. — Но он не был изобретателем, он был психиатр, и его совершенно не интересовало...

— На этот раз он был крайне заинтересован. Он видел камеру, которую создали Хью Керри и Роберт Дарнелл, и помог мне втайне от всех уничтожить ее. Случилось это двадцать два года назад, и тогда, в тридцать шесть, сделанное этими двумя парнями показалось мне чудом. — Грантленд вытащил из ящика стола ершик и принялся чистить трубку. — Я намерен рассказать вам о весьма опасном прецеденте, поскольку считаю вас умным человеком. Знакома вас с этой историей, я рискую, и потому у меня есть условие. Вы должны обещать мне две вещи. Во-первых, вы не станете продолжать работу Керри и Дарнелла. Я мало понимаю в этой области, но даже мне ясно, что ваших способностей вполне хватило бы. А во-вторых, естественно, вы никому не станете пересказывать услышанное.

Молодой человек отложил бумаги, и во взгляде его вновь мелькнуло любопытство.

— Согласен, мистер Грантленд.

Грантленд задумчиво набил трубку.

— Хью Керри и Боб Дарнелл оказались одним из тех чудесных случаев, когда двое людей полностью допол-

няют друг друга. В свои тридцать два Хью Керри был величайшим математиком, какого знал мир.

— Я слышал о нем, — воскликнул Эдвардс. — Я использовал его методы анализа. Он ведь умер в тридцать три?..

— Да, — сказал Грантленд. — Суть в том, что его методами пользовался и Боб Дарнелл. А Боб Дарнелл был вроде Эдисона, только в другой области. Эдисон мог воплотить теорию в металл и стекло. Дарнелл обладал такими же способностями, но он работал не со сталью, медью или стеклом. Он работал с атомами, электронами и радиацией. И основой его работы была математика. — Грантленд раскурил трубку и продолжал: — Невероятное стечение обстоятельств свело эту пару в одной точке пространства и времени, а затем разделило их. Вы никогда не слышали о Дарнелле, поскольку он создал всего лишь одну вещь, и она находится здесь, в этом стальном сейфе. В виде документов, разумеется... Кроме того, записи сделаны шифром, ключ к которому хранится только в моей памяти. К тому же все уравнения искажены так, что расшифровать их смог бы только Керри, и нет никаких ссылок на источники.

Грантленд замолк и некоторое время попыхивал своей трубкой, глядя мимо молодого человека. Тот негромко кашлянул, и патентный поверенный вернулся в настоящее.

— Эти двое пришли ко мне в контору, поскольку жили неподалеку и знали меня еще со школьных времен. В ту пору у меня, конечно, еще не было нынешней репутации, но репутация их и не интересовала. Они принесли с собой прибор, который называли камерой ВВВ — Вероятностных Волн Времени. Честно говоря, изначально они пытались сделать устройство, позволяющее видеть сквозь стены, но пошли по неверному пути: попытались использовать четырехмерный метод и проникли в измерение более высокого порядка. Судя по их утверждениям, старик Эйнштейн просто фантазер. Не знаю, я не специалист... — Грантленд встал и прошел по кабинету. — Вы тут что-то говорили насчет фарадеев и сэмов браунов, Дуайт... Так вот устройство, которому я не дал хода, оказалось настолько чудовищным, что все прошлые и все будущие изобретения — пустяк по

сравнению с ним. Оно превосходило все прочее подобно тому, как Солнце превосходит Землю. Его можно назвать величайшим изобретением всех времен и народов, поскольку оно включало в себя все открытия, которые когда-либо будут сделаны.

– Подождите, мистер Грантленд! – вскричал Эдвардс. – Что же способно быть столь великим изобретением? Энергия атома?..

– В числе прочих оно включало в себя и ее. А также тайны гравитации, межзвездных перелетов, победы над старостью и вечной жизни. Оно включало в себя все, что вы можете вообразить себе, Дуайт, и все, о чем когда-либо мечтало человечество.

Эдвардс недоверчиво ухмыльнулся, но Грантленд не обратил на его ухмылку ни малейшего внимания.

– Когда мы встретились, они это уже понимали. Они мне все объяснили, а поскольку я не поверил – показали... Вы не в состоянии представить себе, о чем идет речь? Ничего удивительного!.. Они выложили мне то, что я говорю вам, и поначалу я тоже счел их типами, которые, подобно упомянутому вами Сэму Брауну, скрывают за безудержным хвастовством нечто вроде новой мышеловки. – Грантленд вздохнул. – Только впоследствии я понял, насколько правдивым было каждое их заявление. Они полагали, что их камера каким-то образом проникла в некое измерение более высокого порядка, оказалась за пределами пространства и времени и начала демонстрировать величественную картину мировой истории – того, что уже произошло, и того, что еще произойдет.

Эдвардс снова недоверчиво ухмыльнулся:

– Возможно ли это?

– Возможно, возможно!.. Видите ли, радиус действия их прибора был абсолютно не ограничен во времени. ВВВ-камера показывала все, что случилось в прошлом, от сотворения мира до наших дней... Впрочем, это были цветочки. Ягодки начались, когда камера заглянула в будущее... Дело в том, что, начиная с сегодняшнего дня и вплоть до самого отдаленного грядущего, ни одно событие не может быть зафиксировано в стабильном виде. Прибор Керри и Дарнелла отображал каждую возможность. И где-то в этом широком вероят-

ностном поле существовало любое возможное событие, включая самые фантастические мечты самых безумных фантазеров. Я видел на экране, как рождается и умирает Солнце. Я видел, как перемещаются старые и появляются новые планеты. Я видел, как зарождается жизнь в природе и как она синтезируется в лабораториях. Я наблюдал за возникновением человечества и восхищался мужчинами и женщинами, намного более совершенными, чем мечта Праксителя. Ибо где-то среди вероятностных миров становились явью любые мечты ученых, а вместе с ними и несуществующие мечты еще несуществующих разумов.

Патентный поверенный подошел к окну и некоторое время смотрел в небо, словно видел там некие сияющие вершины. Эдвардс терпеливо ждал. Наконец Грантленд отвернулся от окна, чмокнул погасшей трубкой и продолжил:

— Хью Керри и Боб Дарнелл пришли ко мне сразу, как только создали свой прибор. Это случилось в ноябре тысяча девятьсот пятидесятого. Через пять дней мир, узнав об этом, оказался бы у их ног, если бы не три заковыки. Во-первых, их прибор был несовершенным, а возможности его — ограниченными. И парни об этом знали. Во-вторых, они начали проследживать свои собственные судьбы и уже тогда забеспокоились. Я заметил это их беспокойство и наотрез отказался пронаблюдать мое собственное будущее. В-третьих, они быстро богатели, пользуясь информацией, которую давала им машина. — Грантленд улыбнулся. — Вы могли бы стать крезом, Дуайт, если бы знали с вероятностью восемьдесят пять процентов, что принесет послезавтрашний день. Дарнеллу и Керри это удалось. Сначала их возненавидели букмекеры и отказались принимать у них любые ставки. Потом на них стали косо поглядывать и на бирже. — Улыбка сползла с лица поверенного. — Но затем они бросили эти игры и занялись выяснением своего будущего... Я уже сказал, что возможности машины были ограничены. В частности, у нее оказалась очень низкая избирательность. Трудно увидеть весь лес, когда стоишь среди деревьев. Парни же находились в лесу. Они не могли отчетливо видеть относительно близкое будущее, не могли различить отдельные фигуры, лишь сплошную маc-

су, убегающую в бесконечность. На расстоянии года все начинало сливаться, и по мере того, как устанавливалась определенная тенденция, отдельные отклонения исчезали. Но на расстоянии в два дня или в две недели экран показывал расплывчатую картину, состоящую из накладывавшихся друг на друга изображений, каждое из которых жило своей жизнью. Только представьте себе... Камера, заглянув в будущее всего на десять минут, покажет меня в тысячах вариантов. Их два уже изначально: я могу быть жив или мертв. Но ведь я могу умереть через секунду или в любое более позднее мгновение. Я могу умереть от того, что обрушится дом или остановится сердце, от пули грабителя или от ножа рассерженного изобретателя. Подобные исходы маловероятны, и на экране ВВВ-камеры эти картины будут выглядеть туманными и призрачными. Более того, через десять минут может наступить конец света. Подобная картина тоже должна быть там, поскольку и такое возможно, но она будет едва различима... Если же я останусь в живых, открываются новые варианты: я могу сидеть здесь и мирно курить трубку; может зазвонить телефон; может начаться пожар. Вероятнее всего, я буду сидеть и курить, так что мы должны были бы увидеть четкое изображение – Грантленд сидит и курит. Однако оно будет спрятано среди теней, от серых до почти невидимых, каждая из которых соответствует одной из иных возможностей. Это сбивало с толку и затрудняло работу. Поэтому, чтобы с гарантией получить полезную информацию, Хью и Боб решили каждый день класть на стол деловую газету. Чтобы получить сведения о состоянии рынка, им необходимо было быть абсолютно уверенными в том, что на следующий день газета окажется на столе, развернутая на нужной странице. Даже если наступит потоп, газета должна лежать именно там. Лишь тогда изображение станет абсолютно достоверным, призрачные тени на экране почти исчезнут, а парни смогут прочитать содержащуюся в газете информацию... Была и еще одна проблема. Я знаю ее причины, но предпочел бы о них не распространяться. Просто примите как факт, что сущность пространства-времени невозможно покорить. Можно с абсолютной точностью определить место или время конкретного события, но ни-

когда — и то и другое вместе. — Грантленд снова раскурил трубку. — Итак, как я уже сказал, Хью и Боб попытались проследить собственные судьбы. Ближайшее будущее представляло собой мешанину картинок, но я был с ними, когда они заглянули сквозь время достаточно далеко, чтобы мешанина исчезла. Они решили уйти сразу на сто лет вперед, и Боб Дарнелл со смехом сказал: «У меня окажется длинная белая борода, а на ней, как на подтяжках, будут держаться штаны!» Они включили камеру и установили порог вероятности очень низким, поскольку шансы на то, что Боб Дарнелл будет жив в возрасте ста тридцати трех лет, были крайне малы. В камере имелось устройство, которое автоматически сканировало будущее, пока не находило ту картину, на которой Боб Дарнелл был все еще жив. Это требовало времени, поскольку за каждую секунду машина просматривала всего лишь пятьсот тысяч вариантов. Молодой человек усмехнулся:

— Скорость реакции фотоэлемента... Понятно!

— Дуайт, постарайтесь этого не понимать, — умоляюще сказал Грантленд. — Я не намерен давать вам излишнюю информацию, важно только то, что необходимо для понимания сути.

— Если вы скажете «дважды два», неужели в моих мыслях не возникнет тут же «четыре»? — возразил Эдвардс. — Пятьсот тысяч в секунду — это скорость реакции фотоэлемента. Почему я должен об этом забыть?

— Потому что это — одна из частей изобретения.

* * *

— Машина просматривает пятьсот тысяч вариантов в секунду, — сказал Дарнелл. — Придется немного подождать.

«Немного» вылилось в час, затем в два, и Дарнелл рассмеялся:

— Похоже, мне не суждена долгая счастливая жизнь.

В этот момент машина щелкнула, и все трое уставились на экран. Потом Грантленд сказал:

— Вы неверно задали время. Этот Дарнелл выглядит более здоровым и сильным, чем ты, Боб.

Действительно, Дарнелл на экране был загорелым и стройным, черные как смоль волосы, руки мускулистые и крепкие. Он выглядел на тридцать, а не на сто

тридцать. Однако глаза его были глазами старика и, казалось, пронизательно смотрели прямо на незваных зрителей. Потом он улыбнулся, и между его губами появились ровные, белые зубы.

Дарнелл тихо присвистнул.

— Они победили старость — прошептал он. — Открыли секрет долголетия...

— Видимо, да, — сказал Керри. — Вероятно, они нашли его где-то в будущем, с помощью этой машины... Ты будешь молодым стариком, Боб.

— Однако шансов на подобный исход у меня мало, — возразил Дарнелл. — Интересно, как отыскать путь, который приведет к нему?

— Веди здоровый образ жизни, не пей ничего крепче воды! — Керри ухмыльнулся. — Это много от чего зависит. Давай посмотрим, что у нас есть еще.

Дарнелл снова запустил машину, и она почти тут же остановилась. Появился очередной вариант будущего. На этот раз Дарнелл на экране выглядел ужасно.

— Да-а-а... — с отвращением сказал его реальный прототип. — Предыдущий путь мне понравился больше. Это лицо... Убери его, Хью!

Болезненное, со слезящимися глазами, невероятно морщинистое лицо исчезло; экран потемнел. Да так и остался темным. Других возможностей существования Боба Дарнелла в данном возрасте не было.

— Неплохо, — сказал тот. — Не думал, что у меня вообще есть хоть какие-то шансы.

— Давай посмотрим, что будет через десять лет, — предложил Керри. — От этого больше пользы.

— Конечно, — согласился Дарнелл. — Поставим порог вероятности семьдесят процентов. Вряд ли я умру в ближайшие десять лет, так что этого должно быть достаточно.

Они снова запустили камеру и принялись ждать.

Прошел час, затем другой.

Дарнелл перестал смеяться — ему совсем не понравилось то, что у него крайне мало шансов прожить еще десятилетие. Прошло два с половиной часа. Дарнеллу стало и вовсе не по себе.

— Похоже, мы забрались далеко, — сказал он.

Еще через пять минут машина щелкнула.

На экране появился Дарнелл. Он лежал на резиновом полу, одетый лишь в трусы, и бессмысленно улыбался санитару, который кормил его какой-то кашей. В широко открытых глазах Боба не было ни капли разума.

Экспериментаторам потребовалось секунд десять, чтобы осознать, что они увидели

– Слабоумие, *dementia praecox*. – Голос Дарнелла стал хриплым и сдавленным. – Проклятая машина ошиблась, поскольку со мной такого никогда не будет. Скорее я умру. Это самая отвратительная форма душевного расстройства, какую только можно себе представить. Запускай дальше, Хью!

Пустой экран мерцал полчаса. Эти полчаса прошли в абсолютной тишине, лишь гудела машина. Керри и Грантленд не могли придумать, что сказать Дарнеллу, а тот был слишком занят собственными мыслями.

Наконец машина снова остановилась.

Им не потребовалось много времени, чтобы понять, что изображено на экране. Хью снова запустил машину. За следующий час она обнаружила еще семь подобных вариантов. Затем нашла более или менее нормальный. Они увидели Боба Дарнелла, пережившего душевную болезнь. Он выглядел здоровым.

– Видимо, ты выздоровеешь, – с надеждой сказал Грантленд.

Дарнелл неприятно улыбнулся и покачал головой:

– Если так, то это не *dementia praecox*. Эта болезнь представляет собой постепенную деградацию интеллекта. Разум, уставший от переживаний и проблем, обращается к детским воспоминаниям, где не должно быть никаких переживаний. Однако он обнаруживает проблемы, которые есть у детей, и идет все дальше и дальше, в поисках того момента, когда никаких проблем еще не было. Обычно его останавливает пневмония, туберкулез или кровоизлияние в мозг. Это самая страшная форма душевного расстройства, поскольку она превращает сильного, здорового человека в беспомощного неразумного младенца. Это не идиотизм, поскольку идиот никогда не становится взрослым. А тут взрослый человек деградирует ниже любого возможного уровня. – Дарнелл задумчиво посмотрел на друзей. – Есть единственный вариант, где я пережил нервное расстройство и вы-

здоровел. Что ж, он может быть началом того пути длинной в сто тридцать три года. Впрочем, продолжай, Хью!

Хью продолжил, и они нашли еще три нормальных пути.

Потом они задали промежуток в пять лет, и появилось еще несколько вариантов. На промежутке в два года нашлось уже восемнадцать, из которых одиннадцать вели к безумию, а семь были обнадеживающими. Изобретатели обозначили эти возможности буквами греческого алфавита.

Вариант, который хотел найти Дарнелл, назывался «тау». Это был путь, уводивший его в будущее на сто тридцать три года и дальше, прямо туда, где он мог влиться в ряды шагающих в бесконечность. Варианты «альфа», «бета», «гамма» и далее по алфавиту вели к ужасному безумию. Пока получалось, что вероятность неблагоприятного развития событий была выше.

– Хью, полагаю, теперь твоя очередь, – сказал наконец Дарнелл. – Если, конечно, хочешь попробовать... Что касается меня, потом нужно будет все проверить более тщательно.

Керри кивнул:

– Я бы хотел попробовать. Но, может быть, Джон...

– Нет уж, благодарю покорно! – сказал Грантленд. – Я не хочу знать своего будущего!.. Боб, думаю, лучший способ попасть на путь «тау» – это немедленно уничтожить машину.

Боб уставился на него как на помешанного, затем криво улыбнулся:

– Не могу, Джон. Во-первых, я не имею на это права – она слишком много значит для человечества. А во-вторых, я должен выяснить, как мне себя вести. Чего бы мне ни стоило, я должен знать, каким образом можно дожить до увиденных нами благословенных времен!

– Боб, мне кажется, что, если эта машина будет существовать, тебе это попросту не удастся.

Боб улыбнулся и покачал головой.

– Не могу, Джон, – коротко сказал он.

Керри снова запустил машину, на этот раз для поиска вариантов собственного будущего. Был задан изначальный промежуток в сто лет, с несколько более вы-

соким порогом, чем тот, что соответствовал тау-пути Боба.

Камера довольно быстро нашла Хью, и он тоже выглядел вполне здоровым. Однако второго варианта не оказалось — у Керри был единственный шанс добраться до ста тридцати трех лет.

— У меня тоже есть вероятность прожить долгую жизнь, Боб, — сказал он, — но, боюсь, без твоей помощи мне это не удастся.

— Мне и самому неинтересно жить столько времени без друга, — ответил Дарнелл. — Этот вариант ничем не отличается от тех вариантов, что мы уже видели. Давай заглянем поближе.

Они попробовали заглянуть вперед на десять лет.

В поисках Хью Керри машина гудела минуту за минутой, а тот все больше и больше бледнел, глядя на мерцающий экран, поскольку шансы остаться живым все уменьшались и уменьшались.

— Ладно, — сказал он наконец. — Сейчас восемь часов, и я голоден как волк. Вернемся после ужина. Они вернулись в десять. Машина все еще гудела.

— Оставим ее на ночь, — предложил Дарнелл, и они разошлись по домам.

* * *

Наутро Грантленд явился в лабораторию к десяти и обнаружил Боба и Хью, которые молча сидели, дымя сигаретами. Машина все еще гудела, и экран был пуст.

— Похоже, мне не суждена долгая жизнь. — Керри попытался улыбнуться. — Я тут с семи. Она ничего не... Слава Богу!

Машина внезапно остановилась.

На экране был Хью, с чуть поседевшими волосами, чуть более запавшими глазами, с несколькими морщинами на лице, но живой и в здравом уме.

— Долго же она искала, — сказал Дарнелл.

— Да, — тихо сказал Керри. — Судя по всему, у меня неизмеримо меньше шансов прожить десять лет, чем сто. Ну а что она скажет насчет пяти?

Новая проверка тоже заняла немало времени.

В конце концов они выяснили, что у Керри есть три нормальных и один ведущий к безумию путь длиной в пять лет и одиннадцать вариантов длиной в два года,

три из которых также заканчивались безумием. И вероятность всех этих путей была крайне мала.

Что нужно спешить, изобретатели поняли, когда вернулись к двухлетним путям Дарнелла – два его нормальных и пять безумных путей теперь пропали! Они исчезли вследствие событий, происшедших прошлым вечером. Каким-то образом то, что Боб решил взглянуть на судьбу Хью, сократило его собственные шансы оказаться на верном пути, но, слава Богу, тау-вариант все еще продолжал существовать.

– Похоже, это была развилка, – сказал Керри. – Думаю, надо постепенно уменьшать промежуток и отыскать последующие ключевые моменты.

У Грантленда хватало своих дел, и ему пришлось на время покинуть двух друзей. Он не видел их пять дней, поскольку ему пришлось уехать в Сент-Луис, а затем задержаться в Вашингтоне.

Вернувшись, он сразу же отправился в лабораторию. Хотя стукнуло уже одиннадцать вечера, оба изобретателя были там.

– Есть кое-какие успехи, – сказал Керри. – Мы тщательно проследили наши пути, пока они не исчезли в тумане ближайшего будущего. Мы легко нашли цепочку, выводящую на долгий путь Боба, но, боюсь, с моим ничего не выйдет... – В голосе Хью прозвучала откровенная грусть.

– Что, твой длинный путь исчез вследствие происшедших событий? – спросил Грантленд.

– Хм... в некотором смысле. Я случайно обнаружил одну из развилок. Она отстоит от сегодняшнего дня не далее чем на месяц. Может быть, и меньше, но точно сказать нельзя. Мой длинный путь – это двадцать семь лет безнадежного паралича. Я четыре раза буду безуспешно просить об эвтаназии. Поскольку я знаю, куда ведет этот путь, он мне не слишком нравится. Но проблема на самом деле в том, что та развилка, которую я случайно обнаружил, – это автомобильная авария.

Грантленд с трудом сдержал восклицание.

– Мы пытались сделать моментальные снимки ближайшего будущего, – продолжал Керри, – чтобы получить четкое изображение. Это возможно, если использовать размытое изображение для получения простран-

ственных координат. Но при этом становится невозможно снять показания датчика времени, и мы лишь сумели определить, что развилка находится в пределах месяца, но завтра или через четыре недели, нам неизвестно.

— А что за авария?

Керри пожал плечами:

— Возможно, я останусь в живых... Если за рулем будет Том Филипс. Если за рулем буду я, мне конец. Так что моя судьба в его руках, и я не могу заставить себя принять ее.

— Ты сказал об этом Тому?

— Еще нет, но жду его. Я послал ему письмо, которое он должен получить сегодня или завтра. Я...

Зазвонил телефон.

Керри снял трубку. Это был Том Филипс. К счастью, он получил письмо до того, как собрался уехать в Бостон. Он хотел, чтобы Хью пришел и рассказал обо всем. Естественно, для этого ему надо было показать ВВВ-камеру, так что после пятнадцатиминутного препирательства Керри уговорил его приехать в лабораторию.

— Если бы я не боялся ехать назад с Томом, я бы пошел к нему. — Керри взъерошил шевелюру. — Когда ему что-то забьется в башку, он становится крайне упрямым. Надеюсь, я смогу...

Послышался громкий возглас Дарнелла.

— Что такое, Боб? — спросил Керри.

— Боже мой! Твой длинный путь только что исчез! Значит, опять минула развилка!

Все трое уставились в экран. Путь действительно исчез.

Внезапно Керри задрожал.

— Боб, я боюсь, — прошептал он. — Мне чертовски страшно!.. А вдруг, когда я решил не ехать к Тому, это и была развилка.

Он побежал звонить Филипсу. Но опоздал. Том не заметил грузовика с гравием, выскочившего из боковой улицы и скрытого от него остановившимся трамваем.

— Я должен был поехать к нему, — сказал Керри, когда они вернулись из морга. — Но откуда мне было знать? Если бы мы могли определить точное время развилки...

Однако до самого дня своей смерти он так и не мог избавиться от ощущения, что Том Филипс погиб из-за него.

* * *

Неделю спустя изобретатели проследили свои будущие судьбы и отметили все ключевые точки; они знали каждый поступок, который должен был привести их к максимально долгой жизни. Им был известен каждый поворот, каждая развилка дороги, протянувшейся к счастью и успеху, — за исключением тех, что относились к ближайшему месяцу.

Стоя на вершине холма, они могли видеть путь, который вел через широкие поля к далекому городу жизни. Однако разглядеть окружавшие холм кустарники и перелески парни были бессильны.

— Думаю, мы разберемся и с этим, — сказал Керри Грантленду. — Постепенно дело движется. Мы нашли систему, которая должна сработать. Через неделю мы должны решить проблему. Лишь одно не перестает меня беспокоить — любой день может оказаться решающим, а я об этом не знаю. Боб все время работает, пытаясь найти мои развилки, поскольку у меня осталось слишком мало линий, ведущих дальше декабря. У него же достаточно хороших линий, которые ведут в будущий год и дальше. Поэтому мой путь представляется более важным... Черт, как не хочется умирать, когда впереди еще вся жизнь! — Керри стиснул кулаки. — Но варианты путаются и ветвятся. Может оказаться, что основная развилка находится где-то в декабре, а может — и в завтра. Однако теперь мы начнем продвигаться быстрее. Помнишь наши манипуляции с газетой?

— Конечно!

Керри кивнул в сторону висящей на стене школьной доски:

— Мы решили постоянно записывать на этой доске отчет за прошедший день. Таким образом, корректируя работу, нам удастся быстрее усовершенствовать камеру и добиться четкого изображения ближайшего будущего. А тогда любые развилки перестанут быть тайной.

Решение казалось изобретателям верным и логичным. Раз они сумели стать свидетелями открытий, сделанных миллионы лет спустя, так почему бы не узнать о своих собственных достижениях ближайших дней?

Однако когда они отыскиали завтрашнее изображение доски, та оказалась покрытой сероватым туманом.

Ведь на ней были записаны тысячи вариантов работы, выполненной завтра. И уже в первый день возникало две возможности: они расшифровали записи и воспользовались ими; или же им не удалось расшифровать информацию о сделанном на следующий день и пришлось выполнять работу безо всяких подсказок.

Трижды они провели свой поиск. И каждый раз среди тумана было написано: «Выполнена работа, о которой прочли вчера». Это была единственная доступная информация.

Они посчитали, что хитроумное решение поможет им избежать тупиков. Однако собственные усилия и завели их в тупик.

На третий день Керри встретил Грантленда кривой улыбкой:

– Кажется, Джон, мы нашли одну из моих развилок...

– Что, получили четкую картину ближайшего будущего?

– Нет, – сказал Дарнелл. – Новое сообщение. Иди сюда, увидишь!

Грантленд подошел к доске. Обычно надпись о том, что работа выполнена, была сделана рукой Керри, отличавшегося аккуратным ровным почерком. Однако на этот раз поперек доски шли размашистые буквы, написанные Дарнеллом: «Сегодня погиб Хью Керри. Да смиляется надо мной Бог!»

Грантленд судорожно сглотнул:

– Существуют ведь и другие варианты, Хью.

– Да, но это развилка. Боб пять минут назад поклялся, что, если со мной случится непоправимое, он опишет на доске все подробности. Однако все осталось по-прежнему, никаких других фраз не появилось. Это развилка, Джон, и да смиляется Бог и надо мной, поскольку я представления не имею, что мне теперь делать. Я даже не знаю, оставаться ли мне в помещении или можно выйти на улицу.

Грантленд понимающе кивнул.

Время давило на изобретателей все сильнее. Это была древняя китайская пытка водой, и каждый день оказывался падающей каплей. Они приковали себя к колесу времени, которое не могло остановиться и которое никто не мог остановить. Они могли увидеть, что про-

изойдет в другой день и в другом веке – но не в силах были замедлить движение времени.

И солнце в этот день должно было зайти точно так же, как миллиарды раз до и миллиарды раз после. Никакая сила, никакая воля, никакое желание не могли остановить движение времени; следующий день не мог не наступить. И Керри не мог знать, каким образом решится его судьба.

Грантленд не хотел оставлять их. Однако ему пришлось уйти – дела не терпели отлагательства.

Вернулся он в половине пятого. У дверей его встретил Боб Дарнелл.

– А где Хью? – спросил Грантленд.

– Поехал в «Техно-Продактс» за оборудованием, – спокойно сказал Дарнелл. – Он не позволил мне ехать вместе с ним. Скоро должен вернуться. Идем! Я слежу за его линией.

Они прошли в лабораторию. Машина знакомо гудела, а мерцающий зеленоватый свет делал помещение похожим на пещеру колдуна. Дарнелл взглянул на экран и побледнел.

– Его нет, Джон!

Грантленд бросился к камере.

– Здесь только что был Хью, каким он станет через год! – простонал Дарнелл.

Экран был девственно чист.

Дарнелл словно сомнамбула обошел лабораторию. Взял в руку кусок мела. Потом вытер мокрой губкой доску и размашисто написал: «Сегодня погиб Хью Керри. Да смилуется надо мной Бог!»

– Боб! – крикнул Грантленд. – Ведь ты поклялся Хью, что никогда этого не напишешь. Сотри надпись, подожди, пока мы не узнаем, что с ним случилось, и опиши все подробности. Сообщение может...

– Спасти его? – горько спросил Дарнелл. – Какое это теперь имеет значение? Он мертв. Если хочешь, мы можем выяснить подробности. Но это ему не поможет, поскольку он уже мертв. Иначе он был бы жив... Какой смысл менять надпись? Он уже пошел по неверному пути, Джон, и достиг его конца. Впрочем, я выясню...

Он позвонил в полицию и спросил, известно ли там, как погиб Хью Керри.

Динамик в телефонной трубке всегда звучал достаточно громко, и Грантленд услышал ответ.

– Хью Керри? У нас нет сведений о ком-либо с таким именем. Почему вы решили, что он погиб?

– Сейчас он должен быть мертв, – сказал Дарнелл. – Узнайте, пожалуйста, у ваших людей. Я...

– Минутку! – оборвал его полицейский.

Некоторое время в трубке царила тишина, а потом вновь раздался голос:

– Нам только что сообщили... Парня по имени Хью Керри сбила машина на углу Четырнадцатой и Седьмой. За рулем была девушка. Он вышел из-за припаркованной машины прямо... Послушайте, кто это говорит?

– Спасибо, офицер! Говорит Роберт Дарнелл, Восемьдесят седьмая Восточная, дом сто сорок три. Я сейчас приеду...

Они сели в машину Грантленда и довольно быстро добрались к месту происшествия, но «скорая» уже забрала Хью Керри и сбившую его девушку. Позднее они узнали от нее, что именно произошло. Хью попросту шагнул прямо под колеса. Девушка попала в больницу в состоянии нервного потрясения. Она повторяла, что у погибшего было крайне странное выражение лица – словно его только что осенило.

Боб Дарнелл попытался забрать свою машину, на которой Хью поехал в «Техно-Продакстс», но полиция задержала его. Грантленд не специализировался по криминальным делам, и ему пришлось попросить о помощи своего школьного товарища Билла Пула.

Помощь пришлась как нельзя кстати. Выяснилось, что три недели назад Хью Керри оформил страховой полис на сто тысяч долларов, с двойным возмещением в случае внезапной смерти. Страховая компания боролась за свои двести тысяч, а полиция настаивала на обвинении в убийстве. Ведь Боб Дарнелл сказал по телефону: «Сейчас он должен быть мертв».

Естественно, они никому не могли показать ВВВ-камеру. Однако в конце концов Боба отпустили, поскольку невероятно трудно доказать убийство, когда человек погиб под колесами автомобиля в одном конце города, а подозреваемый звонит в полицию с другого.

Когда Боба Дарнелла отпустили, Грантленд поехал в лабораторию вместе с ним. Дарнелл запустил машину и обнаружил, что у него осталось только пять вариантов, так как вплетавшиеся в его судьбу линии Хью Керри теперь исчезли. Длинный путь был на месте, еще один обрывался через три года. Остальные три варианта заканчивались безумием.

Боб с новыми силами взялся за работу. Пока он сидел за решеткой, у Грантленда тоже накопились дела. Ему удалось снова заглянуть в лабораторию лишь через три недели.

Дверь была закрыта на цепочку, и Дарнелл снял ее только тогда, когда проверил, кто пришел.

— Эти страховые агенты продолжают донимать меня, — пояснил он. — Хотят знать, чем я тут занимаюсь. Однако им это не удастся.

В его глазах были беспокойство и страх.

— Джон, — продолжал он, — ты знаешь, что случилось?.. Я установил в машину блок, за которым тогда ездил Хью, и оказалось, что он работает неправильно. Да, он улучшает картины ближайшего будущего, но напрочь отсекает дальние пути. Машина теперь их вообще не показывает.

Голос его звучал раздраженно и обиженно.

— Не показывает? — переспросил Грантленд. — Дай посмотреть.

— Нет. Сейчас она их не покажет. Всего их пять. Я сам видел. Но эта штука работает неправильно. Она отсекает четыре и показывает лишь один, короткий. Что-то тут не так. Как-то раз мне удалось сообразить, что именно, но теперь я не помню. Однако «Техно» мне не нравится, и я ничего не буду у них покупать. Я потребую, чтобы они забрали свой блок обратно. — Дарнелл вдруг подбежал к двери, прислушался, потом вернулся обратно. — Поможешь мне отсоединить эту ерундовину, Джон? Ты ведь помнишь, как работает машина... С тех пор как вставил неисправный блок, никак не могу найти соединения. Я так беспокоюсь, Джон, а тут еще эта страховая компания, и ко всему прочему машина работает неверно.

Грантленд сразу все понял.

– Говоришь, неверно работает? – спросил он. – И остался только один путь? Что ж, Боб, все меняется.

– Нет, Джон! – решительно заявил Дарнелл. – Должно быть пять путей. Я знаю, поскольку сам их видел.

* * *

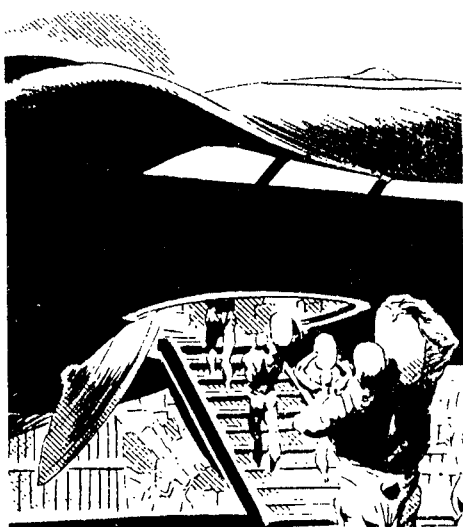
Грантленд снова раскурил свою трубку, выпустил к потолку клуб дыма и посмотрел на Дуайта Эдвардса.

– Я вошел в лабораторию вместе с Бобом и взглянул на экран, – сказал он. – Там действительно оставался только один путь. Именно этого я и ожидал. Я сказал Бобу, что ничем не могу ему помочь, но у меня есть друг, который сможет. Затем я ушел и вернулся с вашим отцом, Дуайт. Он и стал единственным посторонним человеком, кто видел ВВВ-камеру. Он помог мне разобрать ее и уничтожить детали. – Джон Грантленд с минуту помолчал, опустив подбородок на грудь. Затем поднял голову и задумчиво добавил: – Мы были рады, что этот путь был столь короток. Если бы он оказался намного длиннее...

Дуайт Эдвардс медленно встал, уронив свои бумаги на стол Грантленда, и со вздохом сказал:

– Мир не нуждается в фарадеях, не так ли? – и добавил, направляясь к двери: – Распорядитесь моими бумагами по своему усмотрению...

ЛУННЫЙ АД

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Пятнадцать человек в сверкающих скафандрах стояли возле огромного корабля, который только что перенес их через четверть миллиона миль. Теплый золотой свет лился из иллюминаторов «Эксельсиора» — самого большого ракетного корабля, когда-либо построенного людьми. Голубоватые отблески, создаваемые солнечными лучами, сияли на торчащих пиках кратера. А под ногами была растрескавшаяся, неровная поверхность спутника Земли, изломанная давними лунотрясениями, уходящая к странно близкому горизонту, который образовывали неровные стены кратера. Высоко, в усыпанном звездами небе, висел ослепляющий шар. Здесь не было воздуха; тепло чувствовалось только там, куда попадали солнечные лучи. А в каждой тени царила ночь.

Пятнадцать человек разобрали детали небольшой металлической конструкции и принялись монтировать ее на ровной поверхности ближайшей скалы. Когда работа была закончена, конструкцию увенчал американский флаг, безжизненно повисший в пространстве. Через сорок восемь часов, обесцвеченный безжалостным светом, он превратится в кусок белой тряпки. Позднее они заменят ткань листом специально обработанного металла.

А теперь им предстояла другая работа. Руководитель экспедиции доктор Джеймс Харвуд Гарнер от имени Соединенных Штатов Америки объявил собственностью своей страны эту так называемую обратную сторону Луны. Десятки миллионов квадратных миль безжизненной поверхности, которую до этого не видел никто, кроме капитана Роджера Уилсона. Пять лет назад тот дважды облетел спутник Земли и, проведя два дня на

его видимой стороне, провозгласил ее собственностью Штатов.

Однако эти люди были направлены сюда для продолжительных исследований — не на два дня, а на целых два года!

Полученный ими приказ гласил:

«Десятого июня корабль должен покинуть Землю с космодрома в Иньеркене, Калифорния, и пятнадцатого июня прибыть на Луну. Вам надлежит сделать один оборот вокруг спутника Земли с последующей посадкой на обратной стороне. Исследования будут продолжаться год и одиннадцать месяцев. Десятого мая 1981 года второй корабль поднимется с Земли в Мохаве, Калифорния, и направится к Луне, чтобы совершить посадку как можно ближе к Куполу. В течение одного месяца на Луне будут работать оба экипажа. Пятнадцатого июня корабль должен покинуть Луну и двадцатого июня приводниться на озере Мичиган».

«Эксельсиор» отправился в путь с колоссальным грузом: тонны оборудования и приборов, обеспечивающих возможность всесторонних исследований в течение двух лет; бесчисленные кислородные баллоны; контейнеры с продовольствием, книгами и одеждой. Для топлива на обратный путь места уже не оставалось. При проектировании космического корабля был использован модульный принцип, позволяющий использовать все узлы и детали для создания Купола, где будут размещены жилые помещения и лаборатории.

Но для возвращения экспедиции был необходим другой корабль, который обеспечил бы кислородом и питанием команды обоих кораблей — в общей сложности семнадцать человек — сроком на тридцать пять дней...

От приземистого конуса, извлеченного из чрева корабля, тянулись толстые провода. Мощные электрические краны извлекали все новые и новые контейнеры с грузом. Воздух из опустевших отсеков компрессоры перекачивали в баллоны. Натренированная команда работала дружно, и вскоре космический корабль был полностью разобран. Секции корпуса сложили в одном месте, прокладки — в другом. Не стали трогать только низкий круглый отсек-аккумуляторную: размещенные там батареи должны будут обеспечивать Купол теплом

и светом в течение двухнедельных лунных ночей. Затем краны заработали снова, и секции корабля стали быстро соединяться в новую форму. Получился огромный полированный Купол с пятью небольшими иллюминаторами. Внутри хватало места как для людей, так и для запасов еды, баллонов с кислородом и баков с водой, воздушных фильтров — словом, для всего оборудования и припасов, доставленных сюда с Земли.

Рядом с аккумуляторной и Куполом расставили ажурные металлические конструкции, на которых укрепили огромные солнечные батареи, сразу же начавшие превращать энергию дневного светила в электричество. К ним подключили аккумуляторы. На сооружение лагеря ушло десять часов, потом люди перебрались в Купол и наполнили его воздухом. Через час давление и температура достигли нормы, и земляне в первый раз на Луне смогли снять скафандры и поесть.

После обеда им требовался сон, чтобы восстановить силы и продолжить работу. Впрочем, основная часть этой работы выполнялась лунными ночами.

«Во время лунного дня, — писал Томас Риджли Данкан, — мы постоянно маемся от скуки. Это время отдыха и ремонта того, что ремонта даже не требует. Жара абсолютно невыносима, скалы раскаляются так, что на них плавится олово и даже свинец. Весь мир словно купается в огненной реке. Скафандры не способны полностью защитить нас от перегрева. Мы постоянно подвергаемся опасности получить солнечный удар и должны находиться в Куполе.

Работы начинаются ночью. Солнце садится, и поверхность остывает. Света звезд, гораздо более ярких, чем на Земле, все-таки не хватает, и основными помощниками нам служат фонари на шлемах. Используя для обогрева небольшие батареи, можно проводить исследования вне Купола. Самой большой неприятностью оказалась необходимость питаться. В скафандре есть невозможно, невозможно его и снять. Запас кислорода на несколько дней можно носить с собой, но прием пищи и, в особенности, воды становится проблемой.

Однако исследования идут своим чередом. Лунным днем обычно работают двое минералогов, двое химиков и фотограф. Наш астрофизик, коротышка Мелвилл,

трудится и днем, и ночью. Сначала его повергало в жуткое уныние то, что из-за ограничений по весу ему позволили взять с собой только два трехдюймовых телескопа, не дающих того увеличения, которое ему необходимо. Но когда Данкан, Бендер и Уайслер сделали двадцатидюймовый рефлектор из плавленного кварца, Мелвилл наконец воспользовался отсутствием атмосферы и преуспел в фотографировании знаменитых «каналов» Марса. Они впервые получились настолько четко, что по снимкам можно определить: это вовсе не каналы, а приливные насыпи, вызванные перекрестным действием двух спутников планеты, и Солнца.

Остальные в течение дня практически не заняты. Мы отмечаем дни рождения. Четвертое июля, Рождество, День Благодарения, Новый год и все другие праздники.

У нас есть два легких гусеничных вездехода. Их шасси первоначально являлись частями посадочного шасси корабля, а двигатели служили в качестве воздушных и топливных насосов. Каждый вид корабельного оборудования имел двойное назначение. На Луне эти вездеходы использовались в дальних маршрутах. В общем, мы скучали. Мы просмотрели все фильмы и помнили наизусть любой из них. Только наши собственные съемки представляли для нас интерес. У нас нет радиосвязи, поскольку на Луне отсутствует атмосфера и слой Хевисайда, который бы мог отразить радиоволны на ту сторону, что обращена к Земле. Мы не можем ничего ни передать, ни принять с Земли. Лагерь расположен примерно в полутора тысячах миль от ближайшей точки, где видна Земля и возможна связь с ней. Мы, отброшены лет на сто в прошлое — во времена, когда исследователи были отрезаны от других людей.

Наши персональные рации работают на расстоянии до пяти миль, а если взобраться на возвышенность, то чуть дальше. Более мощные передатчики на вездеходах имеют радиус действия около двадцати миль».

Они были отрезаны от человечества расстоянием и лунной твердью, и поэтому неудивительно, что им больше нравилось работать ночью. В основном они предпринимали пешие походы, реже — на вездеходах, поскольку «пеший человек способен, — как пишет Дан-

кан, — более ловко двигаться по невероятно острым скалам и перебираться через расселины. Мы можем прыгать с легкостью на пятьдесят и даже семьдесят футов — машинам это недоступно. Для будущих экспедиций следует сконструировать механического кузнеца в виде перевернутой катапульты, с мощными стальными пружинами, которые взводятся с помощью электромотора. Ничто другое не может здесь двигаться на большие расстояния. Самолеты использовать нельзя, поскольку нет воздуха. А для небольших космических кораблей типа челноков потребуется слишком много топлива».

Тем не менее перевозить людей на значительные расстояния предпочитали с помощью вездеходов, поскольку при тяжелых переходах исследователи нуждались в большем количестве кислорода.

Та часть дневников Данкана, которую мы решили не публиковать, вряд ли может представить интерес для широкого читателя — разве лишь несколько зарисовок, уточняющих картину этого жестокого мертвого мира: «Ртутный термометр, который я случайно оставил снаружи, лопнул. Во время завтрака нас напугал громкий хлопок возле Купола. Мы выскочили, чтобы посмотреть, что случилось, и обнаружили: лучи восходящего солнца нагрели капсулу с ртутью до точки кипения. Именно взрыв разорвавшегося термометра и напугал нас».

Ощущение постоянного падения, о котором Данкан упоминает вначале, исчезло, едва только они привыкли к меньшей гравитации. Их мышцы, вопреки опасениям, не стали слабее. Напротив, от тяжелой работы они окрепли. Тем не менее таблицы взвешивания, которые подготовил доктор Хью, врач экспедиции, выглядят так, словно измеряли вес у подростков. Данкан спустя год после посадки весил всего тридцать один фунт! Доктор Хью сообщает, что использовали пружинные весы, причем их на вытянутой руке держал один из членов экспедиции. Тем не менее это означает, что на Земле Данкан весил бы около ста восьмидесяти фунтов.

На исходе второго года произошел первый несчастный случай. Данкан пишет о нем: «Сегодня мы пережили трагедию. Осталось два месяца до отлета, а Мор-

рисон и Уилкотт мертвы. Они проводили исследования вблизи Северной расселины на вездеходе. Край расселины, обломился под весом машины. Глубина в том месте была в полмили.

Благодаря малой гравитации они летели вниз долго. Уилкотт успел связаться по радио с Куполом и сообщить, что они падают. Они послали нам слова прощания, а затем случилось непоправимое.

Найти тела не удалось, хотя Райс сумел спуститься на место падения и с помощью другого вездехода и длинного троса вытащил машину. Он говорит, что сможет починить ее. А двое людей, по-видимому, выпали из кабины и оказались погребены под массой камней.

Северная расселина переименована в расселину Моркотта».

Шли месяцы. Приближался конец их добровольной ссылки. Когда наступала очередная лунная ночь, они с растущей тревогой осматривали темные небеса в поисках движущейся световой точки. Была проделана огромная работа, и теперь им хотелось поскорее вернуться на Землю. Но их освобождение наступило не скоро, а для некоторых оно не наступило вообще.

Далее мы публикуем дневник доктора Данкана, который он добросовестно вел два года и те несколько страшных месяцев, прошедших в ожидании спасательного корабля. Дневник был написан, как и все другие документы экспедиции, химическим карандашом, поскольку чернила либо замерзали, либо кипели. За все то время, что экспедиция провела на Луне, Данкан не сделал только одну запись, последнюю: его руки уже не могли держать карандаш.

В своем дневнике он называет людей по фамилиям. Список тех, кто дожил до конца второго года, приводится ниже.

Личный состав лунной экспедиции Гарнера

Д-р Джеймс Харвуд Гарнер, руководитель экспедиции, специалист по ракетным кораблям, астрофизик, инженер-химик.

Д-р Томас Риджли Данкан, физик, заместитель руководителя.

Д-р Эстас М. Хью, врач экспедиции.

Д-р Роберт Кеннет Мур, химик.

Д-р Уоррен П. Толмен, химик.

Мистер Артур В. Кенделл, фотограф.

Мистер Дэвид Х. Кинг, минералог.

Мистер Хемпден С. Рид, минералог.

Мистер Энтони Т. Мелвилл, астрофизик.

Мистер Карл Джуэл Лонг, астроном, навигатор (который проделал большую работу по селенографии и вел корабль к Луне. Форт Вашингтон был выбран в качестве нулевого меридиана).

Мистер Джордж В. Райс, специалист-электрик и механик.

Мистер Джозеф Т. Уайслер, кок, механик, полировщик оптических стекол.

Мистер Фредерик Л. Бендер, альпинист, искатель приключений, механик, астроном-любитель.

ДНЕВНИК ТОМАСА Р. ДАНКАНА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Борьба за воздух

16 мая

Кинг и Рид вернулись из последней экспедиции на юго-запад. Они доложили о замечательной находке — залежах селенида серебра, настолько богатых, что, по мнению Кинга и Рида, их можно прибыльно разрабатывать и отправлять серебро на Землю. Это невероятно большое месторождение «ювелирной руды».

Утро уже в разгаре, завтра должен прибыть эвакуационный корабль. Мы ожидаем его с нетерпением. Луна, несмотря на пустынность, холод и жару, внушает нам благоговение. Большинство людей провело день, пытаясь обнаружить в небе корабль. Мы знаем, что он должен здесь быть завтра, задержка хотя бы на день будет означать, что случилось нечто страшное.

Уайслер обещает завтра праздник. Мы все с нетерпением ждем вестей из дома. Поскольку мы потеряли связь с Землей на целых два года, то, возможно, там уже не осталось ничего живого.

Может быть, идет всеобщая атомная война, а мы и не ведаем об этом.

17 мая

Корабль сегодня не прибыл. Он должен быть здесь не позже семнадцатого. Запасов воздуха у нас осталось на два месяца, продовольствия — на три, и мы очень обеспокоены. График межпланетных полетов очень жесткий. Корабль должен был стартовать во время сизигии¹.

18 мая

Наш спасатель лежит грудой раскаленного, искореженного металла. Он прибыл вечером в 21 час.

То, что случилось, для нас просто ужасно. Пройдет по крайней мере целый месяц, пока на Земле узнают, что возвращение экспедиции не состоится. И еще один, чтобы начались какие-то действия. Затем потребуется пять месяцев на строительство нового корабля. Следовательно, пройдет не менее семи месяцев, прежде чем прилетят спасатели, а кислорода у нас всего на восемь с половиной недель! Пищевые рационы мы можем уменьшить, но потребление кислорода сократить нельзя.

А началось с того, что сегодня утром Райс заметил над горизонтом светящуюся точку. Объект двигался быстро и походил на спутник Луны. Мы все видели, как он исчез за горизонтом, а потом появился снова. Он стал гораздо ярче, и мы воспрянули духом. Он находился на расстоянии менее тысячи миль и едва поднялся над горизонтом, как заработали двигатели. Корабль начал стремительно двигаться в нашу сторону. Приветственные крики сопровождали его маневр, а Райс попытался связаться с ним по радио. В 10.55 был получен ответ. Корабль находился менее чем в трехстах милях, там уже включили тормозные двигатели.

Мы приветственно размахивали руками и смотрели, как он идет на посадку. Корабль прилунился менее чем в миле от Купола. Почти мгновенно после этого включился кормовой двигатель и с жутким ускорением поднял корабль на высоту не менее пятидесяти миль. Вероятно, основной двигатель включился самопроизвольно, и его не смогли выключить вовремя.

¹Сизигии — общее название двух лунных фаз: новолуния и полнолуния. (Здесь и далее прим. издателя.)

Однако экипаж не потерял присутствия духа. Благодаря искусным маневрам пилотов машина опустилась на высоту в полмили, но тут, по-видимому, управление отказало окончательно, и корабль врезался в лунную поверхность на расстоянии менее четверти мили от Купола. За считанные секунды он превратился в раскаленные обломки, в погребальный костер для несчастного экипажа. Сегодня мы не смогли ничего предпринять, потому что обломки еще слишком горячи.

Д-р Гарнер вскоре после этого собрал всех колонистов и вкратце объяснил, что пройдет больше месяца, прежде чем на Земле поймут, что эвакуационный корабль потерпел катастрофу, и еще по крайней мере полгода потребуется на постройку спасательного челнока. Он попросил, чтобы утром все высказали свои предложения в связи с этим.

19 мая

Температура на скалах: 163 градуса по Цельсию.

Сегодня утром после завтрака все собрались снова. Мур рекомендовал временно прекратить курение, поскольку при этом расходуется кислород и загрязняется воздух. Он заявил, что надеется выделить кислород из минералов, но процесс этот будет трудоемким.

Как заведующий хозяйственной частью, я вынужден был заявить, что рацион питания придется существенно урезать.

Воздух является первоочередной проблемой, потому что значительно уменьшить потребление кислорода невозможно. Воды у нас осталось на два месяца, но Мур обещал помочь и в этом деле.

Кроме того, нам не обойтись без тепла. А Райс доложил, что аккумуляторы, которые служили нам два года в самых экстремальных условиях, внушают ему опасения. Они могут выйти из строя, потому что их придется использовать более длительное время. Вездеход обеспечен топливом всего на шестьдесят часов работы. Для перевозки минералов, из которых можно извлечь кислород, он был бы исключительно полезен, но Бендер тут же стал возражать против его использования, объяснив это тем, что вездеход потребляет слишком много кислорода, хотя в действительности он расходует меньше, чем люди, выполняющие ту же самую работу.

Кинг и Рид доложили о самом приятном. Оказывается, неподалеку располагаются большие россыпи гипса, а прокаливая это вещество, можно легко получить воду. Мур надеется, что с помощью электролиза сумеет получить кислород, но это потребует огромного количества энергии.

Мы провели остаток дня, перетаскивая гипс к лагерю, однако этим занимались не все. Райс, Бендер и Уайслер сооружали тележку на колесах. Кинг и Рид, показав нам месторождение, начали сооружать электрическую печь. Добывать гипс оказалось очень трудной работой, потому что взрывчатые вещества в безвоздушном пространстве дают эффект только в том случае, если их глубоко закопать. Кроме всего прочего, мы обнаружили, что у нас очень мал запас взрывчатки.

Будет очень трудно выжить в таком пустынном мире. Даже для того, чтобы получить воздух, придется немало потрудиться.

20 мая

Температура на скалах: 169 градусов.

Во второй половине «нашего» дня наступила середина лунного. После завтрака Райс предупредил, что использовать аккумуляторы для выделения воды в течение лунной ночи будет нельзя. К тому же он возражает и против какого-либо иного их применения. Аккумуляторы еще не успели полностью зарядиться после прошлой лунной ночи. Я склонен согласиться с ним, хотя Бендер сомневается в правоте Райса и убедил остальных, что использовать аккумуляторы безопасно и даже необходимо.

Я сходил сегодня к залежам серебра, про которые говорил Рид, и подумал, что они будут полезны.

Принесли около десяти тонн гипса. Кинг посоветовал построить дорогу, но Толмен, ответственный за работу, считает, что в первую очередь, до наступления ночи, следует перетащить как можно больше материала. Ночью работать с взрывчаткой опасно — слишком темно.

К вечеру мы сильно устали, а кроме того, сказалось сокращение рациона. Уайслеру приказано понемногу уменьшать нормы.

21 мая

По моему совету Гарнер приказал строить дорогу к залежам гипса. Я считаю это верным решением.

За обедом меня обвинили в том, что при распределении пищи я будто бы оказал некоторым членам нашей экспедиции предпочтение. Порции и так невелики, но будут уменьшаться и впредь, а вместе с ними окончательно испортится и настроение людей. Мы работаем больше, чем когда-либо прежде, а питаемся хуже.

Солнце приближается к горизонту, и Рид опробовал сегодня свою перегонную установку. Солнечные батареи не выдерживают такой нагрузки, и, несмотря на протесты Райса, придется использовать аккумуляторы.

Устройство работает плохо: хотя вода выделяется сразу, она не конденсируется, как будто температура вокруг змеевика выше точки кипения воды, даже при пониженном атмосферном давлении.

22 мая

Дорогу закончили, а в конце дня сломался вездеход. Для него осталось так мало топлива, что решили его не чинить. Сделали еще одну тележку, и люди возят гипс теперь исключительно вручную. Счастье, что лунная гравитация меньше земной. Рид усовершенствовал свою установку, и она наконец заработала. Ему пришлось построить укрытие, не пропускающее солнечные лучи. Он объявил, что в любом случае ночью работать будет невозможно, и тогда Райс облегченно вздохнул. Наверное, он без ума от своих аккумуляторов.

Я еще раз посетил серебряные залежи и на маленьких санках привез оттуда образцы. С помощью Мура попытаюсь сделать из серебра солнечные батареи¹.

Пища стала самой популярной темой разговоров. Хотя все осознают необходимость уменьшения рациона и воспринимают это с пониманием, голод дает о себе знать. Особенно тяжелые дни переживают курильщики. Я несколько раз пытался жевать табак, но никакого удовольствия не получил.

¹Солнечные батареи изготавливаются из серебряных пластин, покрытых слоем селенида серебра и тонким слоем другого металла; солнечный свет, попадая на пластину, создает достаточно большой ток. Такие солнечные батареи были источником энергии в течение всех двух лет.

Когда по радио объявляют обеденный перерыв, мы собираемся быстро. Над Уайслером постоянно посмеиваются, а вечером устроили над ним шутовской суд, обвинив кока в расточительном использовании воды: вечерний суп оказался довольно жидким.

23 мая

Приближается закат солнца. Вероятно, когда мы ляжем спать, солнце сядет.

С месторождения привезено уже много гипса, и Рид соорудил более крупную печь, чтобы использовать ее, когда солнце взойдет снова. Он нашел несколько больших кусков пемзы и применил их в качестве тепловой изоляции для печи.

Мы с Муром начали делать солнечные батареи. Серебро очистили электролитическим способом. Когда небольшая, грубо сделанная батарея была готова, мы обрадовались и удивились: оказалось, она работает. Кенделл и Райс согласились помогать нам.

На завтрак в 7.15 проглотили блины с кофе, а через двенадцать часов был обед из тушеных овощей и водянистого супа. В течение получаса еще остается ощущение сытости. У некоторых неприятности с желудком, но вслух никто не жалуется, хотя люди трудятся весь день и в тяжелых условиях. К счастью, карьер сегодня оказался в тени от выступающей скалы, поэтому работать полегче.

Кажется забавным «выкапывать» воздух из скал.

24 мая

Д-р Гарнер направил Мура, Кенделла и Раиса помогать мне в изготовлении солнечных батарей. Райс тем не менее половину времени проводит со своими разлюбезными аккумуляторами. Однако, осмотрев их, я понял его беспокойство. Они были рассчитаны на двухлетнюю эксплуатацию. Теперь материал уже осыпается с пластин. Райс попробовал сегодня восстанавливать их, но ничего не вышло.

Мы не в состоянии бороться с холодом. Есть только тонкие одеяла, потому что понижение температуры внутри Купола не предполагалось.

В желудке — постоянное болезненное жжение, несомненно другие тоже испытывают нечто подобное.

Температура снаружи: минус 143.

25 мая

Закончены десять солнечных элементов. Работа с взрывчаткой продолжается, и куча гипса увеличилась. По моему настоянию перегонное устройство решили впредь во время лунного дня не использовать. Мы надеемся закончить к этому времени солнечную батарею значительных размеров. Даже Райс соглашается, что ток, который мы берем из его аккумуляторов для изготовления солнечных батарей, идет на доброе дело.

Очень трудно обрабатывать стекло для элементов без газового пламени, но ради кислорода никаких усилий не жалко.

Рид, Кинг и Толмен работают над аппаратом для электролиза. Возник неожиданный вопрос: можно ли использовать побочный продукт — водород? У нас есть множество пустых баков, и я предложил сохранять газ — возможно, он пригодится потом.

Температура: минус 147.

26 мая

Около двух часов пополудни принесли Мелвилла. Он в тяжелом состоянии — на карьере произошел оползень, и Мелвилла засыпало. Он инстинктивно прикрыл руками стекло на шлеме, поэтому оно не лопнуло. Однако прорвалась штанина, и воздух начал выходить наружу. Остальные быстро его откопали и увидели, что он плотно сжимает прореху. Вокруг лодыжки затянули веревку, чтобы устранить утечку, и поспешно понесли его домой. Пострадавший не произнес ни слова, а когда подошли к Куполу, оказалось, что Мелвилл без сознания. Его бережно втащили в шлюзовую камеру и только тут обнаружили, что правая нога пострадавшего сломана в трех дюймах выше колена. Оказалось, что оборваны провода системы обогрева, а кровообращение остановилось из-за наложенного жгута, и нога замерзла. Пока Мелвилла несли, она стала хрупкой, как стекло, и обломилась. Д-р Хью обработал культю и надеется на лучшее. Никто прежде не имел опыта лечения подобных ран.

Работы в карьере были приостановлены. Вечером д-р Гарнер выступил перед нами с просьбой быть осторожными. Однако работу прекращать нельзя. Мы должны делать все возможное. Люди в очень подавленном настроении.

Изготовили пятнадцать солнечных элементов.

27 мая

Сегодня вечером Мелвилл впервые после несчастного случая пришел в сознание. Д-р Хью давал ему снотворное, но нога постепенно оттаяла, и потерпевший очнулся. Некоторое время он жаловался на зуд в ноге и пытался чесать ее. Когда полностью пришел в себя, сразу же понял, что ноги у него больше нет. Выслушав всю историю, он остался очень спокойным и сказал только, что для астрофизика нога — не слишком большая потеря. Он хочет помогать нам в изготовлении солнечных элементов, потому что это единственная работа, которую, по его словам, он сейчас в состоянии делать.

Мелвилл не страдает от боли, и д-р Хью предположил, что такое стремительное замораживание не повреждает ткани.

Готовы двадцать пять солнечных элементов. Работы в карьере снова начались, причем д-р Хью заменил Райса здесь, в работе над солнечными элементами.

Рационы питания сокращены до полутора фунтов в день на человека. Это означает, что нам хватит запасов на пять месяцев. Но, скорее всего, мы умрем не от голода — прежде чем кончится пища, мы будем уже настолько слабы, что не сможем работать на гипсовом карьере, добывая воздух.

28 мая

Солнце давно уже не показывалось из-за горизонта, поэтому работать в карьере тяжело: здесь тьма и холод. С вездехода сняли аккумуляторы с фарами и приспособили их для освещения карьера. Осталось около двух десятков стальных ломов, и Гарнера это очень беспокоит. Стальные ломы для нас дороже золота, но на жутком холоде они становятся очень хрупкими. Кенделл сегодня сломал один — опыта работы в таких условиях у него не было. Я предложил Риду использовать киноарь, которую мы нашли в двух милях к юго-западу от Форта Ваггингтон. Райс, как обычно, горько жаловался на разрядку аккумуляторов, некоторые возмущались перерасходом кислорода, но, к счастью, работа закончилась успешно, и два новых лома из твердой ртути были готовы. На таком холоде они были твердыми, как сталь, но гораздо менее хрупкими. А главное, если

они ломались, достаточно было собрать куски и принести их в Купол. Их складывали в форму, и через полчаса они снова годились для работы. Кроме того, ртутные ломы оказались гораздо тяжелее и поэтому шли наравхват.

Мелвилл быстро поправляется — гораздо быстрее, чем мы смели надеяться, — и очень помогает при изготовлении солнечных элементов. Он оказался искусным полировщиком.

Когда у д-ра Хью спросили, можно ли добиться большей экономии продовольственных запасов, он сказал, что если работы в карьере будут продолжаться, сделать рацион меньше одного фунта на человека в день нельзя. В противном случае добычу гипса придется свернуть. Лично я с этим согласен. Я занимаюсь разработкой серебряного месторождения лишь время от времени, но вполне понимаю чувства наших горняков.

29 мая

Сегодня д-р Гарнер заболел, и люди стараются удержать его в Куполе. Наш руководитель старается быть первым во всем, и говорят, что он делает гораздо более тяжелую работу, чем мы думали. Д-р Хью предписал ему отдых. Д-р Гарнер старше всех нас и, возможно, не оказался бы в списке экспедиции, если бы не сам ее организовывал.

Закончено всего сорок солнечных элементов, за сегодняшний день сделано пятнадцать — благодаря помощи Мелвилла и опыту, который мы накопили. Д-р Хью говорит, что Мелвиллу полезна посильная работа: она улучшает его психическое состояние.

30 мая

Сегодня Риду двадцать восемь лет. Я выдал кварту шотландского виски, и его заморозили в виде торта с надписями из имбирного пива. Рид настоял, чтобы разрезать его ртутным ножом. В результате этот «торт» так и не был съеден, а Рид, орудуя ножом, чуть не отморозил себе пальцы.

Работа тем временем продолжается. Делается вторая печь, рассчитанная на непрерывную работу. Вагонетки, изготовленные из пемзы, будут проходить сквозь печь, и, таким, образом ее не нужно будет охлаждать и нагревать между загрузками. Требуется

многое проверить. Одну ошибку уже удалось предотвратить. Мы чуть было не разместили сгуститель наверху. Забыли, что горячие газы на Луне вверх не поднимаются. Любой газ здесь опускается вниз. Поэтому кое-что удалось упростить. Для сбора газа достаточно иметь сосуд наподобие воронки в нижней части печи.

31 мая

Лонг предложил установить на границе с видимой стороной Луны гелиограф и подавать сигналы на Маунт-Вилсон. Он считает, там смогут заметить даже небольшое зеркало. Он хочет взять с собой бутылку ртути и, заморозив ее прямо на месте, сделать отражающую поверхность. Питаться он собирается сгущенным молоком, которое будет пить через трубку из резиновой груши. Каждый из нас, исключая Мелвилла и еще одного члена экспедиции, готов его сопровождать. Но Гарнер отменил эту затею. Как руководитель, он несет за нас ответственность и считает, что такая экспедиция невозможна. Он обратил наше внимание на неизбежную смерть от голода и жажды, если трубка выпадет изо рта во время сна или по какой-то другой случайности, — вернуть ее в рот будет невозможно. С другой стороны, это предприятие может сократить срок пребывания здесь на месяц или более.

1 июня

К ночи люди устают, и сон их тяжел. Однако вечерами они пробуют развлекаться. Одно из развлечений, пользующееся большим успехом, заключается в поочередных выступлениях за круглым столом. Выступают с рассказами о космических путешествиях. Первым был Мелвилл, который отправил своего героя на Юпитер, где тот и застрял, поскольку сила тяжести там оказалась слишком велика для его корабля. Следующая очередь — Лонга. Его рассказ мы услышим завтра вечером.

Хочется чего-нибудь очень вкусного. Но мороженое мясо закончилось, а мясная мука, хотя и питательна, не вызывает соблазна отведасть ее.

Изготовили еще несколько солнечных элементов. Теперь у нас их восемьдесят пять, то есть хватит на целую батарею. Мы соберем ее завтра.

2 июня

Пока все спали, исчез Лонг. Мы решили искать его, но Гарнер приказал оставаться на месте. Ночью отыскать человека невозможно: здесь слишком много скал. Каждый из горных хребтов, возникших в результате давнего лунотрясения, остался таким же, как и в свой самый первый день. Мы надеемся, что Лонгу повезет, но Райс заявил, что шансы невелики. Лонгу предстоит пройти тысячу то миль, максимум тысячу пятьсот. Здесь вполне можно делать миль триста в день, а если поторопиться, то и все пятьсот. Он взял кислорода на семь дней.

Девятого июня все будет ясно.

Сделали четыре новых лома из ртути. Работать ими очень удобно, но они быстро тупятся и нуждаются в ежедневной переплавке.

3 июня

Лонг, очевидно, взял с собой порошковое молоко, шоколад и воды на шесть дней — я определил это у себя в кладовой. Мы не стали жалеть об этих припасах.

Поступок Лонга будто бы встряхнул всех: с ним постоянно стараются связаться по радио, но он уже за пределами дальности наших передатчиков. Если спасательный корабль появится на месяц раньше, это может решить исход дела.

4 июня

Сейчас около полуночи, и Райс по секрету сказал мне, что аккумуляторы сильно разряжены. Если требуется, чтобы энергии хватило до восхода солнца, нам придется понизить температуру в Куполе. Аккумуляторы оказались менее надежными, чем он рассчитывал. Вот в чем недостаток точных расчетов при изготовлении нашего оборудования: в соответствии с принятым планом эта ночь должна была стать для нас последней на Луне, и нарушения в работе аккумуляторов расценивались бы как мелочь, на которую не стоит и внимания обращать. В нынешней же ситуации они наверняка не выдержат следующей ночи, и трудно оценить, к чему это может привести. Я уже отмечал, что у нас нет с собой теплой одежды, а скафандры пригодны только в безвоздушном пространстве. Я приостановил работу над солнечными элементами и занялся изготовлением газового обогревателя.

Сегодня вечером всех поставили в известность о возможном выходе аккумуляторов из строя. Словно истинные спортсмены, люди согласились на ужесточение условий существования. Купол решено не отапливать, когда люди находятся на работе и спят — температура в нем будет чуть выше точки замерзания (более низкой мы не можем допустить), — а включать обогрев во время ужина и завтрака. Экономия в этом случае получается значительной.

5 июня

День рождения Лонга. Сегодня ему двадцать восемь, но празднует он где-то в одиночестве. Мы надеемся, что он будет с нами ко дню рождения Толмена, четырнадцатого июня. Тогда уже взойдет солнце.

Обогреватель работает нормально. Это, вероятно, спасет нас.

6 июня

Выданы остатки консервированного молока. Израсходован последний сахар. После того как мы собрали все остатки в одну кучу, полки стали выглядеть удивительно пустыми.

Бендер снова обвинил меня в несправедливом распределении продовольствия. Он тяжело переносит физические нагрузки, а голод усугубляет его состояние. Я удивлен только, что подобных обвинений больше не высказывает никто. Однако совесть моя чиста — порции делятся максимально честно.

При низкой температуре находиться в Куполе очень неприятно. Райс говорит, что предпочитает трудиться в карьере. В лаборатории мы пользуемся обогревателем, поэтому там немножко лучше.

7 июня

Райс заявил, что слышал сигналы Лонга. Я в этом сомневаюсь, потому что прошло всего пять дней, а Лонг ожидается на седьмой.

Теперь рядом с Куполом огромная куча гипса, и некоторые говорят, что пора бы и передохнуть, поскольку материала у нас пока достаточно.

В течение дня в Куполе очень холодно, работать почти невозможно. Правда, Райс утверждает, что аккумуляторы могут выдержать до четырнадцатого июня — то есть до восхода солнца.

Закончены две солнечные батареи, за счет чего наши энергетические возможности увеличились на пятьдесят процентов.

8 июня

Сегодня Райс отключил наиболее разрушенные пластины аккумуляторов и уменьшил количество нагревателей вдвое. Тепла стало так мало, что мы мерзнем и день и ночь.

Возобновились вечерние рассказы, прерванные исчезновением Лонга. На этот раз мы слышали о корабле, который приземлился на Меркурии. Там якобы достаточно тепла и полное изобилие еды.

Мелвилл почти полностью оправился, и Райс сделал для него нечто вроде коляски, на которой тот легко может передвигаться.

9 июня

По-прежнему связи с Лонгом нет, хотя мы ждали его до двенадцати часов ночи по нью-йоркскому времени. Потом Гарнер приказал отдыхать.

Сделали еще два газовых обогревателя. Райс изготовил компактное зарядное устройство, и Гарнер согласился с его идеей. Есть опасение, что температура упадет ниже точки замерзания, в результате чего лопнут водяные баки и консервные банки с едой. Это будет полная катастрофа.

10 июня

Сигнал от Лонга! Его приняли в 11.30 вечера, и Райс сразу же взял пеленг. Сигналы настолько слабые, что их едва можно расслышать. Лонг находится на расстоянии двадцати пяти миль от Купола или около того. Выбросил все, кроме одного почти пустого кислородного баллона. Он надеется добраться до станции прежде, чем израсходует кислород.

Райс хотел возглавить спасательную экспедицию, но получил приказ оставаться у радиоприемника. Экспедицию с носилками и кислородными баллонами ведет Бендер.

11 июня

Солнце должно подняться в 5 часов. Лонг замерзает. Его аккумулятор разряжен. Кислорода осталось так мало, что он не может двигаться для того, чтобы согреться. Расстояние — двадцать две мили. Экспедиция прошла пять.

Д-р Хью сделал поразительное предложение. Экспедиция не сможет вовремя добраться до Лонга. Поэтому Хью рекомендует ему замерзнуть, и как можно скорее! После случившегося с Мелвиллом он считает, что с помощью тирадрена сможет оживить Лонга.

Лонг согласился. Он нашел такое место, чтобы быть в тени даже после восхода солнца, и покрыл свой скафандр отражающей пленкой. После этого связь прекратилась.

Затем наступил восход солнца. Вскоре экспедиция нашла Лонга и принесла его на носилках. Он превратился в камень, кислород и газы в его скафандре стали жидкими. Солнечные батареи уже дают энергию, облегчая жизнь едва не замерзшим людям. Нам приходится тяжело¹.

Следуя указаниям Хью, Лонга внесли в Купол и поместили внутри огромной катушки из проволоки, которая была подключена к нашему главному генератору. Затем включили на максимальную мощность высокочастотный ток. До 37 градусов тело нагрелось меньше чем за пять минут. Начали делать искусственное дыхание с подачей смеси чистого кислорода с углекислым газом и одновременно, большими порциями, вводить прямо в сердце тирадрен.

Процесс продолжается уже полчаса, но результатов пока нет.

Спустя некоторое время Лонг ожил! Он сильно оголодал, но сейчас уже поел и оживает прямо на глазах. По-видимому, он почти не пострадал. Для тех из нас, кто видел замороженную статую, омываемую жидким воздухом и хрупкую, как стекло, это кажется просто чудом! Кенделл не хуже, чем газетный репортер, фотографировал происходящее и считает, что Лонга его снимки непременно заинтересуют!

Во второй половине дня возобновились работы: собирали солнечные батареи и пробовали запустить печи. Все действует хорошо. Разговаривать Лонгу пока запрещено.

¹ «Тяжело» — слишком слабый эпитет для описания работы экспедиции, снабженной легкими летними одеялами и живущей на голодном пайке.

12 июня

Узнав, что Лонг не добился никакого успеха, мы были разочарованы. Он провел двенадцать часов в поле видимости Земли, но попытки выйти на связь оказались напрасными. Ни гелиограф, ни радио не дали результатов. Радиосвязи, по его мнению, помешали огромные солнечные пятна: он заметил над Землей величественно-яркое полярное сияние. Очевидно, Лонг выбрал для своей попытки неподходящий момент.

Я склонен считать, что эта двенадцатичасовая задержка и явилась причиной его недавней «смерти», если можно так выразиться, — ведь он сидит рядом и смотрит на меня.

Хью пишет медицинский отчет, в котором расскажет об этом случае более подробно, чем я.

13 июня

Работа идет успешно. Загружаемый в печи гипс быстро превращается в сернокислый кальций, вода выделяется и идет в аппарат для электролиза. Теперь внутри Купола тепло и комфортно, чему мы очень рады. Продолжаем изготовление солнечных элементов: сегодня был привезен новый груз селенида серебра.

Райс, насколько это было в его силах, постарался починить аккумуляторы. Теперь идет зарядка для освещения и лабораторных нужд в течение лунной ночи. Для новой системы отопления делаются дополнительные обогреватели.

Перечитывая дневник, я обнаружил, что не объяснил принципа их действия. Водород и кислород, полученные из воды электролизом с помощью энергии от солнечных батарей, собираются в баллоны и хранятся до заката, а ночью сжигаются, обеспечивая нас теплом. Полученная при этом вода конденсируется и используется для повторного электролиза. Получается замечательный обратимый процесс, требующий только энергии солнечных батарей. Таким образом, наша отопительная система не будет зависеть от аккумуляторов.

Лонг чувствует себя хорошо и сегодня помогал нам в изготовлении элементов. Впрочем, он утверждает, что вполне способен выполнять работу в карьере. Однако д-р Хью считает, что ему лучше пока побыть здесь.

Лонг сказал мне, что взял с собой еды только на один день. Значит, в кладовую забирался кто-то другой. Мы все чувствуем голод, но подобных поступков я не ожидал и никаких серьезных жалоб от членов экспедиции не слышал.

14 июня

Я предпринял очередной поход за селенидом серебра. Лунный ландшафт, освещенный лучами утреннего солнца, вызывает благоговейный страх. Гигантские пики тянутся вверх и отбрасывают тени, такие же черные и плотные, как ночь. Настоящее царство ослепительного света и сплошной тьмы, с чудовищными пропастями повсюду и острыми пиками скал. Переход от света к тени сопровождается внезапным резким похолоданием. Холод, кажется, в мгновение ока пронизывает тебя насквозь, и только тепло от аккумуляторов может рассеять его.

На обратном пути я тащил нагруженную тележку, оборудованную колесами от вездехода, и ориентировался на сияние нашего Купола, как на маяк, — это единственный живой предмет среди нагромождения мертвых скал. Ни травинки, ни малейшего ростка, ни упавшего листочка. Нет даже песка — только грубый неровный камень.

Поначалу этот ландшафт всем представлялся ужасным, но теперь его неистовая, строгая и девственная суровость кажется даже прекрасной! Тем не менее вернуться в Купол — настоящая радость. Но после воспоминаний о холоде пережитой ночи еще большую радость испытываешь, когда видишь, как приборы показывают постоянный мощный поток энергии от солнечных батарей.

15 июня

Сегодня истекает наш второй год на Луне. Мы полагали, что именно в этот день отправимся домой. Искоженные останки эвакуационного корабля все время напоминают об этом — словно дразнят нас. Его обследовали не раз, но ничего полезного найти не удалось. Взрыв уничтожил все.

Теперь возникла необходимость поиска материалов для изготовления стекла. Наши запасы кончаются, а для солнечных элементов требуется кварцевое стекло.

Мур и Толмен сделали конденсационный аппарат, который собирает воду из воздуха, проходящего через фильтры: из этой воды при электролизе также выделяется кислород и водород.

Опять украли часть продуктов. Удивительно, что никто не видел этого, поскольку свет горит теперь постоянно. Однако люди очень устают на работе.

16 июня

Ирония судьбы! Райс, пытаясь найти кварц, обнаружил какие-то прозрачные кристаллы. Он принес их в Купол и сказал, что найденных залежей хватит на долгое время. Будь это кварц, мы бы радовались как дети. Но выяснилось, что перед нами алмазы, причем многие из них оказались больше моего кулака. Для нас они в высшей степени бесполезны, потому что их невозможно обрабатывать.

Кварц найти не удалось.

Гора гипса, несмотря на усилия наших горняков, уменьшается. Зато постепенно увеличивается давление кислорода в баках.

Меня заинтересовала психологическая подоплека наших посиделок у круглого стола. В последнем рассказе космический корабль прибыл на Плутон, где исключительно холодно, зато запасы энергии на корабле безграничны. Кислород на Плутоне имеется в виде ледников, и его можно с легкостью вырубать топором. Этот рассказ сочинил Кенделл, работающий в гипсовом карьере. Завтра очередь Райса. Он потратит день на поиски кварца. Я предчувствую, что он его не найдет, и тогда посмотрим, какую он придумает историю.

17 июня

Сегодня эвакуационный корабль уже должны были бы заметить с Земли. Графики межпланетных полетов точны, и наше отсутствие наверняка вызвало дискуссию.

Деньги для постройки спасательного корабля придется собирать по подписке, всего около трех миллионов. Боюсь, это займет очень много времени.

Обнадеживает продолжение работ. Благодаря постоянному наращиванию числа солнечных элементов баки все быстрее наполняются кислородом и водородом. У Рида теперь работают две печи. Гора гипса почти израсходована.

Поиски кварца успехом пока не увенчались. Главное, в чем мы нуждаемся более всего, — это энергия, а без кварца невозможно установить электрическое оборудование в гипсовом карьере.

Вечером Райс выступал за «круглым столом», и его межпланетные путешественники высадились на «теплом поясе» Нептуна. «Теплый пояс» Нептуна создается его спутником, представляющим собой сплошной кварцевый шар, действующий подобно увеличительному стеклу и согревающий планету.

18 июня

Лонг сделал еще одно предложение, за которое я готов проголосовать. Деньги на спасательный корабль будут собирать по общественной подписке. Поскольку строительство его займет по крайней мере четыре месяца, а на Земле известно, что запасов у нас всего на один, то люди станут думать, что их деньги пропадут зря. Они ведь не знают, что мы можем получать кислород и воду. Если же послать сообщение о наших новых возможностях, сбор средств пойдет быстрее.

План Лонга заключается в следующем. В путь отправляется команда из двенадцати человек, причем все, кроме троих, загружены кислородными баллонами. Эти трое несут небольшую солнечную батарею, мощный портативный передатчик и трансформатор-преобразователь. Через двадцать четыре часа пути шестеро возвращаются, оставив весь кислород, который несли, кроме баллона на обратную дорогу. Остальные шестеро продолжают путь, из них трое по-прежнему налегке, остальные несут баллоны. В конце этого двадцатичетырехчасового перехода трое возвращаются, оставив все баллоны, кроме одного. Они доходят до первой остановки, ночуют здесь и возвращаются в Купол. Оставшиеся трое, те, что шли налегке, спят на второй остановке двенадцать часов, затем берут с собой четыре баллона кислорода и делают бросок к видимой с Земли точке.

Все члены экспедиции высказали желание участвовать, и даже Гарнер одобрил этот план. Лонг настаивает на своем обязательном участии, поскольку уже знает путь, причем самый легкий. Группа возьмет с собой более мощный передатчик и имеет гораздо больше шансов на успех.

Второе из сегодняшних важных событий: найдены залежи кристаллического кварца. Мелвилл обнаружил их под аккумуляторной!

Причина того, что это не произошло раньше, проста: мы искали где угодно, только не у себя под ногами! Теперь об источнике энергии можно не беспокоиться. Почти таким же одобрительным криком было встречено открытие, что у нас на сорок фунтов больше протеиновой муки, чем я предполагал раньше. Это добавляет нам три дня жизни.

19 июня

План Лонга одобрен. По его настоятельному требованию он будет проводником. Я назначен старшим, так что скоро смогу бросить первый за два года взгляд на матушку-Землю. Райс будет третьим из тех, кто сделает шаг за границу обратной стороны. Это логично: ведь он специалист по радиосвязи. Начало похода назначено на 9 июля, чтобы у нас в запасе было четырнадцать дней солнечного сияния.

Сейчас середина лунного дня и страшно жарко. Главные аккумуляторы заряжены до предела и отключены. Все новые солнечные элементы отправлены в карьер вместе с аккумуляторами и моторами с вездеходов и несколькими двигателями с корабля. Оказались полезными и алмазы. Из пустых консервных банок выплавили свинец и олово; из старых вездеходных гусениц изготовили пилы с алмазными зубьями. Такая пила режет гипс быстрее и труда требует меньше. Перевозка, однако, по-прежнему остается тяжелым делом.

Электростанция в карьере еще недостаточно мощна — пока требуется энергия аккумуляторов. Новые солнечные элементы исправят это положение.

20 июня

Лунный «полдень» миновал. Горняки теперь обеспечивают работу печей, и Рид начал строить очередную. Ему требуются новые солнечные элементы.

Работы продолжаются, как обычно.

21 июня

Новая печь закончена. С нею расходуется больше энергии, чем могут обеспечить уже сделанные солнечные элементы, но вскоре будут готовы дополнительные. Новую систему отопления опробовали: она действует

прекрасно! Настолько хорошо, что в Куполе временами было невыносимо жарко. Кислородно-водородное пламя очень горячее!

22 июня

Новая кража в кладовой. Придется придумать нечто вроде сигнализации! Следует отнестись к этому со всей серьезностью, потому что наши запасы быстро сокращаются и все мы теряем в весе¹.

Мур экспериментирует с тем, что он называет «съедобными кислотами». Большинство наших людей называют их «акридами». Я сомневаюсь, что мы сможем есть эти вещества, хотя они несомненно способны заменить пищу. Мур создает их непосредственно из воды, двуокиси углерода и азота и заявляет, что они спасут наши жизни.

23 июня

Прошло уже немало времени после лунного «полудня». По сравнению с предыдущим месяцем мы сможем удовлетворить наши потребности в значительно большей мере. Давление в кислородных баллонах продолжает повышаться. Вода добывается еще быстрее. Готовится новый аппарат для электролиза. Видя, как удастся вырвать воздух из этого безжизненного мира, люди чувствуют себя лучше. Даже несмотря на сокращение пищевого рациона!

24 июня

Пропало два фунта сухого молока. Не представляю, как такое возможно! И не могу понять, кто из людей мог это сделать: все энергично работают и не жалуются. К вечеру очень устают. Возникло явное соревнование между бригадой у печей и бригадой, добывающей гипс из карьера. В результате колоссальных усилий, а также благодаря использованию новых машин бригада горняков вырвалась вперед. Рид требует дополнительных солнечных элементов, и мы стараемся его обеспечить.

Лонг впервые после своей «смерти» работал вне Купола. Вместе с Райсом он отправился к залежам селенида серебра, и они доставили запас материала.

Продолжается подготовка к «прорыву за границу». Лонг уверяет, что сообщение придет в психологически подходящий момент.

¹ Сильное преуменьшение. Мистер Данкан, когда писал эти строки, весил вместо своих 184 фунтов всего 155.

25 июня

Сегодня солнце уже совсем низко, завтра оно зайдет. Риду пришлось остановить малую печь, потому что тень от зубцов кратера Гарнера начала закрывать новую солнечную батарею. Мы ее передвинем «завтра», то есть когда наступит следующее лунное утро.

Горняки понесут досадный урон, когда после захода солнца перестанут работать инструменты с электроприводом. По-прежнему существует большая потребность в солнечных элементах, потому что карьер и печи потребляют неимоверное количество энергии. Конечно, на Земле, где дневное светило часто закрыто облаками, такую энергию практически невозможно получать постоянно.

Сегодня обсуждали вопрос о сообщении, которое мы должны отправить, когда доберемся до места. Гарнер обратил внимание на то, что помехи могут исказить послание, и поэтому предложил составить его так, чтобы смысл можно было понять даже по фрагментам. На мой взгляд, предложение вполне разумное.

26 июня

Теперь снаружи темно. Темно и холодно. Прошло уже два года, а переход от лунного дня к ночи по-прежнему остается поразительным явлением. За каких-то полчаса скалы, сиявшие красным светом, становятся такими холодными, что замерзает ртуть, а углекислый газ (и даже — в течение часа! — кислород) переходят в жидкое состояние. Скорость, с которой замерзают термометры (сначала ртутный, потом спиртовой и, наконец, пентановый), по-прежнему вызывает у нас удивление. Действовать продолжают только металлические термометры.

А как хороши небеса, густо усеянные звездами — не блеклыми, неясными пятнышками, как на Земле, а бесконечно малыми отчетливыми точками красного, зеленого, голубого и оранжевого цветов! Величественное зрелище!

Наша бригада, занимающаяся изготовлением солнечных элементов, увеличилась. В штат вошел Толмен, производит требуемые нам химикаты. Запасы, которыми мы располагали, кончаются, и теперь милосердная мачеха-луна обеспечивает нас — насколько позволяет ее

щедрость — этими материалами. Луна — это огромные залежи сырья. Богатства ее не поддаются описанию. Возможно, когда-то давно в результате активной вулканической деятельности эти вещества были извлечены из недр наружу, а отсутствие атмосферы стало причиной того, что они сохранились.

Вечером снова были дебаты по поводу сообщения. Я считаю, что это очень важная тема.

27 июня

Обогреватели действуют отлично. Температура поддерживается на нужной отметке, единственная неприятность — постоянный слабый свист, к которому, правда, мы постепенно привыкаем. Райс, ради сохранения своих любимых аккумуляторов, соорудил кухонную плиту, в которой сжигается водород. Уайслер ругал его страшно, заявляя, что он портит бесценный кислород. Тем не менее Райс полон энтузиазма. Уайслер осторожно опробовал плиту, но все же прожег дыру в массивной алюминиевой сковородке — так быстро, что даже не успел убрать ее с огня.

Затем плиту удалось укротить, и теперь она работает отлично. Я согласен с Райсом: аккумуляторы надо сохранять для освещения и неотложных работ по ночам. Хотя бы на ближайшие пять месяцев — пять лунных ночей. Даже расход энергии на приготовление пищи может полностью вывести их из строя. А без них перестанет действовать наш воздушный шлюз, что будет стоить потерь воздуха, который мы не сможем перекачивать из шлюза назад, в Купол.

28 июня

Работать ночью стало тяжелее. Большие грузы прежде поднимались машинами, но теперь электрические лебедки не действуют, и люди начали жаловаться на слабость. Я боюсь, что им на самом деле не хватает питания. Работающие в карьере некоторое время получали дополнительный паек, поскольку работа горняка требует большей затраты сил.

Начиная с завтрашнего дня те, кому предстоит отправиться к видимой стороне Луны, будут питаться лучше, а трое, которые должны пройти весь путь, получат три четверти полного пайка.

29 июня

Сегодня не работали. Был объявлен день отдыха, названный совсем не в шутку Днем коллапса. Большую часть утра люди провели в дремоте. Всем выдано дополнительное питание.

Чувствую сонливость и писать сегодня больше не расположен.

30 июня

Сегодня работы возобновлены.

Райс оказался просто гением. Ему цены нет! Весь день он провел в работе над одним из вездеходов, для которых не осталось топлива. А вечером, к удивлению наших горняков, приехал на нем в карьер! Он каким-то образом переделал устройство привода клапанов, так что двигатель стал работать на водороде и кислороде. При этом получается чистая вода в виде пара, который конденсируется в специальной емкости. Райса приветствовали крики обрадованных горняков, причем на буксире он приволок двое саней, одни — с двумя баками кислорода и водорода, а на других стоял один из больших моторов, соединенный с генератором. За какие-то полчаса он смог наладить работу всех горных электроинструментов. Нас это очень вдохновило, потому что такое топливо можно получить в дневной период повторным электролизом собранной воды и снова сжечь ночью.

Мур присоединился к штату лаборатории. Рида по просьбе химиков отправили в экспедицию для поиска некоторых минералов. Кинг занят другим делом. Я слышал, ему приказали искать нитраты, так что можно надеяться на создание взрывчатых веществ, которые у нас давно уже закончились.

1 июля

Люди радуются работе электростанции, которая очень облегчает им работу по подъему тяжестей. Правда, включив лебедки, приходится выключать пилы, однако это — не самое страшное в нашей жизни. Райс хотел переделать и второй вездеход, но запасы водорода нам требуются для обогрева Купола. Система отопления работает превосходно, обеспечивая вполне комфортные условия. Увы, экономить водород на ней мы себе позволить не можем.

Производство солнечных элементов увеличилось благодаря Толмену, который продемонстрировал, как лучше обрабатывать металл. Теперь мы делаем по двадцать элементов в день — ведь при таком, как сейчас, потреблении электричества в карьере мы должны получать еще больше энергии. Энергия стала нашей дорогой к жизни.

Текст сообщения на Землю сегодня окончательно утвердили. Оно будет звучать так: «Эвакуационный корабль разбился. Кислород из гипса электролизом удовлетворяет потребности. Пища кончается. Помогите».

Надеемся, что послание будет принято.

2 июля

Очевидно, вор — настоящий обжора: сегодня украден шоколад.

Куча гипса опять быстро растет. Рид и Кинг вернулись к своей работе. Нужный нам азот был найден, обнаружено и месторождение карбида, который требуется Муру. Бригада печников работает над новой большой печью, перегонным аппаратом и оборудованием для электролиза. Из-за отсутствия воды и атмосферы здесь нет металлических карбидов и нитридов в виде стабильных соединений. Они были бы нам большим подспорьем.

Бригады горняков и печников вновь решили затеять соревнование и привлечь к нему изготовителей солнечных элементов. Рид клянется, что когда взойдет солнце, от кучи гипса ничего не останется. Шансы у него есть, поскольку практически все уйдут вместе с нами на два или четыре дня к видимой стороне. Энергии не хватает всем.

Рядом с карьером изготавливается аппарат для электролиза, чтобы возобновлять топливо для тамошнего генератора.

3 июля

Лунная полночь. Участники «прорыва за границу» получают большие порции, и я чувствую, как прибывают силы — уже не так быстро устаю при переноске селенида серебра с карьера. Теперь мы используем невероятное его количество. Тем временем закончены три новые фермы для сборки солнечных батарей.

4 июля

Еще один день отдыха и дополнительный паек для всех. Тем не менее два бака топлива доставлены в карьер. Это последние, которые мы можем выделить, потому что водорода для отопления остается мало. Сегодня закончена еще одна солнечная батарея. Химикаты Мура неприятно пахнут, и вчера он потратил много энергии от аккумуляторов.

5 июля

Подготовлены грузы для экспедиции и обсуждены все мелочи. Я понесу трансформатор-преобразователь, Лонг — солнечную батарею, а Райс — передатчик. Он портативный, но не слишком легкий. Весь последний участок пути мы еще будем тащить четыре баллона.

Запахи от экспериментов Мура сегодня еще хуже, чем обычно. Пока он отказывается что-либо объяснять.

6 июля

Сегодня я был удивлен и серьезно опечален, увидев, как Мур украдкой что-то жует. Не очень верю, что именно он оказался вором, но тем не менее прошлой ночью кто-то опять забрался в кладовую. И действовал весьма осмотрительно, потому что у меня там была сделана ловушка.

Выходим через четыре дня.

7 июля

Я наблюдал за Муром, и сегодня он снова потратил много энергии для своей установки. Пока она работала, он снова что-то жевал. А вечером сказался больным и не стал есть, что привлекло внимание остальных: во-первых, он не выглядел больным и, во-вторых, когда еды мало, от нее редко отказываются.

Мур вручил горнякам несколько плиток взрывчатого вещества и заверил их, что, если температура не очень низкая, оно будет действовать. Благодаря этому можно экономить топливо — отпадает необходимость постоянного использования пил.

8 июля

Ферма солнечной батареи установлена на место, теперь их всего пять, из них три возле карьера и две здесь. В настоящее время в карьер поступает энергия свыше двух тысяч двухсот лошадиных сил все двадцать четы-

ре часа в сутки в течение лунного дня. Ночью вся эта энергия используется в аппаратах электролиза.

Без этих машин и взрывчатых веществ, боюсь, добыча гипса стала бы проблемой, потому что люди очень обессилели.

9 июля

Произведен окончательный отбор людей в экспедицию. Гарнер, Мур, Уайслер, Рид, Кинг и Бендер вернутся после того, как будет устроен первый привал и первый склад. Толмен, Хью и Кенделл повернут обратно после второй остановки, в то время как Райс, Лонг и я пойдем дальше. Бедный Мелвилл останется в Куполе один. Спать улеглись необыкновенно рано. Выйдем через три часа после того, как солнце поднимется над горизонтом. Райс, Лонг и я берем термосы с горячим шоколадом. Остальные должны идти вообще без пищи.

10 июля

Остановились у места первого склада. Гарнер, Мур, Уайслер, Рид, Кинг и Бендер возвращаются. Солнце поднялось, и повсюду длинные тени. Мы прошли значительное расстояние безо всяких приключений. Пришлось обойти несколько кратеров, а в один спустились. Его окружали на редкость высокие стены, но Лонг показал нам проход. Внутри этого кратера оказался еще один, меньших размеров. Здесь и будет наш склад. Все эти дни придется попеременно то поджариваться, то замерзать, потому что тени от скал повсюду. Края кратеров — как застывшие языки огня, это настоящий ад, только схваченный морозом, здесь будто даже свет замерзает. Мы готовы выступить.

11 июля

Совершенно обессилели от непрерывной ходьбы и желания уснуть. Будет еще хуже на обратном пути, когда четыре дня придется не спать и практически ничего не есть. У Толмена, Хью, и Кенделла положение еще хуже. Они только что отправились в обратный путь и должны пройти расстояние, которое мы преодолели вместе, без отдыха и пищи. Они не будут спать, пока не вернутся в Купол. А мы будем спать в скафандрах.

Позже. Двенадцать часов сна, вышита четверть шоколада, по-прежнему тепло, и мы снова в пути.

Величественное зрелище, но любоваться не хочется. Кратер напоминает Большой Каньон в Колорадо, только десяти миль глубиной. Чрезвычайно впечатляет. Но красоты здесь нет, все кажется угрюмым и ужасающе мертвенным. И мы здесь бесконечно одиноки.

Время идти. Четыре кислородных баллона, помимо груза, который мы тащили. Сон освежил нас, пора приниматься за дело!

12 июля

Мы устроили лагерь. Солнечные батареи отдают свою энергию преобразователю-трансформатору и через него питают передатчик. Проверить его работу мы не можем, потому что приемники в наших скафандрах не принимают эту волну. Однако все, кажется, в порядке. Райс посылает сообщение в направлении Нью-Йорка.

Земля висит над горизонтом, огромный зеленовато-голубоватый шар, вращается медленно и величественно. Она нам кажется прекрасной и знакомой, но очень далекой.

Позже. Снова передаем сообщение, теперь в район Чикаго, используя всю мощность, которой располагаем. Полярные сияния незначительны, поэтому есть надежда.

Все еще передаем. Мощности, похоже, хватает. Будем надеяться, что какая-нибудь станция примет сообщение.

Лонг преподнес нам сюрприз. Он вытащил банку алюминиевой краски и провел на скалах широкую ровную полосу. Затем написал сообщение буквами в десять футов высотой. С горы Паломар могут легко прочесть его. Правда, кроме этой надписи, с горы Паломар видны еще три миллиона сто сорок две тысячи квадратных миль каменистой поверхности.

Лонг закончил. Успел написать: «Кислород из гипса, шлите пищу», — на большее не хватило краски.

Теперь под нами — или скорее, над нами — Денвер.

Теперь Калифорния. Позже мы сможем вести передачу на Гавайи, Филиппины и Японию.

Пора собираться в обратный путь. Райс придумал еще одну интересную вещь. У него с собой оказалось электронное программируемое устройство, способное самостоятельно передавать сообщения на Землю. Пи-

тается оно, как и передатчик, от солнечной батареи. Так что передачи сообщения будут продолжаться.

Мы уходим. Райс и Лонг возражают, но я приказал возвращаться. Иначе мы потеряем остатки сил, пока доберемся до первого склада, а усталые люди легко могут стать мертвыми: вокруг слишком много возможностей упасть в пропасть.

13 июля

Вернулись ко второму складу. Решили нести с собой еще один баллон кислорода, потому что хотя он и увеличивает груз, но может спасти нас. Только придется медленнее двигаться. Выходим.

14 июля

Первый склад. Мертвецки устали. Удивляюсь, как Лонгу удалось пройти этот путь в первый раз. Доели остатки шоколада. Страшная жажда. Идти еще двадцать четыре часа. Сразу же выходим.

Позже. На расстоянии около сотни миль от Купола произошел несчастный случай с Райсом: упал в трещину. Ошибся в расчете длины прыжка, падал семьдесят футов; сначала его удержала соединяющая нас веревка, но затем ее перерезали торчащие тут и там кристаллы кварца. Что за ирония! Две недели назад он разыскивал такие кристаллы, а сегодня из-за кварца сломал ногу. Думаю, что и рука сильно пострадала, но стекло шлема не разбилось.

Благодарение Богу, у него есть запасной кислородный баллон. Райс в сознании — связывался с нами по радио. Лонг останется здесь, а я поспешу в Купол.

Добрался до Купола. Очень устал, но смог поесть и попил немного воды. Тем временем Мур, по-прежнему работающий со своими химикалиями, отправился в карьер, чтобы позвать оттуда людей. Мне придется вести их обратно. Д-р Хью тоже пойдет с нами, хотя вряд ли сможет что-нибудь сделать до тех пор, пока мы не принесем Райса сюда и не снимем с него скафандр.

Тащим с собой веревки, блок и крючья, а также кислород.

До Райса добирались пять часов. Он по-прежнему в сознании, но ослаб. Скафандр не поврежден. Бедный Лонг уснул. Райс объяснил, что тот слишком устал, чтобы стоять, а как только сел, сразу уснул. А Райс спать

не мог. Люди до него добрались, но вытащить не смогли — он испытывал сильную боль. Тогда д-р Хью спустился вниз по веревкам. Он захватил с собой баллон с гемеоксидом азота для использования в качестве анестезирующего средства. Подсоединил баллон к скафандру Райса, а когда тот заснул, к дыхательной трубке снова подключили кислородный баллон. Лонг так и не проснулся — только ругался и отмахивался. Его тоже придется нести. Если бы мне не нужно было писать, боюсь, я бы оказался в таком же положении. Наконец двинулись в обратный путь.

15 июля

На обратном пути все-таки уснул. Кенделлу, Кингу и Риду пришлось вернуться, найти и десять миль тащить меня к Куполу. Я проспал почти двадцать часов, но по-прежнему чувствую сонливость.

16 июля

Прошла половина лунного дня, восстановилась привычная рутина каждодневных дел. Перелом Райса не очень опасен, наложены шины. Он работает вместе с нами над солнечными элементами, сидя перед низкой скамейкой, положенной на два стула. За сегодняшний день сделано двадцать элементов. Гипсовая куча быстро уменьшается. Вода, полученная от нагревателей прошлой «ночью», снова разделена на составляющие; топливо для генератора в карьере тоже получено. В кислородных баках постепенно повышается давление.

Мы задумываемся, успешным ли получился наш поход¹.

¹Как известно, поход был успешным. Они оказались правы: сбор денег на кажущееся безнадежным дело — на спасение уже мертвых людей — шел медленно. Многие ученые заявляли, что добыть воздух на Луне невозможно, и поэтому никто не спешил. Агентства новостей постоянно рассуждали о бедственном положении экспедиции, высказывалось множество предположений: то ли корабль разбился при посадке, то ли при старте к Земле, а может быть, и вовсе улетел в открытый космос...

Сообщение так и не смогли прочесть целиком: казалось, сама судьба против людей, потому что автоматический передатчик вышел из строя через несколько часов работы. Впоследствии экспедици-

17 июля

Мура изгнали из Купола. Он с позором удалился в аккумуляторную. Запах от его газов стал жутким, и вечером люди взбунтовались, тем более что он отказывался объяснять, чем занимается.

ей Терстона в 1994 году было установлено, что жар солнечных лучей расплавил массу, которой был залит преобразователь-трансформатор, и произошло короткое замыкание. Смогли прочесть только часть сообщения: «Эвакуационный... разбился... кисл... од... гип... электролиз... удовлетворяет пот-пищ... помогите». Каждый раз приходило всего по несколько букв.

На Земле сразу начались широкие дебаты. Было почти невозможно понять, что точно означали принятые куски. В конце концов после тщательного анализа решили, что сообщение звучит так: «Эвакуационный (корабль) разбился кисл(ор)од (из) гип(са) электролиз (ом) удовлетво ряет пот(ребности) пищ(а) (кончается) помогите». Ученые, еще неделю назад утверждавшие, что на Луне добыть воздух невозможно, бросились объяснять, как именно можно получить кислород из гипса обжигом и электролизом. Поток денег вырос и без этих разъяснений: ведь экспедиция прислала сообщение, доказывающее, что они еще живы. Весьма красочные описания возможных последствий, опубликованные Томасом В. Харди в газете «Сан-Франциско таймс», повлияли на общественное мнение и ускорили сбор средств. Через две недели заказы уже были размещены по предприятиям. Университеты предоставили свои лаборатории и оборудование. Работа двинулась вперед с максимальной быстротой. Компания по производству телескопов в Чикаго пожертвовала крупную сумму, объяснив, что за последнее время резко увеличилась продажа ее изделий, и она считает справедливым направить часть прибыли на спасение экспедиции. А вскоре обсерватории на горе Паломар, в Сиднее и Флекстафе почти одновременно объявили о надписи на лунной поверхности. Снимок, сделанный с Паломара, позволял даже различить контуры передатчика. Факт получения кислорода из гипса подтвердился. Всеобщее возбуждение охватило мир; заводы в пустыне Мохаве оказались в центре всеобщего внимания. Ежедневные сообщения о ходе работ публиковались в печати. А самое главное, были собраны необходимые средства. Их поступило даже больше, чем требовалось. Потом прием прекратили, а дополнительные средства позволили изготовить отделяемые топливные баки, которые сбрасывались после выхода из атмосферы Земли.

Сегодня закончена очередная партия элементов, и новая солнечная батарея установлена возле печей. Аккумуляторы полностью заряжены, наполнены емкости системы отопления. В карьере баки также заполнены, но горняки требуют еще. Туда отправлены два дополнительных бака. Они будут находиться в карьере постоянно. Райс жалуется на свою спину, но в конце концов — по его собственному настоянию, поддержанному горняками, — на него надели скафандр, и он принялся руководить реконструкцией второго вездехода. К лунному вечеру машина сможет действовать на полную мощность и даже будет оборудована прожекторами. Словом, мы стараемся обогнать время. Продовольственные запасы все уменьшаются. Порции стали настолько малы, что дальнейшее их уменьшение невозможно.

Кинг в основном занят печами для получения из гипса воды, а работами по электролизу — гораздо меньше. Во время сна, когда печи будут остановлены, он собирается направить всю энергию в несколько больших аппаратов электролиза: это означает несколько сотен фунтов кислорода каждый лунный день.

Удивляет интерес людей к работе других бригад: вечером все сообщают друг другу, насколько продвинулись в своем деле, и добродушное соперничество скрывает глубокий интерес и сочувствие к возникающим проблемам.

18 июля

Солнце снижается, и солнечные батареи устанавливаются таким образом, чтобы на них до последней минуты не попадала тень. Очередная солнечная батарея будет готова завтра.

Под руководством Раиса второй вездеход реконструирован для работы на водородном топливе; смонтирован второй генератор. Испытания прошли «на отлично».

После того как Мура изгнали в аккумуляторную, воздух в Куполе стал несказанно чище.

Новое покушение на продовольствие. Вор, похоже, прячет добычу — один человек не может съесть так много. Исчезли почти три фунта шоколада.

Но при инвентаризации я обнаружил, что сделал ошибку: оказывается, у нас есть еще пятнадцать фунтов

сухого молока, ошибочно обозначенного как «стиральный порошок». Очень приятный сюрприз.

19 июля

Еще одна солнечная батарея смонтирована возле печей, хотя горняки заявляют, что она требуется им для наполнения больших баков. Впрочем, у них достаточно топлива для работы обоих двигателей в течение всей ночи.

Сегодня вечером Райс набросился на Мура: аккумуляторы оказались полностью разряженными, и их пришлось ставить на зарядку. Похоже, Муру требуется больше энергии, чем позволяют аккумуляторы. Он просит выделить ему еще некоторое количество карбидов, обещая взамен взрывчатые вещества.

20 июля

Аккумуляторы Райса снова заряжены. Кинг сообщает о значительных успехах. Водяные баки на северной стороне наполнены до краев. Кислородные баки там же наполнены на три четверти, а опустевшие кислородные баки на южной стороне теперь наполовину заполнены водородом.

Райс высказал авторитетное мнение, что если Мур собирается так же неумно расходовать энергию аккумуляторов в течение ночи, они скоро будут разряжены настолько, что мы рискуем оказаться в темноте. Без света нам придется туго.

21 июля

Очередной рейд на серебряный карьер. И собрана очередная солнечная батарея. Она тоже будет использоваться для печей — слишком поздняя пора лунного дня, чтобы она могла оказаться полезной у карьера, тем более что баки у них почти полны.

Мур сегодня показал серый порошок — якобы взрывчатое вещество. Он лично отнес его в карьер. Вещество оказалось очень даже действенным — оно превратило в пыль гипс на пять футов вокруг и привело к растрескиванию поверхности на огромной площади. Горняки говорят, что оно бесполезно для них, потому что нельзя рассчитать эффект взрыва.

22 июля

Мелвилл затеял новое развлечение: по вечерам он собирается провести краткий курс лекций по астрофизии-

ке. Солнце теперь очень низко, завтра около пяти часов оно зайдет. Звезды видимы, конечно, как всегда, но лекции Мелвилл собирается начать завтра.

Кинг собирается прочесть курс по минералогии и геологии, Мур — по химии, я — по физике.

Мур приготовил новую партию взрывчатки, используя для «оболочки» желатиновые стаканчики из запасов д-ра Хью. Их снабдили электрическими запалами. Эффект довольно хорош: гипс раскалывают на куски запросто. Изобретатель назвал это вещество «мури-том». Мы не стали возражать. Оно представляет собой динитроацетолит в смеси с катализатором. Катализатор — секрет Мура.

Для того чтобы выпускать это вещество, ему требуется свой источник энергии! «Лунная электротехническая компания» (неофициальное название нашей группы) перегружена работой. «Лунная горная компания», «Спутниковая гипсоперерабатывающая корпорация» и теперь новая «Компания межпланетных взрывчатых веществ» — все требуют энергии, больше и больше! Временно горная и плавильная жертвуют часть энергии на приготовление взрывчатки. Кинг заявляет, что от этого горная получит преимущества, а потому должна идти на большие жертвы.

23 июля

Поступление солнечной энергии прекратилось. Обогреватели включены и работают эффективно.

Мелвилл прочел вечером превосходную лекцию, заинтересовавшую всех.

Завтра бригада плавильщиков присоединится к нам для изготовления элементов.

24 июля

Две силовые установки у карьера позволяют продолжать работу в полную силу. Топлива до рассвета хватит с лихвой.

Мур принялся работать над чем-то новым. Запустил в действие аппаратуру для изготовления взрывчатки. Для получения одного фунта вещества в день ей требуется 400 лошадиных сил круглые сутки!

Сегодня изготовлено беспрецедентное количество элементов — сорок два.

25 июля

Сегодня пятьдесят четыре элемента! При такой производительности ни горнякам, ни плавильщикам не придется делиться энергией с производством взрывчатых веществ.

Вор оставил было нас в покое, но прошлой ночью украл четыре фунта жира, а именно лярда и гидрогенизированного хлопкового масла. Похоже, он столкнулся с моими средствами защиты, но нашел удачный способ справиться с ними.

Вечерние разговоры крутились вокруг нашего сообщения. Интересно, дошло ли оно до Земли?

26 июля

Изготовлено пятьдесят пять элементов! Очевидно, это максимальное количество, которое мы способны сделать. Рейс на селенидный карьер обеспечил нас значительным количеством материала. Люди уже привыкли и хорошо знают эту работу.

Мур потребовал карбидов, нитридов и, если возможно, сульфидов. Он пытался выделить серу из гипса, это трудоемкий и требующий значительной энергии процесс. Кинг сказал, что знает, где имеются залежи сульфида.

Мур теперь работает над чем-то другим, но над чем именно, рассказать отказывается. Согласен, что дурно пахнущие соединения, которые он приготовил, взрывчатыми веществами не являются, но больше ничего не говорит, вызывая у окружающих сильное любопытство. Любая тайна, даже самая незначительная, становится пищей для разговоров. О воровстве речь идет в каждом разговоре, хотя я должен отметить, что непосредственных обвинений не высказывается.

27 июля

Сегодня проведена очередная инвентаризация продовольственного склада: результат довольно удручающий. В связи с тем, что все выполняли тяжелую работу, минимальная порция была установлена в размере полутора фунтов среднекалорийной еды на человека в день. Если мы увеличим механизацию труда, сможем еще чуточку сэкономить. Но люди будут страшно недоедать¹.

¹Хотя Данкан и не указывает это в своем дневнике, но горняки и печники в дневные периоды получали 24 унции пищи, а изготовители солнечных элементов, исключая Мелвилла и Райса, всего по 20 унций.

При таких рационах продовольствия хватит до октября.

Я сейчас работаю над конструкцией канатной дороги, но боюсь, что из этой затеи ничего не выйдет, хотя возить нагруженные тележки к Куполу очень тяжело. Предлагалось облегчить эту работу: перевозить вместо тяжелого гипса только кислород, другими словами — производить кислород прямо в карьере. Но это непрактично, потому что выигрыша не получается: тогда встанет необходимость перевозить тяжелые баки.

28 июля

Несколько человек заметили: Мур тайком что-то ест. Они считают вором его. Я же убежден, что вор украденное продовольствие прячет, а Мур мог жевать что-нибудь вроде резинки. На вине Мура особенно настаивал Бендер.

29 июля

Изготовлено пятьдесят шесть элементов. Это добавит энергии.

Сегодня вечером погас свет, и Райс с Бендером занялись поиском причины. Один элемент аккумуляторной батареи развалился на куски и разомкнул цепь. Ощущение от пребывания в таинственной тьме, слегка освещенной лишь пламенем водородных обогревателей, лишний раз убедило нас в том, что без аккумуляторов не обойтись.

Вечером Мур прочитал лекцию. Меня она очень заинтересовала, в особенности — рассказ о химизме пищеварительных процессов. Это любопытно, и, если мои предположения верны, скоро мне придется со стыдом вспоминать о своих подозрениях.

30 июля

Сегодня вечером снова погас свет. Райс утверждает, что следующей лунной ночью аккумуляторы работать уже не смогут. Элементы аккумуляторной батареи на пределе, и он уверен, что в этом сыграла свою роль таинственная работа Мура в течение последнего дня. Сейчас Райс делает попытку соорудить паровой двигатель, чтобы можно было хоть чем-то заменить аккумуляторы. Единственный материал, которым он располагает, это кислородные баллоны с отрезанными краями, которые можно использовать в качестве цилиндров, и кон-

сервные банки, обернутые металлическими листами, в качестве поршней. Если такая конструкция будет работать, то Райс — настоящий гений. Я восхищаюсь решимостью этого человека. Он нарисовал с моей помощью чертеж трехцилиндрового двигателя с качающейся шайбой. Это известный, но очень редко применяемый тип машины, он решает проблему коленчатого вала — по словам Райса, самую трудную.

31 июля

Райс работает над своей машиной. Сегодня изготовлено только пятьдесят солнечных элементов.

Свет в Куполе меркнет. Я боюсь, что до рассвета он погаснет совсем.

Из кладовой украден сосуд с витаминным концентратом. Вор явно запасает пищу — концентрат и невкусный, и не питательный, но витамины нужно подавать к столу. Люди очень рассержены этим систематическим воровством.

Праздновали сорок второй день рождения д-ра Гарнера — с большим количеством алкоголя.

1 августа

В течение дня свет гас дважды и еще раз после возвращения горняков. Нити ламп накаливания — на вид оранжевого цвета, напряжение упало со 100 до 85 вольт. Райс провел весь день возле своего двигателя, прерывая работу только для ремонта аккумуляторов; он установил специальный размыкатель цепи, хотя один Бог знает, при каком токе аккумуляторы выйдут из строя. Придется использовать батареи от скафандров.

Вечером я прочитал лекцию — «Современные представления о пространстве и времени».

2 августа

Я понял, зачем Райс установил размыкатель. Один из элементов взорвался и закоротил сеть. В рабочем состоянии остались немногим более двадцати элементов. Остальные полностью испорчены. Нити ламп едва светятся. Мур сделал калильные сетки, и теперь три водородных обогревателя стали давать немного света. Сегодня собрали всего двадцать два солнечных элемента.

3 августа

Купол очень слабо освещен, работать в нем практически невозможно. Но двенадцать элементов все-таки

сделали, после чего люди отправились в карьер. Я помогаю Райсу в работе над его двигателем. Мое восхищение этим человеком все растет. Неужели эта машина будет действовать?

Нужно надеяться на это! Очень тягостное впечатление испытываешь вечерами, когда света почти нет, а снаружи — вечная ночь, ужасный холод, нагромождения черных скал и россыпь звезд, которые кажутся далекими и враждебными.

Вор воспользовался темнотой. Устроенную мною хитроумную западню он обошел с удивительным искусством и утащил пять фунтов протеиновой муки — ровно половину оставшегося запаса. Правда, остальное ему пришлось оставить, чтобы не попасть в ловушку. Так что какая-то польза от нее все-таки была.

4 августа

Кругом темные мерцающие тени. Калильные сетки мы больше не применяем, потому что они требуют столько же кислорода, сколько легкие шести человек, а света дают мало и воду после них можно восстановить в очень небольшом количестве.

Сегодня элементов не делали. В течение трех часов сидел и следил за кладовой, но больше бодрствовать не смог. Ничего не украдено.

5 августа

Начинают отказывать аккумуляторы скафандров. Люди жалуются, что они быстро разряжаются. Теперь используются по два комплекта: один комплект полдня заряжается от генератора, второй в это время работает. Видимо, будем вынуждены прекратить ночные работы.

Лекции не было. Сидеть в темноте после трудового дня очень неприятно. Удивительно, как влияет на нас свет!

6 августа

Взошло солнце! Солнечные батареи ожили, энергия потекла, машины зашумели. Печи заработали на полную мощность. Солнце для нас — это жизнь!

Райс продвинулся очень далеко. У меня все больше и больше надежды на него, и у людей тоже, хотя они по-прежнему подшучивают над его двигателем. Это печального вида аппарат — жестяные банки и кислород-

ные баллоны, трубы и сваренные для прочности куски троса.

Изготовлено двадцать два солнечных элемента. Мур работает над взрывчатыми веществами и достиг почти автоматизированного их производства. Кинг принес для него около 300 фунтов сульфидной руды.

7 августа

Я сделал ловушку, которая сработает наверняка. Теперь мы можем поймать вора!

Опробовали в действии взрывчатку Мура. Она удваивает производительность труда горняков, и Кинг с Ридом стремятся поскорее использовать ее. Они уговорили Бендера присоединиться к бригаде Толмена и Уайслера, которые будут делать новую печь.

8 августа

Закончена новая печь, и требуется дополнительная энергия. Я посоветовал собирать воду и пока остановить электролиз. Муро́ва взрывчатка великолепна! Использовать ее здесь можно очень ограниченно, однако Землю, я думаю, она удивит. Миниатюрная капсула раскалывает скалу так, что практически не требуется дополнительного дробления.

Вор вновь проявил себя. Украл мою приманку. Нам нужно только терпеливо подождать, пока не скажутся последствия этого.

Люди открыто обвиняют Мура, а Бендер — громче всех. Однако четверо обвиняемого поддерживают. Мур в ответ лишь улыбается, а особо настырным заявляет, что жует какие-то химикалии. И по-моему, он не лжет.

9 августа

Двигатель почти собран. Что за странная штука! Не удивлюсь, если она сделает максимум один-два оборота, несмотря на все усилия, приложенные Райсом. Он припаял поршневые кольца вокруг каждой банки и при помощи гальваники покрыл их слоем серебра. Кислородные баллоны обработаны аналогичным образом.

Собрана и установлена еще одна солнечная батарея. Механизм, который разворачивает батареи в сторону светила, работает с перегрузкой. Райс пришел на помощь — сделал для него электрический усилитель. Нет, Райс — изобретатель от Бога! Если необходимость —

это мать изобретений, то у него она сродни матке термитов, откладывающей каждую секунду по яйцу.

10 августа

Мур серьезно болен — заметили вечером. Но он сумел не привлечь к себе внимания. Д-р Хью дал ему рвотное. В моей приманке тоже содержалось рвотное. Вряд ли Муру, если он вор, понадобится бы вторая порция. Скорее всего вор не он.

Производство взрывчатки теперь полностью автоматизировано, и Мур практически весь день проводит эксперименты. Мы получаем полфунта взрывчатого вещества каждый день. Если выпускать по фунту, это будет прекрасно. Удивительно, сколько всего может сделать человек в столь неблагоприятных условиях!

Двигатель, в общем, собран. Испытания намечены на завтра.

11 августа

Критики сегодня были посрамлены. Включая меня самого. Машина Райса стала событием дня. Ее можно назвать своего рода двигателем внутреннего сгорания, потому что она приводится в действие сгорающим водородом. Коэффициент полезного действия — почти сто процентов! Когда давление поднялось до расчетной величины, испытания начались. Мы все ожидали страшной вибрации и свиста выходящего пара. Но двигатель заработал ровно — лишь слабая дрожь да тихое шипение. Он даст приблизительно 20 л. с.

Установлена еще одна солнечная батарея для питания печей. Горнякам тоже требуется дополнительная энергия, и следующую батарею получают они. Достаточно теперь энергии и у Мура.

12 августа

Двигатель установили в аккумуляторной, соединив с генератором, в качестве которого использовали электромотор. Аккумуляторы после ремонта и некоторых переделок будут использоваться для выравнивания скачков напряжения в сети, и это, по мнению Райса, может иметь огромное значение. В случае временного прекращения подачи энергии такое устройство исключительно удобно.

Горняки утверждают, что им не хватит энергии для работы следующей ночью. А Рид заявляет, что им те-

перь так много и не потребуется — ведь у них есть взрывчатка. Она выпускается теперь в свинцовых стаканчиках. Равнодушна к ударам и открытому огню — взрывается, лишь когда увлажнена и при наличии соответствующего запала. Чудесная штука!

Тем не менее дополнительный запас энергии горнякам обещан.

13 августа

Вор опять проявил себя, и объектом подозрений снова стал Мур. Причина — ссылаясь на болезнь, мало ел за столом и тем не менее сохраняет силы. Однако мне нужны более серьезные доказательства. Я убежден, что Мур — не вор.

В карьере установлен силовой щит и, к общей радости, новая солнечная батарея. Часть энергии теперь постоянно используется для электролиза. Требуется также новый аппарат электролиза, которым занялся Райс. Паросиловая установка испытывалась сегодня в течение десяти часов. Работала превосходно.

На трех санях доставлен новый запас серебра. Его должно хватить на всю ночь. Рынок солнечных элементов приближается к насыщению. Горнякам энергия больше не требуется. Муру ее тоже достаточно. Правда, он сказал, что позже ему может понадобится больше. Это меня заинтересовало.

Но для печей дополнительная энергия все еще требуется. Горняки, применяя взрывчатку и машины, ушли далеко вперед.

14 августа

Горняки опять жалуются на аккумуляторы в скафандрах. Райс весь день потратил на их ремонт — специально для ночных работ. Это сухие аккумуляторы Ренолдса — Вирта, они действуют в любом положении — даже вверх дном. Для их производства требуются мощные гидравлические прессы, которых у нас нет, поэтому изготовить такие аккумуляторы в наших условиях невозможно. Ночные работы придется остановить. Это исключительно серьезно.

Запасов кислорода хватит теперь на три месяца, воды (в том числе для производства кислорода) — на пять. Отдельно хранятся кислород и водород для отопления и для паросиловой установки.

Мур потребовал очень большие количества карбидов и нитридов. Кроме того, предлагает продолжать изготовление солнечных элементов, потому что «может понадобиться энергия для новых процессов». Я преисполнен надежды.

15 августа

Горняки заканчивают работу на открытом пространстве и начинают работы в туннеле. У нас есть большие запасы цемента. Туннель хотят сделать герметичным и обогревать его ночью, что позволило бы обойтись без скафандров. Стены туннеля планируется покрыть слоем бетона, а внутри создать искусственную атмосферу из чистого кислорода под давлением в три фунта.

Утечка будет незначительной, а работа без скафандров пойдет быстрее. Однако для приготовления бетона понадобится вода. В открытой дискуссии горняки убедили всех, что удобнее всего соорудить небольшую печь и аппарат перегонки у начала туннеля, избежав таким образом двойной перевозки.

Аккумуляторы скафандров в безнадежном состоянии, с этим Райс согласился и проголосовал «за». Я тоже. Гарнер против, он считает, что при взрывных работах возникнет опасность появления сквозных трещин в скалах и, как следствие, разгерметизации. В ответ горняки предлагают устроить переборки и шлюзы. Это означает, что возникнет потребность в дополнительной энергии. Горнякам придется вечером остановить работу из-за ненадежности аккумуляторов.

16 августа

План строительства туннеля принят. Подготовка идет полным ходом. Рид и Кинг работают над новой печью и аппаратом перегонки. Энергии требуется по крайней мере 1000 л. с. Счастье, что у нас достаточно оставшегося от корабля металла!

Солнце сядет через три дня. Я сделал два рейса на серебряный карьер и вернулся совершенно измотанным. Д-р Хью поставил диагноз — перенапряжение и недоедание. Сам я в этом сомневаюсь, потому что в таких же условиях находятся все.

17 августа

Печь у входа в туннель закончена, и цементирование началось. В условиях космоса — очень трудная работа, но

в конце концов цемент требуемого качества был получен. При входе в туннель установили корабельный шлюз. Фильтры для очистки воздуха изготавливаются двумя механиками и двумя химиками. Остальные работы приостановлены. Вся аппаратура будет сделана из серебра и плавленного кварца, как наиболее доступных материалов. Удивительно, однако открытые нами залежи железа не представляют ценности из-за того, что ближе к Куполу располагаются месторождения серебра, а оно легче обрабатывается. Серебро здесь дешевле железа!

Я взял с собой троих, и мы притащили с серебряного карьера почти шесть тонн «ювелирной руды», но изготовлено сегодня всего 15 солнечных элементов.

18 августа

После ряда экспериментов д-р Гарнер, большой специалист в области ракетного топлива, составил таблицу эффективности для новой взрывчатки Мура в условиях космоса и на воздухе. Перспективы заманчивы.

В туннеле установлены шлюзы, запущены аппаратура электролиза и очистки воздуха, первая секция уже наполнена воздухом. Установлен также обогреватель, и впервые находящиеся вне Купола люди смогли снять скафандры. Утечка воздуха незначительна, и условия работы в высшей степени удовлетворительны. Туннель сразу же облицовывается бетоном, установлены насосы. Чистый кислород при трех фунтах ощущается (но сначала надо привыкнуть!) точно так же, как кислородно-азотная атмосфера Купола при давлении в 15 фунтов.

19 августа

Работы возобновились в прежнем режиме, производительность труда в туннеле несколько увеличилась. Горняки ночью чувствуют себя гораздо лучше и говорят, что работать без скафандров много легче.

20 августа

Снова наступила ночь. Этот пустынный мир наиболее величествен при восходе и закате солнца. Огромный шар в течение часа перемещается на величину своего диаметра. И эта неровная скалистая поверхность, с миллионами кратеров и миллиардами острых вершин, выглядит как мир, созданный из горящих свечей. Каждая острая вершина сияет на солнце, а у ее основания уже появляется чернота космической ночи.

Включены обогреватели. Горняки сообщают, что в туннеле по-прежнему вполне комфортно. Они ведут его вниз, надеясь достичь уровня стабильной температуры скальных пород, где она не меняется при смене дня и ночи.

Печи остановлены, их бригады присоединились к изготовителям солнечных элементов. Сегодня сделали тридцать семь штук.

21 августа

Сделали шестьдесят элементов. Горняки вне себя от радости и сообщают о быстром продвижении вперед. В туннеле сооружена новая переборка и устроена канатная дорога, которая транспортирует нагруженные тележки туда и обратно, от места работы к шлюзу. Люки в переборке сделаны из листов корабельной обшивки. Их осталось всего пять.

Мур очень сильно, но неопасно болен. У него расстройство желудка, его рвало непрерывно в течение нескольких часов. Кажется, я догадываюсь, чем он занимается. Этот человек — настоящий герой. К сожалению, на Луне нет подопытных морских свинок.

22 августа

Готовы еще шестьдесят элементов. При таких темпах мы сможем быстро обеспечить горняков энергией.

Они уже начинают чувствовать ее нехватку. Решено перетащить к ним один большой бак из Купола. Эти люди несомненно делают огромную работу ради всех.

Двигатель Райса и генератор работают превосходно. Чтобы запустить установку в действие, требуется около десяти минут, а за это время энергией могут обеспечивать аккумуляторы. Ночами горит только одна лампа вместо восьми, как было прежде. Ожидаю новых действий со стороны вора.

23 августа

Ожидания оправдались. Он украл четыре фунта яичного порошка.

Сделали еще шестьдесят элементов. Сегодня общими усилиями перетащили бак в туннель, и оба двигателя заработали. Туннель хорошо освещен, его гладкие бетонные стены, слабый наклон и нормальная температура вызывают ностальгию. Все настолько напоминает земную станцию метро, что напрочь забываешь о Луне.

Даже гравитация представляется нормальной. Психологические штучки!..

Туннель заслуживает персонального имени. По настоянию Кенделла назвали его Таймс-сквер, поскольку он похож на подземный переход возле этой площади.

24 августа

Главный коридор Таймс-сквер решили сделать разделяющимся. Один туннель идет направо и вниз, второй — налево и строго горизонтально. Таким образом, авария в каком-либо одном туннеле не приведет к гибели всех горняков. Сразу за развилкой поставили переборки.

Изготовили еще шестьдесят элементов. А Мур пришел вечером слегка пьяным, но выхлоп был таков, что мы только руками развели. Алкоголем не пахло. Запах, как ничто другое, напоминал шоколад! Мур едва ворочал языком, повторяя: «Лишь один маленький стаканчик». Если он говорит правду (а по-моему, так оно и есть — очень уж у него удивленное выражение лица!), это значит, что опробованное им снадобье покрепче лимонада. Я хотел бы, чтобы он все рассказал.

25 августа

Мур представил собравшимся колбу, в которой содержится 500 куб. см неприятного вида жидкости, пахнущей шоколадом. Он отмерил каждому по 10 куб. см и объяснил, что случайно открыл эту штуку и что именно она стала причиной его вчерашнего опьянения. На вкус жидкость оказалась ужасной, но горла не жгла. Через 30 секунд я был готов перенести Купол и накрыть им карьер, чтобы облегчить работу горнякам. Очевидно, другие чувствовали себя так же.

Надеюсь, Мур откроет не столь чудесное, но более практичное средство.

Сегодня снова сделали шестьдесят элементов. Паросиловая установка работает прекрасно, и при свете мы чувствуем себя гораздо увереннее. Свет очень ровный и поступает без перебоев.

26 августа

Рид и Кинг взялись за новую проблему. Они разрабатывают оборудование для изготовления люков к переборкам: решено использовать обычную плавильную печь, плавить серебро и заливать его в формы. При

плавке расходуется кислород, но на это придется пойти, потому что без переборок не обойтись. Надо, как минимум еще четыре штуки. В дальнейшем переборки можно будет переносить в рабочую зону оттуда, где опасности больше нет.

Изготовили шестьдесят два элемента. Половина солнечных батарей будет установлена возле туннеля, половина — возле печей. Конечно, до наступления дня плавку производить не будем. Селеновая кислота, которая образуется при обогащении серебра, выполняет роль электролита в аппаратах электролиза. Настоящее безотходное производство!..

К радости Уайслера, ему снова позволили пользоваться электрической плитой. Паросиловая установка дает достаточно энергии. В наших условиях она имеет стопроцентный коэффициент полезного действия. Та энергия, которая не превратилась в электричество, дает тепло, и поэтому мы меньше пользуемся обогревателями.

27 августа

Изготовлен шестьдесят один элемент. Райс, Бендер и горняки заняты перемещением горных силовых установок — двигателей от вездеходов и генераторов — в туннель. Это сделано по моему предложению. Прежде они размещались снаружи, и тепло от них обогревало космическое пространство.

Благодаря ровному освещению производительность труда при добыче гипса увеличилась — отсутствуют резкие переходы от света к тени. Взрывчатка в воздухе также действует более эффективно. Ядовитых газов от нее нет.

28 августа

Мур сделал заявку на платину! Бедная старая Луна, боюсь, будет потрясена. При всех своих скудных богатствах она и так неизменно щедра к нам. Однако платины здесь, скорее всего, не найти. Тем не менее Кинг и Рид отправились на поиски. Они отсутствовали весь день, в результате мы собрали всего пятьдесят четыре солнечных элемента.

Сегодня день рождения Уайслера, и Мур принес вечером несколько измененный знаменитый ТОМС («только один маленький стаканчик»). На этот раз напиток был темно-розового цвета, с запахом шоко-

лада и сильным лимонным вкусом, однако оказался таким же сильнодействующим, как и прежде. Мур запретил использовать алкоголь, так как эти два напитка несовместимы. Уайслер высоко оценил оказанную ему честь, потому что получил 15 куб. см жидкости. Чуть позже он заявил, что именинника обижают, и выпросил целый стакан. Готовить ужин пришлось мне.

29 августа

Вечером паросиловую установку остановили на полчаса для осмотра на предмет износа. Аккумуляторы не могли обеспечить освещение даже в течение такого короткого времени, поэтому свет оставили только над самим двигателем. Машина оказалась в прекрасном состоянии, и после пуска снова заработала.

Увы, начинает изнашиваться одежда. К сожалению, я крупнее всех остальных и не могу подобрать себе что-нибудь из чужого гардероба.

Гарнеру досталось несколько вещей, которые так и не пришлось надеть бедному Моррису. Впрочем, это не слишком серьезная проблема, поскольку одежда нам требуется редко, разве что скафандры, а для них есть большой запас ремонтных материалов. Больше всего одежда изнашивается у горняков.

Платины так и не нашли. Сделали всего пятьдесят пять элементов.

30 августа

Сегодня нанес визит в туннель. Завидую горнякам!.. Туннели ровно облицованы светло-серым мелкозернистым бетоном, и теперь Мур изобретает резиноподобную краску, которая сделает стенки абсолютно герметичными. Свет дают размещенные на потолке лампы. Небольшие тележки канатной дороги снуют туда-сюда. Люки в переборках действуют эффективно и легко открываются. В рабочем конце туннеля, где навалены осколки серого гипса, есть утечка воздуха, но очень небольшая, потому что скала почти сплошная. Для взрывов теперь используются миниатюрные капсулы, каждая из них дает до 50 фунтов осколка. Капсулы безопасны, и работа идет быстро.

Один из коридоров, как я говорил, идет вниз и направо. Спуск довольно крутой, и для облегчения ходь-

бы в бетоне прорезаны ступеньки. Группа горняков, работающих в левом туннеле, расширила его до просторного помещения и ставит тут бетонные столбы. В помещении будут смонтированы два генератора и главный распределительный щит. Несколько глыб гипса обработаны так, что могут служить скамьями и даже креслами. Райс сделал для этой группы небольшую печь, и они иногда варят кофе. С момента погружения «во чрево» Луны настроение людей значительно поднялось.

Обогреватели здесь практически не нужны, потому что достаточно тепла дают двигатели. Конденсаторы пара одновременно выполняют роль глушителей, громкого шума почти нет, разве лишь постоянный гул. Двигатели начищены до блеска, а неподвижные части окрашены. Баки для топлива и кислорода установлены над туннелем снаружи, потому что слишком велики. Трубы от баков идут вниз сквозь пробуренные в скале скважины. Все это было мне очень интересно. Кое-кто хотел вырезать на стенах какие-нибудь изображения, но Мур предложил им цветные краски.

Прямоугольное по форме помещение почти закончено, осталось вырубить один угол. После этого обе бригады снова будут работать в одном туннеле. Масса гипса невероятно велика.

31 августа

Сегодня сделали всего тридцать два элемента, зато Кинг наконец нашел месторождение платины. К сожалению, ее трудно добывать, это редкие маленькие шарики сплава платины, осмия, иридия и палладия. Кинг принес с собой около шести фунтов (земных) этих шариков. Ими теперь займется Мур. Задача чрезвычайно трудна, потому что эти металлы почти нерастворимы. Муру помогает Толмен.

1 сентября

Через два дня наступит рассвет. Гипсовая куча быстро растет. Рид потребовал две трети энергии, объясняя это тем, что горняки работают вдвое дольше — полные лунные сутки, а он только днем. У горняков, однако, есть с нами договор, на выполнении которого они настаивают, и я понимаю, что их претензии оправданны. Рид, впрочем, тоже понимает.

Сделали шестьдесят два элемента. Мур трудится всю. К счастью, он располагает всеми необходимыми кислотами, но задача в целом непроста. Для чего же ему нужен платиновый катализатор? Еще несколько дней назад я заметил, что исчезло его обручальное кольцо — оно было из платины. Значит, потребность в ней велика.

2 сентября

Снова появился вор — унес остатки кофейного экстракта.

Сделан шестьдесят один элемент. Завтра восход солнца, поэтому все утро — до восхода — будем заниматься сборкой батарей. Мур попросил у горняков две батареи. И хотя те сами нуждаются в энергии, жадничать не стали — заслуги Мура не оплатишь никакими батареями.

3 сентября

Вот и лунный день. Горное производство и печи работали на полную мощность. Топливные баки быстро наполняются. Паросиловая установка остановлена, и Райс тщательно ее изучает. Запас гипса велик, но построена еще одна печь, и куча стала быстро уменьшаться.

Проблема одна — пищи осталось всего на две недели. Даже при теперешних нормах. С сегодняшнего дня паек еще раз уменьшили. По ночам все чувствуют в животе уже привычное жжение. А теперь будем получать и вовсе по одному фунту еды на человека в день.

4 сентября

Люди недовольны и отказываются делать новые солнечные элементы, потому что, по их словам, «энергию уже некуда девать». Я мог им только ответить, что максимум энергии означает минимум физической работы. Мур с глазу на глаз известил меня о том, что ему в скором времени потребуется дополнительная энергия и дополнительное количество минералов.

Посетил туннели. Тут прохладно и комфортно, особенно в нижнем. Верхнее помещение полностью закончено, в нем оборудовали уголок для отдыха. Здесь тоже достаточно прохладно, поскольку до поверхности 200 футов, и вся толща в основном пемза.

Нижний туннель проходит на глубине 500 футов под поверхностью скалы и на 300 футов ниже верхнего по-

мещения. Его прокладывают быстро, и он значительно уже. Спускается вниз очень резко. Сегодня начато новое ответвление, идущее к середине скалы, причем без уклона. На развилке сделали небольшое помещение. Переборки устроены довольно далеко друг от друга.

5 сентября

Горняки больше остальных жалуются на слабость и боль в руках и ногах.

Сегодня некоторое время работал в туннеле, а Кенделл отдыхал. Да, у горняков очень нелегкая работа, в особенности тяжело перекачивать непослушные тележки. Дорога в туннеле ровная, но идет с наклоном. К счастью, разработки ведутся в более высоком месте, чем то, где расположены печи. Поэтому груженные тележки мы толкаем под уклон, а пустые тянем наверх. Отходящий в сторону нижний туннель идет теперь строго по прямой. Лонг, ставший настоящим инженером-строителем, возглавляет горняков. Он хотел, чтобы я принял на себя эту обязанность, но я отказался. Ведь он один знает все тонкости. В конце концов он согласился продолжать руководство и объяснил, что надеется сделать здесь, где нет разницы дневной и ночной температур, большое помещение. Тогда и отопление не понадобится. Затем он планирует перетащить вниз двигателя, а потом перенести туда весь наш лагерь. К сожалению, на это мало надежды. Баки и машины так тяжелы, что перетаскивать их нам уже не по силам. Ночью у меня сильно болели мышцы.

6 сентября

Моя догадка оказалась верна! Сегодня Мур раскололся. Он принес Уайслеру кувшин с полулитром густой смолообразной жидкости со своеобразным запахом и попросил, чтобы кок смешал жидкость с обычными продуктами и сварил из всего этого суп. Уайслер так и поступил. Запах оказался довольно мерзкий, а вкус и вовсе ни на что не похожий, но уже после первых ложек мы почувствовали, как возвращаются силы. Мур объяснил, что это исключительно питательная смесь синтетического протеина и жира. Кроме того, в нее добавлено немного стимулирующего вещества, которое он создал совершенно случайно. Однако для производства этой смеси требуется огромная энергия. В течение но-

чи ему не удастся изготовить новую порцию продукта, потому что мы не в состоянии обеспечить его достаточным количеством энергии.

Теперь Мур старается сделать смесь более аппетитной. Он согласен, что у нее неважный вкус. К тому же она не содержит витаминов, а наш витаминный концентрат почти закончился. Огромная энергия требуется потому, что для синтеза приходится использовать ацетилен. Его Мур получает из природных карбидов, но для этого требуется проводить ряд сложных и очень энергоемких реакций. На приготовление продукта при двухразовом питании потребуется гораздо больше энергии, чем мы можем сейчас выделить, а еда нужна немедленно. К счастью, можно временно сократить производство воды и кислорода и передать энергию Муру.

7 сентября

Сегодня пища снова была щедро приправлена липкой смолистой жидкостью. Мы все помогаем Муру. Да здравствует наука, с помощью которой горное дело становится источником воздуха и пищи! Человек завоевал этот мерзлый ад и обжил самую негостеприимную территорию, на какую когда-либо ступал. Я верю, что с такими людьми можно обустроить жизнь даже на Плутоне!

Мы уже чувствуем прилив сил. «Продукт» Мура попадает в поток крови так же быстро, как вода, а небольшая добавка стимулятора поднимает дух.

Вкус по-прежнему неважный. Уайслер старается улучшить его чесноком, луковым экстрактом, перцем и семенами сельдерея.

Туннели почти опустели, все помогают Муру и Толмену. Необходимо изготовить огромные реторты из кварца, и потому в Куполе страшно жарко: к немилосердно жгучему солнцу прибавилось сильнейшее кислородно-водородное пламя, которое требуется для плавления кварца. Какое счастье, что у нас есть такие запасы водорода!

8 сентября

Сегодня истратили остатки пищевого продукта, приготовленного Муром, но новая аппаратура уже начала действовать, и через день питательная смесь станет поступать непрерывно и в достаточном количестве. Мур разделил весь процесс на три этапа: в одной установке

синтезируются простые сахара, вторая превращает часть их в протеин, третья приготавливает жиры.

Солнечных элементов требуется даже больше, чем прежде, и, как только монтажные работы завершатся, люди займутся изготовлением новых элементов для питания установок.

Я не упоминал выше, где смонтирована аппаратура для приготовления пищевого продукта. Из-за того, что аккумуляторная слишком мала, а в Куполе слишком тесно, ее установили в «зале отдыха», как Лонг называет верхнюю пещеру. В дальнейшем мы планируем перенести аппаратуру на более глубокий уровень.

9 сентября

На изготовлении элементов сегодня работали как наши люди, так и печники. Всего сделали шестьдесят девять штук! Чувствуем себя веселее. Большая часть солнечных батарей, что стояли возле Купола, перенесена, они используются для производства пищи. Муру нужна почти вся энергия. Поэтому солнечные батареи перетаскивали пониже и установили возле туннеля.

Мур сумел изготовить новый углеводный материал — глюкозу. Теперь у нас снова сладкий кофе. Глюкоза получилась прозрачной и чистой, в виде кристалликов. Привкуса она не имеет. Протеин и жиры готовятся дольше: они появятся только завтра. Наши запасы натуральной пищи сократились до нескольких фунтов муки, небольшого количества бекона, бочонка хлопкового масла и шести тюбиков витаминного концентрата. Еще осталось полбанки яичного порошка и четверть банки сухого молока.

10 сентября

Сегодня вечером был роскошный суп. Уайслер нашел банку ароматных специй, которые подавляют любой привкус. Эта еда несомненно очень питательна. Все мы с удивительной быстротой прибавляем в весе. Д-р Хью говорит, что причина этому — исключительная усвояемость пищи.

Мур сделал удивительное предложение. Он хочет собрать всю нашу изношенную одежду и обещает превратить ее в хлеб. Поскольку вся она сделана из хлопка и льна, легко будет получить крахмал. Оригинальное использование старых тряпок! Я слышал о людях, кото-

рые были вынуждены есть свою одежду, обувь, спальные мешки и тому подобное, но далеко не в виде хлеба!

Сегодня сделали шестьдесят элементов — хватит на целую солнечную батарею!

11 сентября

Пища значительно улучшилась. Теперь она молочного цвета и почти без запаха, с очень слабым кислым привкусом, как у лимона. Первые предметы нашей старой одежды вернулись к нам в виде крахмала, от которого суп стал гуще. Уайслер раздобыл овощной экстракт красного цвета. В меню он называется «томатное пюре»! Вкус у него, конечно, другой, но все равно приятный, все с этим согласились.

Теперь еды достаточно, и все чувствуют себя лучше. Мысль о том, что у нас есть неиссякаемый источник пищи, воды и воздуха, прямо-таки согревает сердце. Если для постройки спасательного корабля понадобится даже год, мы проживем его благополучно.

Изготовлен семьдесят один элемент. Топливо для паросиловой установки полностью гидролизовано, запасено топливо для двигателей у горняков.

Мур сообщает, что успеет приготовить достаточно питательной смеси, чтобы хватило на всю лунную ночь».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Борьба за пищу

12 сентября

Сегодня закончена сборка еще одной солнечной батареи, и начала действовать вся аппаратура по добыче кислорода. Куча гипса растет, печники не успевают ее перерабатывать. Горняки продолжают свои работы. Теперь делают большую нижнюю камеру. Она будет 30 футов высотой — вернее, глубиной, потому что роют вниз. Длина составит 100 футов, ширина — 60. Начали пробивать второй туннель, который выйдет на уровень пола. Новую большую печь хотим поставить у карьера — постоянно увеличивающейся системе туннелей требуется все больше кислорода. Несколько пустых баков вскоре будут перемещены сюда из Купола.

Думаю, что Лонг пришел к правильному решению. Производство пищи, горные разработки, аппараты для выделения кислорода, баки — все может быть перемещено сюда. Температура здесь постоянная, такая же, как в глубинах Земли.

Огромный приток тепла в течение дня приблизительно равен его оттоку ночью, а за счет слоя породы температура держится постоянной.

13 сентября

Лонгу требуется еще один бак. Сегодня окончательно решено, что мы перебираемся в туннели. Баки тяжелы, но силы наши почти полностью восстановились, и с помощью лебедек мы в состоянии перемещать такие тяжести. Баки будут установлены в специальном сооружении из пемзы, построенном в тени утеса. Моторы, вентили, разные другие предметы перевозятся на новое место. Великий исход в самом разгаре. Новые солнечные батареи установлены над туннелями, и Рид уже построил четыре печи для обработки гипса.

Большая камера еще не закончена, но, поскольку нет необходимости вывозить наружу добытый гипс, работа значительно ускоряется.

14 сентября

Готова еще одна солнечная батарея. Кроме того, закончена грубая обработка стен большой камеры. Пилы еще продолжают работать, устанавливаются бетонные столбы, для прочности в них использовано серебро. Завтра забетонируем стены. Энергии теперь достаточно, потому что отопление не требуется. Установку Райса тоже перетащили сюда, и ее можно монтировать. Вообще-то для всех силовых агрегатов должна быть вырублена еще одна камера, меньших размеров. Поскольку горные работы все равно должны продолжаться, будет подготовлена и третья камера — для аппаратуры химического синтеза.

15 сентября

Закончена и установлена возле туннелей последняя из необходимых нам солнечных батарей. Аккумуляторы пока находятся в Куполе, и мы по-прежнему спим там. К вечеру будем переезжать. Теперь все работают в Замке — так мы решили назвать систему наших туннелей. Стены большой камеры покрыты слоем цемента и двумя слоями

резиновой краски. Развешаны лампы, а бетонные койки только и ждут матрасов и одеял из Купола.

В одной из стен сделана небольшая ниша-альков, а в ней установлена электрическая плита. Тут будет кухня. Свободное пространство в большой камере дает нам ощущение комфорта, которое очень поднимает настроение. Мы продолжаем упорно и с энтузиазмом трудиться. Поскольку производство солнечных элементов преуспешно, Мелвилл теперь работает интендантом.

16 сентября

Сегодня перевезли главные аккумуляторы и спальные принадлежности. С этого времени нашим домом стал Замок. А старый Купол превращается в заброшенную хижину. Последние баки для кислорода и воды уже вывезены, они устанавливаются в специальной пещере вблизи поверхности, где температура с помощью термостатов будет поддерживаться близкой к 35 градусам по Фаренгейту.

Я прибавил в весе тринадцать фунтов! Все остальные тоже полнеют. Еды теперь — в изобилии. Мур создал порядочный запас.

Замок закончен. Организована подвозка людей по туннелям, для этого используется одна из тележек, хотя, кроме бригады печников, теперь мало кому требуется выходить наружу.

На случай, если спасательный корабль прилунится, когда все будут внизу, в Куполе оставлены послания, объясняющие, где мы находимся и как к нам попасть. Лунными ночами покидать Замок мы больше не собираемся.

17 сентября

Снова ночь — но теперь все по-другому! Температура не меняется. Паросиловая установка обеспечивает все наши нынешние потребности в свете и энергии, а завтра будет снова запущен большой двигатель, и начнутся работы по строительству камеры для силовых агрегатов. Наклонный ход будет расширен, и мы перетащим вниз все крупногабаритные механизмы. Труб для подачи топлива у нас достаточно. Хотя машинное отделение будет примерно на семьдесят футов выше нас, силовой щит решено установить рядом с большой камерой. Весь Замок хорошо освещен, и радость от прогул-

ки без скафандра просто невозможно описать. Это все равно что толковать о музыке с глухонемым.

Кенделл, который, помимо всего прочего, еще и художник, с помощью проектора получил на стене изображение местного пейзажа и теперь копирует его красками, которые для него изготовил Мур. Получается превосходно. Кенделл предлагает написать еще несколько таких картин — чтобы улучшить вид голых бело-серых стен.

18 сентября

Температура упала не более чем на одну десятую градуса: обычные термометры такое незначительное изменение даже не фиксируют. Несмотря на отсутствие отопления, здесь вполне комфортно. Работа над камерой для машин потребовала включения больших двигателей, дающих много тепла.

Это помещение готово почти наполовину. Каждый помогает здесь чем может. Райс управляет с установкой, нога его почти зажала. Бендер делает канатный привод для тележек, остальные взрывают и грузят гипс, тянут трубы и электрические провода.

Установка Райса работает постоянно, обеспечивая энергию для освещения и кухонной плиты.

Между прочим, Райс во время строительства потребовал сделать в стене еще одну нишу-альков, назначение которой держал в тайне. Оказалось, она предназначалась для душа. Система уже смонтирована. Вода после мытья стекает в отстойник, фильтруется через гипсовую крошку, затем идет на получение кислорода: сначала мы моемся, а потом этим дышим. Ничего не пропадает зря! После пыльной работы помыться очень приятно.

Мур постоянно экспериментирует с добавками в пищевую смесь. Сегодня он добился неплохого вкуса — шоколад и чуть-чуть ванили. Введены также добавки кальция, железа и йода с магнием. Каждый день мы становимся сильнее. Хлеб из нашей старой одежды тоже довольно вкусен. Но сырья для него, увы, осталось совсем немного.

19 сентября

Машинное помещение закончено. В нем достаточно места для всех трех двигателей, и даже останутся широкие проходы между ними. В качестве редуктора ис-

пользован небольшой баллон — это позволило обеспечить более равномерную работу двигателей. Раньше газы под большим давлением направлялись прямо в цилиндры, половина рабочего хода поршня обеспечивалась за счет действия высокого давления, и только потом производилось воспламенение горючей смеси. От этого усиливалась вибрация, и машины быстро изнашивались. Теперь газы расширяются и воспламеняются одновременно. Эффективность использования топлива повысилась, а износ уменьшился.

Паросиловая установка и один из больших двигателей уже установлены. Второй двигатель пока наверху. Продолжаются работы по вырубке помещения для щитовой.

20 сентября

Щитовая закончена, в нее перенесен коммутационный электроцит. Для подключения пришлось на пять минут отключить свет, и наш Замок погрузился в темноту. Он сразу перестал быть домом. Здесь отсутствие света будет переноситься тяжелее, чем в Куполе.

Но вскоре лампы снова вспыхнули, и снова заработала установка Райса. Потом включили двигатель. К вечеру все было перенесено вниз, аккумуляторы установлены в щитовой, а второй большой двигатель тоже занял свое место.

Завтра опять начнутся горные работы.

21 сентября

Туннель повели дальше вниз, отчасти из любопытства — выяснить температурные условия. Едва люди обрели уверенность в пище, воде и воздухе, к ним сразу вернулся исследовательский азарт. Мы тщательно изучили скалы в поисках органических веществ или признаков существования бактерий. Есть следы возможного наличия воды. Подозреваем, что Луна потеряла всю свою атмосферу и воду задолго до того, как сформировалась ее нынешняя кора. Кора находится в отличном изостатическом равновесии, шансов для геологических открытий мало.

Муру требуется дополнительное количество платины, потому что он намерен полностью автоматизировать свою аппаратуру. Сейчас он работает над расширением базы микроэлементов. Кроме углерода, водорода,

окислов серы и азота, которые есть в пищевом составе, нам требуются еще фосфор, калий, натрий и много чего другого. В придачу Мур упорно работает над производством витаминных концентратов. Хью помогает ему.

22 сентября

Перед входом возле печей скопилась большая куча гипса. Для разгрузки тележек приспособлено электро-механическое устройство, так что Замок теперь покидать не требуется вовсе. У нас внутри на удивление комфортабельно. Сейчас чувствуется небольшая прохлада, но ее компенсирует тепло от двигателей, работающих круглые сутки. Люки в переборках к верхнему «залу отдыха» и в коридорах закрыты, и свет погашен, потому что там холодно. При необходимости мы, конечно, в состоянии отапливать и эти помещения.

Теперь ночью мы вообще не тратим топливо на обогрев.

Я вместе с Ридом и Кингом был сегодня на фосфатных залежах, которые Кинг нашел в прошлом году, — он привез тогда с собой небольшое количество этого материала. Завтра мы собираемся на месторождение платины, а на обратном пути зайдем в Купол и возьмем кварца. Несколько человек Кенделл посылает на серебряный рудник.

23 сентября

Принесли четыре фунта платиново-иридиево-осмиевой смеси. На Земле это целое состояние, и к прибытию спасательного корабля нам надо собрать побольше подобных материалов. Кроме того, доставлено полтонны серебряной руды и несколько сотен фунтов железной. Для горных работ требуются новые ломы. Несчастный Уилкотт был нашим металлургом, теперь Кинг и Толмен стараются как можно лучше выполнять его работу. Толмен советует получить железо электролитическим способом, а потом, очистив его, сделать сплав. У нас нет хрома, поэтому невозможно получить хорошую нержавеющую сталь, но подойдет и обычная углеродистая. Для прочности можно попробовать добавить немного серебра.

Мур собрал несколько пачек старой бумаги, кое-какие ненужные книги и деревянные детали из Купола.

Обещает использовать их для создания других видов пищи. Хью считает, что мы можем столкнуться с серьезными желудочными проблемами, потому что в нашей синтетической еде полностью отсутствуют шлаки. Она переваривается на все сто процентов.

24 сентября

Горные работы продолжаются. Вечером и во время сна чувствовался холод — мы занимались сбором минералов, и двигатели были остановлены на весь день. Сегодня лучше. Мур хочет расширить лабораторию, а еще лучше — соорудить еще одну, с отдельным силовым щитом. Райс помогает ему автоматизировать аппаратуру. Вся она сделана из сверкающего серебра и кварца. Некоторые трубки, по которым подаются особенно едкие кислоты или щелочи, изготовлены из сплава иридия и осмия. Теперь достаточно открыть подачу ацетилена, и сахар получается автоматически.

Мы вырубаем для Мура большое помещение в стороне от основной жилой камеры. К нему будет вести длинный туннель, чтобы температуру в лаборатории можно было регулировать автономно.

25 сентября

Кенделл трудится над картинами. Кое-какие пейзажи получились превосходными. Помещение теперь выглядит удивительно домашним. Неровные лунные вершины, люди в скафандрах на переднем плане, поднимающееся солнце и тени в кратере, где-то сбоку Купол. Здесь, где тепло и легко дышится, очень приятно смотреть на такое.

Кенделл предлагает использовать большую камеру в качестве общего холла, а для сна вырубить отдельные комнаты внизу. Бывает, хочется погасить свет и лечь спать, а другие еще чем-то заняты... Это ограничивает свободу личности и уже вызывало некоторые трения. Поскольку горные работы в любом случае придется продолжать, считаю эту идею прекрасной.

26 сентября

В рекордное время закончили новую лабораторию для Мура. Этим занимались все, механизмы действовали отлично. Технология взрывных работ освоена так прекрасно, что нет никакой нужды в ручном труде.

Но один человек должен постоянно находиться у шлюзов и еще один — возле двигателей. Имея достаточно пищи и используя время от времени чудесный стимулятор Мура (кстати, совершенно безопасный и не вызывающий привыкания), мы все пребываем в добром здравии. Людям, которые не знают, что такое голод и слабость, этого никогда не понять.

27 сентября

Первой вырублена отдельная комната для Мура — в благодарность за его подвиги. Завтра займемся отделкой. Через три дня восход солнца, но мы едва вспоминаем об этом.

28 сентября

Комната для Мура «сдана под ключ». Она оборудована книжными полками, койкой, гипсовыми столом и шкафом. Кенделл наслаждался, рисуя картины на стенах. Комната находится на самой большой глубине, которой мы достигли, — примерно 700 футов. В ней довольно тепло уже сейчас, но на всякий случай предусмотрены электрический и газовый обогреватели. Райс был занят весь день — изготавливал серебряные трубы для газа и серебряную проволоку для электропроводки.

29 сентября

Мур переселился в свою комнату и очень доволен. Комната украшена символическим портретом химика с пробиркой в одной руке и ломтем хлеба в другой; на других стенах изображены привычные лунные пейзажи. К вечеру закончили комнату для Лонга. Как инициатор переселения в недра Луны, он, по моему мнению, заслуживает этого.

Кенделл снова занят. Он уверяет, что теперь его работа — настоящий отдых.

30 сентября

Солнце взойшло, и обильно потекла энергия. Бригада печников снова занялась гипсом, огромная куча этого материала собрана при разработке большого зала, аппаратной и прочих помещений. Четыре новые печи быстро расправляются с ним. Рид считает, что у нас недостаточно баков, и я с ним согласен.

1 октября

Закончена комната для меня — вероятно, потому, что я возглавлял «прорыв за границу», освоил изготов-

ление солнечных элементов... ну и за другие мелкие заслуги.

Кенделл удостоил меня одной из лучших картин. В этом он теперь настоящий мастер. На картине изображена едва поднимающаяся над горизонтом Земля, озаренная солнцем лунная поверхность и одетые в скафандры три человеческие фигурки, замершие возле радиопередатчика и смотрящие на родную планету. Другая картина изображает сцену изготовления в Куполе солнечных элементов.

Для Гарнера будет сделано помещение рядом. Как руководитель экспедиции, он мог бы получить комнату первым, но по его настоянию порядок заселения должны определять реальные заслуги участников экспедиции.

2 октября

Рид попросил, чтобы после окончания комнаты Гарнера строительство жилых комнат было отложено и все приступили к изготовлению бака для воды. Располагая беспрецедентным количеством энергии, Рид быстро наполняет существующие баки. Кое-кто, включая и меня, проводит вечернее время за изготовлением солнечных элементов. Две батареи уже закончены, и Рид получит еще больше энергии. Почти все баки заполнены.

Мур объявил, что ему удалось получить концентрат витамина А. По его словам, это только начало.

3 октября

Закончена комната для Гарнера, и теперь на еще большей глубине ведется вырубка нового большого помещения. Это будет одновременно бак для воды и плавательный бассейн. Для уничтожения бактерий воду решено как можно чаще подвергать электролизу. Объем будущего бассейна очень велик.

4 октября

Рид просит комнату. Печи его остановлены. Куча гипса значительно уменьшилась. Ему пришлось освободить два водородных бака, чтобы использовать их для наполнения кислородом, а вырабатываемый водород выпустить наружу. Это странное зрелище — сияющее облако в ярком солнечном свете, быстро расплывающееся и исчезающее.

5 октября

Работы по вырубке бака-бассейна идут быстро, потому что все заинтересованы в этом. Решено сделать его в виде двух секций: одна — с дном, начинающимся с трех футов и опускающимся затем до десяти; и вторая — большего размера, 40 футов глубиной, 30 шириной и 50 длиной. Вокруг всего бассейна будет «берег» шириной 10 футов, а над ним, в 7 футов, — крыша. Началась оживленная дискуссия о том, как идут процессы испарения при таком низком давлении атмосферы и что значит «плавать» на Луне. В итоге мы сошлись на следующем: испарение вряд ли окажется велико, поскольку атмосферное давление значения не имеет, важно только давление водяных паров; плавание же будет выглядеть довольно забавно, хотя утонуть здесь можно так же, как и на Земле. Мы здесь легче, но и вода тоже.

Сначала заполним более мелкую секцию, благо перегородка позволяет так поступить. Она почти закончена, требуется только покрасить ее резиновой краской.

6 октября

Началось заполнение мелкой секции, а в глубокой еще продолжают работы. Вода, протекая по длинной серебряной трубе, поступает удивительно быстро.

После восхода солнца температура здесь, внизу, поднялась всего на полградуса, а в зале — на три четверти градуса. Поглощение тепла идет медленнее, чем его излучение.

7 октября

Горняки разделились на две бригады. Одна продолжает заниматься бассейном, вторая вернулась к вырубанию комнат. Бригада печников трудится на поверхности. Печи, за исключением загрузки, действуют автоматически. Райс взял с Купола один из листов обшивки, согнул его в желоб и сделал загрузочную машину, которой пользуется Рид. Цемент теперь хранится снаружи — на солнце — для полного высыхания. Размалываем мы его с помощью электрической дробилки. Прежде цемент измельчали вручную, при этом собирали только пыль.

С беспокойством ждем спасательного корабля. Он должен прибыть за нами в течение ближайших двух ме-

сяцев; впрочем, по мнению Гарнера, возможно, он еще в стадии проектирования¹.

8 октября

Помещение бассейна закончено, проведено электрическое освещение. Две очень мощные лампы, помещенные в водонепроницаемые колпаки, установлены в центре глубокой части. Кенделл уже занят делом. Бендер возражает, указывая, что этот человек тратит энергию, которую можно использовать с большим толком. Гарнер считает, и я с ним согласен, что эффект, создаваемый картинами, стоит этих затрат. Цвет и осознание того, что этот каменистый страшный мир всего лишь картинка, дают (по крайней мере мне) ощущение безопасности.

Израсходовали всю натуральную пищу, кроме специй и банки кетчупа. Остатки продуктов добавляли в искусственную еду время от времени, но теперь уже все. Однако голая, то горячая, то морозная луна продолжает нас снабжать пищей из своих скал.

Сегодня Мур получил витамин С и добавил его в еду. А еще он приготовил и предложил всем попробовать забавное, серого цвета пирожное. Оно оказалось довольно безвкусным, но не очень отличалось от обычного кекса. Очевидно, Мур изобрел что-то вроде муки. Он советовал пережевывать пирожные не слишком сильно и дал каждому по маленькому кусочку.

Хоть и безвкусные, они были встречены с восторгом, потому что привычные супы уже изрядно надоели. После них желудок быстро пустеет. Мы узнали, что в состав пирожных входят размолотая пемза, крахмальная

¹На самом деле постройка спасательного корабля уже приближалась к завершению, причем гораздо раньше, чем можно было ожидать. Работы велись с опережением графика. Но, как всегда бывает, в спешке совершалось множество грубых ошибок. Когда сборка корабля была закончена — это случилось в конце ноября, — вдруг обнаружили, что на Земле нет ни одного опытного пилота. И теперь их предстояло обучать на единственном спасательном корабле! Именно поэтому в первую неделю декабря корабль потерпел крушение в пятидесяти милях от пустыни Мохаве. Понадобилось почти две недели, чтобы подвезти к месту катастрофы оборудование, и около полутора месяцев, чтобы закончить ремонт.

мука, приготовленная из бумаги, дерева и ткани, и пищевой сироп. Не знаю, чего бы я хотел еще. А Рид назвал их «пирожными каменного века».

9 октября

Мелкая секция бассейна заполнена водой, теперь она переливается через перегородку в более глубокую часть. Впервые с тех пор, как мы покинули Землю, наши тела оказались погруженными в воду полностью! Очень интересное ощущение! Вход в бассейн сделан наверху, примерно в 15 футах над поверхностью воды, и вниз идет лестница (серебряная, между прочим!). Мы почти не ныряем, больше держимся на поверхности. Быстрота, с которой мы всплываем или погружаемся, из-за меньшей гравитации весьма отличается от земной. И это непривычно. Вода — соленая, чтобы она могла быть электролитом. Ночью через нее пропускается ток, освобожденные кислород и водород собираются и сжигаются в расположенном на глубине обогревателе. Бассейн может быть эффективным накопителем тепла.

10 октября

В значительном количестве получен витамин B_1 . Мур обещает, что вскоре у нас будет вся группа витаминов В.

Мы продолжаем работать над вырубкой жилищ; многие уже вселились в личные комнаты, и в числе последних — Райс. На мой же взгляд, его комната должна была оказаться третьей, поскольку именно изготовленные Райсом машины дали возможность построить эти комфортабельные туннели и комнаты.

Холл сейчас полностью освобожден от коек, в углу стоит большой гипсовый стол, за которым мы едим. Он заменил собой легкий металлический, который качался, когда о него опирались.

Предполагается возобновление курса лекций. Готовятся слайды и диаграммы. Кенделл оставил на стене зала свободное место, а теперь покрасил его серебряной суспензией, и оно вполне может выполнять роль экрана.

11 октября

Установили еще одну солнечную батарею. Энергию ее отдали Муру. Он говорит, что может использовать любую энергию; таким образом, прошлые времена, ког-

да мы делали солнечные элементы, могут вернуться. Сделано несколько ферм для установки солнечных батарей, материал для элементов уже подготовлен.

Мур хочет, чтобы с наступлением ночи, когда выходить наружу будет легче, мы принесли побольше известняка. Пока же он без него переживает. А Райс сделал наконец практичный обогреватель для скафандров. Водородно-кислородная смесь, сгорая, нагревает укрепленный внутри скафандра бачок с водой. Двойной клапан регулирует пропорцию смеси, а также величину газового потока. Один из членов выходящей наружу группы носит с собой небольшое ручное магнето. Подключив его к скафандру, поворотом ручки создают искру, которая и зажигает пламя. Это тяжелее, чем аккумулятор, но лучшее из того, что мы можем придумать. Наше последнее ночное путешествие получилось неудачным, потому что мы страшно замерзли, а аккумуляторы стали бесполезны. К сожалению, у нас больше не будет личной радиосвязи.

12 октября

До начала ночи два дня. Плавание после работы хорошо снимает усталость. Закончена последняя из жилых комнат. Солидные гипсовые кресла снабжены покрытием из резиновой краски толщиной в одну десятую дюйма (и такая конструкция не столь уж неудобна, как может показаться); вырублены книжные полки, койки, украшения на стенах и стулья для посетителей; комната освещена лампой на потолке и напольным светильником (серебряная труба, вставленная в блок из покрашенного резиновой краской гипса). Все это очень похоже на домашнее убранство и придает жилищу комфорт. Честно скажу, мы с сожалением будем покидать это место! Уж я-то точно.

Глубокая секция бассейна наполняется водой с удивительной скоростью. Гарнер говорит, что необходимости вести горные работы ночью больше нет, вполне достаточно лунного дня, а ночью можно заниматься научными исследованиями. Мы вернемся к своей старой работе с радостью.

13 октября

В соседней с бассейном комнатке установлен душ — чтобы смывать перед плаванием гипсовую пыль. Гипс

не удаляется при электролизе и несколько замутил прозрачную воду. А эта вода для нас более ценна, чем серебро и золото.

В глубокой части бассейна уже 3 фута воды. Сегодня мы повели вниз новый туннель, главным образом ради исследовательских целей. Никаких признаков животной жизни. Райс возражает против таких работ, поскольку для подъема гипса машины придется использовать ночью. Он напомнил, что ночью мы теперь не работаем. Хочет сделать автомобиль!

14 октября

Сегодня пополудни началась лунная ночь. Прекратился поток энергии, вода перестала стекать в бассейн. Его стены уже украсились сценами из земной жизни, это единственное помещение в Замке, где есть земные пейзажи, хотя и здесь превалирует Луна. К неудовольствию Кенделла, свободных помещений для его картин больше нет. Установка Райса вряд ли справится с возросшей нагрузкой, когда будет включен свет в длинных коридорах, холле, комнатах и помещении бассейна. Он занимается проблемой увеличения мощности котла.

Завтра мы снова начнем исследования.

15 октября

Весь день перетаскивали известняк, карбиды, нитриды и фосфаты для производства пищи. Кроме того, доставили кварц и несколько металлических листов от Купола. Он тает, как сугроб под солнцем. Мур извлекает серу из гипса, но не очень успешно. Возможно, эти соединения лежали тут нетронутыми два или три миллиарда лет!

Обогреватель Райса эффективен, с ним нетрудно управляться, хотя он и менее удобен, чем аккумуляторный подогреватель: обогрев неравномерен, так что телу слишком тепло, а руки и ноги мерзнут. Так было приятно вернуться в Замок и отдохнуть в собственной комнате, хорошо освещенной, с обстановкой, напоминающей домашнюю. Мы уже так привыкли к трем фунтам давления кислорода, что не обращаем на это внимания.

Райс попросил нас временно не пользоваться электрическими обогревателями, потому что паросиловая установка не справляется с нагрузкой. Мы не экономим

на свете — он дает нам бодрость и спокойствие, но зато расход энергии гораздо больше, чем в Куполе.

16 октября

К вечеру очень устали. Я, Рид и Бендер посетили сегодня расселину Моркотта и снова спустились на самое дно. Тащили с собой почти бесполезные батареи для освещения и исследовали одно из самых глубоких мест. Ничего особо интересного, только нашли образцы, которые, по мнению Рида, являются солями радия или по крайней мере урана. У нас их применить негде, но на Земле они представляют ценность. На то, чтобы спуститься и подняться, ушел почти весь день. Вернулись очень голодными — Муровы супы и пирожные никогда не казались нам такими вкусными.

Райс остановил паросиловую установку и колдует над нею, пытаясь повысить мощность и давление. Поэтому запущен один из больших двигателей.

17 октября

Паросиловая установка снова включена и развивает почти 50 л. с. Райс ее модернизировал: добавил в котел еще одну горелку и повысил давление. В результате увеличилась мощность.

Инфракрасные лучи электрических обогревателей быстро согревают озябшие руки и ноги, поэтому иметь дополнительную энергию для этих устройств очень неплохо, хотя вообще тепла нам здесь требуется немного.

Еще раз посетили расселину Моркотта — образцы породы, которые принес с собой Рид, оказались исключительно богаты содержанием урана. Месторождение, похоже, внушительное. Неподалеку наткнулись еще и на залежи свинцово-серебряного сплава. Завтра обследуем и другие места. Кажется, по воле слепого случая мы оказались в такой области Луны, которая изобилует минеральным сырьем, или же вся Луна представляет собой гигантское хранилище разных руд. Алюминий — в изобилии, соединения бериллия рассеяны повсюду, много никеля, железа и кобальта. Несомненно, имея наш Замок, не составляет труда создать здесь базу, которую сама Луна снабжала бы и пищей, и воздухом!

18 октября

Дальнейшие исследования в глубинах расселины выявили возможное наличие золота. Мы не стали тратить

время на его поиск: ни я, ни Рид не питаем особого уважения к золоту. Здесь, на Луне, мы научились ценить металлы и минералы, исходя из их полезности, а золото тут абсолютно бесполезно. Бендер, однако, был дико возбужден и хотел непременно заняться поисками.

Вместо золота мы принесли с собой значительное количество свинца, потому что он представляет особую ценность. У нас его совсем нет, а теперь мы можем заменить наши бесценные аккумуляторы самодельными кислотно-свинцовыми. Бендера в конце концов убедили нагрузиться вместо золота «высококачественной» рудой, объяснив, что она гораздо дороже. Как он обозлился, когда узнал, что принесенный им металл оказался всего лишь свинцом!

19 октября

Очередная экспедиция в расселину Моркотта: мы взяли сани для транспортировки руды. Рид и я спустились и грузили свинцовую руду в сетку, а остальные поднимали ее наверх, к саням.

Рид займется получением свинца из руды завтра. Райс согласился делать аккумуляторы, предложив для изготовления корпусов использовать серебро, покрытое сплавом осмия и иридия. Такие корпуса будут крепче и, в отличие от стеклянных или кварцевых, не расколются.

Удивительно, как переворачиваются здесь наши представления. Железо — бесценно, а серебро лишь полезно, поскольку доступно и легко обрабатывается; осмий-иридий мы замечаем только из-за их сопротивляемости коррозии, а свинец более ценен, чем золото!

20 октября

Сегодня исследования продолжались. Вечером Райс объявил, что первый кислотно-свинцовый аккумулятор заряжается. К вечеру я страшно устал.

21 октября

Прошла половина ночи. Мур ввел в рацион витамины G и F и угостил нас твердым органическим веществом, пропитав его пищевым сиропом. Блюдо оказалось гораздо лучше тех пирожных. Мур уверяет, что это чистое дерево с частично переваренным мясом и сахаром. Так или иначе, новое изобретение очень питательно.

22 октября

Кенделл напечатал несколько фотографий, снятых во время строительства Замка. Они очень интересны для нас. Были также снимки, сделанные в Куполе, и теперь мы удивляемся, как жили прежде без плавательного бассейна и в такой тесноте.

Райс начал втайне от других какую-то работу, вырубив для этого помещение недалеко от вершины гипсового утеса. У него даже есть отдельный шлюз. Энергию, тепло и газы он получает из Замка. Вот такая у него мастерская, частная! Он снял много листов с обшивки Купола, не прибегая к чьей-либо помощи, и мы гадаем, что он там такое делает. Он не говорит, но, если случается проходить мимо, почти весь день можно слышать шум мощного двигателя.

23 октября

Кинг нашел новое месторождение платины недалеко от прежнего. Вероятно, какое-то ответвление жилы, но более богатое. К вечеру он принес почти семь фунтов платины.

Первую из аккумуляторных батарей будем испытывать завтра.

24 октября

Кинг сделал еще одно триумфальное открытие — нашел очень богатые залежи вольфрама. Он планирует попытаться переработать руду в металл, который требуется Раису. Однако сделать это можно будет только с наступлением дня.

25 октября

Ходили на вольфрамовую разработку Кинга. Неудивительно, что металл этот еще называется «тунгстен» — тяжелый камень. Так и есть на самом деле! Мы, однако, приволокли его почти тонну, причем собранную руками. У нас было с собой несколько капсул с взрывчатым веществом, и оно очень помогло.

Завтра Рид и я будем помогать Кингу в строительстве плавильной печи.

26 октября

Печь по выплавке вольфрама закончена и выдала первый образец металла. Для нее требуется изрядное количество электрической энергии, пришлось использовать оба двигателя и энергию из осветительной сети.

Металл получается в виде небольших кусков, готовый для дальнейшей обработки.

27 октября

Сегодня новых открытий не было. Экспедиция занималась устранением белых пятен на карте нашего района (радиусом 250 миль). К вечеру все очень устали.

28 октября

Пришло лунное утро! Возобновились подача энергии, и полдня, пока солнце поднималось, мы отдыхали. Затем приступили к работам, включая добычу гипса. Однако изготовители солнечных элементов сегодня не работали. По настоянию Райса мы делаем туннель, идущий из верхнего «зала отдыха» к его мастерской. Таким образом, мы будем иметь с ней подземное сообщение. Райс хочет, чтобы был установлен шлюз в верхнем конце туннеля, и напускает на себя очень таинственный вид. За время лунной ночи он изготовил новый инструмент. Это огромная круглая металлическая рама, которую быстро вращает мощный мотор. Рама снабжена несколькими рядами алмазов и вгрызается в мягкий гипс с удивительной скоростью. Затем один заряд взрывчатого вещества – и отпиленная секция отделяется. Остается аккуратная круглая дыра такого размера, каким должен быть туннель. Работа движется очень быстро. Кенделл предложил сделать помещение под библиотеку, раз уж мы все равно должны рыть.

29 октября

Вольфрамовая печь действовала целые сутки, получено несколько слитков. Переработка гипса из-за этой новой работы замедлилась, но струйка воды продолжает течь в бассейн, и почти все топливо, которое было использовано во время лунной ночи, уже восстановлено.

30 октября

Ради того чтобы получить помощь, Райс открыл мне свою тайну. А я тут же объявил своим людям, что снова понадобятся солнечные элементы и работы будет даже больше, чем прежде. Оказывается, Райс строит небольшой челнок для исследовательских целей! В нем поместятся три человека и баки с кислородом и водородом.

По словам Райса, он уже закончил сборку корпуса. Использовал детали от корабля, обшивку и иллюмина-

торы взял с Купола. Реактивные двигатели он собирается сделать из вольфрама, покрытого сплавом иридия и осмия, что гораздо лучше материала, из которого были изготовлены двигатели «Эксельсиора». Они не будут плавиться и корродировать. Камера сгорания будет выполнена из сплава на основе вольфрама с добавкой серебра, иридия и осмия.

Челнок будет в первую очередь использован для того, чтобы добраться до видимой стороны. Сборка машины быстро приближается к завершению. Мы видим в ней только один недостаток — использование кислорода и водорода без возможности их восстановления, поскольку реактивные двигатели выбрасывают образовавшуюся воду наружу.

Сейчас мы разрабатываем систему управления. По мере накопления вольфрама будет идти монтаж и установка реактивных двигателей.

31 октября

Туннель достиг мастерской. На челноке установлены главные реактивные двигатели — после многих часов тяжелейшей работы с вольфрамом. Печи по переработке гипса снова опережают работу горняков. Воды в бассейне — четыре с половиной фута.

Горняки занялись помещением под библиотеку, которая, пожалуй, будет даже чересчур велика по размерам. Вторая группа ведет от развилки новый туннель, вниз, к склону скального массива.

Сегодня Мур ввел в рацион еще один витамин, и в нашей пище теперь есть практически все необходимое. Использовали остатки дерева из Купола и всю бумагу, так что вскоре наша пища станет полностью искусственной.

1 ноября

Под днищем челнока установили несколько мощных пружин, сделанных из вольфрамистой стали — для облегчения посадки и взлета. Взлет будет вертикальным — задействуются нижние двигатели, пока машина не оторвется от поверхности, и лишь затем начинается движение вперед. Кроме того, на челноке установлены несколько тяжелых гироскопов с «Эксельсиора».

Мы рассчитываем, что можно будет летать на расстоянии в несколько тысяч миль и дальше: ведь достичь

орбитальной скорости вокруг Луны очень легко. Но вернуться на Землю, конечно, нельзя.

Люди, пытаясь выведать, что мы делаем в мастерской, задают множество вопросов. Мы сейчас заполняем топливные баки, и Рид хочет знать, для чего мы используем столько газа. Аппаратура электролиза снова работает на полную мощность, и в бассейн поступает очень мало воды. Установили тормозные и рулевые двигатели. К ночи монтаж корабля будет закончен. У нас практически все под рукой, поэтому работа идет очень быстро.

Библиотека вырублена, и Кенделл принялся за работу в ней. Проходка туннеля, ведущего вниз, к склону скального массива, продолжается, и начат еще один туннель, идущий параллельно горизонтальному, но ниже. В конце его, примерно на 100 футов глубже всех остальных помещений, предполагается оборудовать склад пищевой смеси. Не хочется делать туннели безо всякой цели, поскольку это снова принесет в Замок атмосферу примитивных горных разработок, чего мы всячески стараемся избежать.

3 ноября

На челноке установлены все нижние двигатели и смонтирована система электрического зажигания. Количество топлива — на максимуме.

Установлены несколько новых солнечных батарей, и теперь энергетические потребности Замка полностью удовлетворяются. Сделанная Райсом гипсодобывающая машина позволила горнякам обеспечить материалом две печи, и топливо, которым мы заполнили баки челнока, уже компенсировано. В глубокой части бассейна 6 футов воды.

Монтаж челнока завершен, осталось покрасить его, сделать отделку кабины и установить силовой щит.

Завтра о корабле будет объявлено. Мура в тайну уже посвятили.

5 ноября

Корабль почти готов и перестал быть тайной. Все страшно заинтересованы. Было решено, что Райс, Лонг и я повторим вылазку на видимую сторону, поскольку Райс сделал машину, я помогал, а Лонг лучше всех знает дорогу. Думаю, его помощь и в самом деле пригодится.

Начали вырубать кладовую, а в конце туннеля, идущего к склону утеса, решено вырубить помещение для новых баков. Старых при достигнутых объемах производства катастрофически не хватает. Новые емкости решено сделать из вольфрами-стой стали, заварить швы и проверить все соединения давлением в одну тонну на квадратный дюйм. Всего изготовим два бака, водородный будет вдвое больше кислородного. Наши насосы почти совсем износились, и Райсу предстоит сделать новые, он утверждает, что справится с этим. Придется остановиться на насосах роллаторного типа, как наиболее простых в изготовлении. А вообще-то будущие емкости предназначаются под топливо для челнока.

6 ноября

Челнок полностью оборудован, и завтра будут проведены испытания. После того как люди войдут в кабину, воздух из мастерской будет откачан. Из запасных частей Райс собрал для корабля бортовую рацию. Управление челноком возложено на меня, в то время как Райс будет постоянно поддерживать связь с Замком.

Закончена кладовая, ее оборудовали большими банками из кварца. Запасы питательной смеси уже перемещены туда. Мучнистая масса, представляющая собой подобное древесине вещество, из которого Мур готовит свои знаменитые пирожные, также заняла несколько больших банок.

В бассейне к вечеру набралось 7 футов воды. Начаты работы по вырубке помещения для топливных баков; горняки используют новый метод — ведут несколько туннелей одновременно и затем соединяют. Помещение будет 30 футов длины, 30 ширины и 8 в высоту.

7 ноября

Опробовали корабль! Он — выше всяких похвал. Мы трое вошли, закрыли люк, из мастерской был откачан воздух. Ворота открыли и с помощью лебедки челнок вывели наружу, на расчищенную ровную площадку. Сразу за воротами я включил нижние двигатели — на малую мощность. Машина задрожала, стала слегка подпрыгивать на пружинах. Добавил еще мощности, и оторвались от грунта. После включения заднего двигателя быстро развили огромную скорость — только Купол мелькнул сзади. Через полторы минуты, на высоте око-

ло десяти миль над поверхностью, я отключил нижние двигатели. Вскоре мы достигли орбитальной скорости, и на высоте пяти миль я выключил и хвостовые двигатели. В это время мы оказались уже далеко за пределами зоны наших исследований. Лонг деловито производил съемку, а Райс разговаривал с Замком.

Я предоставил машине пролететь несколько сотен миль по орбитальной траектории, затем, уже в ночном мраке, включил двигатели, плавно развернул челнок и направил обратно, к Замку. Мы вновь пересекли терминатор и вернулись в зону вечера. Стало ясно, что мы легко сможем достичь видимой стороны.

Через три часа после старта мы благополучно совершили посадку, и корабль с помощью троса был втянут в ангар. Из-за того что челнок, несмотря на гироскопы, заваливался чуть набок, посадка сопровождалась резким неприятным снижением.

После обсуждения было решено подождать, пока Луна не окажется в последней четверти по отношению к Земле. Тем временем Толмен произведет очистку магния, смешает его с окислами серебра и сделает порошок, дающий яркую вспышку, — чтобы привлечь внимание Земли. Этой смеси он приготовит примерно 15 фунтов.

Во время полета генератор работал отлично. Однако мы истратили почти 3000 фунтов воды. В следующий раз истратим меньше, потому что теперь я уже освоился с управлением. Впрочем, все считают, что вода была израсходована не напрасно. Баки снова наполнены.

8 ноября

Все взялись помогать в изготовлении солнечных элементов, а также принялись за вырубку хранилища для топлива. Однако Райс и Кинг занимались металлами. На завтра запланирована экспедиция за железной рудой. Корабль внимательно обследовали и нашли его в прекрасном состоянии, разве что слегка обгорели в пламени нижних двигателей посадочные пружины.

9 ноября

Привезли 5 тонн железной руды. Это была очень тяжелая работа; кажется, мы слегка потеряли в весе. Мур увеличил пищевой паек. Выплавка железа начнется завтра и должна быть закончена через два дня, если по-

лучится. Железа на самом деле нам требуется не очень много. Установлено несколько новых солнечных батарей.

10 ноября

Камера для баков закончена, теперь все заняты железом. Мы будем работать и по «ночам», потому что солнце светит непрерывно, а если промедлим, это будет означать задержку в две недели. Один час отдыха — во время ужина.

11 ноября

Все выбились из сил. Однако железо с вольфрамом очищены, и сплав изготовлен. Ночь. Теперь наконец спать!

12 ноября

Сегодня продолжалась работа над новыми баками. В помещении для них залит бетонный пол. Баки делаем сферической формы; газы будут храниться в них под давлением в 2 тонны на кв. дюйм! Райс рисует чертежи новых насосов, которые смогут работать при таком большом давлении. Баки решено сварить из восьми секций — этаких «долек апельсина», которые будут собираться уже на месте. Для этого сооружен временный кран. Секции должны выдерживать давление в 3 тонны на кв. дюйм. Сегодня Рид и я провели испытания нашего сплава, состоящего из очищенного электролизом железа, вольфрама и графита. Нашли, что прочность на растяжение вполне достаточна.

Предусмотрены дополнительно диагональные связи между нижней и верхней секциями, они слегка уменьшат объем, но значительно увеличат прочность.

Сегодня сделаны 4 секции.

13 ноября

Сегодня сделано 6 секций, и Райс закончил сварку первого бака. Сварка производилась в вакууме — чтобы предотвратить окисление металлов и сократить возможное количество воздушных пузырьков. Работали, естественно, в скафандрах.

Завтра Райс, Лонг и я отправляемся на видимую сторону Луны.

14 ноября

Мы готовы к полету. Двери в космос открыты, я управляю челноком, двигатели для прогрева включены на очень малую мощность. Влетаем.

Движемся на орбитальной скорости, за пределами радиосвязи с Замком. Лонг сообщает, что пройдено больше половины пути. Управление не требуется. Мы улетим далеко за границу видимой стороны Луны.

Восходит Земля! Огромная голубовато-зеленая сфера, почти полностью освещенная. Виден Атлантический океан и кусок Северной Америки. Ищем место для посадки.

Посадка. Мы находимся в ночной области. Райс ведет передачу в район Нью-Йорка, а Лонг расставляет магниевые факелы. Они будут гореть одну минуту — с такой яркостью, что придется закрывать глаза.

Передача ведется уже пять минут. В Нью-Йорке тоже ночь. Лонг собирается зажечь первый магниевый факел.

Ослепительно яркий свет горящего факела заливает все кругом. Когда он погас, Райс снова начал передачу. Содержание следующее: «SOS! SOS! Лунная экспедиция Гарнера. Воздуха достаточно. Пища синтетическая. Немедленной опасности нет. Наблюдайте за магниевыми факелами».

Поскольку мощность почти в восемь раз больше, чем при нашей первой попытке, есть уверенность, что послание дойдет. Над Чикаго облака. Райс повторяет передачу.

Теперь виден Денвер. На борту у нас есть приемник, который может принимать сигналы той же длины волны, на которой мы передаем. Надеемся на ответ. Райс ведет передачу в район Денвера. Вскоре должен зажечься следующий факел. Райс упоминает о нем в сообщении.

Сгорел второй факел.

Приняли ответ! Правда, не полностью, но все ободрились. Первые слова с Земли — спустя более чем два года! Ответ таков: «Сигналы при... ты не полно... спасательный корабль... строен, но... поврежден при... ремонт... поспешно... наблюдаем ф... лы». Это сообщение повторялось несколько раз, и вскоре мы разобрались в нем полностью. Выяснилось, что спасательный корабль построен, но потерпел катастрофу из-за отсутствия опытных пилотов. Кингсберри и Уилкинс погибли. Это плохая новость, потому что потребуется не-

сколько недель, прежде чем корабль будет восстановлен, и по крайней мере месяц или более, пока кто-то попытается отправиться на нем в космос. Мы заверили, что в течение этого времени будем в безопасности. Сообщили также, что построили небольшой челнок и можем летать вокруг Луны, но покинуть ее корабль не способен. Договорились, что Земля будет наблюдать за этим местом и впредь, ожидая наших следующих посланий.

Райс включил мощный прожектор. С горы Паломар направили на нас двухсотдюймовый телескоп. Мы сделали попытку установить связь с помощью света.

Световая связь оказалась более надежной, чем радио! Над Калифорнией удивительно чистое небо. Теперь должен загореться третий факел. Мы выйдем наружу, и они попытаются рассмотреть нас при его свете.

Возвращаемся в челнок и стартуем назад, к Замку. Калифорния исчезает из виду. Лонг связывается с обитателям Замка по радио, со всеми подробностями рассказывает о нашей экспедиции. Очень устали¹.

¹Можно представить себе возбуждение на Земле, вызванное этим неожиданным сеансом связи. По всему миру распространилась весть о том, что оставшиеся на Луне люди живут в комфортабельной системе туннелей, где есть воздух для дыхания и достаточное количество искусственной пищи, воды и газа, и летают на челноке, который сами построили. Объявление об открытиях огромных залежей алмазов, платины, серебра и в особенности урана убедило всех в том, что экспедиция имеет гораздо большую практическую ценность, чем казалось. Многие не могли себе представить огромного значения экспедиции, доказавшей, что Луна — это промежуточная станция для полетов на Марс, Венеру и другие планеты Солнечной системы. В течение следующих трех лет должна была отправиться экспедиция на Марс. Используя Замок в качестве базы, корабль пополнял запасы топлива на Луне, выделяя его из скал. Освобождение от плена земной гравитации означало начало новой истории. Впрочем, Замок уже тоже принадлежал истории. И в то время как тысячи людей смотрели на Луну, ожидая новых сигналов, тысячи других людей посылали деньги для восстановления поврежденного корабля и для спасения смельчаков. Новость о полном — и очевидном! — триумфе человека в борьбе с суровой и ужасной Луной сама по себе была достаточной, чтобы воодушевить жителей ласковой доброй Земли.

15 ноября

Вскоре после полуночи мы без малейших проблем совершили посадку возле Замка. Сразу же спустились в холл, где нас уже ждали. И хотя люди уже слышали большую часть нашего рассказа по радио, спать отправились только в 1.30. Мы отсутствовали всего один день — вместо семи, что потребовались для путешествия на видимую сторону в прошлый раз. На весь полет потратили всего 8000 фунтов воды. Подобный расход большого значения теперь не имеет.

Не имеет значения и сэкономленное время; гораздо важнее успешные результаты и та легкость, с какой мы предприняли наше путешествие. Теперь у лунных экспедиций не будет тех трудностей, что испытали мы.

Закончили второй водородный бак и приступили к изготовлению кислородного.

Челнок снова полностью заправлен топливом.

16 ноября

Д-р Хью и Мур в беспокойстве. Оказывается, все мы понемногу теряем вес, хотя наша еда содержит более пяти тысяч калорий на человека в день — гораздо больше, чем необходимо для нормальной жизнедеятельности. Получены все известные витамины. Не испытываем мы и недостатка в кальции, магнии, железе, йоде, алюминии и прочих микроэлементах. Однако факт потери веса налицо... Мур по-настоящему обеспокоен. Я пожертвовал одной из оставшихся рубашек, Мур собирается приготовить из нее натуральный крахмал. Будем ждать результатов.

Баки закончены, протянуты прочные серебряные трубы. Насосы в стадии изготовления. Несмотря на большое количество электрических моторов, которыми мы располагали, теперь их не хватает, в особенности — мощных. Придется использовать тот, что с помощью троса перемещает тележки. Он будет заменен небольшой паровой машиной. Ее делает Райс.

Завтра исследовательская экспедиция из пяти человек отправится к кратеру Лонга. Челнок легко выдержит такой вес, хотя, конечно, будет тесновато. Цель — активные научные исследования. Это тот самый кратер, где мы делали склад во время нашего первого пешего путешествия на видимую сторону. Большой кра-

тер, а внутри маленький... Мы считаем, что внутренний кратер выбрасывал вещества на поверхность с гораздо больших глубин, чем внешний.

Челноком буду управлять я. Исследовательскую группу составят Рид, Кинг, Толмен и Бендер.

17 ноября

Вылетели рано утром, цели достигли менее чем за 15 минут. Произвели успешную посадку на относительно ровное плато внутреннего кратера, и работа началась. Кратер этот типично метеоритного происхождения, однако падение метеорита, по всей видимости, случилось много миллионов лет назад. Кратер образовался, когда Луна была еще молодой.

Поиски минералов оказались чрезвычайно успешными. Мы погрузили на борт целую коллекцию руд с незначительной радиоактивностью. Рассчитываем провести определение возраста Луны с помощью анализа во взятых образцах процентного соотношения радия, свинца и урана.

Серы тут в изобилии. Кроме того, есть селен, теллур и некоторые фосфорные соединения. Металлических руд попадалось мало, хотя следы золота мы обнаружили.

Затем перелетели примерно на 100 миль — к стене большого кратера. Здесь оказалось множество минералов, включая богатые хромовые и медные руды. Кинг подобрал нечто, что он назвал изумрудом, но, похоже, это просто окрашенный какой-то примесью кварц.

Райс закончил изготовление деталей для насосов, но ему нужна ртуть. Завтра отправимся за ней.

18 ноября

Собрали и очистили ртуть. Получилось всего несколько фунтов, но Райсу хватило. После холода на поверхности тепло в Замке кажется особенно желанным!

Насосы собраны. Вечером их установили. Остальная аппаратура для баков еще не сделана, но к рассвету все будет готово.

Превращенные в хлебцы рубашки были поданы на ужин. Будем ждать результатов. После еды все чувствуют себя необычайно сонными. Отправляюсь спать.

19 ноября

Исследовательские работы шли, как обычно. Помещение для баков полностью оборудовано, и я теперь

помогаю Раису в работе над новой паровой машиной. Сферический котел ее на удивление миниатюрен. К нему пристроены инжектор и конденсатор. Небольшая металлическая спираль быстро доводит воду до кипения. Для тепловой изоляции котел покрыт порошковой пемзой. Специальное устройство включает и выключает подогреватель в зависимости от давления пара. Машина имеет три цилиндра, вращение выравнивается качающейся шайбой; мощность около 440 л. с. Теперь Райе взялся за детали для шести таких двигателей!

Я был чрезвычайно удивлен, когда заметил, что всего за 24 часа люди заметно прибавили в весе! Хью и Мур убеждены, что в натуральных веществах имеется какой-то подобный витамину агент, который влияет на наращивание веса. Очевидно, что искусственное питание обеспечивает наши тела энергией, но не менее очевидно и то, что такая пища не может обеспечить восстановление клеток без помощи этого таинственного агента, имеющегося в обычной еде. Или, к примеру, в той пище, которая создана превращением хлопка в крахмал.

20 ноября

Действие крахмала прошло, люди снова стали терять в весе. Если не будет найден постоянный источник крахмала, то даже при обилии еды мы все равно можем погибнуть! Об этом объявили всем, и люди понесли на переработку рубашки, брюки и прочее. Теперь у каждого осталось только по одному комплекту одежды.

На завтра намечен очередной полет к точке связи.

Новый двигатель закончен. Рай¹ испытал его, агрегат работает отлично. Собраны еще несколько двигателей, для их эксплуатации не хватает только котлов.

21 ноября

Отправились на видимую сторону ранним утром. Без проблем совершили посадку на прежнем месте. Было видно Атлантическое побережье Северной Америки, и мы начали передавать сигналы с помощью прожектора и по радио. Вскоре удалось установить связь.

Послали несколько сообщений открытым текстом, а в конце – кодированное сообщение, подготовленное Гарнером и адресованное руководству. Нам его повторили

с Земли в расшифрованном виде, и оно оказалось принятым верно. Содержание его таково: «Искусственная пища не обладает способностью поддерживать жизнь. Натуральной пищи не осталось. Медленное умирание. Похоже, отсутствует неизвестное, подобное витамину, вещество. Используем хлопок, химически превращаемый в крахмал. Его запасы, почти израсходованы. Просим прислать со спасательным кораблем врача».

В следующем сообщении мы предложили реконструировать спасательный корабль так, чтобы на пути сюда он расходовал обычное ракетное топливо, но был бы приспособлен и для использования кислородно-водородной смеси. Таким образом, топливо на обратный полет не требуется. Мы берем обеспечение им на себя!

Надеемся, что корабль вскоре вылетит. Вечером снова ели хлебцы из хлопка.

22 ноября

Исследования остановлены, возобновляются горные работы. Строим большой ангар для ракетного корабля. Он будет расположен в склоне нашего гипсового утеса и снабжен двумя двигателями Райса — для втягивания корабля внутрь. Продолжается также производство солнечных элементов. Сегодня начаты работы по проходке туннеля, ведущего к новому ангару. Наш маленький челнок снова заправлен, он израсходовал всего 8200 фунтов воды. Восход солнца послезавтра.

23 ноября

Закончена солнечная батарея. Туннель начинается от бассейна, его размеры 10 на 10 футов. Чем больше он будет, тем больше получим гипса.

24 ноября

Солнце взошло во второй половине дня. Снова изобилие энергии. Печи продолжают жарить гипс. Новые баки постепенно заполняются; газы, использованные челноком, постепенно возмещаются. Несмотря на все расходы, наполнение бассейна продолжается.

25 ноября

Собрана еще одна солнечная батарея. Давление в новых баках 20 фунтов. Уровень воды в бассейне 8 футов, большая часть добытого за прошлую ночь гипса израсходована. Проходку туннеля ведем со скоростью, достаточной для того, чтобы обеспечить печи.

Силовой щит придется переделать, чтобы через него шла энергия от новых солнечных батарей. И по проходке туннелей, и по работе печей у нас заметный прогресс. Аппаратура электролиза работает по ночам, когда мы на местах, а днем функционирует в автоматическом режиме. Очень приятно отключить освещение, когда вы этого хотите. Непрерывное сияние лунного дня надоедает и действует на нервы, а в прохладе и темноте лучше спится. Мы снова начали прибавлять в весе, но запас хлопка уменьшается. И вскоре он подойдет к концу.

26 ноября

Десять с половиной футов воды в бассейне, в новых баках давление 1500 фунтов. Все остальные уже полны. Емкости из-под воды освободились, и насосы накачивают в них кислород и водород. Остался один бак, который при необходимости можно наполнять из бассейна. Он достаточно велик, чтобы его хватило на всю ночь. Работают все четыре печи. Закончили проходку туннеля и начали вырубать большой ангар. Новое хранилище для газа должно быть сделано поблизости: также поступило предложение, чтобы баком служило само помещение, армированное сваренными металлическими плитами. Механические напряжения при этом будут передаваться непосредственно на скалу. Я думаю, что это разумно, только надо будет хорошенько все рассчитать.

27 ноября

Бендер сегодня очень сердит. Он вспомнил, что 26-го был День Благодарения. Первый раз за три года мы совершенно забыли об этом. Но Мур говорит, что упущенное наверстаем на Рождество. Он постарается приготовить для нас свои твердые пирожные!

В бассейне 12 футов воды, а в новых баках давление достигло одной тонны, то есть всего в два раза меньше допустимого.

Большое помещение делается новым способом. Наклонный туннель ведется вверх, пока мы не дойдем до потолка будущего помещения, затем туннели пойдут так, чтобы очертить периметр. Тогда нам потребуется вырезать только внутренний блок.

28 ноября

Мур дает нам почти по 7000 калорий в день, и благодаря «витамину жизни» из преобразованного хлопка мы наращиваем вес со значительной скоростью. При этом не похоже, чтобы кишечно-желудочный тракт особенно напрягался — вероятно, потому что пища уже частично переварена. Но теперь закончились остатки одежды. И больше мы выделить не можем. На каждого осталось по одному одеялу, по паре обуви и носков, по одной рубашке и паре толстых брюк. Еще каждый имеет один-два шерстяных предмета да очень грубые парусиновые брюки и суконные рубашки. Но шерсть, по словам Мура, для переработки не годится.

В баках давление — тонна с четвертью, воды в бассейне тринадцать с половиной футов. Все остальные баки заполнены доверху. Хотим накопить достаточно кислорода и водорода, чтобы всегда под рукой было топливо для обратного рейса.

29 ноября

Газохранилище возле ангара вырублено, началась работа по обшивке его металлом. Будут использованы пластины из стали толщиной в полдюйма с добавкой вольфрама и серебра. В промежутки между пластинами и стенами зальем цемент, который заполнит все неровности и будет передавать давление газа на прочную скалу. Помещение ангара к сегодняшнему дню грубо обработано.

Воды в бассейне 15 футов, давление в новых баках — полторы тонны.

После восхода солнца отмечен значительный прирост энергии благодаря ускоренному производству солнечных элементов. Теперь эту бригаду возглавляет Мелвилл.

Мур и Хью большую часть своего времени посвящают работе с остатками органического материала. Делались попытки выращивать плесень на нашей искусственной пище: предполагалось, что это материал органического происхождения, пусть даже противный на вкус. Но Замок оказался абсолютно гигиеничным! Вся привезенная с Земли пища была консервированной или обработанной с целью уничтожения плесени и бактерий. Ничего не удалось найти, за исключением нескольких болезнетворных микробов. Удивительно, даже болезнь порой означает жизнь!

Намечается следующий полет к точке связи — вероятно, с наступлением ночи. А сейчас все слишком заняты.
30 ноября

Шестнадцать с половиной футов воды в бассейне, одна и семьдесят пять сотых тонны давления в баках.

Хью и Мур готовят сообщение о составе нашей искусственной пищи. Оно будет послано на Землю. Может быть, земные ученые смогут предложить какой-нибудь выход. Ситуация гораздо серьезнее, чем мы думали. Хью считает, что у нас не более двух месяцев. При чем нас ждет не простое умирание от голода, а появление множества болезней, связанных с недостатком «витамина жизни». Ну и в довершение это будут не бери-бери, цинга или пеллагра, а нечто другое, неизвестное и потому еще более страшное. Хью пояснил, что для проведения подобных опытов нужны лабораторные короткоживущие животные, такие, как белые мыши и морские свинки. Увы, у нас их нет.

Работы в ангаре заканчиваются, он частично зацементирован. Поскольку гипс нам необходим в любом случае, начали делать помещения для команды спасательного корабля: четыре комнаты, большего размера, чем наши, по две койки в каждой. Правда, ожидается всего четыре человека. Эти комнаты на полпути между холлом и ангаром, на том же уровне, что и наши, но в другом туннеле.

1 декабря

Нам с Мелвиллом пришлось пожертвовать несколькими книгами по физике и астрофизике. Забавный ужин! Мы становимся книжными червями и молью! Мур обещал, что вкус будет необычным.

Четыре печи работают на полную мощность, тележки непрерывно снуют вверх и вниз. Несмотря на загруженность другими работами. Райс сделал четыре новые тележки из металла, который мы очищали. Они гораздо больше в размере и с трудом проходят по некоторым узким туннелям.

Давление в баках сегодня к вечеру достигло двух тонн. В новом хранилище закончены сварочные работы и проведена заливка цемента.

Проходка помещений под квартиры спасателей идет быстро, и Гарнер предложил продолжить вырубку даль-

ше — для следующей лунной экспедиции. Ведь наш Замок наверняка будет использоваться в качестве базы. Все равно нам необходим гипс. Решено, что будут вырублены две большие камеры рядом с нынешней кладовой Мура.

Приятно сознавать, что мы готовим Замок для будущего. Думаю, нам нет нужды стыдиться за его архитектуру и оборудование. Райс вполне может гордиться своими двигателями и баками, серебряными трубопроводами и электропроводкой.

2 декабря

Сегодня сделана самая тяжелая работа за все это время. Большой ангар отделен от внешнего мира новым шлюзом. Для ворот использованы листы от Купола. Главная проблема была в петлях, но Райс их сделал. Мур снабдил нас искусственной резиной для герметизации ворот. Теперь они установлены — с помощью множества лебедок. Ворота опробованы: они полностью герметичны. Насос роллаторного типа, приводимый в действие одним из паровых двигателей Райса, будет выкачивать воздух из шлюза за очень короткое время. Позднее мы заменим паровую машину электромотором. Силовой кабель для него уже проложен.

3 декабря

Снаружи солнце «жарит» со страшной силой. Сегодня вечером Кенделл демонстрировал фильм, который начинается кадрами нашего взлета с Земли и заканчивается изготовлением ангара.

Для втягивания корабля в ангар сделана канатная дорога. Площадку снаружи выровняли с помощью взрывов, которые превратили скалу в нечто вроде гравия. Убирать его не составило большого труда.

4 декабря

Первое хранилище возле ракетного ангара начало заполняться кислородом. В бассейн добавился сегодня только один фут воды. Закончены четыре спальни, и теперь идет вырубка новых кладовых. Кенделл занят росписью новых спален и ангара.

После пищи, приготовленной из книг, мы прибавили почти по два фунта.

5 декабря

Сегодня во второй половине дня зайдет солнце. Объявлено, что закончена облицовка металлом хранилища

1-Н, и оно готово к использованию. Хранилища с обозначением Н («водород») по размерам в два раза больше хранилищ с обозначением О («кислород»). В баке 1-О давление газа уже 20 фунтов. Начал заполняться бак 1-Н. В бассейне 23 фута воды, и в глубину теперь приятно смотреть. Лампы, включенные на дне, заставляют воду сверкать, словно огромный драгоценный камень. Это все для нас! Мысль и труд, воплощенные в животительной влаге, многое значат.

6 декабря

Кенделл закончил украшать ангар. На одной из стен появились две картины: одна изображает вид из космоса на Землю после взлета, вторая — перед посадкой на Луну. Это прекрасные картины, но первые его работы кажутся нам более интересными.

Закончены камеры рядом с кладовой. Приступаем к вырубке новых спален и лабораторий, которые должны быть размещены в коридоре, начинающемся от дальней стены холла. Вход в проектируемые помещения решено — к неудовольствию Кенделла — сделать в одной из его картин. Размер коридора — те же 10 футов.

7 декабря

Уже вечер, и мы вернулись в Замок. Наш маленький челнок безотказен. Осуществили посадку в точке связи в такое время, чтобы нас увидели из Восточной Европы. Потом перед нами прошли вся Европа и Атлантический океан. Назад отправились, когда были еще хорошо видны Калифорния и часть Тихого океана.

Связь осуществлялась с помощью нового прожектора, гораздо более мощного, чем прежний. Одновременно использовалась радиосвязь. Длинные сообщения передавали дважды, и потом еще раз — для корректировки. Наибольшие трудности встретились при передаче сложных химических формул Мура. Мои не слишком основательные знания по химии все-таки помогли. Сообщения Хью были нетрудными, но очень длинными, и пальцы Райса после окончания передачи сводило судорогой.

Передали также точное описание нашего Замка, нового ангара, инструкции по управлению силовыми агрегатами. Новый спасательный корабль должен иметь

пружинные амортизаторы, как у нашего небольшого челнока. Мы получили точные размеры и все прочие параметры спасателя, в частности — количество требуемого топлива. Земля уточнила наши возможности получения больших объемов водорода и кислорода. Газов потребуется чуть больше того, что у нас уже есть. Договорились, что мы выйдем на связь через две недели.

Вильямсон, ответственный за спасательный корабль, сообщил, что на ремонт и переоборудование уйдет не меньше шести недель, а пилотам, прежде чем они смогут пуститься в путешествие, потребуется не меньше месяца тренировок. Это на две недели больше того времени, что отпустил нам Хью. Надо продержаться дополнительные две недели, но возможно ли это? Было бы глупо отправлять к нам корабль с недоученными пилотами — он может потерпеть катастрофу, и наша смерть будет неминуема. Я взял на себя ответственность заверить Землю, что мы протянем до их прилета. Гарнер одобрил мое заявление, несмотря на все возражения Хью, утверждавшего, что столько нам не продержаться. Нельзя лишать права на жизнь еще четырех людей, которые прилетят на спасательном корабле.

Во время ремонта корабль реконструируют таким образом, чтобы он мог вернуться на чистом кислороде и водороде.

Продолжаются горные работы и изготовление солнечных элементов. Еще один из двигателей Райса будет установлен на канатном приводе нового туннеля: предусматривается автоматическое устройство, которое заменит человека, занимающегося подключением тележек то к одному, то к другому канату. Над этим трудятся Райс и Бендер. Я уверен, что они справятся.

Рид начал работу над новой печью.

8 декабря

Установлен и пущен в действие двигатель канатных приводов. Вечером, незадолго до окончания работ. Райс испытал автомат для крепления тележек, неудачно. Завтра собирается повторить попытку.

Новый туннель проложен уже довольно глубоко, теперь начнется вырубка комнат. Три человека занимаются изготовлением деталей для солнечных элементов.

9 декабря

Устройство для крепления тележек заработало, еще один человек переключился на горные работы. Рид закончил новую печь, в которой нагревательные элементы сделаны из вольфрамистой стали, выплавленной уже здесь. Печь гораздо мощнее любой из четырех предыдущих.

Куча гипса растет с удивительной быстротой. Кажется невероятным, что из такого большого количества гипса получается так мало воды.

Сегодня побывали на алмазных коях — нужны новые камни для пил. Притащили целую коллекцию.

Райс работает над стальной облицовкой следующих газохранилищ.

Кенделл занялся росписью на стенах туннелей. Меня удивляет разнообразие сюжетов. Картины действительно полезны, потому что делают наш Замок похожим на дворец, а не на подземную темницу.

Несмотря на использование двух мощных двигателей от вездеходов и паросиловой установки Райса, ночью случаются перегрузки. Закончив текущую работу, Райс займется турбогенератором. Главная трудность состоит в том, что мы располагаем всего двумя большими генераторами, оба используются для пополнения запасов топлива, которое необходимо для полета обратно. Ни один из них не выдержит дополнительную нагрузку. Райс обещает решить и эту проблему.

10 декабря

Райс наконец закончил все сварочные работы в хранилищах. Теперь у нас два кислородных и два водородных «бака», каждый из которых может выдержать давление 3 тонны на кв. дюйм, а если понадобится, то и больше.

Вечером у меня был разговор с Райсом. Он предлагает построить собственную электростанцию. Я посчитал это слишком большой работой, но Райс настаивает на том, что труд — лучший отдых и что не стоит вводить себя в заблуждение, будто нам больше не понадобится заниматься добычей гипса. Мы легко можем получить чистое железо, он в состоянии сделать серебряную проволоку для обмоток, а в качестве изоляции будут использованы резиновые краски Мура. Не слишком

изящно, но, похоже, реально. Видимо, этим стоит заняться. В конце концов наши горные работы отчасти являются спасением от безделья и неприятных мыслей.

11 декабря

Люди согласились с предложением Райса. Все прочие работы будут остановлены, и мы займемся доставкой железа, вольфрама и серебра. Габариты старого помещения для двигателей позволяют установить еще одну машину, только понадобится новая литейная яма. Естественно, в разговоре не упоминалось, что вся эта затея — лишь способ хоть чем-то занять людей.

12 декабря

К вечеру очень устали. Доставили несколько тонн железной руды, другие группы принесли серебро и вольфрам. Мур пожертвовал несколькими своими книгами. «В них нет того, чем я сейчас занимаюсь», — сказал он, словно извиняясь за свой поступок. Книг у нас осталось немного.

13 декабря

Начали вырубать литейную яму. Цель — отлить корпус турбины. Работа идет быстро.

14 декабря

Спасибо Муру и его книгам, мы прибавили по полфунта в весе. Полученный крахмал был подан в виде картофельного пюре. По крайней мере так это называлось.

Сделаны чертежи всего оборудования, проведена подготовка к отливке корпуса турбины. Почти закончена форма для корпуса генератора. Самое трудное, на мой взгляд, изготовить якорь. Катушки возбуждения можно намотать на сплошном металле, но якорь должен состоять из пластин. Пластины получатся довольно толстыми, но мы используем почти чистое железо, какое очень редко встречается на Земле. Размышляя, я обнаружил, что никогда прежде не видел абсолютно чистого железа. Оно всегда содержало углерод, или фосфор, или никель — что-нибудь обязательно. Когда наступит лунный день, мы начнем работу. А пока — снова горное дело.

15 декабря

Райс и я занимаемся вытягиванием серебряной проволоки. Вытянутую проволоку пропускаем через

резиновую краску и наматываем на бобину. Райс сам вырезает бруски для коллектора. Найти слюду не удалось, поэтому их изоляция является проблемой. Помогаящий нам Бендер постоянно качает головой, видя, как мы безо всякого почтения обращаемся с серебром. Я думаю, дай ему волю, он заставил бы нас заняться отливкой серебряных и золотых слитков. Как-то он раздраженно спросил, почему мы не используем золото, а Райс с улыбкой ответил, что у него хуже электрическая проводимость и оно слишком мягкое.

Серебро, между прочим, становится более твердым после добавки небольшого количества сплава иридия и осмия. Этот сплав исключительно твердый, и получить его довольно трудно. Впрочем, для брусков коллектора нам потребовалась самая его малость. И то, когда готовился сплав, все другие работы пришлось остановить, потому что печь потребляет слишком много энергии.

16 декабря

Мур обещал изготовить для изоляции бакелит. Этим решается последняя проблема. Он сказал, что фенол и формальдегид приготовить нетрудно.

Бригада горняков закончила вырубку нескольких комнат, и снова для печей готова большая масса гипса. Бригада изготовителей солнечных элементов установила не менее семи новых батарей.

Солнце взойдет через три дня.

17 декабря

Райс упорно пытается сделать хорошие подшипники. Он говорит, что изготовление валов будет самым трудным делом.

Я возвратился в бригаду горняков. Мы снова теряем вес и решили пустить в дело все оставшиеся книги, исключая сохранившуюся еще литературу по металлургии, поскольку специалистов в этой области среди нас нет. Будет сделана последняя попытка «взять вес», как говорит Хью.

18 декабря

Полученный из книг крахмал был подан сегодня вместе с обильной едой. Восход солнца завтра во второй половине дня. Тогда же мы снова получим крахмал. Практически нашим запасам — конец. Собраны и заперты

даже простыни и полотенца! Это напомнило мне о воре, укравшем осенью столько продовольствия. Я считал и считаю, что вор его спрятал. Интересно, кто был вором и где спрятанное?

Между прочим, на днях таинственно исчезло все мыло. Оказалось, его реквизировал Мур. Он представил нам некое искусственное моющее средство и объяснил, откуда взялся странный запах у нашего супа.

Завтра мы отправимся к месту связи — Лонг, Райе и я. Надеемся получить полезную информацию. Тем временем остальные займутся металлом. Руду загрузят в печи, будет пущен поток водорода, а полученная в результате реакции вода стечет в коллектор.

19 декабря

Полночь. Мы вернулись с неприятной новостью. Ученые Земли провели исследования и получили отрицательный результат. Они сказали, что Мур гений (мы это и без них знали!) и что у них были большие трудности с проведением некоторых его реакций. Мур объяснил (я бы сказал — «извинился»), что он может работать в условиях, которыми на Земле не располагают. В общем, все их подопытные животные погибли. Попросили связаться с ними через две недели. Мы так и сделаем. Это все новости, которыми обменялись Луна и Земля. Земля явно заинтересована в нашей работе¹.

Мы вернулись довольно поздно с множеством посланий, но помощи получили немного. Длинное послание прислала сестра д-ра Гарнера, получил весточку и я — от Лоры². Большинство участников экспедиции родственников не имеют.

Мур сказал, что в полученных советах полезного немного, а кое-что и вообще чушь собачья. Какой-то его собрат-химик посоветовал разводить грибы. Удивляюсь, почему он не предложил выращивать цыплят?

Сейчас мы очень устали. Искусственная пища не дает сил.

¹Мягко сказано. На Земле словно взбесились, дрались за информацию, требовали ее. Изобретатели старались исхитриться передать сигнал так, чтобы он обогнул Луну и достиг лагеря. Любая газета заплатила бы за это целое состояние.

²Младшая сестра Данкана.

20 декабря

Снова устали, но на этот раз от работы по очистке металла для генератора. Металл приготовлен, залит в формы и медленно остывает. Люди трудятся посменно, потому что мы хотим закончить все это до наступления ночи.

21 декабря

Отлиты валы, теперь они охлаждаются. Закалять будем завтра. Почти весь день занимались очисткой железа для пластин.

22 декабря

Отливаются пластины. Валы готовы, требуется только шлифовка. Райс закаливал их, погружая в бассейн. Для этого он приспособил блок. У Райса уже есть токарный станок, алмазные инструменты и шлифовочные материалы для обработки валов!

23 декабря

Райс обработал валы, пластины закончены. Теперь, после грубой шлифовки, люди покрывают их первым слоем резиновой краски, и выглядят пластины довольно гладкими. Следующая задача будет не из легких. Вместо пресса придется использовать лебедку.

24 декабря

Канун Рождества, но боюсь, праздновать особенно нечего. У нас не осталось никаких натуральных органических материалов, которые хоть сколько-нибудь могли нам помочь.

Как я и подозревал, из-за отсутствия жесткости пакет пластин все время соскальзывал. Нам повезло: никто не пострадал, когда пластины разлетались в стороны. Пять попыток не дали результата. Работы остановлены до тех пор, пока не удастся сделать подходящее приспособление. Не имея дерева, мы вынуждены применить металлическую раму. Не имея болтов, вынуждены ее сваривать. А пластины должны быть установлены точно — и даже в этом случае я опасюсь, что они будут страшно трястись, когда вал начнет вращаться.

Бендеру сегодня крайне не повезло. Наши супы — пусть мне никогда не доведется есть других! — содержат небольшое количество стимулятора, открытого Муром, и тот не раз предупреждал, чтобы стимулятор ни в коем случае не смешивали с алкоголем. Бендер решил, что

Сочельник без выпивки не Сочельник. И стащил у Мура немного спирта. Смешение привело к жуткой болезни, сопровождавшейся резким понижением температуры тела и сильной лихорадкой. Бендер был на Мура крайне рассержен. Якобы «тот сделал невозможным празднование Сочельника традиционным способом».

25 декабря

Наше третье лунное Рождество.

Старинные песни в нашем Замке звучат лучше, чем в Куполе. А Мур превзошел себя! На десерт в рождественский ужин было вещество, похожее на настоящий желатин, очень приятное на вкус. Правда, оно получилось несколько тверже и на ощупь напоминало резину, но такая пища на столе придала этому событию праздничную атмосферу.

Сегодня как раз был такой случай, о котором говорится: «Мы будем отдыхать и уверены, что нам это нужно!» Практически ничего не делали. Бассейн был переполнен. Кинг сделал из смеси пемзовой пыли и пластика доску для дартса, и половина команды занималась метанием дротиков. Попадать оказалось удивительно трудно. Хотя за два с лишним года мы и привыкли к лунной гравитации, большинство бросало дротик так, как привыкло это делать на Земле.

Кинг, естественно, выиграл. Наверное, он тренировался всю неделю, с того самого момента, как сделал доску.

26 декабря

Пластины на месте. Завтра начнем намотку. Я буду руководить этим процессом. Райс собирает турбину и «камеру сжатия», как он ее называет.

Рид и Кинг снова у своих печей. В бассейн вода не поступает, потому что сначала нужно наполнить хранилища.

27 декабря

Намотали одну катушку. Спины, руки и плечи болят ужасно. Я считал, что серебряная проволока мягкая — до тех пор пока не попытался плотно намотать ее на катушки! Едва могу держать в пальцах карандаш.

28 декабря

Полюса готовы. Работа пошла легче, потому что мы набиваем руку. Теперь обмотки покрыты пластиковым

лаком, идет сушка. Выглядит неуклюже, но внушительно. Отдельная бригада занималась разборкой одной из силовых машин, которые приводит в действие двигатель от вездехода. Вечером втащили раму для нового генератора. Райс поставил собственноручно отлитые подшипники. Для изготовления баббита требуются свинец и олово, так он собрал в Куполе все старые консервные банки. Работа над якорем продвигается.

29 декабря

Генератор собран — за исключением щеточного узла! Установлен и выровнен корпус турбины. Райс настолько неуверен в своих валах, что поставил между генератором и турбиной карданный шарнир, а обе машины укрепил на жестких пружинах.

Люди вернулись к горным работам, а я опять в мастерскую к Райсу, где собирается турбина. Мы должны закончить ее до захода, иначе останемся без энергии.

Давление в баках 1-Н и 1-О по 800 фунтов в каждом. При полной закачке должно быть 6000. При полной мощности, когда вся энергия тратится на закачку, давление поднимается на 600 фунтов в день. Но это случается не часто.

30 декабря

Турбина установлена, щеточный узел встроен в генератор и сделана проводка к щиту. Осталось установить камеру сжатия. Испытания намечены на завтрашний вечер. Рассчитываем на 2000 л. с. К сегодняшнему вечеру вся аппаратура на месте, осталась только регулировка. По утверждениям Райса, чтобы получить полное давление в камере сжатия, надо не более полуминутой. И еще 10 секунд — на то, чтобы разогнать генератор до проектной скорости.

31 декабря

В 11 утра были проведены испытания. Понадобилось 25 секунд, чтобы получить давление, а еще через 5 скорость вращения достигла желаемого уровня. Напряжение оказалось впятеро больше, чем мы ожидали. Тогда подключили нагрузку. Скорость машины сначала замедлилась, но быстро восстановилась, когда система автоматического управления увеличила подачу топлива. Фортуна Райсу улыбнулась: машина работала абсолютно без вибрации и замечательно тихо! При том грубом

оборудовании, которым мы располагаем, это была несомненная удача. Постепенно увеличивали нагрузку, и при мощности в 2000 л. с. напряжение оказалось как раз такое, на какое мы и рассчитывали. А после регулировки положения щеток получили 2300 л. с. без большого перегрева. Этот генератор — настоящий подарок судьбы!

Был установлен также вентилятор, поддерживающий циркуляцию воздуха внутри помещения; он перегоняет теплый воздух в верхние коридоры, где после захода солнца становится холодно.

1 января 1982 года

Первый день Нового года.

Сказать откровенно, я не хотел бы желать себе еще одного такого года. Но в то же время нам есть чем гордиться. И если бы у Хью и Мура были лабораторные животные, мы смогли бы найти и ту неизвестную составляющую живой материи, которой нам так недостает. Но кто мог предвидеть, что нам потребуется проводить биологические эксперименты!

День сегодня наполовину праздничный. Были проделаны кое-какие легкие работы (скорее потому, что ими хотелось заняться), но в основном мы вели себя, как дети, забавляющиеся новой игрушкой. Каждый из нас участвовал в постройке нового генератора и каждый знал, что хорошо сбалансированный якорь — результат удачи, а не мастерства. И поэтому новый турбогенератор сегодня работает, а мы отдыхаем.

Вот только отдыхать мы, кажется, уже не в состоянии!..

2 января

Возобновлены горные работы. Производительность падает, потому что мы быстро слабеем. Истрачены последние книги и остатки одежды, постельного белья и полотенец. Спим теперь на голых пневматических матрацах. Крахмал получать больше не из чего.

Тем не менее сделано было немало, и давление в хранилищах поднялось до 2700 фунтов. В бассейн поступило не более двух футов — почти вся вода превращается в газы.

3 января

Давление в хранилищах — 3300 фунтов. Продолжаем горные работы и собираем в небольших количествах

солнечные элементы. Теперь мы слабеем довольно быстро: большая часть жиров истрачена. Потребляем с пищей огромное количество калорий, но не можем сохранить свой вес. Очевидно, ранее никто не задумывался, как быстро в таких условиях может изнашиваться человеческое тело.

4 января

Завтра собираемся к точке связи, и сегодня отправлюсь на отдых раньше. Совершенно обессилен, хотя обо тяжелой работой не занимался. В хранилищах давление составляет теперь 3800. Остается еще целых 2200 фунтов, допустимых для такого типа баков.

Лицо у меня осунулось, а щеки ввалились, как и у всех, кроме Вендора — тот, кажется, переносит нынешнюю ситуацию легче. Наши конечности слегка распухли. Этакая обманчивая видимость здоровья! Носим только шерстяные брюки и шерстяные носки с толстыми резиновыми башмаками. Все это невозможно превратить в крахмал. Порезы и ссадины заживают на удивление медленно, частенько они даже увеличиваются вместо того, чтобы уменьшаться.

5 января

Мы вернулись, но посадка на этот раз оказалась неудачной. Солнце уже село, работали только прожекторы, но я думаю, главной причиной была моя крайняя усталость и сонливость. Посадочные пружины сломались, и слегка поврежден корпус. Острый обломок скалы пробил в нем небольшое отверстие. Райс считает, его можно заделать. Ему будет помогать наименее ослабший — Бендер.

Никакой помощи Земля нам оказать не смогла. Они сказали только, что все подопытные животные умерли. Причина якобы неизвестна. Я почему-то думаю, что они причину знают, просто решили не говорить правду¹.

На спасательном корабле завершаются ремонтные работы.

Так что новостей получили немного.

¹Данкан в своих предположениях не ошибался. Д-р Монро, занимающийся этой проблемой, находился у передатчика, но информацию передать отказался.

6 января

Новый генератор как нельзя кстати. Чувствуем себя плохо, если температура падает ниже 80 градусов по Фаренгейту. Приходится устанавливать возле рабочих мест мощные обогреватели. Мы все больше механизуем и автоматизируем наш труд. Когда комната, которую сейчас вырубаем, будет закончена, остановим работу до наступления лунного дня. Вероятно, это произойдет завтра.

Теперь у нас достаточно воды, чтобы обеспечить спасательный корабль топливом.

7 января

Закончены горные работы. Полученного материала хватит на два дня работы печей. После этого будет проводиться только электролиз. У нас сейчас достаточно аппаратов электролиза, чтобы использовать всю энергию, которую дают солнечные батареи.

Мур заявил, что пищевого сиропа хватит до прилета спасателей, но, когда начнется следующий лунный день, производство будет продолжено.

Мы потихоньку идем к голодной смерти, хотя голода не чувствуем — лишь сильную усталость и боль в руках и ногах. А благодаря стимуляторам Мура еще и чувствуем себя вполне счастливыми.

8 января

Гарнер, Хью, Мур и я собрались на заседание в кабинете Гарнера. Я, кажется, не упоминал, что комната руководителя экспедиции соединяется с кабинетом отдельным входом?

Вопрос касался Бендера. Он силен и активен, как всегда. Лицо у него нормальное, руки и ноги не распухают. Хью и Мур согласны, что это возможно только за счет естественной пищи, которую он тайно принимает. Гарнер попросил меня понаблюдать за ним и попытаться найти тайник. Все согласились, что именно Бендер крал продовольствие.

Сегодня вечером мне показалось, что он оценивающе рассматривает всех нас поочередно. Бедный Мелвилл как раз читал лекцию по астрофизике. Опасаюсь, что он погибнет первым. Обрубок его ноги сильно распух. А Бендер, боюсь, замышляет недоброе. Чуть позже он перевел разговор на ценность применяемых нами металлов и алма-

зов. Мы решили, что алмазы не представляют ценности, поскольку — если привезти их на Землю — весь алмазный рынок окажется под угрозой. А вот сплав осмия и иридия был назван самым полезным открытием: говорили о возможности финансирования следующих экспедиций деньгами, которые можно выручить от его продажи.

9 января

Ночью вести наблюдение не получилось. Комната Бендера далеко от моей, ничего не видно. К тому же я сидел в темноте и уснул. Очень устал.

Рядом с Бендером живет Райс, я втянул в это дело его. Мы убеждены, что Бендер прятал украденное продовольствие в Куполе или еще где-то и принес его, когда ходил за серебром. Завтра пошлем его туда снова, и тогда комнату можно будет обыскать.

10 января

Бендер ворчал, отправляясь за серебром, но ему все равно пришлось пойти — ведь он теперь самый сильный из нас. Тщательный обыск в его комнате не дал абсолютно ничего. Помещение слишком голое, чтобы там можно было устроить какой-нибудь тайник. Нарисованные Кенделлом картины целы, и это доказывает, что в стенах ничего не спрятано. Спрятать пищу на себе тоже невозможно. Бендер становится угрюмым и высокомерным.

Райс сообщил, что прошедшей ночью ничего не заметил.

11 января

Бендер вдруг сильно заболел, и я рассказал остальным о «ловушке», которую подготовил для вора осенью: это была большая порция слабительного, которую я попросил у Хью. Мы знаем теперь, что вор — именно Бендер, но не можем ничего сделать. Физически он значительно сильнее нас. Я придумал план, предложу его завтра. Мы должны вернуть продовольствие.

Бендер знает, что мы его подозреваем, но только смеется над нами. У нас ведь нет никакого оружия, кроме ракетниц.

12 января

10 часов утра. Предложенный план был принят. Райс отключил шлюз, и теперь невозможно войти, пока мы снова не подключим энергию. Бендер в это время был

снаружи с двенадцатичасовым, как он думал, запасом кислорода в баллоне. На самом деле кислорода там только на один час. Мы сообщили Бендеру о том, сколько ему осталось жить, и потребовали, чтобы он сказал, где прячет украденное продовольствие.

Он грозит разрушить солнечные батареи. Но у него недостаточно кислорода, чтобы подняться к ним, а потом вернуться к шлюзу.

10.30 утра. Бендер проклиная нас и отказывается сказать, где спрятано украденное, говорит, что не позволит нам отобрать его. Он хочет, чтобы мы погибли, тогда появится возможность нагрузить спасательный корабль драгоценными металлами и объявить все месторождения своей собственностью. В худшем случае он возьмет с собой на несколько тысяч долларов осмия и иридия. Называет нас дураками за то, что мы собираемся везти обратно приборы, когда можно взять столько драгоценных металлов, что хватит на полудюжину экспедиций. Единственная причина, которая привела его к нам, состоит в том, чтобы получить пай в горных разработках, которые, как он слышал, будут вестись на Луне. Узнав же, что мы хотим передать все эти богатства инвесторам, он начал красть продовольствие в надежде, что переживет всех и сможет подать заявку.

10.45 утра. Кислород кончается. Бендер постепенно слабеет.

10.50. Он сказал, что пища спрятана внутри пневматического матраца, и потребовал, чтобы его впустили. Проверили матрац. Бендер сказал правду. Прошел почти целый час, и, когда открыли шлюз, Бендер уже находился без сознания. Продовольствие передали мне, я его спрятал. Кроме меня, о его местонахождении знают только Мур и Гарнер. Мур говорит, что с помощью своих аппаратов получит больше, чем вложила в это продовольствие природа. Вкусовая ценность продовольствия для нас значения не имеет.

Бендер в неистовстве. Он бросился на нас, когда пришел в сознание. Кажется, он рассчитывал оказаться внутри до того, как потеряет сознание, и отобрать у нас продовольствие. От Бендера надо избавляться. Он представляет опасность.

13 января

Мур творит чудеса. Он взял на переработку всего один фунт пищи, но мы уже прибавили по полфунта каждый. Бендер ходит за мной по пятам. Мне от этого становится не по себе, потому что он гораздо сильнее.

Гарнер взял немного еды, когда я увел Бендера в ангар. Это невыносимо.

14 января

Бендер снова нашел продовольствие. Теперь мы не знаем, где оно спрятано, а уйти из Замка он отказывается. Мы должны поодиночке приносить ему пищевой концентрат, потому что он не чувствует себя в безопасности, когда вокруг много людей. Если откажемся, он будет есть спрятанные продукты. Мы в отчаянии.

15 января

Завтра все эти неприятности кончатся.

16 января

Бендер казнен. Райс перемонтировал провода на щите и подвел к нему 5000 вольт. Таким образом, прикосновение к главному рубильнику стало бы смертельным. Затем с помощью реостата Райс уменьшил яркость освещения, затем увеличил ее, потом снова уменьшил и под конец закричал. Свет по-прежнему горел тускло. Райс лежал на полу, Хью и Гарнер изображали, что оказывают ему помощь, а я пошел звать Бендера, который выполнял обязанности второго электрика. Увидев происходящее, он бросился к главному рубильнику...

Похоронили Бендера в полумиле от Замка. Это была тяжелая работа для нас четверых. Теперь надо найти спрятанную пищу.

17 января

Сегодня нашли продовольствие и восстановили потребление естественной пищи. Мы очень подавлены случившимся.

Мелвилл чувствует себя все хуже, и Хью очень боится за него.

18 января

Около двух часов ночи нас разбудил слабый крик из комнаты Мелвилла. Вся его койка оказалась залита кровью, текущей из культи. Хью делал все возможное, чтобы остановить кровотечение, но, едва жгут снимали, кровотечение возобновлялось. Жгут снимать не ста-

ли, но Мелвилл потерял слишком много крови. Он умер около 7 часов утра. Ткани, зарастившие рану, во время голодания разрушились.

Его похоронили на вершине утеса, над Замком. Всего два дня назад мы несли другого члена нашей экспедиции, человека, который, скорее всего, и виноват в смерти Мелвилла. Тогда мы с трудом справились с этой тяжестью. Мелвилл оказался легким.

19 января

Завтра восход солнца. Больше никаких горных работ. Проводим время, лежа на пневматических матрацах и купаясь в тепле электрических радиаторов. В нас как будто совсем не осталось энергии, но, думаю, вскоре мы должны поправиться. Прибавили по фунту каждый.

20 января

Сегодня во второй половине дня взошло солнце и заработали все аппараты электролиза. Рид, Кинг, Райс и я трудились у печей и израсходовали весь запас гипса. Теперь аппараты электролиза работают только на воде из бассейна. Давление в хранилищах постоянно увеличивается.

Украденное Бендером продовольствие почти закончилось, его хватит еще на один прием пищи, а мы поправились всего на два фунта.

Мур прибавил четыре фунта, потому что я давал ему дополнительный паек втайне от него самого. Нам еще понадобится помощь Мура.

21 января

Хранилища 1-О и 1-Н полны, начала заполняться вторая группа. Восстановлено все топливо, израсходованное в течение ночи. Мур и Толмен пытаются автоматизировать производство пищевого продукта, а я вместе с д-ром Хью и Райсом учимся управлять этими устройствами. Они потребляют огромное количество энергии.

22 января

Сегодня мы были на залежах карбида и принесли почти тонну. Ходили вшестером. Завтра надо доставить нитриды. Я без сил, мышцы страшно болят, сильнейшая сонливость. Все остальные тоже ходят, как в полусне.

23 января

Смогли принести только три четверти тонны нитридов, потому что Кинг на обратном пути упал и, похоже,

серьезно пострадал. Идти не мог, пришлось выкинуть часть минералов и положить его на санки.

Нового похода наша команда совершить не сможет — д-р Хью запрещает, потому что наши ноги слишком распухли. Кингу он сказал, что у того разорвана мышца. Действительно, мышца разорвалась пополам. Это очень больно, но сейчас Кингу дали снотворное, и он успокоился. Поврежденная нога, кажется, не действует, и это очень пугает д-ра Хью.

24 января

Сегодня за нитридами ходила вторая команда. Муро и Гарнеру тяжелые работы строго запрещены, а оставшиеся три человека много не принесут. Поэтому я пошел с ними. Хью, Райс, Кенделл и я. Маленькому Кенделлу пришлось туго, но он старался изо всех сил. Вернулись благополучно, с полутонной известняка. Кинг уже проснулся. Осмотрев его, д-р Хью сказал нам, что разорванная мышца полностью исчезла! Самая ужасная форма каннибализма! Тело питается самим собой, любой поврежденный член почти сразу же потребляется голодающими тканями. Кинг говорит, что чувствует себя гораздо лучше. Но нога его теперь практически безжизненна.

25 января

Я оставался сегодня в Замке, вместе с Ридом следили за энергией и оборудованием. Уровень воды в бассейне понизился почти на 5 футов, зато давление в заполняемых хранилищах — одна и полторы тонны.

Группа горняков, которую на этот раз возглавлял Райс, возвратилась с фосфатами и небольшим количеством магния. Груз был невелик, но все страшно устали, и у всех распухли ноги.

Д-р Хью говорит, что мы теперь похожи на паровой двигатель, у которого достаточно топлива и хорошее давление пара, но поршень и котел не выдерживают нагрузки. Другими словами, у нас достаточно энергии, однако наши тела слишком слабы, чтобы перерабатывать ее. Он предложил сократить потребление пищи, и это было принято.

26 января

Райс еще раз сломал ногу: она вдруг подогнулась, когда он шел по коридору. Упав, он оцарапал руки. Д-р Хью

говорит, что перелом очень опасен. Райса отправили в постель, ногу загипсовали. Она не срастется, пока не будет натуральной пищи, но по крайней мере кости находятся в правильном положении.

Райс много для нас сделал; и мы не хотим потерять такого замечательного товарища.

Царапины на его руках очень беспокоят Хью. Тот промыл их антисептиком и залил коллодием.

Гарнер сегодня не покидал своей койки. Самый старший из нас, он страдает больше остальных. Хью вполне серьезно заявляет, что для Гарнера происходящее даже хорошо, поскольку сейчас происходит растворение излишней извести, за долгие годы накопленной в организме. Если он станет питаться натуральной пищей, то значительно поздоровеет.

Кинг выглядит совсем неплохо.

27 января

Сегодня рано утром Кинг умер. Он позвал нас в 3.30, и почти сразу началась агония. Поврежденная нога ужасно распухла и приобрела пурпурно-красный цвет; кожа напоминала раздувшийся мешок. Кинг был очень слаб, и мы ничем не смогли ему помочь. Стимулятор только усилил бы приток крови в ногу. Судя по всему, началось заражение. Д-р Хью наложил жгут. Около восьми часов Кинг умер. Похоронили его рядом с Мелвиллом.

Начали понимать, почему земные врачи отказались сообщить информацию о вероятном сценарии нашей смерти. Во избежание разрывов мышц Хью предписал нам абсолютный минимум движений.

28 января

Четыре дня до захода солнца. Спасательный корабль, по мнению Лонга, должен прибыть 19 февраля. Значит, через 22 дня. Если не будет несчастных случаев, мы должны дожить до этого времени.

Третье и четвертое хранилища заполнены на 75 %, в глубокой части бассейна осталось всего 8 футов воды. Мы почти ничего не делаем.

Неутомимый Райс, несмотря на сломанную ногу, несколько дней работал в мастерской. Двигался в кресле на колесах и наконец построил для себя маленький паровой автомобиль. Сейчас делает еще несколько таких

же. Несмотря на мрачные предсказания Хью и благодаря его заботе, царапины на руках Райса не увеличиваются.

29 января

Райс передал один из маленьких автомобилей мне. Машины приводятся в движение миниатюрным двухцилиндровым паровым двигателем и экономят нам силы, когда нужно перемещаться по обширным помещениям Замка. Когда-то мы радовались свободе передвижения, а теперь ругаем, потому что путешествие из холла до наших комнат получается чересчур утомительным. Канатный привод давно демонтирован, и автомобильчик может легко двигаться во всех направлениях. Он способен везти двоих, и я часто выполняю обязанности перевозчика. Райс — тоже.

30 января

Хью опасается за здоровье Райса и попросил его приостановить работу. Всего Райс успел сделать три автомобильчика, а сегодня к вечеру закончил прицеп, который может тащить за собой одна из машин.

В хранилищах почти полное давление, все топливные баки заполнены. Хранилища должны обеспечить наш путь домой, поэтому мы следим за давлением в них с надеждой и беспокойством.

Райс — настоящий гений механики, его бесподобные механизмы работают полностью автоматически.

31 января

Завтра заход солнца, и мы надеемся, что к этому времени давление в хранилищах достигнет нормы.

Толмен впал в бессознательное состояние, из которого его невозможно вывести. Хью опасается, что это конец. Он ввел в кровь глюкозу и раствор протеина, чтобы хоть как-то обеспечить сердце необходимой энергией. Надеется какое-то время поддерживать жизнь Толмена в таком состоянии, но уверенности в успехе нет.

Мы перетаскивали матрасы в холл, чтобы быть вместе. Остаться в одиночестве больше никто не хочет.

Мы не покидали Замок уже шесть дней, исключение делается только для похорон.

Мур утверждает, что у него хватит пищевого сиропа по крайней мере на три месяца.

1 февраля

Толмен пока жив, дышит очень медленно и ровно. Райс просто лежит на своем матрасе. Уайслер сегодня тоже лишился всяких сил. Мур прекратил работу, но его аппаратура продолжает производить пищу, от которой нет никакой пользы.

Я выполнял обязанности кока (если так можно сказать) — привозил на автомобильчике запасы из кладовки. Мы испытываем настолько острый голод, что никто не способен приготовить для себя пищу. Управлять механизмами больше не пытаемся, они делают свою работу гораздо лучше, если им не мешать. Было слышно, как незадолго перед закатом солнца автоматически включилась турбина. В этот же момент мигнул свет. Насосы остановились, и я отправился вниз, чтобы посмотреть на указатели давления в заполняемых хранилищах. Оно достигло 3800 фунтов.

Мы с Райсом готовим письменный доклад об устройстве Замка, с подробными указаниями, как вести себя в чрезвычайных ситуациях. Как странно — машины, сделанные нашими руками, будут поддерживать все параметры окружающей среды и после того, как нас не станет!

Хью вместе с Муром готовят инструкции о возможном способе нашего лечения и составляют перечень нумерованных банок с пищевым концентратом. Все документы будут оставлены в шлюзе. Инструкция по управлению шлюзом висит на его люке.

Наступила ночь.

2 февраля

Сегодня умер Толмен. Он проснулся утром около 11 часов с перекошенным лицом. Обведя нас глазами, пожаловался на боли в животе. Боли все усиливались, к полудню мучения стали ужасными. Около двух часов пополудни Толмен впал в коматозное состояние, а в 3.45 был мертв. После этой смерти я приготовил капсулы с цианистым калием. Чем так мучиться, лучше...

Мы уже слишком слабы, чтобы нести его на «кладбище», поэтому перевезли на автомобильчике в ангар челнока и оставили там, откачав воздух. В вакууме тело сохранится до прилета спасательного корабля. Они и похоронят.

Уже несколько дней у нас выпадают волосы, и теперь мы стали совершенно лысыми, нет даже бровей. Начинают сходить ногти на руках и ногах, кожа под ними очень чувствительна. Малейшее прикосновение вызывает неприятные ощущения.

3 февраля

Сегодня ушел руководитель. Гарнер, создатель нашего корабля, человек, который собрал нас, чья предусмотрительность обеспечила нам здесь комфортабельную жизнь в течение двух лет, умер. Он проснулся около трех часов пополудни и пожаловался на боль в животе. Его ждала судьба Толмена, но в 3.35 он проглотил капсулу цианида. Смерть была практически мгновенной.

Нас становится все меньше. Остались Хью, Райс, Мур, Уайслер, Лонг, Кенделл и я. Мы почти ничего не делаем. Время от времени пробуем курить, но никакого удовольствия от этого нет.

С уходом Гарнера мы почувствовали обреченность. Он нас постоянно подбадривал.

Положили его в ангар, рядом с Толменом.

4 февраля

Сегодня ничего не ели. Голода не чувствуем и слишком слабы, чтобы принимать пищу. Даже управление паровым автомобилем нам уже не по силам. Хью говорит, что это и неудивительно.

Постоянный мягкий шум генераторов в машинном отделении заставляет нас завидовать механизмам. По сравнению с их огромной мощностью наши иссякающие силы кажутся ничем.

Писать очень трудно — сошли все ногти на пальцах.

5 февраля

Уже несколько дней у нас шатаются зубы. Сегодня у меня два выпали. Десны кровоточат, и я не могу остановить кровь. Она течет медленно, но постоянно. Хью говорит, что это очень плохо, но подойти ко мне не может, потому что лежит у противоположной стены.

6 февраля

Начали кровоточить десны и у Лонга. Слабость. Больше не могу.

Томас Риджли Данкан

На этом кончается дневник Данкана.

От издателя

30 января, вопреки всему, спасательный корабль взлетел над пустыней Мохаве. Подготовка пилотов заняла менее трех недель. Корабль рванулся в небеса, чтобы развить максимальную скорость прежде, чем будут сброшены дополнительные топливные баки. На высоте 1500 миль опустевшие емкости были сброшены. Корабль продолжил полет. На его борту находились пилот Доналд Муррей, пилот Джеймс Р. Монти, инженер-механик Брюс Макгрегор и доктор Жемс Колдуэлл.

Пять дней спустя корабль вышел на орбиту вокруг Луны. Пилоты быстро обнаружили Купол и сообщили об этом на Землю. Затем попытались связаться по радио со знаменитым Замком. Это произошло поздно вечером 6 февраля 1982 года. Ответа не получили и решили, что люди либо уже мертвы, либо не в состоянии добраться до аппаратуры. Надо было садиться. Это удалось сделать только ранним утром 7 февраля, в полутора милях от Замка, на открытом пространстве, по которому проходила дорога к Куполу.

Спасатели поспешно надели скафандры и подготовились к выходу, взяв с собой по два баллона кислорода, аккумуляторы, медикаменты и значительное количество еды.

Они добрались до закрытого шлюза, просмотрели инструкцию и вошли. Обнаружили лежащие там рукописи и, прежде чем двигаться дальше, просмотрели их. Откроется ли внутренний люк? Внешний открывался вручную, внутренний — с помощью электричества. Макгрегор нажал кнопку. Свет замигал, а в шлюз ринулся воздух.

Наконец внутренний люк открылся! Перед спасателями простирался коридор, залитый белым светом электрических ламп. Воздух был чист и свеж, откуда-то доносился низкий гул и мягкое шипение. И больше никаких звуков!

Колдуэлл крикнул. Ответа не последовало. Сердца спасателей дрогнули, и люди пустились бегом по коридору, который должен был вести в холл и жилые комнаты. Попались несколько новых туннелей, о ко-

торых не говорилось в инструкциях; было потеряно пять драгоценных минут, потому что свернули не в тот туннель.

Потом ошибка была исправлена. Спасатели вбежали в холл и остановились.

На пневматических матрацах лежали семь изможденных тел. Из семи открытых ртов тянулись тонкие струйки крови. Охваченный ужасом Колдуэлл бросился к ближайшему телу. Это был Райс. Живой! Колдуэлл отдал приказ, и спасатели приступили к работе. Они знали, что делать. Последний месяц не прошел даром. И не зря умерли от искусственной пищи многочисленные морские свинки. Теперь люди были вооружены методикой спасения.

Колдуэлл быстро осмотрел лежащих. Один... два... три... семь! Пока все живы. Но выживут ли?

Хью открыл глаза меньше чем через 3 часа, потом — Мур. С трудом пришел в себя Кенделл. За ним Лонг, Уайслер и Данкан. Последним, через сутки, ожил Райс.

Начались новые сложности. Натуральная пища была опасна для этих людей, как прежде был опасен искусственный пищевой сироп: ведь пищеварительный тракт лунных узников оказался полностью разрушенным. Помог им бесценный раствор RB-X. За сутки они пришли в себя, через неделю — начали двигаться. Когда наступил следующий лунный полдень, они почти полностью поправились: снова радовались Замку и оплакивали ушедших друзей. 22 февраля, на закате, были разомкнуты электрические сети, внесены внутрь солнечные батареи и закрыты шлюзы. Спасательный корабль, заправленный кислородом и водородом, нагруженный приборами, документами и телами погибших, был готов к старту. Как только солнце исчезло за горизонтом, он поднялся и направился к Земле. Ему предстояло пересечь расстояние в четверть миллиона миль. Ледяной ад для членов экспедиции Гарнера остался позади.

Ее значение поистине огромно. Силой своего интеллекта и трудом своих рук тринадцать человек вырвали у Луны жизнь и, более того, комфорт. Будь у них раствор RB-X, они вообще могли бы ничего не бояться. Но и без RB-X они сделали все, что могли! И какие воспо-

минания пробуждаются, когда слышишь имена Данкана и Райса, Иохансена и Мургатройда!..

В течение пяти лет Луну тщательно исследовали. Замок служил базой для экспедиций. Продолжались горные работы. Появлялись новые замки. Много позже правительство Луны объявило Замок национальным памятником. Но прежде Иохансен использовал его в качестве базы перед полетом на Марс. А потом отправился на Венеру и сгинул там Мургатройд.

Теперь Замок открыт для публики. Здесь можно полюбоваться замечательными настенными росписями Кенделла, грубыми, но надежными паровыми двигателями Райса и маленьким челноком. Из больших хранилищ поступало топливо, которое дало возможность Иохансену добраться до Марса, а Мургатройду — до Венеры.

Сегодня Замок выглядит таким, каким его оставили Данкан, Райс и их друзья, разве что появилось несколько новых туннелей и комнат. Бассейн теперь наполнен, в баках хранится газ. Это вечный памятник стойкости и величию человеческого разума. На безжизненной голубой Луне люди не смогли найти комфорта. И тогда создали его сами.

И заставили других последовать своему примеру!

НЕЧТО

НЕЧТО

Глава первая

Когда все собрались, начальник экспедиции Гэрри, зысочий и худощавый брюнет с мужественным лицом, зстал и принялся пересчитывать людей.

Никакие сквозняки не могли удалить из помещения мешанину ароматов, присущих всему Антарктическому лагерю. Запахи человеческого пота и лекарств, готовящейся пищи и псины, машинного масла и сохнувшей одежды привлекли бы внимание любого постороннего человека, но все полярники уже настолько к ним привыкли, что попросту не замечали.

Присутствовал тут и еще один запах, незнакомый и странный, но он был настолько слаб, что его чувствовал лишь биолог экспедиции Блэр. Он стоял рядом со столом, на котором лежал обернутый в брезент и обвязанный веревками предмет. Из-под брезента медленно капала вода, образуя на полу лужи.

Блэр нервно пошевелил ноздрями, развязал одну из веревок, откинул край ткани — под ней оказался кусок темного льда, — и тут же вернул брезент на место. Седой пушок на почти лысом черепе биолога создавал вокруг его головы некое подобие нимба.

Взгляд Гэрри перестал скользить по рядам людей, набившихся в главный корпус, и начальник экспедиции подошел к столу.

— Тридцать семь, — сказал он. — Все здесь. — Низкий голос с командирскими интонациями вполне соответствовал характеру и положению говорившего. — Вы все уже знакомы с предысторией находки, — продолжал он. — Мы обсуждали ее судьбу с Мак-Реди, Норрисом, а также с Блэром и доктором Коппером. Мы еще не ре-

шили, что с нею делать. Есть несколько предложений. Однако поскольку это касается всех, то и решение мы должны принять вместе... Я хочу, чтобы Мак-Реди рассказал вам подробности происшедшего. Все были слишком заняты работой, чтобы углубляться в них. Прощу, Мак-Реди!

Мак-Реди встал и направился к столу. Он был похож на бронзовую статую – более двух метров ростом; огромная рыже-бронзовая борода, гармонирующая с тяжелыми волосами того же оттенка; загорелые, жилистые руки. Возраст Мак-Реди было трудно определить; мужественные, будто вылитые из металла черты его лица носили печать вечности.

Он подошел к столу и остановился, глядя в пространство под низкими потолочными балками. На нем был оранжевый водонепроницаемый жилет, который, несмотря на свои огромные размеры, не казался лишним, хотя здесь, глубоко подо льдом, в нем и не было необходимости.

Собравшись с мыслями, бронзовый гигант начал говорить, в его густом басы проскальзывали бархатные интонации.

– Мы действительно уже думали, как поступить с находкой. Мнения Норриса и Блэра совпадают в одном: найденное существо – неземного происхождения. Правда, Норрис считает, что оно может быть опасно, а Блэр с ним не согласен. – Мак-Реди обвел присутствующих внимательным взглядом. – История обнаружения существа такова. Одной из целей нашей экспедиции является изучение южного магнитного полюса. Наш лагерь находится прямо в точке полюса. Между тем измерения показали, что в ста милях к юго-западу отсюда находится магнитная аномалия. Чтобы исследовать это явление, туда была послана специальная экспедиция. Нет необходимости рассказывать все подробности. Нам удалось найти причину аномалии, однако это был не метеорит и не залежи железной руды, как считал Норрис. Для месторождения напряженность поля была слишком мала. Ни один земной магнитный материал не мог быть причиной такого эффекта. Ультразвуковое зондирование показало, что возможный источник магнитного излучения находится под поверхностью, на

глубине десяти футов. — Мак-Реди взглянул на кусающего губы Блэра. — Думаю, следует сказать несколько слов о географии этого места. Там довольно обширное плато, тянущееся, как считает ван Вол, более чем на сто пятьдесят миль к югу от законсервированной на нынешний сезон Второй Полярной станции. Вдоль плато тянется горный хребет. Он защищает место, где мы обнаружили это существо, от надвигающихся с юга ледовых масс, но совершенно не препятствует ветру. Мы разбили лагерь в небольшой нише у основания горного хребта и простояли там двенадцать дней. Пришлось вкопаться в лед, что и помогло уцелеть лагерю, поскольку в течение этих двенадцати дней ветер дул в среднем со скоростью сорока пяти миль в час. Температура же держалась в пределах минус шестидесяти пяти градусов. С точки зрения метеорологии подобное невозможно, так как даже ветер в пять миль вызывает потепление до минус пятидесяти за счет трения воздуха о лед. Тем не менее там было на пятнадцать градусов холоднее, и это продолжалось в течение всех двенадцати дней и ночей. — Мак-Реди пожал плечами. — Мы попытались определить, к какому времени относится наша находка. Антарктика начала замерзать примерно двадцать миллионов лет назад. Плато, по нашим подсчетам, заледенело в тот же период. Ультразвуковое зондирование показало, что источник аномалии имеет сигарообразную форму, около трехсот футов длиной и около пятидесяти в самой широкой части. Мы считаем, что это космический корабль.

Раздались удивленные голоса:

— Космический корабль?

— Подо льдом?

— Вы уверены?

— Да, — сказал Мак-Реди. — Эта штука прилетела из космоса и потерпела катастрофу. По-видимому, ремонт оказался невозможен, а может быть, почти весь экипаж погиб при столкновении с поверхностью Земли. Однако одному из обитателей корабля, по-видимому, удалось уцелеть и выбраться наружу.

Мак-Реди замолк, и в наступившей тишине стало слышно отдаленное завывание ветра.

Многие из слушателей поежились.

Снаружи сейчас бушевал ураганный ветер. Поднятый им снег носился в воздухе, а затем опять ложился на землю, стирая границы спрятанного во льду лагеря. Если бы человек вышел из тоннелей, соединявших корпуса, он бы потерялся в десяти шагах.

Повар Киннер вздрогнул и потер шрам на лице. Он вспомнил, как пять дней назад вышел на поверхность, чтобы взять на продуктовом складе мясо. Он уже возвращался обратно, когда с юга на лагерь внезапно обрушился вот такой же штормовой ветер. Холодная белая смерть, стремительно несшаяся по земле, ослепила Киннера в двадцать секунд. Хорошо, Кларк хватился. И все равно спасатели, обвязавшись веревками, искали повара двадцать минут.

— Мы стали вгрызаться в лед, чтобы добраться до корабля, и наткнулись на замерзшее существо. — Голос Мак-Реди вернул мысли Киннера назад, к теплу и уюту. — Ледоруб Баркли воткнулся в его череп. Незвестный космонавт, по-видимому, не был готов к суровому климату и замерз в десяти шагах от корабля. Когда мы увидели, что перед нами такое, Баркли стало плохо. Я позвал Блэра с доктором Коппером. Мы отнесли Баркли в снегоход и подогнали машину к туннелю. Потом вырезали кусок льда с найденным существом, завернули в брезент и перекантовали в грузовой отсек, чтобы привезти в лагерь. А затем попытались добраться до корабля. Докопавшись до его обшивки, мы обнаружили, что наши инструменты из немагнитного бериллиево-бронзового сплава не оставляют на ней даже царапин. У Баркли в снегоходе были кое-какие стальные инструменты, попробовали их, но результат оказался тем же. Мы пытались установить, из чего сделана обшивка, несколькими способами, пробовали даже кислоту, но все безрезультатно. Этот металл выплавлен каким-то неизвестным на Земле способом. А потом мы обнаружили люк и стали вырезать лед возле него. Чтобы ускорить работу, решили воспользоваться зарядом. У нас были деканитовые и термитные заряды. Вы знаете, что термит горит достаточно спокойно и выделяет достаточное для быстрого таяния льда количество тепла. Деканит же взрывается. И мы побоялись, что он не только раздробит лед, но и может повредить люк корабля. Поэто-

му решили воспользоваться термитом. Мы с доктором Коппером и Норрисом установили двадцатипятифунтовый заряд возле люка, а шнур вывели на поверхность. Блэр тем временем отогнал снегоход за гранитный уступ. Мы отошли от туннеля на сто ярдов, спрятались за гранитным уступом и подожгли шнур. Из туннеля вырвался столб пламени. Когда термит сгорел, пламя погасло, и мы собрались идти к туннелю. Но тут... — Мак-Реди нервно передернул плечами. — Но тут вдруг загрохотало. Мы побежали к скалам, поскольку вырвавшийся из туннеля новый язык пламени оказался настолько мощным, что грозил добраться до нас. Поднявшись на гранитный уступ и убедившись, что огонь сюда не достанет, мы остановились. С уступа можно было видеть все ледовое поле. Оно было освещено изнутри. Был ясно виден силуэт корабля и три небольших темных предмета неподалеку от него. Возможно, это были другие обитатели корабля, замерзшие во льду. Затем началось нечто невообразимое... Я не зря рассказывал вам о географии того места. Ветер дул нам в спины, он-то нас и спас. Пар и огонь образовали облако обжигающего тумана, но ветер оттеснил его к северу. В противном случае нас бы не спас и гранитный уступ. Сквозь стремительно тающий лед были хорошо видны странные предметы, не расплавившиеся даже при столь высокой температуре. Возможно, это были двигатели корабля или термоизоляция. Потом пар накрыл их, и ничего не стало видно. Начались странные процессы. Ледоруб у меня в руках так нагрелся, что я выронил его на землю. Металлические пуговицы на одежде тоже раскалились и жгли тело. А потом среди пара вспыхнул невыносимый голубой свет. Он ослепил нас на несколько часов, и до тех пор, пока не вернулось зрение, мы могли передвигаться только на ощупь. Когда все вокруг поостыло, а к нам вернулось зрение, мы спустились в образовавшуюся яму. К счастью, у нее были пологие края. Оказалось, что все, что могло плавиться, расплавилось. Оставленные нами наушники и микрофоны превратились в застывшие лужицы. К счастью, мы далеко отогнали снегоход — он остался цел. Иначе бы мы никогда не выбрались оттуда. Больше там делать было нечего. Мы отправились на Вторую станцию и связались с лагерем. Вскоре за нами прилетел

ван Вол... Вот так нам достался этот красавец. — Огромная бронзовая борода Мак-Реди повернулась в сторону лежащего на столе свертка.

Глава вторая

Маленькие костлявые пальчики Блэра забарабанили по столу. Он тяжело вздохнул, снова откинул край резинки и взглянул на темный, замурованный в лед предмет.

Беликан-метеоролог вспомнил дорогу до Второй станции. Снегоход застревал чуть ли не на каждом шагу. Только спокойствие и настойчивость, обусловленные огромным желанием снова попасть к людям, помогли членам экспедиции добраться до станции. Там было одиноко и тихо, только по-волчьи были злые ветры с Полюса.

— Проблема состоит в том, что Блэр хочет изучить это существо, — продолжил Мак-Реди. — Он предлагает разморозить его, сделать снимки и провести массу других экспериментов. Норрис считает затею небезопасной, но Блэр с ним не согласен. Доктор Коппер поддерживает Блэра. Норрис, конечно, физик, а не биолог, но он сделал одно замечание, которое, я думаю, нам следует принять во внимание. — Метеоролог снова обвел взглядом присутствующих. — Блэр как-то говорил, что существуют микроскопические жизненные формы, способные выжить даже в таких экстремальных условиях, как холод Антарктики. Зиму они проводят в замороженном состоянии, а на три летних месяца оттаивают и оживают, чтобы снова замерзнуть на зиму... Так вот Норрис опасается, что если мы разморозим это существо, микроорганизмы на его теле могут ожить. В результате на Землю может быть занесена неизвестная зараза, перед которой мы окажемся беззащитны. Блэр допускает, что хотя само существо так же мертво, как найденные в Сибири мамонты, микроорганизмы могли выжить. Однако возможность заражения он отвергает напрочь, объясняя это тем, что природа этого существа совершенно чужда природе человека, и потому бактерии из его мира не могут повредить людям. Наша биохимия не имеет с ним ничего общего.

Маленький биолог быстрым птичьим движением поднял голову:

— Да, я так думаю!

Ореол серебристых волос на его черепе встал дыбом.

— Возможно, — согласился Мак-Реди. — Несомненно, это существо неземного происхождения. Мне кажется, оно и в самом деле слишком отличается от нас, чтобы его инфекционные болезни могли передаваться человеку. Я считаю, оно не представляет для человечества никакой опасности. — Метеоролог посмотрел на доктора Копера.

Хирург поддержал его.

— Известно, что людям не страшны заболевания таких сравнительно близких нам родственников, как змеи, — сказал он. — А змеи, я вас уверяю, намного ближе к нам, чем это.

Норрис брезгливо поежился. На этом сборище гигантов он казался сравнительно невысоким. При росте в шесть футов один дюйм и коренастом телосложении он выглядел ниже, чем на самом деле. Его темные жесткие волосы были похожи на короткую стальную проволоку, а серые глаза светились несгибаемым упрямством. Если Мак-Реди был человеком из бронзы, то Норриса можно было назвать человеком из стали. Его движения, мысли, манера поведения — все производило впечатление стальной пружины. Нервная система физика тоже была стальной — прочная, нерушимая, быстро реагирующая.

— К черту вашу биохимию! — выпалил он. — Это существо может быть мертвым или живым, но — черт побери! — оно мне не нравится в любом виде. Ну-ка, Блэр, покажи им эту тварь. Покажи им ее, и пускай они сами решают, оставаться ли ей в лагере. — Он снова выругался. — Если мы эту тварь оставляем, она полностью оттает ночью. Кстати, кто сегодня дежурит?.. А-а, вспомнил! Космические лучи... Прекрасно, Коннант! Вот ты то и будешь сидеть с этой ледяной мумией двадцатимиллионной выдержки. — Он повернулся к биологу. — Покажи-ка ее, Блэр. Какого черта они рассуждают о том, чего не видели!.. Этот гуманоид, может быть, и имеет другую химическую структуру. — Норрис рубанул рукой воздух. — Меня вообще не волнует, что он там

еще имеет, но я точно знаю одно: у него есть то, что мне не нравится. Посмотрите на его лицо, и вы поймете, до какой степени это существо было раздражено, когда замерзало. Я бы даже сказал, что слово «раздражено» мало объясняет его выражение. Это существо переполняло ненависть и гнев. Оно было безумно обозлено. У меня даже нет слов, чтобы описать всю ярость, горевшую в его взгляде. Ни одно порождение Земли не может иметь такого выражения... Черт! С тех пор как я увидел эти три красных глаза, меня не перестают мучить кошмары. Мне снится, что существо оттаяло и ожило, что оно вовсе не было мертво – просто его жизненные процессы были замедлены... и что оно просто ожидало все это время, пока не появятся такие дураки, как мы. – Он повернулся в сторону специалиста по космическим излучениям. – А ты, Коннант, я думаю, получишь неизгладимое удовольствие, сидя всю ночь в тишине и слушая, как завывает ветер и капает вода с этой штуковины! – Он внезапно замолк и поежился. – Вы скажете, это не научный подход. Но психология – тоже наука. Тебе, Коннант, еще целый год будут сниться кошмары. С того момента, как я увидел это существо, они меня не оставляют. Вот почему я его ненавижу... а я его действительно ненавижу... и не хочу, чтобы оно разморозилось. Отвезите его туда, где нашли, и пусть оно валяется там еще двадцать миллионов лет. Мне уже снятся сны о том, что оно из другого вида материи, которую вполне может контролировать... что оно способно менять облики, превращаться в человека... что оно привыкло выжидать и таиться с целью убить и съесть...

– Все эти аргументы не вполне логичны, – прервал физика Блэр.

– Но это существо и не поддается земной логике! – взорвался Норрис. – Если его биохимия отличается от нашей, значит, отличается и микрофлора. Его клетки могли не выдержать холода, а как насчет вирусов, Блэр? Вы говорили, что вирус – это ферментная молекула, которой для развития необходим только белок. Как вы можете быть уверены, что из миллионов разновидностей микрофлоры, которые могут в нем обитать, ни одна не несет в себе угрозы человечеству? А что вы скажете насчет таких заболеваний, как бешенство, ко-

торым подвержено любое теплокровное существо независимо от химии тела? Или попугайчиковая лихорадка? А оспа, гангрена, рак? Как насчет этих болезней? Они не очень-то разборчивы к химии тела.

Блэр взглянул на Норриса, выдержал злой взгляд его серых глаз и сказал:

— Единственное логичное место в твоей горячей речи — то, что существо влияет на твои сны. Вполне допускаю! — На лице Блэра мелькнула усмешка. — Мне тоже иногда кое-что снится, правда утром я почти ничего не помню. — Биолог повернулся к слушателям. — Итак, эта штука влияет на сны. Это, без сомнения, опасно. — Блэр снова усмехнулся. — Из всего сказанного Норрисом можно сделать вывод, что у него совершенно неверное представление о вирусах. Во-первых, никто еще не доказал, что ферментная молекула действует именно подобным образом. А во-вторых, если ты, Норрис, заметишь, что заболел какой-нибудь болезнью, присущей злакам или другим растениям, непременно сообщи мне. Пшеница намного ближе к нам по химии, чем это инопланетное существо!.. А если серьезно, число болезней, которым подвержен человек, строго ограничено. Невозможно изобрести новую болезнь или напрочь избавиться от старой. Пшеница или рыба, чьи заболевания на нас не распространяются, имеют единую природу с человеком, а это существо — нет. — Блэр кивнул в сторону стола, на котором лежал брезентовый сверток.

— Хорошо, — отозвался Норрис. — Если это существо непременно нужно разморозить, я предлагаю произвести эту операцию в формалине.

— Но это же бессмысленно! Зачем тогда вы с Гэрри приехали изучать магнетизм сюда? Проще было бы остаться дома. В Нью-Йорке достаточно источников магнитного излучения... Изучать жизнь в формалине — это все равно что вести исследования магнетизма в Нью-Йорке. И если мы не воспользуемся случаем, вряд ли человечеству когда-нибудь еще представится возможность изучить это создание. Вполне возможно, что его раса давно уже вымерла. Ко всему прочему, и корабль уничтожен... В общем, у нас есть единственный выход. Мы должны дать ей оттаять. Медленно, постепенно и не в формалине.

Поднялся Гэрри, и Норрис отступил назад, недовольно бормоча.

— Я думаю, Блэр прав, господа, — подытожил начальник экспедиции. — Что вы на это скажете?

— Честно говоря, нам больше ничего и не остается, — проворчал Коннант. — Думаю только, что кому-то нужно постоянно находиться около существа, пока идет размораживание. — Он невесело усмехнулся, откинул со лба прядь темных волос. — Прекрасная идея, да?.. Мы все сидим и сторожим эту прелесть, пока она будет размораживаться.

Гэрри слегка улыбнулся:

— Какие бы зачатки жизни в ней ни были, она недолго протянет, если пробудет среди наших «ароматов» еще несколько минут.

По залу пронесли одобрительные смешки.

— Коннант, — продолжал Гэрри, — мне кажется, ты в состоянии позаботиться о ней. Более того, думаю, наш Железный Коннант в состоянии позаботиться и о тех, кто с чем-то не согласен.

Норрис тяжело вздохнул:

— Меня не волнует, какие там в ней могут быть зачатки жизни. Посмотрите-ка лучше на нее сами.

Он нетерпеливо развязал веревки, откинул брезент и обнажил кусок льда, в который было замуровано существо. Лед кое-где подтаял и был похож на кусок толстого стекла. Он влажно блестел в свете электрических ламп.

Существо лежало лицом вверх. Обломок ледоруба все еще торчал из странного черепа. Три сумасшедших, ярко-красных, как свежая кровь, горящих ненавистью глаза казались живыми; лицо обрамляла копна голубых скорчившихся червей, которые заменяли существом волосы.

Огромный ван Вол издал нервный вскрик и попятился. Половина присутствующих бросилась к дверям. Остальные отхлынули от стола.

Мак-Реди даже не вздрогнул. Норрис с другой стороны стола прожигал существо ненавидящим взглядом. Гэрри за дверями говорил с полудюжиной человек сразу.

Блэр взял молоток и принялся скалывать лед, в который было заковано существо в течение двадцати миллионов лет.

Глава третья

– Я понимаю, что оно тебе не нравится, Коннант, – сказал Блэр. – Но его все равно нужно разморозить без формалина.

– Тогда давайте не будем его трогать до возвращения на Большую землю, – предложил специалист по космическим лучам. – Там можно было бы провести гораздо более детальное и подробное исследование...

– А как мы пересечем Полярный круг? – вскинулся биолог. – Как мы перевезем его через температурные зоны? Чтобы добраться до Нью-Йорка, надо пересечь умеренную температурную зону, затем экваториальную, а потом еще половину умеренной. Ты не хочешь просидеть с ним один день даже здесь, а ведь тогда придется поместить его в холодильник вместе с мясом и совершить совместный трансокеанский перелет. – Блэр посмотрел вверх и победно кивнул лысой головой.

Коннант и рта не успел раскрыть, как в разговор вступил Киннер.

– Послушай-ка, мистер! – Повар недобро прищурился. – Если ты засунешь эту штуку в контейнер с мясом, то, клянусь всеми святыми, я запихну тебя туда с нею за компанию. Вы уже и так таскали на мой стол все, что вообще можно двигать. Я терпел, но если вы поместите этого монстра в контейнер с мясом или на мясной склад, тогда – до свиданья! Жратву будете готовить себе сами.

– Но, Киннер, твой стол – единственный в лагере, который достаточно велик для такой работы, – возразил Блэр.

– И потому каждый норовит принести сюда все, что может. Кларк всякий раз, когда его собаки подерутся, приносит их ко мне на стол, чтобы зашить раны. Ралсен вечно заявляется сюда со своими санями. Дьявол, на моем столе не было только «боинга»! Но вы бы и его приволокли сюда, если бы нашли способ протащить через туннели.

Гэрри усмехнулся и подмигнул гиганту ван Волу. Светлая борода ван Вола подозрительно дернулась, но летчик сумел сдержать смех и с понимающим видом кивнул повару:

– Ты прав, Киннер. Лишь авиация обращается с тобой хорошо.

— Сюда действительно временами набивается много-вато народу, — поддержал Киннера Гэрри. — Нам всем это не нравится. Но в лагере ни у кого нет возможности уединиться.

— Какое, к черту, уединение!.. На днях, смотрю, через кухню бодрым шагом топает Баркли, бубня: «Последняя древесина в лагере! Последняя древесина в лагере!» — и тут же выносит эту самую древесину, то есть кухонную дверь, наружу, чтобы построить навес для своего вездехода. А потом еще удивляется, что я вышел из себя...

Услышав эту историю, усмехнулся даже невозмутимый Коннант. Но его усмешка быстро прошла, когда он вновь взглянул на красноглазое существо, которое Блэр с помощью ледоруба извлекал из ледяного склепа. Коннант привычным жестом откинул с плеч волосы, заправил их за уши и прорычал:

— Полагаю, нам с этим гуманоидом в помещении космической лаборатории будет тесновато... Кстати, Блэр, почему бы не сколоть лед с этой штуки где-нибудь в другом месте? Уверяю тебя, никто не будет против! А затем подвесишь ее в генераторной над радиатором системы охлаждения. Через несколько часов твой мороженный цыпленок станет теплым и пушистым.

Горевший азартом и нетерпением Блэр отложил ледоруб, чтобы можно было свободно жестикулировать костлявыми пальцами.

— Я прекрасно понимаю реакцию людей, — сказал он, — но так важно использовать любой шанс. Никогда еще у человечества не появлялась такая возможность и вряд ли появится впредь. Помнишь, мы как-то ловили рыбу? Она замерзала почти сразу же, как только ее вытаскивали на палубу, и оживала, когда мы медленно ее размораживали. Низшие формы жизни не умирают при быстром замерзании и постепенном размораживании. Поэтому нам надо...

— Ради всего святого, уж не думаешь ли ты, что этот монстр оживет? — взревел Коннант. — Ты хочешь, чтобы он ожил? А ну пустите меня туда! Я искрошу это исчадие ада на сто тысяч кусков...

— Нет! Стой, придурок! — Блэр вскочил, чтобы преградить Коннанту дорогу к гуманоиду. — Нет! Ты же

слышал! Только низшие формы жизни! Послушай меня! Высшие формы жизни при таких условиях не выживают. Рыба оживает после замораживания потому, что представляет собой низшую форму жизни. Отдельные клетки ее организма могут восстанавливаться, и этого достаточно, чтобы вернуть рыбу к жизни. Любые высшие формы в такой ситуации погибнут. Несмотря на то что отдельные клетки выживут, сложный организм умрет, потому что для жизни ему необходима согласованная, связанная работа всех клеток. А такие связи не восстанавливаются. Это существо, судя по всему, так же далеко ушло в своем развитии, как и человек. Если не дальше... Поэтому оно будет не менее мертво, чем был бы мертв человек.

— Откуда ты знаешь? — спросил Коннант, поигрывая поднятым ледорубом.

Гэрри положил руку ему на плечо:

— Подожди-ка минуту, Коннант!.. Я хочу понять. — Начальник экспедиции повернулся к Блэру. — Я согласен: нам не стоит размораживать это существо, если есть хоть малейший шанс, что оно оживет. Но я не представляю себе, откуда может взяться этот шанс.

Сидящий на кровати Коппер вытащил трубку из рта и встал:

— Это существо мертво. Оно не живет тех сибирских мамонтов. Существует масса доказательств, что организмы — будучи даже быстро заморожены, а потом медленно разморожены, — не выживают. Я не принимаю во внимание рыб, это очень редкий частный случай... Однако нет ни одного доказательства обратного, того, что высокоорганизованное живое существо может выжить при таких условиях. Блэр, ты это хотел сказать?

Маленький биолог задумчиво кивнул. Ореол седых волос вокруг лысой головы качнулся в праведном гневе.

— Дело в том, — начал он обиженным голосом, — что отдельные клетки, выжившие при правильном размораживании существа, могут отразить особенности жизнедеятельности организма в целом. Мышечные клетки человека, например, живут еще несколько часов после его смерти. Так что, разморозив это создание подобающим образом, мы сможем определить, к какому типу живых существ оно принадлежит. В противном случае

мы так никогда ничего и не узнаем. — Блэр поглядел на ледоруб в руках Коннанта. — Хочу добавить, что внешний вид обманчив, и мы не должны заранее считать его носителем зла. Может быть, у него подобное выражение лица является отражением печали и безнадежности. Возможно, ему просто было тоскливо оттого, что он умирает в расцвете сил. Белый для китайцев, например, — цвет скорби, тогда как в нашем восприятии это цвет радости и чистоты. Если даже у обитателей одной планеты есть разные традиции и понятия, что же говорить о столь далекой от нас расе?

Губы Коннанта тронула ехидная усмешка:

— Если это выражение у него соответствует печали, то я даже не могу себе представить, как бы эта тварь смотрелась в ярости. Такая физиономия просто не создана для мира и дружелюбия. Я понимаю, ты нашел это существо и теперь считаешь его своим питомцем, но взгляни на ситуацию здраво. Это существо явно родилось в атмосфере зла и враждебности, провело свои детские годы, поджаривая живьем что-нибудь вроде котенка из местной фауны, и повзрослело, изобретая новый вид извращенной пытки.

— У тебя нет права так говорить! — огрызнулся Блэр. — Откуда ты знаешь, что означает неземное выражение на неземном лице? Оно не может иметь земного эквивалента. Существо выросло в другом мире. У него другие формы тела и другие черты лица. Но оно, подобно нам с тобой, такое же законное дитя природы. У тебя откровенная ксенофобия, рождающая ненависть ко всему, что не похоже на человека. Возможно, для него ты тоже всего лишь страшилище с недостаточным количеством глаз и бледным телом из плесени, наполненной газом!..

— Ха! — воскликнул Коннант. — Может быть, от другого создания с другой планеты я бы и не стал ожидать зла только потому, что оно отличается от меня... Говоришь, перед нами дитя природы? Я бы скорее назвал это порождением дьявола!

— Черт! — рявкнул Киннер. — Да прекратите вы спорить неизвестно из-за чего! Лучше снимите этого монстра с моего стола и прикройте брезентом... Меня тошнит от одного его вида!

— Кажется, Киннер начинает закипать, — язвительно заметил Коннант. — Скоро повалит пар.

Повар обернулся к специалисту по космическим излучениям. Шрам на его щеке дрогнул от усмешки.

— Да неужели, громила! Не ты ли тут разорвался минутой назад? Что ж, мы непременно предоставим тебе возможность провести ночь с этой очаровашкой. Никто вам не помешает!

— Его физиономия меня не пугает! — выпалил Коннант. — И хотя возможность просидеть с ним целую ночь не радует, я все же собираюсь это сделать.

Лицо Киннера вновь растянулось в усмешке.

— Ну-ну!.. — Он подошел к печке и поворошил пепел.

И тут пол в помещении содрогнулся — это от ледяной глыбы откололся очередной кусок, поскольку Блэр опять принялся за работу.

Глава четвертая

Коннант уронил ручку, не закончив и первой строчки. — Черт!

Он взглянул в дальний угол, полез под стол и, отыскав потерю, вновь принялся за отчет. Работа шла медленно, цифры с трудом ложились на бумагу, но временами он довольно побряхтывал. Всхрапы и стоны дюжины людей, спящих в главном корпусе, гудение угля в печи, щелкающие звуки счетчика и равномерное «кап-кап-кап» в дальнем углу несколько разнообразили тишину уснувшего лагеря.

Коннант нервно вытащил из кармана пачку «Кэмел», вытряхнул сигарету и сунул ее в рот.

Зажигалка никак не давала огня, а спичек на столе не оказалось — наверное, кто-то автоматически отправил их в собственный карман. Пришлось встать и подойти к печи, чтобы взять уголек.

Вернувшись к столу, Коннант опять попробовал зажигалку, и теперь, будучи уже ненужной, эта подлая тварь дала высокое яркое пламя. Счетчик отозвался серией хохочущих звуков, будто контролировал зажигалку. Коннант бросил в его сторону сердитый взгляд и постарался сконцентрироваться на данных, собранных за последнюю неделю.

Вдруг его души коснулось некое смутное волнение, и он замер на секунду. Потом взял со стола лампу и направился к дальнему углу комнаты, где находилось замерзшее существо. Немного подумав, завернул к печи и прихватил щипцы для угля.

Существо к этому времени размораживалось уже восемнадцать часов.

Коннант осторожно ткнул тело инопланетянина щипцами. Оно не было теперь твердым, как гранитная плита, а скорее напоминало мокрую голубую резину. Капли воды, точно круглые алмазы, блестели в ярком свете лампы. Три красных глаза смотрели на мир невидящим взглядом, мутные рубиновые зрачки отражали лучи света.

Коннанту вдруг страстно захотелось принести канистру с бензином, облить существо с головы до ног и бросить на него окурок. А потом смотреть, как мокрая голубая резина превращается в обугленный прах, рассыпается в пепел, и радоваться, что сумасшедшему биологу так и не удалось заполучить в свои руки останки инопланетного монстра...

Коннант вдруг осознал, что смотрит на существо уже довольно долго и что глаза монстра кажутся ему не столь уж мутными, а взгляд не столь уж туманным. А щупальцеобразные отростки, выходящие из тощей, пульсирующей шеи, уже вовсю шевелятся...

Коннант вздрогнул — привидится же такое! — взял лампу и вернулся к столу. Сев, уставился на лежащий перед ним бумажный лист.

И работа пошла. Лист начал заполняться столбиками цифр. Щелканье счетчика больше не беспокоило, а потрескивание углей в печи не отвлекало. И даже когда раздался за спиной скрип половиц, мысли Коннанта продолжали течь легко и свободно, komponуя данные и формулируя выводы. А поскольку скрип ни к данным, ни к выводам не принадлежал, он внимания не удостоился.

Глава пятая

Блэр проснулся внезапно, с трудом изгоняя остатки кошмарного сна. Лицо Коннанта на секунду показалось ему продолжением этого кошмара.

– Блэр, Блэр, вставай! – Коннант выглядел сердитым и немного испуганным. – Вставай, черт бы тебя побрал! – Что случилось? – Маленький биолог сел.

На соседних койках зашевелились, кое-где оторвались от подушек заспанные физиономии, слышались восклицания:

– Какого черта!

– Хоть когда-нибудь здесь можно поспать?!

– Да заткнитесь вы наконец!

Коннант выпрямился:

– Вставай и пойдем. Кажется, эта тварь сбежала.

– Что?! – Голос ван Вола прогремел с такой силой, что дрогнули стены. – Как сбежала?

Из соединительных туннелей слышались другие голоса. Вскоре в помещение главного корпуса ввалилась дюжина обитателей других корпусов. Впереди шел Баркли, коренастый и приземистый, в шерстяном нижнем белье.

– Какого дьявола! – Баркли держал в руках огнетушитель. – Что здесь происходит?

– Эта чертова тварь исчезла. Я уснул минут на двадцать, а когда проснулся, ее уже не было. – Специалист по космическим лучам глянул на Коппера. – Эй, док, не ты ли говорил, что высокоразвитые существа при замораживании не выживают?

Коппер тупым взглядом обшарил залитый водой стол.

– Оно же не с Земли! – Доктор хлопнул себя по лбу. – Для него же земные законы – не законы!

– По любым законам мы должны найти и поймать его, – сердито отозвался Коннант. – Удивляюсь, как оно не сожрало меня спящего!

Блэр огляделся вокруг, в его глазах внезапно возник страх.

– Может, оно... Да, мы непременно должны найти его.

– Вот ты и будешь его искать. Как-никак это твой питомец. А я уже и так сделал все, что мог. Просидеть в

компании с этой тварью семь часов, да еще слушая ваши ночные «песни»!.. Все! С меня хватит!

В дверях появился Гэрри, перевалился через порог, затягивая ремень.

– Что значит «поймать»? – Басистый голос ван Вола походил на шум взлетающего «боинга». – Уж не хочешь ли ты сказать, что оно ожило?

– А ты, похоже, решил, будто я украл вашего милого ребеночка! – огрызнулся Коннант. – Последнее, что я видел, – как из его расколотого черепа начала сочиться зеленая слизь, похожая на раздавленную гусеницу.

Вошли Норрис и Мак-Реди, за ними показались и другие взволнованные полярники.

– Надо дать объявление о розыске, – сказал Норрис, состроив невинную физиономию. – И не забыть про особые приметы: около трех метров ростом, с тремя красными глазами и мозгами наружу... Мне кажется, кое-кто решил над нами пошутить... Давайте-ка найдем этого блэровского питомца и привяжем его Коннанту на шею. Как альбатроса древнему моряку...

– Пошутить над вами?! – отозвался Коннант с горечью в голосе. – Хотел бы я, чтобы это была чья-то дурацкая шутка, да только...

Его прервал дикий, отчаянный вой, пролетевший по лагерю.

Все остолбенели.

– ...шутки в сторону! – договорил Коннант, кинулся в соседнюю комнату и тут же вернулся: с револьвером сорок пятого калибра и ледорубом в руках. – Эта тварь попала в собачник. Слышите, псы сорвались с цепей?..

Сдавленный, истощный вой сменился шумом схватки. Голоса собак взрывались в тишине тоннелей, а среди них четко выделялся переполненный ненавистью, абсолютно неземной рык.

Коннант бросился к двери. Сразу за ним рванулся Мак-Реди, а затем Баркли и Гэрри. Остальные разбежались по главному корпусу – за оружием. Помрой, отвечавший за пятерку лагерных коров, метнулся в противоположный конец – у него в коровнике завалились семифутовые вилы.

Бегущий за метеорологом Баркли едва не сбил того с ног – Мак-Реди вдруг затормозил и, бросив специалис-

та по космическим лучам, свернул в соседний туннель. Баркли перекинул огнетушитель на другое плечо и последовал за Коннантом. Он знал: что бы Мак-Реди ни задумал, ему можно доверять.

На следующем повороте внезапно остановился и Коннант. Его свистящее дыхание прервалось.

— О Боже!

В туннеле грянул гром. Потом раздались еще два выстрела. Тут же револьвер отлетел в сторону, и Баркли увидел, как взметнулся к потолку ледоруб. Огромная фигура Коннанта напрочь загораживала обзор. Слышались жалобные мяукающие звуки, поскуливание собак да звон оборванных цепей.

Потом Коннант резко отскочил в сторону, и Баркли смог наконец увидеть, что находилось впереди.

Существо явно собиралось напасть на Коннанта, но столь же явно опасалось поднятого ледоруба. Кровавые глаза горели дьявольской ненавистью.

Коннант, решившись, метнул ледоруб.

Тварь с легкостью увернулась, истошно завизжала и прыгнула на врага.

Коннанта спас Баркли. Мощная струя, вырвавшаяся из огнетушителя, ударила прямо в красные глаза, ослепила монстра и заставила его остановиться. Перепуганные собаки сразу почувствовали перемену обстановки, осмелели и возобновили прерванную атаку.

А потом подоспел Мак-Реди.

Он неспроста свернул поначалу в другой коридор — сейчас у него в руках находилась одна из огромных водородных ламп. Растолкав людей, Мак-Реди пробрался к Коннанту и открыл клапан. Из лампы ударил трехфутовый факел голубоватого пламени. Собаки отпрянули. Сумасшедший визг стал громче.

— Баркли! Попробуй притащить сюда силовой кабель. Если мне не удастся превратить монстра в пепел, попытаемся убить его электричеством.

Голос Мак-Реди звучал уверенно. Видно было, что метеоролог все заранее продумал.

Баркли бросился к электростанции, но его опередили Норрис и ван Вол.

Кабель нашелся в кладовой. Через полминуты Баркли уже тащил его по туннелю. Ван Вол выводил котел

электростанции в рабочий режим. Норрис, тихо ругаясь, подключал конец кабеля к разъемам на щите генератора.

Когда Баркли достиг поворота, за которым находилась тварь, выяснилось, что пеплом она пока еще не стала. Монстр зловеще вращал красными глазами и взрыкивал. Собаки расположились полукругом. Их морды были измазаны кровью, а зубы клцали.

Мак-Реди стоял тут же, у поворота, держа лампу наготове. Когда подошел Баркли, метеоролог пропустил его вперед, не отводя глаз от твари. На бронзовом лице Мак-Реди играла легкая усмешка.

— У нас все готово, — раздался сзади голос Норриса.

Баркли обернулся. Норрис намотал конец кабеля на ручку от лопаты. Контактные провода были разведены и блестели в свете лампы. Баркли взял вновь созданное оружие в руки.

— Включайте!

Норрис кинулся назад, и вскоре по туннелю понеслись голоса:

— Включили!

— Давай, Баркли!

Существо по-прежнему сверкало глазами и взрыкивало. Баркли сделал шаг вперед. Собаки сразу почувствовали перемену обстановки. Их рычание стало более настойчивым, они подсеменяли ближе. Чарнака, вожака своры, огромного черного пса, почему-то нигде не было видно. А потом одна из собак прыгнула на монстра. Существо взвизгнуло и выпустило острые, как сабли, когти.

Мак-Реди хотел перехватить пса, но было поздно. Пронзительный вопль собаки пронесся по коридору и затих вдали.

Баркли тут же ткнул оголенными проводами в тело монстра. Вспышка — и коридор наполнился запахом горящей плоти. Клубами повалил густой дым.

Красные глаза на сморщенном чудовищной гримасой лице закатились. Существо повалилось на снег, и стало видно, что задние лапы у него — собачьи. Свора рванулась вперед, едва не сбив Баркли с ног, и принялась рвать на части неподвижное тело.

Глава шестая

Гэрри окинул взглядом заполненное людьми помещение. Тридцать два человека находились здесь — некоторые в нервном напряжении стояли возле стен, некоторые сидели. Еще пятеро были заняты зашиванием ран у пострадавших собак. Тридцать два плюс пять, всего тридцать семь — весь личный состав лагеря.

— Все здесь, — сказал Гэрри. — Начнем. — Он вновь обвел глазами присутствующих. — Все вы уже видели эту тварь в том или ином виде, а потому имеете о ней некоторое представление.

Рука начальника экспедиции протянулась в сторону брезента, прикрывавшего нечто, лежавшее на столе. Теперь из-под брезента не капало, зато оттуда шел острый запах гари.

Люди зашевелились.

— Итог известен, — продолжил Гэрри. — Чарнак уже не сможет водить свору, а это был любимый пес многих из нас. Блэр желал заполучить монстра для исследований. А теперь мы, в свою очередь, желаем знать, что произошло, и убедиться, что монстр мертв. Верно?

Коннант усмехнулся:

— Не хотел бы я просидеть с ним еще одну ночь!

— Блэр! — Гэрри повернулся к маленькому биологу. — Что ты можешь сказать по поводу случившегося? Что это было?

Блэр некоторое время смотрел на брезент.

— Была ли это его настоящая форма — вот вопрос! — сказал он наконец. — Возможно, оно имитировало внешний вид тех, кто построил корабль. — Глаза биолога оторвались от брезента. — А случилось, на мой взгляд, вот что... Придя в себя, это существо обнаружило, что Антарктика все так же заморожена, как много лет назад, когда оно впервые ее увидело. Пока оно размораживалось, я срезал и исследовал его ткани. Исследования показали, что оно с планеты более теплой, чем наша Земля, и, стало быть, в его естественной форме не способно переносить здешние температуры. Наилучший выход для него был — стать собакой. Почти та же масса тела, а теплая шерсть спасает от немедленного замерзания. Найдя собак, оно сразу же сделало правильный вывод

и каким-то образом добралось до Чарнака. Другие собаки почувствовали незнакомый запах или услышали странные звуки – не знаю уж, что там было... В любом случае они взбесились, порвали цепи и набросились на гуманоида до того, как он успел полностью превратиться в собаку. То, что мы нашли, было наполовину Чарнаком, наполовину тем существом, которое размораживалось.

– Получается, перед нами оборотень, – недовольно проворчал Гэрри. – Это объяснимо?

– Конечно, – сказал биолог. – Каждое живое существо состоит из протоплазмы и мельчайших частиц, так называемых ядер, которые контролируют протоплазму. Это создание устроено по тому же самому принципу. Единственная разница состоит в том, что по желанию этой твари ядра могут изменять ее клетки. Сожрав Чарнака, она изучила его строение и приказала своим клеткам принять форму его клеток. На полную трансформацию не хватило времени, но кое-какие органы уже изменились. – Блэр откинул край брезента и продемонстрировал полярникам покрытую серой шерстью собачью лапу. – Я исследовал и эту ткань. Здесь даже ядра клеток имитируют ядра собачьих клеток. Во всяком случае, под микроскопом заметить разницу невозможно.

– А если бы у нее оказалось достаточно времени? – сказал Норрис.

– Тогда бы она просто превратилась в собаку. Другие собаки приняли бы ее за свою, а мы бы и подавно не отличили настоящего Чарнака от его копии. Я думаю, что их вообще невозможно было бы отличить с помощью земных методов исследования. Перед нами представитель в высшей степени развитой цивилизации, которая изучила и заставила работать на себя неизвестные нам законы природы.

– Что же эта тварь собиралась делать? – Баркли взглянул на прикрытое брезентом существо.

Блэр горько усмехнулся. Ореол волос вокруг его головы всколыхнулся.

– Полагаю, захватить мир.

– Захватить мир? – выдохнул Коннант. – То есть стать единовластным диктатором?

— Нет. — Блэр покачал головой.

Скальпель, который он крутил в руках, упал. Биолог наклонился, чтобы поднять инструмент, так что, когда он произнес следующую фразу, его лица не было видно.

— Оно бы просто заселило Землю.

— Заселило Землю?! — Коннант опешил. — Оно что, размножается почкованием?

Блэр выпрямился, вновь покачал головой и сглотнул:

— А ему и не нужно размножаться. Оно весит около сорока килограммов. Чарнак весил примерно столько же. Тварь сожрала сорок килограммов Чарнака и превратилась в него. Таким образом, осталось еще сорок килограммов для трансформации в Джека, например, или Чинука. Она может имитировать любое живое существо. Если бы она достигла побережья, она бы стала тюленем, потом двумя тюленями, и так далее. Она бы могла напасть на кита и стать китом. Она могла бы повстречать альбатроса или какую-нибудь другую морскую птицу и улететь в Южную Америку.

Норрис выругался:

— И каждый раз, съев кого-либо, она превращается в собственную жертву?

— Тем не менее у нее должно оставаться что-то свое, чтобы начинать все сначала. — Блэр отложил скальпель. — В среде животных она непобедима. У нее нет естественных врагов, потому что она превращается во все, во что захочет.

— А ты уверен, что эта тварь мертва? — осторожно поинтересовался доктор Коппер.

— Слава Богу! — прошептал маленький биолог. — Отогнав собак, мы с Баркли обрабатывали ее электричеством в течение пяти минут. Практически мы приготовили из нее жаркое. Она мертва, как сибирский мамонт.

— Нам остается только радоваться, что она попала в Антарктику, а не в тропический пояс, — заметил Коппер. — Здесь не оказалось нужных форм жизни, и температура была слишком низка. Да и сейчас немного изменилось. Мы здесь единственные живые существа, в кого можно трансформироваться.

— Да уж, — усмехнулся Блэр. — Это был бы полный триумф. Собаки не смогут преодолеть расстояние в четыре сотни миль до океана, им не хватит пищи. В это время года сюда не залетают птицы. Так далеко от моря нет пингвинов. — Голос Блэра налился силой. — Тут нет никого, кто бы мог добраться до побережья. Не считая нас! Мы разумны. Только мы в состоянии сделать это. Неужели вам не понятно, что она собирается трансформироваться в одного из нас? Только так она может завладеть самолетом и покорить Землю. — Голос биолога становился все громче и громче. — Она еще не знает этого. У нее еще не было возможности это узнать. Она очень торопилась и приняла форму существа, наиболее близкого ей по размеру. Я разгадал ее логику! Она бы вскоре во всем разобралась и превратилась бы в одного из нас! Но я это предусмотрел! Я остановлю ее! Я уничтожил все средства передвижения! Ни один самолет не сможет взлететь. Ничто и никто не сумеет выбраться отсюда. — Блэр истерично расхохотался, рухнул навзничь и принялся кататься по полу.

Летчик ван Вол направился к двери. Звук его шагов эхом раздавался по коридорам. Доктор Коппер склонился над бившимся в истерике Блэром, затем открыл свой медицинский чемоданчик и достал одноразовый шприц. После укола Блэр быстро затих.

— Надеюсь, он все забудет, когда придет в себя, — сказал Коппер, поднимаясь с коленок.

Мак-Реди помог ему донести биолога до ближайшей койки.

— Все зависит от того, сможем ли мы убедить его, что эта тварь мертва.

Вернулся назад ван Вол, сел, почесывая тяжелую русую бороду.

— Блэр был совершенно прав насчет техники, но не все предусмотрел. Он забыл о тех запасных самолетах, что находились во втором складе. Теперь с ними все в порядке. О них позаботился я.

Гэрри кивнул:

— А как насчет радио?

Доктор Коппер засопел:

— Неужели ты думаешь, что это существо может просочиться по радиоволне? Если связь будет прерва-

на, за нами в течение трех месяцев будет отправлено пять спасательных бригад. Наоборот, нам нужно поддерживать связь в обычном режиме, но молчать о происшествии. Теперь мне интересно было бы знать...

— Подожди-ка! — прервал его Мак-Реди и подозрительно посмотрел на дверь. — Ведь это может быть сродни заразной болезни, а у нас многое испачкано ее кровью...

Коппер покачал головой:

— Блэр кое-что упустил. Эта тварь, видимо, способна имитировать любые жизненные формы, но в любом случае у нее должно быть нечто свое, собственная жизненная структура. Иначе бы она превратилась, например, в собаку и была бы просто собакой и ничем больше. Есть нечто, отличающее ее от настоящей собаки. Отличие можно выявить серными тестами. Поскольку эта тварь из другого мира, ее химия должна коренным образом отличаться от нашей, поэтому несколько ее клеток — к примеру, капля крови — были бы восприняты человеческим или собачьим организмами как вирусы.

— Кровь? — удивился Норрис. — А разве у этого существа есть кровь?

— Конечно, и в этом нет ничего особенного, — ответил Коппер. — Мышцы на девяносто процентов состоят из воды. Кровь отличается от них только тем, что в ней воды на пару процентов больше, а связующих клеток меньше. Это существо точно так же бы истекало кровью.

Блэр вдруг сел на койке и спросил:

— Коппер!.. А где Коннант?

Специалист по космическим лучам подошел к маленькому биологу:

— Я здесь. Чего тебе?

— А это в самом деле ты?.. — Блэр фыркнул и со смехом откинулся на кровать.

Коннант уставился на него непонимающим взглядом:

— Что значит, в самом ли деле это я?

— Ну ты ли это? — с трудом пересиливая смех, произнес Блэр. — Коннант ли ты? Ведь тварь хотела быть человеком, а не собакой...

Глава седьмая

Доктор Коппер поднялся с койки и тщательно вымыл руки. Он делал это без особого шума, но каждый звук эхом отдавался в помещении. Блэр наконец прекратил смеяться. Коппер взглянул на Гэрри и покачал головой:

– Боюсь, он безнадежен. И не думаю, чтобы нам удалось убедить его, что эта тварь мертва.

Норрис неуверенно засмеялся:

– Не думаю, чтобы вам удалось убедить в этом даже меня. Черт бы тебя побрал, Мак-Реди!

– О чем ты? – Гэрри переводил удивленный взгляд с Норриса на метеоролога и обратно.

– О кошмарах, – сказал Норрис. – У Мак-Реди появились кое-какие мысли по поводу тех кошмаров, что снились нам на Второй станции. После того как мы нашли это существо...

– И что?.. – Гэрри ожидающе посмотрел на Мак-Реди.

Ответил ему Норрис, и голос физика звучал резко и сурово:

– А то, что эта тварь не была мертвой! Ее жизненные процессы были сверхъестественно заторможены, но тем не менее она прекрасно осознавала происходящее. И наше появление значило для нее очень много после долгих лет белого безмолвия. Она контролировала наши мысли и сообщила нам в снах, что способна имитировать живые существа.

– Да уж, – усмехнулся Коппер. – Уж на это она ой как способна...

– О Боже! – взорвался Мак-Реди. – Не будь идиотом, док! Меня беспокоит кое-что иное. Во сне она могла читать мысли и чувства и полностью изучить манеру поведения.

– Подумаешь!.. Неужели это беспокоит тебя больше, чем развлечения, которые доставит нам этот сумасшедший?! – Коппер кивнул в сторону спящего Блэра.

Мак-Реди медленно покачал головой:

– Ты не понял, док... Мы знаем, что Коннант это Коннант, поскольку он выглядит, как Коннант. И даже если допустить, что эта тварь способна полностью имитировать внешность, то мы все равно уверены, что это Кон-

нант, поскольку он думает, двигается и ведет себя, как тот человек, которого мы все хорошо знаем. Но другое дело, если эта тварь способна в точности копировать его манеру поведения. Если она скопирует не только тело Коннанта, но и его мысли и чувства... Вы вполне допускаете, что это существо способно принять облик Коннанта, но вас это не слишком волнует. Ведь вы знаете, что она обладает разумом другой, чуждой нам цивилизации и потому не сможет думать, чувствовать, действовать и говорить, как знакомый нам человек. По крайней мере, не сможет делать это так хорошо, чтобы хотя бы на секунду ввести нас в заблуждение...

— У тебя слишком буйная фантазия, Мак-Реди, — сказал Норрис, пристально глядя на метеоролога. — Я уже говорил тебе это и повторю еще раз!

Повар Киннер стоял около Коннанта, потирая шрам на лице. Внезапно он направился через переполненное народом помещение к своей кухне и шумно вытряхнул пепел из кухонной печи.

— Копировать внешние то, на что бы ты хотел быть похожим, мало, — сказал доктор Коппер, как будто размышляя вслух. — Нужно еще понимать его чувства, мысли и реакции. Да, хороший актер, потренировавшись, может симитировать манеру поведения другого человека достаточно хорошо, чтобы одурачить изрядное количество людей. Но ни один актер не способен симитировать другого человека с такой достоверностью, чтобы люди, живущие с этим человеком бок о бок, не отличили оригинал от подделки. Для этого потребовались бы нечеловеческие способности.

— Дьявол! — выругался Норрис. — И ты туда же, док!

Коннант, стоявший возле другой стены, смотрел на них широко открытыми глазами. Он был неестественно бледен. Разговор каким-то образом сгруппировал людей в противоположном конце помещения, и специалист по космическим лучам поневоле оказался в одиночестве.

— Боже мой! — вскричал он. — Да что вы такое городите! Вы ведь говорите сейчас обо мне! Неужели я похож на подопытное животное или какое-нибудь пресмыкающееся, чтобы вы заговорили обо мне в третьем лице?

Мак-Реди поднял голову и взглянул на него:

– Мы прекрасно проводим время, Коннант. Как жаль, что тебя нет с нами. Подпись: все.

– Коннант, – проникновенно сказал доктор Коппер. – Ты ведь понимаешь... Не сердись, но тебя все боятся.

– Боже! – простонал Коннант. – Как бы я хотел, чтобы вы сейчас увидели свои глаза! Перестаньте на меня смотреть так! Что вы, черт возьми, собираетесь делать?!

– У тебя есть какое-нибудь предложение, док? – спокойно спросил Гэрри. – Нынешняя ситуация кажется невероятной.

– Невероятной? – вкрадчиво произнес Коннант. – Всего-то? – И вдруг взорвался: – Тогда подойди ко мне и посмотри на них. Ей-богу, они выглядят, как свора собак там, в туннеле!.. Беннинг, да брось ты этот чертов ледоруб!!!

Металлическое лезвие громко звякнуло об пол – авиационный механик и в самом деле выронил его.

Все вздрогнули. Беннинг тут же нагнулся, поднял ледоруб и продолжил поигрывать им. Глаза механика медленно обежали комнату и вновь остановились на Коннанте. Тот лишь руками развел.

Коппер сел на койку рядом с Блэром. Она громко скрипнула. Из глубины коридора донесся долгий вой собаки – видимо, ей было невыносимо больно. Страдалицу успокаивали участливые голоса собаководов.

– Исследование образцов под микроскопом бесполезно, – сказал доктор. – Блэр прав: прошло слишком много времени, чтобы можно было определить истину. Однако серные тесты попробовать стоит.

– Я уже второй раз слышу про серные тесты, – заметил Гэрри. – Что это такое?

Доктор встал с койки:

– Методика такова. Кролику в течение некоторого времени увеличивающимися дозами переливают человеческую кровь. Затем из его крови делают сыворотку. Потом берут две пробирки. В одну наливают кровь человека, а в другую – кровь любого другого живого существа. Затем в обе пробирки добавляют изготовленную сыворотку и чистую серу. В пробирке, где была кровь человека, будет происходить активная химическая реакция. А там, где кровь коровы или собаки... да

любой другой белковый материал, кроме человеческой крови... никакой реакции не будет. — Коппер устало улынулся. — Такой тест точно докажет, кто есть кто.

— Ты бы еще подсказал, док, где нам взять кролика! — Норрис саркастически ухмыльнулся. — Может, мне в Австралию сгонять? Отловлю для тебя пару голов и назад.

— Да, кроликов у нас, к сожалению, нет. — Коппер не обратил ни малейшего внимания на его сарказм. — Но ведь кролик в данном случае ничем не отличается от других зверей. Я думаю, подойдет любое животное, за исключением человека. Собака, к примеру. Но тест займет несколько дней, а из-за крупных размеров животного потребуется несколько большее количество человеческой крови, чем при опыте с кроликом. Так что кровь должны сдавать двое. Одним буду я, а второй...

— Я подойду? — спросил Гэрри.

— Почему бы и нет? Прямо сейчас и приступим.

— А что мы все это время будем делать с Коннантом? — поинтересовался Киннер. — Я скорее выйду на поверхность и отправлюсь пешком к побережью, чем стану готовить для него пищу.

— Он вполне может оказаться человеком... — начал было Коппер, но его прервал поток ругательств, которым разразился Коннант.

— Я могу оказаться человеком!.. Вы, идиоты! А кем я еще могу быть?

— Гуманоидом, — ядовито сказал Коппер. — А теперь заткнись и слушай!

Коннант изменился в лице и сел.

— До тех пор пока мы не убедимся, что ты человек — а ты прекрасно понимаешь, что у нас есть основания сомневаться в этом, — мы вынуждены тебя изолировать. Ведь если ты нечеловек, ты намного более опасен, чем бедняга Блэр. Впрочем, он представляет собой реальную угрозу и, я полагаю, тоже должен быть заперт. Вполне возможно, что на следующей стадии к нему придет страстное желание убить тебя, собак, а возможно, и всех нас. Придя в себя, он будет убежден, что все мы нелюди, и ничто на свете не переубедит его. Гуманнее дать ему умереть, но мы не можем пойти на это. Мы запрем его, а ты останешься в своей лаборатории. По-мо-

ему, к такой жизни тебе не привыкать. А я займусь изготовлением сыворотки.

Коннант огорченно кивнул:

— Я человек, Коппер. Поторопись со своим тестом.— Его вдруг передернуло.— Как вы на меня смотрели!.. Вам бы стоило увидеть собственные глаза!..

Глава восьмая

Гэрри с тревогой наблюдал за тем, как собаковод Кларк держал за ошейник Аляскина. Коппер взялся за работу. Пес не рвался к сотрудничеству, игла причиняла ему боль, с которой он был уже хорошо знаком. Пять швов стягивали края раны, тянувшейся от холки, почти на полтела. Один из клыков Аляскина был наполовину обломан. Недостающую его часть наверняка можно было найти в плечевой кости существа, что лежало на столе в главном корпусе.

Закончив манипуляции с собакой, доктор проколол вену на левой руке Гэрри и приступил к переливанию.

— Сколько на все это потребуется времени? — спросил Гэрри.

Коппер пожал плечами:

— Если честно, не знаю. Мне знаком общий метод. Я делал подобные опыты на кроликах, но с собаками экспериментировать не приходилось. Они великоваты и не очень подходят для работы. С кроликами работать удобнее. На Большой земле всегда можно купить у поставщиков десяток кроликов с уже перелитой человеческой кровью. Редко кому из ученых приходится заниматься переливанием самостоятельно.

— А зачем эти кролики на Большой земле? — спросил Кларк.

— Их используют в криминологии. К примеру, А говорит, что не убивал Б, а пятна, обнаруженные на его рубашке, — всего лишь кровь зарезанного им цыпленка. Делается тест, после чего А объясняют, что кровь цыпленка наблюдаемой реакции никогда бы не вызвала. А вот кровь человека...

— Понятно, — оборвал его Гэрри. — Меня интересует другое... Что мы будем делать с Коннантом, пока не будут получены результаты? Сейчас ему лучше

всего дать выспаться, но ведь рано или поздно он проснется...

— Баркли и Беннинг уже занимаются дверью космической лаборатории, — мрачно сказал доктор. — Коннант ведет себя по-джентльменски. Я думаю, выражение наших глаз дает ему право желать покоя и одиночества. Если признаться честно, каждый из нас хоть однажды мечтал здесь о покое и одиночестве.

Кларк горько улыбнулся:

— Да, но только не сейчас!

— Блэр, — продолжил Коппер, не обратив никакого внимания на его реплику, — тоже нуждается в покое и запертых дверях. Когда он очнется, у него быстро созреет вполне определенный план. Вы не слышали байки о самом надежном средстве остановить эпидемию среди крупного рогатого скота?

Кларк и Гэрри помотали головами.

— Средство — проще некуда! Нужно уничтожить как заболевших коров, так и всех тех, что были с ними рядом. — Коппер судорожно потер подбородок. — Блэр знает эту историю. Он боится твари, даже в поджаренном виде. И у него наверняка появится четкий ответ на вопрос, как выйти из положения. Проще всего уничтожить всех и вся в этом лагере, прежде чем весной в эти края залетит заблудший альбатрос и подхватит «болезнь».

Губы Гэрри сжались в горькую усмешку.

— Звучит логично. Если дела пойдут еще хуже, это будет единственный выход. Мы можем даже дать друг другу что-то вроде клятвы.

Коппер покачал головой.

— Последний, оставшийся в живых, не будет человеком, — заметил он. — Помимо всего прочего, кому-то придется убивать тех, кто не способен на самоубийство. У нас недостаточно взрывчатки, чтобы решить проблему разом, а деканит здесь не поможет. — Доктор вдруг замер на мгновение. — Кстати, а где гарантия, что даже маленькие кусочки этого существа не способны бороться за свое существование?..

— Раз эта тварь действительно может менять форму тела по собственному желанию, — задумчиво произнес Гэрри, — почему бы ей не обратиться в птицу? Она мо-

жет прочитать о птицах в наших мозгах. А еще проще превратиться в какое-нибудь летающее создание с ее родной планеты.

Коппер снял с пса медицинское оборудование и покачал головой:

– Люди изучали птиц на протяжении веков, стараясь понять, каким образом они летают, и создать махолет. Никому это так и не удалось. Знание общей идеи о структуре крыла, костей или нервной системы ничего не дает. Что же касается летающих созданий с других планет, то вполне возможно, что их птицы не смогли бы летать в земной атмосфере. Это существо могло жить на планете, подобной Марсу, с таким разреженным воздухом, что там вообще не может быть птиц.

В главный корпус вернулся Баркли, таща на плече сварочный кабель.

– Все закончено, док. Из лаборатории космического излучения выбраться без посторонней помощи невозможно. Давайте решать, где разместим Блэра.

Коппер взглянул на Гэрри:

– Биологической лаборатории у нас нет. Где бы его запереть?

Гэрри думал недолго.

– Восточный склад вполне подойдет, – сказал он. – Блэр сможет позаботиться о себе сам или за ним нужно присматривать?

– Это за нами нужно присматривать, – мрачно заметил Коппер. – Блэр будет вполне дееспособен. Поставим ему печь, оставим пару мешков с углем и все необходимое. Там ведь никого не было с прошлой осени.

Гэрри кивнул:

– Что ж, я думаю, это подходящая идея.

Баркли снял с плеча кабель и взглянул на Гэрри:

– Вполне!.. Если его нынешнее бормотание станет громче, он скоро будет петь свои песни снаружи.

– А что он бормочет? – спросил Коппер.

Баркли пожал плечами:

– Я особо не прислушивался. Но, по-моему, этот идиот видел те же сны, что и Норрис, если не больше. Он уснул около твари, когда мы возвращались со Второй станции, помнишь? Норрису еще снилось, будто она ожила, и все прочее. И черт меня подери, если Блэр не

догадался о большем!.. Что это не просто сны... — Баркли побагровел. — Что тварь обладает сильнейшими телепатическими способностями и может не только читать мысли, но и навязывать их. Неужели вы до сих пор не поняли, что это были вовсе не сны?.. Тварь и сейчас влияет на мысли Блэра, навязывает ему идеи, пока он спит. Вот почему мы так много знаем о ее возможностях... Кстати, ты веришь в телепатию?

— Мне приходится в нее верить, — тихо сказал Коппер. — Доктор Райн из Гарвардского университета доказал, что она существует. Просто люди неодинаково чувствительны к ней.

— Думаю, все дело в том, что мы с тобой, док, не столь чувствительны, как Блэр. А если тебя интересуют подробности, пойді послушай, что он там вещает. Из главного корпуса все разбежались. Остался только Киннер, но он гремит сковородами, а в промежутках помешивает угли. — Баркли повернулся к начальнику экспедиции. — И еще вопрос, шеф... Что мы будем делать весной? Все самолеты выведены из строя.

В глазах Гэрри промелькнула тоска.

— Боюсь, что наша экспедиция обречена на провал. Мы и сейчас не можем ничего предпринять.

— Никакого провала не будет и ни на что мы не обречены, — не согласился Коппер. — Главное, чтобы мы были живы и делали все возможное. Эта тварь, если нам удастся взять ее под контроль, очень важна для науки! Да и результаты исследований по космическим лучам, магнитному полю и наблюдениям атмосферы человечеству не помешают.

Гэрри невесело рассмеялся:

— Я имел в виду наши сообщения. Мы упоминаем только о результатах нашей запланированной работы и пытаемся обмануть таких людей, как Бьярд и Элсворф, недоговоренностями.

Коппер мрачно кивнул:

— Они прекрасно понимают, что у нас тут что-то не в порядке. Но они понимают и то, что мы не стали бы так поступать без причины.

— Думаешь, именно поэтому они не отправляют спасательную экспедицию? — спросил Гэрри. — Тогда, если нам когда-нибудь удастся выбраться отсюда, надо бу-

дет попросить Форсайта принять все меры, чтобы сюда никогда не ступила нога человека.

— Ты имеешь в виду, если нам не удастся выбраться? — Баркли усмехнулся. — Неужели ты думаешь, этого можно добиться? Даже если мы передадим по радио грохот землетрясения, это не поможет. Ничто никогда не заставит людей держаться подальше отсюда. — Его улыбка стала мрачной. — А скорее всего получится сцена из плохонького ужастика, куда в живых остается лишь один. Тот, кто сделает все возможное, чтобы его нашли...

Гэрри улыбнулся в ответ:

— И многие в лагере думают так же?

Коппер ответил без улыбки:

— Мы уверены, что можем выиграть.

Кларк наконец успокоил собаку.

— Говоришь, док, уверен?.. — сказал он. — Ну-ну!..

Глава девятая

Блэр нетерпеливо мерил шагами небольшое помещение, бросая задумчивые взгляды на четырех человек, стоявших у двери. Это были Баркли, Мак-Реди, доктор Коппер и авиамеханик Бен-нинг.

Вещи биолога, сваленные в кучу в центре помещения, представляли собой баррикаду, отделившую его от остальной четверки. Бросив очередной взгляд, Блэр вдруг прижался к дальней стене Восточного склада и сжал костлявые кулаки.

— Пусть никто ко мне не приходит, — сказал он нервно. — Я сам буду себе готовить. Киннер, может, пока еще и человек, но я в этом сомневаюсь. Мне не нужна ваша пища. Я буду питаться исключительно консервами.

— Хорошо, Блэр, я принесу их тебе, — пообещал Баркли. — У тебя есть уголь и спички, можешь топить печь. — Он сделал шаг вперед. — А если...

Маленький биолог немедленно отскочил в дальний угол.

— Прочь от меня, монстр! — взвизгнул он и принялся скрести ногтями стену, словно пытался проковырять в ней дыру и выбраться из помещения. — Убирайся отсюда! Я не хочу превратиться в монстра, как ты...

Баркли отошел к двери. Доктор Коппер покачал головой:

— Оставь его в покое, Бар. Ему лучше самому разобраться, что к чему. А нам, полагаю, лучше запереть покрепче двери.

Все четверо покинули склад. Беннинг и Баркли тут же занялись дверью.

В лагере не было замков, поскольку отсутствовали персональные углы и каморки. В замках попросту не было необходимости. Поэтому на дверь поставили два мощных засова и обмотали ее стальным тросом. Потом Баркли прорезал в двери небольшое окно, через которое можно было передавать предметы, не трогая основные запоры. Окно также запиралось на засов. В общем, изнутри открыть дверь и окошко было невозможно.

Блэр нервно ходил по складу, бормоча несусветные ругательства. Потом слышался какой-то шум.

Баркли открыл окошко и заглянул внутрь.

Оказалось, Блэр подвинул к двери тяжелую койку и принялся наваливать на нее всякий складской хлам. Теперь без его помощи дверь невозможно будет открыть и снаружи.

— Я, конечно, не знаю, но у этого человека должны остаться хоть какие-то права? — вздохнул Мак-Реди. — С другой стороны, если он погибнет, то всему виной будет его явное намерение убить других людей. Нам хватит и одного врага с этой стороны двери. И тем не менее, если кто-то из нас погибнет, я вернусь и сломаю все эти запоры.

Баркли усмехнулся:

— Скажешь мне, а я покажу, как разобрать эту конструкцию побыстрее. Ну что, пора возвращаться?

Все четверо тронулись в обратный путь к главному корпусу, находящемуся в трех километрах от Восточного склада.

Лыжи со скрипом катили по снегу, похожему на мелкий твердый песок. Северный горизонт играл всеми цветами радуги. Контуры заснеженных холмов резко очерчивались на его фоне.

— Скоро весна, — горько сказал Беннинг, когда четверка подкатила к дверям главного корпуса. — Разве это не здорово! Я уже давно мечтаю выбраться из этой чертовой норы во льду.

– На твоём месте я бы не пытался делать это сейчас, – отозвался Баркли. – В ближайшие дни всякий, кто пожелает убраться отсюда, вызовет у остальных величайшие подозрения.

– Как там твоя собака, Коппер? – спросил Мак-Реди. – Есть результаты?

– Уж больно ты скор!.. Я перелил ей кровь сегодня. Думаю, потребуется ещё дней пять. Если прервать эксперимент раньше, результаты могут оказаться недостоверными.

– А интересно, – сказал задумчиво Мак-Реди, – если бы Коннант был не Коннант, предупредил бы он нас сразу? Не подождал бы, пока тварь полностью перевоплотится? Пока она полностью придет в себя!

– Эта тварь чрезвычайно живуча, – заявил доктор. – Я думаю, каждая ее частица – цельный живой организм. Допустим, Коннант перестал быть Коннантом. Допустим, эта тварь превратилась в него, чтобы спасти свою шкуру. Но ведь чувства Коннанта не изменились, они полностью имитируются этим созданием. А значит, тварь, имитируя чувства Коннанта, вела бы себя точно так, как вел бы себя и Коннант. Имитацию невозможно разоблачить.

Баркли обдумал этот вывод и кивнул. Потом подумал еще немного и спросил:

– Скажи-ка, док, не могли бы Норрис или Вэйн подвергнуть Коннанта... как бы правильнее выразиться?... тесту на знания, что ли? Ведь если тварь разумнее человека, она может знать о физике больше, чем Коннант. На этом ее можно было бы поймать.

Коппер покачал головой:

– Нет, если она действительно читает мысли, ты не сможешь приготовить ей ловушку. Вэйн говорил об этом вчера. Он мечтал, чтобы она ответила на пару вопросов по физике, на которые ему очень хотелось бы знать ответы.

– Возможно, делу поможет идея быть на виду друг у друга? – Беннинг посмотрел на компаньонов. – Каждый из нас следит за другими, не делают ли они чего-нибудь необычного! Каждый наблюдает за соседом, изображая искреннее доверие.

– По-моему, я начинаю понимать, что именно Коннант имел в виду, когда говорил, что нам бы стоило уви-

деть собственные глаза!.. — Коппер задумчиво уставился в пространство. — Каждый из нас хотя бы однажды думал, нет ли рядом с ним монстров. Между прочим, я не исключаю и себя.

— Итак, — подытожил Мак-Реди, — тварь вроде бы мертва. И никто, кроме Коннанта, больше не попадает под подозрение. А договоренность все время быть на виду друг у друга — всего лишь мера предосторожности.

— Видимо, так! — Баркли вздохнул. — Докладываем Гэрри и ложимся спать. — Он вздохнул еще раз. — Я все время считал, что у меня нет возможности уединиться. Но теперь, после этой договоренности...

Глава десятая

Душа Коннанта, смотревшего на биологический материал, была переполнена ожиданием приговора. Маленькая стеклянная пробирка, наполовину наполненная желтоватой сывороткой, которую доктор Коппер приготовил из крови пса, — жизнь или смерть?..

Ждать оставалось недолго. К содержимому пробирки добавили кровь Коннанта и серу, осторожно взболтали, затем опустили в термостат с теплой водой. Термометр показал температуру, чуть слышно щелкнуло реле, и загорелась сигнальная лампочка. Все смотрели на нее затаив дыхание. Вскоре лампочка погасла. Коппер вытащил пробирку из термостата. В желтоватой жидкости плавали маленькие белые хлопья.

— Бо-о-оже! — Коннант тяжело плюхнулся на койку и разрыдался как ребенок. — Шесть дней...

Шесть дней в ожидании, не совет ли этот чертов тест!

Гэрри тихо подошел к врачу и положил ему руку на плечо.

— Тест не может соврать, — сказал Коппер. — Кровь среагировала на серу.

— Он человек! — выдохнул Норрис. — А эта тварь мертва!

— Он человек, — эхом отозвался Коппер. — И эта тварь мертва.

Киннер вскочил со стула и разразился истерическим смехом. Мак-Реди повернулся к нему и пару раз ударил

по щекам. Повар расплакался, потом вновь расхохотался. И наконец сел, растирая щеки и бормоча:

– Боже! Как же мне было... Как мне было страшно... Как...

Норрис горько усмехнулся:

– Думаешь, нам страшно не было?! Думаешь, Коннант не был напуган?!

Главный корпус наполнился радостью и возрождением. Мрачные, настороженные лица расцвели веселыми и дружелюбными улыбками. Люди собрались вокруг Коннанта, хлопали его по спине. Сам Коннант беспрерывно говорил что-то неестественно громким голосом.

– Блэр! – вспомнил Беннинг, и дюжина людей рванула за лыжами.

Доктор Коппер все еще суетился над пробирками, в нервном возбуждении проверяя результаты. В коридоре с грохотом упали чьи-то лыжи. Подняли радостный лай собаки.

А потом Коппер замер. Мак-Реди был первым, кто заметил это: врач держал в руках две пробирки с белыми хлопьями. Затем он поднял голову, из его широко открытых глаз выкатились маленькие слезинки.

Мак-Реди почувствовал, как холодный нож страха пронзил его сердце.

– Гэрри, – хрипло позвал Коппер. – Гэрри, ради Бога, иди сюда.

Начальник экспедиции закрыл дверь в коридор и подошел. В лазарете воцарилась тишина. Шум в коридоре пролетал мимо сознания присутствующих.

– Гэрри, кровь монстра тоже вступает в реакцию, – прошептал доктор. – Так что опыт ничего не доказывает. Ничего, кроме того, что один из принимавших участие в переливании – монстр. Один из нас с тобой, Гэрри!

Глава одиннадцатая

– Бар, позови людей, – спокойно сказал Мак-Реди. – У Блэра им пока нечего делать.

Баркли вышел в коридор. Вскоре стало тихо и там.

— Они идут, — сказал Баркли, вернувшись в лазарет. — Я не стал ничего объяснять, просто сказал, что доктор Коппер просил не ходить к Блэру.

— Мак-Реди, — вздохнул Гэрри. — С этого момента командуешь ты. Да поможет тебе Бог!

Бронзовый гигант медленно кивнул.

— Я знаю, что я не имитация, — продолжил Гэрри, — но не могу это доказать. Тест Коппера бесполезен. Но тот факт, что док сообщил нам об этой бесполезности, может служить доказательством тому, что сам док — человек. В интересах монстра было не разглашать этого.

Коппер сидел на кровати и тупо качался из стороны в сторону.

— Я и без тебя знаю, что я человек, — сказал он. — Но я также не могу привести доказательства. Один из нас должен быть монстром. Я сообщил о бесполезности теста, и это доказывает, что я человек. Но Гэрри самолично доказывает, что я человек, чего он, будучи монстром, не стал бы делать. Замкнутый круг! — Коппер вдруг завалился на ближайшую койку, взорвавшись приступом смеха. — Нет смысла выяснять, кто из нас нечеловек. Люди мы или имитации — все равно, ничего не меняется. Все мы уже перестали быть людьми. И Коннант, и Гэрри, и я — все мы!

— Мак-Реди, — мягко позвал ван Вол, — ты ведь почти имел степень доктора медицины, когда решил заняться метеорологией.

Мак-Реди открыл шкафчик, достал шприц и наполнил его из какой-то ампулы. Гэрри сидел на краю второй койки с деревянным лицом. Мак-Реди воткнул иглу в бедро Коппера, сделал инъекцию и бросил шприц в урну. Смех медленно перешел в рыдания, а затем и вовсе затих. Коппер расслабился и засопел.

Мак-Реди поправил подушку и повернулся к присутствующим. Группа, собиравшаяся к Блэру, стояла в дверях лазарета. Их лица были белее снега. У Коннанта в обеих руках торчало по зажженной сигарете. Ту, что была в правой, он курил, тупо уставясь в пол. Сигарета в левой дотлела до конца. Тупой взгляд специалиста по космическим лучам переполз с пола на нее и слегка прояснился. Окурочек полетел на пол и тут же был растерт каблуком.

– Доктор Коппер кругом прав, – сказал Мак-Реди. – Я тоже знаю, что я человек, но тоже не могу этого доказать. – Он подошел к термостату. – Я повторю тест лично для себя. Каждый из вас, если захочет, может сделать то же самое.

Две минуты спустя Мак-Реди держал в руках пробирку с белыми хлопьями.

– Она реагирует на мою кровь так же. Значит, из пары Гэрри и Коппер кто-то является человеком.

– А я в этом и не сомневался, – сказал ван Вол. – Если бы они оба были нечеловеками, это бы не устроило монстра. Ведь мы бы сразу уничтожили их, если бы узнали точно. Кстати, почему, вы думаете, монстр не уничтожил нас? Это, кажется, промах с его стороны.

Мак-Реди фыркнул:

– Элементарно, Ватсон!.. Монстр заинтересован в том, чтобы иметь в наличии доступные жизненные формы. Вероятно, он не может имитировать мертвых. Он выжидает, когда наступит благоприятная возможность. Тех, кто еще остался людьми, он всего лишь держит про запас.

Киннер вздрогнул:

– А ну-ка. Мак, проверь, не монстр ли я. – Лицо его скривилось. – Боже, как я узнаю, перевоплотился ли в меня монстр или нет?

– Ты-то узнаешь, – ответил Мак-Реди.

– Но мы-то нет! – Норрис рассмеялся, и от его смеха пахло истерикой.

Мак-Реди посмотрел на оставшуюся в пузырьке сыворотку.

– Это не самое страшное, – задумчиво сказал он. – Кларк, не могли бы вы с Ваном помочь мне? Идем к животным! Все остальные ждите нас в столовой. Следите друг за другом. – В его голосе послышалась горечь. – И смотрите, чтобы вас не обманули!

В коридоре Кларк спросил:

– Ты решил сделать новую сыворотку?

Мак-Реди покачал головой:

– Я решил проверить старую. Там у нас четыре коровы, бык и семь собак. Сыворотка реагирует только на кровь человека и монстра.

Глава двенадцатая

Вернувшись в лазарет, Мак-Реди молча подошел к умывальнику. Ван Вол и Кларк вошли минутой позже. Губы Кларка задрожали, и он неожиданно чихнул.

— Перестань распространять заразу! — внезапно взорвался Коннант.

Кларк фыркнул и начал икать.

— Заразу!.. Вся зараза уже и так распространилась!

— Этот монстр, — спокойно сказал ван Вол, — действует очень логично. Больше тесты мы делать не будем.

— Разве нельзя использовать для сыворотки кровь других собак? — спросил Норрис.

— Собак больше нет, — мягко сказал Мак-Реди. — И скота тоже.

— Как нет собак? — Беннинг медленно опустился на пол.

— В момент смены обличья они выглядят отвратительно, — сказал ван Вол, — но превращаются довольно быстро. Хорошо, у Кларка отличная реакция — он ловко поджарил их! Осталась только одна собака — та, которую мы привили. Монстр оставил ее, чтобы мы могли поиграть в наш маленький тестик. Все понятно? — Он тоже принялся мыть руки.

Киннер сглотнул:

— Скот тоже?

— Да. — Ван Вол взялся за полотенце. — Они чудесно выглядят, когда начинают плавиться! Бесформенная склизкая масса... Из собачьих цепей монстр быстро скрыться не мог: сначала ему надо было перестать быть собакой.

Киннер медленно поднялся и так же медленно, шаг за шагом, направился к двери, глотая ртом воздух, словно вытащенная из воды рыба.

— Молоко, — прошептал он. — Я доил их час назад! — Его голос сорвался на визг.

Шаги Киннера прогремели по коридору, а потом все почувствовали, как в помещение ворвался поток морозного воздуха: повар выскочил наружу без верхней одежды.

Ван Вол задумчиво посмотрел ему вслед.

— Киннер что, совсем рехнулся? — сказал он через некоторое время. — Или он просто спасающийся монстр? Даже лыж не взял! Кларк, поможешь мне догнать его? И возьми-ка на всякий случай водородную лампу.

Их стремительные приготовления немного разрядили обстановку. Но потом остальные почувствовали себя совсем плохо. Норрис, позеленев лицом, лежал на свободной койке, глядя в потолок.

— Мак, как долго коровы были некоровами? — спросил он вдруг.

Мак-Реди безнадежно пожал плечами. Потом подошел к молочному контейнеру, набрал в пробирку молока, добавил сыворотки и серы. Жидкость закружилась. Мак-Реди некоторое время следил за ее поведением, потом поставил пробирку в штатив и покачал головой:

— Реакция негативная. Возможны два объяснения. Во-первых, когда брали молоко, коровы были еще коровами. А во-вторых, монстры, будучи полнейшими копиями оригиналов, способны давать молоко, ничем не отличающееся от натурального.

Коппер во сне дернулся, издал какой-то звук — нечто среднее между стоном и смехом. Все посмотрели на него.

— А на монстра успокоительное подействовало бы? — спросил кто-то.

— Черт его знает! — Мак-Реди пожал плечами. — Оно действует на любое земное существо.

Коннант неожиданно поднял голову:

— Мак! Собаки были в том месте, где обитал монстр. Я был заперт. Это не доказывает...

Ван Вол покачал головой:

— Извини! Это ничего не доказывает о том, кто ты такой. Доказывает лишь, чего ты не делал.

— Ничего это не доказывает, — вздохнул Мак-Реди. — Мы беспомощны, потому что мало знаем. Мы сильно возбуждены, раздражены и поэтому не можем принять верное решение. Ты когда-нибудь видел белое кровяное тельце, проходящее через стенку кровеносного сосуда? Я раньше тоже не видел. А теперь вот увидел.

— Боже, — несчастным голосом сказал ван Вол. — Оно ведь могло просто расплавиться! Стать желеподобной массой и протечь под дверь, чтобы за ней опять превратиться в корову...

— Если выстрелить этой твари в сердце, — сказал Мак-Реди, — она не умрет. Это единственный метод опознания, который я смог придумать.

Глава тринадцатая

Стоявший у кухонной печи Кларк повернулся и взглянул на вошедших ван Вола, Баркли, Мак-Реди и Беннинга. Остальные сгруппировались тут же, в столовой, продолжая делать то, что делали в былые, спокойные времена. Кто-то играл в шахматы, кто-то – в покер, кто-то перелистывал страницы зачитанной книги. Ралсен возился с санями, Вэйн и Норрис склонились над диаграммами магнитуд, а Харви низким басом диктовал им табличные данные. Гэрри и Даттон разбирались с радиogramмами. Коннант занял часть стола материалами по космическому излучению. В углу на притащенной из лазарета койке тихонько посапывал доктор Коппер – его не рискнули оставить без присмотра.

Киннера отделяли от столовой две закрытые двери, но голос повара слышался очень и очень неплохо. Наконец Кларк с грохотом поставил чайник на печь и тихонько позвал Мак-Реди. Тот подошел.

– Я ничего не имею против того, чтобы выполнять обязанности повара, – нервно проговорил Кларк. – Но неужели нет никакого способа заткнуть этому горластому петуху глотку? Может, будет безопаснее перевести его в космическую лабораторию?

– Ты о Киннере? – Мак-Реди кивнул на дверь. – Боюсь, не стоит. Я считаю, у него просто истерика. Он не сходит с ума.

– Зато мы скоро свихнемся. Вас не было полтора часа. И все это время концерт продолжался, да плюс два часа до вашего ухода. Есть же предел!

Гэрри отошел от стола и принялся ходить из угла в угол. На секунду Мак-Реди поймал в глазах новоиспеченного повара выражение ужаса. Он знал, что такое же выражение сейчас и у него самого. Гэрри вполне мог быть монстром. Как и Коппер... И никуда от этого не деться!

Гэрри еще раз прошелся туда-сюда и остановился.

– Мак, – сказал он, – если бы ты смог прекратить эти вопли, было бы неплохо. Обстановка и так накалена. И постарайся, ради Бога, отыскать новый способ выявления!

Мак-Реди вздохнул:

– Блэр забаррикадировал дверь, теперь ее не открыть. Говорит, у него достаточно еды. При нашем появлении заорал: «Убирайтесь, монстры!» – Мак-Реди устало опустился на стул. – А потом сказал, что скоро придут люди и спасут его. Ну, мы постояли, послушали и убрались.

– Мак, неужели нет никакого другого способа? – умоляюще спросил Гэрри.

Мак-Реди пожал плечами:

– Коппер абсолютно прав. Серный тест нам не помощник.

– А химия? Химические тесты?

Мак-Реди покачал головой:

– Наша химия не настолько развита. Я попробовал воспользоваться микроскопом. Тебе не говорили?

Гэрри кивнул:

– Да, собака-монстр и настоящий пес оказались абсолютно идентичны. Тем не менее исследования нужно продолжать. Что будем делать после ужина?

– Спать посменно, – сказал незаметно подошедший ван Вол. – Половина спит, половина бодрствует. – Он сел за стол – Интересно, сколько среди нас мутантов? Тварь могла уже поглотить всех, кроме меня. – Глаза ван Вола вспыхнули. – Нет, это невозможно! Тогда бы и я уже перестал быть человеком. Людей пока должно быть больше, чем монстров. И это странно... Почему она не захватила всех? Почему не воюет с нами?

Мак-Реди коротко рассмеялся:

– А зачем?! Тварь ни с кем не воюет. И не думаю, чтобы она когда-либо с кем-либо воевала. Это чрезвычайно мирное создание. Зачем ей сражаться – она и так всегда достигнет того, чего захочет!

Ван Вол-тоже усмехнулся:

– Можно подумать, ты считаешь, что большинство уже стали монстрами! И теперь ждут не дождутся, когда я, последний человек, вынужден буду поддаться усталости и уснуть. – Усмешка на его лице погасла. – Ты обратил внимание на их глаза, когда они смотрят на нас?

Мак-Реди промолчал. Зато отозвался Гэрри:

– Я видел эти взгляды все время, пока вас не было. Они следили за мной и Коппером, словно ждали, что сейчас кто-то из нас начнет превращаться в монстра.

К столу подошел Кларк:

– Так ты заткнешь этого идиота или нет? Или пусть вопит хотя бы на тон ниже.

– Все еще молится? – спросил Мак-Реди.

– Молится, – вздохнул Кларк. – Я, честно говоря, ничего не имею против, если это действительно ему помогает, но можно ведь и потише. Или он думает, что Бог не услышит его отсюда.

– Может, Киннер прав, и Бог действительно не слышит нас отсюда. Иначе он бы непременно избавил нас от этого порождения дьявола.

– Да, – хмуро сказал Кларк. – И я не удивлюсь, если кто-нибудь попробует твой новый способ. Пулю в сердце... Правда, не менее эффективным показателем стал бы и нож в глаз.

Мак-Реди некоторое время смотрел на него. Потом встал:

– Ладно, ужинайте без меня. Я посмотрю, что еще можно сделать. – Он отправился в лазарет.

Баркли и ван Вол двинулись следом – теперь в лагере никто никогда не ходил поодиночке.

Медикаменты находились в трех больших шкафах, два из которых были заперты на замки. Пришлось вернуться в столовую и отыскать в кармане врача ключи. Потом Мак-Реди занялся содержимым шкафов.

Коппер был скрупулезным человеком, знавшим свою профессию глубоко и основательно. А Мак-Реди уже двенадцать лет занимался метеорологией. Большинство медикаментов были ему незнакомы, многие он попросту забыл.

– Где-то должен быть справочник, – сказал метеоролог своим спутникам.

Справочник оказался в столе.

Открыв его, Мак-Реди принялся разбираться с содержимым шкафов. Доставал очередной пузырек, читал название, искал по справочнику информацию, отставлял пузырек в сторону. Потом все повторялось.

Через час он сдался:

– Пустая трата времени... Идемте ужинать.

Они вернулись в столовую.

Карты, шахматы, таблицы и диаграммы были отложены в сторону. Звенела посуда. Люди сидели за стола-

ми и равнодушно работали вилками. Кларк накладывал еду. Сорванный голос Киннера исполнял очередной гимн.

Когда Мак-Реди возник на пороге, никто не произнес ни слова. Все просто подняли на него вопросительные взгляды, не переставая методично жевать.

Мак-Реди внезапно почувствовал тяжесть в теле. Глядя в пространство, покачал головой.

Ответом был общий разочарованный вздох.

Ван Вол сел за стол и выругался:

– С ума можно сойти от этих завываний! Скорей бы он сорвал голос...

– У него железная глотка, – злорадно заявил Норрис. – Он способен заменить собой целый духовой оркестр. А потом заткнется и скажет, что он нам друг.

Норрису никто не ответил. Все опять занялись едой и минут двадцать не произносили ни слова.

А потом взорвался Коннант:

– Вы как кучка зарытых в землю покойников! – яростно заорал он. – Если бы не ваши глаза, можно было бы подумать, что вы уже умерли! Неужели никому ничего не приходит в голову?! – Коннант вдруг обмяк, словно из него выпустили воздух. – Послушай, Мак, ты теперь главный. Давайте посмотрим видик. Мы оставляли эти кассеты напоследок. Напоследок чего? Может, завтра их и смотреть будет некому! А так хоть отвлечемся друг от друга.

И словно прорвало плотину.

– Здравая мысль, Коннант!

– Там у нас вроде мультики оставались...

– Надо что-то изменить. Хоть таким образом!

– Мы прокрутим все мультфильмы, что у нас есть, – сказал Мак-Реди. – Никто не против старых мультфильмов?

– Годится. Я как раз в подходящем настроении!

Мак-Реди повернулся, чтобы посмотреть, кто это сказал.

На него угрюмо смотрел Колдуэл, тощий костлявый тип из Новой Англии.

Бронзовому гиганту пришлось улыбнуться:

– Хорошо, Барт. Ты прав. Может, мы и не в настроении для Тома и Джерри или дяди Скруджа. Но это хоть что-то...

– Лучше поиграть в слова, – сказал Колдуэл. – Разлиновать лист бумаги и надписать графы. К примеру, живые существа. Одно на «ч», другое тоже на «ч». К примеру, человек и чудовище. Я думаю, это будет поинтереснее. – Он раскурил трубку. – Слова – это то, что нам сейчас нужно. И намного больше, чем фильмы. Есть у кого карандаш, чтобы отделить человека от чудовища?

– За карандашом я уже бегу, – спокойно ответил Мак-Реди. – Но у нас тут три типа живых существ. И третий тоже начинается на «ч».

– Чокнутые, ты имеешь в виду? – Колдуэл медленно поднялся. – Ладно, хватит!.. Кларк, давай-ка я помогу тебе с посудой.

Даттон, Баркли и Беннинг принесли кассеты. Остальные очистили столы и вымыли посуду. Мак-Реди медленно подошел к ван Волу.

– Интересно, Ван, – сказал он с хитрой усмешкой, – стоит ли молчать о пришедших на ум идеях? Я забыл, что чудовище, как это назвал Колдуэл, способно читать мысли. У меня мелькнула одна идея. Я думаю, есть выход. Правда, я еще не до конца его обдумал. Смотрите пока мультики, а я немного поразмыслю.

Ван Вол внимательно посмотрел ему в глаза:

– Я думаю, тебе лучше сказать, что ты там придумал. Ведь только монстры знают, что ты планируешь. К тому же ты и сам можешь стать монстром – прежде чем успеешь воплотить в жизнь свою идею.

– Если мысль верна, много времени не понадобится.

Даттон запустил видеомагнитофон, и на экране телевизора появились известные всему миру кот и мышонок.

Выключили свет. Вопли Киннера заглушали звуковое сопровождение, но Даттон увеличил громкость, и крики повара стали почти не слышны. Все наконец с облегчением вздохнули.

Мак-Реди сел к телевизору боком и погрузился в размышления, почти не замечая окружающих. Он снова и снова обдумывал ситуацию, пока не заметил, что вокруг что-то изменилось. Оторвался от размышлений, огляделся.

Все следили за происходящим на экране и вели себя совершенно спокойно. Джерри в очередной раз оставил Тома с носом, вызвав смешки зрителей.

И тут Мак-Реди осенило, что надоедливый голос Киннера уже не прорывается сквозь звуковое сопровождение.

– Даттон, выключи звук! – Мак-Реди резко встал со стула.

Странное ощущение обреченности и безысходности повисло в обрушившейся на столовую тишине. Лишь поднявшийся снаружи ветер меланхолично завывал в печной трубе.

– Киннер замолчал, – сказал Мак-Реди.

– Так какого черта тогда выключили звук! – отозвался Норрис. – И слава Богу, что замолчал! Может, захотел послушать мультик....

Мак-Реди молча шагнул к двери. Баркли и ван Вол тут же последовали за ним. Едва они вышли, Даттон остановил видеоманитофон и включил свет.

Все тут же принялись с подозрением рассматривать друг друга – ужас, загнанный диснеевскими героями в глубины души, вновь возвращался к людям. Коннант медленно встал и так же медленно принялся бродить туда-сюда по столовой.

– Коннант! – не выдержал Кларк. – Прекрати мотаться, как маятник, черт тебя возьми!

– Извини! – Специалист по космическим лучам сел и принялся внимательно изучать кончики своих ботинок.

Прошло около пяти минут, показавшихся полярникам пятью веками, и Мак-Реди наконец показался в дверях.

– Мы пережили еще не все беды, друзья, – объявил он. – Кто-то пытался нам помочь. Киннеру всадили нож в горло, потому он и прекратил свои молитвы. Теперь у нас целых четыре «ч»: человек, чудовище, чокнутый и человекоубийца. Какие еще «ч» вы можете придумать, Колдуэл? Если они существуют, то не заставят себя долго ждать.

Глава четырнадцатая

– Может быть, Блэр освободился? – спросил кто-то.

– Нет, иначе бы он непременно приперся сюда, – сказал Мак-Реди. – Если у вас есть какие-то сомнения, откуда взялся незванный помощник, то это, возможно, вам

подскажет.— Метеоролог держал в руках кухонный нож около тридцати сантиметров длиной с обернутым в тряпку лезвием и обгорелой ручкой.

Кларк, раскрыв рот, уставился на орудие убийства: — Я положил его на печь сегодня днем и забыл.

Ван Вол кивнул:

— Да, я еще понюхал его, если ты помнишь.

— Интересно! — сказал Беннинг.— Кто-то из нас сумел соскользнуть со своего места, подойти к плите, взять нож и незаметно сбегать в космическую лабораторию.— Он с опаской оглядел присутствующих.— И так же незаметно вернуться, поскольку все здесь...

— Думаю, это мог сделать только монстр, — предположил Гэрри.

— Вряд ли, — не согласился ван Вол.— Зачем монстру уменьшать «запас тел»?

— Еще одним человеком меньше, — вздохнул Норрис.— Может, теперь силы людей и нелюдей уравнились?

— Это равновесие не имеет значения! — Мак-Реди повернулся к Баркли.— Надо убедиться наверняка... Бар, не возьмешь ли ты свою огненную пушку?

Баркли в сопровождении Мак-Реди и ван Вола пошел за водородной лампой, а потом в космическую лабораторию. Киннер лежал на полу окровавленной тушей.

Вдруг тело зашевелилось, голова начала округляться, руки покрылись странным чешуйчатым мехом. Пальцы укоротились, а ногти вытянулись на несколько сантиметров и превратились в стальные и острые как бритва когти. Ставшие лапами руки начали подниматься.

— Бар!!! — закричал Мак-Реди.

И струя огня ударила в бывшего Киннера. Когда на крик прибежали остальные, все уже закончилось. Мак-Реди поднял голову, посмотрел на нож, который до сих пор держал в руках, и выронил его.

— Что ж, — сказал он.— Теперь убийца может признаться, поскольку убил он не человека. Когда мы прибежали, на полу лежал совершенно безжизненный человеческий труп. Но когда это существо поняло, что мы собираемся его сжечь, оно стало меняться.

Норрис уставился на обугленного гуманоида:

– И все-таки Бог услышал... Оно сидело тут часами, молясь богам, которых ненавидело. Оно пело гимны веры, которую никогда не знало...

– Ладно-ладно, – оборвал его Мак-Реди и повернулся к остальным. – Признавайтесь! Мне неизвестно, кто это сделал, но он оказал нам неоценимую услугу. И я хочу знать, как ему удалось выбраться из столовой так, чтобы никто не заметил. Это может нам помочь.

– Его вопли не мог заглушить даже звук телевизора, – пожал плечами Кларк. – Он был монстром.

– Ага, – сказал ван Вол, внезапно все поняв. – Ты же сидел около двери!

Кларк кивнул:

– А когда мыли посуду, прихватил нож! – Он вновь глянул на останки. – Нет, Мак, твой тест ни к черту не годится. Что толку, если испытуемый – будь он хоть человек, хоть монстр – в любом случае превращается в покойника.

Мак-Реди слегка усмехнулся:

– Друзья, перед вами единственный, о ком со стопроцентной уверенностью можно сказать, что он человек. Кларк доказал, что он человек, совершив убийство, которое не удалось. Только, ради Бога, пусть остальные воздержатся от подобного доказательства. Я думаю, у нас есть другой способ определить – кто есть кто.

– Правда? – вскинулся Коннант, но лицо его тут же разочарованно перекопилось. – Я думаю, это еще один способ, от которого не будет толку.

– Будет, – спокойно сказал Мак-Реди. – Но все должны быть внимательны и осторожны. Идемте назад. – Метеоролог на секунду задумался. – Баркли, принеси свой электрошокер. Даттон, ты будешь следить за Баркли. Все остальные, смотрите друг за другом! Монстры наверняка знают, что я кое-что им приготовил, и скоро станут опасны.

Полярники сразу насторожились. Душу каждого поглотило чувство всеразрушающей угрозы, и с этой минуты никто не оставался без присмотра со стороны соседа.

– Что ты придумал? – спросил Гэрри, когда они вернулись в столовую. – И сколько на это потребуется времени?

– Немного, – ответил Мак-Реди со злой решимостью. – И я уверен, что способ сработает. Он построен на основном качестве монстра и абсолютно не зависит от нашей воли. Случай с Киннером убедил меня окончательно. – Метеоролог снова выглядел бронзовой статуей и снова был уверен в себе.

– Генератор в порядке? – спросил Баркли, поигрывая в руках приспособлением, конец которого венчали два оголенных провода.

Даттон кивнул:

– В полном!.. Все, до чего ты дотронешься этой игрушкой, обречено на гибель. Уж поверьте мне!

Скрипнули пружины – доктор Коппер медленно сел на кровати, мигая опухшими ото сна глазами, в которых еще отражались навеянные наркотиками ночные ужасы.

– Гэрри, – промямлил он. – Гэрри, послушай. Эти чудовища пришли из ада... из ада... из... – Он опять повалился на кровать и засопел.

Мак-Реди задумчиво посмотрел на него:

– Вскоре док узнает. – Он медленно кивнул. – Если уже не узнал. Ведь ты способен размышлять даже во сне. А я не перестаю думать, какие тебе могут сниться сны. – Он оглядел аудиторию: напряженные, безмолвные люди не сводили с него глаз. – Доктор Коппер говорил, каждая часть монстра – живое существо. Каждый его кусочек – самостоятельный организм. Это и есть решающий фактор. В крови нет ничего особенного, она представляет собой такую же живую ткань, как мышцы или печень. Однако каждая ее клетка способна быть самостоятельной. – Огромная бронзовая борода Мак-Реди не смогла скрыть беспощадной улыбки. – И мы, люди, вычислим вас, других. Монстров, находящихся среди нас. У нас есть то, чего у вас, пришельцев из другого мира, нет. Мы способны сражаться, сражаться со всей дикостью и свирепостью, которую вы можете попытаться симитировать, но никогда в этом не будете равны нам. Мы люди! Мы настоящие, подлинные! А вы – имитация, фальшивка!

В столовой царила мертвая тишина, даже перестал выть ветер в трубе.

– Пришло время решительного столкновения, – продолжал метеоролог. – И ты, это знаешь. Ты вычитал эту

идею в моем мозгу. Но ничего не сможешь поделать. — Мак-Реди вновь оглядел аудиторию. — Все просто! Кровь — это тоже плоть. Они вынуждены истекать кровью. Если при ранении у них не течет кровь, сразу становится ясно, что они — порождения ада. Если же кровь течет, то она становится отдельным существом со всеми его биологическими правами и обязанностями... Ты понял меня, Ван?

Ван Вол мягко рассмеялся:

— Понял! Ты считаешь, что капля крови — это самостоятельное живое существо, страстно желающее защитить свою жизнь.

— Да. И, сохраняя свою жизнь, кровь монстра будет всеми силами пытаться избежать раскаленной иглы!.. А теперь — за дело!

Из лазарета принесли подставку с тестовыми пробирками и спиртовку. Платиновую проволоку нашли в одной из лабораторий, намотали на небольшой металлический стерженек. Мак-Реди взял со стола скальпель. На губах метеоролога появилась жестокая торжествующая улыбка. Он в очередной раз оглядел окружающих, словно пытался заглянуть в их души. К столу медленно подошли Баркли с электрошокером наготове и Даттон.

— Будь внимателен. Бар, — сказал Мак-Реди. — А ты, Даттон, будешь стоять у розетки и следить, чтобы никто не выдернул шнур.

Даттон кивнул.

Мак-Реди глубоко вздохнул:

— Давай, Ван! Ты будешь первым.

Поблудневший ван Вол сделал шаг вперед, вытянул руку. Мак-Реди очень аккуратно сделал надрез на его пальце. Ван слегка поморщился и терпеливо дождался, пока достаточное количество крови не стечет в пробирку. Мак-Реди поставил пробирку в подставку и приложил к раненому пальцу смоченный в йоде кусочек ваты. Потом накалил в пламени спиртовки платиновую проволоку и опустил ее в кровь. Послышалось мягкое шипение. Мак-Реди повторил процедуру пять раз.

— Ван — человек, — выдохнул он и в очередной раз оглядел присутствующих. — Не слишком-то увлекайтесь зрелищем кипящей крови, друзья. Среди нас, без со-

мнения, есть чужие. Ван, возьми электрошокер! А ты, Баркли, иди сюда! Будешь следующим!

Баркли неуверенно усмехнулся и шагнул к столу.

— Надеюсь, ты останешься с нами. Бар, — сказал метеоролог. — Ты чертовски отличный парень!

Баркли вздрогнул, когда лезвие рассекло кожу на его пальце. А через полминуты, широко улыбаясь, получил свое оружие назад.

— Мистер Сэмюэл Датт...

Мак-Реди не успел договорить. А Баркли не успел применить электрошокер, поскольку полярники в мгновение ока набросились на существо, принявшее образ Даттона. Оно выло и пыталось отрастить клыки и когти, но тут же было разорвано на тысячу кусков.

Покончив с тварью, люди отошли и вновь с подозрением уставились друг на друга. Баркли ткнул электрошокером в кучу останков. По столовой разнесся отвратительный запах. Ван Вол капнул кислотой на каждую разбрызганную каплю крови погибшего монстра.

Мак-Реди усмехнулся, его глубоко посаженные глаза светились торжеством.

— Похоже, я ошибался, — мягко сказал он, — когда утверждал, что ни в ком не может быть такой свирепости, как в этой твари. Впрочем, она всего лишь получила по заслугам. Когда я вспоминаю, каким человеком был Даттон... У него перехватило горло, и прошло несколько секунд, пока метеоролог справился с собой. — Впрочем, ладно. Моя теория теперь подтверждена даже тем, кто с самого начала знал, что я задумал... Итак, ван Вол и Баркли — стопроцентные люди. Теперь я докажу вам, что я тоже человек. — Мак-Реди протер скальпель чистым спиртом и сделал надрез на своем большом пальце.

Через двадцать секунд он взглянул на ждущих людей. Теперь на их лицах стало гораздо больше улыбок и дружеских ухмылок, но и настороженность все еще проглядывала.

— Коннант был прав, — мягко рассмеялся Мак-Реди. — Всем бы стоило увидеть свои глаза!.. Однако продолжим. Теперь твоя очередь, Коннант.

Баркли опять не проявил должной прыти. Однако когда он и ван Вол заканчивали то, что совершили ос-

тальные, улыбок стало больше, а напряженности — меньше.

— Коннант был одним из лучших среди нас, — сказал с горестным вздохом Гэрри. — Пять минут назад я бы поклялся, что он — человек. Эти чертовы штуки больше, чем просто имитация.

Минутой позже кровь самого Гэрри метнулась от платиновой проволоки и, борясь за свою жизнь, попыталась выползти из пробирки. В это же самое мгновение Баркли превратил в прах то, что уже перестало быть Гэрри. А когда Мак-Реди открыл дверцу печи и выплеснул из пробирки на угли беснующуюся кровь, та успела издать тоненький предсмертный крик.

Глава пятнадцатая

— Значит, с имитациями покончено? — Под глазами у доктора Коппера набрякли жуткие мешки. — Говоришь, мы потеряли четырнадцать человек?

Мак-Реди коротко кивнул:

— Да. — Лицо метеоролога исказилось горестной гримасой. — Какие были люди! Гэрри, Коннант, Даттон, Кларк...

— Куда они все это тащат? — Коппер кивнул на озабоченных Баркли и Норриса.

— Наружу. Полтора десятка разбитых ящиков, полтонны угля и пятьдесят литров бензина. Мы полили кислотой каждую каплю его крови и каждый кусочек его плоти. А теперь надо все сжечь.

— Обязательно! — Коппер покивал. — Кстати, а что с Блэром?

— Дьявол! — сказал Мак-Реди. — Мы совсем о нем забыли. Столько всего произошло!.. Как думаешь, сумеешь его вылечить?

— Конечно! Если только... — Коппер сделал многозначительную паузу.

Мак-Реди хлопнул себя по лбу:

— О Боже! Эта тварь вполне может симитировать сумасшедшего. Сумела же она изобразить религиозную истерию Киннера! — Метеоролог повернулся к сидящему за столом ван Воу. — Ван, мы должны навестить Блэра.

Ван Вол резко вскинул голову. Удивление в его глазах тут же сменилось беспокойством. Затем он поднялся:

— Надо взять с собой Баркли. Он сооружал тюрьму для Блэра — ему и отпирать.

Снаружи было тридцать семь градусов, а над северным горизонтом сияла заря. Ветер гнал поземку на северо-запад. Через три четверти часа они достигли погребенного под снегом склада.

Дымка над трубой не было.

— Блэр! — закричал Баркли. — Блэр, ты жив?

— Перестань, — мягко проговорил Мак-Реди. — Нужно торопиться. У нас нет ни вездеходов, ни самолетов, а он, возможно, отправился в путешествие.

— Снег и мороз этой твари не помеха, — сказал Норрис.

— Да и сломанная нога остановила бы ее не более чем на минуту, — согласился Баркли и, внезапно поперхнувшись, указал ввысь.

Там, в сумеречном небе, распахнув огромные белые крылья и с неопишуемой грацией кружа над людьми, парила птица.

— Альбатрос, — сказал Баркли. — Первый в этом году. Если тварь на свободе...

Норрис тут же расстегнул пуховик и полез за пазуху. В руке его появился пистолет, и белую тишину Антарктики разорвал выстрел.

Альбатрос вскрикнул. Его белые крылья затрепетали, из хвоста вылетело несколько перьев. Норрис выстрелил снова. Птица опять вскрикнула, потеряла еще несколько перьев и потянула к горизонту.

Норрис догнал остальных и сказал, задыхаясь:

— Она не вернется!

Баркли знаком попросил его замолчать и указал на дверь склада, из-под которой сочился странный, голубой свет. Кроме того, доносилось тихое, мягкое гудение и металлический звон.

Мак-Реди побледнел.

— Неужели эта тварь... Боже, помоги нам! — Он схватил Баркли за плечо и, глядя на трос, не дающий двери открыться, сделал режущее движение пальцами.

Баркли достал из рюкзака гидравлические ножницы и осторожно подполз к двери. Трос лопнул со щелчком.

ком, который показался напряженным людям самым настоящим выстрелом. Однако странное мягкое гудение и металлический звон не стихли ни на секунду.

Мак-Реди заглянул в щель под дверью. Потом встал на ноги и шумно вздохнул.

— Там не Блэр, — прошептал он. — Там какой-то осьминог. А перед ним висит что-то, отдаленно похожее на рюкзак.

— Ворвемся все вместе, — сказал мрачно Баркли. — Хотя нет... Норрис, останься у дверей и держи монстра на прицеле. У него может быть оружие.

Баркли и Мак-Реди разом навалились на дверь. Кровать, которой изнутри была подперта дверь, с грохотом отлетела в сторону. Монстр подскочил к потолку, словно резиновый мяч. Щупальцев у него оказалось четыре, и одно из них тут же вытянулось в сторону людей. На конце его мелькнул острый предмет из блестящего металла. Тонкие губы монстра искривились, в красных глазах полыхнула ярость.

Грянул револьвер Норриса. Физиономия монстра перекосилась, вытянутая конечность смоталась обратно, предмет из серебристого металла рассыпался на мелкие кусочки. А щупальце уже превратилось в семипалую руку, пальцы которой оказались залитыми зелено-желтой кровью.

Пистолет выстрелил еще три раза. На месте трех глаз появились три темные дыры. Патронов больше не было, и Норрис швырнул бесполезное оружие монстру в физиономию.

Существо дико вскрикнуло и принялось щупать конечностями те места, где только что были глаза. Потом опрокинулось на пол и начало извиваться. А потом поднялось. Слепые глаза восстановились и кипели злобой. Поврежденная ткань отвалилась, истекающие зеленой кровью ошметки распластались на полу.

Баркли рванул вперёд, держа наперевес огромный ледоруб. Тяжелое острие чуть не вонзилось в голову монстра, но тот успел упасть. В сторону напавшего выстрелила одна из конечностей, и нога Баркли попала в живой капкан. Щупальце начало сжиматься, подтаскивая человека все ближе и ближе. Другая конечность принялась ощупывать грубую ткань, из которой были

сделаны штаны, – наверное, искала открытую плоть. Собрав все силы, Баркли отчаянно рванулся, но освободиться не смог...

Но тут подоспел с водородной лампой Мак-Реди. Лампа прочистила горло и выкинула свой бело-голубой язык. Тварь на полу взвизгнула, выпустила Баркли и слепо замолотила конечностями. Наткнувшись на пламя, они тут же сворачивались в клубки. В помещении раздался вой. Мак-Реди приблизился и направил беспощадное пламя монстру в физиономию. Глаза лопнули, пустые глазницы запузырились. Вой сделался невыносимым.

Мак-Реди зашел с другой стороны, и тварь, стремясь избежать огненного языка, поползла к двери. Она еще пыталась сопротивляться – одна из конечностей вновь вытянулась и выпустила огромный коготь, однако тот сразу рассыпался пеплом. Мак-Реди продолжал наступать, подгоняя монстра огненным кнутом. Прошло еще несколько секунд, и она оказалась на ледяном снегу. Мак-Реди добавил огня. Вой взлетел до дикого визга. И оборвался.

Осталось только скворчание и обжигающее дыхание огня. Воздух наполнился отвратительным запахом горелой плоти. Жестокий ветер обдувал ее, превращал пламя в тонкий язык. Наконец осталось пятно из маслянистой, зловонной слизи, перемешанной с растаявшим снегом...

Мак-Реди вернулся к складу. Баркли встретил его у двери.

– Все? – хмуро спросил он.

Метеоролог кивнул:

– Все!

– Оно нигде не оставило следов?

– У него были другие проблемы. Когда я видел его в последний раз, оно уже превращалось в угли.

Норрис коротко рассмеялся:

– Да, ну мы с вами даем!.. Вывести из строя самолеты с вездеходами и оставить эту тварь в одиночестве на целую неделю!

Мак-Реди принялся осматривать склад. Внутри, несмотря на выбитую дверь, было тепло и влажно. В центре помещения находился большой неотесанный

камень. Из него исходил странный голубой свет, более насыщенный, чем электрический. На столе в дальнем конце склада стоял странный прибор из проволоки, стеклянной колбы и радиодеталей. Он и был источником слабого шума, который люди слышали, когда приблизились к складу. Тут же, на столе, располагалось еще одно сооружение из стеклянных загогулин, металлических пластинок и странной светящейся сферы. Материал сферы был людям совершенно неизвестен.

— Что это? — Мак-Реди подошел поближе.

— Не трогай! — сказал Норрис. — Все это надо исследовать! Хотя я и так догадываюсь. Перед нами атомная установка, господа! Этот маленький хрупкий приборчик предназначен для того, чтобы производить энергию, которую люди производят с помощью многотонных реакторов. И похоже, в нем используется тяжелая вода, которую эта тварь получала из льда и снега.

— Где она все это раздобыла? — удивился Мак-Реди. И тут же хлопнул себя по лбу. — Ну, конечно! Тут же приборный склад! Кретины мы... Но каким же разумом должна обладать эта раса!..

Норрис только развел руками.

— Кстати, свет холодный, — сказал он. — Однако помещение каким-то образом обогревается. Тут не меньше ста двадцати по Фаренгейту.

— Да, — согласился Мак-Реди. — Я уже начинаю потеть. Видимо, они живут на более горячей планете, чем Земля, и у более горячей голубой звезды. — Он взглянул через дверь на пятно слизи. — Вот и все! Хорошо, что двадцать миллионов лет назад они оказались именно здесь, в холоде и льдах. Иначе бы теперь здесь не было нас... Кстати, по-моему, был еще один прибор, сделанный из консервных банок, но похожий на рюкзак... Оно работало над этой штукой, когда мы пришли.

Баркли улыбнулся:

— Смотри. — Он указал на потолок. К потолку был прилеплен шар из консервных банок, обвязанных тряпками, с двумя кожаными ремнями внизу. Прямо сквозь оболочку одной из банок билось маленькое сердечко странного пламени.

Баркли подошел к прибору, поднял руки и схватился за кожаные ремни. Он потянул «рюкзак» на себя, но этого усилия оказалось вполне достаточно, чтобы сам Баркли оторвался от пола и взмыл к потолку.

– Похоже, антигравитация, – спокойно сказал Мак-Реди.

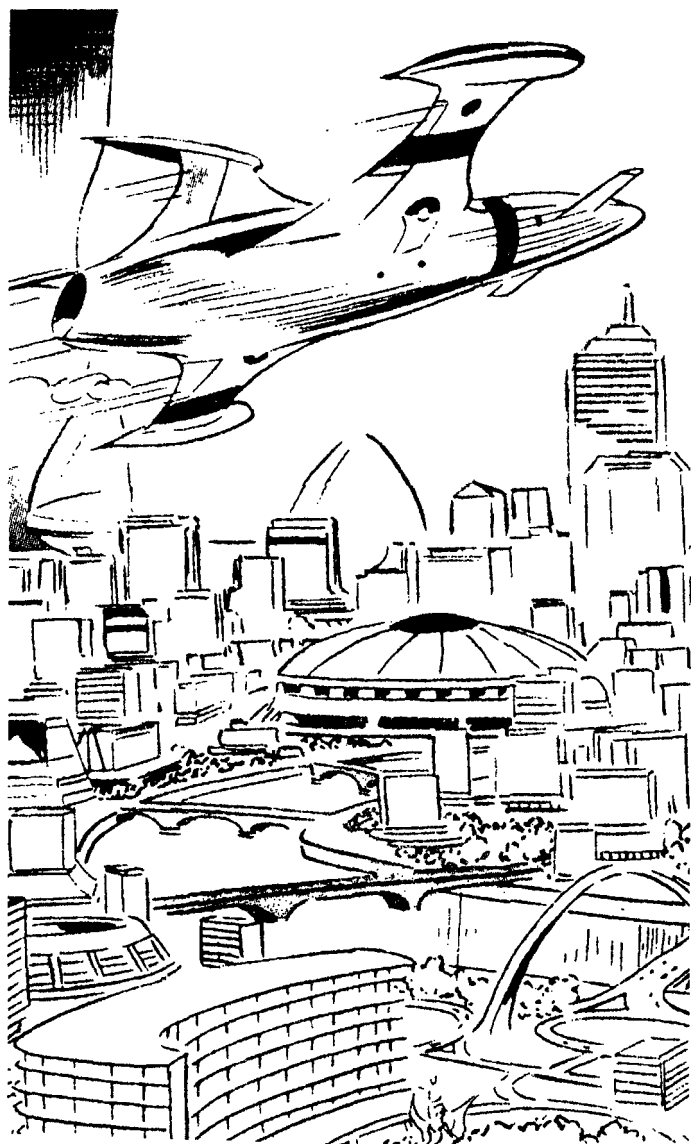
– Антигравитация, – подтвердил Норрис. – Ему не нужны были ни птицы, ни самолеты. В его распоряжении были банки, стекло и содержимое приборного склада. И целая неделя спокойной работы. А до Америки – всего лишь один прыжок с этим антигравитационным механизмом. И тем не менее мы остановили его. Еще полчаса, и оно бы затянуло эти ремешки и отправилось покорять наш мир, а мы бы так и остались в Антарктиде.

– Тот альбатрос... – неуверенно проговорил Мак-Реди. – Тебе не кажется...

– Не кажется! Зачем ему? Оно почти закончило эту штуку!.. Нет, не смей меня. Мак! – Норрис вышел наружу. – Эй, люди! Все, кто меня слышит! Это существо прилетело с другой звезды! Но мы любим наше Солнце и нашу Землю. И мы защитили ее!

ТРАНСПЛУТОН

ГОЛОС ИЗ ЭФИРА

22 августа 1924 года планета Марс вошла в противостояние с Землей. То есть эти две планеты в своем постоянном движении вокруг Солнца приняли такое положение, что расстояние между ними оказалось минимальным. Эти два небесных тела разделяли только 34640000 миль.

Ночь на двадцать второе выдалась удивительно ясной, идеальной для астрономических наблюдений. Бесчисленные телескопы, большие и маленькие, смотрели на красную планету. Всевозможные сложнейшие приборы были готовы к связи с обитателями Марса. А я сидел перед своим радиоприемником в маленькой кабине, высоко в горах Адирондак. Находясь далеко от каких-либо «помех», я страстно мечтал об удачном «улове».

Я плавно вращал рукоятки настройки. Мои усилия вознаграждались одним сигналом за другим. Я услышал песню, вой саксофона и звучный голос диктора — обычные радиопрограммы. Впрочем, меня они мало интересовали, я вел более крупную игру. Но Марс хранил молчание, продолжающееся на протяжении бесчисленных веков.

Так пролетело несколько часов. Наступила полночь, затем час ночи. Радионочь, в полудреме подумал я.

Сигнал времени с последней станции, которую я слушал, вернул меня к реальности. Один, два! Я услышал слабые удары, словно доносящиеся с огромного расстояния. Затем вдруг встрепенулся; дремы и след простыл.

Мой слух пронзил нестройный звук атмосферных помех. Комната наполнилась испуганным воем, похожим на крик истязаемого ребенка. Затем так же внезапно в динамике повисла тяжелая, давящая тишина.

Затем я услышал Голос. Он донесся до меня, ясный и громкий, и его не могли заглушить даже атмосферные помехи. Это был пронзительный, писклявый голос, который по ходу рассказа проходил всю гамму эмоций.

Я был ошеломлен. Меня переполнило чувство триумфа, триумфа, смешанного с ужасом. Успех! Победа! Я был уверен, что получил послание с Марса. Дрожа от возбуждения, я включил запись и неуверенно протянул руку к ручкам настройки — и тут же отдернул. Меня удерживала мысль, что я могу порвать тоненькую ниточку, связывающую эту отдаленную станцию с Землей. Нет необходимости изменять настройку, ведь прием более чем совершенен.

В конце концов, возбуждение первых нескольких мгновений прошло, и я стал уделять больше внимания словам, доносящимся из громкоговорителя. В Голосе стали слышны нотки возбуждения. Возбуждения, затем гнева. А вслед за гневом пришла ненависть, безумная ненависть, почему-то переполнившая меня страхом.

Я вслушивался в тишину ночи. Хотя слова, произносимые Голосом, казались нечленораздельной болтовней, я много часов просидел неподвижно, повинаясь силе этого странного высокого голоса.

Серый луч света пробился сквозь мрак; темнота уступила место свету нового дня; и вдруг Голос оборвался. Сначала наступила полная тишина, затем раздался пронзительный крик, исполненный страха и ужасающей муки. Последние нотки крика были какими-то странными и сдавленными! Потом воцарилась мертвая тишина...

Снаружи в высокой траве застрекотал сверчок. Чары были разрушены. Я медленно поднялся на дрожащие ноги, поднял руку и вытер со лба бисеринки холодного пота. Испытание было таким странным, а эти последние мгновения такими ужасными! Мне стоило большого труда вновь обрести душевное равновесие.

В голове родилось множество вопросов. Неужели мне действительно удалось настроить приемник на Марс? Если так, то что за послание я получил? Что за существо вещало по радио? И... что вызвало этот последний пронзительный крик?

Ответы на эти вопросы я узнал только через четыре года. Четыре долгих года, в течение которых Миллард неустанно работал над переводом послания из другого мира.

Миллард? Да, Финеас Миллард, антиквар и археолог. По всей вероятности, он единственный из ныне живущих, кто способен перевести послание, состоящее только из фонетических знаков. И даже ему для выполнения этой задачи потребовалось четыре года.

Осталось сказать совсем немного. Ради удобства я воспользовался естественными разрывами в рассказе и разбил его на главы. А еще я позволил себе заменить земными научными терминами непонятные слова, используемые Голосом. В остальном рассказ не изменен. А теперь вы можете прочесть эту потрясающую историю в том виде, как ее поведал Туол Оро, ученый с другой планеты.

Глава первая

В этой огромной Вселенной, переполненной мириадами форм жизни, безусловно, есть хоть один вид существ, который услышит и поймет мое предостережение. И, возможно, поняв, будет осторожен. С этой надеждой я и рассказываю мою историю.

Меня зовут Туол Оро. Благодаря блестящему уму это имя стало известным и уважаемым во всем мире. Однако из-за глупости одного человека я стал парией. Те, кто когда-то меня уважал, начали меня презирать, осмеивать и открыто избегать. Они называли меня Туол-Сумасшедший или Туол-Дурак, кто как хотел.

Целью моей жизни стала месть. Отныне все мои помыслы были направлены на то, чтобы уничтожить общество дураков, которые правили Котаром. И мне это удалось! Они потерпели поражение; они, которые считали себя непогрешимыми, исчезли! А меня, единственного, кто остался в живых, они считали главным неудачником своей цивилизации. Туол-Дурак? Нет, Туол-Победитель!

Теперь другие заняли место человека, другие, которыми я также буду править. Эти другие, выпущенные мною в мир, почувствуют силу моей власти, и я стану верховным правителем всего Котара! Вскоре я выйду и

заявлю свои права на то, что принадлежит мне по праву; тогда я и в самом деле буду победителем.

Но прежде, чем это произойдет, я расскажу историю падения и уничтожения человека; историю мести Туола Оро. И эта история, которую, вероятно, услышат в каком-нибудь другом мире, послужит предупреждением, чтобы люди, которые выдвигают странные и необычные идеи, пользовались в обществе заслуженным уважением.

Я хорошо помню события, послужившие причиной моего изгнания. Собрание Совета; мой доклад о своем удивительном открытии; недоверчивое отношение Совета; моя клятва...

Высший Совет, этот главный орган Искателей Истины, созвал собрание всех ученых планеты. На нем должны были прозвучать доклады о последних результатах и достижениях в каждой области знаний.

Гигантский зал Совета, был наполнен до отказа. Тысячи ученых, представляющих все области знаний, занимали бесчисленные кабины, на которые был разбит зал. Однако большого веса они не имели; только в редких случаях им удавалось открыть что-нибудь действительно ценное.

Самые ценные открытия века были сделаны маленькой группой из шести человек, которые занимали обширную кабину в передней части зала. Шесть человек, шесть величайших умов во всем Котаре. Шесть человек, и я был среди них!

Я хорошо их помню; даже сейчас перед моим взором стоят эти ученые мужи. Каждый – крупнейший специалист в своей области.

Среди них был Бор Акон, историк. Ни одно важное событие любого прошедшего века, даже самого отдаленного, не осталось для него неизвестным. Был также Сариг Ом, астроном, с помощью своих инструментов проникающий в глубины пространства и знающий самые сокровенные тайны небесных тел. Его знания космоса были поистине безграничны.

Этих двоих я особо упоминаю потому, что они сыграли важную роль в последнем собрании.

Остальными были Деез Оэб, специалист по изучению материалов; Столь Верта, механик и величайший изо-

бретатель в истории Котара; Гано Тор, чьи лекарства могли вернуть к жизни почти мертвого; и я, Туол Оро, исследователь бесконечно малых величин. Поистине выдающееся средоточие мудрости. Однако все в этой группе и все интеллектуалы рангом ниже оказались неудачниками. Все они были вычеркнуты из моей памяти, а их великие умы сделались бесполезными. Все — кроме одного. Я, Могуущественный Туол, выжил! Но я ухажу в сторону от своего повествования.

На возвышении, поднимавшемся высоко над нашими головами, восседал Совет — двадцать самых почтенных людей, правящих Котаром. Каждый из Двадцати вырос в соответствующей обстановке и был подготовлен к положению, которое сейчас занимал. Они были владыками, вершащими правосудие на планете.

Мы, ученые, так же, как они, Совет, решали будущее Котара.

Бор Акон, историк, однажды сказал, что в прежние времена никакой специализации не было, каждый мужчина и каждая женщина по достижении совершеннолетия сами решали, чем станут заниматься. Какая нелепость! Наши судьбы были предопределены еще в детстве Подсоветом каждого округа. Поэтому не могло случиться так, чтобы на одну профессию нашлось слишком много желающих, а на другую не находилось вообще. Но вернемся к собранию в Зале Совета.

Каждая кабина была оснащена прибором, использующим таинственную «Силу Сфер», силу, которую использую и я, передавая это предостережение. Именно с помощью этого прибора мы, ученые, общались с Двадцатью, а большой диск усилителя позволял слышать наши доклады в каждом уголке огромного зала.

Кстати, членам Совета не требовалось никаких приборов, чтобы их мысли стали известны всем; соединив силу своих хорошо тренированных умов, они могли телепатически передать нам любое свое желание. А так как они прекрасно знали, кто занимает каждую из многочисленных кабин, они без труда заставляли ученых говорить так, как хотели они, члены Совета.

Вдруг в зале воцарилась тишина; все звуки утихли. От Двадцати поступила бессловесная команда «Молчание!». Затем поднялся Столь Верта, изобретатель.

Безжизненным, монотонным голосом он обратился к Совету.

Столь доложил о своем новейшем изобретении, машине, которая, как он говорил, может пересекать огромные межпланетные пространства. Каков был ее принцип, не помню. Так называемые механические чудеса века меня почти не интересовали; да и Столь Верта сам по себе личность малоинтересная.

Однако его слова, похоже, получили одобрение Совета, потому что они послали ему беззвучную похвалу.

Сариг Ом был вторым из тех, кого вызвали Двадцать. Когда он встал, я решил уделить ему больше внимания, чем остальным. Наука Сарига Ома представляла для меня интерес из-за сходства с моей собственной. Он изучал непостижимо большие величины; я же бесконечно малые.

Сариг подробно доложил о различных случаях, происшедших в небе, прежде чем перешел к действительно важной части своей речи. Тогда важность его слов не произвела на меня впечатления; но теперь у меня есть причина их вспомнить.

Он говорил о грядущем противостоянии с Сантелем, планетой, находящейся в непосредственной близости от нас. Он утверждал, что две планеты окажутся на минимальном расстоянии друг от друга последние почти пятьдесят маллахов. Он сказал, что нам представится прекрасная возможность установить связь с сантелянами. Его доклад также был одобрен Советом.

Когда Сариг сел, я загорелся каким-то странным волнением. Затем незнакомый внутренний голос заставил меня встать. Это был приказ. Я обвел глазами зал и пристально посмотрел на Двадцать. Я получил приказ сделать свой доклад. Немного помолчав, я начал.

— Высшему Совету, юридическому органу Котара, я, Туол Оро, исследователь бесконечно малых величин, докладываю.

Это было обычное начало, его использует каждый ученый. Я продолжил:

— Мои труды за последний маллах, Почтенные Двадцать, не были бесплодными; мне посчастливилось сделать открытие, которому нет равных в истории микро-

скопии! Совету, безусловно, известно строение атома и его заметное сходство с Солнечной системой, с ее центральным телом, Солнцем, или, если речь идет об атоме, ядром и его вращающимися спутниками — планетами или орбитальными планетарными электронами. Концепция атома, разумеется, не принята как факт, но считается правдоподобной теорией. Пять стало назад, используя совершенно новые принципы, я изобрел микроскоп настолько мощный, что сумел увидеть составляющие атома. Сами планетарные электроны рассмотреть не удалось из-за огромной скорости их вращения, но протоны были ясно различимы, как быстро вращающиеся, слабо светящиеся сферы. Естественно, от моего открытия у меня поднялось настроение; однако я чувствовал, что это только начало, и возможности, которые давало живым существам мое изобретение, поистине безграничны. Поэтому я безотлагательно принялся конструировать микроскоп гораздо более мощный, чем первый прибор. После четырех стало напряженной работы мне это удалось. Новый прибор превзошел все ожидания; с его помощью я обнаружил нечто столь потрясающее и невероятное, что с трудом поверил своим глазам! Когда микроскоп был закончен, я направил линзы на частицу натрия. При взгляде в окуляр у меня забилося сердце! Что могло открыться моему взору? Множество самых невероятных догадок промелькнуло в голове, и все же увиденное мной не могло возникнуть даже в самых безумных мечтах! Перед моим взором предстала широкая долина, покрытая блестящей, многоцветной растительностью. Сначала я смотрел на нее, не веря своим глазам; затем зрелище пропало, сменившись закругленной вершиной холма. Как и равнину, ее покрывала такая же разноцветная растительность. Я медленно переводил взгляд с холма все дальше и дальше. На смену холму пришла другая долина, гораздо шире первой. Глядя на нее, я обратил внимание на феномен, который не заметил раньше. Растительность в долине двигалась, постоянно меняя положение. Я изменил фокус микроскопа, сосредоточив его волшебную силу на крошечном клочке открывшегося передо мной зрелища. Казалось, долина прыгнула к моим глазам. Я больше не видел огромного поля движущейся растительно-

сти; в поле зрения находилось только три растения. Выглядели они очень странно. Ничего общего с растущими в Котаре. По форме и размерам они походили друг на друга, а по цвету различались. Когда я впервые их увидел, это были маленькие, почти круглые шары, покрытые блестящей чешуйчатой оболочкой. Однако они росли у меня на глазах! По мере того как они росли, оболочка становилась все тоньше, и, наконец, прорвалась, разбросав по воздуху облака яркой пыли. Большая часть пыли улетела, но кое-что осело на землю. Там, где были сферы, остались три лужи слизи; в них-то и осела пыль. Затем наступило, вероятно, самое потрясающее! Частицы пыли, наверное, семена растений, упав в слизь, пустили ростки, проросли и достигли зрелости, а мгновение спустя в свою очередь тоже прорвались, выбросив семена. Все произошло так быстро, что казалось одним продолжительным движением. В своем интересе к долине и ее жизни я забыл о том, в каких странных условиях рассматриваю эту землю. Решив обнаружить местоположение этого мира, я начал медленно уменьшать мощность моего микроскопа. Я снова увидел панораму долин и холмов. Затем пейзаж стал выпуклым. Эта выпуклость увеличивалась до тех пор, пока, наконец, детали пейзажа стали незаметны, и я увидел в микроскоп огромный шар, медленно вращающийся вокруг своей оси. Пока он уменьшался в размерах и появились другие шары, мне открылась истина. Я обнаружил жизнь на протоне ядра атома натрия!

Этими словами я закончил свой доклад Совету.

Закончив, я продолжал стоять, ожидая, что Двадцать станут меня хвалить. Но похвалы не последовало. Вместо этого произошли две вещи, беспрецедентные в истории Котара. Никогда ни один из Двадцати не выступал во время заседания; и никогда ни один из шести Учителей не был публично приговорен Двадцатью. Случилось и то, и другое!

Сан Нобер, глава Совета, встал и сурово нахмурил брови. Он заговорил, и его слова прозвучали приговором правящему роду Котара.

— Ученые мужи, — сказал он, — за всю историю Совета нам не приходилось сталкиваться с подобной пробле-

мой. Наши ученые всегда говорили правду. Но увы, эта традиция в прошлом. Вы, Туол Оро, — обратился он ко мне, — создали прецедент. Вы солгали! Ваши утверждения нелепы, абсурдны; в них нет ни слова правды. Нас учили, что нормальный человек не может лгать. Очевидно, вы сошли с ума. Вы сумасшедший, несмотря на то что душевные болезни сейчас почти неизвестны. Если бы не отчеты о ваших прошлых открытиях, вы были бы приговорены к смерти. Благодаря им вы останетесь в живых. Но будете изгоем общества. Можете жить среди своих братьев, но они будут знать о вашей недееспособности. Из-за вашей лжи или душевной болезни вы станете предметом жалости и презрения. А сейчас вы должны уйти; в Зале Совета вам не место!

Пока Сан Нобер говорил, я стоял, совершенно ошеломленный. Его неодобрение и приговор оказались настолько неожиданными и несправедливыми, что я не верил своим ушам. Ложь! Поток лжи! Душевная болезнь! Сумасшедший! Я сумасшедший? Дурак и сын дурака! Предмет жалости, да? Изгой! Вдруг что-то щелкнуло в моем мозгу, и глаза заволокло красной пеленой ненависти.

Что я тогда сказал, не помню. Вероятно, я действовал, как больной человек. Но я не пытался оправдываться. Приговорен, выгнан, назван лжецом и сумасшедшим, без малейшего шанса доказать правдивость моих утверждений! Из того, что я сказал, помню только одно. Это была клятва, которую я дал, покидая Зал Совета.

— Клянусь Скловом, Тавом, Макой, всеми богами, когда-либо жившими, что от этой цивилизации не останется и следа; и все люди, кроме Туола Оро, будут уничтожены! Клянусь, и да будет так!

Да, так и случилось! Я уничтожил их всех! Они это заслужили. Ах, как я их ненавижу, несмотря на то что их больше нет! Ненавижу и презираю...

Дав клятву мести, я покинул Зал Совета, провожаемый тысячами пар как сочувственных, так и насмешливых глаз. Кипя от гнева, я направился к своей лодке, стоящей на Великом Канале. Уже тогда в моем мозгу зародился план мести. Когда я подошел к моему дому, находящемуся в двадцать седьмом отделении девятого

Малого Канала, план вполне сложился. Именно этот план, рожденный по дороге домой, и стал причиной уничтожения мира.

Глава вторая

Не откладывая дело в долгий ящик, я начал готовиться к осуществлению задуманного, так как знал, что исполнение обещанного займет многие столетия. Цель, которую я перед собой поставил, казалось, действительно выходила за рамки человеческих возможностей. Я хотел увеличить размеры тех немыслимо крошечных растений миниатюрного мира, который открыл, пока не удастся вырвать их с протонов и пересадить на поверхность Котара. С их помощью я и намеревался отмстить.

Первые два столетия усилий оказались бесплодными. За это время у меня часто возникало сильное желание бросить эту, по-видимому, безнадежную затею, и, возможно, я бы ее и бросил, если бы не жажда мести. Как бы то ни было, я продолжал и в начале третьего столетия получил первые обнадеживающие результаты.

Прежде всего у меня имелась одна основная идея. Поскольку каждую частицу вещества, независимо от ее размеров, теоретически можно разделить надвое, то возможен и обратный процесс, и можно увеличить размеры любой частицы, даже электрона или протона. Из этой мысли естественно вытекало, что, в конце концов, мне удастся настолько увеличить размеры протона, что его можно будет видеть невооруженным глазом. Трудность заключалась в том, как осуществить этот процесс на деле. Два столетия ушли на догадки и теоретические размышления.

В начале третьего столетия я решил поработать с самими электронами и протонами. Взяв из своих запасов порцию химически чистого натрия, я поместил мизерное количество на предметное стекло моего ультрамикроскопа. Затем сфокусировал прибор так, чтобы видеть весь атом. Как и во время первого исследования, когда я обнаружил признаки жизни на протоне, я увидел двадцать два маленьких, тускло блестящих протона и одиннадцать почти прозрачных ядерных электро-

нов, сконцентрированных в компактную группу, каждый из них стремительно вращался вокруг своей оси. Вокруг на разном расстоянии мерцала путаная сеть блестящих шнуров. Я знал, что это орбиты планетарных электронов, которые двигались с такой огромной скоростью, что были невидимы. Я понимал, что ничего не смогу поделать с атомом, пока он находится в таком состоянии.

Следовательно, решил я, надо как-то уменьшить скорость вращения частиц, пока каждая из них не станет видимой. С этой целью я начал серию экспериментов. Кстати, все, что я делал, приходилось проделывать под линзами моего микроскопа. Казалось, при таком препятствии задача стоит не из легких. Однако мне помогал прибор, который недавно изобрел Столь Верта. Этот прибор, слишком сложный, чтобы объяснять принцип его действия, позволяет сфокусировать на бесконечно малом предмете луч, немыслимо холодный или невероятно горячий. Благодаря идее, пришедшей мне в голову, изобретение Столя оказалось как нельзя кстати.

С помощью прибора выяснилось, что высокая температура ускоряет вращение электронов и так увеличивает их орбиты, что некоторые из них выходят за пределы видимости микроскопа. Холод, наоборот, уменьшает скорость вращения электронов. Чем ниже степень теплоты или, проще говоря, чем сильнее холод, тем медленнее движение, а по достижении абсолютного нуля и протоны, и электроны останавливаются окончательно. Я сделал большой шаг к достижению своей цели.

Не теряя времени, я продолжил работу, исходя из теории, пришедшей в голову во время первых экспериментов. Ради этой идеи я вернулся к далекому прошлому, когда учил азы химии. Моя теория основана на отсутствии симметрии в некоторых атомах, в том числе и натрия, и механизме химической реакции.

Меня учили, что у атома натрия одиннадцать отрицательно заряженных орбитальных электронов. Один из этих электронов вращается по орбите гораздо большей, чем у других электронов. Из-за этого он плохо удерживается ядром. Отсутствие симметрии в атоме создает неуравновешенные силы. Следовательно, атом натрия будет терять электрон при столкновении с други-

ми атомами и становиться более симметричным и уравновешенным. Итак, атомы, имеющие один или более электронов, нарушающих симметрию, имеют тенденцию испускать эти электроны.

Я также учил, что некоторым атомам для полной симметричности структуры требуется один или более электронов. Таков атом хлора. В нем семнадцать электронов, и нужен еще один для уравновешенной, сбалансированной структуры.

Следовательно, когда атом натрия вступает в контакт с атомом хлора, происходит переход электрона от одного атома к другому. Оба атома расплачиваются за вновь обретенную симметрию потерей нейтральности. Удаление одного отрицательно заряженного электрона из атома натрия оставляет его с лишним положительным зарядом. Добавление электрона к атому хлора дает последнему лишний отрицательный заряд. Эти два противоположно заряженных атома, соединяясь, образуют хлорид натрия.

Но хлорид натрия меня не интересовал; меня интересовали только законы химии. Размышляя над механизмом химической реакции, я чувствовал, что мне есть над чем поработать.

Однако, не успев еще приступить к осуществлению своей идеи, я понял, что придется отказаться от затворничества и вновь обратиться к людям, которых презираю, чтобы добыть хлор для эксперимента. Сделав этот вывод, я тотчас же смело вышел на улицу. Если я и нуждался в дополнительном стимуле к работе, то получил его в виде брошенных украдкой насмешек и тонко скрываемого презрения, которыми меня встречали. Охваченный вновь вспыхнувшим гневом, я вернулся домой почти сразу после того, как получил хлор.

Приготовив все необходимое, я принялся за работу. Сначала я поместил мелкие частицы под линзы ультрамикроскопа, сфокусировав его так, чтобы, как и в прежних случаях, видеть отдельные частицы целого атома. Затем я настроил излучатель холода, чтобы в любой момент остановить химическую реакцию. И, наконец, я высвободил некоторое количество хлора таким образом, что он полностью покрыл слой натрия. Затем

в окуляр микроскопа я начал наблюдать за поведением атома во время химической реакции.

Изменения я уловил с первого взгляда, но по мере наблюдения увидел, как электрон, находящийся за пределами симметричной структуры атома, покидает свою орбиту и окончательно исчезает. Пока атом находился в состоянии, когда у него отсутствовал один электрон, я направил на натрий луч излучателя холода и остановил реакцию, помешав натрию соединиться с хлором. Теперь я имел свободный атом с одним лишним положительным зарядом или одним протоном, чего, вероятно, в природе не существует. Я сделал второй шаг к осуществлению своей цели.

С чувством душевного трепета я приблизился к третьей части своей задачи; от удачи или неудачи этой фазы эксперимента зависел исход всего проекта.

На мгновение выбросив из головы натрий и микроскоп, я хорошенько поразмыслил над недавним открытием Дееза Озба. Это был новый луч пятьдесят четвертой октавы электромагнитного спектра. У этого луча имелась одна особенность: все, на что его направляли, увеличивалось в размерах. Как это происходило, я не знаю, но факт остается фактом. Я решил направить этот луч на лишний протон в атоме под микроскопом и увеличивать размеры протона до тех пор, пока он не превзойдет размеры атома.

После недолгого эксперимента мне удалось получить луч роста. Вернувшись к микроскопу, я выбрал один из протонов, ближе всех расположенный к центру. Сфокусировав излучатель, я направил луч роста на этот протон.

Внешний вид сферы незамедлительно изменился. Она заметно увеличилась. Через короткое время она начала захватывать другие частицы, уводя их с привычных орбит. Увеличиваясь в размерах, протон тускнел, и его границы становились неясными, и наконец, когда для него больше не осталось места, мелькнула вспышка — и атом исчез. На его месте возникла маленькая, тускло освещенная сфера, с четко обозначенными границами. Протон вырос, вобрав в себя целый атом.

Я позволил этому процессу продолжаться до тех пор, пока атом натрия не окружила сфера, достигшая срав-

нительно гигантских размеров. Кстати, пока рост продолжался, мне приходилось постоянно менять фокус микроскопа.

К этому времени я направил на натрий луч холода, чтобы помешать ему соединиться с хлором. Скоро необходимость в этом отпала, так как реакция присоединения прекратилась. Итак, удалив большую часть хлора, я отвел луч, достигший температуры почти абсолютного нуля.

В результате я получил маленькую, почти совершенную сферу, уже заметную невооруженным глазом. Моя победа была уже не за горами! Мне требовалось лишь повторить свой эксперимент, используя протон, на котором я обнаружил растения, и месья оказалась бы вполне осуществима.

Я достал из сейфа натрий, содержащий протон, с растениями, и обработал его. После того как я увеличил размеры маленькой сферы настолько, что она вобрала в себя почти весь натрий, меня вдруг осенила мысль, что, стремясь получить пыльцу от растений с увеличенного протона, я не удосужился подумать, куда его поместить. Мгновение спустя я отвел луч роста, направил на образец луч холода и предоставил его самому себе.

Мне не составило труда построить аппарат, поддерживающий полученную сферу. Это был несложный прибор, состоящий из двух высоких металлических подпорок, на которых вверху, в пазах, находилась крепкая, тяжелая металлическая перекладина. Эта перекладина, или брус, медленно вращалась с помощью маленького моторчика, связанного с перекладиной редуктором. Когда аппарат был готов, я вернулся к микроскопу и процессу зарядки.

По мере того как протон разрастался и поглощал натрий, частью которого являлся, я снова и снова добавлял элемент, пока шар не достиг таких размеров, что микроскопа больше не требовалось. Сняв его с предметного стекла, я с помощью луча роста увеличил его размер, не добавляя к нему натрия, пока он не превратился в большой, туманный пузырь. Затем, взяв приготовленный аппарат, я продел перекладину в центр сферы. Мгновение – и у бывшего протона появилась металли-

ческая ось, вокруг которой он мог вращаться. Вставив ось в аппарат, я начал добавлять в сферу натрий, пока мой протон не стал более твердым. Я продолжал увеличивать его до тех пор, пока на оси оставалось место, затем остановился.

Я сделал третий шаг к осуществлению своей цели!

В то время у меня была лаборатория, с огромным, похожим на коробку боксом со стеклянными стенами, полом и потолком. Несколько стало назад я построил его как хранилище для многочисленных бактерий и микробов, которые изучал. Когда я заинтересовался ультрамикроскопом, необходимость в стеклянном боксе отпала, но он стоял целым и невредимым. Поскольку следующая часть моего плана таила в себе опасность, я решил воспользоваться этим боксом, так как при необходимости его можно было герметично закупорить.

С помощью нехитрых приспособлений я перетащил туда аппарат, на оси которого помещался гигантский протон. Прямо напротив него я поставил излучатель холода, с помощью которого можно будет направить веерообразный холодный луч, и аппарат роста. Сфокусировав луч роста так, чтобы он оказывал действие только на малую часть поверхности протона, я включил оба прибора и мотор, вращающий протон. Прodelав все это, я быстро покинул бокс и запер за собой дверь.

Посмотрев сквозь стеклянную стену, я увидел, что луч роста оказал практически мгновенное действие. От протона поднимались восемь мясистых растений разных цветов. Они представляли собой уродливые, бесформенные массы клеток, само существование которых было неестественным. Пока я наблюдал, они выросли из маленьких, незначительных ростков до огромных, отвратительных растений-уродов. По мере роста их кожа становилась все тоньше, до тех пор, пока они, достигнув размеров мира, из которого появились, не лопнули, разбросав во все стороны пыльцу.

Пыльца, оседая, в свою очередь тоже увеличивалась, и в результате через короткое время пол бокса покрылся слоем слизи, в которой росла отвратительная, колышущаяся масса растений. Луч роста добавлял другие растения разной формы и цвета к тем, что уже были на полу.

Все металлические приборы в боксе покрылись серой пленкой. Стеклянные стены затуманились, и все предметы, находящиеся в боксе, казались неясными и размытыми. Осев на пленке, семенная пыль пустила корни и проросла.

Растения продолжали расти, и один слой растущих организмов ложился на другой, пока масса не достигла четверти человеческого роста; затем внутренности бокса оказались скрытыми от моего взора. Я не имел возможности определить, как долго продолжался рост, но это уже было не так важно.

Мне осталось сделать еще одну вещь прежде, чем выпустить моих слуг в мир. Придется научиться контролировать рост уродливых растений и предпринять шаги для собственной защиты.

Здесь у меня не возникло трудностей; под воздействием тепла поросль ссыхалась, сморщивались и падала в зловонную слизь. Кстати, когда тепло было направлено на стекло, слизь задымилась, и из стеклянного бокса пошел отвратительный, тошнотворный запах. Тогда я решил, что теплота, очевидно, и есть то оружие, которым я их уничтожу.

И это же тепло, я был уверен, защитит меня от растений. Я окутаю свой дом системой паровых труб с форсунками, размещенных на внешних стенах и крыше моего дома. При подаче пара в систему форсунки начнут выпускать горячий пар, и дом будет защищен горячим облаком.

Так как передо мной стояла эта большая задача и несколько задач помельче и для их осуществления требовалось время, я решил, что лучше скрывать бокс от любопытных глаз назойливых соседей или уличных зевак, пока не придет время воспользоваться его содержимым. Я пришел к этому выводу, когда настойчивый звонок в дверь возвестил о непрошенных гостях. Повернувшись к маленькому экрану в углу лаборатории, я увидел знакомые лица Бора Акона и Сарига Ома.

Подойдя к двери, чтобы впустить их, я в мгновение ока понял, что их приход – подарок судьбы. Они были желанны, они даже не представляли, до какой степени желанны! Я открыл дверь и пригласил их войти.

Глава третья

Посмотрев на их лица, я сразу понял, что они чувствуют себя неуверенно. Они не знали, какой прием я им окажу. Я ободряюще улыбнулся, потому что сеять в их душах недоверие не входило в мои планы.

Улыбка по-видимому ободрила их, потому что Бор Акон как заправский оратор прочистил горло и обратился ко мне:

– Брат Туол, – начал он – мы все называли друг друга братьями, – мы с Саригом взяли на себя труд проанализировать ваш доклад Совету. Мы считаем, что с вами обошлись несправедливо. Несомненно, делая это нелепое заявление в Зале Совета, вы или были больны, или переутомились. Мы с Саригом хотим вам помочь занять прежнее положение в научном мире!

Так вот как они ко мне относятся! Вероятно, я был болен! Что ж, подумал я, посмотрим, как вы сейчас запоете... Подавив гнев, я ответил нарочито небрежным тоном.

– Брат Бор, уверяю вас, вы ошиблись! Все, что я сказал Двадцати, было абсолютной правдой. Я не могу отделаться от мысли, что со мной обошлись подло. Если бы мне дали справедливый шанс, я бы смог так убедительно доказать истинность моих доводов, что мне поверили бы даже самые отъявленные скептики. Что же касается попыток вернуть мое прежнее положение, то нет! Они сделали меня парией; я удовлетворен! Теперь, когда вы здесь, я покажу вам это доказательство, сам микроскоп. Простите... – Они вежливо согласились, а я, оставив их, отправился в лабораторию.

Придя туда, я задвинул широкую занавеску вокруг стеклянного бокса, чтобы скрыть его от глаз посетителей. Затем вернулся в прихожую и повел гостей в ту часть лаборатории, где держал микроскоп.

Когда их взгляд упал на мудреный механизм с множеством линз и мощных световых лучей, они проявили невольный, хотя и несколько скептический интерес. Сариг Ом повернулся и вопросительно посмотрел на меня. Я так ответил на его невысказанный вопрос:

– Нет смысла объяснять его устройство и способы усиления, так как никто из вас, скорее всего, этого не

поймет. Однако ничто не помешает вам наблюдать результат. Кто из вас первым взглянет на электрон?

Когда я поместил под линзы частицу материи и сфокусировал микроскоп, Сариг Ом выразил желание быть первым.

— Я смотрю в окуляры всю свою сознательную жизнь, — сказал он, — и раз уж кто-то должен быть первым, то пусть это буду я!

Пока они по очереди смотрели в микроскоп, охая от удивления при виде каждого нового чуда, я извинился и вышел из лаборатории.

Через несколько минут я вернулся с разнообразными закусками, которые сдобрил снотворным. Когда я вошел, Сариг Ом поднял взгляд, и на лице его читалось недоверие.

— Брат Туол, — воскликнул он, — мы увидели жизнь на протоне! Это невероятно!

— Ну, ну, — ответил я. — Для такого сильного возбуждения нет причин! Я могу показать вам и нечто более поразительное! Когда мы перекусим, я покажу вам нечто действительно потрясающее!

Гости сели и с плохо скрываемым нетерпением отведали моего угощения. Через некоторое время у них стали слипаться глаза. Они мужественно боролись с дремотой, но снотворное оказалось сильнее, и вскоре они заснули.

Я крепко связал их и отнес поближе к стеклянному боксу. Я прислонил их к стенам, так, чтобы, проснувшись, они могли видеть одну из его сторон.

Я с нетерпением ждал, пока два ученых проснутся от своего невольного сна; мне не терпелось провести задуманный эксперимент. Наконец, они зашевелились и пришли в сознание.

Похоже, самообладание им изменило. Они смотрели на меня глазами, полными страха. По всей вероятности, они подумали, что попали к сумасшедшему. Пока я стоял, ожидая, когда действие снотворного пройдет окончательно, Бор Акон, явно желая продемонстрировать мужество, а может быть, и напугать меня, воскликнул:

— Туол, сумасшедший! Развяжите веревки и немедленно освободите нас, или я позабочусь, чтобы вы получили заслуженное наказание! Безумец! Чего вы хо-

тите этим добиться? И вообще, какая у вас цель? Освободите нас сейчас же, или я доложу Совету о вашем безумном поведении!

Я засмеялся. Я ничего не мог с собой поделать; это было смешно. Мысль о безмозглом дураке, связанном и беспомощном, но угрожающем мне, вызывала смех. Но мое недолгое веселье сменилось гневом. Эти двое принадлежали к обществу, которое сделало меня изгоем. Значит, дурак и сумасшедший, да?

— Молчать! — заорал я, когда Сариг Ом открыл рот, чтобы заговорить. — Кто вы такие, чтобы мне угрожать? Доложите Совету, тоже мне! Идиоты! Вы будете делать так, как я говорю, и только так! Чего я хочу добиться; какая у меня цель? Я скажу. Когда Совет меня изгнал, я поклялся уничтожить любые следы породы неудачников под названием человек. Теперь у меня есть прибор, с помощью которого я осуществляю свой план. Три долгих стало я неустанно работал, добиваясь невозможного, и я добился!

С этими словами я подошел к стеклянному боксу и отдернул занавески. Сквозь стекло ничего не было видно, кроме серовато-белой пленки на внутренней поверхности и смутного намека на беспрестанное движение внутри.

— В этом боксе, — продолжал я, — заключается результат моих усилий. Вы, конечно, помните, что я рассказывал Совету о быстро растущих растениях, которые обнаружил на протонах. В этом боксе находится сам протон, увеличенный до огромных размеров. Его окружают и, полагая, поедают бесчисленные растения, увеличивающиеся с безумной скоростью. Эти растения я взял с поверхности протона. Они растут и растут, одно на другом, пуская корни на любой почве. Я покажу, как они растут; надо, чтобы вы знали, ведь вы, Бор и Сариг, являетесь частью моего плана! Из-за этого-то я вас и связал!

Проверив веревки на прочность, я повернулся к пленникам и направил горячий луч на дверь стеклянного бокса. Пленка и растения, растущие на двери, быстро исчезли, осев на пол. Тепло проникало все дальше в шумную, дымящуюся массу, очищая все большее пространство. Наконец, превратив около половины содержимого бокса в слизь, я выключил горячий луч.

Растения с огромной быстротой оправились от действия тепла. Несколько мгновений спустя красная треугольная голова на длинном, тонком стебле отделилась от массы и лопнула, выбросив в воздух пыльцу. Бор Акон и Сариг Ом с изумлением наблюдали, как пыльца осела на слизь, превратилась в ростки, созрела, в свою очередь лопнула и умерла, и все в считанные мгновения. Прошло совсем немного времени прежде, чем стены затянула белая пленка, скрыв от наших глаз содержимое бокса.

Воцарилась гнетущая тишина, которую я нетерпеливо нарушил.

— Ну, как вам развлечение? — спросил я. — Интересно, не так ли? Есть нечто еще более интересное, но увижу это только я. Сейчас подумайте об этих растениях. Представьте, что будет, когда я выпущу своих любимцев на Котар! Представьте, как маленькое облачко семян оседает на нашу почву. Скопление зевак, привлеченных необычной порослью. Мгновение спустя их поглотит облако пыльцы, которое коснется их и будет расти, отнимая жизнь у их тел. Представьте человека, дышащего этой пылью! Затем представьте сильный ветер, раздувающий пыльцу во все уголки света. Услышав угрожающую новость, люди обратятся в паническое бегство. Некоторые сразу расстанутся с жизнью. Другие в поисках спасения, вероятно, спрячутся в глубоких ямах или подвалах. Растения проникнут в щели их убежищ, и в конце концов они все умрут. Представьте себе, как будет выглядеть мир через сталло. К этому времени большая часть поверхности Котара заполнит кипящая масса растительной жизни. Воздух наполнится густыми облаками пыльцы самых разных цветов. Суда в каналах покроются растениями. Дрейфуя без экипажей, они будут пробивать себе путь сквозь густую, липкую пену, которая, вероятно, покроеет воду. Ни один звук не нарушит мертвенную тишину; ленивые дураки больше не будут вести свои праздные беседы. Мир очистится от их присутствия; все люди умрут. Все... кроме одного, Туола Оро. Хорошая картинка, да?

За все это время оба ученых оставались неподвижными, у каждого на лице читались все усиливающиеся

ужас и удивление. Когда я закончил, Сариг Ом попытался что-то сказать, но слова застряли у него в горле. Он оцепенел от страха, а Бор Акон продолжал неотрывно смотреть мне в лицо.

Вдруг меня осенила мысль.

— Кстати, — воскликнул я, — я уже говорил, что вы тоже являетесь частью моих планов. Я не рассказал подробности, но сейчас скажу. Я не совсем уверен, что растения поведут себя именно так, как мне хочется. Может случиться, что мои усилия пропадут даром. Чтобы не допустить досадного промаха, я решил проверить поведение растений на вас!

Оба ученых остолбенели. Из уст Бора Акона вырывался вопль за воплем. Я грубо заткнул ему рот рукой, пригрозив вставить кляп, если он опять заверещит. Когда я отнял руку, он, рыдая, что-то жалобно забормotal. Страх затмил ему разум.

Сариг Ом был сделан из более крепкого теста. Он проклинал меня именем всех известных богов и обзывал всеми неприличными словами, которые приходили ему на ум.

Пока продолжалась его тирада, я поднял его и понес, кричащего и брыкающегося, к стеклянному боксу. Посадив его на пол возле двери, я снова направил тепло на стекло. Я сжег половину растений, открыл дверь и бросил туда Сарига. Затем поспешно запер дверь и направил тепло вокруг ее края, чтобы уничтожить любую пыльцу, которая могла попасть наружу.

Затем стал наблюдать за человеком в боксе. Сариг, сидевший в луже слизи, изо всех сил старался разорвать свои путы. Вдруг, когда одно из растений лопнуло над ним, он сделал невероятное усилие, и веревки разорвались.

Пыльца медленно оседала на него. Когда она коснулась его кожи, пустив корни в его поры и плоть, высасывая жизнь из его живого тела, из уст ученого вырвался пронзительный крик.

Затем из всех частей тела Сарига Ома проклюнулись странной формы ростки. Ученый в сумасшедшей, неистовой спешке вырывал их из себя, оставляя на их месте отвратительные, кровавые раны. Но он боролся не более мгновения; несколько растений, достигших зре-

лости, лопнули одновременно, окутав его плотной пеленой пыльцы.

Казалось, он распухал у меня на глазах. Распухал... и погибал! Тело оставалось в таком состоянии еще мгновение, затем сплющилось и исчезло в слизи и растениях на полу.

На секунду моя решимость уничтожить это общество пошатнулось, но только на секунду. Хотя оружие, которым я владел, как и смерть, которую оно несло, были ужасны, возмездие выглядело не слишком суровым для дураков, правящих Котаром. Они заслуживали полного уничтожения, а я лишь пользовался подручными средствами.

Я повернулся к Бору Акону. Прежде он рыдал и трясся, как перепуганный ребенок. Теперь он без сознания лежал на полу. Зрелище смерти Сарига Ома было невыносимо для его слабой психики; ученый упал в обморок.

Я бы пощадил Бора, чтобы его потом уничтожили его же собратья, но он был в курсе моих планов. А так как он слишком много знал, его следовало убрать.

Я снова сжег растения; затем бросил находящегося без сознания ученого в камеру. В конце концов, ему повезло больше, чем другим, ведь его смерть была безболезненной; он так и не пришел в сознание.

Я уничтожил все доказательства неожиданного посещения двух магистров. Если исчезновение ученых мужей будут расследовать, меня ни в чем не обвинят. Любое вмешательство стало бы роковым для моих планов.

Но никакого расследования не последовало; по всей вероятности, Сариг и Бор держали свой визит в секрете, чтобы не вызвать неудовольствие Совета. Ради безопасности подождав примерно сталло, я продолжил осуществлять свою программу. Следовало приготовить к защите, добыть прибор для очистки воздуха и запастись чем-нибудь съестным.

Я безотлагательно нанял людей изготовить широкие, веерообразные паровые форсунки и закрепить их на стенах и крыше моего дома. Другие рабочие взялись опутать здание системой труб, через которые пар будет падать в форсунки. Последняя команда построила гро-

мадный паровой котел. Кстати, вода туда поступала через подземные трубы из потока, который протекал под моим домом. Нанял я также людей и для того, чтобы заделать все щели и отверстия в здании. Я всеми возможными способами защитился от растений, которые могли на меня напасть.

Когда власти города заинтересовались моим строительством, я рассказал им, что это часть нового прибора, предназначенного для защиты от огня. Они проверили, по всей вероятности решив, что это очередной плод моего больного воображения. После этого меня оставили в покое, чему я несказанно обрадовался.

За несколько тронов, предшествовавших уничтожению человечества, я установил и запустил кислородный генератор и запасся таким количеством еды, которого бы мне при необходимости хватило до конца жизни. Я также купил достаточно топлива, чтобы мой котел работал, по крайней мере, десять маллахов.

Когда над старым миром человека в последний раз сгустилась темнота, я закончил все приготовления и впервые после своего изгнания по-настоящему отдохнул. Мой отдых не омрачали ни ненависть, ни жажда мести, ведь завтра будет достигнута конечная цель!

Глава четвертая

Шесть магистров наук имели привилегии, которыми не обладали остальные жители Котара. Одной из них было право использования Силы Сфер для вещания на любой радиоволне, на которой они захотят. То есть мы могли приказать любой вещательной станции закончить программу и освободить эфир, чтобы воспользоваться данной волной. По небрежности со стороны Совета эту привилегию у меня не отняли.

Проснувшись отдохнувшим и полным сил, я воспользовался этой привилегией, приказав Международным Новостям прекратить вещание. После того как диктор сообщил, что станция прерывает программу по приказу одного из магистров и продолжит после того, как тот закончит свое сообщение, станция замолчала.

Тогда я включил микрофон и обратился к невидимой аудитории.

– Жители Котара, – сказал я, – я, Туол Оро, изгнанный магистр науки, за несколько мгновений, которыми располагаю, пока не вмешается Совет, сообщу некоторые факты о моем изгнании, которые власти тщательно скрывали. Вам сообщили, что меня приговорили без суда? Что мне не дали возможности доказать мою гипотезу? Что только потому, что Сан Нобер не смог распознать в моих словах истины, меня назвали сумасшедшим, даже не обследовав состояние моего рассудка? Конечно, не сообщили! Все это держалось в секрете. Как только прозвонит колокол Тераи, я докажу тем, кто соберется перед моим домом, что все сказанное мною в Совете было правдой и что приговорить следует Сана Нобера за полное отсутствие справедливости! Если этот некомпетентный человек меня слушает, я лично приглашаю его сюда. Он... – Тут раздался внезапный, резкий щелчок, в передатчике мелькнула ослепительная вспышка, и моя связь с внешним миром оборвалась.

Я услышал слова, доносящиеся из приемника в другом углу комнаты. Говорил Сан Нобер, воспользовавшийся так называемой Универсальной волной, которая работала на всех частотах, от самых низких до самой высоких, поэтому голос говорящего мог слышать любой человек на планете. Густой бас Сана дрожал от гнева.

– Туол Оро, – рычал он, – вы безумец! И за вашу глупость вы умрете! Вам позволят представить все имеющиеся доказательства в назначенное вами время, чтобы никто не мог сказать, что с вами обошлись несправедливо. А приглашение ваше я принимаю.

С чувством удовлетворения я отбросил микрофон. Сан Нобер будет здесь! Этого мне и хотелось. Ну и что, если с ним, вероятно, прибудет группа охранников, имеющих цель арестовать меня? Они не смогут мне навредить, ведь у меня в руках самое ужасное оружие в истории человечества.

Перед решительным шагом я проверил все защитные приспособления и убедился, что полностью готов к великой кульминации. Достаточно открыть клапан, и мой дом окутает облако пара! Нажатием кнопки включится кислородный генератор. Автоматическое устройство при необходимости добавит топливо в паровой ко-

тел. Насколько я понимал, для самосохранения было предусмотрено все!

Правда, одну вещь я не учел. Как я выпущу растения наружу, не подвергая опасности самого себя? Поразмыслив, я поступил следующим образом. За короткое время я соорудил маленький стеклянный контейнер с плотно закрывающейся крышкой, которая автоматически открывалась и закрывалась по сигналу таймера.

Я снова обезвредил дверь в бокс и сунул свое сооружение внутрь, установив таймер так, чтобы крышка закрылась через три трона. Я с нетерпением ждал, следя за ростом растений в контейнере и поглядывая на часы.

Наконец, по прошествии трех тронов, крышка контейнера захлопнулась. Аккуратно обработав дверь тепловым лучом, я вынес его из камеры с растениями, пылью и слизью.

С величайшей осторожностью я прошелся горячим лучом по всему пространству, на котором могла осесть пыльца. Убедившись, что пыльца обезврежена, я поднес контейнер к окну, выходящему на Канал. Время места почти наступило.

Улицу подо мной наводняла шумная толпа. Публичное заявление одного из шести Магистров было событием далеко не заурядным и достойным внимания. Нескольких людей я узнал, это были мелкие ученые, которые присутствовали в Зале Совета в день моего изгнания.

Канал заполнили суда, которые стояли так близко друг от друга, что почти не было видно воды. И все до отказа забиты пассажирами!

У себя над головой я услышал низкий, ровный гул летательных аппаратов. Посмотрев вверх, я увидел маленькие, одноместные самолетики, кружащие над моим домом. В воздухе зависли огромные вертолеты с вращающимися пропеллерами. Все они висели достаточно низко, чтобы их пассажиры могли слышать каждое мое слово.

Вдруг мое внимание привлекло оживление внизу. Суда каким-то образом расступились, и я увидел гра-

циозные очертания величественного барка, принадлежащего Сану Ноберу. Серебряная отделка судна сверкала на солнце.

Когда барк приблизился, я увидел на борту всех членов Совета и оставшихся трех магистров. Кроме того, там еще находились шесть представителей Международной Охраны Мира. Я знал, что они прибыли для того, чтобы арестовать меня после того, как я произнесу свою речь. Но они для меня ничего не значили.

Когда судно Совета пристало к берегу, прозвучал глубокий, низкий звук колокола, колокола Тераи. Время мести настало! Я раскрыл окно.

При моем появлении толпа умолкла. Звук моторов в воздухе ослаб, когда пилоты пустили в ход глушители. И я заговорил.

Я подробно описал все, что произошло в Зале Совета, рассказал о своем великом открытии, особо подчеркнув наличие мелких растений и их удивительно быстрый рост. Я заговорил о своем изгнании и о своей клятве. И тут меня прервал рев Сана Нобера.

— Довольно этой чуши! — воскликнул он. — Пора остановить этот фарс! Если у вас есть какие-либо доказательства, представьте их! Столь Верта будет считать, и если к тому времени, когда он досчитает до пятидесяти, вы не докажете истинность своих утверждений, вашей свободе настанет конец! Вам не позволят еще раз обмануть своих братьев. Начинайте считать, Столь!

Пока рука изобретателя медленно поднялась и опустилась, я в последний раз обратился к миру.

— Жители Котара, — торжественно произнес я, — ваша жизнь почти подошла к концу. Когда Сан меня прервал, я собирался объявить, что мир обречен, и свою клятву я исполню. Вы — порода глупцов, недостойных возложенной на вас ответственности. Вы не сумели сохранить жизнь планеты, поэтому не должны остаться в живых. Вы... — Продолжать я не стал. Да если бы и продолжил, меня бы никто не услышал. Мгновенное удивление, лишившее толпу дара речи, прошло. Послышались гиканье, насмешки и крики, в которых звучали как гнев, так и веселье.

Столь Верта перестал считать. Сан Нобер, что-то шепнув своим коллегам, сошел с судна и вслед за охраной

и магистрами начал пробираться сквозь толпу. Путь расчитился, словно по мановению волшебной палочки, и толпа затихла.

Я воспользовался этим молчанием; подняв высоко над головой стеклянный контейнер, я крикнул: «Вот мое доказательство!» и бросил его к ногам Сана Нобера. Затем закрыл окно и включил паровую защиту.

Когда контейнер разбился, Сан отпрянул назад. Затем он удивленно уставился на небольшую грудку стеклянных осколков и мясистую массу у своих ног. Она росла, и он это видел! Он наклонился, чтобы повнимательнее разглядеть странные организмы – и тут растение лопнуло!

В воздух поднялось небольшое облачко пыльцы и осело на голову и плечи Сана. С мгновение он, тщетно и беспомощно махая руками, сбивал ростки со своего тела; затем упал на мостовую.

Те, кто видел его смерть, отшатнулись, остальные стремились подойти поближе. Когда же пыльца начала падать на них, они повиновались только одному порыву: бежать!

Однако бежать было уже невозможно; они слишком долго медлили. Там, где было одно растение, вырастала тысяча; тысяча превращалась в миллион; и с каждым мгновением в воздух выбрасывалось все больше и больше пыльцы. Через время чуть большее, чем длилась моя речь, там, где была толпа, в живых не осталось никого!

В самом начале катастрофы на канале начались крушения, суда сталкивались друг с другом, когда их капитаны превращались в груды растений и слизи. Подобные же столкновения происходили и в воздухе. Никем не управляемые самолеты хаотично кружили над землей, в их пропеллеры набивались растения и слизь, и они или сталкивались друг с другом, или падали на землю. Но вскоре все было кончено.

Некоторым самолетам и судам удалось спастись, и они, уверен, не теряя времени, поспешили рассказать миру об ужасе, который угрожает цивилизации. Однако меня это нисколько не волновало. Растения были достаточно живыми, чтобы эти тщедушные людишки смогли с ними справиться.

Вскоре после того как погиб последний человек и исчез последний самолет, я отвернулся от окна. Я осуществил свою месть; я был удовлетворен! Я видел ужасную смерть Сана Нобера. У меня на глазах были уничтожены члены Совета. А я остался в живых, единственный из шести магистров науки; они презирали меня, но теперь они ощутили силу моей руки!

Направляясь через комнату с намерением запустить кислородный генератор, я наткнулся взглядом на передатчик. В голову пришла мысль. Почему бы не рассказать Вселенной о том, что я сделал? Почему не предупредить обитателей других миров, чтобы они, не повторили ошибку жителей Котара. У меня один из самых мощных передатчиков на Котаре, и мое обращение услышат в самом дальнем уголке Вселенной. Я принял решение рассказать свою историю.

Затем я вспомнил доклад Сарига Ома Совету. Он сказал, что вскоре Сантель будет ближе к Котару, чем был в течение многих маллахов. Если на Сантеле есть разумные существа – а Сариг всегда это утверждал, – они смогут услышать мое предупреждение. Во всяком случае, я решил дожждаться этого времени и рассказать свою историю.

Приняв решение и ожидая противостояния, я рассматривал в окно растения, получая истинное удовольствие, несмотря на то что пар заслонял мне вид. Некоторое время я делал заметки в своем дневнике, потому что не хотел ничего упустить.

Наконец, через много стало настало противостояние. Теперь, когда я говорю, Сантель должен находиться ближе всего к Котару.

Моя история почти закончена. Сидя перед передатчиком, я смотрю в окно. Взгляд встречает бескрайнее море блестящих растений. Толстые и круглые, высокие и угловатые, всевозможных форм и цветов. Потрясающее зрелище неестественной, невероятной красоты. А немислимая скорость их роста создает ощущение нереального, фантастического.

Там нет никаких ссор или разногласий, никаких мелких раздоров; растения кажутся воплощением единства. На смену шуму и суете человеческой цивилизации пришла всепоглощающая тишина, которую нару-

шает только шипение выходящего пара. Этот пар символизирует для меня ушедшую цивилизацию, существовавшую всего мгновение, шумную и бесцельную, а потом исчезающую. Из двух форм жизни, человеческой и растительной, последняя гораздо лучше.

И очень скоро я получу полный контроль над растениями и стану верховным правителем мира. В мои планы...

Добрый Мака! Что это? Одна из стен стеклянного бокса треснула! Растения вырвались на свободу! Тепловой луч! Мака! Ах!

Рассказ Туола Оро закончился пронзительным криком ужаса и боли, криком, который резко оборвался. С некоторой степенью точности можно представить, что произошло в комнате. Стеклянный бокс, в котором содержались первоначальные растения, не выдержал их напора, и смертоносные организмы вырвались на свободу.

Можно представить, что все закончилось смертью ученого.

А на Котаре, или Марсе, до сих пор властвуют растительные формы жизни, плодящиеся с невероятной скоростью.

ТРАНСПЛУТОН

Блейк взирал на, мягко говоря, своеобразное оружие с явным недоверием.

— А я предполагал, что, неся вахту, ты более ответствен. И чем ты все это время занимался? Протонным излучателем, у которого отдача, бьющая как пушечное ядро?

Судя по виду Пентона, он эту отдачу уже ощутил.

— Я просто не подумал об этом, но впредь буду бдительнее, — ответил тот, держась за ушибленное запястье.

— А могло быть еще хуже, ты легко отделался. Почему тебя не устраивает обыкновенный лазерный луч? Ведь с ним не сравнится никакая молния.

Но любопытство взяло верх, и Блейк, взяв странную конструкцию в руки, направил ее на стальную пластину и с опаской повернул пусковой рычажок. В мишень ударил тонкий ослепляющий луч из протонов, выпущенных со скоростью 100 000 миль в секунду, а разряженный протонет отбросило назад.

Над пластиной появилось фиолетовое свечение, поверхность стали покрылась пузырями как кипящее масло, и, распространяя невыносимый жар, металл превратился в облако светящегося газа.

Блейк опустил оружие, которое еле удержал в руках после выстрела.

— Если подготовиться к удару заранее, то отдача не так уж велика, примерно как у сорок пятого калибра. Интересная, конечно, штука, но в чем его преимущество перед лучевым ружьем? Оно стреляет очередями, радиус действия у него пять миль, а не полмили, как у этого, к тому же отдачи почти нет.

Пентон усмехнулся:

— Часа через два мы должны оказаться на Трансплутоне, до нас туда не ступала нога человека. По мере наших возможностей мы должны определить его состав, минеральные породы, которые там, должно быть, очень необычны, так как температура на планете минус двести шестьдесят пять градусов. И так как мы не химики и не геологи, то должны сделать хотя бы спектральный анализ. Для этого нам и нужен протонет: пары, которые он создает, — прекрасный материал для спектроскопа. А лучевое ружье и дезинтегратор для этого не подходят. Первое дает смазанный спектр, а после второго вообще ничего не остается. Еще пока ты спал, я определил основные параметры планеты: ее диаметр пятнадцать тысяч миль, в экваториальной — жаркой — зоне, куда мы сейчас движемся, температура примерно на пять градусов выше абсолютного нуля. То есть в виде газа там может быть только гелий, все остальные элементы твердеют. В миллионе миль от Трансплутона находится его спутник, диаметр которого около двух тысяч миль. Вот и все, сейчас я рассчитаю торможение, а ты, будь добр, займись завтраком.

Блейк направился в хозяйственный отсек, а Пентон еще раз осмотрел свое творение и стал готовиться к по-

садке. Он трижды объявлял тормозное предупреждение, и каждый раз Блейк торопливо запихивал продукты и кухонные принадлежности в специальные контейнеры. Однажды он все-таки не успел, и яичница долго летала по отсеку, пока неожиданное ускорение корабля не вернуло ее на сковороду, которую Блейк, к несчастью, держал в руках. Отерев с комбинезона потоки желтка, он продолжил свои героические усилия.

Наконец Пентон совершил посадку. Вокруг простиралась холодная безрадостная поверхность Трансплутона. Унылый гнетущий сумрак висел над обледенелой, матово отсвечивающей равниной. Низкое Солнце напоминало далекую звезду и светило не ярче, чем Луна на Землю. Этот унылый свет не давал никакого тепла.

В шлюз повеяло мертвящим холодом. Блейк, дрожа всем телом, судорожно передвинул рукоятку системы обогрева на пояс.

– Боже, какая дикая стужа! – проговорил он, еле справляясь со стучащими зубами.

В его наушниках послышался ехидный смех Пентона.

– Выходи, дружище, разомни ноги, понежься на ласковом ветерке под теплым солнышком.

Корабль стоял на площадке, покрытой крупным голубоватым песком, по краям были разбросаны угловатые черные камни. Это был самый край равнины. К подножию огромного белого кряжа, уходящего вверх, почти вплотную прилегалo озеро. Кряж тянулся на север. Сверху было видно, что он подступает к большой реке, впадающей в еще большую, которая устремлялась в огромное море.

С одной из вершин белого утеса срывалась струйка жидкости, распыляясь на мельчайшие частицы в этой разреженной атмосфере, состоящей, по-видимому, только из гелия и паров водорода.

Кряж перечеркивала уходящая вправо полоса темной скальной породы. Солнце, висящее над голубоватой равниной, отсвечивало на глянцевой поверхности обломков, сорвавшихся с обрыва.

Правая часть хребта терялась в сумрачной дали.

– Внушительно, – прокомментировал Пентон, – но что-то не вдохновляет. Посмотрим, что дальше.

Около двух миль они шли вдоль озера, потом по извилистому руслу ручья, вытекавшему из него. Потом ручей разделился на множество ручейков, перерезавших всю голубоватую равнину.

Песчаный грунт оказался достаточно прочным, и Пентон двинулся вперед.

– Блейк, за мной! Идти совсем не трудно.

Блейк бросил ему спектральную камеру и осторожно двинулся следом.

– Слушай, что за странный песок? Он какой-то не такой, – крикнул он, перебираясь через ручей. Оказавшись на том берегу, он наклонился и зачерпнул горсть голубоватого «песка». На его глазах горка в ладонях стала медленно таять и исчезла.

– Похоже на замерзший кислород, – сказал Пентон. – Кряж – вероятно, это замерзшего глыба азота. Песок под ним тоже азот. А вот темные обломки, думаю, обычная скальная порода.

Далекое солнце по-прежнему тускло отражалось в темных изломах скал.

– До чего уныло выглядит эта голая поверхность в тусклом холодном свете. Хоть бы снег припорошил эту наготу.

Пентон согласно кивнул.

– Снег, наверное, смыли потоки жидкого водорода. Подобный дождь здесь должен случаться часто. – Он качнул головой в шлеме в сторону азотного хребта. – Теперь снег остался только высоко в горах. А сейчас давай остановимся и выясним спектр черной жилы.

Они установили камеру, и Пентон направил свой протонет на черный выступ в обрыве.

Вспыхнуло ослепительное пламя, и камень превратился в сверкающий газ. Пентон включил спектральную камеру.

– Свечение бледно-зеленое...

– Пентон, – голос Блейка прозвучал как-то странно. – Ты видишь те круглые валуны?

Пентон покосился на друга.

– Они там валяются сотнями. Теперь давай посмотрим...

– Послушай, я видел, что они зашевелились.

– Наверное, кажется, когда смотришь через пар. Видимо, это тени... – рассеянно отозвался Пентон.

– Но они двигаются и сейчас!

Пентон оторвался от своих мыслей и внимательно взгляделся в один из валунов. Сомнений быть не могло – медленно, еле уловимо, но глыба, как и соседние с ней, меняла форму. И, не переставая деформироваться, они неуклюже переваливались в сторону раскленного пятна, оставшегося после залпа протономета.

– Они... нет, не может быть! Да ведь они живые, – от изумления у Пентона перехватило дыхание.

Блейк издал вопль и неуклюже рванулся к глубокой щели в обрыве.

– Когда захочешь еще поорать, Род, сначала отключи свой шлемофон, – резко сказал Пентон. – И к тому же нет необходимости так скакать – они движутся очень медленно.

Пристыженный Блейк вышел из укрытия.

– Ну да, я испугался. Испугаешься тут, когда вдруг видишь, как камень начинает ходить. Хорошо еще эта дрянь неожиданно до нас не дотронулась.

Тут он прервался на полуслове, обернулся и вдруг бросился, не разбирая дороги, по островкам, ведущим к озеру, в сторону корабля.

Пентон обернулся и какое-то время оцепенело смотрел на то, что обратило в бегство его друга.

Нечто неопределимое, многочисленное надвигалось от края покрытой сумраком равнины. Это было не похоже на медленное переваливание округлых глыб. Десятки огромных существ двигались в стремительном, фантастическом марше. Темная слитная масса, выкатывающаяся из призрачного тумана, казалась неправдоподобной.

Тем временем Блейк преодолел полпути к островкам.

– Вернись, Род, ты не успеешь! – очнувшись, закричал Пентон.

Блейк на ходу оглянулся и, сочтя предостережение справедливым, так же быстро побежал назад.

– Дай Бог, чтобы они не тронули корабль, – еле переводя дух прохрипел он. – А нам хорошо бы укрыться в расщелине.

– Не думаю, что они опасны для нас. Если что, мы переждем на той стороне озера. Но хотел бы я знать, что это такое, никогда не видел ничего даже похожего.

Странное стадо тем временем замедлило свой бег, и теперь в тусклом свете солнца можно было рассмотреть громадных существ около сотни футов длиной и тридцати в диаметре. Их темная окраска почти сливалась с окружающим темным фоном. Их чернота, казалось, поглощала любой свет, падающий на них, как мрак самого Космоса.

Одно из первых цилиндрических существ вдруг как-то неестественно сложилось и в результате этого маневра повернуло в сторону корабля.

– Они все-таки движутся к кораблю, – теперь заволновался и Пентон. – Их надо остановить.

Он поднял протономет, прицелился в ближайшую глыбу и нажал кнопку. Из оружия вырвался тонкий сноп раскаленного света и, достигнув цели, расплылся пылающим пятном на боку цилиндра.

Существо вздрогнуло и замерло, черная окраска стала странно исчезать, переходя в серо-голубой оттенок. Цилиндр как-то расслабился и стал оседать, как шар, из которого выпускают воздух. Наконец один его конец опустился в озеро. Жидкий водород забурился, закипая, сильный ветер уносил клубы пара.

И вдруг несколько существ, спешащих в сторону корабля, повернулись и быстро покатались к распластанному на берегу собрату. Они извивались рядом с тушей, а еще с полдюжины подоспевших глыб отталкивали их, стараясь найти место у мертвого тела. Те, кому это не удалось, снова направились к кораблю. Пентон выстрелил еще и еще – пять темных глыб замерли и рухнули мертвыми, на них тут же взгромоздились другие.

Пентон покачал головой и опустил оружие.

– Это безнадежно. Их тут сотни и приближаются следующие – всех не перестреляешь. Я все понял – они идут на тепло.

– Зачем им тепло?

– Видишь, как они присосались к теплему каркасу корабля? Они живые, и им необходимо тепло. Дай Бог, чтобы корабль выдержал.

– Но почему они не боятся?

– Видимо, им просто неведомо чувство опасности или страха. Смотри, их у корабля стало еще больше.

Цилиндры извивались, лезли друг на друга, задние, издавая неясное ворчание, отталкивали передних, чтобы протиснуться к нагретому металлу.

– Да... – задумчиво произнес Пентон. – Тепло им необходимо. Видимо, их черный покров удерживает тепло, так что они, можно сказать, теплокровные. А сразу после смерти их тело это тепло излучает, видишь, они бросили того первого, он, наверное, уже совсем остыл.

Но Блейка сейчас больше интересовало другое.

– Послушай, наш звездолет, конечно, очень крепкий, – произнес он, – но при этой температуре металл мог стать более хрупким. Ты уверен, что он выдержит подобную нагрузку?

– Уверен. Стены обогреваются от реактора, а горючего там еще месяцев на двенадцать, – Пентона волновало явно что-то другое. – А вот хотел бы я знать, как мы проникнем на корабль. Можно, конечно, вежливо попросить одну из этих туш подвинуться, но, боюсь, они не поймут нашего языка.

– К тому же мы теплые, – задумчиво произнес Блейк. – Будет не очень приятно оказаться в объятиях этих монстров.

– Ты прав, – отозвался Пентон, оглянувшись, – Но, к сожалению, они уже направляются к нам сами.

И правда, несколько цилиндров, оторвавшись звездолета, резво двинулись к ним – напрямик через озеро жидкого водорода.

– Может, они утонут? – с надеждой спросил Блейк сам у себя.

– Или замерзнут, – откликнулся Пентон.

Но дальше последовало нечто, не поддающееся осмыслению. Когда первый цилиндр, поднимая радужные ледяные фонтаны, погрузился в озеро футов на двадцать, он наконец остановился. Широкий срез на его передней части стал расщепляться, слой черной глянцевої кожи скручивался до тех пор, пока не превратился в подобие хобота. Эта огромная, фута два в диаметре труба, вытянувшись и глубоко погрузилась в невыразимо холодную жидкость. Поверхность пошла рябью,

затем образовались воронки. Раздалось жуткое хлюпанье, и труба оторвалась от озера.

— Оно это пьет, — голос у Пентона был странно севший. — Пьет жидкий водород! Клянусь всеми галактиками, оно его пьет!

— По-моему, ты боялся, что оно замерзнет, — съязвил Блейк.

Хобот снова погрузился в жидкость; еще несколько тварей спешили на водопой. Наконец первый цилиндр, напившись, свернул свою трубу и радостно поспешил от озера в сторону людей.

Не сговариваясь, оба друга бросились к спасительной расщелине. Огромное существо мчалось со скоростью не меньше сорока миль в час. Едва люди успели протиснуться в узкую щель, как вся стена содрогнулась от впечатавшейся в нее чудовищной массы.

Щель оказалась наглухо закрыта снаружи угольно-черным телом туши.

— Сюда-то она не пролезет, — задыхаясь произнес Пентон.

Чудовище откатилось от стены, изогнулось и всем телом ударилось об скалу. Ему помог второй подоспевший цилиндр, который со всей скоростью врезался в первого. Тот все продолжал свои попытки сокрушить скалу, его тупой срез наглухо закупорил расщелину.

— Не все сразу, любезные, — попытался пошутить Пентон. — Так вы навряд ли чего-то... — тут он неожиданно подпрыгнул.

Из морщинистого среза чудовища выпросталась дюжина щупалец и метнулась в узкий проход. Люди отпрянули в сходящийся на нет конец расщелины, но Пентон не успел увернуться, и мускулистая живая плоть обвилась вокруг его ног, дернула и опрокинула навзничь. Затем щупальце рвануло его вперед на черную морщинистую кожу, и тотчас несколько щупалец обвили его со всех сторон. Пентон чувствовал, как космический холод вытягивает тепло из его тела, обогреватели его костюма не могли справиться с жутким холодом, исходившим от громадного туловища. Он был почти парализован, а невыносимое давление все глубже втискивало его в морщинистую кожу.

На грани обморока он внезапно ощутил рядом какую-то вспышку, и его обдало теплом. Вслед за этим щупальца судорожно сжались, но Пентон уже почти ничего не ощущал. Затем какой-то мощный толчок, исходивший изнутри туши, отшвырнул его прочь.

Из последних сил он заставил себя подняться. Черная кожа поверженного существа начинала приобретать серо-голубой оттенок, а к теплому трупу со всех сторон мчались другие чудища. Пентон с трудом обошел бесформенную массу и клубок еще шевелящихся щупалец и почти упал в расщелину.

– Я и не подозревал, что ты так силен, – встретил его Блейк. – Мне показалось, что ты решил остаться в этой морщинистой пасти.

В расщелине стало еще темнее. Пентон тоскливо смотрел на остывающий труп и копошащиеся вокруг него черные туши.

– Все-таки невероятно, что здесь оказалась жизнь. Да еще в виде этих бессмысленных, тупых, безмозглых тварей. Ведь их даже испугать нельзя!

– Это не так, – прозвучал в наушниках какой-то странный голос. – Они не безмозглые, но мы потеряли над ними контроль.

Блейк посмотрел на друга:

– О чем ты...

Пентон повернулся к нему:

– Не говори так. Почему ты сказал...

– Это сказал я, – откликнулся странный голос. – Я здесь перед вами, на том, кого вы сейчас убили. Его звали Гругз.

Пентон выглянул из щели. На остывшей серо-голубой туше возлежала еще одна черная.

– Меня самого это очень огорчает, – произнес голос с явной ноткой грусти, – но мы слишком эволюционировали, и теперь ничего нельзя исправить.

– Ведь ты тоже слышишь? – ошарашенно спросил Блейк.

– Как уж тут не слышать, – у Пентона был совершенно несчастный вид, – голос отчетливо звучит в шлемофоне, к тому же говорит по-английски.

– Это не совсем верно, – снова вступил голос. – Здесь слишком разреженная атмосфера и общаться с помо-

щью звуков невозможно. Мы используем, говоря вашим языком, радиосвязь. Я могу замолчать, если пугаю вас. Я только хотел дать вам знать, что мы ничего против вас не имеем.

— Если б вы могли замолчать, я был бы вам очень признателен, — Блейка всего трясло. — Когда придет мой конец, я бы предпочел находиться в здравом уме.

— Подождите, — сказал Пентон. — Можно понять, что вы общаетесь с помощью радиосигналов. Но где вы учили английский?

— Может быть, Блейк отключит пока свои наушники, чтобы не волноваться, — мягко проговорил голос. — Дело в том, что я слышу вашу речь и телепатически воспринимаю большинство ваших мыслей.

Черная туша беспокойно заерзала.

— По-моему, мне придется уйти, простите. Кто-нибудь из моих сородичей...

Цилиндр округлился и быстро покатил к озеру. За ним следом направилось еще одно существо, и друзья услышали новый голос, постепенно удаляющийся:

— Я был бы рад побеседовать с вами, но Гругз уже почти холодный. Я не смогу остаться с вами.

— Интересно, кто из нас болен — они или мы? — задумчиво произнес Блейк. — У меня такое чувство, что мы.

— У меня нет никаких мыслей по этому поводу, — уныло откликнулся Пентон. — Наверное, нам лучше добраться до корабля, пока они все ушли.

Он осторожно перебрался через холодную тушу. Их окружало не менее двух тысяч огромных существ, большинство из которых сейчас направлялись по голубоватому песку на «водопой». Громадные трубы погрузились в озеро, и раздалось знакомое чудовищное хлюпанье. Потом цилиндры раскрылись с другого конца и показались клейкие щупальца, заканчивающиеся чем-то напоминающим ковш. Щупальца стали загребать твердый кислород и запихивать его в темное углубление, находящееся под защитной оболочкой на конце цилиндра.

— Хотя происходящее и трудно воспринять, но, думаю, с ума мы не сошли, — задумчиво сказал Пентон. — Ведь все это мы видели так же отчетливо, как до этого слышали их голоса. То, что они в одно отверстие засы-

пают твердый кислород, а в другое заливают жидкий водород так же непостижимо, как и то, что все они говорят с нами по-английски. Смотри, лежат себе, как на пляже, под ультраразреженным, негреющим солнцем. Хотя далеко от корабля они не отходят.

— Прошу прощения, но я к вам приближаюсь, — раздался извиняющийся голос с немного странным произношением. — Может, вы будете так добры и вернетесь в расщелину?

Оглянувшись, Тед Пентон увидел совсем рядом громадный цилиндр, катящийся к расщелине. Несмотря на огромную массу, эти существа двигались на удивление тихо. Людям ничего не оставалось, как снова вернуться в свое убежище. Туша налетела на скалу, и все вокруг задрожало.

— Видимо, мне придется остаться здесь, — заметило существо. — Так что вам придется спрятаться поглубже в расщелину.

Цилиндр неуклюже изгибался.

— Кажется, я собираюсь достать вас щупальцами. Подвиньтесь, пожалуйста. Да, наверно, я застряну здесь надолго. Это хорошо.

Существо с трудом повернулось. Лентообразные щупальца извивались впустую, так как Пентон и Блейк отступили в глубь расщелины.

— Ну и дела... — сказал Блейк. — Эй, мы хотим выйти отсюда.

— Ничего не поделаешь, — ответило чудовище. — Уничтожать меня, как Гругза, бессмысленно. Сразу же возникнут другие.

— Что же вы за организм? — воскликнул Пентон. — Слизкая желеобразная туша за считанные минуты изучает наш язык, читает мысли, здраво рассуждает...

— Это непривычно для вас? Я не знаю, как вам помочь, хотя очень хочу. Знаете, ведь сначала мы были разумными существами, для которых этот неуютный мир был очень хорош. — Существо задрожало от напряжения, пытаясь проникнуть в узкую расщелину. — Я искалечу себя, если протиснусь еще немного... Да, в этой туше нет ни капли ума... Но тело организовано прекрасно. Все дело в ландшафте. Эти горы, как вы знаете, единственные на планете. Всю поверхность занимают

равнины. И здесь очень мало тепла. Цилиндрическое тело, не рассеивающее тепла, с компактными щупальцами вместо ног, большая масса, большой объем. Казалось бы, слишком громоздко... Но на равнинах мы чувствуем себя превосходно. Ах, я поранился. Лучше мне не втискиваться дальше...

– Так остановитесь! – вскричал Блейк.

– Я не могу. Эволюция зашла слишком далеко.

У Пентона глаза полезли на лоб.

– Что значит слишком далеко?

– Как я уже говорил, мы были существами с высоким уровнем интеллекта. Поверхность наших тел пропускает тепло только в одном направлении. Мы едим кислород, пьем водород, греемся на солнце, иногда поглощает друзей...

– Что такое друзег?

– Это... подождите, я сейчас подберу слово. Это, можно сказать, вид растений. Они часто живут в ручьях, во всяком случае держатся рядом с ними. Друзег могут медленно передвигаться. Они питаются твердым азотом, водой, потом греются на солнце и выделяют водород и кислород. Таким образом они разложили всю воду на планете на эти элементы. Теперь вода осталась только в наших телах, там она образуется из того, что мы едим.

– С этим понятно. Но вы так и не объяснили, почему продолжаете пытаться нас достать, если сами, как утверждаете, этого не хотите? – раздраженно спросил Блейк.

– Это связано с тем, что нам приходилось почти все время искать себе пропитание. И постепенно наши тела стали как бы самостоятельно искать пищу, в то время как наш ум предавался размышлениям. Это можно сравнить с тем, как вы идете по улице и читаете журнал, а ваше тело двигается как бы автоматически. Мы усовершенствовали этот трюк. Я, например, добивался результата двести наших лет.

– Да ведь двести ваших лет – это почти восемьдесят тысяч земных!

– Правильно, планеты вашей галактики вращаются вокруг Солнца как сумасшедшие. У нас другой ритм. На нашей планете нам ничего не угрожает, ничто не может причинить нам вред или убить. Здесь очень размеренная

жизнь, и мы живем около трех тысяч лет – около миллиона с четвертью ваших. Мне уже около миллиона.

Блейк ошеломленно смотрел на тупой срезанный цилиндр, извивающиеся щупальца. И этому существу миллион лет!

– Так вот, бесчисленное множество лет мы провели, почти не обращая внимания на наши тела. За этот срок мы усовершенствовали свой интеллект, язык, познали законы космоса, возможности механизмов и даже начали конструировать звездолет, намереваясь посетить другие миры. Но в какой-то момент мы обнаружили, что наши тела тоже усовершенствовались, у них развилось что-то вроде нервной системы, как бы вторичный мозг, они сами собой управляют. И когда мы попробовали снова взять их под контроль, то поняли, что сделать этого не можем.

– Так вы совсем не контролируете ваши тела? – изумился Блейк.

– Боюсь, что так. Видимо, нервные пути, ведущие от мозга к органам тела, у нас окончательно атрофировались. Никто из нас не может управлять своим телом. Например, я при всем желании не смог бы удержать свое тело здесь, если бы оно не чувствовало ваше тепло и не пыталось бы добраться до вас.

– А вы не можете объяснить, на чем основана ваша односторонняя теплопроводность? – спросил Пентон. – Я бы не отказался обладать столь удобным свойством.

– Это свойство возникает в живых тканях только при низких температурах, – произнес голос. – Но мне трудно объяснить это на вашем языке, а изучать мой у вас не хватит времени. Я вижу, что мы не контролируем свои тела, а вы не всегда можете контролировать свой мозг.

– О чем это вы? – удивился Блейк.

– Дело в том, что часть вашего мозга сейчас охвачена беспокойством, особенно с той минуты, как раздался звук, означающий переключение на запасной кислородный баллон. Ваш мозг лихорадочно ищет выход, но сигнал еще не дошел до вашего сознания.

Блейк посмотрел на циферблат, показывающий содержание кислорода в баллонах. Слова существа подтвердились – запасной баллон медленно иссякал.

– Слушай, они были наполнены как обычно? – спросил Пентон.

– Да, их должно хватать на три часа, а прошло всего два. – Блейк был в явном замешательстве.

– Позвольте вам объяснить, хотя подсознательно вы и сами уже знаете ответ, – вмешался голос. – На нашей планете сильнее притяжение. Поэтому все ваши движения и действия требовали больше усилий и ваши организмы потребляли больше кислорода, чем обычно. Вы ведь, наверное, заряжали ваши баллоны на Луне, а там тяжесть меньше и расход кислорода тоже меньше.

– Видимо, вы правы, но что же теперь делать?

– Ваш мозг уже нашел ответ, но вы этого не осознали: попробуйте твердый кислород, которым покрыт пол пещеры.

– Верно, стоит попробовать.

Пентон отстегнул у Блейка баллон, потом они собрали несколько кристалликов кислорода и опустили в баллон. Минут через пять они превратились в газ, клапан баллона щелкнул. Блейк быстро перевел переключатель и вздохнул.

– Как противно пахнет, даже дышать тяжело.

– Раньше мы могли ощущать запах кислорода, он был разным, в зависимости от того, какие друзья его вырабатывали. Теперь мы не чувствуем своих тел и поэтому забыли, что такое запахи и тепло. Чувство тепла – это было так приятно.

– Что же тогда наш корабль осаждает целая орда? – поинтересовался Пентон.

– Им очень совестно, но ничего нельзя сделать, ведь их тела вышли из-под контроля и действуют сами по себе... Вот наконец-то я серьезно поранился!

Существо глубоко вклинилось в расщелину и, пытаясь высвободиться, сильно поранило одно из щупальцев. Из раны хлынул поток темной густой жидкости, которая моментально застывала на ледяных камнях.

– Кажется, я все-таки смог убить себя! – в голосе звучала явная радость.

– Вы радуетесь тому, что смогли себя убить? – ошеломленно спросил Пентон, глядя на тушу, которая беспорядочно дергалась, пытаясь высвободиться.

– Конечно, я рад. Сломанная кость проткнула одну из артерий, и минут через десять я освобожусь от этой тупой, неуклюжей горы мяса. А разве вы не рады от нее избавиться?

ся? Вот Грутз тоже был счастлив, когда через двадцать семь столетий ему удалось сформировать свое силовое поле.

— Как это так? — спросил Блейк.

— У меня не хватит времени, чтобы вам это объяснить, — торопливо ответил голос. — Ваш язык очень беден, а мне надо успеть сформировать свое силовое поле. Жаль, я смог бы вас многому научить — и как делать необходимое оружие, и как оказаться на своей планете с помощью чистого силового поля.... Но я быстро остываю и должен проститься с вами... — голос прервался.

Рана засветилась уже знакомым серо-голубым сиянием, мощные мышцы расслабились, и цилиндр начал уплощаться. Со всех сторон к остывающей туше спешили другие, чтобы насладиться остатками его тепла.

— Я начинаю понимать, — произнес Пентон. — Их тела сами по себе тянутся к любому источнику тепла.

— Именно так, а мы совершенно не можем ими управлять, — вступил новый голос. — Я огорчен, что ваше оружие скоро станет бесполезным. На сколько еще хватит?

— Залпа на три. Мы не предполагали использовать его как оружие. И вообще не думали встретить здесь жизнь, — мрачно произнес Блейк.

— На всех планетах Солнечной системы есть жизнь. Вы еще не встречались с самыми развитыми ее формами.

— Мы бы очень хотели познакомиться с ними, — ответил Блейк. — Но для этого нам необходимо выбраться отсюда. Может, вы подскажете, как заставить наш протонOMET сделать еще несколько залпов?

— Я был бы рад это сделать, но ваш язык не позволяет вам объяснить. Если бы я мог воздействовать на ваш мозг или хотя бы контролировал свое тело, то у меня что-нибудь бы получилось. Хотя в этом случае вам не понадобилось бы прибегать к оружию. А я уже давно бы сформировал свое силовое поле.

— Да объясните наконец, что это такое? — взорвался Пентон.

— Когда умирает физическое тело, высвобождается мысль. Мысль — это энергетическое поле, поэтому, например, возможна передача мыслей на расстояние. При определенной степени сосредоточенности можно создать вихревое поле мыслительной энергии, оно питается потоками энергии космической и может оставлять-

ся стабильным сколь угодно долго. Это поле возникает только после уничтожения физического мозга, а я, к сожалению, не могу приказать своему разрушиться. Любой из нас помог бы вам добраться до корабля, если вы освободите нас от этих глыб плоти.

— Скорее первыми от своих тел освободимся мы, а нам бы этого совсем не хотелось, — мрачно произнес Пентон.

— Я все знаю, — грустно отозвался голос. — Но боюсь, мне пора уходить.

Сотрясая почву, три цилиндра отправились на водопой к озеру.

— Что нам за польза от их дружелюбности и разумности? — воскликнул Блейк. — Не они, так их тела, гори они огнем, нас погубят.

— Огонь, гори они огнем, — как во сне повторил Пентон. — Огонь! Как же раньше мне это не пришло в голову! — смеясь, вдруг воскликнул он.

— Мне и сейчас не приходится. Почему огонь? — тихо спросил Блейк.

— Здесь озеро и река из жидкого водорода и твердый кислородный берег, — Пентон возбужденно смотрел на друга. — Кислород и водород образуют воду и выделяют уйму тепла. Эти твари стремятся к теплу, к тому же хотят умереть. Так мы им поможем.

— Это и вправду идея, — отозвался Блейк.

В тридцати футах от их укрытия кислородную равнину прорезал ручеек жидкого водорода.

Пентон вскарабкался на одну из замерзших туш, прицелился и выстрелил из протономета в берег ручья.

Закрутился бешеный смерч горящего газа. Но пламя почти сразу погасло. Два существа устремились было к нему, но повернули назад.

Пентон ошарашенно смотрел на Блейка.

— Как оно может не гореть?!

— Оно должно гореть, — Блейк был удивлен не меньше. — Химические законы не могут так отличаться, хотя здесь очень холодно. Попробуй еще.

Но и после второй попытки пламя сразу погасло, а с неба посыпался кислородный снежок и водородные капли.

Пентон и Блейк непонимающе смотрели друг на друга.

— Видимо, здесь все-таки другие химические законы. Не хотят они гореть.

– У меня кислород кончается, и клапаны в баллоне тоже барахлят, – чертыхнулся Блейк поворачивая вентиль. – Снова заело. Лучше уж замерзнуть, чем задохнуться.

– Невелика разница, – сказал Пентон. – Оружия нет, кислород кончается, на корабль вернуться невозможно, но и ждать, когда они уйдут, мы не можем.

Блейк выругался и снова отвернул кислородный клапан. Потом он взобрался на застывшую тушу у входа в пещеру и посмотрел на равнину. Водородный ручей струился по новому руслу совсем рядом.

Блейка пошатывало.

– Пр-р-р-охлажденные твари, з-заразы, кислород, водород... не хотите гореть... Это же вода... – от избытка кислорода Блейк совсем опьянел, так как кислородный клапан его баллона заело в открытом положении. Он отсоединил от скафандра флягу с водой и, размахнувшись, бросил ее в водородный ручей. – П-п-получай, скотина, воду!

С трудом прицелившись он выстрелил. Взрывная волна отшвырнула их с Пентоном в глубь расщелины.

Гигантский столб голубого пламени взметнулся до небес. Огненный вихрь поглотил водородный ручей, а кислородный песок, расплавившись, вскипел и слился со стеной огня, которая устремилась вдоль берега озера. Через миг уже все озеро пылало.

Тысячи существ устремились к огню. Толкаясь, они катились к источнику тепла, где их ждала мгновенная смерть.

Пентон перекрыл кислород в скафандре Блейка и потащил приятеля за собой. Через сотню метров Блейк потряс головой и приоткрыл вентиль.

– Черт, опьянел от кислорода... Эй, что это?

– Давай, давай! Не открывай клапан слишком сильно. Надо добраться до корабля, пока этот костерок не погас.

Когда Пентон захлопнул тяжелую крышку люка шлюзовой камеры, они с облегчением вздохнули.

– Что это было? – спросил Блейк.

– Вода! Водород и кислород не могут соединиться при отсутствии воды, а друзегги здесь поработали так, что ее совсем не осталось. Твоя фляга и послужила затравкой. Вот так. Ну, давай в рубку. Поищем планету с более теплым климатом.

ГЛУБИНА

I

Вода была из трещины тонкой струей, плотной, словно стеклянный прут, и с хрустальным звоном разбрызгивалась над приборами. Океанская толща в две с половиной мили создавала давление почти четыре тысячи фунтов на квадратный дюйм батискафа. Клиф Родни, сгорбившись в кресле пилота, уставился на струю, постепенно становившуюся толще. Он думал о том, насколько все же хорошая штука жизнь и как сера и пуста ее противоположность. Клиф Родни был молод; ему не хотелось умирать.

Всего несколько секунд назад все было в порядке. Бархатная темнота глубин за массивными иллюминаторами внушала Клифу страх, как любому человеку; но он почти не обращал на нее внимания, как и на косяки фосфоресцирующих рыб, тускло мерцавших в темноте, и рой подводных тварей, мелькавших в яркой золотой полосе поискового луча. За время своих исследований Клиф Родни настолько свыкся с этими представителями глубоководной фауны, что они казались ему почти дружелюбными.

Но внезапно иллюзия безопасности разрушилась. Странные изменчивые тени, в которых он угадывал новую для себя угрозу, надвинулись на субмарину из темноты и мрака.

Похожие на пауков ракообразные с длинными усами спешно закапывались в донную грязь. Маленькая рыбка, одно из тех слепых и бесцветных созданий, что снабжены светящимися органами, и другие, далеко не столь безобидные, вооруженные страшными зубами, похожими на иглы, в страхе метнулись прочь. Расширяя и сжимая свои зонтовидные тела, в спешке уплывали желеобразные медузы. Даже мертвенно-бледные анемоны заняли защитную позицию, предусмотрительного сжав свои похожие на цветы короны.

С завидной ловкостью незнакомцы избегали луча прожектора. Клиф замечал только быстрое движение огромных бронированных щупальцев и убийственный

блеск огромных глаз. Затем лодку сильно трянуло, как будто она с чем-то столкнулась. Удар пришелся в передний наблюдательный иллюминатор.

На толстом стекле появилась трещина, похожая на изогнутую серебряную ленту. Из нее забила тонкая упругая струйка, которая угрожающе росла, поскольку давление воды раздвигало края трещины все шире и шире.

Клиф машинально сделал все необходимое. Он запустил на полную мощность вертикальные винты, чтобы поднять лодку на поверхность, но лопасти винта тут же встретились с жестким сопротивлением, как будто их кто-то схватил и удерживал. Моторы отказали, и подводная лодка опустилась на дно Атлантического океана. Оставалась последняя надежда – SOS.

Клиф нажал кнопку, и аварийный буй, отделившись от лодки, быстро ушел к поверхности. Однако Клиф знал, что даже если буй увидят на «Этрүрии», надводной базы его батискафа, ему уже ничем нельзя помочь. Он исчерпал все свои возможности.

Теперь наступила полная неподвижность. Темнота снаружи была черной, как тушь. Клиф по-прежнему смотрел на тонкую струю воды. Отскакивающие капли рикошетом ударяли в него, но он не обращал на них внимания. Он словно впал в транс. Зрелище заворожило его, заставив забыть все происшедшее. Сознание затуманилось, в мозгу возникали странные ассоциации.

Забавно, как эта струйка воды разбивается, ударяясь о блестящий металл приборов. Совсем не подумаешь, что это так опасно. Летящие капельки падали тут и там, словно драгоценные камни, сверкая в тусклом свете электрических ламп. И звуки, которые они издавали, походили на хихиканье эльфов и фей.

Маленькое создание глубин, втянутое в трещину, взорвалось с глухим звуком, когда исчезло давление его обычной среды обитания.

У нас с ним много общего, подумал Родни. Нас одинаково легко уничтожить. Только он – человек; люди гордятся тем, что контролируют силы природы, но сейчас он – вопиющий и иронический символ этого бахвальства: его послали сюда в уверенности, что даже дно Атлантического океана покорится владычеству человека, а каков результат?

Подводная лодка слегка накренилась. Родни взгляделся пристальнее. В ярде от поврежденного иллюминатора висела пара глаз. Под ними находился мясистый клюв, который открывался и закрывался, когда чудовище всасывало воду через жабры. Черные, похожие на кнуты щупальца змеились вокруг него, как волосы Горгоны. Тело чудовища было прозрачным, и Клиф видел колеблющиеся контуры его внутренних органов.

Ничего удивительного – просто еще один дьявол глубин. Так подумал бы Клиф Родни, если бы не столь необычный вид существа, которое он видел, словно в тумане. Клювообразный рот был лишен какого-либо выражения, но взгляд больших прозрачных глаз казался осмысленным. Щупальца держали небольшой прут или стержень, заостренный с одного конца, словно клинок. Видение удалялось. Колыхаясь всеми членами, чудовище исчезло из виду.

– Стержень, – вслух пробормотал Клиф. – Интересно, откуда у него стержень?

Внезапно почувствовав озноб от нахлынувших на него эмоций, он быстро встал, погрузив ноги в воду, покрывавшую пол подводной лодки почти на шесть дюймов, и повернул выключатель; лампы померкли. Лучше скрыться в темноте, подумал Клиф, и занял свое место у иллюминатора.

И снова подводная лодка вздрогнула. Затем перевернулась. Клиф Родни вылетел из пилотского кресла и ударился о приборы судна. Ледяная вода окатила его с головы до ног.

Падая, он пытался защитить голову руками, но удар о металл вызвал судорогу, а затем оцепенение, сковавшее все тело. Электрошок, мелькнула мысль. Он попытался выругаться, но результатом был только сдавленный хрип. Отчаянно стараясь не потерять сознание, Клиф упал между приборами.

Дальше его впечатления смазались. Лодка куда-то двигалась сама собой, словно на буксире. Вода с журчанием продолжала просачиваться внутрь. Родни лежал в постоянно прибывающей воде, чувствуя на губах горько-соленый вкус. С каждым энергичным толчком судна пенная вода заливала ему лицо. Он поперхнулся и

закашлялся. Только бы удержать голову над водой, чтобы дышать!

Во время очередного прояснения сознания он удивился, почему цепляется за жизнь, ведь поврежденного иллюминатора достаточно, чтобы приговорить его к смерти. Сработал ли инстинкт самосохранения, или это было более разумное побуждение — чувство ответственности, Клиф не знал. Он не был мифическим героем; как у всякого, у него имелись свои достоинства и недостатки, а мужество среди людей хотя и почетно, но ценится дешево.

Последнее, что услышал Клиф, прежде чем сознание покинуло его, — свист огромных плавников, рассекающих воду рядом с восемнадцатидюймовой броней подводной лодки.

II

Возвращение в реальный мир напоминало кошмар. Клиф Родни лежал, наполовину затопленный ледяной водой. Он все еще находился внутри своего батискафа почти на две трети затопленного соленой водой. К счастью, Клиф лежал на металлической скобе, и его голова время от времени поднималась над поверхностью воды.

Вода больше не вливалась через трещину в иллюминаторе. Вообще не ощущалось никакого движения. Стояла мертвая тишина, если не считать какого-то отдаленного прерывистого свиста.

Воздух был удушливым и настолько зловонным, что почти невозможно было дышать. Кроме того, ощущался резкий запах хлора, скорее всего из-за электролиза морской воды, которая проникла в разрыв электрической проводки. Серый люминесцентный свет просачивался через иллюминаторы левого борта, тускло освещая внутренность лодки.

Промокший насквозь, ощущающий боль во всем теле, продрогший до костей Клиф подполз к разбитому иллюминатору. За ним был воздух, а не вода. Он не погасил прожектор, и тот все еще горел, питаемый энергией аккумулятора, надежно защищенного на случай аварии.

Впрочем, нужды в свете не было. Слабое, но достаточное для освещения сияние исходило от окружающих стен помещения, в котором находилась подводная лодка. Клиф выключил прожектор.

По грудь в воде он пробрался к приборной доске, нащупал рычаг и дернул его. Вода через открывшийся клапан хлынула наружу. Журчащий звук неприятно резанул ухо. Очевидно, атмосферное давление было далеко от нормального.

Затем он попробовал открыть люк над головой, но первая попытка не удалась, и он навалился на него всем телом. Наконец люк сдвинулся, утомленный Клиф выбрался наружу и спрыгнул вниз.

Помещение, в котором он оказался, было эллиптической формы, куполообразное и совершенно пустое. В длину оно имело примерно тридцать пять футов, что в два раза превышало длину подводной лодки. Пол покрывали лужи, на стенах — капли влаги, явные признаки того, что совсем недавно оно было затоплено. В стене имелось два круглых отверстия, расположенные друг против друга, одно намного больше другого. Оба были закрыты заглушками из какого-то полупрозрачного аморфного материала.

У Клифа возникло два непосредственных побуждения: первое — понять, где он находится, второе — выбраться отсюда.

Он начал свои исследования с большей из заглушек. Она закрывала огромное отверстие и была закреплена в нем плотным клейким веществом, все еще липким при прикосновении. За ней слышался отдаленный шепот океана. Значит, это тот самый путь, через который подводную лодку поместили сюда.

После этого воду спустили через люки в полу. Поток, вылившийся из бортового клапана подводной лодки, все еще булькал в них, всасываемый, возможно, каким-то скрытым механизмом. Так, с этим все ясно.

Клиф обратил внимание на стены, пытаясь найти объяснение исходившему от них фосфоресцирующему свечению. Поверхность их была твердой и гладкой, как стекло, но вещество, из которого они были сделаны, лишь казалось стеклом. Оно имело необычный молочный, опаловый блеск, как у раковины. Напрягая зрение, он вгляделся в полупрозрачный материал.

На расстоянии в несколько дюймов проносились маленькие блески. Какие-то морские существа безостановочно сновали взад вперед. Он понял. Камера имела две стены, пространство между которыми заполняла вода, и эти дающие свет организмы были помещены туда, чтобы поддерживать освещение. Это было просто до гениальности, но люди никогда не использовали такого способа освещения.

Похоже, в его новом окружении нет ничего, что напоминало бы вещи, производимые людьми. Стекло купольной камеры на самом деле не стекло. Его вещество напоминало внутреннюю поверхность раковины. Создавалось впечатление, что вся камера сооружена из единого куска этого материала, поскольку нигде не имелось ни одного соединительного шва, скрепляющего отдельные части купола. Заглушки, закрывающие отверстия, также были очень странными. Люди скорее всего сделали бы их из металла.

Клиф Родни уже готов был признать, что вступил в контакт с цивилизацией более фантастической, чем марсианская или венерианская. Однако если те планеты напоминали Землю хотя бы тем, что их окружала атмосфера, то в подводном мире, где он очутился, окружающая среда, вероятно, заставила морских обитателей идти по пути развития, в корне отличающемся от человеческого.

Продолжая свое исследование, Клиф обнаружил, что воздух в купол поступает через четыре трубы, проходившие через двойные стены его тюрьмы. Воздух вырывался из труб ритмичными, шипящими порывами, а затем выходил через водостоки, поскольку других отверстий, кроме этих, не наблюдалось.

Интересно, каким образом производится эта протухшая атмосфера и как его хозяева узнали, что для дыхания ему необходим кислород? Неужели они знают, откуда я появился, думал Клиф. Ведь для них земля, освещенная солнцем, так же невероятна, как четвертое измерение.

Он вспомнил электрический шок, который лишил его сознания на время похищения. Здесь производится электричество. Но как? Он не видел вокруг себя ни кусочка металла.

Клиф вздрогнул. Яснее, чем прежде, он осознал, что за барьером, который защищал его, находилась толща воды, способная моментально раздавить его.

Запоздало до него дошло, что за ним, возможно, наблюдают любопытные обитатели подводного мира. Он посмотрел на купол и убедился, что догадка оказалась верной. Вокруг полукруглой крыши на полпути к ее центральной оси находилось кольцо круглых окон из вещества более прозрачного, чем вещество двойных стен.

Хотя с первого взгляда их нелегко было различить, теперь, присмотревшись, он достаточно ясно их видел. В каждом окне маячила пара огромных блестящих глаз и извивалась масса черных щупальцев. Силуэты яйцевидных тел этих созданий выделялись в смутном свете, исходящем из какого-то непонятного источника, расположенного за ними.

Взгляд чудовищ казался холодным, заинтересованным и напряженным, хотя Клиффорд Родни не мог бы с уверенностью сказать, какие эмоции, если они вообще были присущи этим существам, выражают их клювовидные рты и прозрачные глаза.

Клиф почувствовал ужас; он наконец осознал свое положение. Для этих морских созданий он, без сомнения, просто амеба под микроскопом, экспонат для исследования и изучения!

На помощь ему пришло чувство юмора, которое не покидало его в самых трудных ситуациях. Он захихикал сквозь зубы. По крайней мере до него еще никто не находился в такой необычной ситуации. Это обстоятельство должны оценить ученые, жаждущие изучать все новое и необычное. Если, конечно, когда-нибудь он сможет доложить об этом приключении начальству.

Клиф помахал рукой тем, чьи глаза неподвижно и пристально смотрели на него.

— Привет! — закричал он. — Что вы собираетесь со мной сделать? Выпустите меня отсюда!

Они не могли понять его, но наверняка догадались по жестам, что он их увидел и настаивает на внимании к себе.

Клиф Родни замерз и задыхался от прогорклого воздуха. Что-то просто обязано произойти в ближайшее время, подумал он, иначе его силам придет конец, и тогда

он не в сможет увидеть продолжение всей этой истории. Сырой ледяной холод — это самое худшее. Воздух был бы не так уж плох, если бы не тошнотворный запах. Закурить бы сигарету, но где ее взять — все промокло.

Что за забавная мысль — сигареты! Неужели он рассчитывает на то, что эти яйцевидные существа обеспечат ему такую роскошь? Но поскольку здесь больше не имелось никого, к кому можно было обратиться за помощью, он продолжал выкрикивать ругательства и просьбы и махать руками, пока не выдохся.

Морские обитатели никак не реагировали. Внутренние органы колебались внутри их прозрачных тел, натянутые мембраны под клювовидными ртами вибрировали, возможно, передавая сквозь воду сигналы, похожие на речь, но он, конечно, ничего не мог слышать, а их щупальца извивались на внешней поверхности обзорных окон, производя звуки, похожие на те, что издает мышь, скребущаяся в коробке. Но Клиф не видел никакой выгоды для себя в проявлении их интереса.

Каждые несколько минут одна пара глаз исчезала, а другая занимала ее место. Овоиды изучали его почти так же, как люди разглядывают уродца. Он представил, как они ждут своей очереди, чтобы его увидеть. Это было столь же забавно, сколь ужасно.

Утомившись, он сдался. Возможно, они вообще не могут ему ничем помочь. Найти бы что-нибудь сухое, чтобы согреться!

Озаренный внезапной надеждой, он вскарабкался на борт подводной лодки и спустился в люк. У него имелся маленький электрический обогреватель, но, быстро осмотрев его, Клиф убедился в его полной непригодности. Пропитанные морской водой спирали прибора отказывались работать, а у Клифа не было возможности их просушить. Поразмыслив, он решил использовать прожектор. Если прижаться к лампе, возможно, он получит хоть немного тепла.

Клиф выкарабкался из мокрого салона. Перед тем как прыгнуть на пол камеры, он встал на цыпочки на изогнутом борту лодки и попытался заглянуть в одно из окон купола. Несмотря ни на что, его продолжало занимать, что же находится за светящимися стенами подводного зала. Но он стоял недостаточно высоко, а воз-

возможности подняться повыше не было. Он мог видеть только проблески слабого зеленоватого света за неподвижными яйцевидными тенями, которые закрывали окно.

Он соскользнул с лодки и всем телом прижался к линзе прожектора. Лучи его немного согрели — совсем немного, но достаточно, чтобы измучить себя мыслью о настоящем тепле — жаре солнечного света или огня в камине.

Он подумал о физических упражнениях, и даже заставил себя помахать руками и потопать ногами. Но тут же почувствовал, что слишком слаб, и снова забрался под защиту лампы.

Несколько минут спустя пульсирующее сияние заставило его посмотреть на окна. В одном из них он увидел существо, своим внешним видом совершенно отличающееся от морского народа. Его тело было плоским и бледным, как гриб.

Оно напоминало дубовый лист с округлыми краями. В верхней части странного тела располагалась щель рта. По обеим сторонам пульсировали отверстия жабр, а над ними на стеблевидных отростках качались крошечные глаза. По бокам туловища змеились длинные тонкие нити, блестящие, как медная проволока. А все тело этого создания светилось и мигало, как у светляка.

Через несколько секунд существо исчезло, но тут же снова появилось в окне, только повернувшись к нему широкой спиной.

Потом как будто невидимая рука с кистью начала чертить огненные буквы на бледной спине животного. Буквы составляли английские слова. Они появлялись одна за другой, выписываемые с большой аккуратностью, пока надпись не была завершена:

«Я далеко, человек; но я иду. Я хочу переписываться с тобой. Не умирай пока. Жди меня. Студент».

Если бы Клиф Родни не был так измучен, его испуг от этой странной надписи и непонятного способа ее передачи оказался бы сильнее. А так он просто решил, что это что-то вроде подводного телеграфа. Но он слишком устал, чтобы попытаться постичь принцип передачи сообщения; он просто смотрел на блестящие нити, выступающие из тела создания, которое служило всего лишь по-

средником чуда, и отмел слабый зародыш подозрения, непрощенно закрывшегося в затуманенный рассудок.

Несомненно, этому совершенно чуждому для человека изобретению имелось логическое объяснение. Сначала Клиф не обратил внимания на то, как воспринимает буквы, и не задумался над загадкой, каким образом этот далекий представитель овоидов научился писать по-английски. Где-то скрывался простой ответ, но он не в состоянии его сейчас получить.

Однако слова послания, явно показывающие огромное физическое и психическое различие между ним и чужаками, заставили его вдуматься в их смысл. Известный написал: «Я хочу переписываться с тобой» вместо «Я хочу говорить с тобой». Значит, мембраны овоидов, вибрирующие в воде, не могут произвести или донести до него звуки их речи.

«Не умирай пока. Жди меня». Выражают ли эти две простые команды наивную жестокость или... Клиф терялся в догадках. Смысл, конечно, совершенно ясен; и Клиф знал, что получил возможность изучить мышление, имеющее радикальное отличие от человеческого.

«Студент». По крайней мере в этом есть что-то знакомое. Удивительный способ, с помощью которого передавалось послание, настолько захватил Клифа, что владевшие им гнев и депрессия сами собой пошли на убыль.

Надпись исчезла с широкой спины создания, затем буква за буквой появилось второе огненное послание:

«Мы очень долго ждали появления кого-нибудь из вас, человек. Нам необходимо изучить как можно лучше вашу породу, пока ты не умер. Все, что в нашей власти, будет сделано для тебя. Возможно, то, что тебе нужно, находится за маленьким запечатанным отверстием. Открой его. Живи, пока я не приду. Студент».

Родни прочел и слабо погрозил кулаком посыльному. Тем не менее надежда придала ему силы. Он решил последовать совету. Вернувшись к подводной лодке, он достал большой нож, для экономии энергии погасил прожектор и двинулся атаковать маленькую заглушку.

Вещество, скрепляющее пробку с отверстием, было твердым, стекловидным, хотя, скорее, упругим и эластичным, чем хрупким. Клиф яростно принялся за де-

ло, ковыряя вещество кончиком ножа. Временами казалось, что все напрасно; но когда его бурная энергия почти иссякла и перед глазами замаячили черные точки, кусок аморфного материала отвалился от пробки и гулко ударился о пол. Какое-то время Клиф лежал без сил, слушая шорох, который, он знал, был отдаленным пепотом океана. Затем, немного отдохнув, пролез в отверстие. Клиф был настолько утомлен, что почти не осмысливал вещи, которые увидел вокруг себя. Помещение было больше того, откуда он пришел. Оно представляло собой такой же перламутровый купол, оборудованный обзорными окнами, за которыми маячили гротескные фигуры морских существ, жадно наблюдающих за новыми действиями пленника. Воздух, хотя и более сухой из-за того, что это помещение не затапливалось водой, был таким же затхлым, но к прежней вони примешивался запах древней гнили, какой обычно бывает в могильниках.

На полу вперемежку валялись различные творения человеческих рук. Там имелись генератор, часть корабельной турбины, несколько скафандров, огнетушитель, книги, совершенно размокшие от морской воды, ковер и многое другое. Там даже находились два человеческих тела.

Полностью одетые, они располагались на сломанном диване. Кто бы ни был тот, кто поместил их туда, он явно попытался положить их естественно.

Клиф подошел ближе, чтобы лучше их рассмотреть. Это были мужчина и женщина, вернее их скелеты. Лица отсутствовали, вместо них скалились два черепа. Одежда женщины когда-то была белой и прекрасной, но сейчас висела истлевшими лохмотьями, на шее блестело бриллиантовое ожерелье. Эта пара сжимала друг друга в объятиях. Возможно, они умерли, обнимая друг друга, очень давно. Ужасная трагедия Атлантики...

Родни почувствовал тошноту. «Чертов музей!» Его охватило отвращение. «Чертов вонючий музей Дэви Джонса!» Он задохнулся, к горлу подкатил комок.

Но он настолько устал, что, не обращая внимания на следящих за ним овоидов, решил обрести хоть какой-то комфорт. Он вытянул из груды вещей ковер, рваный и вонючий, однако достаточно сухой. Затем стащил с

себя промокшую одежду и завернулся в него. Последовавшее за этим действие было совершенно естественным: Клиф разорвал книгу и сложил обрывки в стопку, чтобы развести огонь. Он поднес к ним свою зажигалку, пытаясь поджечь, но ничего не вышло. Мелькнула искра, но фитиль был слишком влажным, чтобы поддерживать пламя.

От огорчения его вдруг осенило вдохновение. Он открутил крышку зажигалки, налил несколько капель бензина на бумагу и высек искру рядом с ней. Огонь весело занялся, и уродливые тени заплесали на стенах камеры. Клиф присел рядом с костром, наслаждаясь теплом.

Только один раз он взглянул на овоидов, по-прежнему наблюдающих за ним. Можно только гадать, какое удивление испытывали жители глубин, следя за его действиями.

«Пошли к дьяволу!» — мысленно выругался он. Воздух, пропитанный дымом, пах уже не так отвратительно. Когда последние угольки потухли, Клиф плотнее завернулся в ковер и улегся на полу. Изнуренный, он моментально заснул.

III

Сквозь мрак глубин, едва заметные в темноте, быстро скользили семь теней. Эти существа одновременно походили и на ракообразных, и на спрутов. Тела их, защищенные роговым панцирем, своими очертаниями напоминали торпеду. Ряды плавников по бокам вспенивали воду, мощно толкая их вперед. Каждый из них был вооружен парой огромных клешней, похожих на клешни-лангустов, только намного больше. По обеим сторонам головы, словно вздутые щеки, вздымались протуберанцы огромных щупальцев — наиболее эффективное их оружие.

Эти чудовища не были созданиями природы. В течение многих веков одаренные существа, используя накопленные знания, работали над их способностями и сотворили чудо, создав эффективные, надежные боевые машины.

Они плыли военным строем. Самая крупная особь группы находилась в центре, а сверху, снизу, впереди и

позади, защищая ее, двигались остальные. Для этого имелись причины. Стаи маленьких рыб с дьявольски острыми и длинными зубами постоянно появлялись из глубины и набрасывались на кавалькаду. Ближайшие члены эскорта резко поворачивались им навстречу для отражения атаки.

Зубами, похожими на длинные иглы, свирепые рыбы старались прокусить роговую оболочку бойцов. Но получали достойный отпор. Отброшенные назад, раненные или уже мертвые, они медленно опускались в темноту, и только сиреневые блики, мерцающие вокруг их морд, еще некоторое время сверкали из глубины.

Стражи защищали своего хозяина, который называл себя Студентом. Он сидел на особи, плывущей в центре строя, прикрепясь к спине своего «скакуна» особыми присосками на брюхе, и пригибался к нему, чтобы *уменьшить сопротивление воды*. Его глаза, блестящие от нетерпения, были устремлены вперед.

Он изменил положение тела, только чтобы начертать странные символы на теле плывущего рядом с ним посланника и прочитывать фосфоресцирующие ответы. Он ощущал страх и нетерпение, ибо получил весть о том, на что надеялся и чего боялся.

Мрак, покрывающий дно океана, стал понемногу рассеиваться. Впереди появился изумрудный блеск, похожий на адский рассвет. Кавалькада продолжала плыть тем же курсом, и световой ореол постепенно разгорался.

Из тумана взвешенной грязи, серой, как матовое серебро, появилась широкая донная впадина. Над ней плавали мириады крошечных светящихся существ, образуя полог зеленого света, освещающего черный мрак глубин. Этот полог явно имел искусственное происхождение.

Чтобы изобразить сцену, раскинувшуюся под ним, не хватило бы гения Густава Доре, словно видение сумасшедшего гения, она вызывала отвращение, но в то же время обладала величием и красотой.

В глубоководной долине раскинулся город – или колония. Семь стражей подплывали к нему сверху. Поверхность дна этой естественной впадины была изрыта бесчисленным множеством маленьких отверстий, за-

полнивших ее от края до края наподобие пчелиных сот. В них сновали по своим делам овоиды. Здесь и там высились сооружения из перламутрового полупрозрачного материала, похожие на качающиеся от движения воды шпилы.

Повсюду плавали всевозможного вида существа, смутно различимые среди качающихся теней. Все они были заняты каким-нибудь одним видом работы, управляемые овоидами, которые плавали тут же, лениво шевеля плавниками.

Одни вкапывались широкими, похожими на лопаты конечностями в донную грязь. Они походили на огромных червей и, судя по форме тела, мертвенно-бледного и гладкого, использовались только для земляных работ.

Другие, изгибаясь раздутыми бесформенными телами, сгоняли в общую кучу плавающих вокруг них маленьких, похожих на эльфов созданий. Некоторые равномерно колыхали в воде своими длинными щупальцами, возможно, исполняя функцию вентиляторов. Другие были стражами, как эскорт Студента, — они охраняли колонию, снуя над долиной взад и вперед. Каждое из созданий делало то, что ему предназначалось, каждое было машиной из живой плоти, предназначенной для строго определенной деятельности.

Человек, попади он туда, был бы очарован этой чуждой для него жизнью, но Студент почти не замечал окружающего. Свет, движение, шорохи, звуки скольжения, которые достигали его органов восприятия, — все это за долгие годы жизни было ему настолько знакомо, что не вызывало интереса. Он был дома.

Взгляд студента устремился через впадину к месту, где покоился корпус лежащего на боку океанского лайнера; его форма еле угадывалась во мраке. Тонкие ленты, по виду водоросли, поднимались над ним, развеваясь, как знамена. Но это были не водоросли. На такой глубине отсутствовали растения. И фауна этого мира жила за счет органических остатков, которые поступали сверху, где был солнечный свет, где мог вырабатываться хлорофилл и где существовали как фауна, так и флора.

Крушения кораблей из верхнего мира всегда интересовали Студента, так же как нас интересовали бы дру-

гие планеты. Он проникал внутрь затонувших судов и все подробно изучал.

Из всех удивительных предметов, заполняющих их, книги интересовали его больше всего. С усердием, вниманием и любовью, которые поймет археолог, он снимал копии с этих размокших источников знания, перенося сохранившиеся части на пергамент, который мог выдерживать воздействие соленой воды.

Он изучал странные сочетания символов; со временем он открыл для себя ценность словаря. И как Розеттский камень стал ключом к египетским иероглифам, так словари стали для него средством познания человеческой письменности.

И еще одно привлекло внимание. Студент направил своего «скакуна» и эскорт к скопищу овоидов, собравшихся вокруг сооружения, которое и было причиной его приезда.

Внизу высился круглый купол, наполненный живой протоплазмой. Две плотно соединенные между собой сферы, между скрепленными краями которых сверкали голубые огни. Сооружение было последним словом их науки.

Резким движением Студент отделился от спины стража. Плавники вдоль боков оттолкнули воду мощным взмахом. Толпа расступилась перед ним. Мембранные голоса зазвучали вокруг, спрашивая что-то и требуя, но он не обращал на них внимания.

IV

Студент достиг обзорного окна в куполе и посмотрел вниз. Там среди обломков своей цивилизации недвижно лежал человек. Кусок ковровой ткани покрывал его голое тело.

Волнение, страх, надежда и тревога были не чужды Студенту, и он испытал их все одновременно.

Может быть, пленник умер? Неужели его ждет разочарование? Парадоксально, но в этом случае Студент почувствовал бы облегчение. По крайней мере от врага, чьи жизненные функции остановились, не будет вреда. И все же Студент жил не только ради покоя и безопасности. Ведь благо существования очень

разнообразно. Он подошел к окну в меньшем куполе и увидел батисферическую подводную лодку с удивительно гладкой металлической поверхностью и четкой точностью деталей. Овоиды не могли сотворить такое чудо.

Он терпеливо ждал, пока до него не донесся жужжащий гул толпы, напомнивший о том, что необходимо действовать. Студент повернулся к окну музейного зала. Человек проснулся. Покачиваясь, он стоял в центре зала, завернувшись в ковер, и смотрел вверх.

Два мыслящих существа, две культуры, две судьбы, две истории и две точки зрения столкнулись лицом к лицу, готовые ко всему, что могло произойти во время этой встречи. Каждый из них считал другого странным. Между ними лежала пропасть. Была ли – и могла ли быть – какая-то объединяющая их симпатия?

Студент должен был начать переговоры, и он не колебался, потому что все хорошо продумал. Из мешочка, который составлял часть его тела, он достал кусочек материала, похожего на мел. Затем, сосредоточившись на том, что сумел узнать за долгие годы обучения, написал печатными буквами на окне: «Ты произвел огонь, человек. Сделай так еще раз».

Он писал буквы задом наперед, чтобы их можно было прочесть изнутри купола.

Пленник повиновался. Бумага, капля жидкости из маленькой черной коробочки, быстрое движение, искры, и наконец – пламя! Человек поднял горящую бумагу, чтобы было лучше видно.

Студент смотрел на чудо быстрого окисления, упиваясь зрелищем, пока бумага не прогорела. Вода смыла меловые буквы с окна. Он написал другую записку: «Это огонь дает вам металл, машины, энергию – все что у вас есть?»

Если бы раньше Клифорд Родни смог представить подобную встречу, она его, конечно, поразила бы. Но он не мог даже предположить, что именно вызовет его удивление. Реальная правда была гораздо более удивительной, чем он мог представить.

Перед ним находилось создание, имеющее много общего с морскими животными – пульсирующие жабры, колышущиеся щупальца – органы, используемые в сре-

де, совершенно чуждой тем формам жизни, которые обитают среди воздуха и солнечного света.

У этой твари было даже выражение лица – если можно так выразиться, – обманчивую бессмысленность которого нарушал только холодный блеск больших глаз. И еще мелок, зажатый в щупальцах, которым он выписывал английские слова, показывающие достаточное овладение этим человеческим достижением.

Клиф почти забыл, что его самого окружают одни загадки. Сон освежил его; и хотя он чувствовал боль во всем теле и его по-прежнему мучил холод, он не лишился присущей ему изобретательности и способности к анализу.

Он искал какой-то способ ответить своему собеседнику. Его внимание привлекла небольшая часть пола, покрытая тонким слоем морского песка. Пальцем он начертил на нем слова: «Да. Огонь вывел нас из каменного века и помог достичь нынешнего уровня. Ты правильно истолковал его пользу для нас, друг. Каким образом?»

Быстро движущиеся щупальца написали ответ: «У меня есть переведенные книги – человеческие книги. Я читал про огонь. Но мы никогда его не добывали. Мы сможем добывать огонь из электрических искр – скоро».

Родни с любопытством и страхом смотрел в блестящие глаза овоида. За ними, он знал, находился развитый мозг, мощь которого, возможно, была увеличена трудностями, с которыми тот сталкивался и которые преодолевал. Истина, скрытая за интригующими надписями, постепенно формулировалась в его сознании.

Он разровнял песок и начертил: «У вас есть электричество, стекло и даже что-то вроде радио – и нет огня. Здесь слишком влажно для огня; но как вы все-таки всего этого достигли? И ты пишешь, как человек, – каким образом?»

Студент предпочел сначала ответить на последний вопрос. «Я подражаю человеческой письменности, – написал он. – Я должен так делать – иначе ты меня не поймешь. Стекло, электричество, связь пришли от животных. Почти все пришло от животных. Мы производим животных различных видов. Мы развивали полезные навыки в разведении животных – уход за ними, селекцию, скрещивание, – долго... в течение веков».

Это было подтверждение туманной теории, которую Клиф пытался для себя сформулировать. Столкнувшись с невозможностью использования огня в своей среде обитания, морской народ пошел по другому пути – контролируемой эволюции.

Клиф вспомнил, каких результатов достигли такие люди, как Лютер Бёрбанк, экспериментируя с растениями. Подобные чудеса, правда в меньшей степени, делали на Земле и с животными. Здесь, в глубинах Атлантики, то же знание использовалось и развивалось веками!

Ничем не показывая своего волнения, Клиф начертил еще одну надпись на песке: «Электричество из живой плоти, из видоизмененной мускульной энергии, как у электрического угря или ската? А стекло из... чего?»

На поверхности купола появился ответ: «Стекло тоже от животного – от моллюска – вкладывается и выращается, как жемчужина в раковине моллюска. И принимает такую форму, какую мы захотим. Электричество как у угря или ската? Да, я читал об этом. У нас есть животные, похожие на них, – только намного больше. Животные воюют за нас, убивая с помощью электричества. И мы получаем... электрические батареи... металл с затонувших кораблей. Стержни... протоплазму...»

Черные щупальца Студента дернулись и заколебались в неуверенности, когда он подыскивал слова, которые бы выразили его мысли о странной чудовищности чуждого ему мира.

Но Клиффорд Родни узнал уже достаточно, чтобы самому догадаться: «Ты имеешь в виду, – написал он, – что вы открыли путь производства постоянного тока из живой протоплазмы? Своего рода изолированный электрический орган с металлическими деталями и сетью, чтобы проводить энергию?»

«Да».

Клиф быстро обдумал это. Такая протоплазма нуждается только в еде, чтобы функционировать, и, возможно, сама добывает себе пищу из органической взвеси в морской воде.

«Замечательно! – нацарапал он. – А связь? Животное, которое служит радио, – расскажи мне об этом!»

Студент сконцентрировал все свои силы, чтобы сформулировать достойный ответ. Он начал писать медленно, неуверенно, потому что мыслил по-другому, потому что приходилось оперировать непривычными для него понятиями и терминами. Чтобы человек мог его понять, ему приходилось пользоваться фразами и выражениями из прочитанных книг.

«Это то же самое, – начертил он. – Особенность, развитая для нашей пользы. Мы давно изучали этих животных. Мы открыли, что они могут... общаться... на... огромных расстояниях. Мы улучшили... увеличили их силу с помощью... с помощью...»

«С помощью отбора из поколения в поколение тех особей, чья сила была больше, чьи способности оказывались лучше, – подсказал Клиф. – Таким образом способности этих созданий, передающих информацию, существенно возросли. Правильно?»

«Да. Правильно, – написал Студент. – Теперь мы пишем послания на теле этих животных. Раздражение стимулирует импульсы... которые проходят через нервные клетки кожи, через мозг, через... коммуникативные органы. Другие создания, далеко отсюда, воспринимают эти импульсы. А затем снова – коммуникативные органы, нервные клетки кожи, люминесцирующие клетки. Это светящиеся клетки, которые... которые...»

Клиф понял странное объяснение, и его быстрый аналитический ум постиг идею, которую Студент пытался выразить.

«В результате люминесцирующие клетки животных-приемников, настроенные на люминесцирующие клетки передающих животных, стимулируются настолько, что излучают свет. Тогда символы становятся видимыми на спине принимающего животного в том виде, какой вы им придали. Верно?»

«Верно», – написал овоид.

Тогда Родни нацарапал на песке еще одно слово: «Подожди». В течение минуты или двух он разбирал обломки, сваленные под окном, и строил из них пирамиду. Затем, вооруженный куском доски и карандашом, найденным в кармане комбинезона, вскарабкался наверх.

V

Сперва он увидел колонию овоидов, зеленый навес светящихся организмов над нею, орды морских жителей, их сумбурную возню, батарею из протоплазмы, искрящуюся на отдельном холме, движущиеся тени живых роботов и бдительных стражей, которые патрулировали окраины города, где встретились свет и тьма, как враги, схватившиеся в смертельном объятии.

Беличайшим из этих чудес был дьявол, который называл себя Студентом, отшатнувшийся при появлении человека. Вероятно, он испытал отвращение.

Но за стенами купола имелось еще кое-что, притягивающее внимание Клифа. Сквозь прозрачное вещество окна неясно виднелась огромная бесформенная масса, которая поднималась и опадала, словно дышала. Над ней, выступая из купола как огромный полог, изогнулась огромная раковина из перламутрового стекловидного материала.

Клиф напряг все свои дедуктивные способности. Он был почти уверен, что понял назначение этого приспособления. Он нацарапал на доске карандашом два вопроса: «Ты знаешь химию и физику? Знаешь, что такое кислород и азот?»

«Да. Я узнал об этом из ваших исследований, из человеческих книг», — ответил Студент, поборов отвращение.

«Ты знаешь, что воздушные пузыри рыб наполнены смесью кислорода и азота? — спросил Клиф. — Ты знаешь, что эти газы выходят из крови через капилляры, которые пронизывают воздушные пузыри, а кислород и азот рыбы получают с помощью жабр из кислорода и азота, растворенных в морской воде?»

«Да».

«Тогда, — продолжал Родни, — воздух здесь того же происхождения! Сооружение снаружи, образующее что-то вроде полога над куполом, — это жабры, выделяющие газы из морской воды и доставляющие их в кровь животного.

Конечно, часть кислорода идет на то, чтобы поддерживать жизнь этой твари; но другая часть вместе с азотом проходит сквозь капилляры в виде свободного га-

за, точно так же, как смесь кислорода и азота из крови рыбы выделяется в воздушный пузырь! Приспособление наверху собирает его и передает мне!»

«Верно, — начертил Студент. — Для того чтобы обеспечить тебя воздухом, работают несколько животных. Это — нечто новое для нас, века работы».

«Да, века работы». — Клиф жадно вдохнул.

— Охотно верю, — сказал он вслух.

Но он еще не закончил выяснение истины. Его лицо покраснелось от волнения, сердце учащенно билось. Он написал следующий вопрос: «Как вы откачали отсюда воду? Ничто живое не может противостоять проникновению воды, ведь давление очень высоко».

«Здесь наши навыки не имеют силы, — ответил Студент. — Мы использовали знания людей. Мы сделали помпы из обломков кораблей и наших собственных материалов. Воздух закачивается в купол — и вода уходит».

Черные щупальца отодвинулись от окна. Полупрозрачные веки прикрыли большие глаза овоида. Его тело вяло качнулось, напомним Клифу ската, которого он впервые увидел в аквариуме, когда был ребенком.

Наконец-то чужеродная наука стала ему понятна. Внизу за окном, напротив раковины огромного моллюска, он заметил слабое движение, производимое чудовищем, которое качало рычаг ржавого механизма. Это был насос. С его помощью в купол закачивался воздух, производимый другими тварями. А дальше простиралась мрачная, невероятная реальность подводного мира.

«Все это замечательно, — написал в ответ Клиф, — даже великолепно... ваши результаты, ваш способ достижения цели».

Щупальца Студента смущенно шевельнулись, но он не ответил.

Энтузиазм Родни начал слегка остывать, возбуждение от первых открытий прошло, и он задумался о своем положении. Он вспомнил людей, которых знал, события, которые пережил, и почувствовал себя одиноким и заброшенным.

Его карандаш закрипел в тишине. «Что ты собираешься со мной сделать?» — требовательно спросил он.

«Держать здесь», — был ответ.

«Пока я не сгнию?»

«Пока не сгниешь».

Это была просто констатация, лишенная злобы или жалости, и все же, высказанная так просто, она содержала в себе ужасный смысл. Значит, ему придется сидеть здесь, в этом ужасном месте, возможно, очень долго, умирая от голода, если ледяной холод не прикончит его раньше.

В любом случае его ждет смерть. Возможно, безумие, что еще страшнее. За ним будут постоянно следить глаза овоидов, рты их будут беззвучно открываться. Безумный удивительный мир вокруг, а рядом только подводная лодка и вызывающие тоску экспонаты музея.

Да, они общались друг с другом. Они стали почти друзьями. Но под их обманчиво дружескими отношениями лежало недоверие, усугубленное их взаимной чуждостью. Теперь Клиф это ясно сознавал.

В нем вспыхнула ярость, но он подавил ее.

Он отшвырнул полностью исписанную доску и из кучи вещей, на которой стоял, взял размокшие остатки книги.

На одной из чистых страниц он написал записку и повернул книгу к овоиду, чтобы тот мог ее увидеть. «Я знаю, как тебе лучше изучить человеческий разум. Почему бы вам не установить дружеские отношения с верхним миром? У нас есть много вещей, которые ты мог бы использовать. И многое из того, что есть у тебя, пригодилось бы нам».

«Нет!» — Тонкие бесформенные конечности Студента дернулись, придавая особое значение начертанному слову. — «Нет!», — еще раз написал он.

«Это произойдет в любом случае, — пообещал Клиф. — Мой народ скоро появится здесь в стальных машинах. Они заставят тебя понять, что так будет лучше».

«Люди, приходящие сюда, никогда не возвращаются», — ответил Студент.

И Клиф Родни, вспомнив свое пленение и увидев стражей, патрулирующих город овоидов, не имел причины не доверять вескости этого утверждения. Морские обитатели вполне могли защитить себя в естественной для них среде.

«Ты боишься нас? Ты не доверишься нам?» – спросил Клиф.

Ответ был откровенным: «Да».

«Для этого нет причин».

На это Студент ничего не ответил.

Клиф постарался изложить новый аргумент, быстро выводя буквы: «Что ты знаешь о том мире, в котором живем мы, – о солнце, звездах, планетах, днях, ночах? Ты, без сомнения, читал обо всем этом. Неужели тебе не хочется увидеть наш мир? Он прекрасен!»

«Прекрасен? – спросил Студент. – Прекрасен для тебя. Для меня – для нас – ужасен. Солнце, огромный ослепительно сверкающий шар, и жара, и пустота воздуха – все это ужасно и вызывает у меня страх. Но там наверху удивительно – интересно, очень интересно».

В непонятной душе овоида возникло некое подобие эмоции, выражающей колебание и нерешительность.

Перед Клифом Родни впервые замаячила смутная тень надежды. Он едва ли понимал, почему решил настаивать на своем. Возникла ли у него какая-то неясная мысль о спасении, или же он просто пытался продолжить дело постижения человеком чужих миров. Возможно, он убеждал это странное мыслящее существо океанских глубин только потому, что любому сильному и здравомыслящему человеку свойственно бороться до конца даже в самой губительной ситуации.

«Ты заинтересовался, но ты боишься, – написал он. – Почему ты не хочешь удовлетворить свое любопытство? Почему ты не... – Он заколебался, не зная точно, что хочет сказать. – Почему ты не хочешь установить контакт с моим народом?»

На короткое мгновение Студент замер. Затем он, казалось, принял решение. «Мир людей – это мир людей, – написал он, – а мир океана – это наш мир».

Дальнейшие увещания со стороны Клифа словно натыкались на каменную стену. Наконец он сдался, чувствуя себя как торговец, который из-за своего неумения потерял весь товар. Но это сравнение, пожалуй, не совсем верно отражало ситуацию. Он чувствовал, что упрямство Студента слишком заострено, чтобы его можно было преодолеть одной лишь дипломатией.

Клиф обреченно посмотрел на меловые слова последнего возражения овоида, смываемые океаном. Затем черные щупальца, держащие мелок, снова задвигались.

«Ты хочешь спастись? – написали они. – Интересно будет посмотреть на твои попытки».

Удивленный, Клиф задумался: что за странный мыслительный процесс привел к такому заявлению? В нем воскресла надежда.

«Я не могу спастись, – написал он осторожно. – Иллюминатор моей лодки нуждается в починке. И это не все. Починить надо много, а у меня нет материалов».

«Мы дадим тебе материалы», – последовало поразительное заявление.

– Да? – громко спросил человек, прежде чем вспомнил, что овоид не слышит его слова и не поймет их, даже если услышит.

«В любом случае я не могу выбраться из куполов. Это бесполезно», – написал он.

Клиф Родни старался сделать тонкий намек в надежде, что его глубокоководный тюремщик даст ему шанс на свободу.

«У людей много уловок, – ответил Студент. – Будет интересно посмотреть, как ты их используешь. У людей есть сильная взрывчатка».

«У меня нет взрывчатки», – раздраженно ответил Клиф. Он начинал злиться.

«У людей много уловок», – повторил овоид.

Это был страх. Страх и недоверие, которые народ глубин питал к верхнему миру.

«Ты ждешь, что я спасусь?» – спросил Клиф.

«Ты не спасешься, – был ответ. – Это проверка твоих сил – проверка человеческих возможностей... эксперимент. Если ты сможешь покинуть купол, тебя снова поймают. Мы осторожны, человек».

Надежды Родни были разбиты. Но перед тем, как это послание было смыто с окна, он написал на странице разорванной книги подтверждение вызова: «Хорошо! Дай материалы, которые ты обещал, и убирайся к черту!»

«Материалы будут, – был ответ, – и убирайся к черту!»

Прервав разговор, Студент повернулся в воде. Блеснули серебряные плавники, и он исчез в толпе своих кошмарных соплеменников.

Клиф вдруг подумал о том, какая эмоция, если это существо способно испытывать эмоции, заставила овида повторить его ругательство. Что это было: злость, забава, какое-то чувство выше человеческого понимания или просто подражание? Клиф не знал; и от того неприятные мурашки пошли по его телу.

VI

Студент готовился к эксперименту, отдавая приказы жужжащим, гудящим тоном. Никто не догадывался о смятении в его мыслях – страх боролся с рвением и любопытством.

Он еще не пришел к окончательному решению, но то, что он обдумывал, не понравилось бы его народу. Разумеется, он не чувствовал никакой симпатии к человеку и не имел никакого желания помочь ему выбраться на свободу.

Клиффорд Родни не сразу сполз с груды обломков, на которой стоял. Он остался у окна, бесцельно глядя в него. Единственный звук – тихий, монотонный, прерывистый свист воздуха, накачиваемого в его тюрьму, давил на нервы сильнее, чем абсолютная тишина.

Если не очень приглядываться, не обращать внимания на затопленный лайнер, покрытый чем-то вроде водорослей, на изогнутые линии зданий или на их обитателей, таинственная колония не слишком отличалась от земных городов. Мелькающие огни наводили на мысли о вечеринках, о веселой музыке, о развлекающихся людях. Он усмехнулся про себя.

Он понимал, что его шансы выбраться отсюда равны нулю: во-первых, он не имел представления, как покинуть купол. И даже если он умудрится выбраться из него, стражи преградят ему путь. Они схватят подводную лодку своими клешнями и выпустят электрический разряд. Металлический корпус сможет в какой-то степени его защитить, но не полностью, как показал печальный опыт.

Ощущая одиночество и подавленность даже сильнее, чем боль во всем теле, он отсутствующим взглядом уставился под ноги. Там были книги. Он поднял одну. Позолота на обложке почти стерлась, но он смог разобрать

имя автора и название – «Песни казармы» Редьярда Киплинга.

Какое приятное чувство он испытал, прочитав эти знакомые слова; он даже засмеялся. Интересно, сумел бы овоид понять стихи из этой книги – «Денни Дивер», «Мандалай»! «Заповедь» – это тоже одно из стихотворений Киплинга – «Владей собой...».

Клиф грустно улыбнулся. По крайней мере, хуже не будет, если попытаться хоть немного улучшить свое положение.

Напоследок он взглянул в окно. Толпа овоидов росла в ожидании представления. За ними смутными тенями маячили стражи. Некоторые из них тащили в клешнях массивные блоки какого-то материала – скорее всего тараны. Возможно, этими самыми таранами был разбит иллюминатор его лодки.

Закрепив на плечах ковер, он начал с того, что попытался как можно эффективнее применить свои умения; нужно было выпрямить искривленную лопасть пропеллера, выкачать воду из мотора и приборов, починить, насколько возможно, все сломанное. В конце концов, у него есть одежда и бумага из музея, с помощью которых он удалит влагу.

Несколько часов работы не прошли впустую. Клиф был постоянно начеку в надежде получить какое-нибудь послание от Студента. Наконец оно пришло, но было передано не лично повелителем глубин, а с помощью посланника. Похожее на дубовый лист тело твари заколыхалось перед окном, и на его спине появились светящиеся слова: «Пицца появится в воздушной трубе. Ешь».

Клиф ждал. Из одного из вентиляционных каналов, которые вели в зал, вылетела масса белковой субстанции и плюхнулась на пол. Она выглядела как яичный белок. Клиф коснулся ее пальцем и попробовал клейкий кусочек.

Скорее всего это было мясо какого-то морского животного, разводимого специально для еды. Возможно, оно было очень питательным, и, хотя эта пицца не возбуждала аппетита, Клиф заставил себя есть, считая, что к ней нужно привыкать. Впрочем, он бы предпочел пропитанный соленой водой шоколад и другие продукты, которые взял с собой в плавание.

Связной передал следующую записку: «Скрепляющее вещество для иллюминатора будет доставлено по той же трубе».

Оно появилось так же, как и пища. Большой шматок прозрачного плотного желе, возможно, тоже продукт жизнедеятельности какого-нибудь морского животного.

Родни поднял его, и пока нес, тонкая пленка этой субстанции затвердела на его руках до стекловидной консистенции. Он нанес желе на разбитый иллюминатор, снаружи и изнутри, втирая как можно сильнее. Через некоторое время вещество затвердело.

Откуда-то из глубины сознания вдруг всплыла новая идея. Он выбрался из подводной лодки и принялся ковырять ножом скрепляющее вещество вокруг огромной стекловидной заглушки, которая удерживала воду снаружи.

Он быстро скреб липкую субстанцию узким лезвием ножа. Но несмотря на все усилия, не появилось ни капли воды. Огромный блок открывался наружу, и на него давил вес океана, вжимая его в отверстие.

Но Клифорд Родни хорошо продумал свой план. Его усилия не были бесполезны. Наверняка эта внешняя дверь не так хорошо пригнана, как первая, которую он все же смог открыть.

Клиф чувствовал, что может попытаться выбраться из купола, хотя с другой стороны, не сильно верил в успех. Он только мог предпринять попытку, просто для того, чтобы чем-то занять себя.

Сознавая, что за каждым его движением с интересом наблюдает толпа овоидов, он обшарил музей и нашел там проволоку и две металлические полосы. Все это он отнес к подводной лодке.

Контейнер с питьевой водой в его судне был весь покорежен. Он открыл крышку и добавил немного кислоты из батарей. Затем вытащил контейнер через люк и установил на полу камеры.

В воду, с обеих сторон контейнера, вместо электродов он поместил прямые полосы железа. К каждому прикрепил проволоку и присоединил ее концы к мощному аккумулятору лодки.

Затем, с помощью бумаги и другого хлама, он забил воздушные трубы и водостоки обоих куполов. Потом повернул выключатель, подающий ток к аппарату, ко-

торый только что сконструировал. Когда электричество пошло через воду, раздалось шипение. Кислород и водород начали испаряться с поверхности электродов, смешиваясь с воздухом купола.

Интенсивный процесс электролиза был только началом. Из музея Клиф собрал все горючие материалы, которые смог найти, и отнес их в зал — книги, доски, несколько кусков целлулоида, резину и прочий хлам. Затем, взяв остатки стеклянной замазки, поставил пробку между куполами на место.

Теперь возникла другая проблема. Он несколько секунд размышлял над ней, но вскоре нашел решение. Сильным рывком Клиф вытащил тяжелую стеклянную линзу из поискового прожектора. Осторожно разбил раскаленную лампу, стараясь не повредить тонкие вольфрамовые волоски. Напротив них он поместил клочок бумаги, смоченной в остатке бензина из зажигалки.

Так, хорошо. Он вновь обследовал аппарат электролиза, выключив ток на время, пока отскабливал налет, образовавшийся на грубых электродах.

Довольный своей работой он заперся в подводной лодке и продолжил ремонт оборудования.

Все было готово, но оставалось еще одно. На борту судна имелось десять баллонов сжатого кислорода. Открыв клапаны девяти из них, он вытащил их через люк, оставив в лодке один для дыхания.

Пока их содержимое с шипением выходило наружу, он разъединил провода электродов для электролиза и задраил тяжелую стальную дверь батискафа.

Через иллюминаторы было видно, что овоиды отступили от окон купола, предчувствуя опасность; но их тела, как и тела стражей, все еще напряженно колыхались в люминесцентном тумане дна. Он не все мог видеть из-за неудобного положения, но они наверняка оставались вокруг куполов, ожидая его действий.

VII

Клиф заставил себя отбросить все неприятные мысли. Его рука коснулась выключателя прожектора. Он мрачно взглянул в иллюминатор на огромный круглый блок, который отделял его от океана.

«Одно из трех, – пробормотал он. – Либо сила будет недостаточной, и все, что я сделал, вообще не сработает и я останусь запертым в куполе. Или она будет слишком большой и вырвет пробку, тогда вода хлынет сюда и разобьет эту старую калошу. Или все пройдет нормально, и воды будет ровно столько, чтобы лодка выдержала давление».

Даже крепкий стальной корпус мог не выдержать внезапного перепада глубинного давления. Клиф знал это. Он чувствовал себя орехом под молотком.

Не давая себе времени на раздумья, он повернул выключатель. Как только раскаленные проводки лампы воспламенили пропитанную бензином бумагу, мгновенно вспыхнуло пламя, распространившееся по куполу оранжевой волной. Клиф услышал звук взрыва, проникший сквозь толстый корпус лодки, – это был шипящий, свистящий рев; однако вес океана был слишком огромен, чтобы слабая химическая реакция могла ему противостоять.

Как бы там ни было, в ход пошли резервы. Вещи из музея, оказавшиеся в насыщенной сжатым кислородом атмосфере, загорелись, и, несмотря на сырость, под куполом забушевал раскаленный ад.

Клиф с замиранием сердца не отрываясь смотрел на огромный блок, но тот упрямо стоял на месте, не двигаясь. Клиф скрипнул зубами, словно упорным усилием воли мог вырвать бездушную вещь, преградившую ему путь.

Шли мгновения. Раздался глухой хлопок, словно выстрел из винтовки. Блок, вздрогнув, подался. Вокруг него появился ободок стекла... нет, не стекла... воды, ревающей, словно толпа безумных чертей. Поток хлынул на пол, столкнулся с огнем и превратился в шипящий пар, чье давление дополнило силы, борющиеся с титаническим весом глубин.

Еще мгновение, и камера наполовину наполнилась водой. Затем, с какой-то величественной покорностью, заглушка сдалась, вылетев наружу. Океан быстро провалился внутрь – так быстро, что невозможно было проследить за его движением. Хлопок от прорыва был громче раската грома.

Подводная лодка закружилась в водовороте, словно щепка. Но корпус выдержал, несмотря на то что ее постоянно било о стены купола.

Прошла минута, прежде чем Клиффорд Родни, согнувшийся в своем пилотском кресле, смог что-то предпринять. Он дотянулся до рычагов управления и направил лодку к дыре, прочь из своей тюрьмы. Взыли моторы, и подводная лодка тронулась, пробиваясь сквозь бурлящую воду.

Клиф выбрался из купола. Он почти поверил в спасение. Возможно, суматоха рядом с воронкой, где вода ворвалась в купол, испугала овоидов.

Он запустил гребные винты. Подъем был не из легких. Они снова оказались повреждены, чего, впрочем, и следовало ожидать после того, как маленькое судно перевернулось.

Клиф взглянул в иллюминатор на потолке. Шесть стражей кружили над ним, их вращающиеся клешни были широко раскрыты, а длинные бронированные тела напоминали торпеды. Со всех сторон появлялись другие бойцы, сопровождаемые ордами овоидов.

Вот к шестерым присоединился седьмой. Родни не заметил, как тот появился из глубокой грязи глубин, где лежал, скрытый даже от морского народа. Это был странный, стекловидный объект внушительных размеров. Без особого удивления человек спросил себя, что бы это могло быть.

«Что ж, — пробормотал он. — Ты победил! Надеюсь, тебе понравилось представление!»

Стражи были над ним. Он слышал скрежет клешней по металлической обшивке. Облака черного вещества, похожего на чернила спрута, окружили лодку, полностью затмив обзор. Но она все еще поднималась — довольно быстро, как он отметил. Через мгновение электрические разряды оглушат его.

Однако он поднимался все выше и выше. Клиф удивился. Он слышал скрипящие звуки, источник которых не смог определить. Должно быть, батискаф поднялся примерно на милю вверх. Все это было очень странно.

Затем лодку потрянуло. Подъем стал прерывистым и неуверенным. Но моторы упрямо продолжали работать.

Вода стала светлее. Клиф видел стайки фосфоресцирующих рыб, висящих в темноте, словно разбросанные галактики. Он был один. Вокруг него уже не кружили

стражи, хотя он заметил внизу их неясные силуэты. Значит, они не выдержали пониженного давления и оставили его в покое.

Дела шли лучше, намного лучше, чем он смел надеяться, — и в этом заключалась загадка. Похоже, подводная лодка была тяжело повреждена, хотя винты продолжали работать. Она казалась неуклюжей, тяжелой.

Клиф вошел в полосу синеватого света, красивого, словно заря населенного эльфами неведомого царства. Вскоре батискаф вырвался на залитую солнцем поверхность Атлантики.

Как же это произошло? Это оставалось тайной. На радостях он чуть не забыл, что должен понизить давление в лодке, чтобы избежать кессонной болезни.

Наконец он открыл люк и вылез на круглую вершину надводной части лодки. Прямо под люком был прикреплен яйцевидный предмет. Родни с удивлением стал его рассматривать, не в силах определить назначение. Стекловидное скрепляющее вещество, уже хорошо знакомое ему, удерживало предмет на батискафе.

Это был массивный шарообразный объект шести футов в диаметре, сделанный из того же материала, что и купол, но эта субстанция была темнее, возможно, для того, чтобы защитить его содержимое от яркого солнца.

Родни вглядывался в полупрозрачную глубину стекловидной капсулы и наконец разглядел свернувшееся тело, покрытое беловатой полужидкой пленкой. Тело было живым; внутренние органы пульсировали под кожей странного существа. У него имелись плавники и множество черных щупальцев. Клювовидный рот открывался и закрывался, придавая ему бессмысленную торжественность, но глаза смотрели пронизательно. Щупальца сжимали белый мелок. Это был Студент!

Сознание Родни слегка помутилось, когда он наконец нашел решение загадки. Затем, так как у него не было другого способа написать записку, он начертил пальцем слова на влажной поверхности кокона:

«Ты помог мне — как?»

Щупальца Студента задвигались, когда он начал писать на внутренней поверхности своей защитной камеры: «Я помог тебе. Шесть стражей и седьмой были моими. Они не атаквали тебя. Скрывшись за жидкостью,

которая затемняет воду, они прикрепили меня к лодке и подняли нас так высоко, насколько смогли. Я перехитрил свой народ. Они запрещают отношения с верхним миром. Они боятся. И я боялся, но сделал свой выбор. Пока ты готовился к испытанию, у меня появилась идея. Я осуществил ее, обманув свой народ. Я боюсь. Но я рад».

Родни растерялся от всех этих чудес. «Спасибо, друг», — написал он.

Студент снова заработал мелком: «Друг? Нет. Я тебе не друг. Все, что я сделал, я сделал для себя».

«Тогда почему ты здесь? — написал Клиф. — Люди запрут тебя в аквариум, будут наблюдать и изучать тебя!»

«Хорошо, — был ответ. — Я рад. Люди изучают меня. Я изучаю людей. Хорошо. Я за этим и пришел: посмотреть на людей, увидеть звезды, увидеть планеты. Теперь я вижу солнце и небо — это отвратительно, но интересно... очень интересно. Хорошо».

«Хорошо будет, если ты не задохнешься, прежде чем тебя поместят в подходящий аквариум», — начертил Клиф.

«Здесь я в безопасности, — ответил овоид, нервно дернув щупальцами. — Давление нормальное. Слишком много кислорода в жидкости, которая меня окружает. Делай, что должен, человек. Я подожду».

Клиф достаточно освоился с ситуацией, чтобы улыбнуться темному яйцу. Он чувствовал непонятную теплоту, смешанную со страхом. Человек и овоид различны как по виду, так и по образу мышления; возможно, настоящая симпатия между ними невозможна. Но Клиф чувствовал нечто похожее.

В этом мрачном дьяволе глубин жажда познать неизвестное боролась со страхом и победила. Студент отдал себя во власть неизвестности, не имея возможности защититься. Для этого нужна сила воли, храбрость...

Родни о многом подумал, глядя на воду в ожидании спасения. Приближался корабль. Это была «Этрурия».

— Возможно, ребята назовут тебя посланником Дэви Джонса или еще как-нибудь, — добродушно сказал Клиф, обращаясь к овоиду. — Надеюсь, у тебя достаточно чувства юмора, чтобы не обидеться на это, старый носок!

Но Студент не слышал его, он пожирал глазами приближающийся корабль.

ТРЕБУЮТСЯ РЕЦИДИВИСТЫ

Рэндольф Меллорс («Гроза сейфов», как гласил заголовок журнала «Темпис» за три недели до банкротства) был величайшим вором в мире. Единственный недостаток — пренебрежение к мелочам во время работы (что и говорить, при такой профессии это неразумно) очень портил ему жизнь. Но если бы вы спросили пассажиров огромного черного туристического экспресса «Экскалибур», который в разгар общегосударственной кампании внедрения честности мчался по окружному шоссе № 2, достоин ли подражания Рэндольф Меллорс, все трое, включая лысого сухонького старикашку, обменялись бы лукавыми взглядами. Ибо все они всерьез считали: если вам не нравятся типы наподобие Рэндольфа Меллорса, то вы просто не понимаете законов свободного рынка.

Однако теперешний Рэндольф Меллорс был всего лишь бездушной оболочкой своего прежнего «я».

Внешне он оставался таким же, только немного постарел. Гладко зачесанные волосы чуть тронула седина, но фигура оставалась такой же стройной, как и прежде. Тот же сурово сжатый рот, большой подбородок, мертвенно-бледный цвет лица. В нем не было добродушия — это не тот товар, который можно приобрести, торгуя за деревянным прилавком придорожного магазинчика зеленью, питьевой содой, арахисом, щетками для детских бутылочек и мозольными пластырями. О, где та переменчивая, как лотерея, слава прошлых лет?

Кому было до него дело? Конечно, не жителям Пайнвиля. Для них Рэндольф Меллорс был всего лишь немного подозрительным (потому что незнакомым) субъектом, который одним весенним утром пришел в город. Чужаком, который постепенно влился в общественную жизнь, если так можно назвать сонную возню вокруг восьми хижин, двух лавок и бензоколонки. Он был скуп на слова и никогда не допускал ошибок, когда подсчитывал выручку в торговом центре Ларри Лампкина.

Ларри Лампкин любил собачьи бега, охоту на опосумов и пашки. Взяв продавца, он получил возмож-

ность свободно проводить время и теперь жил в свое удовольствие. (Что, естественно, не было случайностью. Его давняя мечта нанять кого-нибудь вместо себя наконец осуществилась.)

Кому еще, кроме лентяя Ларри Лампкина, был безразличен Рэндольф Меллорс? Ну конечно, не Винни Маджроку, для которого Рэндольф сейчас заворачивал отрез муслина и упаковку памперсов. Крошечный полугодовалый младенец Винни лежал, посапывая, в сломанной детской коляске, стоявшей на дощатом тротуаре, и жадно сосал низкокалорийную мятную палочку.

– Это все, миз Маджрок? – вежливо осведомился Рэндольф, вытирая руки о передник. Меллорс обладал незаурядным актерским даром. В Пайнвилле он сумел быстро овладеть местным диалектом, который убедительно доказывал, что, несмотря на повсеместное распространение бюрократии, есть места, куда ей не добраться. (Кстати, пассажиры туристического экспресса «Экскалибур», который сейчас находился в четверти мили от города, направлялись сюда, чтобы как раз это подтвердить.)

Когда миз Маджрок ответила утвердительно, Рэндольф предложил:

– Позвольте донести сверток до вашей машины.

– Что ж, спасибо, мистер Меллорс. – Миз Маджрок одарила его улыбкой.

Рэндольф, конечно, не улыбнулся в ответ. Он не знал почему. Он также терпеть не мог, когда кто-то смотрел ему прямо в глаза. Если же это случалось, ему по непонятной причине хотелось убежать. А еще его часто посещало видение – огромный рекламный щит под дождем, на котором трехфутовыми буквами было написано:

«Компания “Акме” – добыча свинца».

Тем не менее даже с этими странностями Рэндольф Меллорс был совершенно заурядным человеком.

Вдалеке над окружной скоростной дорогой № 2 поднимались клубы коричневой пыли. Пайнвиль дремал. Солнце сияло, а небо голубело над городком, где процветала поголовная честность, и Ларри Лампкин играл в пашки, оставив Рэндольфа присматривать за магазином. Меллорс положил бумажный пакет на заднее сиденье запыленного автомобиля миз Маджрок. Потом он

подошел к леди, вытащившей своего младенца из липких пеленок.

Потряхивая запачканного ребенка, миз Маджрок поинтересовалась:

— Что это вы так переменялись в лице, мистер Меллорс?

— Я? — удивленно спросил Рэндольф.

— Ну да, вы. На что это вы так смотрите, а? Неужто на этот обсосанный леденец?

— Может быть, не знаю, — сказал Рэндольф, внезапно занервничав.

— Вы что, голодный? У вас такой вид, словно вы хотите разгрызть этот мятный леденец на мелкие кусочки.

— Глод... а, голодный? Нет... гм... нет, совсем нет. — По-настоящему испугавшись, Рэндольф Меллорс сказал как можно правдивее: — Я терпеть не могу... э-э-э... не люблю сладкое.

— Не поймешь вас, — сказала миз Маджрок, продолжая пеленать малыша. — Откуда ж вы к нам такой приехали?

— С севера. — Рэндольф почувствовал смертельный страх. Это был лучший ответ, который он мог дать, потому что не знал правильного.

Рев экспресса «Экскалибур» походил на раскаты грома. Вокруг него клубились облака пыли. Рыжая дворняга едва успела увернуться из-под колес скоростного чудовища. Рэндольф Меллорс яростно потер руки о передник, как будто вляпался в какую-нибудь гадость. Перед глазами снова беспричинно промелькнул щит «Компания «Акме» — добыча свинца».

— Извините, миз Маджрок.

Он вздрогнул и метнулся, как испугнутый заяц, в спасительный сумрак лавки. Он стоял в рассеянном солнечном свете спиной к засиженной мухами витрине, пока не услышал, как дешевая колымага отъезжает в сторону холмов. Он снова оказался лицом к лицу с загадкой собственной личности. Ощущение было такое, будто он вглядывался в только что вымытую классную доску размером с Великую Китайскую Стену. Но оглушительный трезвон дверного колокольчика не позволил Рэндольфу погрузиться в болото бесполезного самокопания.

На пороге магазина стояли три пассажира из специального туристического экспресса «Эскалибур».

Первым вошел худой, как мумия, старик и устоял на Рэндольфа маленькими крысиными глазками. На старом джентльмене был костюм в тонкую полоску, который – даже Рэндольф это знал – давно вышел из моды, в дряблые щеки впивался старомодный высокий воротничок, на черном шнурке болталось пенсне. Его спутникам подошло бы определение «потрепанные» или «беспутные». А может, и того похуже.

У толстяка фунтов трехсот весом, в костюме размером с палатку, с позорными пятнами от яичного желтка на лацканах, была спутанная коричневая борода лопатой и свалившиеся кудрявые волосы.

Рядом с ним стоял юнец, по виду едва достигший совершеннолетия, с непропорционально большой головой. Из-за огромных стекол очков с толстыми линзами его взгляд, казалось, был направлен куда-то вглубь себя. Выглядел он так, словно вот-вот достанет топор из кармана скорее всего взятой напрокат шоферской униформы и обратится в берсерка.

Старый сухой кузнецик устремился вперед. Он оглядел магазин, но не успел сказать и слова, как бородастый бегемот вытащил из кармана фляжку с виски, запрокинул голову и начал лить спиртное в глотку, сладострастно содрогаясь.

С удивительным проворством старик проскакал через всю лавку и выхватил флягу из рук толстяка.

– Все, доктор Клуг, хватит. Я же говорил вам.

– Но... Господи... – простонал доктор Клуг. – Я семьсот миль тряса в этом автобусе, как индюк. Баннер, черт вас возьми, я должен выпить...

– Чего вы больше хотите? – прошипел старикашка. – Самогона или оплаченный чек?

– Когда-нибудь, – пригрозил Клуг, – когда-нибудь какой-нибудь колледж примет меня обратно и... – закончить ему помешала отрыжка. Он опустил свою бычью голову. – Ладно, ваша взяла.

Придурковатый вундеркинд в шоферской форме захихикал над своим спутником. Коротышка, которого называли Баннером, проворно крутанулся на носке и ткнул в него пальцем.

– А что до вас, доктор Рамсгейт, вы не лучше.

– Это все потому, что отношение к вивисекции в этой стране... – промурлыкал доктор Рамсгейт.

– Все, хватит, – сурово приказал Баннер.

Повернувшись к прилавку и обратившись ко всем, включая ошеломленного Меллорса, он продолжил:

– Если вы, джентльмены, наконец усвоите, что находитесь в общественном месте, и перестанете выпендриваться, я начну делать покупки. – Взглянув на полки, он сказал: – Доброе утро, сэр. Не подскажете ли, далеко до столицы штата?

– Столицы штата? – переспросил Меллорс. – Около сотни миль на запад.

– О, надо же, – сказал Баннер. – Мы не туда свернули. Дайте, пожалуйста, пачку сигарет. У вас есть «Статус»? Светлые, с фильтром цвета слоновой кости, пожалуйста.

– Нет, «Статуса» нет, сэр, – ответил Рэндольф, поислав глазами на полках. – Может быть, «Боард Черманс»? «Вольфбайтс»? «Биг Ситиз»? «Сексос»?

– Пачку «Боард Черманс».

Рэндольф протянул ему яркую коробочку, принял двадцатидолларовую купюру, не глядя на кассовый аппарат, выбил чек, отсчитал сдачу. И только тогда поднял голову. Баннер уже повернулся к нему спиной и, на ходу закуривая сигарету, направился к двери, а два его приспешника последовали за ним.

Рэндольф секунд десять смотрел на девятнадцать долларов и пятьдесят центов, лежащие у него на ладони. Перед глазами снова промелькнула реклама «Компания «Акме» – добыча свинца», омытая дождем. Внезапно Рэндольфу показалось, будто кузнечный молот ударил его по голове.

Он выбежал из-за прилавка и крикнул:

– Прошу прощения, сэр, вы забыли сдачу.

Когда старикашка вернулся в магазин, его худое лицо было как у помешанного. Какое-то время он стоял, как истукан, затем стал хихикать и подмигивать двум ученым мужам, подталкивая их в бока. Доктор Клуг засопел, как озабоченный слон, а доктор Рамсгейт завращал глазами. Баннер издал странный звук, словно рвалась бумага, что всего-навсего означало истерическое веселье.

– Это он, – прокудахтал Баннер. – Какая удача, это он!

– Не будем тратить время, – сказал доктор Рамсгейт, садистски ухмыльнувшись.

– Хватайте его, – прохрипел доктор Клуг.

– Минутку, джентльмены... – начал Рэндольф. – Вы совершаете ошибку...

Доктор Клуг, доктор Рамсгейт и Баннер, все трое, посмотрели Рэндольфу прямо в глаза.

Что-то яростно, словно кнут, щелкнуло у Рэндольфа в голове. Он оперся о прилавок и легко перемахнул через него.

По-кошачьи мягко приземлившись и отлично сгруппировавшись, словно хождения по балконам и карнизам были для него привычным делом, он через мгновение был готов к действию. Гибкая рука метнулась вбок. Серебряное лезвие блеснуло в солнечном свете. Рэндольф пригнулся в тени рядом со стойкой для журналов и лезвием ножа яростно стал выписывать перед собой круги.

– Назад! Пеняйте на себя, если сунетесь. Я...

– Непроизвольная реакция. Частичный прорыв, – захихикал доктор Рамсгейт.

– Слабая приспособляемость, – кивнул доктор Клуг. – Это будет верное дело.

– О Господи, у нас снова есть шанс, – воскликнул Рамсгейт. – После того как нас лишили лицензии...

– Молчать! – прорычал Баннер. Они притихли. Баннер попытался разрядить атмосферу и успокоить похожего на тигра человека, пригнувшегося рядом с июльским выпуском «Голливудских любовных сенсаций и признаний». – Мой дорогой мистер Меллорс...

– Откуда вы знаете мое имя?

– Не важно, мистер Меллорс, главное, что мы его знаем. Я хочу заверить вас, что...

– Убирайтесь из лавки, пока я кого-нибудь не порезал.

– Вы необщительны. Если бы вы только знали...

– Оставьте меня в покое! – вдруг закричал Рэндольф со странной, просительной ноткой в голосе. – Я ничего вам не сделал! – выкрикнул он жалобно, как ребенок

– Но дорогой мой, – взвизгнул Баннер, – в этом-то вся проблема.

– Взять его! – воскликнул доктор Клуг и бросился через всю комнату к прилавку.

Видимо, амбиции доктора Клуга превосходили его физические возможности. Рэндольф упруго прыгнул на ящик с крекерами, и Клуг вдруг обнаружил, что лежит на стойке для журналов, а «Голливудские любовные сенсации и признания» обильно сыпятся ему на голову. Очевидно, доктор Рамсгейт недолго любил своего компаньона, потому что, прыгая с ноги на ногу и потирая руки, не в силах был сдержать радостное возбуждение. Баннер тоже едва сдерживал возбуждение, только совсем иного рода. Он разразился проклятиями, а затем накинулся с кулаками на двух ученых. В это время Рэндольф Меллорс, прикрыв голову руками, одним всесокрушающим прыжком вылетел через витрину наружу.

– Вы никчемные олухи! – взвыл Баннер.

Приглушенный гул наполнил магазин. Бензоколонка исчезла в клубах шафрановой пыли. Специальный туристический экспресс «Экскалибур» рванул по окружному шоссе № 2 со скоростью около семидесяти миль в час, выписывая зигзаги, словно им управлял смертельно пьяный водитель.

Доктор Клуг, вглядевшись сквозь осколки стекла, увернулся и перехватил руку Баннера.

– Баннер, подождите. Баннер, не бейте меня. Он захватил автобус.

– ...гнусные, тупые, никчемные, никуда не годные...

– Эй, эй! – взвизгнул доктор Рамсгейт. – Да, Баннер, пульт, пульт!

– ...проклятые дурни, вы никогда... – Баннер внезапно заморгал. Дыхание с шипением вырвалось между его вставных зубов (такие в Нью-Йорке стоили, пожалуй, около двух тысяч долларов). Затем издал странный смешок. – Пульт! Ну конечно! Бедный Меллорс. Он так давно не был в городе. – И вытащил из нагрудного кармана пиджака маленький электронный приборчик, запакованный в пластик и оснащенный множеством кнопок, похожий на те, которыми в менее цивилизованные времена переключали каналы телевизора.

Не подозревая о манипуляциях, проводимых Баннером и компанией, Рэндольф Меллорс гнал экспресс по

невообразимым колдобинам и деревянным мосткам окружной дороги. Вулканы пыли застилали перекрестки в зеркале заднего вида. Воспоминание о крысиных глазках, высматривающих его в полутемном магазине, преследовало его, и он чувствовал, как весь покрывается холодным потом.

На соседнем сиденье ярко поблескивала холодная сталь ножа. Взглянув на него, Рэндольф ощутил непонятную дрожь отвращения. Он нажал кнопку, окно «Экскалибура» автоматически опустилось, и, держа руль одной рукой, другой он выкинул нож.

Секунду спустя он сам подивился, почему выбросил свое единственное средство защиты.

Но его удивление было мимолетным. Окно стало подниматься само собой.

Рэндольф попытался опустить его вручную. Не вышло. Он почувствовал, что туристический экспресс «Экскалибур» постепенно снижает скорость. Он изо всех сил нажал на газ и вывернул руль. Но ни то ни другое не действовало. Тем не менее автобус ехал совершенно прямо по дороге со скоростью около тридцати миль в час.

Вскоре Рэндольф увидел, что автобус сам собой повернул на боковую дорогу, развернулся и спокойно подъехал к перекрестку, где у бензоколонки маячили три знакомые фигуры.

Рэндольф метнулся к двери, но все выходы, включая и двери в салон, намертво заклинило. Беспомощный, вспотевший от страха Рэндольф свернулся под рулем и словно впал с транс, а туристический экспресс подкатил прямо к лавке Лампкина.

Скрипнули тормоза, и автобус остановился, подняв облако пыли. Три незнакомца окружили его, двери автоматически раскрылись. Баннер сам открыл дверь кабины. Жестом он приказал Рэндольфу вылезать наружу.

— Ч-что... пожалуйста, скажите мне, что я вам сделал? — спросил испуганный до смерти Рэндольф.

— Ничего, — Баннер сверкнул вставными зубами. — Вы всего лишь несчастная жертва.

— Этот процесс, — пробубнил доктор Клуг, роясь в салоне, — называется социализация. Вы стали добропорядочным членом общества, вот и все. Ну-ка, где мои инструменты?

– На самом деле, – слышался голос доктора Рамсгейта откуда-то позади Меллорса, – вы еще поблагодарите нас, после того как...

После? После чего?

После того как блестящая игла вонзилась ему в предплечье, после того как Рэндольф повернул голову, чтобы увидеть Рамсгейта, который подкрался к нему сзади. Теперь загнанный взгляд Рэндольфа встретился с безумным взглядом глаз, скрытых за толстыми стеклами очков. Рэндольф чувствовал, как исчезает, растворяется в этих глазах. Он попытался выползти из автобуса, но похоже, этот дьявол Рамсгейт вколол ему какой-то тягучий сироп.

И этот сироп растекался по всему телу. Сначала в него превратились ноги, потом руки. Когда он попытался двинуться, убежать, спастись, оказалось, что он может только течь.

И что еще более удивительно, за окном «Экскалибура» лил дождь. Прямо на большую голову доктора Рамсгейта.

Нет, подумал Рэндольф, ошеломленный, охваченный неясной приятной слабостью, у него вообще нет головы. На плечах Рамсгейта находилась вывеска компании «Акме», «Компания “Акме” – добыча свинца», под дождем, в сен...

В сент...

В сентяб...

Сентябре!

Это вырвалось откуда-то из глубины сознания: сентябрь.

Семьсот пятьдесят тысяч долларов были спрятаны в трехколесном фургончике для мороженого фирмы «Замороженные продукты Юм-О».

Он ехал под дождем по мокрой дороге...

Динг-лин-лин – триумфально звенели колокольчики в его честь...

Дорога перегорожена.

Федеральная полиция.

Продавец вернулся из отпуска, но слишком поздно, фургончик украли, было слишком поздно...

Все равно получится...

Величайший успех...

Пока не...

Крути педали, давай, крути педали...

Фургончик нельзя развернуть...

Наручники...

Темные камеры...

Крики «виновен, виновен!»

«Ага! – Рэндольф слышал, как он кричал тогда в тот дождливый сентябрьский день, – ага, сукины дети, я снова вас надул!»

«Плохо, – шептали призрачные голоса. – Плохо. Слишком выделяется».

«Один из последних, – снова шептали те же голоса из тумана. – Последний, последний. Последний из величайших».

«Пенологический триумф, – верещал хор привидений. – Ломайте стены. Перестраивайте личность. Дизассоциируйте. Ассимилируйте. Интегрируйте».

СОЦИАЛИЗАЦИЯ.

«...согласно данным географического селектора, главный... (ГЛАВНЫЙГЛАВНЫЙГЛАВНЫЙ), – темное эхо словно электрошоком выжигало огненные дорожки в его измученном, утомленном, усталом мозгу, – и мы нашли... (НАШЛИНАШЛИНАШЛИ...) идеал... переделка... защита окружающей среды... (СРЕДЫСРЕДЫСРЕДЫ)».

В течение одного невыносимого мгновения Рэндольф Меллорс всматривался в умные глаза психосоциализатора, который наклонился над ним в зеленой комнате и опустил ему на лицо маску.

Глаза... глаза...

Вина.

Вина.

ВИНА!

Они не смогли скрыть своей неприязни. Корчась (они связали его, воспоминание вспыхнуло у него в мозгу римской свечой), он видел, как их глаза обвиняюще смотрят на него, а все его гормоны, энзимы и катализаторы бурлили в нем в первый момент социального перерождения, и скоро он почувствовал отвращение.

Вина; он ненавидел вино.

«Эй, вы, сукины дети, – крикнул он перед тем, как они отравили его каким-то газом и превратили в кого-то другого, – вы делаете меня чертовым психом (ХОМ... ХОМ... ХОМ)».

На закате, огненно-красном закате, вызывающем мысли о далеких просторах, которые ждут нас за сосновыми холмами, специальный туристический экспресс «Экскалибур» стоял на обрыве, с которого можно было видеть придорожный магазинчик Лампкина, укрывшись за деревьями и оставаясь незамеченными. Через поднятое заднее стекло высывалась мощная подзорная труба. Припав к ней, Харлоу Б.С.Баннер наблюдал за тем, что делалось в лавке.

Сквозь чистый, прохладный воздух издалека донесся гул автомобиля. Баннер восторженно прищелкнул языком.

— Что он делает? — спросил доктор Клуг. На самом деле он сказал: «Чтoнн счас деллт?», будучи под действием поощрительной премии, выданной ему Баннером за четырехчасовую тайную операцию по перестройке личности. Разумеется, премия состояла в изрядной порции шотландского виски. Ненасытный и торжествующий Клуг уже употребил пинту неразведенного спирта из медицинских запасов. Но даже теперь жадно поглядывал на спиртовку, на которой готовился ужин.

— Пишет записку. — Хихикнув, Баннер подкрутил регулятор резкости. — Так, сейчас я прочитаю...

— Великолепно! — пискнул доктор Рамсгейт откуда-то из глубины салона. Рамсгейт даже не позаботился превратить электронный операционный стол в нормальные сиденья. В действительности это была часть его награды — не складывать операционный стол подольше и провести на нем кое-какие процедуры, о которых Баннер не счел нужным справляться.

— Я так и думал! — воскликнул Баннер. — Он пишет прощальную записку Лампкину. Так, теперь он выходит. Закрывает магазин и... о-ля-ля! Остановилась какая-то машина. Проклятая женщина! Вытаскивает коляску...

—...б-блюдки, — Доктор Клуг рыгнул, обращаясь к своим бывшим коллегам. Он темпераментно потряс пустой фляжкой из-под спирта. — Все б-блюдки. Если мужик плучает удовольствие, эт-та не значит, чт-та он не знает, как эт-та лич... личность...

— Не зазнавайся, — усмехнулся Баннер, настраивая окуляр. — С ним было просто. Кроме того, у него имелись изначально сильные антисоциальные склонности.

– И щас ессь, – поправил его Клуг, несколько накрепившись.

Баннер больше не обращал внимания на своего беспутного товарища. Сцена, которую он увидел в трубу, захватила его целиком. Рэндольф Меллорс вышел из магазина, когда миз Маджрок подкатила свою коляску и поставила ее на тормоз. Меллорс стоял в винно-красном солнечном свете с перекинутым через плеч плащом, развязно заложив большой палец за пояс. Он даже не спросил женщину о цели ее визита, а нахально объявил, что она может сама взять, что ей нужно. Когда миз Маджрок вошла в магазин, Рэндольф огляделся по сторонам и быстро нагнулся над коляской. В сумерках было видно, как он торопливо сунул в рот наполовину обсосанную мятную палочку.

Даже с высоты обрыва Баннер мог слышать вопль протеста, вырвавшийся из коляски. Меллорс шагнул с тротуара в пыль, завернул за бензоколонку и показал нос лавке Лампкина. Затем, покачивая плащом и что-то насвистывая, пошел по окружному шоссе № 2 на закат.

– Он улыбался! – радостно вскрикнул Баннер. – Он по-настоящему улыбался! Может, через месяц, а может, и меньше, он совершит преступление – замечательное преступление!

Баннер щелкнул пальцами.

– Все в порядке, Клуг, Рамсгейт – собирайтесь! Нам нужно в следующий город. На очереди сексуальный маньяк. Ну, я покажу этим бюрократам! – В праведном негодовании Баннер погрозил кулаком краснеющим соннам. – Они хотели уничтожить преступность? Решили переделать преступников в пайнек? Законно это или нет, но я докажу, что они не имеют права вмешиваться в дела свободных предпринимателей. Им не удастся разрушить мой бизнес!

– Пркррасно, – сказал доктор Клуг. – Вам харрашо, мне харрашо.

– Будьте уверены, все будет отлично! – вскричал старый иссохший скелет. – После десяти лет бюрократии... я почти банкрот... ну нет, не на того напали. – Он обнял необъятного Клуга, и его шельмовское лицо просияло. – Наконец-то, наконец-то «Баннер Ньюспейперс» получит сенсации, которые достойны печати!

ПОБЕДИТЕЛЬ

Раль плыл — слабая волна электрического импульса в пустоте Вселенной. Он смутно сознавал, что умирает, проваливается в ничто и скоро превратится в нечто бессмысленное, бездушную пустую оболочку без сознания и единения. Но ничего уже нельзя было сделать; его гибкий импульс распался на миллиарды различных мыслеформ, и выхода из ситуации не предвиделось.

Его импульс содрогнулся от воспоминания о Великой Системе, существовавшей бесчисленное количество веков назад. Тысячи похожих на него импульсов, объединенных в единое целое в пустынном пространстве космоса; тысячи импульсов, колеблющихся, меняющих мысли и эмоции, связанных друг с другом в одну центральную Великую Систему, эту огромную хрупкую кристаллообразную электрическую структуру.

И они давали друг другу жизнь, пополняя свои силы за счет друг друга и существуя во Вселенной тысячелетие за тысячелетием.

До Катастрофы. Со временем появились импульсы, которые устали от старой системы объединения и захотели создать новую; они противостояли другим импульсам, более спокойным, которые упрямо придерживались старого образца. Мятежники, как их называли, создали новую тщательно продуманную систему. В результате две структуры наложились друг на друга, вступили в противоречие и взорвали все сообщество.

Только слабый импульс Раля выжил после Катастрофы. Он был сильно поврежден и не мог двигаться; в течение тысяч лет после взрыва он дрейфовал в темноте, ожидая сигнала от другого импульса, с которым мог бы вступить в контакт. Но сигнала не было, и Раль от слабости и голода начал медленно превращаться в иную систему, которой никогда не существовало в старом сообществе.

Он превращался в каннибала.

Только центральная мыслеформа, которая поддерживала в нем жизнь, могла найти импульс и поглотить импульс; втянуть свободный импульс в его неустойчи-

вую оболочку и приспособить к системе. За счет этого Раль жил, за счет этого мог просуществовать, создавать новые импульсы и находить свободные, съедать их и приспособливать к своей системе.

Но длительный процесс распада почти закончился; он мог переформировывать свои мыслеформы ценой огромных мук и усилий, а о том, чтобы создавать новые, не могло быть и речи. Он понимал это и медленно готовился к выполнению последней команды отключения – команды смерти.

Но когда его слабый голубоватый импульс уже начал меняться, он почувствовал легкий, почти призрачный импульс вне границ своей формы. Он приостановил процесс изменения и, собрав все силы, скользнул ему навстречу.

Импульс становился сильнее; сложная кристаллическая система Раля регистрировала его. Сила нового импульса все росла, пока не достигла небывалой мощности.

Голод грыз Раля уже несколько веков, но теперь он наконец-то будет удовлетворен. Его система уничтожения себе подобных активизировалась, ожидая, когда новичок подойдет на допустимое расстояние. И тогда...

Но он остановился. Он был здесь всего мгновение и теперь исчез. Раль в отчаянии выбросил вперед захватывающие лучи, подумав, что уже никогда не сможет зарегистрировать такой мощный импульс, и обнаружил...

Еще один. Он был мал, всего лишь в сто раз больше, чем импульс Раля; и вдобавок состоял из пяти секторов, присоединенных к центральному. Импульсы в пяти секторах были схожи между собой, но по-разному воспринимались центральной частью. Раль выделил и распознал все пять восприятий, он был полон любопытства и смутного страха.

Один канал импульсов, очевидно, был предназначен для различения формы и цвета, что Раль нашел совершенно бесполезным для себя; второй ощущал колебания в... в какой-то субстанции, незнакомой Ралю, субстанции, отличной от пустоты, в которой он жил, но достаточно разряженной; третий был способен определять запахи в этой субстанции; четвертый различал что-то

такое, что было совершенно непонятно Ралю: горькое, соленое, сладкое и кислое; а пятый реагировал на тепло и холод. Все эти импульсы направляли свои ощущения в центральный сектор, который принимал их гибкой массой разобобщенных, разночастотных электрических импульсов, обладающих невероятной мощностью.

Да, это была еда для Раля; но от поглощения этих импульсов его удерживали две причины.

Первая заключалась в том, что он был слишком слаб, и поглощение более чем одного импульса за раз могло разрушить его хрупкую систему.

Вторая была такова, что этот единый импульс оперировал в частоте, отличной от частоты Раля. Как он ни старался, он не мог настроиться на эту частоту; она была слишком чужеродной, слишком далеко отстояла от его собственной, и к тому же он был слишком слаб. Но эта частота была изменчивой; если бы он мог приспособить ее к своей частоте, то легко бы поглотил этот импульс, часть за частью.

Раль знал, что это относительно просто — заставить импульс гармонизировать с ним; все, что ему требовалось, это принудить тот импульс воспринять его собственный как нечто естественное и однородное, то есть принять такую форму, восприняв которую чужой импульс ничего не заподозрит — что-нибудь из его окружающей среды.

Когда канал чужого импульса примет Раля за своего, Раль блокирует этот канал и поглотит его.

Сперва он попробовал канал, отвечающий за восприятие запахов. Да, будет очень легко послать импульс через канал запахов в центральный сектор, который воспримет его как запах...

Бреннер согнулся над приборами космического корабля. Черт возьми! Как его угораздило забраться так далеко от Базы? Здесь не было ни одной планеты на миллионы миль во всех направлениях; ничего, кроме черноты космоса. Он не мог связаться с Базой. Он вообще ни с кем не мог связаться.

Его небольшой трехотсечный корабль мчался в неизвестность. В хвостовом отсеке безмятежно гудели атомный и электрический генераторы; а он сидел в носовом отсеке и бранился.

Что-то в сломалось в механизме радара. Скорее всего. Он решил выключить энергию и немного подумать.

Он остановил двигатели и, поразмышляв, вырубил электрогенератор. Сидя в темноте, он тщетно пытался увидеть хоть лучик света за иллюминатором. Но ничего не видел. Ни звезд, ни планет. Вообще ничего. База была основана в глубоком космосе; свет от других солнц гасился временем и пространством.

Он откинулся в кресле и закрыл глаза. Хейл на Базе, должно быть, рвет на себе волосы. Бреннер представил, как старик беснуется: «Этот чертов Бреннер! Наша космическая станция находится за миллионы миль от обитаемого пространства, а этот дурак умудрился потерять наш лучший корабль! Так и знал, что этот ненормальный где-нибудь застрянет, я знал, знал...»

Бреннер выкинул Хейла из головы и принялся думать о Земле. О доме. И о Барбаре. И безымянном малыше, который должен был появиться через несколько месяцев и которого он увидел бы через год, если бы не был таким дураком и не заблудился здесь.

Что ж, по крайней мере, у него есть радио. И приличный запас пищи. И уверенность, что Хейл будет прослушивать все каналы, чтобы его засечь.

Он нахмурился. Ему следовало связаться с Базой еще раньше. Возможно, проблема в радио...

Внезапно он почувствовал странный запах. Бреннер принюхался. Ничего подобного он никогда не ощущал. Запах был металлический — как будто где-то произошло короткое замыкание. Но все же не совсем такой.

А потом запахло кофе. Горячим кофе, сваренным где-то на корабле. Разве он взял с собой кофе? Бреннер нахмурился и вернулся к мыслям о собственной тупости, забыв о запахе, воспринимая его как нормальное, естественное окружение.

Первый блок сработал.

Бреннер почти не заметил, что перестал ощущать запахи.

Раль торжествовал. Это был первый импульс, который он попробовал за долгое время. Его каннибальская система зашла в экстазе, когда он приспособил поглощенный импульс под свою мыслеформу. Он все еще был голоден — он едва утолил голод, — но ведь это только на-

чало. Это разожгло его — ему нужен еще один импульс, еще...

Голод накатывал волнами, бил ключом из глубины его мыслящей формы, почти затопляя его. Да, ему нужно больше. Захватить первый импульс было просто; как только это существо восприняло поддельный запах как настоящий, его частота совпала с частотой Ралья, и Раль поставил блок на канал, через который поступал импульс, и поглотил его. Теперь каналы, отвечающие за запахи, были заблокированы, чтобы ни один импульс не мог пройти по ним.

Раль снова занялся утолением голода.

Бреннер принюхался. Забавно... разве он только что не чувствовал запах кофе?

Подождите... он не мог его чувствовать. На корабле не было кофе. Но все же должен быть, если он чувствовал запах.

Он снова принюхался. Теперь он вообще ничего не чувствовал. Странно. Он откинулся в кресле и услышал, как в заднем отсеке гудят генераторы...

Второй блок сработал.

Гул генераторов исчез.

Бреннер вздрогнул. Он не мог слышать гудения — ведь генераторы выключены! Он встал. На корабле было тихо. Он ударил по панели приборов кулаком.

Ни звука.

Его охватила паника.

Бледно-голубая оболочка Ралья засветилась немного сильнее, хотя его все еще мучил голод.

Его мыслеформы трепетали, ощущая силу, которой он никогда не мог обладать во времена Великой Системы, силу, с помощью которой он мог поглотить все, все...

И тогда в мыслеформе Ралья возник совершенно незнакомый образ. И он подумал о Хейле.

Он только смутно мог представить Хейла; большой человек... человек; это было новое понятие — большой человек, кем бы ни был этот человек; низкий голос — голос, тоже новое понятие, и сильный характер — характер...

Раль замедлил работу системы, сбитый с толку. Человек, голос, характер, Хейл — он никогда не знал об

этих понятиях, ни о чем подобном. Почему же теперь он знает?

И тут он понял почему.

Образы чужака, даже разрозненные и неразвитые, влияли на образы Раля, когда Раль контактировал с ними при поглощении. Должно быть, и образы Раля влияли на чужака.

Какое-то время Раль формировал и реформировал мысли, и наконец решил, что это не плохо. Теперь у него есть новое оружие, с помощью которого он сможет поглотить другие электрические импульсы. Новое, лучшее оружие: Хейл, человек, голос, характер.

В этот момент Бреннер также узнал о существовании Раля.

Его паника внезапно исчезла, когда он проанализировал свои ощущения и вдруг понял, что не слышит. Он мог дать этому только туманно объяснение: нечто полностью чуждое ему, находящееся вне корабля, кристаллическая электрическая структура... нет, система электрических импульсов... делает... делает нечто непонятное с ним, и поэтому он потерял обоняние и слух.

Он сел и сосредоточился. Это должно быть что-то большее, думал он, большее, чем... Да, здесь было большее. Он получил разрозненные мысли о чуждых друг другу частотах, и ему все стало ясно. Иллюзии должны были обмануть его. Он не мог точно понять, как они действуют — опять что-то, связанное с частотами, — но знал, что чужеродное создание использует иллюзии, чтобы уничтожить его. Есть ли выход?

Да, есть. Если он не воспримет иллюзию, какой бы она ни была, как нечто естественное, эта тварь до него не доберется. Если только он не воспримет иллюзию...

Бреннер включил электрогенератор. Комнату залил свет.

Раль напрягся, почувствовав другой импульс, более сильный, чем тот, который он получил в первый раз. Импульс был слишком силен, чтобы его поглотить; в нем присутствовало что-то пугающее. Этот импульс был другим, с таким Раль еще не встречался.

Он подстроился к импульсу и осторожно выделил из него другой, поменьше. Проанализировав его, он задумался. Конечно, импульс этого существа засек систему

Ралья, и теперь оно будет защищаться от его подделок. Раль должен прорвать его защиту, осторожно, нежно, так незаметно, как только возможно.

Он чувствовал, что сможет поглотить одновременно два канала импульсов. Он поглотил их и задумался.

Бреннер снова сел в кресло. Он был готов ко всему. Оно не пробьет его защиту. Оно ничего не сможет сделать, никакая иллюзия не собьет его с толку. Он этого не допустит, потому что в его сознании возникли образы, показывающие, как это чуждое создание сможет использовать энергию, полученную от Бреннера, когда разделается с ним; оно уничтожит жизнь в других мирах и огромную волну электрического течения, пересекающую Вселенную; крепкую, нерушимую цепь разума, подпитываемую каждой птицей, рыбой, насекомым и наконец человеком. Бреннер содрогнулся. Что он может сделать? С этим невозможно справиться...

Нет. Он должен справиться. Ради Барбары. Ради Хейла. Ради всех людей на Базе, которые могут стать следующей добычей, если его уничтожат.

Внезапно раздался гулкий звук. Бреннер насторожился: ведь до сих пор он ничего не слышал. Звук рождался где-то внутри его сознания. Он слышал низкий раздраженный голос: «Бреннер, чертов придурок. Я знал, что ты вляпаешься во что-нибудь подобное. И вляпаешь наш корабль». Бреннер повернулся.

Высокая грузная фигура Хейла возвышалась у воздушного шлюза. Он ухмылялся.

Бреннер нахмурился. Чужак, должно быть, беспрочно глуп; Бреннер никогда не поверит, что это капитан Хейл, которого просто не может здесь быть.

Хейл шагнул вперед и сказал:

— Я всегда знал, что ты плохо кончишь: один в космосе, и никого вокруг. Ты включал радио? Ты уверен, что оно сломалось? Хотя что это я, ведь ты бы не услышал его, даже если бы оно было исправно. — Слова возникали в мозгу Бреннера: — Выкури сигару, пока думаешь. Тебе нужно хорошо подумать, чтобы выпутаться, Бреннер. Чертовски хорошо подумать. — Гулкий хохот раздался в черепе Бреннера, когда поддельный Хейл засмеялся, широко открыв рот, — слишком широко для нормального человека.

Бреннер затянулся предложенной сигарой. Что-то было не так. Чужак не должен был так очевидно его обманывать. Сознание Бреннера отказывалось воспринимать стоящий перед ним образ.

Хейл подмигнул ему:

— Если ты не вернешься на станцию, — сказал он, — ты никогда не увидишь Барбару. И своего ребенка. Ты ведь знаешь это, да? Хочешь увидеть Барбару, а? Хочешь?

Бреннер не ответил.

Хейл ухмыльнулся:

— Ты можешь увидеть ее, если захочешь. Прямо сейчас. — Лицо и тело двойника уменьшились, черты стали мягче, и одежда изменилась — из строгого синего мундира она превратилась в легкое голубое платье.

— Привет, Уил, — сказал двойник Барбары.

Бреннер все еще молчал, смотря на видение женщины, маячившее перед ним. Точная копия его жены — в руках маленький белый сверток. Бреннер взглянул на него.

Поддельная Барбара перехватила его взгляд:

— Ты ведь еще не видел нашего малыша, Уил, — сказала она, подходя к нему. — Смотри, — и протянула ему сверток.

Одной рукой она развернула одеяло, в которое был завернут младенец, вытащила его и бросила на пол. Она смотрела на Бреннера, неестественно широко ухмыляясь, ногами превращая ребенка в красное месиво.

— Смотри, Уил. — Она смеялась, все шире растягивая рот, пока лицо не потеряло форму, а черные волосы не растворились в воздухе.

Бреннер замер на месте. Он все еще слышал ее смех, все заглушающий, становящийся громче, громче...

Наконец все кончилось. Красное месиво исчезло, как и неуклюжая фигура. Наступила тишина, и все было как раньше.

Она исчезла. Эта тварь исчезла, и она не причинила ему вреда. Бреннер, все еще не в силах двинуться, задумчиво затянулся сигарой, которую дал ему чужак.

Третий и четвертый блоки сработали.

Сигара исчезла.

Бреннер потерял осязание и чувство вкуса.

Раль кружился в темноте, его голубая оболочка сверкала еще сильнее, чем прежде. Его система обрабатывала мысль о вселенной вокруг него, о том времени, когда он найдет звезды, отдаленные от него временем и пространством, поглотит множество живых импульсов, обитающих на этих звездах и утолит свой голод.

Его третий план сработал безупречно. Он ввел это создание с помощью навязчивых иллюзий в такое состояние, что оно не заметило обычной подделки. Это может помочь в дальнейшем.

Он все еще был обеспокоен другим, огромным импульсом, который противостоял его системе, странно неприступном и... он не мог найти точного определения тому, что так его тревожило.

Но пора позаботиться о пятом канале импульсов чужака.

И снова Раль задумался о способе действий. Какую ловушку придумать на этот раз?..

Бреннер сидел в носовом отсеке, качая головой. Ему были совершенно ясны помыслы чужака, но почему-то они его не волновали. Эта тварь его обманула; нужно было противостоять ей. Только это и оставалось.

Постепенно в голове складывался план действий; чужака отпугивают импульсы, издаваемые электрогенератором. Возможно, удастся его перехитрить...

Бум! Громкий звук раздался у него в мозгу.

Он вскочил и заглянул назад, в глубь отсека; он заметил какую-то тень, которая выскользнула из него и закрыла дверь с той стороны.

Он крутанул колесо в центре двери, открыл ее и выскочил во второй отсек. Бум! Что-то ударило его по затылку. Он дернулся и упал на пол, борясь с дурнотой.

Отчаянным рывком, опираясь о стену, он поднялся на ноги. И в последний момент заметил, как тень выбежала из двери второго отсека.

Он бросился туда. Двойник Барбары издевательски засмеялся, стоя в дверях, в глубине хвостового отсека, потом снова исчез. Бреннер подбежал к двери, ведущей в четвертый отсек, за которой исчезла Барабара, и резко рванул ее на себя.

Мгновение он стоял, оглядывая совершенно пустой отсек.

Затем сработал пятый блок.

Бреннер ослеп.

Он забыл, что на корабле только три отсека.

Каким-то образом он добрался до носового отсека. Он был полностью отрезан от своего тела блоками Ралья. Осталась только способность мыслить. А если он лишится и ее...

Ему казалось, что он может ощущать вещи, хотя не видел и не чувствовал их; и он не оставил попыток разобратся в ситуации. Бреннер сел в кресло и попытался сосредоточиться. Он сосредоточился на обрывках информации, которые появились в его сознании после последнего контакта с Ралем. Эта информация подсказывала единственный способ, с помощью которого можно остановить пришельца.

Он еще раньше почувствовал смутный страх Ралья перед электрическими импульсами, исходящими от генератора; теперь он понял, почему Раль отказывается поглощать эти импульсы.

Во-первых, они слишком сильны для недостаточно развитого тела существа.

Во-вторых, они несвободны. Когда Береннер двигает рычажок, сила тока изменяется, но эти импульсы возникают в результате механического взаимодействия, а не химической реакции, как импульсы Бреннера и Ралья. Импульсы генератора не возникают из-за конкретных действий в конкретное время, но поступают постоянным, сильным, стабильным потоком, который нельзя переделать в мыслеформы и приспособить к Ралю.

И это подсказало Бреннеру, как остановить чужака.

Ощупью он добрался до медицинского кабинета и нащупал бутылку с морфином; осторожно отмерил необходимое количество и поставил на столе прибор управления генератором.

Затем Бреннер начал замедлять генератор. Свет потускнел, становясь слабее и слабее...

Он знал, что Раль ждет его, желая поглотить последний слабый импульс тела человека; а еще он знал, что Раль автоматически поглотит любой электрический импульс, совпадающий по частоте с импульсом Бреннера, не обращая внимания на то, что этот импульс пойдет от генератора, а не от человека, потому что голод, сжига-

ющий Раль, сделал его менее разборчивым и осторожным.

Бреннер продолжал понижать силу тока. Он знал, что Раль не обманется, если обнаружит на одном уровне два разных импульса. В этом случае Раль, несомненно, поглотит. Поэтому Бреннер должен уменьшить свой импульс. Он должен сделать его как можно слабее, чтобы только билось сердце.

Он налил в стакан воды и добавил туда морфина.

Вязкий туман начал застилать мысли, а он все уменьшал и уменьшал силу тока...

Раль почувствовал толчок в большом импульсе; он следил, как тот ослабевает, пока не достиг уровня другого импульса. Подождите! А где же другой импульс?

Мыслеформы Ралья замерли в недоумении. Этот импульс был единственным на частоте чужака. На мгновение Раль задумался: если это единственный импульс на искомом уровне, значит, это просто совпали импульсы обоих существ. Да, так и есть.

Он исследовал импульс — и его кристаллическая оболочка вздрогнула от удивления. Чужая частота, которую он подстраивал под свою собственную с помощью иллюзий, исходила от этого импульса. Он может поглотить его, когда захочет. Правда, он ощущал в нем что-то знакомо отвратительное, но был голоден, и...

После короткого колебания Раль открыл свои электронные челюсти во всю ширину и жадно сомкнул их на импульсе.

Он слишком поздно понял свою ошибку. Его слабые блоки не могли противостоять постоянному не химически созданному потоку электричества из генератора. Все больше и больше энергии вливалось в его тело, и он не мог переварить эти потоки стабильного электричества, медленно изменяющие его собственную форму, превращающие его в застывший, стабильный, несвободный шаблон постоянной сытости.

Его кристаллоидные челюсти широко открылись. Раль дрейфовал в черной пустоте космоса, потеряв способность двигаться, неспособный перестроиться в новые мыслеформы и, следовательно, неспособный думать. Постоянный поток электричества все вливался в его тело...

Постепенно действие морфина ослабло, и туман в мозгу Бреннера рассеялся. Когда к нему вернулась способность мыслить, он понял, что его план сработал и чужак исчез. И Бреннер был просто счастлив, что чудовище умерло и он был спасен, только это сейчас и имело значение.

Конечно, он не мог ни видеть, ни слышать, ни чувствовать неподвижный кристаллоид за бортом. Но он знал, что это создание там. Он ощущал это.

Он ощущал это, потому что его прежняя неупорядоченная центральная система, говоря языком Раля, медленно перестроилась в нечто, очень похожее на систему пришельца, дав ему способность ощущать другие импульсы и объекты. Теперь Бреннеру не нужны были ни осязание, ни зрение, ни слух, ни обоняние, ни чувство вкуса.

Он добрался до носового отсека, мысленно представляя свой путь. Он вернется на Базу... он найдет дорогу туда, как только окажется достаточно близко. Он вернется на Базу, потому что, естественно, его основная мыслеформа стала идентичной системе чужака. И Бреннер ощутил голод. Он знал, что найдет пищу на Базе.

Пища. Он представил Хейла и других людей на станции.

Пища. Его каннибальская система зашла в экстаз от одной мысли о таком обилии пищи.

Он запустил атомный генератор и развернул корабль.

ВХОДНАЯ ПЛАТА

Когда смотришь из купола, ночное небо удивительно красиво, если не считать уродливых глыб Деймоса и Фобоса. Но совсем другое дело, если вы оказались снаружи, решив, например, прогуляться до космодрома.

За узкой ограничительной полосой вокруг купола пустынная земля так же холодна и неприступна, как до высадки землян на Марс. Отсюда небо кажется кроваво-красным и безумным. Сразу возникает желание оказаться внутри, хотя бы под защитой тонкой оболочки из прозрачного пластика.

И все же я люблю стоять здесь и смотреть, размышляя о том, как далеко человек проник в космос. Я думаю о людях, обладающих огромной силой духа, отправившихся в бесконечные просторы Вселенной. Кое-кто из тех, кого я знал, все еще там. Думаю, что там. Надеюсь на это.

Когда-то почти все, что необходимо для жизни, доставляли сюда на кораблях с Земли, пока не изобрели все эти химические штуки, которые превращают марсианские урожаи в довольно сносную пищу. И купола такими не были. Считалось, что жизнь здесь не стоит того, чтобы тратить для ее обеспечения так много топлива. Однако колонии росли. Люди открывали новые планеты, за ними сразу следовали другие и осваивали их. А потом готовились к следующему шагу.

Ох уж эти астероиды... Не хочется о них даже вспоминать. На моем счету немало полетов. И однажды оказалось, что помимо желания я провел слишком много времени вне заградительных щитов. Медики сказали, что я должен стать марсианином до конца своих дней. Даже единственный полет назад к Земле «не рекомендовался».

Итак, ничего другого мне не оставалось, как наблюдать за улетающими кораблями. Я все еще помню один, под названием «Марсианский купец», старт которого я проспал и почти проглядел его вылет на орбиту. Какой-то шутник решил, что такое имя вполне подойдет исследовательскому кораблю. Что ж, надеюсь, оно себя оправдает.

В тот день я покрыл немалое расстояние на своем вездеходе от Скиапарелли до купола Асаф, который тогда хотя и не был так красив, как теперь, но все же оборудован вполне сносно. Там имелось около десятка баров, несколько таверн и еще кое-какие развлекательные заведения – в общем, все почти как в городе.

Я решил промочить горло в таверне «Звездная пыль», что у западного воздушного шлюза, и как раз был у входа, когда вышли те ребята. Первым я увидел громадного черноволосого парня. Он показался в дверях, таща под мышками двух каких-то бедолаг, затем, ухватив их за шиворот и выставив колено вперед, стукнул головами достаточно сильно, чтобы вырубить на некоторое вре-

мя. Действовал он как человек, привыкший все делать точно и аккуратно. Быстро скользнув по мне серьезным взглядом, он развернулся и нырнул в проем двери.

Не успел я подняться по крыльцу, как он появился снова, но уже в сопровождении двух приятелей, которым, судя по всему, здорово досталось. У того, что помоложе, высокого и стройного, на рукаве голубой униформы я заметил лычки младшего пилота. Волосы у него стояли торчком, будто его некоторое время таскали за них. Второй был пониже ростом и выглядел солиднее. Несмотря на разорванный мундир, он производил впечатление человека, солидного и серьезного. Седые виски, слегка выпирающий под ремнем живот, аккуратные усы и выражение равнодушной вежливости на лице придавали ему определенное достоинство. Он приостановился, чтобы швырнуть пустую бутылку назад, в открытую дверь, и, думаю, сделал это не без успеха.

– Идите туда, по переулку, – сказал я, поддавшись непонятному импульсу, и показал направление. – Он ведет к вездеходной стоянке. Я подброшу вас к трапу вашего корабля.

У них не было времени на вопросы. Я тоже не стал дожидаться, когда разъяренная толпа вывалится наружу, обошел несколько зданий и вернулся к своему вездеходу. Этот участок был единственным свободным пространством перед четвертым воздушным шлюзом. В то время два или три вездехода ежедневно прибывали из шахт или других куполов, но большая часть транспорта обслуживала космодром.

– Кто здесь? – слышался низкий голос из густой тени.

– Тони Льюис, – ответил я.

Все трое вышли в круг света, льющегося из окна охранного поста.

– Спасибо за подсказку, – сказал здоровяк, – но на космодром нам пока не надо. У нас есть время до утра.

Он выглядел трезвым, как будто только что приземлился. Его друзья стояли, слегка покачиваясь.

– Если будете так продолжать, – сказал я, – можете к утру не попасть на корабль.

Он засмеялся:

– Мы должны попасть, или он не взлетит.

— О, это зависит от вас троих?

— Точно. Вот он — Хью Коннел, третий пилот. А этот джентльмен с чувством собственного достоинства — Рон Мидоуз, стюард. А я, Джим Хаулет, отвечаю за топливную систему.

Я согласился, что корабль вряд ли взлетит без них. Хаулет наморщил лоб.

— Льюис... — пробормотал он. — Я где-то слышал о Тони Льюисе. Ты космонавт?

— Когда-то был, — ответил я. — Летал в Поясе.

Молодой Коннел перестал тереть глаз и посмотрел на меня.

— А, я о тебе слышал, — сказал он. — Даже читал твои доклады.

Мы еще немного поговорили, и я предложил им пойти еще куда-нибудь развлечься. Повел я их на юг от шлюза, по узким переулкам, огибая большой район складских зданий. В те дни купола не планировались так тщательно, как теперь. Все, что требовалось для безопасности и поддержания воздуха более плотным и теплым, чем снаружи, было сделано на совесть, а оставшееся пространство доставалось первому, кто хотел его занять. Улицы оставляли такой ширины, чтобы мог проехать грузовик. Более высокие здания строили в центре купола. Я остановился там, где они были ниже.

Мы миновали ряд небольших товарных складов, и единственное, что отличало от них заведение Юргенсена, — светящаяся надпись на наружной стене.

— Посидим в баре, перекусим, — предложил я.

— Неплохо звучит, — сказал Хаулет. — Я бы не отказался от приличной еды. Рацион на исследовательских кораблях — одни калории, вкуса — никакого.

Пилот позади нас что-то пробормотал. Хаулет повернулся к нему.

— Не беспокойся, Хью, — резко возразил он. — Все это завтра в любом случае будет над куполом.

— Но нам сказали, чтобы мы не...

— Мистер Льюис нас не выдаст. Он тоже космонавт и нас понимает.

Не секрет, что исследовательские корабли сейчас мало летают в Пояс, — известно, что там полно астерои-

дов, а что творится на самом деле, никто не знает. «Исследуют» — означает только то, что работа над полетом к Юпитеру ведется. Уже появились слухи о значительных сдвигах в этом направлении.

Я считаю, как раз вовремя.

Мне нравилось летать, и это была не просто любознательность. Я убежден, что человек должен продвигаться дальше в космос. Если остановиться на полпути, только на исследовании своей планетной системы, можно прохлопать вторжение пришельцев из дальних миров.

А такая встреча должна произойти рано или поздно. И будет лучше, если мы первыми нанесем им визит. Вот так я думаю.

У Юргенсена дело было поставлено так, чтобы удивить новых посетителей купола Асаф. Конечно, его заведение отличалось от подобных заведений на Земле, но все же не так сильно, как другие марсианские бары и таверны. Юргенсен надеялся привлечь к себе не только местных глотателей песка, но и туристов. Последние приходили сюда, чтобы почувствовать местный колорит, первые — чтобы помечтать о лучшей жизни.

— Ого, посмотрите какие звезды над баром! — воскликнул Хаулет.

Стойка бара была сделана из розоватого песчаника, обтесанного и покрытого слоем пластика. За ней вместо отражающих зеркал и выставки бутылок Юргенсен соорудил что-то вроде панорамы, изображающей пустыню под ночным небом: розоватые и золотисто-коричневые утесы, засыпанные песком, над которыми раскинулось черное небо. Звезды в нем мерцали, словно бисер, из которого, кстати, они и были сделаны. Слегка притушенные огни сглаживали марсианскую суровость металлической обстановки.

— Туристы с Земли любят проводить здесь время, — пояснил я троиче. — Похоже, им больше нравится смотреть на это небо, чем на настоящее.

Местные больше предпочитали столовую, ведь пустыней они могли восхищаться в непосредственной близости, а хорошую еду там вряд ли найдешь. В баре преобладали зеленые и белые тона, и было очень много хрустала. По углам стояли искусственные сосны, которые

Юргенсен приказывал заново красить каждый месяц. Но что особенно привлекало местных глотателей песка, так это маленький фонтан посреди зала.

С настоящей водой!

Конечно, все знали, что это один и тот же галлон воды брызгает вверх, но чистая журчащая вода была редкостью на Марсе. Если грязные струйки воды в каналах вызывали у вас ностальгию, то вы шли к Юргенсену посмотреть его фонтан, а в это время усердный официант сервировал для вас обед.

— Да, это в сто раз лучше корабельной еды, — согласился Коннел, когда появилось первое блюдо. — Что, здесь еще и музыка?

— У них есть трио, которое играет постоянно, — объяснил я. — Иногда выступает певица, когда много посетителей и не все уходят в заднюю комнату.

— Заднюю комнату? — ухватился Хаулет за мои последние слова.

— Ну да. Что бы вы сделали с миллионом, если бы он у вас оказался? В первом же подходящем месте сыграли в рулетку или другую игру.

— Здесь в ходу... настоящие деньги? — прищурился Мидоуз.

— Самые что ни на есть, — заверил я. — Они как раз в такие места и стекают. Многие глотатели песка рассчитывают выиграть здесь на обратный билет первым классом до Земли.

— И как? Получается? — спросил Коннел, жуя бифштекс.

В это время заиграло трио, и тихая мелодия заставила нас прислушаться. Вопрос повис в воздухе. Я не сразу ответил, потому что ощутил в груди приятное чувство тоски по родине. И в этом не было ничего странного, хотя я имел три дома неподалеку от марсианского экватора.

— Насколько мне известно, — наконец ответил я, — обычно удача выпадает тем, кто по той или иной причине не может вернуться домой. Остальные только ждут той счастливой ночи, когда им повезет...

Дверь в заднюю комнату открылась. Оттуда вырвались обрывки разговоров и металлические звуки, а также вышла поразительно несхожая пара. Темноволосая

и грациозная девушка в платье цвета лаванды, подчеркивающим ее красивую фигуру, направилась к музыкантам, и пока она шла, покачивая бедрами, за ней следила не одна пара глаз. Мужчина был толстым и поэтому казался низеньким. Малиново-красное лицо толстяка казалось безбровым. Это был Юргенсен.

Время от времени кивая посетителям, он вдруг заметил новые лица и направился к нашему столу. Несмотря на свои габариты, двигался он поразительно легко, и хотя живот здорово выпирал, было ясно, что при случае он вас запросто обгонит.

– Хелло, Тони! – сказал он высоким тенорком. – Привел друзей в самый лучший гамбургерный притон на Марсе?

Он наклонился над спинкой стула Коннела и принялся рассказывать одну из своих старых баек. В это время девушка в сопровождении трио начала петь. Ее голоса почти не было слышно из-за надоедливого гудения Юргенсена. Я заметил, что Коннел старается условить хоть что-нибудь.

В конце концов и Юргенсен это заметил. Отвернувшись от Хаулета и Мидоуза, которые смеялись над его враньем, он хлопнул парня по плечу.

– Вижу ты заметил Лайлу Мэлони, парень. Не хочешь купить у нее кофе?

– К-кофе? – Коннел запнулся.

– Разбавленный водой, – напомнил я Юргенсену. – Ужасная дрянь, как и твое шампанское.

– Я скажу, что ее приглашают, – не обращая на меня внимания, тот поманил девушку пальцем.

Я пытался его отговорить:

– Ребята улетают утром. У них нет времени...

– Тем больше причин познакомиться с Лайлой!

Мы ждали, пока она закончит песню. Девушка покачивалась в такт, и ее лавандовое платье слегка кружилось вокруг нее в легкой марсианской гравитации. Конечно, она бы никогда не стала певицей на Земле со своим тихим голосом, скорее просто приятным и мелодичным.

Она подошла с чашкой кофе, сказала мне «привет», с усмешкой посмотрела в спину удаляющегося Юргенсена и стала знакомиться с остальными. Заметив, что

Хаулет мне подмигнул, и подозревая, что он обычно предоставляет Коннелу задний отсек корабля, я решил развлечься и предложил показать Мидоузу заднюю комнату.

Тот пробубнил что-то насчет своих седи, но, бросив взгляд на Лайлу и Коннела, без дальнейших уговоров отправился за мной.

Игровой зал Юргенсена так же отличался от бара и столовой, как те друг от друга. Обстановка была очень простой. Драпировки из синтетического бархата темно-зеленого цвета, так любимого марсианскими колонистами, покрывали стены. Рассеянный свет приятно отсвечивал на металлических деталях. Рулетка выглядела совершенно так же, как на Земле, только шарик ее из-за гравитации был более тяжелым.

— Интересно, — пробормотал Мидоуз, нащупывая в кармане бумажник, и уперся ладонью о «планетный» стол.

Он был круглый, с небольшим прямоугольным выступом для операторского контроля и подсчета. По девяти круглым желобкам разного цвета крутились шарики, представляющие планеты. Эти круги были соединены спиралями соответствующих цветов, символическими орбитами корабля, который двигался внутри или снаружи планетных орбит.

— Выбираешь себе две планеты, — объяснял я. — Чтобы было больше шансов, указываешь место старта и расстояние. Оператор включает тумблер, и каждый шарик двигается по своему желобу, подчиняясь произвольным электрическим импульсам.

— А как я выиграю?

— Скажем, ты выбираешь Венеру и Сатурн. Видишь серебряную спираль, идущую от Венеры вокруг стола к орбите Сатурна? Так вот, если Венера остановится в пределах шестидюймовой зоны, где начинается спираль, а Сатурн — рядом с тем местом, где должен заканчивать свой путь, тогда ты купаешься в звездной пыли.

Мидоуз теребил усы, изучая стол.

— Я... э-э... полагаю, чем ближе подойдешь, тем больше выиграешь, да?

— Это в теории. А на практике большинство рады не продуться в пух и прах. Игра ведется честно, но ставки очень высоки, а шансов выиграть немного.

Пара космонавтов освободила для нас стол, и я в течение нескольких минут наблюдал за игрой Мидоуза. Крупье с худым бледным лицом улыбнулся мне. Он был штурманом, пока его сердце не стало нуждаться в легкой гравитации Марса.

— Не подсказывай, Тони!

— А ты не давай мне здесь играть! — ответил я.

— Как-то ночью ты собирался... Нет победителей, джентльмены. Следующая ставка!

Планеты двигались по направлению к Плутону возле одного конца сиреновой спирали, и Меркурий коснулся внутреннего края, но ни один из присутствующих не был настолько глуп, чтобы держать пари в такой ситуации. Мидоуз начал ставить на комбинацию внутренних планет, которые случайно выпали, но играл по мелочи. Он немного выиграл на чужих промахах, а когда проиграл и это, я решил пойти выпить.

Я обнаружил Хаулета, Коннела и Лайлу Мэлони в баре, созерцающих красно-бронзовый ландшафт. Услышав о Мидоузе, Хаулет улыбнулся:

— Он так располагает к себе, что это действует на других расслабляюще. Люди смотрят на него, и им в голову не приходит, что он выигрывает жалованье у половины команды корабля.

Лайла предложила всем пойти поддержать Мидоуза. Я остался сидеть со своим стаканом, пока мое одиночество не нарушил Юргенсен, который подплыл к столику и заговорил о былом.

Спустя некоторое время к нему подошел помощник и шепнул что-то в оттопыренное красное ухо. Он пожал плечами и отмахнулся.

Это произошло позже, спустя примерно двадцать минут. Я как раз остановился на том, как поражен был один старый марсианин, узнав, что жители куполов в Скиапарелли выкопали сухой канал. Юргенсен, нахмурив белесые брови, покинул меня, не дав дорассказать, как тот марсианин все никак не мог понять, каким образом им это удалось.

— Ну, да эта байка уже не нова, — подумал я.

Все это время глотатели песка сновали в игорный зал и обратно. В конце концов оттуда появился Хаулет.

– Ну что, много проиграл? – спросил я, когда он взял выпивку.

– Оставил свой обычный депозит, – усмехнулся он, – но посмотрел бы ты на Мидоуза. Он перекрыл им воздух! Подогнал Меркурий к Плутону, и им пришлось раскошелиться.

– Вот это да! Никому еще не удавалось это сделать.

– А он сделал дважды! Плюс другие комбинации. С его способностью составлять наше дневное меню это раз плюнуть. Не знаю почему, но мне никогда так не везет. Знаешь, что он делает?

Я поднял брови.

– Он дает займы каждому бездельнику, который просит. Но тот должен показать ему билет на полет до Земли.

– Похвально.

– Вот почему он посылает их за билетами, а потом они возвращаются и делают ставку на цену билета. Я никогда не видел такого ажиотажа!

В этот момент Юргенсен проплыл через дверь, ведущую из задней комнаты в бар. Пустым взглядом он смотрел перед собой. С ним были еще двое, которым он меня и представил.

– Рад познакомиться с вами и мистером Хаулетом, – сказал один по имени Макнотон.

Второй пробормотал что-то вроде «в'н э», из чего я понял, что это Ван Эттен, один из высокопоставленных граждан купола, который агитировал с Макнотон и другими из Оперативного Комитета за организацию постоянного полицейского департамента. Похоже, Юргенсен что-то задумал.

– Хаулет, как бы переговорить с вашим товарищем?

– А что, он сделал что-то не так? – преувеличенно вежливо спросил Хаулет.

Юргенсен хмуро посмотрел на парочку только что вошедших в бар небритых глотателей песка с бледно-зелеными билетами в руках. На стойку они даже не посмотрели, сразу направившись в игорный зал.

– Я этого не говорил, – Юргенсен проводил их взглядом. – Просто он портит репутацию моего заведения.

– О, напротив, это хорошая реклама, Юрги, – засмеялся Макнотон. – Люди забывают, что можно проиграть. Теперь, мистер Хаулет...

— Это не просто потеря небольшой суммы денег... — перебил его Юргенсен:

Выпивка попала мне не в то горло, и я поперхнулся.

— Ну нет! — заревел Юргенсен. — Если они услышат по радио, что здесь можно выиграть поездку домой, мне придется ставить второй трап.

Хаулет глотнул и поставил свой стакан. Ван Эттен слегка подтолкнул меня; по выражению его лица я понял, чего он хочет, и встал.

— Ничего страшного, — сказал я. — Раз уж я его сюда привел, я его и остановлю.

В бар вошли еще двое. Высокий и грузный выглядел как телохранитель. Второй нес в руках маленький металлический кейс. Он подошел к Юргенсену и спросил, где можно разместить временный офис для продажи билетов на межпланетные рейсы.

Пока я шел к игорному залу, появившиеся оттуда трое или четверо глотателей песка устремились к ним, чуть не сбив меня с ног. Последнее, что я видел, это как Ван Эттен успокаивает Юргенсена, а Макнотон, ухватив Хаулета за молнию на мундире, что-то ему втолковывает.

В игорном зале за толпой, окружившей «планетный» стол, я увидел, что держащих пари на игру Мидоуза действительно очень много, — значит, дела Юргенсена в самом деле плохи. Даже перед Коннелом была небольшая кучка банкнот, а Лайла азартно следила за Мидоузом. Пока шарики крутились по своим орбитам, стюард отсчитывал деньги в трясущиеся ладони, писал имена на клочках бумаги и принимал ставки. Как ему это удавалось, не знаю, но он выигрывал каждую пятую или шестую ставку, отчего груды банкнот перед ним все росла.

Я толкнул Лайлу под локоть и указал на Коннела.

— Как бы вытащить его отсюда? Пусть пойдет выпьет, уступит место какому-нибудь старому игроку на пару игр, — предложил я.

Ей потребовалось время, чтобы понять меня: она была вся в игре, перед ее глазами все еще плавали груды денег. Наконец она наклонилась к Коннелу и прошептала ему что-то на ухо. Похоже, малышка имела на него влияние. Он кивнул мне.

Такой вздох раздался, когда мы менялись местами, что я подумал, будто задел манжетой Плутон, но это просто Мидоуз совершал длинный перелет от Земли к Урану. Крупье даже не дрогнул перед тем, как зарегистрировать дистанции и ставки на своем маленьком компьютере и вытащить из выдвижного ящика наличность для платежа по ставкам.

Я постоял несколько минут, размышляя, можно ли остановить игру. Однако человек, который изобрел ее, также проектировал кодирующие устройства для космического флота Земли. У Мидоуза была полоса удачи — рано или поздно она закончится.

Хаулет поймал меня на выходе из игорного зала.

— Как насчет кофе? — спросил он. — У нас скоро старт. Нам пора уходить. Я тебе сейчас кое-что расскажу. Столовая еще открыта?

— Она всегда открыта. Ладно, давай прочистим мозги и посмотрим на фонтан.

В ресторане сидели только две или три женщины и десяток мужчин. Музыканты, уходившие на пару часов, чтобы поспать, вновь принялись за свою работу. Мы заказали термос горячего кофе. Хаулет спросил меня о Макнотоне.

— Я полагаю, это стоящее дело, — сказал он, когда я описал позицию членов Комитета. — Макнотон собирается протащить своего кандидата, который мог бы урезонить некоторых нарушителей спокойствия. Он узнал про ту драку, которая вышла у нас в баре, и решил сделать меня шефом полиции.

— В некоторых куполах уже есть регулярные полицейские силы, — заверил я его.

— И он так сказал. Заявил, что некоторые из шефов полиции будут избираться мэрами. Скоро состоится Марсианская Ассамблея, и люди, имеющие вес среди политиков купола, будут участвовать в ней, ну и так далее.

— Он совершенно прав, — подтвердил я. — Когда ты намерен приступить?

— Может быть, в следующий раз, когда меня сюда занесет, — он подмигнул, — и если место не займут.

Я с улыбкой посмотрел на него. Так или иначе, мне нравилось, как он смотрит на вещи.

– Не задерживайся надолго. Это хорошее место для карьеры.

Он долил себе кофе и задумчиво уставился в чашку. Я знал, о чем он думает, – о часах перед окончанием полета, когда рассчитываешь, хватит ли затхлого маслянистого воздуха, о часах, когда следишь за выражением лица штурмана и решаешь, не пора ли повернуть назад, прежде чем совершишь роковую ошибку.

– Есть ли шансы на посадку? – думал я. – Сколько пилотов так никогда и не узнают, как близко они подошли к роковой черте.

– По какому поводу этот двойной транс? – спросил Мидоуз.

Он вернул нас на землю. Хаулет показал ему на стул рядом с собой.

– Все нормально? – спросил невесть откуда появившийся Юргенсен. – Кто-нибудь хочет выпить?

– Что это у них... кофе? – Мидоуз потянул носом.

– Джимми! – крикнул Юргенсен официанту. – Порцию кофе для Рона! Горячего!

Он обнял Мидоуза за плечи и исчез так же быстро, как появился.

– Что это он к тебе так вспылал? – спросил я Мидоуза.

– В самом конце я промахнулся, пропустил Меркурий на десять дюймов, и они все себе вернули.

Мы просто онемели. На круг он должен был получить полмиллиона.

– А как насчет глотателей песка, которым ты обещал выиграть? – спросил Хаулет, улыбаясь, как человек, который все это предвидел и получает удовольствие от результата.

– Кое-кто из них помог мне проиграть, – сказал Мидоуз. – Сейчас, думаю, они все будут продавать свои билеты. Где Хью и его малышка? Пьем кофе и трогаемся, да?

– Я думал, он с тобой, – ответил Хаулет.

– Пойду поищу его, – вызвался я, вспомнив, что парень ушел с изрядной суммой.

Быстро осмотрев бар и игорный зал, я обнаружил, что они почти пусты. Никто не видел Коннела, так что я вышел наружу и огляделся в темноте узкой улицы. Четверо или пятеро пьяных медленно разбредались по

домам. Дверь позади меня раскрылась, и двое космонавтов быстро вышли наружу.

— А-а, вот ты где! А я всех вокруг спрашивал, — тихо сказал Хаулет. — Ты доверяешь этому Юргенсену? Они не пустили меня в свой офис за игорным залом.

— Он лучше, чем кажется, — сказал я.

— Он выглядел очень подозрительно, когда я выигрывал, — пробурчал Мидоуз. — Может быть, один из его громил предложил ему взять заложника...

Хаулет насторожился. Я понял, что он беспокоится о парне и распалился до того, что готов крушить все вокруг.

— Давайте проверим еще одно место, — предложил я, — прежде чем наломаем дров.

Я быстро двинулся по улице, и им ничего другого не оставалось, как следовать за мной. Я чувствовал, что они смотрят мне в спину.

Я завернул направо, прошел вперед около пятидесяти ярдов и остановился на перекрестке. Надеюсь, что вспомню дорогу, я двинулся по левой стороне улицы. Небо над куполом посветлело, но не настолько, чтобы осветить дорогу.

Хаулет и Мидоуз следовали за мной. Я стукнул в одну из дверей. Никакого ответа. Я постучал еще раз.

— Очевидно, на борту никого, — тихо сказал Мидоуз.

Это прозвучало, как вопрос. Я пожал плечами и снова стал стучать. В конце концов, приложив ухо к тонкой панели, я услышал приглушенные шаги.

Дверь со стуком открылась.

— Это я, Тони Льюис, Лайла.

Дверь открылась шире, настолько, что девушка могла увидеть двоих космонавтов позади меня. Она была в тонком халате, который в тусклом свете отсвечивал серебром.

— Мне нужен парень, Лайла, — сказал я.

— Зачем?

Это уже было хорошо. Она могла сделать вид, что его вообще у нее нет.

— Ему пора на корабль, Лайла.

Я услышал, как за мной тяжело завожился Хаулет. Дверь стала закрываться, но я успел подставить ногу. Хаулет, вероятно, этого не заметил.

– Не закрывай дверь, сестренка, – сказал он, – или мы ее высадим!

Он мог это сделать за десять секунд.

– Ты хочешь, чтобы тебя линчевали? – предостерегла его Лайла.

– Из-за тебя?

– Хватит, Хаулет! – прервал я его. – Позволь поговорить с леди наедине!

Он, должно быть, понял по моему тону, что я не шушу; они с Мидоузом отошли на несколько шагов.

– Не мешай леди делать свой бизнес, – сказала Лайла достаточно тихо, чтобы ее слова слышал только я. – Мы оба знаем Марс, так что пусть дело идет своим чередом.

– Дело оборачивается так, что он должен быть на корабле. Вот поэтому я и пришел, Лайла.

– Что ты хочешь сказать? У него такая важная работа?

– Не совсем. Они могут найти другого третьего пилота. Они могут как-нибудь управиться даже без него. Но позже ему не очень-то это понравится.

Она покачала дверь туда сюда. В конце концов она ее отпустила. Однако все еще загораживала вход. Я ждал. Помолчав, она сказала:

– Пойми, Тони, я не представляю, что буду... всю жизнь развлекать публику... Почему ты считаешь, что у нас с ним ничего не получится? Если сложить его выигрыш и мои сбережения, наберется немало. Может, купим шахту или возьмемся за вездеходный сервис, как ты. На Марсе жизнь не стоит на месте...

– Остынь! – напустился я на нее. – Меня не заботят твои мечтания, Лайла, нет времени.

Света было уже достаточно, чтобы увидеть, как застыло ее лицо.

– Ты хочешь сказать, что у меня не может быть здесь дома? Тебе ведь хорошо известно, Тони, что некоторые из известных на Марсе женщин приехали сюда далеко не первым классом!

Я поднял руку. Она слишком повысила голос.

– Не имеет значения, что ты не принцесса. И что он думает о тебе. Важно, что он в самом себе будет думать, управляя песчаной колымагой вместо ракеты.

В переулке кто-то из космонавтов нетерпеливо шаркнул ногой. Я заторопился, надеясь уговорить ее прежде, чем кончится их терпение.

— Кому как не тебе знать мужчин, Лайла. Возможно, я не прав, но гораздо лучше заполучить его после того, как он слопает свою порцию космоса, а не до этого.

Тишина стояла такая, что мы слышали дыхание друг друга. Плечи Лайлы дрогнули.

— Я буду ждать его, — выдавила она.

У меня было такое чувство, будто я ее ударил. Через некоторое время Коннел выскользнул из дома, плотно прикрыв за собой дверь. Никто не произнес ни слова. Он шел за нами, опустив голову и подняв плечи. Думаю, его больше всех устраивало, что в переулке темно.

Мы отправились к четвертому воздушному шлюзу и шли в полном молчании. Когда добрались до вездеходной стоянки, я прочистил горло:

— Подождите, сейчас заведу вездеход и доставлю вас к трапу.

— Может, нам не стоит тебя больше обременять, Тони, — сказал Хаулет. — Посмотри, любая из этих машин вполне может нас подбросить.

Я проследил за его жестом и, к счастью, увидел водителя, которого знал. Махнув ему рукой, я поднял большой палец.

— Поехали, — сказал Хаулет, когда вездеход притормозил рядом с нами. — Спасибо за все, Тони. Тебе нужно немного поспать. Ночки в этих куполах еще те.

Коннел подождал, пока они отойдут на несколько шагов. Даже сейчас он все еще колебался.

— Забудь, — сказал я. — Ты не первый космонавт, которого женщины загоняют в угол. Увидимся, когда вернешься!

Он пожал мне руку и побежал догонять друзей. Они уже поднимались в кабину. Вездеход набрал скорость и загромыхал в воздушном шлюзе.

Я вылез из постели после полудня и успел только увидеть пламя из сопл их корабля, когда он промелькнул в марсианском небе. Мне хотелось, чтобы у них все было в порядке. А еще я хотел быть с ними.

Ну вот я все еще стою возле стены купола и смотрю в небо — не для того, конечно, чтобы увидеть тех ребят,

возвращающихся из полета. Может, они высадились где-нибудь на Юпитере, или летят назад к Солнцу, или мчатся в темной холодной бездне туда, куда никто еще не летал. Кто знает, где они?

А если и мне снова попробовать? Черт с ними, с врачами...

Нет, не хочу. Разве только с ними, а не с каким-нибудь другим экипажем. По закону средних чисел каждый новый вылет в космос сопровождался определенным количеством неудачных попыток. Совсем не обязательно, что с ними что-нибудь случится, но все может быть. Когда удача покидает одних, кто-то другой занимает их место.

Почему мы суеверны? Каждая новая орбита от солнца стоит денег, кораблей и жизней; это входная плата в космос.

Конечно, все обернулось слишком плохо для Коннелла и его малышки — которая, к слову сказать, позже вышла замуж за очень уважаемого человека в куполе Азаф. Было бы прекрасно, если бы Мидоуз разбогател или Хаулет стал мэром купола, но что я могу сделать? Что я могу сказать о жизни ради любви, денег или власти, если даже не способен быть на их месте?

Каждый раз Человек понемногу пробивается вперед, внося за это определенную плату.

КРАЙ СВЕТА

Над ним сияли тысячи разноцветных лун.

Рядом была девушка.

В углу комнаты рычал дракон.

А снаружи, совсем недалеко, был Край Света.

Харви Крейн лежал на спине и пытался понять, как здесь очутился. Над ним нависала розовая полусфера неба. И это ему совсем не нравилось. Несколько минут он изучал небо, прежде чем решил, что цвет его слишком неправдоподобен. Харви сел, широко зевнул и огляделся. Слева в тридцати ярдах желто-голубые треугольные деревья закрывали горизонт. Прямо перед ним

высился перевернутый конус, грациозно балансирующий на своей вершине. А справа... не было вообще ничего.

– Черт возьми, – сказал Харви Крейн.

Он подполз к Краю Света и осторожно заглянул вниз. Там кружился всепоглощающий розово-красный водоворот. Харви затянул пояс, пытаясь удержать желудок на месте, отполз подальше от Края и, пошатываясь, встал на ноги.

А потом заметил девушку.

Она стояла, уперев руки в бока, и критически разглядывала корабль.

«Ага! Корабль! Вот что это такое!» – довольно подумал Харви.

– Вижу, ты снова умудрился его посадить, – сухо сказала девушка. «Снова?» – Харви удивился, но ничего не сказал. Она обошла корабль, подняла гигантскую конструкцию за край крыла и хмуро взглянула на него.

– Ну, не стой как идиот. Помогите мне.

Он удивился, с какой легкостью они управлялись с кораблем. Когда они наконец поставили его как надо, девушка отступила на пару шагов назад и критически оглядела плод их работы.

– Так, – решительно сказала она. Тень раздражения промелькнула на ее привлекательном лице. Она поправила длинные каштановые волосы, смахнула несуществующую пылинку с белоснежных брюк, закатала рукава блузки и... стерла корабль.

– Эй! – крикнул Харви. – Что ты сделала?

В тупом изумлении он уставился на расплывающиеся контуры корабля. За ним, на склоне покрытого желтой травой холма, возвышался огромный Замок.

– Не будь таким глупым, Харви. Пойдем, дорогой, нам надо отдохнуть.

Сам не зная почему, он пошел за ней к Замку.

Отдых, как увидел Харви, состоял из приятного купания в пурпурных водах дворцового рва и следовавшей за ним изысканной трапезы из каких-то оранжевых фруктов, смутно похожих на покрытых воском жуков. Они – он, девушка и домашний зверек с раздражающей привычкой каждые три секунды менять форму – сидели в довольно большом цвет-

нике (как Харви понял, здесь был еще и зверинец) и созерцали. То есть девушка созерцала сад, зверек — Харви, а Харви — девушку. Им всем было очень хорошо, потому что они время от времени заливались смехом.

— Скажи. — Харви встал. — Я плохо представляю, кто я такой, где я и почему здесь, но... кто ты?

Она прикусила губу и сказала с наигранной веселостью:

— Боже мой, Харви, неужели ты не помнишь? Нет, вижу, не помнишь. Что ж, я... Дана. Скажи-ка, Харви, — она подошла к нему и заглянула в глаза, — что ты помнишь?

Харви перестал улыбаться, нахмурился и взъерошил черные волосы.

— Немного, — признался он, глядя в окно. — У меня такое чувство, что если хорошенько постараться... но я не уверен, что хочу вспоминать, — смутившись, закончил он.

— Но теперь, Харви, — Дана засмеялась и обняла его, — теперь ты здесь, и этого достаточно. Ты всегда был здесь.

Харви нежно посмотрел на нее:

— Хм, теперь ты возбудила мое любопытство. — Он поцеловал ее, но, почувствовав боль в ноге, повернулся и увидел странное существо, очень похожее на дракона, жгущее взглядом его икру. — Эй! — вскрикнул он и подпрыгнул.

— Тимоти! — строго сказала Дана, и дракон снова превратился в ее домашнего зверька. Она повернулась к Харви. — Извини. Ты ему понравился.

— Станный способ выражать любовь, — буркнул Харви.

Снаружи розовое небо стало темно-аквамариновым.

— О, милый, — вздохнула Дана, — уже ночь, а я не приготовила постель. Как ты считаешь, мы можем переночевать на кушетке? — спросила она.

— Мы?

— А, я и забыла, ты же только что прилетел, — отозвалась она рассеянно и чуть обиженно. — Ну, можешь один спать на кушетке. У нас целая жизнь впереди, и нам столько еще предстоит сделать.

Харви чувствовал себя настолько усталым, что даже не спросил, что именно. Он послушно последовал за ней по освещенному голубым светом коридору на балкон. Низкая кушетка с балдахином, покрытая шелком, стояла посреди террасы. Он повернулся, чтобы пожелать Дане спокойной ночи, и обнаружил, что ее уже нет. На ее месте, пыхтя, сидел маленький Перевертыш и слегка вибрировал, неуловимо меняя форму. Харви состроил рожу в ответ на его сердитый взгляд.

– Ревнуешь, да?

Ванная находилась справа от террасы. Харви решил: все, что ему нужно – просто напиться воды (она была пурпурная). На подбородке он не обнаружил щетины, которая обычно отрастала у него очень быстро. Он беззлобно ругнулся (только собрался отпустить бороду...), спрятал бритву и разделся. Пижама свободного покроя и неопределенного цвета лежала на кушетке. Она пришла ему впору.

В прозрачном небе бешено вращались тысячи причудливых комочков. Сначала он по ошибке принял их за облака; постепенно ему стало ясно, что это луны, и все они разного цвета. Одна, ярко-золотая, показалась ему знакомой. В конце концов он оставил бесплодные попытки поймать свою память за хвост и стал смотреть мимо лун на звезды.

Что это за звезды? Харви вглядывался в яркую россыпь, заполнившую все небо. Он должен их знать; он ведь помнит названия многих из них. Или ему только кажется, что помнит – возможно, он сам их придумал?

– Грийиип, – тихо произнес Перевертыш.

Харви оторвался от звезд и посмотрел на подобие медвежьей шкуры, растянувшееся на полу рядом с кушеткой. Тело Перевертыша слабо вибрировало. Наверно, он спал.

Несколько минут Харви разглядывал животное. Слабый ветерок коснулся его щеки. Внизу, во дворе, он услышал тихий звон цепей.

Неужели привидения? Он решительно отменил эту мысль и лихорадочно попытался понять, что это может быть, но звук прекратился так же неожиданно, как и возник. Мост, вот это что. Разводной мост. Он представил себе мост через ров, в котором вчера купался... А по-

том они с Даной, покрытые розовыми каплями воды, вошли в маленькую дверь. Видимо, кто-то опустил мост, скорее всего это сделала Дана. Харви оперся на локоть и осторожно спустил ноги с кушетки. Он на цыпочках подкрался к балконным перилам и заглянул вниз. Под ним было восемьдесят футов голубой пустоты, а в самом низу, у подножия желтого холма по извилистой тропинке шла к Краю Света закутанная в плащ фигура. Дана.

Харви почувствовал страх, когда смотрел, как уменьшается фигурка девушки. Он натянул комбинезон, сунул ноги в летные ботинки (там было что-то такое, о чем следовало узнать. Где он уже слышал эти слова?) и бросился в коридор. Все пути вели во двор, Харви это знал. По крайней мере, тот коридор, по которому он шел. Он оглянулся через плечо, чтобы проверить, следует ли за ним Перевертыш, и подивился своей сообразительности. Память вернулась к нему меньше чем за двадцать четыре часа, вот что его беспокоило. Ему следовало подумать, что это за корабль, а не где он находится, упрекнул себя Харви. Но Дана куда-то ушла, и в этом мире, так тесно граничащим с Бесконечностью, ему ничего не оставалось, как гадать, куда же она исчезла. Он вышел во двор, вычислил дорогу к мосту и вскоре обнаружил, что тот поднят.

Вот это да, подумал Харви. Или Дана уже вернулась, или кто-то опустит для нее мост, когда она возвратится в Замок. Он повернулся в темноте и побежал в сад, повторяя их вчерашний путь. Найдя маленькую дверь, ведущую ко рву, разделся и скользнул в пурпурный холод воды.

Сразу же стало ясно, что плавание – не ночной вид спорта. Вода была жутко холодной (Харви дважды наткнулся на плавающие в ней льдины) и таила в себе обитателей, которые могли быть безобидными, но вызывали отвращение. Он вылез на другой стороне и несколько минут сидел, стуча зубами и растирая ноги. Где-то на этом поле Дана была близка к чему-то. И Харви показалось, что он знает, к чему.

Он поднялся на ноги и удивленно уставился на Замок. В безумном мелькании лун тени плясали и играли на высоких стенах, где балконы переমেжались глубокими нишами. Зубцы крепостных стен врезались в небо, словно носы ракет на взлетном поле.

Взлетное поле? Ракеты? Что это?

Харви окатила волна туманных воспоминаний. Он сжал кулаки и попытался сосредоточиться. Он представил, как рвет воображаемыми пальцами черную вуаль с прошлого и она поддается. Открыв глаза, он обнаружил, что бежит по огромному полю к тому месту, где день назад пришел в себя. Он замедлил шаг, надеясь, что его мелькающая от бешено вращающихся лун тень затеряется среди таких же беспрерывно меняющихся теней от деревьев и камней.

Рядом с тем местом, где он впервые ее встретил, Дана замерла и оглянулась. Харви метнулся под ненадежное прикрытие треугольного дерева и замер, затаив дыхание и ожидая, что она вот-вот его заметит. Но ничего не произошло, и через некоторое время он отважился выглянуть.

Три глаза холодно смотрели ему в лицо.

Харви рванулся назад, сдерживая крик, и сломя голову бросился вниз по холму к Дана, но ее уже нигде не было. На одно мгновение Харви показалось, что она исчезла за Краем. К счастью, он вскоре вновь заметил ее. Но три висящих в воздухе красных глаза бесстрастно смотрели ему в спину. Он яростно вырвал их из воздуха и бросил мерцающие угли в Бесконечность, и потом удовлетворенно смотрел, как они падают в никуда. Он не знал, что это было, но они ему не понравились – это точно.

Вновь потеряв Дану из виду, он повернул назад к Замку.

Бум!

Харви поднялся с земли и пошарил руками перед собой. Он почувствовал под ладонями твердую поверхность и, удивленный, стал ее ощупывать. Это корабль! Дана просто сделала его невидимым! Он нащупал сопла и тяжелые своды опор, и понял, что находится под воздушным шлюзом. Внезапно на него нахлынул поток воспоминаний.

Господи! Земля! Вселенная! Я!

– Харви?

Тишина. Он выглянул из-за борта ракеты.

– Харви, дорогой, это ты? – Дана стояла в прямоугольнике белого света, вися в воздухе в двадцати футах

над землей. До Харви дошло, что он впервые после... после крушения!.. после крушения видит белый свет. Белый, символ истины. Он выпрямился, все еще укрываясь за ракетой, и ждал, пока Дана спустится и увидит его. Скоро он узнает правду.

– Харви?

Он напрягся, увидев ее красивые ноги, когда она спускалась по ступеням невидимой лестницы. Когда она ступила на землю, Харви вышел из укрытия и набросился на нее. Они упали на желтый дерн, и Харви понял, что он схватился с сильным противником. Та сила, которая помогла ей вчера поднять корабль, была так же эффективна против человека; но и Харви ощущал в себе новую силу. Его взгляд упал на металлическую коробочку, закрепленную у нее на поясе.

Аннигилятор Материи!

– Харви! Остановись, Харви! Ты не знаешь, что творишь! – кричала она.

Он резко рассмеялся и выхватил у нее металлическую коробку.

– Ты хотела разрушить корабль! – воскликнул он. – Ради Бога, зачем?

Она отступила от него, на глаза навернулись слезы.

– Чтобы... чтобы этого не случилось, – всхлипнула она. Затем повернулась и что-то произнесла в сторону Замка.

В бешеном мелькании лун откуда-то с вышины появилось огромное чудовище и зловеще завывало. Харви поборол страх и аккуратно прицелился Ликвидатором. Воющий зверь заморожено смотрел на него, когда он нажал на активатор. Зловещий рев внезапно смолк; чудовище исчезло. Дана рухнула на колени, причитая:

– Ты убил его! Ты убил Тимоти!.

Харви повернулся к нелепому прямоугольнику белого сияния, висящему в воздухе, и отрегулировал шкалу выброса энергии на аннигиляторе. Металлические стены ракеты возникли в ночном небе.

– Все в порядке, Дана, – холодно сказал Харви, повернувшись к стоящей перед ним на коленях девушке. – Где я, и что здесь происходит?

– Я... я думаю, пора тебе рассказать, – выдавила она и поднялась.

Внезапно Харви почувствовал озноб. Ночной ветер стих, и голубой холод опустился на желтое поле. Даже луны с меньшей скоростью кружились над головой.

— Давай. Я слушаю. — Его голос невольно смягчился, и Харви разозлился. Он слишком долго был игрушкой в этом ненормальном мире. Харви понял, что наступает что-то очень важное для него. Теперь я вспоминаю, сказал он себе.

Дана всхлипнула и посмотрела на него долгим взглядом.

— О Харви, дорогой. Я столько раз тебя теряла. Неужели мы снова должны пройти через это? — грустно сказала она. Он не ответил. Ее плечи поникли.

— Что ж. Это короткая история. Ты помнишь Землю, Харви? Твою Землю?

— Помню.

— Ты знаешь, почему ты попал... сюда?

— Нет.

— Взгляни на свой корабль, Харви. Он старый. Очень старый. Что-то ты уже знаешь, просто не хочешь себе в этом признаться...

Харви встревоженно посмотрел на нее:

— Продолжай. Расскажи мне об этом! — нетерпеливо, испуганно выкрикнул он.

— После того как твой корабль покинул Землю, он преодолел Световой Барьер. Но ты и те, кто был с тобой, не учли его мощь; только человек мог решиться на такое. Ты никогда не выйдешь из сна, Харви. Ты все еще на том корабле, и ты никогда не проснешься! — Она со смехом выкрикнула это в лицо Харви.

— Ты сошла с ума! — хрипло прорычал он. — Ты ненормальная! Я же помню! Я знаю, где я, и знаю, как вернуться обратно!

— Посмотри вокруг, Харви Крейн. — Дана истерически расхохоталась. — Ты думаешь, такой мир действительно может где-нибудь существовать? Все это, Харви, — она жестом показала на поле, на Замок, на луны, — только символы. Этот остров — твой разум; край света — конец Реальности. А те луны — это безумие.

— Но ты хотела, чтобы я здесь остался. Почему ты передумала? — Он с упреком смотрел на нее.

– Если захочешь, поймешь почему, – устало отозвалась Дана. – Это ведь твои желания, а не мои, Харви. Я существую только в твоём воображении. В Реальности – настоящей Реальности – я жду тебя на Земле. Харви... возвращайся! Я так хочу, чтобы ты вернулся!

Харви смотрел на нее, не веря:

– А ты... Кто ты? – выпалил он.

Она закусила губу и с упреком посмотрела на него.

– Я... – произнесла она дрожащим голосом, – я твоя жена.

Память вернула Харви назад, к зеленой планете под названием Земля... забытые люди, места. Он посмотрел на Дану как будто в первый раз, и в этот момент полного узнавания она стала исчезать.

– Харви, просыпайся, – умоляла она. – Посмотри правде в глаза, пока не поздно. Пожалуйста... – И она исчезла в небытии.

Харви бросился к кораблю и взлетел по трапу, крича: «Нет! Нет! Вот Реальность!» Он посмотрел на безумные луны, кружащиеся в небе, на мягкую, прозрачную воду воздуха, на огромный Замок у Края Бесконечности и почувствовал себя на пороге Ада. Что-то должно было произойти. Дыхание Харви гремело в гулкой тишине.

Внезапно Замок оторвался от острова и тяжело поднялся в воздух, его огромная тень нависла над ним.

Харви вскрикнул.

Он повернулся, пытаясь нацелить аннигилятор на Замок, а тот все быстрее и быстрее приближался к кораблю. Излучатель выскользнул из его ладони и взмыл в воздух к...

– Нет! Нет!

Выше и выше...

– Нет! Нет!

Выше...

– Нет!..

«Прошу тебя, Харви... ты попался в ловушку своего воображения. Посмотри Правде в глаза».

Грохот.

Замок рухнул на корабль.

Вселенная исчезла в яркой вспышке белого пламени, а Харви все еще слышал умоляющий шепот Даны...

ИЗ СУБВСЕЛЕННОЙ

— Если тебе действительно так не терпится идти туда, я не буду тебя больше задерживать, — со вздохом объявил профессор Халли молодому человеку, сидящему напротив него. — В конце концов, возникнет необходимость в том, чтобы человек совершил это путешествие, а лучше тебя никто не сможет сделать отчет об этом эксперименте.

— Согласен, — улыбнулся Хейл Макларен, его друг и ученик, — ведь я ваш ассистент и, можно сказать, соавтор ваших открытий. Но, — его взгляд затуманился, — я не знаю, что делать с Шерли. Она хочет отправиться со мной!

— Полагаю, пусть она присоединится к тебе, если хочет, — медленно произнес Халли. — Ты же знаешь, я люблю мою дочь больше, чем она тебя, но, если ты не вернешься, как не вернулись подопытные кролики, она больше никогда не сможет быть счастлива. Шерли предпочтет быть с тобой, как бы негостеприимен ни оказался тот маленький мирок, в который вы отправитесь.

— Но я вернусь! — настойчиво возразил Хейл Макларен. — Мы же знаем, почему не вернулись наши подопытные животные. Попав на некую маленькую планету, они просто не удосужились поинтересоваться, где оказались. Они просто разбежались по ее поверхности, и наш аппарат не смог их найти. Что же касается меня, то можете быть уверены, что я не сдвинулся с места!

— И все же, вполне возможно, что ты не вернешься! Шерли взрослая женщина. Мы объясним ей, насколько опасен эксперимент, и если она захочет идти с тобой, пусть идет!

Халли подошел к телефону и позвонил домой. Дом профессора находился неподалеку от колледжа, в котором Халли заведовал кафедрой физики. Через несколько минут Шерли предстала пред ясные очи мужчин, несколько удивившись их мрачному настроению.

— Кого сегодня хоронят? — поинтересовалась она с порога.

– Не говори о похоронах в такое время, – сердито произнес Макларен. – Мы пригласили тебя для того, чтобы снова объяснить тебе, насколько опасен эксперимент, в котором ты хочешь участвовать вместе со мной. Если честно, я не хочу, чтобы ты отправилась со мной в это путешествие.

– Разумеется, я пойду! – с притворным вызовом ответила девушка. – Ты думаешь, я захочу уступить тебя какой-нибудь крошечной соблазнительнице?

– Это серьезно, – настаивал Макларен, не желая поддаваться на ее иронию.

Он прошел в угол большой, почти пустой комнаты и отодвинул занавеску из грубой бумажной ткани, висящую на проволоке и скрывающую какой-то загадочный, сложный, как лабиринт, аппарат. В середине широкой спирали на прозрачной зеленой подставке стоял огромный стеклянный колокол, в котором вполне могло поместиться два-три человека. Ряд высоковольтных вакуумных ламп, висящих на одной стене, с помощью тяжелых медных проводов соединялся со спиралью. Прозрачная зеленая подставка покоилась на нескольких цилиндрах, образующих гидравлический лифт так, что тяжелый зеленый диск мог опускаться, чтобы под колокол можно было поместить что угодно.

– Я отправляюсь через несколько минут, – сообщил Макларен Шерли и, несмотря на его напускную грубость, в его голосе слышалась трепетная нежность. – Твой отец объяснит тебе, насколько это опасно, и если желание у тебя не пропадет, отправимся вместе!

– Ты знаешь, Шерли, – начал профессор Халли наставительным тоном, – что мы с Хейлом ведем обширную исследовательскую работу, поставив целью выяснить элементарный состав материи. Я признаю, что относительно первоначального искомого предмета мы по-прежнему остаемся в неведении, но в ходе исследований нам открылись новые перспективы, столь же заманчивые, как и первоначальные. С помощью недавно открытых космических лучей, длина волны у которых неизмеримо короче, чем у любого другого известного света, нам удалось получить неопровержимые доказательства того, что электрон – это не только отрицательный электрический заряд, как физики полагали рань-

ше. Он является реальной частицей материи, частицей настолько малой, что более старыми способами было бы никогда не получить прямых доказательств их существования. В ходе наших исследований мы наткнулись на другое свойство космического луча. Мы обнаружили, что гармонические волны при значительном усилении имеют свойство уменьшать и увеличивать массу и объем всей материи, не меняя ее формы. Теперь это подсказывает решение проблемы состава Вселенной. Доказав, что атом, с его центральным ядром и его спутниками — электронами, представляет собой в миниатюре Вселенную фактически, а не только по аналогии, мы смело сможем предположить, что составляющие инфракосмоса под нами и суперкосмоса над нами всего лишь звенья цепи, простирающейся в бесконечность!

Профессор Халли замолчал. Его помощник покраснел от волнения, а у его дочери ярко вспыхнули щеки и загорелись глаза. Но смотрела она не на аппарат; она смотрела на гладкие темные волосы своего жениха!

— Мы посылали в этот суперкосмос разные предметы, — продолжал он, — стулья, монеты, бокалы, кирпичи и тому подобное. И некоторые из них вернулись назад. Но когда мы послали в этот таинственный мир морских свинок, кроликов и бродячих собак. Их нам вернуть не удалось. Хейл считает, что животные ушли, исчезли из точки, на которой фокусировались лучи. Я не уверен в этом. Может быть, он прав, быть может, животные встретили ужасную смерть, причины которой нам неизвестны. Теперь он предлагает для эксперимента самого себя. Это опасно. Его смерть может оказаться ужасной. Но если ты хочешь идти с ним, можешь идти. Твоя мама умерла. Однако помни, что ты рискуешь оставить меня одного на старости лет!..

За этими простыми словами последовала торжественная тишина. Затем Шерли объявила:

— Я пойду!

Профессор на мгновение отвернулся. Когда он снова посмотрел на своего ассистента и свою дочь, следов внутренней борьбы на их лицах уже не было. Он твердо нажал на рычаг, и зеленая подставка тихо спустилась на уровень пола. Макларен и девушка встали на нее, и она

снова поднялась, унося их под стеклянный колокол. Профессор повернулся к поднявшейся платформе, где размещался пульт управления.

— До свидания!— крикнул он.— Через час я вас верну!

— До свидания!— ответили они приглушенными голосами.

Мощный генератор заработал. Лаборатория наполнилась пронзительным воем. Вакуумные лампы тускло засветились, в воздухе появился сильный запах озона. Между витками спирали пробежал мощный электрический разряд. Профессор поспешил отрегулировать конденсатор, и тишину теперь нарушал только вой генератора и тихое жужжание.

Пока профессор продолжал манипулировать приборами управления, колокол постепенно наполнялся темно-фиолетовым светом. Лучи света мерцали словно пелена северного сияния, временами почти скрывая мужчину и женщину. Постепенно лучи концентрировались на дне колокола и, казалось, стелились по зеленой подставке, окутывая две живые фигуры. «Подопытные кролики» по-прежнему улыбались и ободряюще махали.

Наконец, стало видно, что они уменьшаются. Они уже были меньше четырех футов, и, по мере того как мощность генератора приближалась к резонансу, они становились все меньше и меньше. Вскоре их длина не превышала фута, а они все стояли в море фиолетового света, пока не сократились до шести дюймов, до дюйма. Тогда профессор выключил генератор.

Девушка и мужчина прошли несколько дюймов и вновь оказались в центре подставки. Там, в небольшом углублении мягкого материала, лежало крошечное зернышко углерода, атом которого им предстояло исследовать. Оно было настолько крошечным, что его с трудом можно было рассмотреть под микроскопом. Однако Макларен, должно быть, уже ясно видел его, потому что, заговорив с девушкой, он приказал ей встать на определенное место.

А таинственный луч продолжал свое дело, и вскоре две крошечные фигурки скрылись из виду. Профессор по-прежнему стоял у приборной доски, с тревогой поглядывая на часы, пока не прошло время, указанное в

его расчетах. Наконец профессор снова остановил динамо и положил часы на стол. Он отметил время, когда должен снова выключить ее, и нервно стал вышагивать по комнате. На лбу у него выступили капельки пота. Вот остановился и посмотрел на небольшое углубление, в котором лежал миллион миров, каждый из которых был таким же полным и совершенным, как и его собственный. В одном из этих миров вращалась частичка, на поверхности которой находились его дочь и любимый ассистент.

Профессор вздрогнул, когда зазвонил телефон, и быстро отделался от студента, который хотел получить какую-то пустяковую справку. Затем он снова вернулся к часам и послушал, не остановились ли они. В лаборатории было очень тихо, и, когда крошечный ручеек воды зажурчал в охлаждающей камере одной из мощных вакуумных ламп, шум показался громким.

Вдруг профессора Халли осенила новая мысль. Предположим, в этом невероятно маленьком мирке есть опасные существа, с которыми Хейл и Шерли, должно быть, именно в этот момент борются, пытаются спасти свою жизнь! Может быть, этот мир не что иное, как сверкающая звезда! Может быть, они погибли, оказавшись на бесплодной и безвоздушной планете-электроне? Профессор снова посмотрел на часы. Полчаса почти прошли. Еще несколько минут, и они будут готовы вернуться – не следует включать луч, пока они далеко от фокуса. Еще несколько секунд... пора!

Профессор резко нажал на выключатель, и стеклянный колокол снова наполнился фиолетовым светом. Он быстро увеличил ток и прилип к основанию стеклянного купола, чтобы увидеть возвращающихся путешественников сразу же, как те покажутся в поле зрения.

Через несколько минут в прозрачном углублении, в котором лежала микроскопическая частица углерода, появился какой-то маленький неясный предмет. Прямо на глазах у физика это пятнышко расщепилось на сотни крошечных точек – точек, которые быстро увеличивались в размерах, пока не стали напоминать маленькие прямые палочки – палочки, постепен-

но превращающиеся в руки и ноги. Маленькие человечки, которые были мужчинами и женщинами, уже достигли размеров в полдюйма. Эти создания становились все больше и больше и, очевидно, были немало возбуждены.

Халли изумленно наблюдал за ними, пока их размеры не достигли нескольких дюймов. Затем он подскочил к выключателю, чтобы остановить их рост, и опустил зеленый диск до уровня стола, на который один смельчак, в конце концов, прыгнул, чтобы завоевать новое пространство. В то время как Халли остолбенело наблюдал за человечками, тщетно ища Макларена и Шерли, крошечный мужчина вышел из толпы, подошел к краю стола, низко поклонился и спросил:

— Где мы?

Голос у него был тонкий и пронзительный, как щебет насекомого, с каким-то непонятным акцентом. Однако по-английски он говорил вполне сносно.

— Вы на Земле, — машинально ответил Халли.

Замечание произвело глубокое впечатление. У маленьких человечков вырвался тихий, как вздох, крик, и многие из них пали ниц. На них были тонкие короткие одежды, повязанные кушаками и доходящие до колен. Мужчины и женщины были одеты почти одинаково, их пол можно было определить только по украшениям.

Предводитель повернулся к ним и закричал.

— Слушайте! Слушайте! Это не то, о чем мы, ваши жрецы, вам говорили! Правоверным будет дозволено перенестись из нашей юдоли слез на Землю, с ее золотыми воротами, где текут молоко и мед. Вы слышали голос Ангела. Голосом грома он сказал вам, что вы стоите у ворот Земли, а те, кто не верит, будут брошены во внешнюю темноту!

Кто-то на заднем плане запел гимн. Масса карликов присоединилась к нему, и комната наполнилась хором слабых, похожих на писк насекомых, голосов.

Халли снова обратился к жрецу.

— Откуда вы?

— Мы граждане Электрона, названного так нашими знаменитыми предками, Хаэлом, Мужчиной, и Шуэр-

ли, Женщиной, которые пришли на нашу планету, когда она была еще совсем юной, целую вечность назад, так много миллионов лет назад, что они исчисляются геологическими эпохами.

— Откуда вам известно имя Земли?

— Оно передается нам из поколения в поколение. Оно сохранилось в наших памятниках и храмах, а также записях наших мудрецов. Нам уже много веков известно, что это настоящий рай — место, где царит бесконечное счастье. Ведь разве наши знаменитые пращуры, Хаэл и Шуэрли, не тосковали по Земле, хотя они прилетели на Электрон, когда он был молодой планетой с мягким климатом?

— Говорите, Хейл и Шерли прилетели на вашу планету много веков назад? Разве тогда ваша планета не была населена?

— На нашей планете водились животные, некоторые устрашающих размеров и в ужасном облачении. Но наши предки, посланные Землей, с помощью невероятной хитрости победили их, а их дети постепенно завоевали весь Электрон. Мы их потомки, но мы сохранили их язык, традиции и религию, а также сдержали Великую Клятву.

— Великую Клятву?

— Великую Клятву, — произнес посланец Электрона нараспев и почти громко, несмотря на свой малый рост, — дали Хаэл и Шуэрли. Они заявили, что великий мудрец, Ангел высочайшего могущества и понимания, в один прекрасный день посетит обширную, пустынную Землю. Там, где они впервые появились, они повелели, чтобы их дети остались здесь и ждали Ангела, которого они называли Космическим Лучом. Многие отошли от этой истинной религии, но мы построили храм в святом месте, сдержав Великую Клятву!

Халли печально, с болью в сердце, сказал им:

— Я отец Шерли и друг Хейла, а с тех пор, как я послал их на ваш Электрон, не прошло и часа!

Но его внуки, отдаленные от него на тысячи поколений, снова пали ниц и запели свою песнь.

Профессор Халли попал в очень неловкое положение. Его чуть не обвинили в убийстве. Исчезновение его

дочери и ассистента, естественно, повлекло за собой расследование, и в ходу было ужасное подозрение, что он расправился с ними и поместил их тела в свою устрашающего вида машину под названием Космический Луч.

Любопытно, что доказательство, освободившее его от подозрений в убийстве, создало ему новые проблемы, так как иммиграционные власти не знали, что делать с несколькими сотнями лилипутов, которых нельзя было никуда депортировать. Профессор Халли наотрез отказался отослать их обратно на Электрон, если они не захотят вернуться добровольно, а возвращаться никто не хотел. Наконец, иммиграционные власти согласились принять пришельцев с Электрона, если те примут нормальные размеры. Нашлись друзья, которые помогали им приспособиться к новому типу цивилизации, и, согласно последним сообщениям, большинство из них приспособилось очень удачно.

После нескольких попыток журналистам наконец удалось получить у профессора Халли достоверные сведения и подробные объяснения случившегося. Пропустив технические детали, не имеющие никакого отношения, приведем лишь объяснения, которые сам профессор дал невероятно быстрому циклу жизни, проживаемому на Электроне.

— Я виню себя, — печально произнес профессор Халли, — за то, упустил этот важный момент. Да, субвселенная похожа на нашу вселенную; да, электроны следуют по своим орбитам, как планеты, вращающиеся вокруг солнца; но я упустил тот факт, что из-за огромной разницы в расстоянии существует и огромная разница во времени. Земле требуется год, чтобы обойти вокруг Солнца; электрон обходит свое положительное ядро миллион раз за секунду. Однако, всякий раз, когда он совершает круг по орбите, для его обитателей проходит год. Я не успел моргнуть, а Шерли и Хейл умерли, и многие поколения их детей прошли полный жизненный цикл. Для них это было нормально — для нас же невероятно быстро.

ОДНА ДОИСТОРИЧЕСКАЯ НОЧЬ

Огромное сигарообразное тело, увенчанное огненным хвостом, с оглушительным грохотом вырвалось из-за облаков на горизонте и стремительно спланировало в сторону большого гористого острова, оставляя за собой след падающих искр. Пролетающее металлическое чудовище сверкало в лучах дневного солнца. У шумного пришельца имелось четыре закругленных металлических «плавника», делающих его похожим на огромную горящую стрелу. В задней части корабля находились сопла, из которых вылетало пламя. Из центра тупого носа, а также из нижних и боковых частей корпуса выступали короткие трубки, использующиеся для управления.

Остров, окруженный почти целым миром воды, изобилует гигантской растительностью, поднимающейся к большому сияющему красному солнцу. Его поверхность сотрясается под тяжелой поступью огромных существ, казавшихся одним из жестоких экспериментов Природы.

Ревущий корабль стремительно мчался над джунглями, едва не задевая зеленые вершины. Долетев до открытого пространства, где деревья и папоротники окружали широкий участок земли, он сел, изрыгнув еще одну, последнюю вспышку огня, которая смягчила посадку.

Когда двигатели замолкли, сразу стали слышны звуки джунглей. Со всех сторон раздавалось шипенье и пронзительные крики уродливых рептилий, которые наводнили этот мир миллионы лет назад и господствовали в нем. На Земле был Юрский период — эпоха, составляющая примерно шесть процентов от истории планеты.

При приземлении тяжелого космического корабля почва содрогнулась, а когда все успокоилось, из-за группы высоких деревьев появился любопытный аллозавр, который пришел отдохнуть на дальнюю опушку рощицы. Своими сравнительно маленькими, но сильными передними лапами, которые редко или почти совсем не касались земли, он обхватил высокое, тонкое дерево,

чтобы удержать равновесие, и с недоверием уставился на странный предмет.

Казалось, плотоядная рептилия не замечала свежей раны в боку, из которой сочилась кровь. Время от времени она поворачивала голову, как птица, улавливая сотрясение земли. Пронзительный крик пролетающего археооптерикса, почти скрытого туманом, поднимающимся от теплой земли, на мгновение привлёк внимание огромного стражника. Не зная, заняться ли исследованием источника ужасающего жара или бросить этот блестящий неподвижный предмет и поохотиться в другом месте, чудовище замешкалось.

Вдруг голодный аллозавр почувствовал, как земля завибрировала под ногами каких-то доисторических воинов, ведущих битву за жизнь и еду. Этот сигнал и решил вопрос. Рептилия в мгновение ока забыла о металлическом прищельце, повернулась и направилась к месту борьбы. Морской ветерок доносил до ее ноздрей манящий запах крови.

Мощными задними ногами, почти такой же длины, как и тело, аллозавр делал огромные скачки и вскоре оказался на месте схватки.

Земля вздымалась и дрожала, когда вся окрестная живность помчалась к полю боя. Вскоре воздух наполнился пронзительными криками голодных чудищ юной планеты.

Битва разрасталась. Вот разъяренная рептилия разорвала на куски маленького охотника за падалью, который украл завоеванный кусок мяса, и закусила им. Сверху над ее головой в свою очередь щелкнули чьи-то мощные челюсти.

Более мелкие животные хватали куски мяса и стремглав бросались прочь, боясь, что у них отнимут добычу крупные особи, а те закреплялись на завоеванных позициях. Шум становился все сильнее, а голодные рты и пустые животы тем временем заполнялись пищей.

Кроваво-красное солнце село, отдавая дымящиеся леса во владение живущим в них ночным динозаврам. Металлический чужак лежал под призрачным светом величественной луны. Вдруг круглая дверь у самой зем-

ли скользнула в сторону, и из проема вышло небольшое существо. Дверь за ним немедленно закрылась.

Шлем с поднятым прозрачным забралом покрывал большую голову. Две пары рук и одна пара ног свидетельствовали о том, что существо, вероятно, произошло от какого-нибудь шестиногого животного. Короткое тело защищал толстый зеленый металлический панцирь. На толстом черном ремне висели две трубки, и одна из тонких рук существа лежала на них.

Странное существо просвистело несколько нот, которые можно было бы истолковать так: «Выходи. Сейчас холоднее, чем днем».

Дверь снова отодвинулась, и оттуда медленно и нерешительно вышли еще два подобных существа. Молчаливой группой они стояли у космического корабля и глядели вверх на планету Марс, висящую в небе, как красный драгоценный камень.

— Наша родная планета! Смотри, как она смотрит на нас! — просвистел тот, который первым вышел из корабля.

— Отсюда мы не можем видеть несчастные лица наших соотечественников, — ответил тот, кто вышел вторым.

— И все же, — заметил первый, — этот яркий мир вскоре станет необитаемым, и, возможно, весь наш род вымер бы, не обнаружь мы эту планету, пригодную для жизни! Наши ученые были правы, здесь для нас не будет слишком жарко; а ведь многие считали, что мы тут зажаримся. День, наверное, ненамного жарче ночи, так что в смысле климата планета нам подходит.

Воцарилось молчание, нарушаемое далекими криками рептилий, на которые эти существа не обращали ни малейшего внимания. Каждый был поглощен собственными мыслями — грустными мыслями. Их мир умирал, и отчаявшаяся раса искала более приспособленное для жизни место, где бы им ничто не угрожало. Наконец подходящая планета обнаружена. Но какие формы жизни существуют здесь?

— Атмосфера здесь чиста и незагрязнена бессмысленными войнами как в нашем мире. — Радостно просвистело третье существо. — Океанскую воду можно использовать в качестве горючего, а постоянно поднимающийся

ся пар – собирать и конденсировать в воду, пригодную для питья. Почва очень активна, а что касается большой силы тяжести, наши костюмы позаботятся об этом, пока мы не привыкнем. Когда взойдет солнце, мы посадим семена замечательного дерева кванкхинни и другие растения и посмотрим, принесут ли они на этой почве такие же вкусные, сладкие плоды, какие приносили на Марсе. Мы построим здесь укрепленный лагерь, ведь кто знает, что за существа населяют этот мир. А в первые часы рассвета корабль стартует на родную планету с хорошими новостями. Здесь останется небольшая колония, которая подготовит место для всей нашей расы.

Вернувшись от мечты к реальности, они огляделись и увидели темные джунгли, из которых доносились громкие звуки, и первое существо снова уверенно зашвистело:

– Зачем нам бояться зверей; мы хорошо вооружены и сможем защититься от безмозглых животных. Он коснулся трубок, свисающих с ремней антиперегрузочного костюма. – Что ж, пора будить остальных. Надо строить укрепления.

Всю ночь внутри летательного аппарата жужжали и вибрировали приборы. Работы продолжались и снаружи металлического чужака.

Вокруг песчаной посадочной площадки появилось множество глубоких ям. В них установили металлические столбы, извлеченные из небесной машины. Между столбами была натянута проволока, по которой пропустили электрический ток напряжением в тысячу вольт. Пришельцы отгородились от внешнего мира металлической крепостью.

Пришельцы работали за проволочным ограждением. Несколько охранников чутко вслушивались в каждый шум, доносящийся из-за электрической преграды.

От проволочного ограждения тянулись толстые изолированные провода для питания больших землеройных и сварочных машин самых различных форм. Одна из землеройных машин, ковш которой напоминал наклоненную лопату, врывалась глубоко в землю, ровной струей отбрасывая песок в сторону.

Тем временем жизнь за электрической стеной так же была ключом. Неподалеку от места приземления марсиан в смертельной схватке боролись две рептилии, одна за пищу, другая за саму жизнь. Травоядный динозавр, гора живой плоти, отчаянно отбивался от кровожадного, зловеще ревущего аллозавра. Жертва, в основном обитающая в болотах острова, гневно шипела на проворного обидчика. Согнанная со своих любимых мест, она была почти беспомощна против более энергичного хищника, поэтому старалась добраться до воды, в которой легче спастись от аллозавра.

С душераздирающим криком, словно устав от борьбы, рептилия развернулась, длинным мускулистым хвостом, составлявшим треть всего ее тела, сбила с ног танцующего вокруг нее противника и направилась к большому грязному озеру. Ужасный хищник проворно вскорчил и со зловещим ревом помчался за ней. Земля сотрясалась под их весом, когда оба с шумом исчезли во влажном лесу.

Тяжелодвигающийся травоядный диплодок, напоминающий бронтозавра, но более крупный и с исключительно маленькой головой, пробиралась сквозь лес, давя на ходу мелких гадов, которым не хватало проворства, чтобы убежать. Рептилия также направлялась к водоему, распложенному во внутренней части острова. По дороге она сделала остановку, чтобы поесть немного молодой, пышной травы и совершенно забыла об озере.

То там, то здесь сломанные деревья и кустарник напоминали о недавней прошедшей ожесточенной битве. Крупные насекомые пролетали или пробегали по лесу в поисках добычи. Везде кто-то или охотился, или за ним охотились, а иногда и то, и другое. Просто чудо, как некоторым существам удавалось дожить до зрелого возраста.

Возле широкого болота орды крошечных рептилий, недавно вылупившихся из яиц, затеяли свои детские игры. Детеныши с шумом бегали и пищали, по-своему радуясь жизни. Они жадно поглощали медлительных, неуклюжих насекомых и мелкую растительность. Иногда разгорались небольшие потасовки, в которых маленькие рептилии бились, царапались и катались по мягкой, теплой земле. При приближении своих более крупных собратьев они бросались врассыпную, прячась

в густой траве, а их писк терялся в общем шуме леса. Вдруг крупное насекомое мощными жвалами схватило детеныша и помчалось прочь, держа его, извивающегося, в своих железных тисках. Никто из маленьких рептилий, похоже, не заметил и не придал значения этому событию.

Недалеко от этого естественного инкубатора морозавр бросился в океан, чтобы спастись от большого плотоядного чудища, и поплыл вдоль берега. Его преследователь боялся соленой воды, однако настойчиво продолжал двигаться за ним по земле.

Вдруг преследуемая рептилия издала ужасающий крик; гигантская акула разорвала ее длинный хвост на части, одна из которых осталась в глубокой пасти акулы, а остальное ушло под воду, где тотчас расплылось огромное красное пятно. Неистово работая лапами, морозавр упал на бок, вытянув над водой длинную шею, и громко закричал. С кровавым обрубком хвоста он не мог добраться до земли, а если бы и сумел, там его с нетерпением поджидал голодный хищник.

Хотя морозавр никогда не плавал в опасных водах океана, инстинктивно предпочитая мелкие водоемы внутренней части острова, его крохотный мозг решил, что лучше рискнуть и спрятаться в океане, чем найти верную смерть в челюстях хищной рептилии. Однако теперь, ценой своей жизни он понял, почему всегда остерегался большой воды.

Умирающая рептилия барахталась в воде, а стаи хищных рыб осаждали ее тело, отрывая огромные куски мяса. Разочарованному хищнику на берегу ничего не оставалось, как удовольствоваться мертвой рыбой, и отправиться на поиски более доступной добычи.

А за проволочным ограждением чужаки продолжали свою работу. Толстые столбы, врытые в глубокие ямы, поддерживали легкую металлическую платформу, на которой возле большой электронной пушки стоял часовой. Вверху сооружался каркас второй платформы. В двух металлических бараках находились все припасы. Был возведен и третий барак. Зрелище освещалось тремя электрическими прожекторами.

Высокое, круглое строение, разделенное на множество комнаток, послужит жилищем остающейся ма-

ленькой колонии. Три землеройные машины вырыли в земле глубокие ямы, и несколько марсиан с маленькими контейнерами в руках приступили к химическому тестированию почвы.

Поблизости группа разумных чужаков срезала мелкую растительность и анализировала ее всевозможными приборами. Работа спорилась. Насекомые и даже мелкие рептилии не могли избежать их внимания. Тщательно исследовав внешний вид незнакомых существ, марсиане препарировали их к немалому возмущению изворачивающихся тварей.

Работа шла методично, и каждый марсианин точно знал, что должен делать. Чужеземная группа работала без устали, стараясь приспособить эту планету для своих нужд – и эти планы шли вразрез с планами Природы.

Неземные существа с удивлением почувствовали, как завибрировала земля, и эта вибрация исходила не от приборов. Толчки усилились; их причиной, по-видимому, было какое-то новое существо, приближающееся к ним.

Хотя чужаки продолжали работать, они гораздо чаще поднимали головы, а вооруженные охранники еще больше насторожились. Их трехпалые руки покоились на тепловых излучателях, чтобы моментально среагировать на опасность.

Из-за ближайших деревьев появилась змеевидная голова на тонкой шее. Лесные гиганты зашатались, и массивное тело выбралось наружу. На горе плоти ярко сверкали отблески электрических огней. Крошечные глазки на нелепо маленькой голове, находящейся на высоте примерно двадцати пяти футов над землей, неотрывно смотрели на пришельцев из другого мира.

Бронтозавр приблизился, чтобы «познакомиться» с этими существами. Приборчик на голове у марсианина зажужжал, затем замолчал, когда повернули выключатель.

– Никакого разума, – просвистел марсианин.

По этому сигналу десятки тепловых излучателей мгновенно пришли в действие. Яркие красные огоньки ужалили сорокотонную рептилию. На поверхности ее тела появились черные следы ожогов. Гневно зашипев, рептилия все-таки подошла к проволочному барьеру.

Охранник на металлической платформе громко свистнул и опустил прозрачное забрало шлема. Группа марсиан внизу проделала то же самое. Не успели они закончить, как заработала пушка, так как тепловые лучи, похоже, не возымели на атакующую рептилию должного действия, а жизненно важное проволочное ограждение находилось под угрозой, марсианам пришлось прибегнуть к последнему, самому страшному оружию.

С душераздирающим ревом, от которого буквально содрогнулся близлежащий лес, а сотни его обитателей приникли к земле, невидимый поток электронов, вырвавшийся из дула пушки, поразил огромного бронтозавра. Рептилия остановилась, как вкопанная, открыла рот, чтобы завывать от боли, но из ее гигантской пасти не вырвалось ни единого звука. Ее тело начало медленно зеленеть. Затем ужасный динозавр превратился в массу копошащихся зеленых червей!

При этой метаморфозе грохот электронной пушки прекратился, и внезапно наступившая тишина показалась оглушающей. Но затем шум рептилий снова начал заполнять влажный воздух.

Мягкий удар оземь, и зеленые массы посыпались на проволоку, а большое яркое пламя осветило окружающий лес. Накаленная проволока убивала червей и превращала их в угли.

Электронная пушка, испускавшая поток свободных электронов, вызывала в организмах сильные молекулярные метаморфозы, а при правильном применении даже могла формировать из облученного организма новые модификации. Если же увеличить мощность пушки, можно было воздействовать и на неорганические соединения.

Под весом упавших червей проволока порвалась, и возникла опасность короткого замыкания. Ремонт проволоки начался немедленно.

— И для этого нам пришлось столько пролететь! — с неприязнью просвистел один из работников. Обрывком провода ему повредило руку, и сейчас из глубокой раны сочилась голубая жидкость.

На Марсе воздух был таким разреженным, что его жителям приходилось громко и пронзительно свистеть, чтобы услышать друг друга. Постепенно их органы слу-

ха адаптировались к высоким тонам и поэтому не воспринимали часть земных звуков.

— И все же это лучшее, что мы могли найти! — присвистнул один из работников, на мгновение остановивший свою землеройную машину. — На самом деле, мы не предполагали, что этот мир окажется для нас настолько приемлемым; здесь даже есть животные, хотя растительность несъедобна. Смерть нам здесь не грозит, и молодежь вырастет счастливой на новой родине. Разве это не лучше, чем медленная смерть на Марсе?

— Да, это, конечно, лучше, и намного! — весело присвистнул тот, кто ремонтировал разорванную проводку. — Создадим на этой планете первую колонию, а вскоре здесь окажется вся наша раса. Разве для этого не стоит как следует постараться?

Охранник, перезаряжавший тепловой излучатель, решил направить дискуссию в новое русло.

— Интересно, а как дела у разведчиков, засланных на две другие планеты?

Так как все были заняты работой, никто не удостоил его ответом. Притаившиеся невдалеке рептилии своим громким ревом делали ночь поистине ужасной. Правда, многие марсиане ничего не слышали, так как оглохли при выстреле электронной пушки. Однако это не слишком им мешало, потому что большинство умело определять чье-либо приближение по колебаниям почвы.

И вот колебания почвы снова возвестили о приближении какого-то чудища, и марсиане напряглись. На опушке леса появился динозавр поменьше. Передатчик мыслей выдал информацию о том, что непрощенный гость также не обладает разумом.

Морозавр пристально разглядывал чужаков; для него они были лишь крошечными букашками, которые при его приближении должны почтительно замереть. Он смотрел на странный, круглый космический корабль. Возможно, это какое-то яйцо? Возможно, оно вкусное?

Марсиане не обращали на него внимания в надежде, что любопытная рептилия удалится или, по крайней мере, не станет им досаждать. Неразумно попусту тратить снаряжение на гадов, которые не причиняют им

вреда. Но охранники были настороже и напряженно держали руки на тепловых излучателях на тот случай, если морозавр проявит излишнюю назойливость.

— Смотрите, — присвистнул один марсианин, — у него большая голова, хотя сам он меньше, чем первый. Он что, тоже хочет обследовать наше гнездышко?

Внезапно поблизости оказались еще два чудища, появившиеся с разных сторон. Марсиане были настолько поглощены морозавром, что, если бы не бдительность охранника, они бы не заметили приближения новых гостей. Теперь все взоры повернулись к ним, и трио было тщательно обследовано на предмет неконтролируемого любопытства к «гнездышку» марсиан.

У каждого гостя имелась своя цель. Проголодавшийся аллозавр учуял морозавра. Путь нелепого стегозавра к любимым пастбищам проходил именно по этому участку земли.

Рептилии, казалось, никогда не отдыхали. Ночью тепло, исходящее от земли, не давало им заснуть, а днем горячее солнце стимулировало их активность. Отдыхали они, если вообще когда-нибудь отдыхали, там и тогда, когда у них возникало это желание.

С торжествующим криком аллозавр набросился на морозавра, который повернулся к хищнику мощным хвостом, защищая свое длинное тело. Аллозавр закружил около жертвы, ища выгодную позицию для атаки и стараясь не попасть под удар хвоста. Их тяжелые шаги сотрясали мягкую землю, а марсиане с ужасом наблюдали за величественным поединком.

Длинный хвост морозавра ходил во все стороны, давя подлесок, а тяжелые ноги сбивали стволы и валили их на землю. Земля содрогалась от пляски двух доисторических гигантов, и все окрестные твари, где бы они ни были, знали о схватке.

Зажатые в доисторическом клинче, оба участника поединка упали на землю, с шумом ломая деревья. Когда они расползались, становилось видно, что у обоих течет кровь, но в остальном они невредимы — во всяком случае, на первый взгляд. Мощные когти хищника вонзались в травоядную рептилию, а та орудовала хвостом, не давая покоя противнику. Желудок аллозавра уже терял терпение, когда удача, наконец, улыбнулась ему.

По мере того, как битва разгоралась, стегозавр, прежде чем отреагировали марсианские охранники, чтобы остановить его, внезапно испугавшись чьих-то шагов сзади, бросился на электрическое ограждение и с ужасающим криком превратился в обугленную массу плоти и роговых пластин, при падении разорвав несколько линий проводов.

Выключив ток, группа марсиан немедленно принялась латать новую брешь, а остальные с интересом наблюдали за борющейся парочкой в полной уверенности, что тепловые трубки позволят им удержать гигантов подальше от проволочного заграждения.

Даже в самых дерзких мечтах марсиане не могли вообразить существование подобных чудищ. Они понимали, что их оружие окажется бесполезным, если те нападут все вместе. И все же, положение чужаков не было безнадежным, потому что они, предвидя неожиданные ситуации, кроме одной собранной электронной пушки захватили с собой части для второй. Похоже, электронная пушка была единственным оружием, достаточно мощным, чтобы сдерживать ужасных хозяев этого мира.

Помня об этом, один из чужаков несколько раз тихо присвистнул, и небольшая группа марсиан отделилась от зевак и скрылась в космическом корабле, где находились запасные части и инструменты, с помощью которых можно было собрать еще одну пушку.

Услышав крик стегозавра, морозавр удивленно повернул голову. Это дало аллозавру шанс; он прыгнул на своего травоядного противника и вонзил сильные зубы в длинную шею жертвы. Хвост морозавра безуспешно щелкал по боку хищника. Аллозавр терзал живую плоть отчаявшегося морозавра, который еще пытался сопротивляться. Но вот челюсти аллозавра замкнули в смертельные тиски шею жертвы, там, где она была тоньше всего.

Группа пришельцев, затаив дыхание, наблюдала за битвой гигантов. Земля была испещрена глубокими следами тяжелых ног; растительность помята и поломана, почти так же, как если бы по ней прошла электронная пушка. Но самая большая опасность этого поедин-

ка заключалась в том, что из леса на поляну поползли вечно голодные хищники и насекомые.

Земля вновь затряслась под тяжестью наступающих тварей, чьи желудки жаждали мяса — мяса, в которое превратился умиравший морозавр. Травоядный гигант в смертельной агонии тащил своего победителя к проволочному заграждению, которое было обесточено из-за начавшегося ремонта.

Увлеченные поединком, потерявшие бдительность марсиане, ожидали, что морозавр умрет, по крайней мере, от потери крови, а вместо этого оба противника прорвали заграждение и налетели на космический корабль. Тот пошатнулся, накренился и обрушился на бок.

Марсиане направили на дерущихся тепловые лучи. Но это не помогло. Во второй раз за ночь раскатисто загрохотала электронная пушка, оглушив всех присутствующих.

Если не считать бронтозавра, из электронной пушки никогда не стреляли по такой огромной органической мишени. Обычно целями для стрельбы служили вражеские космические корабли или марсианская почва, превращаемая в какой-нибудь полезный металл.

После того, как аллозавр превратился в извивающийся клубок зеленых червей, марсиане тепловыми лучами сожгли омерзительные остатки. Но со всех сторон леса на песчаную поляну уже выползала орда голодных тварей. Около сотни животных прорвалось сквозь обесточенную проволочную защиту. Хладнокровные чудовища с пустыми желудками от мала до велика накинлись на чужаков, словно обвиняя их в попытке вырвать у Природы не принадлежащий им мир.

Шипя и пронзительно крича, они вначале набросились на мертвого, но не изменившегося морозавра. Снова загрохотала электронная пушка, и Ад разверзся. Пушка легко заглушила остальные звуки, поэтому казалось, что рептилии лишь бесшумно раскрывали рты. Будь у охваченных паникой тварей больше мозгов и меньше желудки, они бы в панике разбежались от ужасающего грохота пушки, но сейчас они бесстрашно продолжали давить себе подобных, видя перед собой гору свежего мяса.

Как по мановению волшебной палочки, среди них появились отвратительные зеленые черви, на которых незамедлительно набросились голодные насекомые, также сбежавшиеся на запах крови. Большой летающий жук спикировал и вонзил жвалы в шею одного из марсиан, тот упал замертво. Крохотная хищная рептилия схватила другого марсианина за ногу и с легкостью откусила ее, а чужак, свистя в агонии, уполз прочь. Проекторы потухли, и только свет луны и звезд освещал воцарившуюся сумятицу.

Мучительные вопли, крики умирающих, свист чужаков и топот ног, все заглушалось грохотом электронной пушки, поражавшей рептилию за рептилией и тотчас же их преображавшей. К счастью для голодных тварей, вторую электронную пушку собрать не успели, так как космический корабль был перевернут набок умирающим морозавром.

Тепловые излучатели сияли режущими, жгущими, рубящими лучами, но этого было недостаточно. Внезапно замолчала электронная пушка: какое-то насекомое незаметно для охранника забралось внутрь и его мертвое тело нарушило работу механизма. Когда стих голос пушки, снова стали слышны крики торжествующих рептилий.

Один из марсиан, затерявшийся среди дерущихся животных, был разорван на куски насекомыми, очень легко пронзавшими его тонкую кожу. Его тело превратилось в кровавую массу, привлекающую внимание остальных тварей. Большая груда отвратительных зеленых червей напала на стаю насекомых, жадно поглощающих тело марсианина.

Крики зверей и свист марсиан смешались в воздухе в один душераздирающий вопль. Мечущиеся тела заполняли пространство, только что бывшее посадочной площадкой чужаков. Рептилии боролись друг с другом и марсианами.

Пришельцы сделали попытку вернуться на корабль, но никто не успел добежать до люка. Оставшиеся в живых марсиане, окруженные голодными тварями, предприняли попытку спастись. Собравшись вместе и приготовившись к обороне, они направили тепловые лучи на врагов. Но внезапно сверху на них свалилось окро-

вавленное тело какого-то животного, совершившего отчаянный прыжок из-за спин своих собратьев. Оно и раздавило последних пришельцев.

После смерти последнего разведчика марсианской расе пришлось считать третью от Солнца планету непригодной для жизни, хотя они так и не узнали почему.

А на поле битвы пришли другие животные, и вокруг металлического цилиндра из другого мира разгорелись многочисленные драки. Раненые истекали кровью, массы зеленых червей кишели среди насекомых, а те уничтожали останки неземных пришельцев.

Утром солнце, как обычно, поднялось и с присущим ему достоинством величественно осветило теплую землю. Там, где ночью пришельцы установили электрический барьер, теперь покоились груды костей и тела мертвых животных, свидетельствующие о дикости обитателей этой юной планеты. То здесь, то там лежали круглые черепа марсианин, говорящие о разуме, казалось, здесь покоятся предтечи существ, которые через миллионы лет будут править Землей.

Глупые земные твари сохранили планету для господства разума, которое наступит через целую вечность.

КОСМОС – ИНДУСТРИИ

Согласно более или менее общепринятому мнению, когда человечество достигнет достаточных успехов в космической технологии, начнется освоение планет, и все будущие усилия будут направлены на освоение Марса, Венеры, Луны, а затем и планет других звезд.

Возможно, в конце концов так и будет. Но... сейчас мне кажется, что мы недооцениваем иную возможность.

По моему мнению, главным направлением развития индустрии, основанной на космической технологии, станет не освоение иных планет – но самого космоса. Я считаю, что главным применением космической технологии должно стать создание громадных промышленных комплексов, постоянно находящихся в космосе, где-то между Марсом и поясом астероидов.

Прежде всего мы никогда не сможем освоить космос, пока в нашем распоряжении не окажется нечто намного превосходящее по своим возможностям нынешние ракеты.

Таким образом, ракеты можно исключить из рассмотрения; они изначально непригодны в качестве промышленного инструмента. Они намного менее эффективны в качестве транспортного средства, чем вертолет, — а ведь никто не предполагает использовать вертолеты в качестве основы промышленной транспортной системы.

Так что любое промышленное использование космоса предполагает наличие космического двигателя, не являющегося ракетным. По крайней мере, это должно быть нечто, способное поднимать и перемещать тонны груза с практической экономической эффективностью тяжелого грузовика. Даже ядерные ракеты для этого не годятся; из-за проблемы реактивной массы даже ядерная ракета вынуждена стартовать с гигантским грузом, который попросту должен быть выброшен по дороге.

Итак: представим себе, что у нас есть некоторая разновидность настоящего космического двигателя. Не важно, каков принцип его действия — это может быть антигравитация или что-то еще. Мы имеем космический грузовик — а не ненадежную и сверхдорогую ракету. Он в состоянии перевозить тонны груза и работать в течение многих лет.

Станем ли мы осваивать Марс и/или Венеру?

А зачем?

То, чем люди пользуются, и в чем больше всего нуждаются, — это металлы, энергия и пища. Можно с абсолютной уверенностью утверждать, что ни одно земное пищевое производство не сможет экономично существовать ни на Марсе, ни на Венере... если только не изолировать его полностью от внешней среды. Металлы на этих планетах могут присутствовать в большом количестве; можно предположить, что Марс красный оттого, что он представляет собой сплошной кусок природного железа, покрывшегося на поверхности слоем ржавчины толщиной в шесть дюймов.

Кому это нужно? Зачем тащить железо из гравитационного поля Марса, если оно свободно плавает в поясе астероидов? Если мы собираемся выращивать пищу в замкнутых системах каждый раз, покидая Землю... почему бы не делать это там, где невесомость позволяет создать замкнутую систему дешево, легко и быстро?

И в то время как земные формы жизни могут не слишком хорошо чувствовать себя на этих планетах... местные формы жизни очень быстро могут приспособиться жить за счет нас. Зачем тратить усилия на борьбу с ними? В космическом городе будут лишь те формы жизни, которые мы выберем сами.

А энергия?

Тяжелая промышленность всегда развивалась при наличии трех факторов: дешевого сырья, легкого доступа к рынкам сбыта и дешевых источников энергии. В доиндустриальные времена дешевый источник энергии естественным образом означал дешевое питание для мускулов, животных или человека. Несколько позднее это стало означать энергию воды, а сейчас это означает топливо.

Усилия нынешних исследователей направлены на получение управляемой реакции термоядерного распада, так что потребности растущей промышленности в энергии могут быть удовлетворены.

В космосе эта проблема уже решена. Солнце производит энергию в течение миллиардов лет – и единственная причина того, что мы не можем использовать ее на Земле, состоит в том, что стоимость установки, необходимой для концентрации солнечного излучения, слишком велика.

Итак, давайте представим себе завод Астероидной Стальной Компании номер 7. Он находится на около-солнечной орбите, на расстоянии примерно в миллион миль дальше от орбиты Марса. Достаточно близко – в пределах ста или двухсот миль – движется по той же орбите десяток энергонакопителей. Они не выдерживают долго – всего лишь несколько месяцев – но они дешевы и просты в изготовлении. Смешивается несколько сотен фунтов синтетических веществ, и пока идет процесс полимеризации, в густую массу закачивается несколько галлонов водяного пара. Через час процесс за-

вершается, и из толстой пластиковой пленки формируется пузырь диаметром в полмили. Внутри пузыря через его стенку входит человек, помещает внутрь него термитную бомбу и снова выходит. Несколько секунд спустя пузырь превращается в сферическое зеркало. Еще несколько манипуляций, и получаются два зеркала диаметром в полмили, повернутых к Солнцу, — общей стоимостью примерно в тысячу долларов. К ним должно быть прикреплено небольшое устройство, которое не давало бы им улететь в космос под давлением отражаемых ими солнечных лучей и поддерживало бы их в оптимальном положении.

Луч — даже не слишком хорошо сфокусированный — одного из этих солнечных зеркал может за один прием разрезать астероид. Подтолкнем астероид к лучу, встанем сзади и схватимся за другой его конец. Итак, он сам толщиной в полмили? Ну и что? Несколько проходов луча, и никелево-стальной сплав начинает испаряться. Энергия дешева; мы получили не требующий никаких затрат термоядерный реактор, дающий нам всю необходимую энергию, и накопители энергии, которые почти ничего не стоят.

Мы получаем высококачественную никелевую сталь; другие металлы, естественно, доступны путем обычной вакуумной перегонки! Нарезанная на удобного размера куски, она может быть затем подвергнута любой обработке — прокату, ковке, литью и так далее, на станках Завода номер 7. Завод, конечно, построен из дешевого местного металла; лишь самые основные точные инструменты были когда-то доставлены с Земли. С тех пор они давно пришли в негодность и выброшены за ненадобностью.

Сам завод оборудован несколькими зеркалами, снабжающими его необходимой электроэнергией. В конце концов, когда над головой висит бесплатный термоядерный реактор, никто не собирается рисковать, устанавливая ядерную энергостанцию на заводе.

Пищевые растения, естественно, нуждаются в свете — и они получают его в точности в требуемом количестве. Прямые солнечные лучи здесь слишком слабы? Пластиковая пленка с алюминиевым покрытием почти ничего не стоит.

А третьим фактором развития тяжелой промышленности является, естественно, легкий доступ к рынкам сбыта. Это так легко! Без каких-либо затрат доступно любое место на Земле! Какой бы космический двигатель ни был создан, почти наверняка он допускает некоторую разновидность «динамического торможения» – а всегда легче избавиться от энергии, чем получить ее. Движение от пояса астероидов до поверхности Земли все время идет словно под гору – сначала под воздействием гравитационного поля Солнца, затем Земли.

Отсюда следует молниеносная доставка мегатонных грузов в любую точку Земли, со столь же низкими затратами. Из космоса открывается легкий доступ ко всем рынкам!

Тем временем Солнечная Химическая Корпорация разместила свои производства несколько иначе. Высадка на Юпитере, естественно, невозможна для человека – но достаточно легко можно выйти на эксцентрическую орбиту, касающуюся внешних слоев атмосферы планеты. С точки зрения энергии это ничего не стоит. В зависимости от типа двигателя, эта проблема может решаться различными способами.

Проблема, естественно, состоит в том, что атмосфера Юпитера представляет собой гигантскую массу органического химического сырья – метана, аммиака и водорода, а также, вероятно, большого количества водяной пыли.

Во всяком случае, если Юпитер не станет источником извлекаемого из воды кислорода, им могут стать астероиды – как кремниевые соединения. Кроме того, предполагается, что кольца Сатурна состоят в основном из частиц льда.

Солнечные зеркала, естественно, менее эффективны в окрестностях Юпитера – но Солнечной Химической Корпорации не нужно расплавлять астероиды. Их энергетические требования более скромны.

Вероятнее всего, человечеству хватит углеводородных ресурсов, извлекаемых из атмосферы Юпитера, на ближайшие несколько миллионов лет. А есть еще Сатурн, Уран, Нептун...

Мы лишь начинаем осознавать потенциальные возможности плазмы и что можно сделать с невероятно го-

рячими газами в магнитных полях в условиях почти полного вакуума. Космос является местом, где мы сможем узнать обо всем этом больше – и, в частности, мы уже узнали с помощью наших ракетных зондов, что непосредственные окрестности магнитных планет крайне опасны.

Открытый космос может оказаться несколько более полезным для здоровья, чем мы себе представляем. А если возникнут некоторые трудности – создать наше собственное доморощенное магнитное поле не так уж и сложно. Особенно когда в нашем распоряжении мегатонны никелевой стали! И стоит учесть, что вовсе необязательно строить космические заводы – может оказаться более разумным вырубать их внутри астероидов.

Метеориты, достигающие Земли, конечно, почти полностью состоят из распространенных кремниевых соединений и железо-никелевого сплава. Однако Земля, насколько известно, тоже почти полностью состоит из этих же веществ. Тем не менее вокруг немало меди, серебра, свинца, тантала, титана, вольфрама, молибдена и других металлов. Вероятно, они содержатся и в астероидах.

Поскольку кремниевые метеоры широко распространены, мы можем ожидать практически неограниченного количества сырья для производства стекла в космосе. На Земле вакуумная возгонка вряд ли является практичным методом для разделения компонентов горной руды; в космосе, однако, вакуумная возгонка намного более экономична, чем обработка в различных водных растворах. На Земле процессы с использованием высоких энергий слишком дороги; использование растворов относительно дешево. В космосе, когда в нашем распоряжении энергия целой звезды, возникнут совершенно новые понятия химии высоких энергий. Атмосфера Юпитера станет источником дешевого углерода для создания графитных компонентов оборудования.

В сущности, мы можем создавать свои собственные солнечные вспышки – наши собственные вихри солнечных пятен, – впрыскивая газ в сфокусированный луч полумильного зеркала, двигаясь не поперек, но вдоль луча. Эффект светового давления сам по себе должен

привести к выбросу газа с высокой скоростью, эквивалентной нескольким десяткам тысяч градусов.

Вот все мотивы для развития тяжелой промышленности в космосе.

А с другой стороны – что могут предложить планеты?

Земля, конечно, находится в уникальной ситуации; мы эволюционировали в ее среде. На планетах открытое небо вместо стен, и естественная гравитация вместо постоянного вращения. Они являются тем местом, где человечество хотело бы жить, – и в частности, им остается Земля.

Верно... и нынешнее человечество хотело бы жить в сельской местности, с акрами холмов, бегущими ручьям и густыми лесами, в окружении лошадей и собак.

Это стремление столь сильно, что, по крайней мере в окрестностях Нью-Йорка, в радиусе семидесяти пяти миль от города, вам могут продать сооружение, которое фермер из Айовы считал бы убогим курятником за сорок пять долларов, как «летний домик». Все, что нужно – пруд, переименованный в озеро Гитчигуми, в пределах мили или около того.

О, вам не мешало бы увидеть прекрасные, ничем не замутненные ландшафты Западной Ирландии! Озера, которые не имеют ничего общего с прудами, и ни одного дома рядом. Там не нужна водная полиция, чтобы регулировать движение лодок по одному из трехмильных «озер».

Вот только... кто может позволить себе перебраться из Нью-Йорка в Ирландию?

Что ж, о космических городах можно с уверенностью сказать одно. Там не будет проблемы со смогом.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Балабуха. ПРОРОК ЗОЛОТОГО ВЕКА, или ДЕЛАТЕЛЬ КОРОЛЕЙ	5
ИЗ МРАКА НОЧИ	23
ИЗ МРАКА НОЧИ (пер. Г. Подосокорской)	25
ПРИШЕЛЬЦЫ	111
ПРИШЕЛЬЦЫ (пер. К. Плешкова)	113
МЯТЕЖ (пер. К. Плешкова)	131
ПОСЛЕДНЯЯ ЭВОЛЮЦИЯ (пер. К. Плешкова)	160
МАШИНА (пер. К. Плешкова)	172
СУМЕРКИ (пер. К. Плешкова)	188
ПОХИТИТЕЛИ МЫСЛЕЙ (пер. И. Хохловой)	206
РАЗДВОЕННЫЙ МОЗГ (пер. И. Хохловой)	229
СЛЕПОТА (пер. К. Плешкова)	259
РАЗВИЛКА (пер. И. Хохловой)	278
ЛУННЫЙ АД	297
ЛУННЫЙ АД (пер. Я. Забелиной)	299

НЕЧТО	413
НЕЧТО (пер. С. Сенагоговой)	415
ТРАНСПЛУТОН	475
ГОЛОС ИЗ ЭФИРА (пер. И. Хохловой)	477
ТРАНСПЛУТОН (пер. С. Сенагоговой)	505
ГЛУБИНА (пер. И. Хохловой)	522
ТРЕБУЮТСЯ РЕЦИДИВИСТЫ	
(пер. И. Хохловой)	554
ПОБЕДИТЕЛЬ (пер. М. Райнер)	566
ВХОДНАЯ ПЛАТА (пер. И. Хохловой)	577
КРАЙ СВЕТА (пер. И. Хохловой)	593
ИЗ СУБВСЕЛЕННОЙ	
(пер. М. Райнер)	602
ОДНА ДОИСТОРИЧЕСКАЯ НОЧЬ	
(пер. М. Райнер)	610
КОСМОС -- ИНДУСТРИИ	
(пер. К. Плешкова)	623

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ"

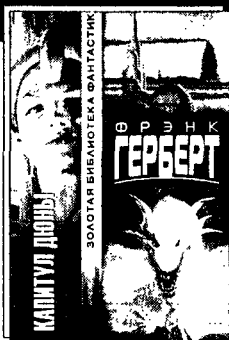

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко - и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Восильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор - все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, д/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ДЮНА

В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:
«Дюна»

«Мессия Дюны»

«Дети Дюны»

«Бог-Император Дюны»

«Еретики Дюны»

«Капитан Дюны»

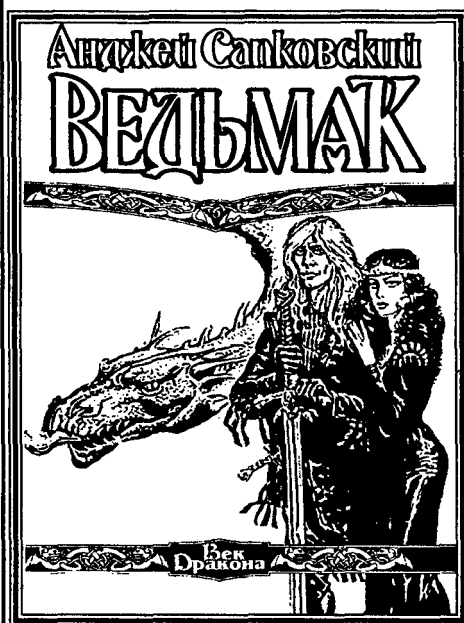
Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевинном Андерсоном создает трилогию «Прелиюдия к Дюне». Узнайте иредысторию стоиь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в начале 2001 года в серии «Золотая библиотека фантастики»
первый роман трилогии — «ДОМ АТРЕЙДЕСОВ»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ВЕК ДРАКОНА"

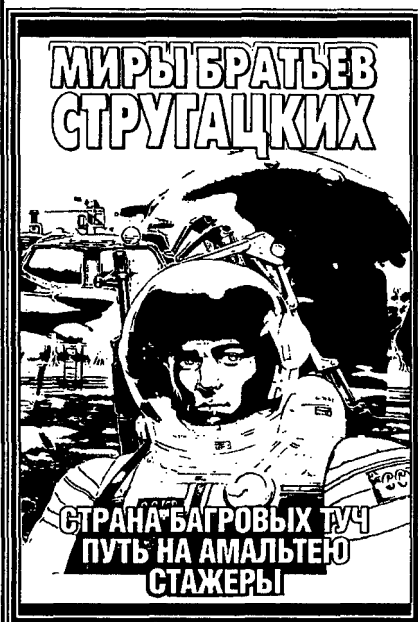
В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.

"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невероятные страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, д/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ

"МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ"

Братья Стругацкие... Их знают не только те, кто любит фантастику. Магии книг братьев Стругацких подвластны самые разные люди - независимо от возраста, образования, убеждений. На этих книгах выросло не одно поколение читателей. Каждый находит в них что-то для себя, каждый черпает из них что-то свое, словно бы предназначенное именно для него. Братья Стругацкие - это "знак качества", фирменная марка, символ и идеал, к которому так хочется стремиться.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140 АСТ - "Книги по почте".
Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Это книги, написанные по мотивам самого знаменитого телесериала планеты, бесценный подарок для всех, кто верит, что мир паранормального ежесекундно сталкивается с миром нормального. Монстры и мутанты, вампиры и оборотни, компьютерный разум и пришельцы из космоса — вот с чем приходится иметь дело агентам ФБР Малдеру и Скалли, специалистам по расследованию преступлений, далека выходящих за грань привычного...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СТИВЕН КИНГ

Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произведениям. Каждая из книг этого гениального автора — новый мир ледящего кошмара, новый лабиринт ужаса, сводящего с ума.

Читайте Стивена Кинга — и вам станет по-настоящему страшно!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Вы — поклонник «черной литературы» —
мистики, ужасов, «темных фэнтези»?

Тогда не пропустите книги новой серии
«Темный город»!

В этой серии вышли:

Антология **«Темная любовь»** — двадцать две истории страсти-Одержимости, страсти-Кошмара. Двадцать две истории Безумия, Боли, Безнадеги, которые дарят вам лучшие мастера современной литературы ужасов, от неподражаемого Стивена King до элитарной Кейт Коджа и обжигающего Джона Пейтона Кука.

Антология **«Холод страха»**, которую составляют рассказы, представляющие собой всевозможные направления «литературы ужасов» — от классической ее формы до психологического саспенса, изящного «вампирского декаданса» и черного юмора, от ранее никогда не публиковавшейся в России новеллы Стивена King — до ироничного ужасика Мервина Пика.

«Запретный плод» и **«Смеющийся труп»** Лорел К. Гамильтон — первые две книги одного из самых культовых «вампирических» сериалов мира, стильные, пряные и эффектные хроники бытия «тех, кто охотится в ночи», и тех, кто посвятил свою жизнь изысканному и опасному искусству охоты на «ночных хищников».

«Дом» — первый роман блистательного Бентли Литтла, любимца Стивена King. История страха, крови, смерти. История людей, вырвавшихся из ада — и по собственной воле в ад вернувшихся.

«Кровавая купель» Саймона Кларка — роман, который потрясает не только воображение, но и душу. Воскресным утром мир рухнул. Апокалипсис наступил. И выживут только юные. Только прошедшие очищение в кровавой купели войны и убийства.

Следите за серией «Темный город»!

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

107140, Москва, а/я 140 АСТ — «Книги по почте»

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научна-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Варонин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Такарева, Эдуард Тапаль, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81
(магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Литературно-художественное издание

Кэмпбел Джон

Лунный ад

Художественный редактор О.Н. Аласкина

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Учтено в издательстве

№ 77.99.14.953.П.12850.7 00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»

Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.

674460, Читинская область, Агинский район.

п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.01.
220040, Минск, ул. М. Богдановича, 155 — 1204.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300.

Республиканское унитарное предприятие

«Издательство «Белорусский Дом печати».

220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Джон Вуд Кэмпбелл по праву считается одной из значительнейших фигур «золотого века фантастики». Сам он написал немного — зато стал «литературным отцом» Айзека Азимова, Лайона Спрэг де Кампа, Лестера дель Рея, Пола Андерсона — и еще многих, многих авторов, что теперь признаны абсолютными классиками жанра, но в свое время буквально выросли под крылом редактировавшего Кэмпбелом журнала «Поразительная научная фантастика». Журнала, который, что называется, создал «стиль и почерк» классической американской фантастики — однако почти не оставил Кэмпбелу времени для самостоятельного творчества. Почти... потому что лучшее из кэмпбеловского наследия и сейчас воспринимается так, словно было создано еще вчера. Примеров тому достаточно, но самый яркий из них — повесть «Нечто». Хотя бы потому, что фильм, снятый по ней, смотрел — и продолжает смотреть — весь мир.

ISBN 5-17-005860-8

9 785170 058600